THE BEST OF
ОДНАЖДЫ НА КРАЮ ВРЕМЕНИ
МАЙКЛ СУЭНВИК
АЗБУКА
18+

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

С восьмидесятых годов практически любое произведение Майкла Суэнвика становится событием в фантастической литературе. Твердая научная фантастика, фэнтези, киберпанк – на любом из этих направлений писатель демонстрирует мастерство подлинного художника, никогда не обманывая ожиданий читателя. Это всегда яркая, сильная и смелая проза, всякий раз открывающая новые возможности жанра. Надо думать, каминная полка писателя уже прогнулась под тяжестью наград: его произведения завоевали все самые престижные премии: «Небьюла», «Хьюго», Всемирная премия фэнтези, Мемориальные премии Теодора Старджона и Джона Кемпбелла, премии журналов «Азимов», «Локус», «Аналог», «Science Fiction Chronicle». Рассказы, представленные в настоящей антологии, – подлинные жемчужины, отмеченные наградами, снискавшие признание читателей и критиков, но, пожалуй, самое главное то, что они выбраны самим автором, поскольку являются предметом его законной гордости и источником истинного наслаждения для ценителей хорошей фантастики.

- Майкл Суэнвик
  -
  - Предисловие автора
  - Празднество святой Дженис
  - Гинунгагап
  - Троянский конь
  - Зимняя сказка
  - Край мира
  - Яйцо грифона
  - История подменыша
  - К северу от Дидди-Ва-Дидди
  - Между небом и землей
  - Мертвый
  - Мать Кузнечик
  - Светящиеся двери
  - Как пульс размеренный машины бьется[27]
  - Свободомыслящие
  - Скерцо с тираннозавром
  - Цыганский вор
  - Пес сказал «гав-гав»
  - Медленная жизнь
  - Хронолегион

    - Лето с трицератопсами
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36
    - 37

Майкл Суэнвик
Однажды на краю времени (сборник)

The Best of Michael Swanwick. Copyright © 2008 by Michael Swanwick
"Introduction" Copyright © 2008 by Michael Swanwick
"The Feast of Saint Janis" Copyright © 1980 by Michael Swanwick
"Ginungagap" Copyright © 1980 by Michael Swanwick
"Trojan Horse" Copyright © 1984 by Michael Swanwick
"A Midwinter's Tale" Copyright © 1988 by Michael Swanwick
"The Edge of the World" Copyright © 1989 by Michael Swanwick
"Griffi n's Egg" Copyright © 1991 by Michael Swanwick
"The Changeling's Tale" Copyright © 1994 by Michael Swanwick
"North of Diddy-Wah-Diddy" Copyright © 1995 by Michael Swanwick
"Radio Waves" Copyright © 1995 by Michael Swanwick
"The Dead" Copyright © 1996 by Michael Swanwick
"Mother Grasshopper" Copyright © 1997 by Michael Swanwick
"Radiant Doors" Copyright © 1998 by Michael Swanwick
"The Very Pulse of the Machine" Copyright © 1998 by Michael Swanwick
"Wild Minds" Copyright © 1998 by Michael Swanwick
"Scherzo with Tyrannosaur" Copyright © 1999 by Michael Swanwick
"The Raggle Taggle Gipsy-O" Copyright © 2000 by Michael Swanwick
"The Dog Said Bow-Wow" Copyright © 2001 by Michael Swanwick
"Slow Life" Copyright © 2002 by Michael Swanwick
"Legions in Time" Copyright © 2003 by Michael Swanwick
"Triceratops Summer" Copyright © 2006 by Michael Swanwick
All rights reserved

© Е. Зайцев, перевод, 2015
© Д. Кальницкая, перевод, 2015
© И. Колесникова, перевод, 2015
© А. Комаринец, перевод, 2015
© Е. Королева, перевод, 2015
© Н. Кудрявцев, перевод, 2015

© В. Кулагина-Ярцева, перевод, 2015
© Н. Магнат, перевод, 2015
© Ю. Мининберг, перевод, 2015
© Т. Перцева, перевод, 2015
© С. Силакова, перевод, 2015
© Г. Соловьева, перевод, 2015
© Ж. Терехина, перевод, 2015
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие автора

Однажды осенним днем полжизни тому назад я заглянул в гости к своему другу Джеку Данну, жившему в Бингемтоне, штат Нью-Йорк. Это случилось задолго до того, как он переехал в Австралию. В тот день, пребывая в хмуром настроении, он обвел рукой длинные полки, заставленные экземплярами всех тех книг, что он когда-либо написал, и сборников, в которых выходили его рассказы. Его работы занимали добрую половину стены.

– Много лет назад, – сказал он, – я побывал в гостях у Энн Маккефри… Это было еще до того, как она уехала в Ирландию. Меня восхитило собрание ее книг. А она ответила, что рано или поздно и у меня появятся точно такие же полки, которые станут мерилом моей жизни. Это случится и с тобой, – добавил Джек. – Они похожи на часы, неуклонно отсчитывающие дни.

Тогда пророчество Джека показалось мне одновременно чарующим и пугающим, словно одна из сказок «Тысячи и одной ночи».

У меня и в самом деле появились такие полки, и, бросая на них взгляд, я чувствую, как в спину мне смотрит вся моя жизнь. Вот стоят «Праздник святой Дженис» и «Гинунгагап», ставшие не просто первыми моими опубликованными рассказами, но и единственными напечатанными вплоть до того счастливого дня на излете 1980-го, когда я женился на Мэриэнн Портер. На следующий год мне сопутствовала удача, и обе истории попали на конкурс премии «Небьюла»… но еще больше мне повезло, когда они не взяли награду. Я знавал авторов, кому вот так, наскоком удавалось взять этот важный приз, и после этого они жили только ради новых наград. Каждый год, когда им не удавалось победить, приводил их в уныние и казался бесцельно прожитым.

Победа – это еще не все, а порой в ней и вовсе нет никакого смысла.

Корни «Троянского коня» уходят в мое детство. Отец работал конструктором в воздушно-космической дивизии «Дженерал электрик» и частенько приносил домой совершенно восхитительные брошюры. Как-то раз он подарил мне художественный эскиз того, как должна выглядеть лунная база «Дженерал электрик». Это был вид внутренней поверхности кратера, накрытого стеклянным куполом, где под черными небесами среди садов, разбитых на склонах, гуляли счастливые люди. Будущее не могло выглядеть прекраснее. Думаю, то, что однажды я посвятил этой колонии одну из своих историй, было

просто неизбежным.

Сюжет «Зимней сказки» был вдохновлен выставкой Марка Шагала в художественном музее Филадельфии. Этот рассказ один из моих любимых, и был он подарен мне тем городом, где я прожил почти всю свою зрелую жизнь.

А вот «Край света» заставляет меня вспомнить о том, как я учился в старших классах школы в Севен-Пайнс, штат Виргиния. Не было хуже года для подростков, чем тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Убийство Мартина Лютера Кинга и последовавший за ним арест всех чернокожих учеников нашей школы привели к бунтам, ставшим в ряд многочисленных кошмарных событий, случившихся в моей жизни в тот год. Моя юность превратилась в сущий ад. Я поклялся, что ничего не забуду и когда-нибудь напишу об этом. И сдержал свое обещание.

«Яйцо грифона» я написал, когда планировал приступить к первому своему роману в жанре фэнтези, «Дочь Железного дракона», и готовился на многие годы отойти от научной фантастики. Но вскоре вернулся к ней и обнаружил, что вовсе не выдохся, а напротив, пустил в ход каждую припасенную на будущее научно-фантастическую задумку.

Приступив же к описанию ядерной войны, я вдруг осознал, что сама мысль о классическом противостоянии Востока и Запада, США и СССР – кажется, подобный исход предсказывали всю мою жизнь, – настолько скучна, что я просто не смогу ее развить. Впрочем, это оказалось к лучшему, ведь к тому моменту, как моя книга увидела свет (она вышла в серии новелл в твердой обложке, выпускаемых «Century Legend»), Советский Союз успел развалиться и уйма спекуляций, посвященных нашей с ним войне, отправилась в мусорный бак истории.

Сюжет «Истории подменыша» предельно близок к автобиографии, если сравнивать со всем, что я писал.

Еще в юности я сбежал с эльфами в их сказочную страну, чтобы однажды стать писателем. И ни разу об этом не пожалел.

Годы сладостного вынашивания сюжета привели к рождению «К северу от Дидди-Во-Дидди». Во многом тому способствовали грезы наяву, посещавшие меня, пока я пялился в окно поезда, едущего в Нью-Йорк, где меня ожидал очередной междусобойчик с редакторами. Это была замечательная поездка, хотя я должен признаться, что мне так и не довелось увидеть гигантских кентавров, бредущих через ядовитые болота за свалкой Фрэшкилл.

Действие «Между небом и землей» происходит по соседству, в Роксборо. Телефонные провода, описанные в начальной сцене, проходят прямо по моей улице, а красные огни Семи Сестер

благосклонно поглядывают на меня каждый вечер. В другой сцене Кобб крадется через мой дом и видит меня, сидящего на диване и пялящегося в телевизор.

А вот «Мертвый» целиком и полностью посвящен Нью-Йорку и вдохновлен картинами члена старой доброй американской марксистской партии. Моя семья родом из Большого Яблока, и у меня осталось много теплых и стойких воспоминаний о том, как меня еще ребенком возили навещать родственников.

Обычно я не берусь за перо, если в точности не знаю, как завершится мое повествование, но «Мать Кузнечик» стала одним из редких исключений. Она просто вдруг всплыла откуда-то из подкорки, и я сам понятия не имел, к чему все идет, пока до конца не осталось буквально пары страниц. То, что все упомянутые топонимы оказались городами и поселениями Пенсильвании, – чистая случайность.

Вскоре после выхода «Светящихся дверей» в двери нашего с Мэриэнн дома постучался один из моих студентов в Клэрионе, чтобы пригласить нас на свою свадьбу. Его невеста, оказавшаяся раввином[1], взяла Мэриэнн под локоток и отвела в сторонку, чтобы спросить: как жена может спать со мной, зная, какие мысли живут в моей голове.

Тогда Мэриэнн улыбнулась и ответила:

– А в его голове они больше не живут. Теперь они живут в вашей.

Как бы то ни было, а свадьба та прошла замечательно, как и положено всем свадьбам. В торжественной зале играла клезмерская музыка[2], и мы плясали, пока меня не стали подводить ноги.

Почти двадцать лет спустя после того, как первые мои работы не сумели завоевать премию «Небьюла», рассказ «Как пульс размеренный машины бьется» принес мне «Хьюго». К тому времени я давно утратил счет тому, сколько раз безуспешно выдвигался (ладно, ладно, тут я малость прихвастнул) на «Небьюлу» и «Хьюго», и мог позволить себе толику чистого, непозволительного восторга.

Особенную гордость я испытываю за «Свободомыслящих». Они приплыли мне прямо в руки в тысяча девятьсот девяносто пятом во время «Пересечения» – первого из Всемирных конвентов фантастики, прошедшего в Глазго. Я остановился в самой дешевой гостинице, вздымавшейся над Ренфру-стрит, благодаря чему из моего окна была видна автомагистраль М8 – классика непродуманной планировки, рассекавшая город подобно шраму, окруженная похожими на омертвевшую плоть брошенными домами. Помню, выступая на конвенте, я сказал, что

нам надо с большой осторожностью относиться к нейронным технологиям, чтобы не проборождить подобием такой вот М8 собственные мозги. Так родилось на свет повествование, содержащее отдельные нюансы, которые вряд ли кто ожидал услышать от меня, человека, воспитанного в католической вере.

«Скерцо с тираннозавром» было написано мной в качестве чернового наброска для романа «Кости земли», чтобы проработать механику путешествий во времени и законы хронопалеонтологии. Рассказ так мне понравился, что позднее я целиком переписал его, добавил новую перспективу, перенес действие в другой промежуток мелового периода и заменил тираннозавра плезиозаврами, чтобы вставить в качестве одной из глав в свой роман. Если вы читали ту книгу, то поймете, о чем я говорю. Так я получил свою вторую премию «Хьюго».

«Цыганский вор» стал результатом знакомства с работами Эллен Кашнер, представленными в соседнем книжном магазине. Впоследствии она привлекла меня к совместному написанию запланированной, но изначально обреченной антологии повестей, основанных на фольклоре. Тогда мне вообще ничего нового не лезло в голову, но Эллен была мне добрым другом, и я просто обязан был попытаться. И вот, когда мы ехали на машине домой, я поинтересовался у Мэриэнн:

– Вот, смотри, один из ключевых элементов рассказа – фургон, полный велоцирапторов. Предложишь что-нибудь столь же бредовое?

Она ответила, не задумываясь:

– Корзинка для пикника, набитая дохлыми щенками.

– Да я это напишу как два пальца об асфальт! – радостно закричал я.

«Пёс сказал гав-гав», пожалуй, самый известный из моих рассказов, ставший популярным исключительно благодаря его персонажам: Даржеру и Сэрпласу. Они явились мне, когда я как-то раз бесцельно чиркал на листочке всякую чепуху. Затем они без спросу вторглись в мою жизнь, работу и даже (подозреваю) сильно сказались на моей репутации. К текущему моменту я успел посвятить разбойникам три полноценных рассказа, четыре взаимосвязанные короткие зарисовки и в конце концов затеял роман. А первая история про них принесла мне третью премию «Хьюго».

Я сильно рисковал, когда взялся за «Медленную жизнь», попытавшись написать серьезное научно-фантастическое произведение о Титане в то время, когда «Кассини-Гюйгенс»[3] еще только направлялся к Сатурну. То, что впоследствии стало известно о поверхности Титана, очень походило на придуманное

мной. Но моей заслуги в том нет. Я просто сделал выжимку из тех догадок, что высказывались учеными НАСА. И они оказались верными. Так я получил уже четвертую премию «Хьюго».

«Хронолегион» был написан как дань «Властелинам времени» Альфреда Ван Вогта, ставшим для меня судьбоносным произведением. Это была первая научно-фантастическая повесть, имя автора которой я удосужился запомнить, а кроме того, именно она окончательно убедила меня в том, что я хочу стать писателем. Я не надеялся, что этот мой новый рассказ возьмет «Хьюго». Но – пятая премия за шесть лет. Может показаться, что я должен был бы уже устать от всего этого. Это не так.

Я вырос в Вайнуски, штат Вермонт. Это единственный из всех маленьких городков Вермонта, начисто лишенный очарования маленьких городков. Когда-то это было фабричное поселение, но затем деньги перестали поступать, а мальчишки из находящегося на противоположном берегу Берлингтона начали обзывать нас «речными крысами» и бросаться камнями. И все же мне есть что вспомнить хорошего о Вермонте, и в первую очередь это касается людей.

Этим людям и посвящено «Лето с трицератопсами».

Наконец, «И бежали мы от славы вавилонской…» – самый новый из моих рассказов, и я понятия не имею, какие образы он вызовет в моей голове по прошествии нескольких лет. Возможно, в моей памяти будет всплывать то, как я корпел над этим вступлением, пытаясь хоть что-то о нем сочинить? Будет интересно узнать.

На то, чтобы написать эту книгу, у меня ушло больше четверти века. Она навсегда замрет подобием верстового камня в ряду моих книг на полках. Если я продержусь еще двадцать семь лет, то она отметит ровно середину моей писательской карьеры. А если нет… что поделаешь. Я стараюсь вкладывать в работу все свои силы и могу лишь надеяться, что их хватает. Но что бы ни происходило с моими историями потом, это уже не в моей власти.

Как только рассказ опубликован, он более не повинуется своему автору. И все, что вы найдете в этой книге, мне уже не принадлежит.

Эти рассказы принадлежат вам. И я надеюсь, что они вам понравятся.

Празднество святой Дженис

Сбрось с себя бремя, Дженни,
И на меня взвали[4].

Вольф стоял, облокотившись на холодную влажную стену, истертую прикосновениями бесчисленного множества рук, и смотрел, как выходит из гавани Балтимора окутанный утренним туманом «Янки клипер». Стену, скорее всего, построили еще до Катастрофы. На вершине фок-мачты «Янки» поблескивала металлом серая тарелка антенны – так команда поддерживала связь с геостационарными спутниками «Трикстер», наблюдавшими за океаном, и прокладывала курс с учетом течений и ветров.

Для многих деревянный клипер с его спроектированными на компьютере подводными крыльями и сшитыми вручную парусами представлялся символом Новой Африки. А вот Вольф видел только, как растворяется в морской дали корабль, отправившийся на родину без него.

Он побрел обратно к набережной, окаймленной тесьмой контор и магазинов. Грохот ручных тележек смешивался с выкриками на всех возможных языках и непривычной для слуха музыкой десятка американских говоров. Вокруг сновали рабочие, одетые по большей части в комбинезоны. Они кряхтели и отчаянно бранились, когда железные колеса вязли в грязных лужах. Было в этих работягах что-то таинственное, будто бы они одни знали некий древний секрет.

Вольф вытянул шею, чтобы заглянуть вглубь темного склада, и тут же налетел на женщину, с ног до головы закутанную в чадру. От прикосновения ее передернуло, глаза в прорези вуали полыхнули гневом, и дама поспешила прочь. В полном молчании.

Тот, кто видел Балтимор в далекие времена расцвета, сейчас не узнал бы город. Многие здания снесли, а на улицах вместо автомобилей теперь теснились палатки и хибары. Иногда их строили на остовах старых домов, так что проспекты и переулки превращались в темные туннели. Временами эти туннели обрушивались под испуганные вопли местных обитателей.

Вот и еще один пустой день впереди, делать по-прежнему нечего. Можно, конечно, раздобыть защитную маску и отправиться исследовать вашингтонские руины. Но Вольф уже успел их осмотреть, да и погода, наверное, будет жаркой. Вряд ли сегодня стоит ждать новостей. Сколько месяцев он уже торчит здесь, а американские власти упорно не желают с ним

разговаривать. Вольф решил вернуться в гостиницу и проверить, нет ли писем, а потом побродить по базарам.

Рядом с гостиницей играли дети. При виде Вольфа они брызнули врассыпную. Один с трудом поспевал за товарищами: ему мешала изуродованная нога. Вольф поднялся по некрашеной деревянной лестнице, протиснувшись мимо усевшегося на нижней ступеньке старика. Тот неторопливо, с выражением абсолютного фатализма на лице, раскладывал карты Таро и даже не поднял на Вольфа глаза.

Вольф вошел в темное фойе, и над дверью звякнул колокольчик.

Внезапно справа и слева выросли двое верзил в черной форме секретной полиции.

– Вольфганг Ганс Мбикана? – Вопрос прозвучал заученно и буднично: ответ полицейский знал и так.

– Пройдемте, – приказал второй.

– Произошла какая-то ошибка, – возразил Вольф.

– Нет, сэр, никакой ошибки, – спокойно ответил верзила, распахивая дверь. – После вас, мистер Мбикана.

Сидевший на ступеньках старик окинул их прищуренным взглядом, отвел глаза и тут же сполз с крыльца.

Полицейские отвели Вольфа в древнее правительственное здание. Втроем они поднялись по истершимся за долгие века мраморным ступеням, прошли через пустой холл и, поплутав по коридорам, наконец замерли у ничем не примечательной двери.

– Вас ожидают, – сказал первый полицейский.

– Прошу прощения?

Но они просто ушли, а терзаемый дурными предчувствиями Вольф постучал в злополучную дверь и, не дождавшись ответа, вошел.

В комнате за письменным столом сидела женщина в современном наряде, но покрытая вуалью. Возраст ее определить было невозможно. Взмахом руки и глазами секретарша указала Вольфу на открытую дверь, ведущую в кабинет. Все это приключение походило на луковицу – слой за слоем разворачивалась тайна.

В кабинете ждал коренастый мужчина в традиционном американском костюме и галстуке. Однако в его выразительном подвижном лице и цепких глазах, уставившихся на Вольфа, не было ничего старомодного.

– Присаживайтесь, – проворчал он, указывая на стул с мягким сиденьем. – Чарльз Ди Стефано. Начальник северо-восточного региона. Мбикана, правильно?

– Да, сэр, – отозвался Вольф, с опаской опускаясь на довольно

грязный стул.

Совершенно очевидно, Ди Стефано – как раз один из тех, чье внимание он безуспешно пытался привлечь все эти месяцы. По всей видимости, самая важная здесь персона.

– Я представляю…

– Юго-Западную Африканскую торговую компанию, – закончил за него Ди Стефано, перебирая на столе какие-то бумаги. – Здесь говорится, что вы готовы предложить, помимо всего прочего, данные о ресурсах с «Койота» – североамериканского спутника, занимающегося съемкой поверхности Земли. А в обмен хотите послать своих студентов в Университет Джонса Хопкинса. Я нахожу это предложение весьма странным.

– Это мои документы, – возмутился Вольф. – Я гражданин Юго-Западной Африки и не привык к подобному обращению.

– Послушай, парень, я человек занятой, мне некогда трепаться о твоих правах. Документы у меня, я их прочел. Те, кто тебя послал, именно на это и рассчитывали. Я знаю, чего вы хотите и что предлагаете взамен. И хочу знать почему.

Вольф смешался. Он привык к более цивилизованному подходу. Старики из ЮЗАТК предупреждали, что здесь дела ведутся иначе, но он не распознал их намеков. Вольфу неприятно было осознавать, что получил он это – весьма хорошо оплачиваемое – назначение лишь потому, что более опытные специалисты от него отказались.

– Америка пострадала сильнее прочих, – пояснил он, – но Катастрофа затронула весь мир.

Надо ли объяснять этому типу принципы корпоративной социальной ответственности, на которых держится африканский бизнес? Наверное, Ди Стефано знает, а если не знает, то значит и не хочет знать.

– У нас до сих пор некоторые проблемы. Высокий процент врожденных отклонений – Африка ведь экспортировала яды, химикаты, пестициды и напичканную адской смесью консервантов еду. Мы хотим разобраться с этими проблемами. Если предпринять решительные действия, можно очистить генофонд лет за сто. Но для этого требуются профессионалы – специалисты по евгенике и эмбриональные хирурги. У нас есть такие специалисты, но не очень высокого класса. Лучшие из лучших обучаются в ваших медицинских университетах.

– Мы не можем никого вам уступить.

– Мы не собираемся воровать у вас врачей, но предоставим собственных студентов, подготовленных медиков, которым лишь требуется специальное образование.

– В университете Хопкинса не так-то много свободных мест, – протянул Ди Стефано. – Да и в университетах Пенсильвании и Вермонта тоже, если уж на то пошло.

– Мы готовы… – начал было Вольф, но потом одернул себя. – Все это есть в бумагах. Мы заплатим столько, сколько нужно, чтобы увеличить количество мест. Этого хватит, чтобы дать образование в два раза большему числу студентов, чем требуется нам.

В комнате было темно и душно. Вольф весь взмок.

– Вполне возможно. Но учителей за деньги не купишь.

Мбикана молчал.

– К тому же мне совершенно не хочется близко подпускать ваших людей к нашим медикам. Что, если вы начнете сулить им деньги и земли – то, чего наша страна предложить не может? А нам без своих врачей не обойтись. Сейчас только очень богатые граждане могут позволить себе необходимую коллективную хирургию.

– Если вы боитесь, что мы похитим ваших специалистов, можно предпринять соответствующие меры. Например, подписать соглашение…

Вольф наконец-то почувствовал себя в своей стихии. Все сдвинулось с мертвой точки. Если бы они не готовы были заключить сделку, разговор никогда бы не зашел так далеко.

Приближался вечер. Ди Стефано вызвал помощников, а потом отослал их. Дважды он посылал за напитками. Один раз они прервались на ланч. Становилось все жарче, и в конце концов пребывание в комнате сделалось совершенно нестерпимым. Но потом свет за окном померк, и жара начала спадать.

Ди Стефано разложил документы на две стопки, одну протянул Вольфу, а вторую спрятал в ящик стола.

– Еще раз все посмотрю, а потом отдам на растерзание нашим юристам. Вряд ли возникнут трудности. Об окончательном решении сообщу, скажем, через месяц. Двадцать первого сентября. Я буду в Бостоне, но меня там легко найти.

– Через месяц? Но я думал…

– Месяц, – твердо повторил Ди Стефано. – Совет торопить нельзя. Мисс Кори!

На пороге тут же возникла женщина в вуали:

– Да, сэр.

– Выковыряйте-ка Каплана из кабинета. Скажите, у нас тут одного парнишку нужно обслужить по первому классу. Может быть, устроить шоу. Это касается Хопкинса. Надо же ему отрабатывать жалованье.

– Да, сэр.

Женщина мгновенно растворилась.

– Спасибо, – отозвался Вольф. – Но мне не нужно…

– Парень, послушай моего совета: пользуйся любыми доступными привилегиями. Видит бог, их осталось не так много. Велю Каплану через час зайти за тобой в гостиницу.

Каплан оказался худощавым лысеющим мужчиной. Он нервно дергал руками. Чем-то там он занимался в администрации Хопкинса – Вольф так и не понял чем. Каплан же, в свою очередь, не понял, что собой представляет Вольф, и тот, испытывая некоторое злорадство, не стал ничего объяснять, чтоб хоть отчасти расквитаться за украденные документы.

Каплан вел Вольфа по вечерним улицам. Солнце садилось, толпа значительно поредела.

– Мы не станем выходить за пределы электрифицированной зоны, – пояснил Каплан. – Ночью этого делать не стоит. Там полно безухих дженни.

– Безухих дженни?

– Немые. Отбросы разные. Совсем пропащие. Некоторые и днем не вылезают – изменения даже в комбинезоне заметны. Или в чадре, если речь идет о женщине.

Лицо Каплана исказилось, на нем быстро промелькнуло едва заметное похотливое выражение, от которого словно остался липкий след.

– Куда мы идем? – спросил Вольф, быстро меняя тему. Что-то подсказывало: подробностей о Капланових похождениях лучше не знать.

– Место называется «У Пибоди». Слышали про Дженис Джоплин? Нашу знаменитую певицу?

Вольф кивнул, хотя, разумеется, ничего такого не слышал.

– В этом шоу мы пытаемся воссоздать ее выступления. Женщина по имени Мэгги Горовиц превосходно изображает Дженис. Лучше всех на моей памяти. Билеты достать практически невозможно, но университет Хопкинса на особом положении, потому что… Ага, вот мы и пришли.

По бетонным ступенькам они спустились в подвал грязного кирпичного здания. И очутились в книжном магазине. От неожиданности Вольф на мгновение растерялся. Вокруг нависали полки с книгами и журналами, громоздились ящики, лежали кипы бумаги.

Вольфу хотелось задержаться и покопаться в древних томах – останках далекой культуры, постепенно превращающейся в миф. Но Каплан прошествовал мимо, не удостоив полки даже мимолетным взглядом. Пришлось бежать следом.

Они прошли через второй заваленный книгами зал, потом через коридор. Человек с серым лицом вытянул шишковатую руку и сказал:

– Билеты, пожалуйста.

Каплан отдал ему два чистеньких картонных приглашения, и они вошли в третий зал.

Там располагалось кабаре. Вокруг столиков, на каждом из которых горела свеча, стояли деревянные стулья. Вверх устремлялись потолочные балки, а одну из стен целиком занимал погасший камин. Вторую стену, по всей видимости, снесли, чтобы влезла небольшая сцена. Разнообразные плакаты и памятные вещицы, скопившиеся тут, видимо, за целый век, висели на стенах и болтались на балках, словно какие-то варварские трофеи, добытые в завоеванной империи.

– «У Пибоди» – сугубо местное заведение, – сказал Каплан. – В двадцатом веке во времена сухого закона здесь подпольно торговали спиртным. Тут выпивал сам Генри Луис Менкен. – (Вульф кивнул, хотя имя это слышал первый раз в жизни.) – Снаружи – книжный магазин, а выпивку подавали вот здесь, в задней комнате.

В зале так и веяло прошлым – теми давними временами, когда Америка была сильнейшей в мире державой. Будто вот-вот на пороге появится Теодор Рузвельт или Генри Киссинджер. Вольф пошутил на эту тему, и Каплан самодовольно заулыбался.

– Тогда вам понравится шоу, – сказал он.

Официант принес заказ, но они едва успели пригубить. Сцену осветили два прожектора, разошелся в стороны занавес.

Там стояла девушка. На руках у нее болтались многочисленные браслеты, на шее висели яркие аляповатые ожерелья. На ней было длинное бесформенное цветастое платье и большие черные очки. Сквозь ткань платья отчетливо просвечивали соски. Вольф уставился на них со смесью удивления и ужаса. Сосков было четыре.

Она стояла совершенно неподвижно, а Вольф все пялился: дело было даже не в количестве сосков, а в том, что их подобным образом выставили напоказ. Он уже успел привыкнуть к местным табу.

Девушка запрокинула голову и рассмеялась, потом положила одну руку на бедро, вызывающе вильнула им и поднесла микрофон к губам.

– С год эдак назад, – заговорила она резким скрежещущим голосом, – жила я в домишке в Ньюарке, ну? На третьем этаже. И все-то у меня вроде как ладилось. Но что-то не очень. Не хватало мне… веселья. Улавливаете, о чем я? Ни одно ко мне не

захаживало дарование. А дальше по улице жила девица одна, ни кожи ни рожи, но у нее-то с радостями не было никаких проблем. Вот я и говорю себе: Дженис, что с тобой не так? Почему же ей все, а тебе ничего? Решила проверить: что же у нее такого есть, чего нет у меня. Встала однажды спозаранку, выглянула в окошко – смотрю: а девица-то тут как тут! Улавливаете, полдень, а она уже на улице! Вот я и говорю себе: Дженис, золотце, а ты ведь плохо стараешься. Хочешь веселиться – старайся. О да. Старайся получше.

Внезапно словно из ниоткуда зазвучала музыка, и девица затянула:

– Стара-а-айся, ста-а-арайся получше…

Пела она неожиданно хорошо. Ничего подобного Вольф раньше не слышал, но тут же проникся музыкой, почти интуитивно. Это была универсальная песня, понятная всем.

Каплан впился пальцами ему в локоть и зашептал прямо в ухо:

– Видите? Видите?

Вольф нетерпеливо стряхнул его руку – он хотел послушать.

Концерт длился целую вечность, но закончился до невозможности быстро. Взмокший Вольф чувствовал себя совершенно опустошенным. Женщина на сцене словно излучала энергию – танцевала и вышагивала с важным видом, в ее песнях звучала почти нечеловеческая мощь. Вольф не слышал оригинальную Дженис Джоплин, но был уверен: копия идеальна. Это чувствовалось.

Зрители были от нее без ума. Трижды певицу вызывали на бис. В четвертый раз она вышла и, тяжело дыша, прохрипела в микрофон:

– Любимые вы мои, я вас обожаю. Правда обожаю. Но больше не могу. Не могу – и все тут.

Послав слушателям воздушный поцелуй, она ушла со сцены.

Все, и Вольф в том числе, аплодировали стоя. Ему на плечо опустилась чья-то рука, и он раздраженно обернулся.

– Пошли, – сказал раскрасневшийся Каплан и потянул Вольфа прочь от беснующейся толпы – за сцену в маленькую гримерку; туда набилась куча народу, и дверь стояла приоткрытой.

Певица с растрепанными мокрыми волосами смеялась и размахивала руками, в одной из которых была зажата бутылка, явно старинная, с этикеткой «Саузерн комфорт». В ней плескалась какая-то янтарная жидкость.

– Дженис, позвольте вам представить… – начал было Каплан.

– Мэгги, – весело прощебетала она, – Мэгги Горовиц. Я тебе не какая-нибудь там дохлая блюзовая певичка. И не смей об этом

забывать.

– Мэгги, это ваш поклонник. Из Африки, – кивнул на Вольфа Каплан.

Мбикана нерешительно выступил вперед, смущенно улыбаясь людям, которым пришлось при этом потесниться.

– Опа! – удивилась Мэгги и глотнула прямо из бутылки. – Будем знакомы, Ас. Что-то ты для африканца светловат.

– Народ моей матери ведет свой род от немецких поселенцев.

Его и отправили сюда еще и поэтому: светлокожего представителя обидчивые американцы восприняли бы лучше. Но об этом Вольф говорить не стал.

– Как тебя величать, Ас?

– Вольф.

– Вольф! – радостно воскликнула Мэгги. – Волчок. Да, золотце, ты похож на сердцееда. Мне бы поостеречься, да? Вскружишь голову и лишишь невинности бедную девушку? – Она подтолкнула его локтем. – Шучу, Ас.

Вольф поражался этой женщине: она была в десятки раз более живой, чем ее соотечественники. По сравнению с ней остальные американцы казались ходячими мертвецами. А еще Вольф ее немножечко боялся.

– Как тебе мои песенки?

– Превосходно. Это было… – Он замолк, не в силах подобрать слова. – В моей стране музыка тише и совсем не такая эмоциональная.

– Ага. Ну, я-то думаю, что пела просто офигительно, Ас. Я в прекрасной форме, лучше не бывало. Каплан, скажи им там, в Хопкинсе. Скажи, я стою вбуханных в меня денег.

– Конечно, – согласился Каплан.

– Будь я проклята. Слушайте, да здесь же как в мертвецкой! Прочь из этой каморки. Вперед! По барам! Устроим вечеринку.

Она вытолкала их из гримерки, по коридору, на улицу, и маленькая шумная толпа отправилась на поиски бара.

– В той стороне есть один, через квартал, – сказала Мэгги. – Айда. Ас, познакомься с Синтией. Греховодница Синтия, Вольф. Мы с ней как сиамские близнецы. Не раз с одним и тем же дарованием прыгали в постель. Да? – проворковала она и ухватила Синтию за зад.

– Мэгги, заканчивай, – улыбнулась та.

Синтия была высокой, стройной и очень красивой.

– Эй, да в этом городишке все, что ли, поперемерли? – Последнее слово Мэгги выкрикнула во все горло, а потом приложила палец к губам, чтобы все услышали эхо. – Ну вот и он.

Она махнула рукой, и все завалились в первый бар.

После третьего Вольф сбился со счета. В какой-то момент он распрощался с честно́й компанией и нетвердым шагом отправился в гостиницу. Последнее, что он помнил, – Мэгги кричала ему вслед:

– Эй, Ас, ну не порти веселье. Ладно, черт тебя дери, завтра только не забудь прийти.

Почти весь день Вольф провалялся в кровати у себя в комнате – пил воду и дремал. Вечером жара начала потихонечку спадать, и похмелье почти прошло. Он вспомнил о полушутливом приглашении Мэгги, но отмел эту идею и вместо концерта отправился в клуб.

В окнах «Ухуру» ярко горел свет, и потому клуб напоминал маяк, возвышающийся посреди темного города. Его завсегдатаи были чиновниками африканской дипломатической службы, а еще сюда в поисках вежливых собеседников захаживали немногочисленные представители торговых компаний (такие, как сам Вольф), которых угнетали ограниченные американские нравы. Клуб де-факто не подчинялся местным законам, ограничивающим использование энергии.

– Мбикана! Сюда, друг мой, позвольте вас угостить, – помахал ему рукой сидящий у стойки консул Ннамди.

Вольф послушно подошел. Как всегда, в «Ухуру» он чувствовал себя белой вороной – из-за цвета кожи. Даже слуги-американцы были здесь темнокожими, в силу то ли уважения, то ли, наоборот, пренебрежения, выказываемого местными властями.

– Говорят, вы весь день провели взаперти с начальником.

Ннамди пил джин с тоником. Вольф этот напиток терпеть не мог, но именно его обычно предпочитали чиновники.

– Мы жаждем грязных подробностей.

Вокруг стали собираться другие завсегдатаи: дипломатическая служба жила слухами. Вольф пересказал им сокращенную версию своих злоключений, и Ннамди зааплодировал:

– Целый день с Паучьим Царем, а вы умудрились сберечь свои яйца. Успешное начало карьеры, друг мой.

– Паучий Царь?

– Вас, конечно же, проинформировали о местной системе автономных регионов и рассказали о том, как страну поделили на части, когда невозможно стало управлять ею централизованно? В этих краях, мой мальчик, нет власти превыше Ди Стефано.

– Бостон, – фыркнула Аджуджи (как и большинство экспатов,

она была законченной неудачницей; но, в отличие от этого самого большинства, не умела скрывать это от самой себя). – От подобных дикарей иного ждать нелепо.

– Аджуджи, этих людей вряд ли можно назвать дикарями, – спокойно поправил ее Ннамди. – Вспомните, еще до Катастрофы они отправили человека на Луну.

– Технологии! Всего-навсего голые технологии, точь-в-точь как те, что и уничтожили всех нас. Хотите составить представление о людях – взгляните, как они живут. Эти янки… – она с отвращением выплюнула последнее слово, – купаются в грязи. Грязные улицы, грязные города. В грязи измазаны даже те, кто не изуродован от рождения. И ребенка можно научить убирать за собой. И кто же они после этого?

– Люди, Аджуджи.

– Вздор, Ннамди.

Вольф слушал их спор, испытывая жгучий стыд. Ему с детства внушали, что люди, занимающие высокое положение, должны вести себя благородно. Почти невыносимо было слышать из их уст подобные вульгарности, сталкиваться с такими примитивными предрассудками. Внезапно ему стало действительно невыносимо. Повернувшись к стойке спиной, Вольф вышел из зала.

– Мбикана! Вы не должны… – прокричал ему вслед Ннамди.

– Пусть идет, – довольно отозвалась Аджуджи, – а чего вы от него ожидали. В конце концов, он почти один из них.

Что ж, вполне возможно, так оно и было.

Вольф и сам не знал, куда идет, пока ноги не вынесли его к «У Пибоди». Обойдя здание, он нашел заднюю дверь, схватился за ручку, и она неожиданно легко повернулась. На пороге стоял огромный детина в комбинезоне.

– Да? – весьма недружелюбно произнес он.

– Ой, – смутился Вольф. – Меня просила зайти Мэгги Горовиц.

– Слушай, пилигрим, тут таких вот любителей пробраться за сцену навалом. Я пускаю только тех, кого знаю лично. А вот тебя я не знаю.

Вольф пытался придумать подходящий ответ, но безуспешно. Он уже было собрался повернуться и уйти, когда кто-то сказал:

– Дик, впусти его.

Это была Синтия.

– Заходи, – пригласила она скучающим тоном. – Не стой в дверях.

Охранник подвинулся, и Вольф вошел.

– Спасибо.

– Как сказала бы Мэгги, – отозвалась Синтия, – de nada[5]. Ну что, пилигрим, гримерка там.

– Вольф, золотце! – завопила Мэгги. – Как поживаешь, Ас? На шоу успел?

– Нет, я…

– А зря. Я была хороша. Чудо как хороша. Сама Дженис и то не сумела бы лучше. Эй, народ! А давайте сбежим, а? Засядем где-нибудь и запилим буги.

В конце концов компания из двадцати человек оккупировала освещенный газовыми рожками бар, расположенный за пределами электрифицированной зоны. Трое музыкантов, прихватившие с собой инструменты, уломали владельца, и тот разрешил им сыграть. Музыка была тягучей и монотонной. Мэгги улыбалась и кивала в такт.

– Как тебе, Ас? Здорово, ну? Мы называем это мертвой музыкой.

– Хорошее название, – покачал головой Вольф.

– Народ, слышали? У нас тут Вольф пошутить изволил. Золотце, для тебя еще не все потеряно. – Она вздохнула. – Не пробирает? Это печально, дорогуша. В те времена играли хорошую музыку, настоящую. А мы – лишь эхо, так-то вот. Играем их старые песни, только и всего. Наши-то и петь не стоит.

– Так вы поэтому участвуете в шоу? – спросил Вольф, которому было страшно любопытно.

– Нет, черт тебя дери, – засмеялась Мэгги. – Я ввязалась, потому что это мой шанс. На меня вышел Ди Стефано…

– Ди Стефано? Начальник?

– Ну, кто-то из его ребят. У них уже все было на мази, не хватало только Дженис. Ну вот они и запустили компьютерный поиск, и выскочило мое имя. Денег предложили. Месяца два ковыряли меня в Хопкинсе. И пожалуйста – вот она я. На пути к славе. – Последнюю фразу она громко пропела, словно потешаясь над собой.

– А зачем вам пришлось связываться с университетом Хопкинса?

– Ты ж не думаешь, что я такой уродилась? Им пришлось все лицо мне перекроить. И голос тоже, благослови их Бог. Сделали его ниже, расширили диапазон, усилили, чтоб высокие ноты держать.

– Не говоря уж о мозговых имплантатах, – добавила Синтия.

– Да-да, имплантаты, чтобы я болтала по-блюзовому и не выпадала из роли. Но этих немного совсем поставили.

Вольф поразился. Он, конечно, знал, что в университете Хопкинса работают отличные специалисты, но чтобы настолько!

– Но какая им с этого выгода?

– Довести меня до ручки, золотце. Не спрашиваю, не знаю и знать не хочу. Вот мой девиз.

– Правительство взялось за социальную инженерию, – встрял бледный длинноволосый парень, сидевший неподалеку. – Вот и мутят что-то странное, а почему – никто не знает. Вопросы им задавать – себе дороже.

– Послушай-ка, Хоук, вернуть Дженис к жизни – вовсе и не странная, а очень даже прекрасная идея, – возразила Мэгги. – Вот бы они и правда ее оживили. Сели бы мы рядышком. Я бы с этой дамой побеседовала по душам.

– Да вы бы глаза друг дружке повыцарапали, – заявила Синтия.

– С чего вдруг?

– Ни ты, ни она добровольно не уступили бы сцену.

– Правда, что ли? – захихикала Мэгги. – Все равно я бы с ней потрепалась. Настоящая звезда, улавливаешь? Не какая-то гребаная подделка, как я.

– А ты, Вольф? – спросил внезапно Хоук. – Куда тебя дальше ведет дорога пилигрима? Послезавтра мы отправляемся в турне. Какие у тебя планы?

– Да, в общем-то, никаких, – отозвался Вольф и рассказал им про свою ситуацию. – Наверное, останусь в Балтиморе, пока не придет пора отправляться на север. Может, съезжу куда-нибудь ненадолго.

– А с нами не хочешь? Будет одна сплошная вечеринка. И через месяц, даже меньше, доберемся до Бостона. Там заканчивается турне.

– Прекрасная мысль, – скривилась Синтия. – Не хватало нам только еще одного белоручки в поезде.

– А что тут плохого? – рассердилась Мэгги.

– Ничего плохого. Просто идея глупая.

– А мне нравится. Ты как, Ас? Поедешь кататься?

– Я… – Вольф запнулся – а почему, собственно, нет? – Да. Я бы с радостью.

– Хорошо. – Мэгги повернулась к Синтии. – А ты, дорогуша, просто ревнуешь.

– О господи, только опять не начинай.

– Ладно, не переживай. Тебе не к лицу. Эй, смотрите, какое там дарование сидит!

– Мэгги, этому самому, как ты его называешь, дарованию еще

и восемнадцати нет.

– Зато милашка, – протянула Мэгги, мечтательно глядя на парнишку. – Такой милашка, ну?

За следующие несколько дней Вольф уладил все свои дела и раздобыл аккредитивные письма. Утром в день отъезда он поднялся спозаранку и отправился на Балтиморский вокзал. После короткой беседы охранники пропустили его в огороженное стеной депо.

Там стоял громоздкий паровоз с прицепленными к нему отреставрированными вагонами. На последнем было старинными психоделическими буквами выведено «Pearl»[6].

– Эй, Вольф! Иди-ка сюда – полюбуйся на нашу детку, – закричал кто-то с дальнего конца поезда, махая ему рукой.

Мэгги.

– Ну, как тебе?

Вольф пытался придумать какой-нибудь вежливый ответ.

– Внушительно, – сказал он наконец, хотя поезд показался ему скорее гротескным.

– Ага. Тут рядом завод по переработке метана. Погляди-ка на меня! Восемь утра, а я на ногах. Можешь такое представить? Пришлось добавить колес.

Вольф не понял, что она имеет в виду.

– То есть вы поздно встаете?

– Чего? А, золотце, да ты же… Слушай, забудь. Нет. – Она на мгновение задумалась. – Смотри, Вольф, есть такие колеса специальные – спиды, помогают утром проснуться, сил придают. Улавливаешь?

– Вы имеете в виду амфетамины, – догадался Вольф.

– Ага. Ну, вообще-то, это все не очень законно, улавливаешь? Так что языком особенно не мели. В смысле, золотце, я тебе доверяю – просто хочу, чтоб ты знал, что к чему, и не болтал попусту.

– Понимаю. Я никому ничего не скажу. Но вы же знаете, что амфетамины…

– Да-да, Ас. А хочешь, покажу дарование, которое подцепила прошлой ночью? Эй, Дейв! Тащись давай сюда, любовничек.

Из-за вагона вывернул заспанный светловолосый юнец. На нем болтались белые шорты (весьма вызывающие, на Вольфов взгляд) и свободная рубашка, застегнутая на все пуговицы. Он вяло приобнял Мэгги за талию и кивнул Вольфу.

– У Дейви четыре соска, точно как у меня. Ну? Мутация-то довольно редкая.

– Ох, Дженис, – пробормотал Дейв, покраснев и смущенно

опуская голову.

Вольф ждал, что Мэгги его поправит, но она не поправила, а устремилась дальше – показывала поезд, оглушительно щебетала, тыкала пальцем то в одно, то в другое.

В конце концов Вольф извинился и вернулся в гостиницу. А Мэгги осталась бегать по вагонам в сопровождении своего юного красавчика. Мбикана неторопливо пообедал, забрал свои сумки и явился на вокзал раньше всей свиты.

Кренясь и покачиваясь, поезд отъехал от перрона. Мэгги беспрестанно смеялась, болтала, объясняла, куда ставить багаж, и порхала по вагонам. Казалось, она не замирала ни на минуту. Вольф уселся возле окна. Рядом с вагоном бежали оборванные ребятишки и клянчили деньги. Им кинули пару монет, но в основном все смеялись и бросали мусор.

Дети отстали, и теперь поезд ехал сквозь бесконечные древние руины. Рядом с Вольфом уселся Хоук.

– Ехать долго. Придется огибать большие территории, куда лучше не соваться. – Хоук с мрачным видом уставился на ощерившиеся выбитыми стеклами остовы зданий, которые раньше были заводами и складами, и с отвращением сказал: – Смотри, пилигрим, вот она – моя родина. Или, вернее, ее труп.

– Хоук, вы близко общаетесь с Мэгги…

– А если забраться подальше от побережья… – задумчиво продолжал тот, – там есть такая огромная дыра, где хранятся радиоактивные отходы. Покрыта крышкой из чистого золота. Все остальное слишком быстро разлагается. Я так думаю, если туда заявиться в свинцовым костюме, можно состояние себе сделать. Золота целые тонны. – Он вздохнул. – Когда-нибудь полазаю по архивам и рискну.

– Хоук, послушайте меня.

Парень жестом призвал его к молчанию.

– Ты про наркотики небось? Только что узнал и хочешь, чтобы я ее предупредил.

– Предупредить мало. Кто-то должен это остановить.

– Ну да. Постарайся понять, Мэгги три месяца провела в Хопкинсе, там ей сделали несколько очень серьезных операций. Она раньше совсем не так выглядела. Пела, конечно, тоже, но голос обычный был, ничего особенного. А еще мозговые имплантаты. Представь, через какую боль ей пришлось пройти, и спроси себя, какие два самых эффективных болеутоляющих на свете?

– Морфин и героин. Но в моей стране врачи, когда прописывают наркотики, отучают от них пациента перед

выпиской.

– В том-то и дело. Сам подумай: Мэгги вполне могла попросить в Хопкинсе удалить лишние соски. Им это ничего не стоило бы. Но она не хотела терпеть боль.

– Она, по всей видимости, ими гордится.

– Ну, говорит о них постоянно, это точно.

Поезд шатался и трясся. Трое музыкантов достали из кофров гитары и заиграли свою «мертвую» музыку. Вольф молча пожевал губу, а потом спросил:

– Так что вы хотели этим сказать?

– Мэгги согласилась пройти через страшную боль, чтобы стать Дженис. Поэтому, когда я говорю, что она принимает наркотики, чтобы утолить боль, то вовсе не обязательно имею в виду боль физическую. – С этими словами Хоук встал и вышел.

Мэгги, приплясывая, ввалилась в вагон.

– Получилось! – кричала она. – Ребятишки, у нас получилось. Устроим вечеринку!

Следующие десять дней были одной сплошной вечеринкой с концертами в промежутках. Народ валил на них валом, многим не хватало места. Перед первым концертом Мэгги волновалась и мучительно боялась провала, но спела замечательно, и ее много раз вызывали на бис. В конце концов, с трудом волоча ноги, едва живая, она вышла на сцену с прилипшими к вспотевшему лбу волосами:

– Ребятишки, на этом все. Я вас всех люблю. Хотела бы еще, да отдавать больше ничего. Вы меня выпили до дна.

Аплодисменты все продолжались и продолжались…

В Филадельфии было запланировано четыре концерта, и начиналось все ни шатко ни валко, но потом раскрутилась на полную. На первом шоу оказалось несколько непроданных мест, на втором – пришлось кому-то отказывать, а последние два раза зал едва не брали штурмом. Караван на денек заехал в Ньюарк, чтобы передохнуть, а потом закатил в День Труда такое представление, по сравнению с которым меркли все предыдущие. Дальше еще на день остановились отдохнуть в обшарпанной гостинице.

Вольф в свободное время осматривал достопримечательности. В Филадельфии он нанял местного проводника и отправился на ржавеющие нефтеперерабатывающие заводы в Пойнт-бриз. Мрачные здания навеки застыли в своем трагическом величии. Трудно было поверить, что когда-то на свете существовало столько нефти, сколько умещалось в этих огромных резервуарах. В Вилмингтоне проводник сводил его в

небольшой итальянский квартал, где проходил религиозный праздник.

Во главе процессии вышагивал священник, а за ним – восемь алтарниц с веерами и кадилами. Двенадцать крепышей тащили на плечах украшенный цветами древний кадиллак. В хвосте шли верующие в чадрах и комбинезонах и пели.

Вольф проследовал за ними до самой реки. Там машину опустили в яму, сбрызнули святой водой и подожгли. Он спросил у проводника, что за история связана с этим ритуалом, но тот лишь пожал плечами. Что-то древнее, очень-очень древнее.

В гостиницу Вольф вернулся уже поздно. Он ожидал, как обычно, застать вечеринку, но в фойе было темно и пусто. Синтия стояла, заложив руки за спину, и смотрела сквозь зарешеченное окно в темную пустоту.

– А где все? – спросил Вольф.

Было жарко. Вокруг керосиновой лампы бились и жужжали насекомые.

Синтия повернулась и как-то странно на него посмотрела. На лбу у нее блестели капельки пота.

– Мэгги отправилась домой – на встречу выпускников. Хочет показать старым приятелям, какой стала звездой. Остальные? – Она пожала плечами. – Куда деваются марионетки, когда некому дергать за ниточки? Сидят по комнатам, не иначе.

– Ясно.

Влажное платье Синтии липло к ее телу. Подмышки темнели пятнами пота.

– Не хотели бы вы сыграть в шахматы или еще что-нибудь?

Взгляд у Синтии сделался необычайно пронзительным. Она подошла ближе.

– Вольф, мне уже давно интересно: ты ни с кем не спишь. У тебя что-то не так? Да? Может, дома девушка осталась?

– Да, но дожидаться меня она не будет. – Вольф резко взмахнул рукой. – Наверное, я отчасти поэтому и отправился с вами.

Синтия положила его руку себе на грудь.

– Но ты же девочками интересуешься? – Не дожидаясь, пока он найдет нужные слова, она прошептала: – Пойдем.

В комнате Вольф крепко обнял Синтию и поцеловал, долгим и глубоким поцелуем. Она страстно ответила, но потом отстранилась и потянула его на кровать.

– Скидывай одежки.

Сама Синтия сняла платье одним замысловатым текучим движением. Ее белая грудь колыхалась в лунном свете, льющемся в окно.

После секундной заминки Вольф разделся. Рядом с Синтией он ощущал себя нерешительным слабаком и страдал от этого ощущения. Твердо намереваясь доказать, что он совсем не такой, Мбикана протянул к женщине руки. Но та отпрянула.

– Погоди, пилигрим. – С этими словами она принялась рыться в висящей у изголовья сумочке. – Вот оно. Не хочешь угоститься сначала? Обостряет чувства.

– Наркотики? – невольно ужаснулся Вольф.

– Да ладно, не упрямься. От одного раза ничего с твоими генами не станется. Попробуй хоть, прежде чем осуждать.

– Что это?

– Ванильное мороженое, – отрезала Синтия, открывая маленький пузырек и осторожно высыпая на ноготь несколько белых крупинок. – Штука дорогая, смотри аккуратно. Надо вдохнуть разом. Понял? Правила такие: глубоко вдыхаешь, а потом медленно выдыхаешь. И все. Вдохнул. Выдохнул.

Синтия подсунула ноготь Вольфу под самый нос и свободной рукой зажала ему одну ноздрю.

– Вдыхай по-быстрому. Вот так!

Вольф непроизвольно вдохнул, и его тут же захлестнули необычные ощущения. Во рту стало свежо и как-то чисто, в горле крутился и приятно щекотал невесомый белый порошок. В голове сделать необычайно просторно. Он подвигал челюстью, подозрительно ощупывая зубы языком.

Синтия быстро приняла дозу и закрыла пузырек.

– Теперь коснись меня. Медленно, медленно, у нас вся ночь впереди. Вот так. Аххх… – По ее телу прошла дрожь. – Да, принцип ты понял.

Они занимались любовью много часов подряд. От неведомого наркотика в голове странным образом прояснилось. Вольф чувствовал себя более рассудительным и более игривым, чем обычно, и готов был растягивать удовольствие. Они никуда не торопились и делали все не спеша. Три или даже четыре раза останавливались, чтобы вдохнуть еще порошка, который Синтия отмеривала торжественно и тщательно. И после этого продолжали заниматься любовью с удвоенным интересом, стараясь двигаться как можно медленнее, до последнего оттягивая каждый оргазм.

Наступила глубокая ночь. Они раскинулись на простынях, изможденные и ослабевшие, не касаясь друг друга. Тело Вольфа покрылось испариной. Ему казалось, что больше уже он никогда не захочет заниматься любовью. Но вслух, конечно, Мбикана этого не сказал.

– Неплохо, – тихо похвалила Синтия. – Не забыть бы

порекомендовать тебя Мэгги.

– Ну зачем ты?

– Зачем что?

– Мы только что были близки, как только могут быть близки два человека. Но вот все закончилось, а ты сразу говоришь такие вещи. Боишься сближаться?

– Иисусе, – без всякого выражения произнесла Синтия, а потом нашарила в сумочке портсигар, достала сигарету и закурила.

Вольф внутренне сжался.

– Слушай, пилигрим, чего ты хочешь? Ты что – собрался на мне жениться и отвезти в свою чистую большую Африку? С мамочкой познакомить? Да? Вряд ли. Так чего тебе надо? Приятное воспоминание – сувенир на память, чтобы потом байки друзьям рассказывать? Ну, держи свой сувенир. Много лет я копила на доктора, хотела выяснить, смогу ли нарожать ублюдков. В прошлом году прихожу к нему наконец, и что, ты думаешь, он мне говорит? Плазмоклеточная дегенерация в кровяных телах, лечить поздно, остается только ждать. Чудно, да? В один прекрасный день просто сломаюсь и умру. Сделать ничего нельзя. Пока питаюсь правильно, еще ничего. До самого конца смогу красавицей остаться. Можно выторговать еще чуток времени, если бросить наркотики… – Она взмахнула сигаретой, пепел осыпался прямо Вольфу на грудь, и тот быстро его смахнул. – Белый порошок и остальное. То есть все, что хоть чуточку скрашивает жизнь. Но сделать ничего путного я так и не успею, времени не хватит.

Неожиданно она замолчала.

– Эй, а сколько времени?

Вольф вылез из кровати и откопал среди своих вещей хронометр. Поднес его к окну, прищурился.

– Ммм… Двенадцать… четырнадцать.

– Вот же ядерная война. – Синтия вскочила и заметалась поисках платья. – Давай шевелись. Не стой столбом.

– А в чем дело? – поинтересовался Вольф, медленно натягивая на себя одежду.

– Я обещала Мэгги подогнать народ и забрать ее с этой чертовой встречи выпускников. А она уже бог весть когда закончилась. Я потеряла счет времени. – Вольф довольно ухмыльнулся, но Синтия не обратила внимания. – Готов? Проверим ее комнату, а потом фойе. Господи, вот она разозлится.

Мэгги обнаружилась в фойе. Она стояла посреди комнаты, перепачканная и изможденная, на руке ее болталась сумка, лицо искажено гневом. В неверном свете керосиновой лампы Мэгги

казалась злобной старухой.

– Ну и? – прорычала она. – Где же вас двоих носило?

– Трахались у меня, – спокойно отозвалась Синтия.

Вольф в ужасе уставился на нее.

– Великолепно, просто великолепно, ну? А знаете, где была я, пока двое моих лучших друзей дрючились до потери мозгов? А? Хотите, расскажу? – истерически взвизгнула Мэгги. – Меня насиловали двое безухих дженни, вот так!

Она пронеслась мимо, замахнувшись, – будто бы собиралась огреть их сумочкой, а потом передумала. В коридоре прогремели ее быстрые шаги. Хлопнула дверь.

– Но я… – растерялся Вольф.

– Не позволяй садиться себе на шею, – одернула его Синтия. – Она врет.

– Ты уверена?

– Послушай, мы жили в одной комнате, спали с одними и теми же мужиками – я ее знаю. Ее выбесило, что эскорт не явился. Наша маленькая королева изволит гневаться.

– Надо было ее встретить, – с сомнением протянул Вольф. – Ее же могли убить по дороге сюда.

– А мне, пилигрим, без разницы, протянет Мэгги ноги месяцем раньше или позже. У меня своих забот полон рот.

– Месяцем раньше? Мэгги тоже больна?

– Мы все больны. А, шли бы вы оба к черту!

Синтия плюнула на пол, развернулась и ушла. Необратимо, словно ведьминское проклятие наложила.

До Нью-Йорка добирались полдня. Перед первым концертом осталось еще время отдохнуть и повеселиться, но Мэгги к ним не вышла – заперлась в комнате и пила. Начались разговоры о том, что она сидит на наркотиках, и Вольфа эти разговоры беспокоили, ведь на наркотиках тут сидели абсолютно все.

Еще ходили слухи о встрече выпускников. Кто-то утверждал, что Мэгги ошарашила бывших одноклассников, которые в школе обходились с ней не лучшим образом, и блистала весь вечер. Но большинство склонялось к тому, что ее прилюдно освистали и ровесники по-прежнему видели в ней лишь белую ворону. Что ушла она со встречи одна.

О романе Вольфа с Синтией тоже шушукались. Синтия его избегала, но это только подогревало всеобщее любопытство.

Несмотря ни на что, нью-йоркские концерты удались на славу. Билеты были раскуплены, едва успев появиться в продаже. Театральные барыги за ту неделю сколотили себе состояние. Впервые за все время труппе разрешили выступать вечером. Для

освещения и усилителей использовали энергию, перенаправленную из целого городского района. Мэгги пела, как никогда прежде. Ее голос доводил слушателей до исступления, ее блюзы тронули бы сердце самого заскорузлого отшельника.

Десятого сентября они отправились в Хартфорд. Мэгги заперлась в своем купе в последнем вагоне. Остальные бездельничали. Кто-то из музыкантов бренчал на гитаре что-то неразборчивое. Другие тихо беседовали. Хоук одну за другой метал на стол карты Таро.

– Эй! Вы что тут – повымерли все, на фиг! – Мэгги возникла в вагоне, словно из ниоткуда, на лице ее причудливо мешались стыд и вызов. – Закатим вечеринку! Ну? Сыграйте-ка что-нибудь.

Она упала Хоуку на колени, по пути куснув кого-то за ухо.

– Мэгги вернулась, – произнес кто-то.

– Дженис! – весело прокричала она. – Эту даму звать Дженис!

И началась вечеринка – медленно, словно запускали заржавленный механизм. Заревела музыка. Голоса оживились. По рукам пошли гулять бутылки со спиртным. Так продолжалось все два дня, пока поезд колесил по стране, объезжая опасные районы Коннектикута и Нью-Йорка. Но у праздника появился тревожный призвук, Мэгги веселилась как-то уж слишком отчаянно. Вольф почувствовал себя словно в ловушке и считал дни, оставшиеся до Бостона и окончания турне.

Перед первым хартфордским концертом они сидели в тесной, тускло освещенной гримерке, как две капли воды похожей на все предыдущие.

– Синтия Греховодница, дуй сюда! – завопила Мэгги. – Загримируй меня. Чтоб я казалась такой же изможденной, как Дженис.

Синтия взяла Мэгги за подбородок, повертела ее лицо туда-сюда, а потом сказала:

– Мэгги, тебе не нужен грим, ты и так выглядишь изможденной.

– Черт тебя дери. Давай шустрее. Я звезда как-никак. И не обязана терпеть все это дерьмо.

Синтия на минуту задумалась, потом прошлась пуховкой по лицу Мэгги, чуть подчеркнула морщины, мешки под глазами.

– Уж слишком мрачно, – заявила Мэгги, внимательно посмотрев в зеркало. – Чересчур.

– Мэгги, ты так и выглядишь.

– Ах ты, сучка крашеная! Можно подумать, это я вчера вечером была под кайфом, так что ничего и не вышло.

Воцарилось неловкое молчание.

– Эй, Вольф! – повернулась к нему Мэгги. – А ты что

скажешь?

– Ну, – смущенно отозвался Вольф, – боюсь, Синтия…

– Видишь? Пора начинать балаган. – С этими словами Мэгги схватила свою драгоценную бутылку «Саузерн комфорт» и сделала огромный глоток.

– Это вам тоже совсем не на пользу, – покачал головой Мбикана.

– Много ты знаешь, – холодно улыбнулась Мэгги. – Дженис всегда напивалась перед концертом. Хорошо для голоса.

И она отправилась на сцену. Конферансье уже разогревал публику.

– Дамы и господа… Дженис!

Послышались крики. Мэгги прошествовала к микрофону, поднесла его к губам и рассмеялась:

– Здоро́во, рада всех видеть. – Она обвела зрителей прищуренным взглядом и завела свою песню: – Знаете, заявилась я тут на днях к докторишке. Говорю ему: слишком что-то я много пью. Пила без просыху с двенадцати лет. Утром встаю и опрокидываю парочку «Кровавых Мэри». К обеду приканчиваю пятую. Чуток добавляю на ужин, а потом оттягиваюсь по полной, когда начинается вечеринка. В общем, рассказала ему, сколько лет уже пью. И говорю: «Слушайте, док, с меня вроде как с гуся вода, но что-то сердце не на месте. Скажите прямо, у меня проблемы?» А он и говорит: «Да нет у вас никаких проблем, милочка. У вас все просто отлично!» – Зрители разразились одобрительными криками, и Мэгги самодовольно улыбнулась. – Что ж, золотце, у всех свои проблемы, чем я лучше остальных. – (Вступили инструменты.) – Но когда у меня проблемы, я знаю, что делать, – я пою старый добрый блюз. Блюз – и нет проблем.

Она затянула «Цепь с ядром», и зал взорвался.

За сценой Вольф сидел на стремянке и время от времени делал глоток из чашки с водой. К нему подошла Синтия. Вдвоем они смотрели, как взмокшая Мэгги расхаживает по сцене, притопывает, завывает, извивается.

– Никак не могу привыкнуть к этому противоречию, – признался Вольф, не глядя на Синтию. – Там все неистовствуют. А здесь так тихо и спокойно. Иногда я спрашиваю себя: неужели мы и зрители наблюдаем одну и ту же картину?

– Иногда трудно разглядеть то, что у тебя прямо перед глазами. – И Синтия улыбнулась, загадочно и грустно, а потом ушла.

Вольф успел привыкнуть к такого рода замечаниям и больше уже не пытался их понять.

Второе, и последнее, представление в Хартфорде прошло хорошо. А вот первые два концерта в Провиденсе – нет. Мэгги подводил голос, подводило чувство времени, ей приходилось целиком полагаться лишь на свои театральные фокусы. На втором концерте ей пришлось приказать зрителям танцевать – раньше такого не бывало. Сценические монологи становились все непристойнее и разнузданнее. Мэгги призывно виляла бедрами, словно стриптизерша. Третий концерт получился лучше, но грубые замашки не исчезли.

После шоу все завалились в бар в дурном районе. В укрепленной привратницкой при входе сидели вооруженные громилы. Мэгги напилась и плакала.

– Я прямо разваливалась на сцене… Говоришь, я была хороша?

– Конечно, Мэгги, – пробормотал Хоук.

Синтия фыркнула.

– Вы очень хорошо выступали, – уверил Вольф.

– Ни черта не помню, – рыдала Мэгги. – Говоришь, хорошо? Нечестно. Подло. Если я была хороша, то почему не запомнила? Какой тогда во всем этом толк? Ну?

Вольф неловко похлопал ее по плечу. Она схватила Мбикану за грудки и уткнулась лицом в его дашики.

– Вольф, Вольф, что со мной будет?

– Не плачьте, – ответил он, гладя ее по голове.

В конце концов ему с Хоуком пришлось вести Мэгги обратно в гостиницу. Остальные не пожелали уходить из бара.

Они шли мимо района, где все дома, кроме одного, были снесены. Тот одинокий дом торчал на пустыре. На месте огромных окон мрачно зияли пустые проемы. Рядом с ним изгибались две странные арки непонятного назначения.

– Тут раньше был фастфуд, – пристыженно пояснил Хоук в ответ на расспросы Вольфа.

– Но почему его не снесли?

– Потому что повсюду есть невежественные и суеверные люди.

Вольф решил не расспрашивать дальше.

На темных улицах не было ни души. Теперь они шли по застроенной части города, и эхо их шагов мячиком отскакивало от стен. Мэгги почти ничего не соображала и буквально висела на Хоуке, ее приходилось почти нести.

В тени между домами что-то зашевелилось. Хоук вскинулся и прошептал:

– Прибавь-ка шагу.

В темноте возник кто-то большой и смутно похожий на

человека. Направлялся этот кто-то прямо к ним.

– Что?.. – прошептал Вольф.

– Безухий дженни, – тоже шепотом ответил Хоук. – Если у тебя припрятаны какие-нибудь хитрые козыри в рукаве, самое время доставать.

Человекоподобное создание сорвалось в неуклюжий бег.

Засунув руку в карман, Вольф развернулся лицом к Хоуку и громко и гневно воскликнул:

– Послушай-ка! С меня хватит! У меня нож, и я за себя не отвечаю!

Краем глаза Вольф увидел, как безухий дженни замер, а потом скользнул обратно в тень.

– Эй, какого… – сонно поинтересовалась Мэгги.

– Ничего страшного, – пробормотал Хоук, ускоряя шаг и волоча девушку за собой. – Весьма самонадеянная выходка, молодец.

– Nada, – ответил Вольф, с трудом вытаскивая руку из кармана, его трясло от запоздало накатившего страха. – Правильное слово?

– Ага.

– А я до конца не верил, что безухие дженни действительно существуют.

– Просто какой-то немой бедняга, железы не в порядке. Не думай об этом.

Только-только разгоралась осень. Караван добрался до Бостона. Когда они прибыли, в парке Бостон-коммонс шли последние приготовления. Планировался грандиознейший концерт. Повсюду сновали рабочие сцены.

– Наверное, такой и была Америка до Катастрофы, – восторженно заметил Вольф, но никто не обратил на него внимания.

Утром в день концерта Вольф наблюдал, как над сценой натягивают огромный холщовый навес на случай дождя.

– Эй, пилигрим, не видел Дженис? – спросил пробегавший мимо подручный.

– Мэгги, – машинально поправил Вольф. – Нет, не видел.

– Спасибо, – пропыхтел тот и побежал дальше.

Через несколько минут на Вольфа наткнулся спешащий куда-то Хоук:

– Тебе Мэгги не попадалась?

– Нет. Погодите, Хоук, что происходит? Вы уже второй спрашиваете.

– Мэгги пропала, – пожал плечами тот. – Но с ума сходить не

стоит.

– Надеюсь, она вернется к началу.

– Ее ищет местная полиция. У Мэгги имплантанты, так что она во что бы то ни стало доберется до сцены. Не сомневайся.

И Хоук умчался.

На сцене последний раз проверяли оборудование, а вокруг начали собираться первые зрители. Наконец появилась и Мэгги. Ее крепко держали двое людей в форме. Девушка оказалась совершенно трезвой и очень злой. Синтия с рук на руки приняла ее у полиции и увела в трейлер – в гримерку.

Вольф смотрел со стороны, решив, что здесь ничем помочь не может. Потом он бесцельно бродил по парку и наблюдал за собиравшейся толпой. Люди приходили, искали себе место, усаживались и ждали. В основном они молчали, а если и разговаривали, то очень тихо. Все были одеты ярко, но не в парадные костюмы. Некоторые прихватили с собой вино и одеяла.

Очень странное получилось сборище. Никто никому не смотрел в глаза, никто не улыбался. Лица были лишены всякого выражения, и голоса звучали приглушенно, но в них слышалось напряжение. Вольф бродил меж ними и слушал обрывки разговоров:

– Сказала, что ее ребенок будет…

– … не надо. Это никому не надо.

– Не вышло откупиться…

– …а вкус странный, и я не…

– пришлось сровнять с землей три квартала…

– …крови.

Чем дальше, тем больше Вольфу становилось не по себе. Что-то такое было в этих лицах, в голосах. Он снова столкнулся с Хоуком.

– Послушайте, тут творится что-то очень странное.

Лицо у Хоука перекосилось. Он махнул рукой в сторону осветительской вышки:

– Времени нету. Шоу вот-вот начнется. Мне пора за пульт.

На мгновение Вольф замешкался, а потом поспешил вслед за Хоуком на вышку.

Сверху весь парк просматривался как на ладони. На земле повсюду сидели люди – маленькие муравьи на истоптанной бурой земле. И среди них ни единого ребенка, что тоже было странно. Солнце садилось за горизонт, размазав по небу багрянец и золото.

Хоук один за другим включал и выключал прожектора, сверяясь с зажатой в руке бумажкой.

Время от времени он тихо чертыхался и заново сращивал провода. Вольф ждал. Волосы взъерошил легкий ветерок,

хотя внизу, казалось, никакого ветра не было и в помине, все застыло.

– Это больная страна, – сказал Хоук. Надев наушники с микрофоном, он направил на сцену красный луч, потом выключил прожектор. – Патрик, ты там? Включаем «солнца» на счет «два».

Хоук проверил всех местных осветителей, обращаясь к каждому по имени.

– Средняя продолжительность жизни здесь – около сорока двух лет. Это если выберешься живым из родильни. Уровень рождаемости нужно поддерживать на очень высоком уровне, иначе население просто вымрет.

Он повключал все красные и синие прожектора, и сцену затопило лиловым. На ее фоне холщовый навес казался черным. Возле центрального микрофона появился чей-то расплывчатый силуэт.

– Ну, давай, Патрик, жарь.

И тут же яркий луч осветил конферансье. Он откашлялся и принялся молоть свою обычную чепуху. Громкий голос разносился над толпой, нарастал, проходя через усилители с определенной запрограммированной задержкой. Толпа вяло колыхалась у подножия осветительской вышки, припозднившиеся слушатели проталкивались поближе.

– Задай лучше себе вот какой вопрос: почему правительство выбрасывает столько денег на это треклятое шоу?

– Хорошо, – согласился Вольф. – И почему же?

Он сидел неподвижно, натянутый как струна. Ветерок обдувал вспотевшее лицо. Надо было захватить куртку, вечером она может понадобиться.

– Потому что их чертовы умники велели… Чертовы социальные инженеры, – отозвался Хоук. – Смотри за толпой.

– …Дженис! – грохнули динамики.

И на сцене появилась Мэгги и, сладострастно схватившись за микрофон, начала монолог. Очевидно, сегодня она была в ударе. Толпа разразилась аплодисментами. В воздух летели цветы. Люди передавали из рук в руки бутылки со спиртным и ставили их на сцену.

С осветительской вышки не было видно, как состарил Мэгги минувший месяц. В разноцветном свете прожекторов исчезли морщины, исчез желтоватый цвет кожи. Ослепительно сверкало расшитое блестками платье.

Когда в середине второй песни зазвучал проигрыш, Мэгги, прищурившись, оглядела слушателей:

– Эй, народ, что за фигня? Почему не танцует никто?

Несколько человек поднялись на ноги.

– На «солнцах», приготовились, – пробормотал Хоук в микрофон. – Третий, четвертый и пятый – на полицейских.

Яркие лучи высветили три сценки в разных концах парка: полицейские в форме пытались повязать танцующих. Один прожектор по-прежнему был направлен на Мэгги. Она величественно наставила палец и пронзительно завопила:

– Почему вы не даете им танцевать? Я хочу, чтоб они танцевали. Повелеваю танцевать.

С ревом добрая половина зрителей вскочили на ноги.

– Третий, вырубай. Четвертый и пятый, держим, на три вырубаем. Раз, два, три! Хорошо.

Полицейские исчезли, растворились среди танцующих.

– Все это срежиссировано, – догадался Вольф.

– Часть легенды, – отозвался Хоук, даже не поглядев в его сторону. – Смотри, справа.

Вольф посмотрел направо и увидел, как несколько парочек с краю соскользнули в тень подальше от света прожекторов.

– И что же я должен увидеть?

– Это только начало.

Хоук снова склонился над пультом.

Зрители постепенно напивались и в конце концов принялись буянить. Мэгги пела. Слушателей охватило жуткое, отвратительное возбуждение. Вольф сидел высоко над беснующейся толпой, но даже с осветительской вышки чувствовал нарастающую истерию. Полуобнаженные женщины сбрасывали чадры и выплясывали голышом. Мужчины срывали с себя комбинезоны. То там, то здесь кто-то уже занимался любовью. Несколько раз Хоук мельком высвечивал такие парочки лучом прожектора, но те в основном даже не обращали внимания.

То и дело вспыхивали драки, но буянов мигом усмиряла полиция. Люди собирали мусор в кучи и поджигали. Скоро весь парк уже мерцал небольшими кострами. Дым плавал над зрителями. Хоук подсвечивал толпу цветными лучами. Окончательно стемнело. Из-за огней и животных стонов казалось, что внизу происходит настоящий шабаш.

– Да, мерзко, – заметил Хоук. – И все это тщательнейшим образом срежиссировали умники из правительства.

– Но они же не испытывают никаких чувств, – возразил Вольф. – Это же всего-навсего животное влечение. Им… нет дела друг до друга.

– Ага.

На сцене Мэгги доводила себя до исступления, но блюз ее был безупречен, никогда еще не пела она лучше.

– Точно как на других концертах, – продолжал Хоук, – просто сегодня никто не будет терпеть до дома.

– Неужели ваше правительство действительно рассчитывает поднять за счет этой ночи уровень рождаемости?

– Не за счет этой ночи. Нет. Но у всех этих людей останутся воспоминания, которые будут греть их долгой холодной зимой. – Хоук зло сплюнул за край платформы. – Чер-р-рт, чего это я должен повторять их вранье? Пусть сами стараются. Это просто хлеб и зрелища, чтобы гребаная толпа выпустила пар.

– Во-о-от так, братцы! – восторженно взвыла Мэгги. – Смотрю я на вас, и вы меня заводите. Да, детка, вот так, правильно!

Она с важным видом расхаживала по сцене, излучая неиссякаемую энергию. Звенела быстрая и нетерпеливая музыка.

– Обожаю!

Она показала зрителям язык и тут же получила в награду одобрительный рев.

Мэгги сделала огромный глоток из своей бутылки «Саузерн комфорт», покачивая бедрами в такт музыке. Снова рев. Сладострастно провела по горлышку бутылки языком.

– О да! Я так завелась. Настоящая греховодница. Смотрю на вас и вся горю. Знаете, – она выждала один такт, – иногда вполне понимаю мужиков. Я ведь горячая хипповская штучка.

Неожиданно Вольф понял: да она же соревнуется с толпой, пытается во что бы то ни стало завоевать их внимание, готова переплюнуть всех присутствующих.

Мэгги медленно провела рукой по груди, спустилась ниже, погладила себя между ног. Отбросила непослушные волосы с глаз. Воплощенная животная похоть.

– Вот дерьмо. А знаете, горячие хипповские штучки ведь не носят белье. – (Снова аплодисменты и вопли.) – Не верите, ну?

Вольф смотрел и не мог заставить себя отвернуться. Мэгги медленно развела ноги, задрала юбку и опустилась на корточки. Ее лягушачье личико пылало вожделением, уродливым похотливым вожделением. Опершись рукой о сцену, она поманила:

– Идите к мамочке.

И тут словно прорвало плотину. На мгновение воцарилась абсолютно мертвая тишина, а потом толпа с ревом кинулась вперед. Сцену буквально захлестнуло людской волной. Сметая полицейских, зрители карабкались на деревянную платформу. Вольф увидел, как Мэгги пытается встать, но ее тут же поглотило людское море. На лице ее мелькнуло недоверчивое изумление.

– Матерь греха, – прошептал Мбикана.

Он смотрел на бесновавшуюся внизу безмозглую, злобную

толпу. Человеческое море яростно бурлило, вскипало водоворотами. Вольф все ждал, что сцена вот-вот рухнет, но она устояла. Люди лезли и лезли на нее, сталкивали друг друга, но она устояла. Гораздо милосерднее было бы, если бы она рухнула.

Где-то над толпой мелькнула рука, сжимающая что-то блестящее. Вольф не сразу понял, что это. А потом появилась еще одна, и еще, и тут он осознал: это обрывки платья Мэгги.

Мбикана обеими руками ухватился за опору, чтобы не свалиться в расплескавшийся внизу ужас. Завывания слились в один нестройный беспорядочный хор. Вольф крепко зажмурился, безуспешно пытаясь ничего не слышать.

– Точно в срок, – пробормотал Хоук. – Точно, так его, в срок.

Он выключил все прожектора и положил руку Вольфу на плечо.

– Пошли. Наша работа окончена.

Вольф изогнул шею, чтобы заглянуть Хоуку в лицо. Но как только открыл зажмуренные глаза, голова так закружилась, что он шлепнулся на пол, так и не отпустив при этом опору. Его тошнило.

– Это все… они… Хоук, вы видели? Вы видели, что они сотворили? Почему никто не… – Он подавился словами.

– Меня не спрашивай, – горько отозвался Хоук. – Я просто играю в этом маленьком спектакле роль Иуды Искариота. – Он встряхнул Вольфа за плечи. – Пошли, пилигрим. Пора спускаться.

Вольф медленно и с трудом отцепился от опоры и позволил увести себя с вышки.

У подножия толпились мужчины в черной форме.

– Это африканец? – спросил один у Хоука, а потом повернулся к Вольфу: – Пожалуйста, следуйте за нами, сэр. У нас приказ. Мы должны в целости и сохранности доставить вас в гостиницу.

Глаза Вольфа наполнились слезами, и он уже не видел ни толпы, ни парка, ни полицейского. Послушно, словно беспомощный и доверчивый ребенок, позволил он себя увести.

Наступило утро. Вольф лежал в кровати, уставившись в потолок. Где-то в комнате жужжала муха, но он не обращал внимания. На улице громыхали железными колесами тележки, дети играли в какую-то игру, нараспев произнося считалочку.

Наконец он встал, оделся и ополоснул лицо, а потом отправился в столовую на завтрак.

Там сидел Ди Стефано и доедал тост.

– Доброе утро, мистер Мбикана. А я уж собирался за вами посылать. – Он указал на свободный стул.

Вольф, оглядевшись по сторонам, сел. Вокруг за столиками расположились как минимум три офицера секретной полиции.

Ди Стефано достал из кармана пиджака какие-то документы и вручил их Вольфу.

– Все подписано и запечатано. Получите. Мы чуть изменили условия, но ваше начальство возражать не станет. – Он отправил в рот последний кусочек тоста. – Прекрасное начало карьеры.

– Благодарю, – машинально отозвался Вольф.

Он проглядел бумаги, но не смог ничего разобрать и бросил их себе на колени.

– Завтра утром «Африканский генезис» покинет порт. Я распорядился, чтобы вам забронировали место, вдруг вы решите отплыть с ними. Разумеется, через три недели будет еще одно пассажирское судно, если вы желаете погостить у нас подольше.

– Нет, – поспешно отозвался Вольф, но тут же спохватился, что ответ прозвучал слишком грубо: – Я соскучился по родине. Слишком много времени вдали от дома.

Ди Стефано промокнул уголки губ салфеткой и уронил ее на скатерть.

– Тогда на этом все. – Он поднялся со стула.

– Погодите, – остановил его Вольф. – Мистер Ди Стефано, я… Я очень хотел бы услышать объяснение…

Ди Стефано уселся обратно.

– Первое, что вы должны знать, – сказал он без всяких обиняков, – мисс Горовиц была не первой нашей Дженис Джоплин.

– Нет.

– И не второй.

Вольф поднял на него глаза.

– Она двадцать третья, не считая оригинала. Каждый год мы спонсируем шоу, и каждый год оно завершается в Бостоне в день осеннего равноденствия. И пока заканчивалось одинаково.

Вольф спрашивал себя: быть может, стоит пырнуть этого человека вилкой или придушить? Он знал, что должен испытывать ярость, но не испытывал ничего.

– Из-за мозговых имплантатов.

– Нет. Поверьте, я искренне хотел бы, чтобы она осталась в живых. Имплантаты помогали не выходить из роли, только и всего. Она действительно не помнила о прошлых Дженис Джоплин, но ее смерть никто не программировал. Так просто… случается, вот и все.

– Каждый год.

– Да. Каждый год Дженис предлагает себя толпе. И каждый

год ее разрывают в клочья. Нормальная женщина не стала бы предлагать себя, а нормальные люди не стали бы так реагировать. Я пойму, что моя страна встала на путь исцеления, в тот день, когда Дженис останется в живых, чтобы отправиться во второе турне. – Он помолчал. – Или в тот день, когда не отыщется больше женщины, которая знает, чем все заканчивается, и тем не менее готова сыграть эту роль.

Голова у Вольфа была тяжелая, думать получалось с большим трудом. Он слышал Ди Стефано, но не понимал.

– Последний вопрос. Почему именно я?

– Однажды вы, возможно, вернетесь в нашу страну, – отозвался Ди Стефано, вставая. – А может, и не вернетесь. Но совершенно точно когда-нибудь займете важное положение в Юго-Западной Африканской торговой компании. И от ваших в том числе решений будет зависеть наша экономика.

Четверо полицейских тоже поднялись со своих мест.

– Когда это произойдет, я хочу, чтобы вы понимали одну вещь: нам нечего терять. Доброго вам дня, сэр, и долгих лет.

Охранники Ди Стефано выпроводили Вольфа за дверь.

Опустился вечер. В бостонской гавани ждал корабль, готовый отвезти Вольфа домой. Прочь из этих кошмарных сказочных краев, прочь от привидений и ходячих мертвецов. Вольф смотрел на судно, но оно никак не желало становиться реальным. Наверное, он растерял свою способность верить.

К берегу подплывала корабельная шлюпка. Вольф поднял с земли сумки.

Гинунгагап

[7]

Абигейл вошла в кабину трансляторной сети на Милосердной Матери и направилась к цилиндру Толедо в технопарке Юноны. Звезды вспыхивали, тускнели и исчезали пять раз. Дорога была долгой: вокруг Солнца, на противоположную сторону Системы.

Толедо был старым коммерческим цилиндром. Теперь там жили в основном чиновники и люди свободных профессий. Абигейл не любила это место, но контракт с ЗМ был уже расторгнут, а ей нужна работа.

Волосы на груди работника службы трудоустройства были выкрашены в белый цвет, а на ногах – в красный. Зеленая набедренная повязка и бирюзовые перстни на пальцах довершали попугайскую расцветку. Пальцы его бегали по клавиатуре компьютера, выводя на монитор бесконечный поток бюрократической чепухи.

– Здорово вы это придумали, – сказал он.

– Спасибо, – отозвалась девушка.

Она небрежно согнула свою новую руку. Хорошо сделано, только слишком розовая. И слабая, конечно, но это поправимо. Абигейл приложила руку к груди. По цвету похожа на сосок. Определенно слишком розовая.

– Есть что-нибудь хорошенькое?

– Нет, – сказал служащий.

У него над ухом пролетела колибри – едва заметное трепетание воздуха.

– Вижу, вы искали работу в колонии Проксима.

– Там полно народу, – вздохнула Абигейл. – Так что, для планетчиков ни одного места?

– Этого я не говорил, – проворчал служащий.

– О! Что это?! – Абигейл вытянула шею, чтобы рассмотреть изображение на экране.

– На ваше резюме есть свежее предложение.

– Что там?

– Сейчас прочитаю.

Цветок жимолости упал Абигейл на волосы, и девушка смахнула его рукой. Офис располагался на открытом воздухе, с живой изгородью вместо стен и решеткой вместо потолка. Чрезмерно пышная растительность старых цилиндров Пояса иногда раздражала Абигейл.

– Мм, – поднял голову чиновник. – Вас хочет нанять Белл-Сандиа. Контракт на выполнение одного задания, с

неограниченным сроком действия. – Он повернул монитор так, чтобы Абигейл было видно. – Очень хорошие условия, так всегда бывает в контрактах повышенной опасности.

– Повышенная опасность? Белл-Сандиа – это ребята, которые занимаются связью? И в чем же риск?

Служащий вызвал на монитор следующий блок информации.

– Вот! – Он постучал по экрану пальцем. – Фразы очень витиеваты, но суть в том, что им нужен испытатель в межзвездный корабль, проходящий сквозь черные дыры.

– Этого не может быть. Приливные силы…

– Увольте. Вероятно, они как-то решили эту проблему. Вопрос только в том, согласны вы или нет.

Абигейл посмотрела сквозь решетку: прямо у нее над головой по вогнутой поверхности противоположной стороны цилиндра бежал извилистый ручеек. В нем плескались дети. Девушка медленно досчитала до ста, делая вид, что ей нужно время, чтобы решиться.

Абигейл пристегнулась к креслу транскапсулы и кивнула технику за стеклом камеры. Он нажал пуск. Абигейл и воздух вокруг нее сковало стазис-поле. Стена камеры раскрылась, как диафрагма фотоаппарата. Транслятор снова исполнил привычный уже технологический фокус – лишил ее инерции и придал скорость, близкую к скорости света. Звезды ярко вспыхнули, а солнце потускнело. Абигейл глубоко вздохнула и…

…оказалась в приемной камере. Относительность украла у нее почти все время перелета, оставив от него какую-то жалкую кроху.

Девушка отстегнула ремни и побежала к стоянке паромов. Пилот парома встретил ее улыбкой и сразу уткнулся в свои приборы. Он был молод, на груди и бедрах нанесены коричневые полосы, которые были лишь немного темнее его кожи. Сетчатый жилет можно было бы счесть безвкусным, но он так здорово подходил парню, что выглядел скорее озорно, чем претенциозно.

Абигейл захотелось иметь на себе что-то, кроме набедренной повязки и лака для ногтей: хотя бы какую-нибудь косметику и украшения. Рядом с этим щеголем она почувствовала себя невзрачной.

На стоявшем перед ней мониторе светились два изображения, полученные от синхронных телекамер. Под ними мерцали цифры. Одна картинка изображала место назначения – базу Белл-Сандиа «Артур Ч. Кларк». Это были пять концентрических колец, вращающихся друг вокруг друга с разными скоростями.

Компьютер раскрасил их всеми оттенками красного. Учитывая удаленность базы от заводов Большого пояса, размеры ее были довольно внушительными.

Абигейл уселась в кресло пассажира и пристегнула ремень. Заработали двигатели.

– Гинунгагап – единственная известная черная дыра в гравитационном поле Солнца, открыта в две тысячи двадцать третьем году, – попискивал тоненький голосок, комментируя второе изображение. – Ее существование объясняет остававшиеся долгое время загадкой отклонения планет Солнечной системы от рассчитанных орбит. База «Артур Ч. Кларк» была…

– А без этого никак? – спросила Абигейл.

– Никак, – ответил пилот. – Мы отказались от туристической программы около года назад, но режим полета остался прежним. А с правилами у нас строго.

Пилот подмигнул огорченной Абигейл:

– Потерпите минутку.

Он склонился над приборной доской.

– …основана сорок лет спустя, и вскоре были налажены связи с колонией Проксима. Гинунгагап…

Голос пропал. Девушка благодарно улыбнулась.

– Абигейл Вандерэк.

– Чейни, – представился пилот. – Ты из гравитационщиков?

– Ага.

– Я был раньше пустотником. Но устал от этого и согласился на первый попавшийся более-менее надежный контракт.

– А я выбрала другой путь.

– Может быть, мне тоже следовало так поступить, – дружелюбно сказал Чейни, – но все-таки это трудно. Я заработал там три дырки.

Он показал широкую белую полосу на животе, большое красное неровное пятно у соска и белый дугообразный шрам, прикрытый волосами.

– Я мог бы избавиться от них, но считаю, что жизнь – это процесс приобретения шрамов и опыта, поэтому решил все оставить как есть.

Если бы Абигейл показалось, что парень хочет произвести на нее впечатление, она тут же осадила бы его. Но это было просто частью самопрезентации, возможно, обоснованной, возможно – нет. Абигейл подозревала, что, за исключением туристических поездок на Землю, Чейни толком нигде и не бывал и база «Кларк» находилась в самом глубоком месте гравитационного колодца системы.

И все же парень обладал неотразимым мальчишеским

обаянием.

– Покажите мне сеть связи, – попросила девушка.

Паром описал петлю, и под ним потянулись километры стального кружева. Чейни показал на небольшую параболическую антенну на внешнем кольце станции:

– Вон та дальняя антенна подает сигнал в Гинунгагап. Остальные служат для связи с Мамочкой.

– Мамочкой?

– Так обычно называют «Артур Ч. Кларк».

Он беспечно развернул паром и рассказал длинную, пересыпанную непристойностями историю о происхождении этого прозвища. Абигейл засмеялась, а Чейни показал пальцем на монитор:

– Вот Гинунгагап.

Девушка стала напряженно всматриваться:

– Где? Не вижу!

На втором изображении было лишь едва заметное маленькое красное пятнышко – увеличенное изображение черной дыры.

– Не слишком впечатляет, правда? Но опасность от этого меньше не становится. Даже на таком расстоянии достает сильное ионизирующее излучение от ее аккреционного диска.

– Поэтому нужна промежуточная станция?

– Да. Интенсивность излучения бывает разной, но если бы выход из трансляторной сети был на «Кларке», примерно треть пассажиров просто погибала бы.

Чейни высадил Абигейл на причале Мамочки и улетел. Девушка остановилась в нерешительности: она не знала, куда идти и что делать.

– Это вас мы сбрасываем в Гинунгагап?

Абигейл обернулась и встретила цепкий взгляд коренастого мужчины. Его набедренная повязка была старомодного оранжевого цвета.

– Мне понравился этот ваш номер с рукой. Нужно большое мужество, чтобы совершить такое. – Они обменялись рукопожатиями. – Я Поль Жерар. Начальник внешней безопасности. Отвечаю за вашу подготовку. Вы играете в словесный пинг-понг?

– Почему вы спрашиваете? – автоматически включилась Абигейл.

– А вы не знаете?

– А я должна?

– Вы имеете в виду сейчас или потом?

– А потом ответ будет другим?

Суровые черты Поля смягчились улыбкой.

– Отлично.

Он взял Абигейл за руку и повел по наклонному коридору.

– У нас не так много времени на подготовку. Пробный имитационный полет через две недели. Потом все пойдет очень быстро. Хотите начать прямо сейчас?

– А у меня есть выбор? – удивленно спросила девушка.

Поль резко остановился.

– Послушайте, – начал он, – вот правило номер один. Не играйте со мной ни в какие игры. Понятно? Потому что я всегда выигрываю. Не иногда, не как правило, – а всегда.

Абигейл вырвала свою руку из руки Поля.

– Вы сами меня заставили, – рассерженно сказала она.

– Считайте это частью вашей тренировки. – Поль смотрел ей прямо в глаза. – В какие бы там гравитационные колодцы вы ни спускались, все равно вы останетесь существом околоземной культуры – доверчивым, судящим о вещах по их внешнему виду. Это опасно. Я хочу, чтобы вы это поняли. Я хочу, чтобы вы научились видеть суть вещей, скрытую за их маской. Я хочу, чтобы вы повзрослели. И вы повзрослеете.

«Не будь таким самоуверенным».

Поль словно прочитал ее мысли, на лице его мелькнула улыбка.

– Это звучит слишком серьезно для поездки на Проксиму, – сказала Абигейл, теперь уже вслух.

– Урок номер два: не делайте поспешных выводов. Вы не полетите на Проксиму.

Он повел девушку вниз по пандусу к следующему колесу, задержавшись на секунду, чтобы приспособиться к меньшей скорости вращения.

– Вы всего лишь навестите пауков. А центр управления – там.

Тускло освещенный центр управления был большим и напоминал пещеру.

Стоящие сплошными рядами компьютеры образовывали длинные замысловатые коридоры. На компьютеры и операторов падали узкие пучки света. Между рядами стояли комнатные растения.

– Это сердце нашего зверя, – сказал Поль. – Зеленые терминалы обслуживают связь с Проксимой. Теперь это совершенно обычное дело. Но синие…

Его глаза странно сверкнули, и Поль показал на серебристые экраны, установленные над клавиатурами. На них медленно двигались зернистые амебообразные черно-белые изображения. Абигейл никак не могла понять, что же это такое.

– Это пауки, – сказал Поль. – Мы переговариваемся с ними в реальном времени. Почти все запаздывание – время, уходящее на машинный перевод.

Восприятие изображенного на экране быстро изменилось, и теперь Абигейл увидела огромное паукообразное существо. Вот это черное пятно, мерцающее на экране, – паучья лапа, а вот это – вздутое брюхо. Абигейл сразу почувствовала инстинктивное отвращение, быстро сменившееся острым любопытством.

– Чужаки? – спросила она.

– Чужаки.

На самом деле эти существа походили на пауков не больше, чем люди – на обезьян. По сравнению с земными пауками каждая из их восьми ног имела на одно сочленение больше, и форма жвал была совсем другая. Но для неопытного глаза они все-таки выглядели просто большими пауками.

– Но это… как долго вы… почему, ради бога, вы держите это в тайне? – Абигейл захлестнула безотчетная радость. Встреча с инопланетянами открывала бездну новых возможностей, словно до этого люди жили в коробке, а теперь откинули крышку.

– Технические секреты, – сказал Поль. – Эта штука, в которой вас отправят через Гинунгагап к *их* черной дыре, – изобретение пауков. Мы выменяли это изобретение на информацию по оптике, но закон не защитит наши права, пока мы не продемонстрируем его действие. Мы не хотим, чтобы другим корпорациям стало что-нибудь известно.

Он кивнул на ближайший черно-белый экран.

– Как видите, с оптикой у них плоховато.

– Как бы я хотела поговорить с ними…

Абигейл осеклась, потому что сразу почувствовала, как по-детски прозвучали ее слова.

– Я устрою вам знакомство.

Рядом послышался шорох. Девушка обернулась и увидела появившегося из кустов большого черного кота. Лапы и брюхо у кота были белые.

– Это высокочтимый глава «Связей с чужими цивилизациями», – кисло произнес Поль.

Абигейл засмеялась, но, сообразив, что Поль имеет в виду не кота, смущенно замолкла.

– Хулио Домингес, шеф отдела связи, – представил Поль. – Абигейл Вандерэк, специалист по гравитации.

Сморщенный, высохший старик улыбнулся по-профессорски:

– Полагаю, вам объяснили, как работает коммуникационная сеть, не так ли?

– Ну… – начала Абигейл.

Домингес прищелкнул языком. Он носил желтую набедренную повязку и такой же шейный платок – немного ярковато для человека его возраста.

– Это все очень просто. Скорость отрыва от черной дыры превышает скорость света. Поэтому внутри Гинунгагапа скорость света не является наибольшей возможной скоростью сигнала. – Он с явным удовольствием воззрился на озадаченную Абигейл. – Иначе говоря, когда мы направляем поток электронов в одну черную дыру, они появляются где-то еще из другой. И если мы направим их нужным образом, – старик неожиданно возвысил голос, – они появятся из черной дыры так, как нам надо. Физика очень простая. Вся штука в том, как направить поток электронов.

Кот подошел к Абигейл, ткнулся лбом в ее ногу и требовательно муркнул. Девушка нагнулась и взяла его на руки.

– Но из черной дыры ничто не может выйти, – возразила она.

Домингес благодушно хмыкнул:

– Но попасть в нее может все, что угодно, правда? Позитрон, например. Позитрон, падающий в Гинунгагап в положительном времени, – то же самое, что электрон, вылетающий оттуда во времени отрицательном. И обратно, позитрон, проваливающийся в черную дыру в отрицательном времени, в действительности является электроном, вываливающимся оттуда в положительном времени. Что нам и нужно. Представьте Гинунгагап физическим воплощением математического знака эквивалентности.

Абигейл вздохнула, чувствуя, что ее поставили на место. Три белых мотылька порхали в воздухе. Кот зачарованно наблюдал за ними, пока девушка гладила его по голове.

– В любом случае электроны появляются. Раз есть экспериментальные данные – теория послушно их объясняет.

– Расскажите мне про пауков, – поспешно сказала Абигейл, чтобы старик не съехал с темы.

Мотыльки, порхая вверх-вниз, из стороны в сторону, исполняли трехмерный балет, поставленный случайностью.

– Чужаки, – сказал Хулио Домингес, хмуро уставившись на Поля, – для нас все еще загадка. Мы обмениваемся фактами, научными открытиями, технологиями, но самые важные вопросы не поддаются математической кодировке. Знают ли они что-нибудь о любви, ценят ли красоту? Верят ли в Бога?

– Хотят ли нас съесть? – встрял Поль.

– Не придуривайся, – огрызнулся Домингес. – Конечно нет.

Мотыльки долетели до Абигейл, и их трио распалось. Два обогнули ее слева и справа, а третий пролетел у девушки над плечом, и кот ударил по нему лапой.

– Кота зовут Треск, – сказал Поль. – Ребята из БИО его

клонировали.

Домингес открыл было рот, но тут же закрыл. Абигейл почесала Треска под подбородком. Кот прищурил глаза, задрал голову и замурлыкал почти беззвучно.

– С вашего позволения. – Поль подошел к клавиатуре, отодвинув в сторону оператора. – Вообще-то, тут нужно пользоваться специальным упрощенным кодом, однако, если избегать хитрых оборотов и идиоматики, не возникает трудностей и с обычным языком. – Он нажал на клавишу. – Приветствую тебя, паук.

Пауза. По экрану промелькнула волосатая лапа.

– Привет, человек.

– Знакомься – Абигейл Вандерэк. Она наш представитель. Она полетит в спиннере.

Пауза. И опять – сложное движение паучьей лапы.

– Вакуумный переход… (неразборчивый треск)… остающийся… (треск)…коммерческие выгоды… (треск)… неподвижная точка в космосе.

– Трудно переводить, – сказал Поль. Он сделал знак Абигейл, чтобы девушка ответила. Поколебавшись, Абигейл сказала:

– Вы прилетите к нам? Тем же способом, что и мы к вам?

– Нет, понимаете… – начал Домингес, но Поль жестом попросил его замолчать.

– Нет, Абигейл Вандерэк. Мы – это жизнь, имеющая серную основу.

– Я не понимаю.

– Вы можете… (треск)…черную дыру пройти… (треск)…в спиннере, потому что вы углеродная жизнь. Углеродные соединения имеют форму цепей, а серные соединяются решетками или ячейками. Наша… (треск)…простейшая форма… (треск)…Иногда бывают серные соединения в виде коротких цепей.

– Мы потом объясним вам, – сказал Поль. – Продолжайте, у вас хорошо получается.

Абигейл снова заколебалась. О чем говорить с пауком? Наконец она решилась.

– Вы хотите нас съесть?

– О боже, прогоните ее от этой штуки! – закричал Домингес, протягивая руку к клавиатуре.

Но Поль остановил его:

– Нет. Я хочу услышать ответ.

Несколько паучьих лап образовали на экране замысловатый узор.

– Вопрос бессмыслен. Жизнь, имеющая серную основу, не

извлечет никакой пользы из поедания жизни, имеющей углеродную основу.

– Вот видите, – сказал Домингес.

– Но если бы это было возможно, – настаивала Абигейл, – если бы вы могли съесть нас и получить пользу, вы бы съели?

– Да, Абигейл Вандерэк. С огромным удовольствием.

Домингес оттолкнул ее от компьютера.

– Мы ужасно сожалеем, – сказал он пауку. – Это ужасное, ужасное недоразумение. Вы! – крикнул он оператору. – Вернитесь и сотрите этот кошмар.

Поль усмехнулся.

– Пойдем, – сказал он Абигейл. – На сегодня хватит.

Когда они пошли, Треск извернулся и спрыгнул с рук Абигейл. Кот приземлился на четыре лапы и скрылся в кустах.

– Они бы действительно нас съели? – спросила Абигейл и, осознав нелепость вопроса, изменила его: – Значит, они нам враждебны?

Поль пожал плечами:

– Может, они решили, что мы обидимся, если они не изъявят готовность нас слопать.

Он проводил девушку до ее квартиры.

– Завтра мы начнем готовиться по-настоящему. На досуге рекомендую составить перечень способов, какими пауки могут нам навредить, если мы установим транспортное сообщение, а они окажутся нам враждебны. И еще один список – причин, по которым мы не можем им доверять. – Поль несколько секунд помолчал. – Сам я уже такие списки сделал. Вы увидите, что они получились довольно длинные.

Жилье Абигейл нельзя было назвать особо роскошным, но девушке квартира понравилась. Пол, потолок, стены представляли картину звездного неба, нарушаемую лишь решеткой, по которой вился дикий виноград. Кто-то провел исследование ее вкусов.

– Привет.

Этот веселый возглас заставил Абигейл вздрогнуть от неожиданности. Девушка обернулась и увидела, что кто-то лежит в ее гамаке. Это был Чейни. Он сел, гамак при этом качнулся.

– Заходите, заходите, пожалуйста. – Чейни нажал невидимую клавишу, и все звезды, что были вокруг, съехали в фиолетовый спектр и засияли ярким эротическим пурпуром.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Абигейл.

– У меня есть несколько свободных часов, – сказал Чейни, – и я решил забежать, чтобы тебя соблазнить.

– Хорошо, Чейни, я ценю твою откровенность, поэтому не

скажу: нет.

– Спасибо.

– Я скажу: может быть, в другой раз. А теперь мотай отсюда. Я устала.

– О'кей. – Чейни соскочил с гамака и весело направился к выходу. В дверях он остановился: – Так ты сказала «потом», верно?

– Я сказала «может быть, в другой раз».

– Значит, потом. Ясненько.

Он подмигнул ей и ушел. Абигейл завалилась в гамак и загнала звезды в красный спектр – так глубоко, что ото всей Вселенной осталась лишь реденькая россыпь тусклых красных угольков. Вот же настырный тип! С ним не может быть никаких отношений, кроме самых поверхностных. Девушка закрыла глаза и улыбнулась. К счастью, сейчас ей совершенно не нужны серьезные отношения. Абигейл заснула.

Она падала… Она посадила корабль недалеко от автоматической лаборатории ЗМ. В зеркальном куполе отражались белые облака, уплывавшие к северу, где, перечеркивая линию горизонта, высилась громада Снегов Олимпа. Все остальное: земля, небо, горы – было обычного марсианского оранжевого цвета. Девушка вышла из корабля и вскинула на плечи рюкзак с припасами.

Снабжение станции ЗМ-RL было паршивой работой – легкой, но скучной. Может быть, поэтому при спуске по каменистому склону холма Абигейл была осторожна меньше обычного, а может, камень у нее под ногой пошатнулся бы независимо от того, насколько внимательна она была. У нее подвернулась лодыжка, и Абигейл стала валиться на бок, а рюкзак за спиной слишком сильно сместил ее центр тяжести, чтобы можно было сохранить равновесие. Девушка замахала руками и сорвалась со склона.

Камнепад нес ее вниз, ломая кости и раздирая тело. Но прежде чем Абигейл успела почувствовать боль, скафандр впрыснул ей мощную дозу нервного синестетика, переведя болевые ощущения в цветовые: красный, каштановый, коричневый со стаккато острых желтых бликов каждый раз, когда камень ломал ей ребра. Так она падала в радужном вихре чудного света. Конец падения завершился оранжевым взрывом.

Горы встали на свои места. Облако пыли унеслось прочь, к далекому горизонту. Большой зазубренный камень, скатившийся следом за Абигейл, разодрал рюкзак. Инструменты, продукты, дыхательные баллоны – все это разлетелось и дождем

высыпалось на землю. Большой, с руку человека, разводной ключ упал в нескольких дюймах от головы Абигейл. Она вздрогнула, и внезапно все вокруг стало реальным.

Девушка дернула ногами, и поднялось облачко песка и пыли. Подтянув ноги (лодыжка сияет золотом), Абигейл попыталась встать и тут же упала вновь. Что-то резко дернуло за руку. Когда Абигейл повернула голову, ее захлестнуло глубокое темно-пурпуровое ощущение в левой руке, которую придавил большой обломок скалы. В пальцах никакого цвета не было.

– Веселые дела, – пробормотала Абигейл.

Она потянула руку, попыталась сдвинуть камень. Бесполезно. Подбородком Абигейл повернула тумблер передатчика.

– Проходчик вызывает приемную станцию, – сказала она, поколебалась, стыдясь своего положения, потом продолжила: – Мэйдэй[8]. Повторяю, мэйдэй. Можете вы прислать за мной спасателей?

Ответа не было. С отвратительно зеленым ощущением в глубине живота Абигейл дотянулась свободной рукой в перчатке до тыльной стороны шлема. Прикоснулась к чему-то неровному, зазубренному, – ощущение ржавое в крапинку – это были остатки ее передатчика.

– Кажется, у меня проблемы, – сказала девушка вслух, прислушиваясь к звуку своего голоса. Голос был, возможно, тусклым и несколько отстраненным, но зато в нем не было никакой паники.

Абигейл быстро перебрала в уме все, что имелось в ее распоряжении. Один неповрежденный скафандр и шлем. Один разводной ключ. И чертова куча камней, до которых можно дотянуться свободной рукой. Достаточно воздуха. Абигейл посмотрела на внутреннее табло шлема. Хватит примерно на час. Почти половина необходимого для спасения – если промежуточная станция проведет проверку связи точно по графику и сразу же среагирует.

Большую часть содержимого рюкзака разбросало вне досягаемости. Однако один прямоугольный газовый баллончик приземлился довольно близко. Абигейл попыталась до него дотянуться, но не достала. Скосила глаза, но не смогла прочитать этикетку. Это почти наверняка сжиженный газ: кислород или азот для автоматической лаборатории. Но есть небольшой шанс, что это запасной баллон воздуха. Если так, то в нем ее спасение.

Абигейл еще раз внимательно осмотрелась, но больше ничего не заметила.

– Порядок. Должно быть, это баллон воздуха.

Она сделала еще одну попытку, до предела вытянув

свободную руку. Не хватило буквально одного сантиметра.

На мгновение Абигейл растерялась. Потом, чувствуя себя полной идиоткой, схватила разводной ключ. Она подцепила ключом баллон и потянула; баллон неохотно сдвинулся.

Когда девушка наконец-то смогла отложить разводной ключ и взять баллончик, рука у нее посинела от напряжения. Когда Абигейл читала надпись, по лицу струйками бежал пот.

Это оказался жидкий кислород – вещь совершенно бесполезная. Если впрыснуть его содержимое в скафандр, то первый же вздох превратит ее легкие в лед. Она выронила баллончик и, неподвижно лежа на спине, тупо глядела в небо.

Там, наверху, была цивилизация. Десятки тысяч обитаемых станций, связанных между собой коммуникационными и трансляторными сетями. По лазерным кабелям беспрестанно летели человеческие послания. Трансляторы отнимали и возвращали инерцию, пропуская потоки пассажиров и грузов со скоростью, близкой к скорости света. К третьему завозу колонистов на Проксиму строился новый звездолет. Там, наверху, в роскоши и неге жили свободные от безжалостных тисков гравитации люди. Но здесь…

– Я скоро умру, – тихо сказала Абигейл, и ее охватило благоговейное изумление. Ибо это было правдой. Ей предстояло умереть.

Смерть была черной стеной. Она стояла перед Абигейл, простираясь бесконечно во все стороны: гладкая, таинственная, безликая. Казалось, протяни руку – и вот она. Скоро, если только за ней что-то есть, Абигейл пройдет сквозь смерть. Скоро, очень скоро она узнает…

Абигейл дотронулась до застежки на шлеме. Ощущалась она чем-то серым – гладко и почти приятно. Скользя по застежке, пальцы Абигейл добрались до шеи. И тут, содрогнувшись, она поняла, что думает о том, чтобы расстегнуть скафандр, выпустить воздух и ничего не ждать…

С неожиданной решимостью она расстегнула застежку на плече придавленной руки. Обрезанный таким образом рукав автоматически сжался, перекрыв путь воздуху; зажатая рука оказалась в марсианской атмосфере. Абигейл взяла баллончик с кислородом и свободной рукой зажала его под мышкой. После этого ей удалось открыть его разводным ключом.

Примерно минуту девушка поливала обреченную руку жидким кислородом, пока та наконец не превратилась в кусок льда. Потом Абигейл выпустила баллончик, взяла разводной ключ и размахнулась…

Рука рассыпалась на тысячу кусочков.

Абигейл встала.

Она проснулась в холодном поту. Вернув звездному небу его нормальный вид, села в гамаке. Через несколько минут в голове прояснилось, и Абигейл установила освещение на режим периодического перехода от красного к голубому с частотой своего нормального пульса. В конце концов этот мерный ритм вновь ее убаюкал.

– Ничего похожего, – сказал Поль.

Он прокрутил ленту назад и остановил на том месте, где паук сплел ноги попарно.

– Это выражение крайнего отвращения, запомните. Это легко заметить, и ребята-лингвисты говорят, что любое сопровождающееся этим жестом высказывание следует понимать наоборот. Ирония, понимаете? Например, когда пауки говорят, что сильный должен защищать слабого, это означает…

– Давно мы уже этим занимаемся?

– Практически все время, – жизнерадостно сказал Поль. – Вы хотите на сегодня закончить?

– Только если это не отразится на моей репутации.

– Отлично! – Поль выключил монитор. – Хорошо продумано. Вы абсолютно правы. Это отразилось бы. Однако в награду за понимание вы можете уйти раньше, и это не будет отмечено на вашей дискете.

– Спасибо, – кисло отозвалась Абигейл.

Как и в случае большинства подобных космических сооружений, рядом с «Кларком» вращалось около дюжины искусственных спутников. Когда Абигейл обнаружила, что среди них есть спортивный комплекс, она решила каждый день после занятий с Полем тренироваться там по часу. Сегодня – два часа.

Первый час Абигейл боксировала с тенью и тренировалась в савате[9], при повышенной силе тяжести, чтобы вогнать себя в пот. Второй час занималась в осевой комнате, делая гимнастические упражнения в невесомости. После первого часа тренировки Абигейл почувствовала свое тело легким, ловким и гибким.

Она вернулась из спортивного комплекса бодрая и вспотевшая и снова обнаружила в своем гамаке Чейни.

– Чейни, – назидательным голосом произнесла Абигейл, – уже не первый раз мне приходится выкидывать тебя отсюда.

Шутливо изображая протест, Чейни поднял руки.

– О нет, – сказал он, – сегодня ничего такого. Я пришел посмотреть с тобой дискуссию на плоту.

Абигейл чувствовала усталость, зато на душе было легко, а в голове – почти пусто. Поль что-то говорил об этом, но…

– Давай тогда включим. Такое не следует пропускать.

Чейни дотронулся до стены. На дальней стене комнаты появился экран, и на нем задвигались фигуры.

– А что такое «дискуссия на плоту»? – спросила Абигейл, сдаваясь на милость победителя.

Она забралась в гамак рядом с Чейни. Несколько секунд они легонько покачивались.

– Это плот, видишь? Он потерял управление, на нем нет топлива, кислорода только на одного. Но на борту трое: два человека и один паук.

– А пауки дышат кислородом?

– Не важно. Это гипотетическая ситуация.

Два из трех существ на экране были Домингес и Поль, спокойно ожидавшие начала дискуссии. Третье – плоское изображение паука.

– О'кей, а что дальше?

– Они спорят, кто больше достоин выжить. Домингес говорит, что он, потому что он – человек, а культура людей выше культуры пауков. Паук то же самое говорит о себе и своей культуре… – Чейни обнял девушку за талию. – Ты приятно пахнешь.

– Спасибо, – ответила Абигейл, не обращая внимания на его руку. – А на чем настаивает Поль?

– Он адвокат дьявола. Он говорит, что никто не заслуживает жизни и что баллон с кислородом нужно выбросить.

– Полю должна понравиться такая роль. А в чем смысл дискуссии?

– Это развлечение. Здесь не предполагается смысла.

Абигейл сомневалась, что все так просто. Этот спор может многое открыть в пауках, в образе их мыслей, как только лингвисты изучат текст. Пауки, в свою очередь, без сомнения, будут изучать ответы людей. «Это может быть интересно», – подумала девушка.

Теперь Чейни слегка поглаживал ее по бедру. Абигейл никак не реагировала, потому что еще не решила, нравится это ей или нет. В центре экрана появилась Луис Чанг, женщина, занимающая какой-то высокий административный пост.

«Добро пожаловать, – сказала она и объяснила правила игры. – Победитель определится голосованием. Люди и пауки будут участвовать в голосовании поровну. Пожалуйста, принимайте ваше решение, основываясь не на расовом шовинизме, а на силе аргументов».

Рука Чейни осторожно прошлась по груди Абигейл. Соски

напряглись. Рука задержалась.

«Дебаты начнет джентльмен, представляющий пауков».

Паук зашевелил лапами.

«Благодарю вас, миссис Председатель. Я докажу, что выжить должен я, представитель культуры более развитой по причине наших технологических достижений. Три примера. Люди открыли трансляторные переходы недавно, а мы уже используем их много шестнадцаток… (треск)…Наша технология черных дыр лучше. И наш… (треск)…имел… (треск)…сколько существует наше общество».

«Спасибо. Теперь джентльмен, представляющий человечество».

«Спасибо, миссис Председатель». Домингес поправил повязку на руке.

Чейни откинулся назад, и Абигейл прислонилась к нему. Ее голова удобно расположилась на его плече.

«Мой главный довод основывается на том, что технология – это не единственная и даже не самая важная часть культуры. Если этого не учитывать, дельфинов придется считать неразумными. Эстетические области – искусство, теология и философия – намного важнее. И я постараюсь это доказать».

– Он выбрал неверную тактику, – прошептал Чейни на ухо Абигейл. – Для пауков все это – чистый треск.

«Спасибо. Мистер Жерар?»

Поднялся Поль. Он театрально отхлебнул из маленькой фляжки и воздел ее над головой.

«Алкоголь! Вот величайшее достижение человеческого рода!»

Абигейл фыркнула. Чейни громко расхохотался.

«Но я утверждаю, что ни мистер Домингес, ни глубокоуважаемый паук не заслуживают жизни, потому что ни одна из их культур не проявляет должного уважения к разумным существам. Что я и намерен доказать».

Абигейл посмотрела на Чейни, тот пожал плечами. Фигура Поля исчезла.

«Дискуссия будет продолжена в порядке очереди, начиная с достопочтенного инопланетянина», – сказала Чанг.

Паук и затем Домингес изложили свои доводы, как показалось Абигейл – довольно бледные. Но девушка слушала не очень внимательно, поскольку руки Чейни с большим интересом принялись исследовать потайные места ее тела. Быть может, он и не гений, но в некоторых вещах Чейни, без сомнения, хорош. Абигейл ткнулась губами ему в шею и опять повернулась к экрану.

Снова появился Поль. Он держал что-то в кулаке. Когда

ладонь раскрылась, на ней оказались три стальных подшипниковых шарика.

«Когда я был ребенком, я сбегал из школьного модуля в осевую комнату, чтобы поиграть в шарики».

Абигейл улыбнулась; в детстве она тоже не отличалась особым послушанием.

«Специально для наших коллег-пауков я объясню, что мраморные шарики – это такая игра в невесомости с целью развития координации и пространственного восприятия. Вы строите из шариков шестиконечную звезду. – Один из шариков выпал из его руки, со стуком отскочил от пола и исчез, выкатившись из поля зрения камеры. – Здесь, конечно, игра не получится. Но вся штука в том, что, если хорошенько прицелиться, шарик ударяет в конец звезды, его кинетическая энергия передается от шарика к шарику по цепочке. Так что брошенный шарик становится на место первого, а последний шарик в цепочке улетает».

Чейни внимательно слушал Поля и почти перестал ласкать девушку.

«Так вот, мы собираемся послать человека сквозь Гинунгагап и соответствующую ему черную дыру в мире пауков. По крайней мере, мы говорим, что сделаем именно это. Но из второй дыры выйдет не обязательно то же самое, что попадет в первую. Мы направляем в Гинунгагап электрон, и где-то появляется другой электрон. Они идентичны. Это прямая причинно-следственная связь. Но происходит как в случае с мраморными шариками: они одинаковы и имеют одну и ту же кинетическую энергию. Но это не тот же самый электрон».

Рука Чейни остановилась. Тронув невнимательного гостя за бедро, Абигейл напомнила о своем существовании.

«Любой, кто этим интересуется, может посмотреть уравнения. Когда мы обмениваемся информацией, это не имеет значения. Здесь важна сама информация, а не средства передачи. Однако когда мы пошлем человеческое существо… то, что появится из другой черной дыры, будет идентично каждой клеткой, каждым атомом. *Но это не будет тот же человек.* – Поль несколько секунд помолчал. Он улыбался. – Таким образом, я полагаю, что это убийство. И поэтому, вступив в сговор с целью совершения убийства, и раса пауков, и раса людей совершили преступление против разума. Короче, на нашем плоту жизни не заслуживает никто. У меня все».

«Мистер Жерар! – Протестующий голос Домингеса раздался даже раньше, чем на экране появилось его изображение. – Простейшее математическое доказательство – тождество: А равно

А. Вы что, собираетесь это отрицать?»

Поль поднял на ладони два стальных шарика.

«Шарики тоже идентичны и тождественны, но ведь это не один и тот же шарик?»

«Мы знаем феномен, о котором вы говорите, – сказал паук. – Это, как если бы… (треск)…черная дыра в тот же момент испускала. Здесь нет нарушения непрерывности. Эти два объекта – одно и то же. Здесь нет смерти».

Абигейл успела завалить Чейни в гамак, и оба они лежали теперь на боку. Изображение на экране им было по-прежнему видно.

«Это до тех пор, пока вам не случится быть первым шаром, а не вторым», – сказал Поль.

Абигейл осторожно лизнула Чейни ухо.

– Он прав, – шепнул Чейни.

– Нет, не прав, – возразила Абигейл и укусила парня за мочку.

– Ты имеешь в виду рассуждение о смерти?

– Конечно. Он путает семантику с реальностью.

Девушка занялась внимательным изучением шеи Чейни.

– Хорошо.

И тут Абигейл почувствовала, что она что-то упустила.

– Почему ты спрашиваешь? – Девушка высвободилась из его объятий и села. Чейни сел тоже.

– Просто так. – Он снова обнял ее. Но Абигейл была уверена, что от нее что-то ускользнуло.

Они лениво ласкали друг друга, пока не кончились дебаты. Абигейл проголосовала за Домингеса, а Чейни за Поля. В результате почти единодушного голосования пауков выиграл паук.

– Я говорил тебе, что Домингес избрал неверную тактику, – сказал Чейни. Он спрыгнул с гамака. – Послушай, мне нужно навестить кое-кого кое-зачем. Скоро вернусь.

– Но ты же не уйдешь сейчас? – опешила Абигейл.

Дверь за Чейни захлопнулась. Взбешенная девушка спрыгнула с гамака и решила пойти за ним.

Никогда ее еще так не оскорбляли. Чейни не пытался убегать или заметать следы, ему, видно, и в голову не приходило, что Абигейл может его преследовать. Девушка кралась за ним по коридору, вверх по пандусу, и наконец увидела открывающуюся перед Чейни дверь. Абигейл узнала ее. Девушка присела на корточки за кустом и задумалась. Мимо прошел Треск, увидел ее и начал ласкаться.

– Брысь! – прошипела Абигейл.

Кот ткнулся в ее колено лбом. Девушка взяла Треска на руки. Он был очень доволен.

Дверь открылась, и из нее, посвистывая, вышел Чейни. Абигейл подождала, пока он уйдет, поднялась и вошла в дверь. Под прозрачным полом между длинными водорослями сновали стайки рыб. Это была строгая комната аскета без каких-либо украшений. Не видно было даже гамака.

– Значит, Чейни работает на вас, – холодно сказала Абигейл.

Поль оторвался от стоявшего в углу монитора.

– Да, минуту назад я подписал с ним постоянный контракт. Он довольно умен. Молод, правда, еще, но должен справиться.

– Значит, вы признаете, что поручили ему проверить меня вашими дурацкими доводами? – Треск завозился у нее на руках, и девушка взяла его поудобнее. – И что этот спор вы придумали специально для меня?

– Ну вот, – кивнул Поль, – я же знал, что тренировка даст свои результаты. Такое короткое время – и вы уже научились осторожности.

– Вы не ответили на вопрос.

– Мне нужна была ваша искренняя реакция, а не тот ответ, который вы бы мне дали, зная, что от него зависит ваш полет сквозь Гинунгагап.

Треск сердито зашипел.

– Вот-вот, Треск, скажи ему! Я с тобой полностью согласна. – Она шагнула в коридор и обернулась: – Вы проиграли дискуссию.

Еще долго после того, как за ней захлопнулась дверь, Абигейл чувствовала спиной снисходительную улыбку Поля.

Вернувшись домой, она в очередной – и последний – раз выкинула Чейни из своего гамака. Два дня спустя ее вызвали в центр управления.

– Испытание, – сказал Поль по внутренней связи. – Ваше присутствие обязательно.

Центр управления был заполнен техниками; их было раза в три больше, чем компьютерных терминалов. Люди небольшими группками собрались вокруг экранов. Абигейл подошла к Полю.

– Вот, – сказал он, – это «Клото»[10], платформа, которую мы построили для нашего аппарата. Расстояние около сотни километров. Я хотел больше, но Домингес не согласился. Прибор, который размотает вас и сбросит в Гинунгагап, – это вон та штуковина в центре.

Поль нажал клавишу, платформа приблизилась и заполнила собой весь экран. Она была покрыта большим прозрачным куполом. Человек в скафандре что-то засовывал в механизм,

напоминавший гигантскую металлическую раковину.

Абигейл не поверила своим глазам, зажмурилась и открыла глаза снова.

– Но это же Треск, – с негодованием сказала она.

– Жалуйтесь Домингесу. Я хотел бабуина.

Раковина закрылась. Техник в скафандре вышел из-под колпака, и на экране замигали цифры. Тем временем паучье изобретение обездвижило Треска, превратило молекулы его тела в одну длинную, непрерывную полимерную цепь и со скоростью, близкой к скорости света, отправило ее в Гинунгагап. Вода из его тела была отведена и собрана в специальное хранилище. Ее электролитический баланс был записан и тут же передан потоком электронов. Они достигнут приемного устройства пауков одновременно с кошачьим полимером, и эта информация будет использована при воссоздании.

Прошло тридцать секунд. Теперь Треск на «Клото» присутствовал лишь частично. Невероятно длинная полимерная цепь невидимо проходила сквозь Гинунгагап. Где-то очень далеко пауки начинали ткать из нее кота.

Если только все идет хорошо.

Через девяносто две секунды после начала работы прибора цифры на экране замерли. Треска на «Клото» больше не было. Раковина открылась и оказалась пустой. В центре управления поднялся радостный гул. Домингес с чьей-то помощью забрался на стол. Он сделал приветственный жест рукой и сказал:

– Друзья!

Далее последовала длинная речь. Абигейл его не слушала. Рука Поля легла на плечо Абигейл. Это было его первое прикосновение к ней с момента знакомства.

– Домингес всего лишь ученый. Он и понятия не имел, насколько вам дорог этот кот.

– Послушайте, я сама пошла на это. Я знала об опасности. Но Треск – животное, у него не было выбора.

Поль заколебался, подбирая слова:

– Кстати, это то, к чему я вас готовил. Причина, по которой летите вы, а не кто-нибудь вроде Домингеса. Он проецирует свои реакции на других людей. Если…

Увидев, что Абигейл не слушает, Поль сказал:

– В любом случае через несколько часов вы будете играть с котом. Они взяли его только для того, чтобы проверить системы жизнеобеспечения.

Через несколько часов в центре управления царило праздничное настроение. Пауки передали, что Треск совершил

перелет без малейших повреждений. На короткое время кот появился на экране: он крался по платформе, аналогичной «Клото», злой, но совершенно невредимый.

– Смотрите, – сказал кто-то.

Экран показывал, что в приемную сеть начала поступать полимерная цепь кота. Через полторы минуты операция завершилась.

Все это походило на цирковой фокус: закрылась пустая раковина, туда была закачана вода, раковина открылась – и в центре ее оказался спокойно вылизывающий лапу Треск.

Абигейл улыбнулась.

– Добро пожаловать домой, Треск, – ласково сказала она. – Я скажу ребятам из БИО, чтобы они приготовили для тебя сливок.

Поль бросил на нее быстрый взгляд. Его глаза задержались на девушке всего на какое-то мгновение: ровно настолько, чтобы узнать о ней что-то новое и запомнить это на будущее. Затем Поль сразу перевел внимание на что-то еще. Когда он повернулся к Абигейл спиной, девушка показала ему язык.

На «Клото» опустился челнок, и из него вышла женщина-пилот. Неловко, зная, что на нее смотрят десятки глаз, она сняла шлем, присела, протянула к коту руку и стала его подзывать.

– Передайте этой идиотке, чтобы она надела шлем, – прорычал Поль. – Дура! Это настоящее…

А в следующее мгновение Треск выскочил из спиннера, черно-белой стрелой пронесся мимо опешившей женщины и сиганул в открытый челнок. Вот он вспрыгнул на приборную панель. Мягкие кошачьи лапы забарабанили по клавишам. Входной люк закрылся, включились двигатели…

Операторы в центре управления бросились к своим клавиатурам. Пилот на «Клото» лихорадочно пытался надеть шлем. Челнок взлетел, снеся при этом половину защитного купола, и выпустил с платформы воздух.

Экраны компьютеров показывали происходящее во множестве разных ракурсов, то крупным, то общим планом. Опешивший Домингес застыл столбом.

– Чейни, – спокойно сказал Поль. – Убери его.

– Он идет прямо на нас! – закричал кто-то.

Пальцы Чейни залетали по клавиатуре: тап-рап-тап. На экранах расцвел красный ядерный взрыв.

В центре управления настала мертвая тишина.

«Я чего-то не понимаю, – подумала Абигейл. – Мы только что взорвали пять процентов нашего челночного флота, чтобы убить одного кота».

– Вырубайте передатчики! – Поль расхаживал по центру

управления и отдавал приказания. – Ничего не передавайте. Вы, вы и вы, – выгонял он операторов из-за пультов, – свободны. Вся эта проклятая связь будет прекращена.

– Поль… – начал было один из операторов.

– Продолжайте прием. – Поль даже не посмотрел на него. – Принимайте все, что они пошлют, сваливайте в хранилище и не смешивайте с нашей информацией, пока все не будет проверено.

В центре комнаты, всеми покинутый, стоял Домингес и растерянно бормотал:

– Что, что случилось?

– Вы слепой идиот! – сверкнув глазами, повернулся к нему Поль. – Ваши драгоценные пауки только что сделали нам первую гадость. Кот, который вернулся назад, был просто похож на того, которого мы послали. Они его подменили. Они ретранслировали его с инструкциями, вбитыми в его мозг.

– Но зачем они хотели украсть челнок?

– Не знаю!!! – проревел Поль. – Да поймите вы наконец! Мы не знаем их мотивов, нам неведом образ их мыслей. Но мы бы узнали об их намерениях гораздо больше, чем хотели, если бы я не установил на этом челноке взрывное устройство.

– Вы не… – начал Домингес и запнулся, одумавшись.

– Не имел права устанавливать это устройство, – закончил за него Поль. – Это верно. Не имел.

В его голосе звенел сарказм. Домингес весь как-то съежился. Его тусклый, ничего не выражающий взгляд рассеянно блуждал по сторонам. Потом, ссутулившись, шеф связи вышел. Полностью опозоренный в глазах своих подчиненных.

«Силён», – подумала Абигейл. Ее удивила жестокость Поля. Ни на секунду она не поверила, что гнев в его голосе был настоящим, что он мог потерять над собой контроль.

Это означало, что среди общей сумятицы и подавленности Поль сумел разыграть маленький спектакль, чтобы усилить свою власть. И ставшая теперь подозрительной Абигейл признала этот ход удачным.

Лишь благодаря силе воли и авторитету Поля в течение пяти дней коммуникационная сеть была закрыта. Информация поступала, но не передавалась. Администрация «Белл-Сандиа» Поля не поддерживала – слишком много времени и средств было вложено в «Клото», чтобы оборвать исследования на середине. Но Поля поддерживали работники станции, и он знал, как этим воспользоваться.

– Крупные фирмы, такие как «Белл-Сандиа», очень зависят от народного мнения, – объяснил Поль. – Но я пользуюсь наверху

достаточным расположением. Чиновники трусливы и нерешительны, и поэтому я смогу держать сеть закрытой довольно долго.

Поток поступающей информации беспорядочно перескакивал с предмета на предмет. Цепочки информации прерывались на середине, так и оставаясь незаконченными. Часто передавалась бессмыслица. Пауки искали способ восстановить связь.

– Если они начнут повторяться, – сказал Поль, – значит они испугались.

– Но мы же не сможем закрыть сеть навсегда? – заметила Абигейл.

Поль пожал плечами:

– Это блеф.

Они пили сухое вино в баре пятого уровня. За спиной бармена по скалистой стене сновали маленькие красные ящерки.

– А если ваш блеф не сработает? – спросила Абигейл. – Если все это ни к чему не приведет? Что тогда?

Плечи Поля опустились. В воздухе повисла напряженная пауза.

– Тогда мы доверимся доброй воле пауков, – сказал он. – Пусть решают, что и как делать дальше. Может, они отнесутся к нам благосклонно, а может, и нет. И в том и в другом варианте, – голос его помрачнел, – окажется, что я играл во все эти игры и манипулировал множеством людей без всякого толка. Если случится именно это, – он взял Абигейл за руку, – я хотел бы извиниться.

Поль сжал ей руку так сильно, что у него самого побелели костяшки пальцев.

Ночью Абигейл снилось, что она падает. Ее окружал радужный свет: это ломались ее кости и разрывалось тело.

Она откинула руку, и та подпрыгнула на чем-то теплом и мягком.

«Абигейл!»

Она судорожно дергалась, и что-то било ее по ребрам. Вспыхивали полосы желтого света.

«Абигейл!»

Кто-то громко звал ее и тряс за плечо.

Горы и небо посерели, покрываясь неясными образами. Ее веки приоткрылись, снова закрылись, потом открылись, теперь уже окончательно.

– Ох, – вырвалось у Абигейл.

Поль отвернулся. Под ногами у него плавали рыбы.

– Ну-ну, успокойся, – сказал он.

Двигаясь по длинным плавным кривым, в воде вспыхивали неяркие зелено-голубые огни.

– Сон?

Абигейл вздрогнула, схватила Поля за руку, но тут же отпустила. Потом кивнула.

– Расскажи мне его.

– Я… – начала Абигейл. – Ты просишь меня как просто человек или как начальник внешней безопасности?

– Я не делаю такого различия.

Девушка почесала друг о друга большие пальцы ног.

– Хорошо, – сказала она и рассказала свой сон.

Поль слушал с большим интересом, а когда Абигейл закончила, задумчиво потер подбородок.

– Ты знаешь, мы предложили эту работу тебе именно в связи с твоей последней передрягой. Хладнокровие в экстремальной ситуации. Отсутствие подчиненности телу. Специалистов-гравитационщиков много, выбор у нас был большой. Ты просто оказалась чуть покруче прочих.

– Что ты хочешь этим сказать? Что мне можно найти замену?

Поль пожал плечами:

– Любому можно найти замену. Я просто хочу, чтобы ты знала: если хочешь, то можешь отказаться. Наш проект от этого не пострадает.

– Я не хочу отказываться.

Абигейл тщательно подбирала слова и говорила медленно, чтобы не дать выход своему нарастающему гневу.

– Послушай, я работаю в гравитации уже десять лет. В Солнечной системе я была везде. Известно тебе, что сейчас насчитывается меньше двух тысяч человек, побывавших и на Меркурии, и на Плутоне? У нас даже есть свой маленький клуб, и раз в год мы встречаемся. – Вокруг Абигейл раскачивались водоросли, огни на полу отбрасывали на стены размытые колеблющиеся блики. – Всю жизнь я провела, вращаясь вокруг Солнца, и больше нигде не была. Я хочу путешествовать, но в Солнечной системе путешествовать мне уже некуда. Я везде побывала. Ты предлагаешь мне выбраться наконец куда-то еще и тут же спрашиваешь, не хочу ли я отказаться. Черта с два!

– Почему ты не веришь, что проход сквозь Гинунгагап – это смерть? – спокойно спросил Поль.

Абигейл посмотрела ему в глаза и увидела там лишь холодный расчет. Это почти испугало ее. Поль оценивал ее, формировал суждение, соединял события в длинные логические цепи, совершенно не принимая во внимание человеческие чувства. Он сам был как чужак.

– Обыкновенный здравый смысл. Когда выйду, я обязательно буду той же Абигейл, которая войдет в «Клото». Не будет различия ни на атом, ни на мельчайшую частицу.

– Но сущность будет другой. Каждый атом будет другим. Все до последнего электрона будет другим.

– Хорошо. Но чем же это отличается от обычного нашего состояния? – настойчиво спросила Абигейл. – Наше тело – это постоянный поток. Молекулы все время сменяются другими молекулами. Кусочек за кусочком мы перевоссоздаемся. Разве это делает нас от мгновения к мгновению другими людьми? «Наше тело всего лишь летучий пар», верно?

Глаза Поля сузились.

– Марк Аврелий. Но твоя цитата не полная, дальше следует: «…наша душа – это всего лишь сны и пар».

– Ну и что это означает?

– То, что Марк Аврелий не поддерживает твою точку зрения. Если прочитать цитату точно, она как раз доказывает верность моих утверждений.

– И все равно, либо одно, либо другое. Или я выйду из черной дыры той же, что и была, или я уже не та, что была мгновение назад.

– Я бы поставил вопрос иначе, – пожал плечами Поль. – Но это не важно. Давай спать.

Он протянул девушке руку, но Абигейл не испытывала никакого желания ее принять.

– Означает ли это, что я прошла твою проверку?

Поль закрыл глаза и потянулся.

– Ты по-прежнему боишься смерти и не веришь, что умрешь, – сказал он. – Да. Ты ее прошла.

– Спасибочки! – съязвила Абигейл.

Они уснули и оставшуюся часть ночи не прикасались друг к другу.

Прошло три дня. Когда Абигейл проснулась, Поля уже не было. Она коснулась стены и произнесла его имя. На стене появилась строчка: «Домингес вызван администрацией». Через некоторое время появилось лицо Поля. Он не смотрел в записывающую камеру, и теперь казалось, что его изображение боится взглянуть Абигейл в глаза.

– Я собираюсь возобновить связь до возвращения Домингеса. Таким образом мы его окончательно деморализуем. – Запись окончена.

Абигейл по внутренней связи вызвала центр управления. Экран на стене засветился опять, и появившийся на нем Поль

помахал рукой, одновременно приветствуя ее и призывая жестом к молчанию.

Он склонился над клавиатурой. На мониторе появился паук.

– Приветствую тебя, паук, – сказал Поль.

– Привет, человек. Мы желаем повторить наш предыдущий запрос: значение термина «искусство», который был использован человеком Домингесом на шестой шестнадцатой части того большого представления.

– Трудный вопрос. Чтобы понять определение искусства, нужно сначала изучить философию эстетики. Это очень обширная область знания, сопоставимая с теорией восприятия. Они во многом связаны.

– А какова коммерческая стоимость этой области знания?

Появился грустный Домингес. Он хотел что-то сказать, но Поль, кивнув на экран, приложил палец к губам.

– Она значительна. В нашем обществе ценность науки и искусства считается примерно равной.

– Мы подумаем, что предложить в обмен.

– Хорошо. У нас тоже есть к вам вопрос. Пожалуйста, подождите, пока мы обдумаем, как лучше его задать.

Поль отключил связь и повернулся к Домингесу:

– Похоже, ваши рассуждения на плоту дают хорошие результаты. Хотя я немного удивлен, что они клюнули на эту наживку.

Домингес окончательно скис:

– Они не упоминали инцидент с котом?

– Нет. Ни его, ни перерыв в связи.

Старик вздохнул:

– Чужаки всегда были мне близки, а теперь они кажутся такими холодными, бесчеловечными. – Он попробовал засмеяться. – Это почти каламбур, правда?

– У людей это назвали бы просто профессиональным отношением к делу. И пусть это не портит вам настроение от удачи, – сказал Поль. – Она может быть так же велика, как в случае с оптикой.

Он снова включил связь.

– Наш вопрос сформулирован.

Абигейл заметила, что Поль не сообщил Домингесу о ее невидимом присутствии.

– Спрашивайте, пожалуйста, – «сказал» паук.

– Почему вы изменили наше подопытное животное?

Снова взмахи паучьей лапы.

– Мы улучшили отношение… (треск)…центры восприятия… (треск)…психика… (треск)…чтобы сделать животное на

двенадцать шестнадцатых таким же разумным, как человек. Мы думали, вам будет приятно.

– Нам не было приятно. Почему подопытное животное действовало по отношению к нам враждебно?

Лапы паука резко дернулись, и он исчез с экрана.

– Пожалуйста, ждите, – сказал автомат.

Абигейл заметила, как Домингес озадаченно посмотрел на Поля. На заднем плане по извилистому проходу медленно шел человек с кожаным мешком на плече. Он то и дело запускал руку в мешок и разбрасывал по кустам светлячков. Рука его в размеренном ритме то исчезала в мешке, то появлялась снова. Будничная жизнь шла своим чередом.

Вновь показался паук, на этот раз в сопровождении двух своих сородичей. Ноги их лихорадочно двигались, то сцепляясь, то расцепляясь снова: жестикуляция как во время оживленной беседы. Наконец один из них обратился к людям:

– Мы обсудили ваш вопрос.

– Это я вижу.

– Мы пришли к выводу, что переход сквозь Гинунгагап произвел на подопытное животное отрицательный эффект. Мы этого не предвидели. Для нас это новое знание. Мы мало знаем о психологии жизни, имеющей углеродную основу.

– Вы говорите, что подопытное животное сошло с ума?

– Ключевое слово не поддается переводу. Мы надеемся на ваше понимание. Нужно принять меры, чтобы в будущем такое не повторялось. Можете вы это сделать?

Поль не ответил.

– Именно по этой причине была прервана связь?

Поль молчал.

– Здесь есть культурный разрыв. Можете вы прояснить ситуацию?

– Спасибо за сотрудничество, – сказал Поль и отключил монитор.

– Можете вернуть ваших людей на рабочие места, – обратился он к Домингесу, – но они не должны отвечать на последние вопросы.

– А они не врут? – задумчиво произнес Домингес.

– Не знаю. Но теперь они по крайней мере дважды подумают, прежде чем затеют с нами новые игры.

Поль подмигнул Абигейл, и она отключила внутреннюю связь.

Через несколько дней испытание спиннера повторили. На этот раз в качестве подопытного животного взяли бабуина, привезенного из зоопарка. По внутренней связи Абигейл

смотрела, как с челнока, прилетевшего от приемной станции, сгружают клетку с раздраженной и фыркающей большой обезьяной.

– Они намного сильнее нас, – сказал Поль. – Очень ловки. Если пауки захотят выкинуть еще какой-нибудь фокус, лучшей приманки не придумаешь.

Испытание прошло как по маслу. Бабуин был пропущен сквозь Гинунгагап, пауки держали его у себя несколько часов, а потом ретранслировали обратно. Тщательная проверка не выявила у животного каких-либо изменений.

Абигейл спросила, насколько эта проверка надежна. Поль заложил руки за спину.

– Мы возвращаем бабуина в зоопарк. Если бы у нас были какие-то сомнения, мы бы этого не сделали. Но… – Поль поднял брови, желая, чтобы Абигейл закончила его мысль.

– …Но если пауки – враги, они не станут недооценивать нас во второй раз. Они подождут человека, чтобы похозяйничать в *его* мозгу.

Поль кивнул.

Ночью перед полетом Абигейл они занимались любовью. Это был отчаянный, неистовый акт, совершенный в абсолютном молчании и без какой бы то ни было нежности. После этого они лежали рядом, и Абигейл рассеянно перебирала курчавые волосы Поля.

– Гейл… – Он уткнулся головой ей в плечо, и девушка не могла видеть его лица. Голос Поля звучал приглушенно.

– Ммм?

– Не ходи туда.

Абигейл захотелось плакать. Как только Поль это сказал, она сразу же поняла, что это была очередная проверка – последняя. И Абигейл знала, Поль хочет, чтобы она ее не прошла. Он искренне верит: проход сквозь Гинунгагап убьет ее и Абигейл, которая появится из черной дыры пауков, будет уже другой.

По морщинкам на его лбу девушка догадалась: глаза Поля закрыты. Он знал, что она ответит. И ему некуда было спрятаться от этого знания. Абигейл стало ясно, что это самое явное проявление эмоций, на которое способен Поль. Она представила, как презирает себя этот человек за использование своих истинных чувств в качестве приманки, чтобы проверить ее еще раз, и как он не может даже притвориться перед самим собой, что могут быть обстоятельства, при которых он бы ее так не проверял. «Вот что, должно быть, чувствуешь, когда думаешь как он: постоянно докапываешься до самого последнего подтекста – словно все

время расчесываешь язву».

– Ох, Поль.

Он отвернулся.

– Иногда мне хочется, – Поль поднял сжатые в кулаки руки к глазам, – отключить свой мозг. Хоть на какие-нибудь десять долбаных минут.

Абигейл прижалась к нему и обняла.

– Молчи, – шепнула она.

Челнок взлетел с «Клото» и стал быстро уменьшаться. Вскоре он исчез вовсе. Мамочка была еле заметной светящейся точкой, затерявшейся среди звезд. Абигейл поежилась, сняла с рук повязки и бросила их в мешок. Потом потянулась к набедренной повязке, поколебалась. «Черт с ним. Здесь нет ничего такого, чего бы они не видели раньше». Теперь она стояла полностью обнаженная, и ее ноги покрылись гусиной кожей. Немного смущаясь оттого, что на нее смотрит множество людей, Абигейл подплыла к раковине и забралась в нее.

– Поехали, – сказала она.

Металлический панцирь герметично закрылся, и Абигейл оказалась в кромешной тьме. Она парила в позе лотоса. Несильное магнитное поле сковало ее, и начали действовать установки гипноза. Пульс и дыхание замедлились. Затем она почувствовала, что погружается в стазис.

Абигейл весила пятьдесят килограммов. После удаления воды она превратится в органическую цепь длиной в двести семьдесят пять миллионов километров. При скорости света на это уйдет пятнадцать минут и семнадцать секунд, при реальной скорости передачи – чуть дольше. Когда пауки начнут ткать Абигейл из органической цепи, она все еще будет сидеть в «Клото». Может быть, Треск свел с ума быстрый переход. Поль сомневался в этом, но он всегда учитывал все возможности. Чтобы защитить психику, гипнотизеры вложили в сознание Абигейл фантазию, которая во время полета должна была сделать ее невосприимчивой к внешней реальности.

Абигейл была орлом. Она распростерла огромные крылья и парила в открытом космосе. Кожа ее была красной и грубой, а грудь совершенно твердой. Бедра были покрыты перьями, а из коленей торчали шипы.

Абигейл парила в потоке уходящего в Гинунгагап солнечного ветра. Вакуум воспринимался как абсолютная свобода. Из ее горла вырвался ликующий хищный клекот. Ничто не сдерживало Абигейл, она была навеки свободна. Под ней был Гинунгагап – видимая лишь благодаря красному свечению окружавших ее

газов, манящая к себе пропасть. Это был зародыш безумия, странная безликая сила, стремящаяся поглотить Абигейл и раздавить ее в своей утробе. И прожорливость этого чудовища была бесконечна.

Абигейл летела легко, свободно, не прилагая усилий. Затем, сложив крылья, она спикировала в Гинунгагап.

Ее обжег дождь рентгеновских лучей, излучение диска аккреции. Лучи были подобны брызгам расплавленного металла, пронизывающим привидение. С громким победным криком Абигейл бросилась в атаку, оставляя за собой искрящийся след.

Гинунгагап стремительно разрастался и вот уже заполнил собой все поле зрения. Это была абсолютная черная чернота, недоступная органам чувств и пониманию, – само воплощение Смерти и Безумия. Это был враг.

Какой-то частью сознания Абигейл понимала, что все еще находится на «Клото», что из ее тела создается органическая цепь, ускоряется транслятором, проходит через две черные дыры и одновременно пауки уже ткут из нее новую Абигейл. Но все это было не важно.

Девушка прошла сквозь Гинунгагап незаметно, как сквозь поверхность мыльного пузыря. Вот она здесь…

…и уже с другой стороны.

Это было похоже на отражение в зеркале или на фильм, прокрученный задом наперед. Абигейл мгновенно полетела из черной дыры тем же путем, что в нее попала. Небо превратилось в сплошную расплавленную фиолетовую массу.

Звезды впереди просветлели, из фиолетовых сделались голубыми. Абигейл обернулась, посмотрела на Гинунгагап, увидела, как это шарообразное небытие удаляется, и в ярости закричала. Бездна уклонилась от вызова.

Абигейл широко раскинула крылья, чтобы остановить полет, и… она сидела в каком-то темном месте. Вытянутая рука коснулась холодной металлической поверхности раковины-спиннера. Мелькнула тоненькая линия света, стала медленно расширяться, наконец раковина открылась.

В лицо ей плеснул океан света. Абигейл выпрямилась и от этого слегка поднялась в воздух. Сквозь прозрачный купол над головой она увидела вечность мерцающего света.

«Боже, звезды!»

Звезд было очень много, и они были очень большие и яркие – такого великолепия Абигейл еще не видела никогда. Она оказалась в каком-то замечательном месте: в большом звездном скоплении или в центре галактики. Абигейл вдруг охватила неизъяснимая радость. Она набрала в легкие побольше воздуха

и засмеялась.

– Абигейл Вандерэк.

Абигейл обернулась на свое имя и поняла, что его произнесла машина. Вокруг стояли пауки. Их лапы бесшумно шевелились. Снаружи, в открытом космосе, виднелись их соплеменники.

– Мы сожалеем о любой боли, которую это может вам причинить, – сказала машина.

И тут пауки ринулись к ней. Абигейл не успела ничего сделать. Перед ней возникли острые челюсти и вонзились в шею. Невероятно быстрыми движениями пауки перерезали ей горло и разорвали позвоночник. Резкий рывок – и ее голова отделилась от тела. Все это произошло мгновенно. Короткая вспышка боли, и на миг Абигейл увидела свое обезглавленное тело, только теперь начавшее реагировать на происходящее. Потом она умерла.

Крохотная искорка. Свет. «Я жива». Сознание возвращалось к ней медленно, словно разогревалась старинная катодная трубка. Абигейл потянулась, чуть качнувшись при этом в воздухе. Она была снова на платформе – двойнике «Клото». Ничего не болело, голова прочно держалась на плечах. На платформе стояли пауки, несколько чужаков плавало снаружи, в открытом космосе.

– Абигейл Вандерэк, мы готовы к переговорам, – сказала машина.

Абигейл молчала.

Через несколько секунд машина заговорила снова:

– Вам нанесен какой-либо ущерб? Ваше мышление повреждено? – Напряженная пауза, а затем новый вопрос: – Разве ваше сознание не было защищено во время перелета?

– Это вы там, за платформой, размахиваете лапами?

– Да. Для нас важно, чтобы вы поговорили с другими людьми. Вы должны передать наши вопросы. С нами они не захотят говорить.

– У меня самой есть к вам несколько вопросов. Я не буду сотрудничать с вами, пока не получу на них ответ.

– Мы ответим на любые ваши вопросы, если вы не будете ни… (треск)…ни… (треск).

– За кого вы меня принимаете? – спросила Абигейл. – Конечно, не буду.

Через несколько часов она говорила с Полем и Домингесом. По ее просьбе пауки удалились, оставив Абигейл одну. На лице Домингеса были написаны ужас и полная подавленность.

– Клянусь, мы никак не могли предположить, что пауки нападут на вас, – сказал он. – Мы видели это на мониторах. Я был уверен, что вас убили… – Его голос смолк.

– Я жива, как видите, хотя и не вашими молитвами. Так что это там за история насчет взрывчатки в моих костях?

– Взрывчатка? Клянусь, мы не знаем ни о чем подобном.

– Нечто вроде пластиковой взрывчатки, – сказал Поль. – Я установил на «Клото» небольшой прибор. В процессе трансляции он заменил этим веществом половину костного мозга в грудине и тазобедренных костях. Я надеялся, что пауки так быстро этого не учуют.

– Так ты действительно это сделал? – удивилась Абигейл. – Значит, пауки говорили правду. Они обезглавили меня в целях самообороны. На хрена ты такое придумал?

– Просто предосторожность, – сказал Поль. – У тебя в голове была программа, активирующая взрывчатку по нашей команде. Таким образом, мы могли разрушить паучью установку, если бы они снова выкинули какой-нибудь фокус.

– М-да, – сказал Домингес, – хорошо, что все это записывается. Я хотел бы узнать, мисс Вандерэк, как вам удалось избежать гибели.

– Мне вовсе ничего не удалось. Пауки убили меня. К счастью, они предвидели, что все так случится, и записали трансляцию. Им было нетрудно воссоздать меня после того, как они убрали из записи этот пластик.

Домингес испуганно посмотрел на нее:

– Вы не чувствуете в этом ничего особенного?

– В чем?

– Ну… – Он беспомощно повернулся к Полю.

– В том, что настоящая Абигейл Вандерэк умерла, а ты просто очень правдоподобная копия, – сказал Поль.

– Слушай, мы уже сто раз обсуждали эту чушь… – сердито начала Абигейл.

Поль одарил Домингеса немного деланной улыбкой. Абигейл было трудно привыкнуть видеть этих двоих в плоском черно-белом изображении.

– Она не верит в такие шутки.

– Если вы, ребята, готовы на минуту оторваться от своих пупков, – сказала Абигейл, – то я могу вам сообщить интересные новости: у пауков есть что-то, что вам очень нужно. Они заявляют, что послали через свою черную дыру зонды.

– Зонды? – Поль насторожился.

Абигейл чувствовала, как в его голове шевелились мысли об оружии и прочей военной чепухе.

– Зонды, построенные из углеводородных цепей. Органические зонды. Самовоссоздающиеся трансляторы. У них есть побочная углеродная технология.

– Чепуха, – сказал Домингес. – Как они могут воссоздать когерентную материю без приемника?

Абигейл пожала плечами:

– Они говорят, что нашли выход.

– Какой? – спросил Поль.

– Этого они не говорят. Кажется, они думают, что вы хорошо за это заплатите.

– Правильно думают, – произнес Поль. – Да, конечно.

Переговоры заняли почти столько же времени, как предыдущая беседа. Абигейл была совершенно вымотана, когда Домингес наконец сказал:

– На этом официальная часть закончена. Мы прекращаем запись. – На экране появилась и тут же пропала полоса. – Хотите вы поговорить с кем-нибудь неофициально? Может быть, вам кто-нибудь близок…

– Близок? Нет. – Абигейл чуть не засмеялась. – Впрочем, я поговорю с Полем.

За куполом «Клото» проплыл паук. Это было крабообразное существо, его золотистое тело слегка опалесцировало. Паук скользил по невидимым нитям, протянутым между открытыми платформами звездного города пауков.

– Я слушаю, – сказал Поль.

– Ты сделал из меня бомбу, ты, ублюдок!

– Ну и что?

– Я могла погибнуть!

– Меня должно это волновать?

– Черт возьми, еще как должно. Принимая во внимание вольности, которые ты позволял себе в обращении с моим прекрасным белым телом.

– Давай уясним одну вещь, – сказал Поль. – Женщина, с которой я спал, женщина, которая мне нравилась, мертва. По отношению к тебе у меня нет каких-либо чувств и обязательств.

– Поль, – сказала Абигейл, – я не мертва. Поверь мне, я бы знала, если бы было не так.

– Как я могу доверять тому, что ты думаешь или чувствуешь? Все это может быть вживленными в тебя установками пауков. Мы знаем, что у них есть соответствующая технология.

– Откуда ты знаешь, что в тебя самого не вложены какие-нибудь установки? Если на то пошло, откуда ты знаешь, что что-либо существует реально? Конечно же, это глупые, достойные разве что первокурсника идеи. Но я – та же самая женщина, что была несколько часов назад. Все воспоминания, взгляды, чувства остались прежними, нет абсолютно никакой разницы между мной и той, с которой ты спал на «Кларке».

– Знаю! – Глаза Поля остались холодными. – В этом-то и весь ужас. – Он отключил связь.

Через несколько мгновений Абигейл поняла, что бездумно смотрит на окружающие ее машины. «А ведь мне больно, – подумала она. – Вроде и не из-за чего, а все равно больно».

Абигейл отправилась в свою квартиру. Пауки, готовясь ее принять, проделали большую работу. Здесь у нее была точно такая же комната, как на «Кларке», разве что без зелени. Они даже раскрутили платформу, чтобы дать Абигейл ощущение верха-низа. Девушка села в гамак и решила думать о чем-нибудь более приятном. О том, что предложили ей пауки, например. Полю и Домингесу Абигейл об этом не сказала. Так как сами пауки из-за своей химии не могли проходить сквозь черные дыры, им нужен был кто-то, кто представлял бы их интересы в разных частях Вселенной. Они предложили ей работу. Или, вернее сказать, они предложили ей работы. Потому что было слишком много мест, куда бы они хотели послать своего представителя, и одной женщине здесь не справиться. Им нужна была дюжина, а со временем, может быть, и сотня Абигейл Вандерэк.

В обмен на разрешение делать дубликаты ее личности пауки хотели дать Абигейл права на продажу самовоссоздающихся платформ для переходов сквозь черные дыры.

Это сделает ее богатой женщиной, вернее, сотней богатых женщин. А одновременно откроет для нее всю Вселенную. Паукам она еще ничего не обещала, но про себя знала, что не сможет отказаться от столь выгодного предложения. Возможность увидеть тысячи звезд – мимо такого шанса не проходят.

Когда она постареет, пауки смогут по записи воссоздать молодую Абигейл, перенесут в нее все воспоминания, и прежнее тело станет ненужным.

«Я увижу звезды, – думала Абигейл. – Я буду жить вечно».

Она не могла понять, почему эти мысли не улучшают настроения, а наоборот, внутри поднимается теплая влажная волна, как это бывает перед тем, как заплакать.

На колени к ней прыгнул Треск и перевернулся на спину, чтобы Абигейл почесала ему животик. У пауков была его запись. Они были рады сделать девушке приятное, и по ее просьбе воссоздали кота. Абигейл погладила его и зарылась лицом в теплый мех.

– Милый котик, – сказала она, – а я уж думала, ты умер.

Троянский конь

– И все это у меня в голове? – удивленно сказала Элин.

Так оно и было. Где-то вспорхнул стриж, и она почувствовала, как он летит сквозь ее мозг. На колено к ней сел светляк. Несколько секунд он пульсировал ледяным огнем, потом раскинул крылышки и улетел. И светляк тоже был частью ее.

– Пожалуйста, постарайтесь не разговаривать.

Психотехник подтянул на столе зажим, отрегулировал костный индуктор. Покрытое красной и зеленой краской лицо нависло над Элин, потом отодвинулось.

– Если вы будете помогать, дело пойдет быстрее.

Голова Элин стала ясной и легкой. Огромной. Она вмещала весь Магритт, от самой верхней террасы до огороженных решетками с вьющимися растениями ферм, окружающих внутреннее озеро. И даже бело-голубую Землю, парящую над каменной стеной. Все это было в голове Элин. Она понимала, что это только модель, картинка, которую создает ее мозг из информации, поступающей от органов чувств. Внешняя – настоящая – вселенная лежит снаружи.

– У меня кружится голова.

– Очень большой контраст. – Голос техника звучал холодно и безучастно. – Этот уровень восприятия сильно отличается от обычного. Вы опьянели от новизны.

В голове Элин раздался металлический звон – по переходному мостику соседней фермы прошла женщина в синей сельскохозяйственной одежде, на поясе у нее покачивалась сумка для сбора тыквы. Вокруг кратера была ночь, а внутри – биологический день, и агротехники включили посреди ферм ряды дуговых ламп. Смягченный зеленью свет был нежным и тусклым.

– Всю жизнь бы так жила.

– Вам бы надоело, поверьте мне.

Техник быстро смахнул упавший на щеку Элин лепесток розы. Потом повернулся к двум молча стоящим рядом юристам.

– Как у вас там с вашими заморочками?

Юрист с оранжевой раскраской на лице кивнул. Второй юрист, женщина с лицом в ярко-красных узорах, спросила:

– Ее исходная личность невосстановима?

Психотехник вытащил из кармана коробочку и раскинул перед свидетелями голограмму. В воздухе повисла сложная объемная схема, красные и зеленые линии сходились и переплетались.

– Вот диаграмма существующей на сегодняшний день

личности пациентки. – Он показал пальцем на несколько точек пересечения. – Здесь, здесь и здесь вы видите то, что в шутку называют невероятными эмоциональными силлогизмами. Любой из них несовместим с жизнью.

С конденсоров купола в туманный пруд верхней террасы падала струя-водопад: яркий, бритвенно-тонкий надрез реальности. Вода подбиралась к краю следующей террасы и снова падала.

– Достаточно прямого ответа: да или нет.

Техник нахмурился.

– Теоретически – да. Но надежды практически никакой. Не забывайте, что ее личность никогда не записывалась. Несчастный случай почти полностью разрушил ее эмоциональную структуру. Фактически она уже не человек. Потратив пару десятков лет на чрезвычайно сложные исследования памяти, мы, *возможно*, смогли бы создать копию. Но эта копия будет лишь напоминать оригинал. Прежней Элин Доннелли не получится никогда.

Элин смутно различала оборудование еще для пяти водопадов, но в этот час они не работали. Интересно – почему?

Женщина-юрист недовольно фыркнула:

– Ну ладно, делайте что хотите. Я умываю руки.

Техник склонился над Элин, чтобы переключить костный индуктор.

– Это совсем не больно, – пообещал он. – Просто представьте себе, что вы у зубного врача и сейчас вам заменят зуб.

Она перестала существовать.

Новая Элин Доннелли удивленно таращилась на все, что встречалось ей на пути: на конторских служащих, сидящих в кабинетах на открытом воздухе, на пригревшегося на солнце у дороги удава, на вырубленные в склонах террас ступени. Спускаясь с верхних ступенек в рощицу молодых деревьев, ростом не выше ее, Элин споткнулась и чуть не упала. Спутница Элин подхватила ее и грубо поставила на ноги.

– Будьте внимательны, – хмурясь под раскраской из ярко-красных петель, сказала юристка. – Нам необходимо решить все до мельчайших подробностей.

Элин слабо улыбнулась. Они вышли из рощи на луг. При их приближении во все стороны разлетались бабочки. Взгляд Элин с бабочек перескользнул на небольшую пещеру в скалах, от пещеры поднялся к звездам; глаза ее двигались так же хаотично и беспорядочно, как и бабочки.

– …Так что если вы хотите получить окончательный расчет, то должны оставаться на Луне в течение полного лунного месяца.

Компания «И. Г. Фейхтварен» примет на себя ваши текущие расходы, а затем вычтет эти деньги из той суммы, что они вам должны. Понятно?

И тут Элин снова сумела сосредоточиться. Она сделала глубокий вдох.

– Да, – ответила она. – Да, я… согласна.

– Вот и хорошо. – Выдернув черепные контакты и проворно обмотав их вокруг своей коробочки-терминала, юристка отключила психосхему. – Тогда давайте выпьем, у нас был тяжелый день.

Они подошли к пещере.

– Эй, Ганс! – крикнула юристка. – Обслужи нас, пожалуйста!

У входа в пещеру вдруг появился маленький человечек с плутоватой физиономией персонажа комической оперы, в руке у него был рабочий терминал.

– Одну минуту, – сказал он. – Я сейчас на прямом включении, надо закончить работу.

– Ладно.

Юристка бросилась на траву и начала вытирать лицо полотенцем. Элин зачарованно смотрела на прятавшийся под краской новый рисунок из тонких красных и черных линий; это была постоянная татуировка.

– Ну и дела! – проговорила Элин. – Значит, вы иезуитка?

– А вы думали, что ИГФ пришлет вам юриста с Земли? – Женщина протянула руку. – Донна Лэндис, Общество Иисуса. Я представительница заказчика по проекту «Создатель звезд», но могу быть и духовным наставником. Месса по воскресеньям, в девять утра.

Элин прислонилась к скале. За спиной у нее зашелестела потревоженная виноградная лоза. Элин уже не хватало того чувства блаженства, которое владело ею всего несколько минут назад.

– Честно говоря, я не верю в Бога.

– Вы не верили. Но теперь все может измениться. – Лэндис сложила полотенце и сунула в карман, а из другого кармана вытащила зеркальце. – Кстати, как вам нравится ваша новая внешность?

Элин стала изучать свое отражение. Глаза обведены синим, линии сходились на переносице и, широко расходясь над бровями, загибались книзу, к ушам. Лицо ее словно проглядывало из-за большого голубого мотылька или крыльев хищной птицы. В этом было что-то завораживающее, волшебное. Что-то совсем не похожее на Элин.

– Я смахиваю на енота, – сказала она. – Эта дурацкая маска…

– К ней надо привыкнуть. Вам долго ее придется носить.

– Но зачем? – Элин удивилась собственному гневу. – Хотя у меня новая личность, это все-таки я. Меня вовсе не тянет бросаться на прохожих с ножом или выйти в воздушный шлюз без скафандра. Никакой опасности для общества нет.

– Послушайте, – начала Лэндис, – сейчас вы как щенок, все время спотыкающийся о собственные лапы, они как будто слишком для него велики. Вы не знаете себя: вы будете злиться без видимой причины, вдруг обливаться слезами – не поймешь над чем. Вы не сможете владеть собой, пока не познаете свою душу. И до тех пор окружающие вас люди…

– Что будете пить?

Ганс вернулся, он не до конца стер с лица краску, и на лбу у него чернело грязное пятно.

– …не должны забывать об осторожности. Не знаю, Ганс. Что у тебя там под рукой.

– Значит, шанти[11]. А вы? – обратился он к Элин.

– А это вкусно?

Ганс рассмеялся:

– Хорошего вина на Луне не существует. Воздух слишком влажный. Но даже если бы он не был таким влажным, потребуется лет сто, чтобы вырастить приличный виноградник. Шанти здесь основной напиток.

– Ну тогда давайте шанти.

– Договорились. И вашему приятелю тоже принесу кружку.

– Моему приятелю?

Элин обернулась и увидела шагающего через рощу великана: он возвышался над деревьями и раздвигал их огромными лапищами. Мгновение ошеломленная девушка пялилась на незнакомца, не веря своим глазам, потом вспомнила, как невысока поросль, и мужчина уменьшился до размеров обычного человека.

Он ухмыльнулся и подошел к ним:

– Привет! Помните меня?

Мужчина был высокий, худой и угловатый. Нечесаные черные кудри обрамляли не очень красивое, но необычайно волевое лицо.

– Простите…

– Тори Шостокович. Я вас перепрограммировал.

Элин внимательно рассматривала его лицо. Эти *глаза*… Горящие, почти безумные, но в то же время печальные и (может, ей лишь показалось?) умоляющие, как у ребенка, который так отчаянно чего-то хочет, что не смеет попросить вслух. Она могла бы без конца изучать оттенки выражения этих глаз.

– Да, – наконец произнесла Элин. – Теперь я вижу сходство.

– Очень приятно. – Тори кивнул иезуитке. – Здравствуйте, отец Лэндис.

Женщина подозрительно смерила его взглядом.

– Что-то вы нынче не такой угрюмый, как всегда, Шостокович. Что случилось?

– Ничего, просто сегодня необыкновенное утро. – Он улыбнулся какой-то одному ему понятной шутке и вновь повернулся к Элин. – Дай, думаю, подойду и познакомлюсь с бывшей пациенткой.

На секунду смутившись, Тори отвел глаза, но потом они снова сделались жгучими и дерзкими.

«Как мило, – подумала Элин. – Надеюсь, он не слишком застенчив». И тут сама опустила взгляд: настолько ей была несвойственна эта мысль.

– Так вы психохирург, – глупо сказала она.

Вернулся Ганс, раздал кружки с вином и удалился в пещеру. Там он уселся с приборной доской на коленях и включил черепные контакты. Психосхема заработала, и лицо Ганса застыло.

– На самом деле я очень нечасто выполняю обязанности психохирурга, – стал объяснять Тори. – Понимаете, несчастный случай вроде вашего – большая редкость. Такое бывает один, может, два раза в год. В основном я занимаюсь разработкой психосхем. В настоящее время я занят в проекте «Создатель звезд».

– Я уже слышала это название. Что это такое?

Тори ответил не сразу. Он вглядывался в лежащее внизу озеро, прохладный ветер развевал его волосы.

Элин затаила дыхание. «Я едва знаю этого человека», – со злостью подумала она.

Тори показал на находящийся посреди озера остров – тощий каменный палец, бывший когда-то центральным конусом кратера.

– Вон на том острове живет бог, – произнес Тори.

Элин засмеялась:

– Подумайте, как изменилась бы история человечества, если бы он обладал чувством пространства!

Тут Элин прикусила язык: она поняла, что Тори не шутит.

– Как это характерно, – сердито глядя на Тори, сказала Лэндис. – Только атеист может называть ее божеством.

– А как бы вы ее назвали?

– Жертвой технического прогресса. – Она глотнула из кружки. – Господи, какая гадость!

– Эй, друзья! – сказала Элин. – Что-то я вас не очень

понимаю.

Тори с грустным видом поскреб в затылке.

– *Mea culpa*[12]. Ладно, я расскажу вам кое-что из предыстории. Большинство людей думают, что психосхемы – это программное обеспечение для человека. Но это слишком упрощенно. Потому что с машинами мы начинаем с нуля, с чистого, так сказать, листа, а у людей за десяток миллионов лет программирования психики голова уже забита. Итак, до сих пор мы работали с естественными психосхемами. Мы подделывали самые внешние черты: терпение, настороженность, творческие способности – и упаковывали их, как коробки костной муки. Но человеческий мозг обширен и неизведан, и пришло время двигаться вглубь, приступить к фундаментальным исследованиям. Так возник проект «Создатель звезд». Изучение первооснов программирования психики. Мы выделили эти сверхструктуры в интегрированную систему, которая, по нашему мнению, способна к сущностному программированию во взаимнооднозначном соответствии с врожденной субструктурой вселенной и будет полностью соответствовать исходному кирпичику мироздания.

– Заумная галиматья! – Лэндис показала на глиняную кружку Элин. – Пейте. «Создатель звезд» – это эксперимент в области теологии, который придумала ИГФ. Как сказал Тори, это фундаментальное исследование природы человеческого мышления. Синод Ватикана финансирует проект, так что мы можем наблюдать за его осуществлением.

– Чтобы пресечь ересь в корне, – ехидно обронил Тори.

– И это тоже. ИГФ пытается создать набор психосхем, которые вернут человеческий разум к первоначальному состоянию, соотносящемуся в общем мнении с понятием Бога. Скверная теология, но ничего лучшего не придумать. Они хотят сделать математическую модель бесконечности. Как бы там ни было, экспериментаторы составили инструкцию и провели опыт на… Как звали испытуемую?

– Неважно, – быстро ответил Тори.

– Фамилию не помню, а звали ее вроде бы Корал.

Дальше Элин уже слушала вполуха и незаметно разглядывала Тори. Он сидел, широко расставив ноги и уставившись в кружку с шанти. Лицо прорезали глубокие морщины, следы каких-то неизвестных Элин переживаний. «Я не верю в любовь с первого взгляда», – думала Элин. А впрочем, кто знает, во что она теперь верит. От этой мысли бросало в дрожь, и Элин отогнала ее.

– Так что же, эта Корал стала богом?

– Терпение. Так или иначе, испытуемую подключили, стерли

прошлые программы, перепрограммировали и проинтервьюировали. Никакой полезной информации.

Тори поднял палец в знак несогласия:

– За один час мы узнали о строении и составе вселенной больше, чем за всю историю развития науки.

– Это был бред сумасшедшего. – Лэндис постучала по колену Элин. – После беседы мы отключили ее психосхему, и, как вы думаете, что произошло?

– Я никогда не умела отвечать на риторические вопросы.

Элин не сводила глаз с Тори.

– Она не отключилась. Она там застряла.

– Застряла?

Тори сорвал травинку и уронил ее на землю.

– Произошло вот что: Корал вошла в состояние, которое можно назвать абсолютным сознанием. Она не только понимала все свои умственные функции, но управляла ими вплоть до безусловных рефлексов. Это также означало, что Корал сама создает собственные метапрограммы.

– Метапрограммирование – это всего лишь заумный термин для обозначения группы функций, при помощи которых мозг способен производить изменения в самом себе, – вставила Лэндис.

– Да. Мы не учли, что ей может понравиться быть богом. Когда мы стали ее депрограммировать, Корал просто пренебрегла нашими указаниями и вернула себя в прежнее состояние.

– Бедная женщина! – сказала Элин, отчасти потому, что знала: от нее ждут сочувствия.

И все же как замечательно чувствовать себя богом! Что-то в душе Элин затрепетало от этой мысли. Она была почти готова признать, что игра стоит свеч.

– Итак, здесь есть женщина, которая воображает себя богом, – сказала Лэндис. – Хорошо еще, что нам удалось замять дело. Если бы до некоторых религиозных невежд на Земле дошли хотя бы слухи…

– Послушайте, – перебил ее Тори. – Я пришел сюда не для того, чтобы говорить о работе. Я хотел пригласить бывшую пациентку на большую познавательную прогулку.

Элин посмотрела на него непонимающим взглядом:

– Большая прогулка?

Он обвел рукой весь Магритт, от зеленых опорных колонн до серых скал. Обвел жестом собственника. Лэндис недоверчиво посмотрела на него.

– Вам нужна дуэнья, – проговорила она. – Пожалуй, пройдусь-ка я с вами, чтобы чего не случилось.

Элин нежно ей улыбнулась:

– Иди ты в жопу!

Тори жил в решетчатом геодезике, доверху увитом плющом. Молодой человек прошел вперед и нагнулся к пульту.

– Что-нибудь классическое?

– Да, пожалуйста.

Он стал осторожно снимать с Элин комбинезон, и тут заработал голографический проигрыватель, окружив их сочным багрянцем и яркой лазурью, сливающимися в воздухе с цветным стеклом витражей. Элин слегка отстранилась от Тори и захлопала в ладоши.

– Это Шартр! – воскликнула она в восхищении. – Собор в Шартре!

– Гмм…

Тори тянул ее вниз на травяной пол.

Круглое северное окно становилось все больше и больше, пока не заполнило домик, и тогда начало медленно поворачиваться над землей. На нем были ангелы и голубки, короли и пророки, и вокруг центральной розетки сияли золотые лилии. Впечатляющее и непостижимое, пронизанное сумрачным светом, оно наплывом перешло в стрельчатое окно Святой Анны.

Так, одно за другим, по очереди, прошли перед ними все сто семьдесят шесть окон Шартрского собора, сначала неспешно и торжественно, потом все быстрее. Голограмма панорамировала северный трансепт, потом хоры, апсиду и затем верхнюю галерею. После этого камера быстро выхватила страдающего Христа и помещенных в темные углубления западной розетки зверей Апокалипсиса. Их окружали орудия страстей Господних.

Элин раскрыла рот от восторга.

Камера скользила по нефу вниз, показывая окно за окном, один витраж был ярче и величественнее другого, потом она задержалась на вандомском приделе и двинулась дальше. Пока наконец не дошла до старейшего окна – большого витража Богоматери, ослепляющего буйным, первозданным великолепием. По плющу пробежал ветерок, два листка упали сквозь голограмму на Элин и Тори и слетели на землю.

Богородица еще миг стояла перед глазами и потом исчезла, свет погас, краски пропали, их смыл бесшумно хлынувший дождь.

Элин зарылась в траву, опустошенная и ленивая, ей не хотелось двигаться. Лежащий рядом Тори, посмеиваясь, шаловливо щекотал ей ребра.

– Ты любишь меня? А? Скажи, что ты меня любишь.

– Перестань!

Элин схватила его за руки и укусила куда-то в бок, не укусила – просто слегка ущипнула зубами, чтобы пригрозить, а не сделать больно. Язык коснулся его левого соска.

– Эй, послушай, я легла с тобой через полчаса после того, как мы познакомились. Чего ты еще хочешь?

– Чего я хочу? – Он высвободил руки, повернулся и навис над Элин, прижав ее кисти к траве у нее над головой. – Я хочу, чтобы ты знала, – он вдруг заговорил совершенно серьезно, немигающие глаза ярко блестели, – что я люблю тебя. Люблю без всяких «но», без всяких оговорок. Люблю тебя так, что даже не выразить словами.

– Тори, – сказала Элин, – для таких чувств требуется время.

Ветер утих. Ни одна травинка не шевелилась.

– Нет, не требуется. – (Элин стало неловко смотреть ему в глаза, но она не решалась отвернуться.) – Я это чувствую. Я это знаю. Я люблю каждую твою черточку, каждое движение, каждый кусочек твоего тела. Я люблю тебя наперекор времени, назло всем преградам, вопреки возможному. Нам суждено любить друг друга, это уготовано судьбой, и ничто-ничто не может нас разлучить.

Голос его звучал ровно и тихо. Элин не знала, взволновали ее слова Тори или же напугали до смерти.

– Тори, я не знаю…

– Подожди, – проговорил он. – Все еще придет.

Это была долгая ночь. Когда Тори безмятежно уснул, Элин надела комбинезон и вышла.

Она окунулась в мягкую мглу, разреженную сиянием Земли и неярким светом предохранительных фонариков на переходных мостиках сверху. В траве послышался шорох, и чуть не прямо у нее под ногами пробежал занятый ночными поисками еды барсук. Элин побрела дальше.

Необходимо разобраться во множестве вопросов. Скажем, сегодняшний вечер, это неожиданное любовное приключение. Так не похоже на нее, что приходится признать: Элин и в самом деле стала другой и теперь все будет не так, как прежде.

Она нашла уединенное место подальше от группы домиков, в одном из которых жил Тори, и пристроилась рядом с валуном. Мысли ее вернулись к несчастному случаю. И поскольку это воспоминание отложилось в остаточной памяти, все образы сохранили свежесть и четкость.

Когда это случилось, в Лаборатории-колесе 19-го Орбитального комбината имени Генри Форда близился конец

смены. Элин занималась разработкой новых полупроводников.

– «Тета» достигла необходимой температуры, – проинформировала приборная доска.

– Согласна. – Элин поставила ванну-«эпсилон» в горячую печь и переключила управление. Держа «тету» вплотную к валу колеса, она осторожно смешала два приведенных в жидкое состояние сплава: один легкий, другой тяжелый.

Лаборатория 19 имела форму велосипедного колеса без обода. Из центра плотной ступицы равномерно расходились двадцать четыре длинные тонкие спицы. На разном расстоянии вдоль спиц помещались двадцать три двигающиеся ванны и одна неподвижная операторская кабина. Колесо вращалось достаточно быстро, чтобы создать в кабине постоянную силу тяжести, соответствующую среднему притяжению Земли.

Когда смесь начала остывать, Элин переместила ванну на полкилометра дальше, к концу спицы. Переливающаяся в балластных резервуарах ртуть сохранила скорость вращения неизменной, а сила тяжести в ванне изменилась с малой доли «g» до девяти единиц.

Надо было проверить значение двенадцати различных величин. На миг Элин почувствовала досаду и скуку, но тут приборная доска подрегулировала ее психосхему так, чтобы она была повнимательнее и выполняла привычные обязанности как под гипнозом, с бесстрастным профессионализмом.

По мере того как новый сплав остывал, его компоненты пытались разделиться, создавая в опытном образце постоянный градиент состава. Элин, не мигая, дождалась, пока все измеряемые величины перестанут изменяться, а затем нажала на кнопку быстрого охлаждения пластины. Уолдиками[13] она вытащила образец из формы и поставила на испытание.

– Измерения проведены. «Дельта» готова.

– Подтверждаю. – Элин передвинула ванну обратно. Приборная доска вновь подправила ее психосхему, ослабив спокойствие и расширив сферу внимания. Девушка ловко достала те же два сплава, только с чуть иной пропорцией смеси, и поместила в печь. Приборная доска уже требовала обратить внимание на «кси».

До сих пор это была стандартная профессиональная психосхема, ничем не отличающаяся от тех, которыми ежедневно пользуются тысячи научных работников. Но вдруг приборная доска дала десятисекундное предупреждение, что координирующая программа вот-вот выключится. Пальцы Элин плясали по доске, спуская жар и посылая ванны в печь. Психосхема отсоединилась.

Элин вздрогнула и снова стала самой собой. Она схватила полотенце и стерла с лица краску. Потом откинулась на спинку кресла и уставилась сквозь полупрозрачную стену: можно было еще поднять ноги и отдыхать, пока не придет ее сменщица. Потянувшись, Элин нащупала свисавшие с ее затылка золотистые проводки психосхемы, но выдергивать их поленилась, отложив это дело на потом.

«Неужели я действительно была такой ленивой?» – удивленно подумала она.

Земля расцвела у нее под ногами, потом проскользнула над плечом и исчезла. Новый Детройт и Новый Чикаго медленно поднялись из глубины, сверкая зеркальной поверхностью сдвоенных и похожих как две капли воды жилых цилиндров. Со всех сторон сияли промышленные спутники: нуль-гравитационные заводы, фуллеровские купола, колеса, ежи, гантели, грузовые решетки.

Земля показалась снова, она была крупнее тарелки для супа. На той стороне, где день, ослепительно белели облака. В ночи мягко светились города.

Мимо проплыл караван грузов. Он состоял из кучи контейнеров, связанных немагнитной лентой и запущенных на тщательно вычисленную орбиту так, чтобы избежать пересечения с окружающими комбинат лазерными кабелями и лучами энергопередач. Краем глаза Элин заметила караван, повернулась и стала следить за ним взглядом.

Караван вел мужчина. Он сидел, обхватив ногами зеленую коробку, и тянул за веревку, прикрепленную к ленте. Увидев Элин, мужчина помахал ей рукой. Девушка представила, как мужчина улыбается за зеркальным шлемом.

«Лихач!» – подумала Элин.

Она фыркнула, отвела взгляд и лишь случайно увидела, что произошло.

Слегка подавшись назад, возчик слишком налег на веревку. Непрочная заклепка, соединявшая веревку с лентой, с треском сорвалась, и груз стал уплывать. Яркие коробки разъезжались в разные стороны, мужчина полетел вверх тормашками.

Один конец ленты все еще держался на ведущей коробке, а другой, свободный, извивался, как раненая змея. Блестящий кусочек металла – дефектная заклепка – высвободился, и его понесло в лабораторию, туда, где к валу присоединяются спицы.

Теперь, вспоминая происшествие, Элин подумала, что нужно было помочь мужчине – надеть скафандр, взять конец веревки, вылезти наружу и добраться до него раньше транспортной инспекции.

Прежняя Элин Доннелли усмехнулась. Транспортная инспекция врежет ему – как следует и поделом. Парню придется заплатить штраф и за то, что они подберут потерянный им груз, и за собственное спасение. И нечего кататься на дармовщинку.

Она все еще насмешливо улыбалась, когда заклепка достигла лаборатории и врезалась в коммутационную коробку, которая *не должна* была быть открытой.

Произошло короткое замыкание, вызвавшее мощный скачок напряжения в приборной доске. Цепи вспыхнули и расплавились. Приборная доска вышла из строя.

Крохотный электрический импульс прошел по двум золотистым проводкам, безнадежно искалечив психосхемы в черепе Элин.

На секунду все померкло. А потом…

– Уф-ф! – Элин помотала головой, пришла в себя и отключила подводящие провода. И тихо засмеялась.

Не позаботившись о том, чтобы затемнить стены, она надела скафандр и стала карабкаться по спице, держащей кабину, к валу. Каждый раз, когда она касалась спицы, балластные резервуары что-то шептали ей на ухо. Пятна света подгоняли ее вперед. Она вплыла внутрь вала; прикосновение невесомости было холодно, как смерть.

Элин механически установила переносчик массы на Новый Детройт. Сквозь отверстие вала ей были видны жилые цилиндры, напоминающие одинаковые таблетки, каждую из которых Элин могла закрыть большим пальцем. Ее прямо раздирало от желания сорвать их с неба и швырнуть вниз.

– У меня что-то с головой, – сказала она вслух.

Когда сила магнитного поля стала притягивать металлические прокладки скафандра и Элин с возрастающей скоростью потянуло вперед и выбросило в пустоту, она весело захихикала.

Час спустя врачи извлекли ее тело из магнитного уловителя Нового Детройта. Элин свернулась калачиком, обняв руками колени. Ее поза напоминала плод в материнской утробе. Когда Элин вытащили из костюма, она то истерически хохотала, то радостно выкрикивала что-то невнятное.

Пришло утро. После неспешного романтического завтрака Тори подключился к программе и ушел на работу. Снова оставшись одна, Элин отправилась побродить и немного подумать.

Теперь уже ясно, что она больше не металлург из Лаборатории-колеса 19, с этим покончено. Та женщина стала для

Элин чужой. У них общие воспоминания, общий жизненный опыт, но они совершенно по-разному смотрят на жизнь! Элин больше не понимает ту, которой была когда-то, не сочувствует ее переживаниям и, по правде сказать, питает к ней неприязнь.

Элин спустилась с холма, это был самый легкий путь. Она зашла в административный центр и взяла напрокат коробочку-терминал. Затем на второй террасе села за столик в кафе, заполненном свободными от работы биотехниками, и стала искать первоначального обладателя своей теперешней личности.

Как Элин и предполагала, оказалось, что ее новая личность копирует личность действительно существовавшего человека. Создать полностью искусственную индивидуальность пока еще не по силам даже самым лучшим психотехникам. Элин удалось определить, что личность взяли из банка данных ИГФ и что дублирование личности незаконно. Это, по всей вероятности, означало, что первоначальный владелец мертв.

Но Элин не могла установить имя первоначального владельца. Данные отбирал компьютер, и компьютер не хотел говорить. Когда Элин попыталась выяснить, машина отослала ее к Закону 2037 года о неразглашении тайны.

– Кажется, я исчерпала все доступные средства самопознания, – сказала она подошедшему за чаевыми официанту. – А у меня осталась еще уйма времени.

Официант взглянул на ее лицо, помеченное зеленовато-голубым узором, и вежливо улыбнулся.

– Они черные в ограниченном диапазоне.

– Что?

Элин отвернулась от озера и увидела женщину-агротехника, которая волочила за рукоятку большой сачок.

– Водоросли. Они поглощают видимый свет и переводят его в инфракрасный. Озеро становится огромной термальной ванной.

Женщина погрузила сачок в воду, зачерпнула темно-зеленую пену и вывалила ее в ближайший лоток. Вода стекала сквозь пористое дно.

– А-а…

Элин разглядывала остров. Там, где осела нанесенная ветром почва, росли редкие сорняки.

– Странно. Мне никогда не нравилось путешествовать. Я больше склонна к созерцательности, я – домоседка. А теперь мне не сидится на месте, почему?

Агротехник выбросила в лоток содержимое еще одной сети.

– Не знаю. – Женщина постучала по лбу. – Это психосхема. Если хотите поговорить о работе, я готова. Ни о чем другом не

могу.

– Понятно. – Элин коснулась ногой теплой воды. – Хорошо, почему бы и нет? Поговорим о вашей работе.

На дальнем конце острова кто-то двигался. Элин вытянула шею. Агротехник продолжала методично окунать сеть в озеро, когда внезапно появилась богиня.

– Озеро смягчает климат. Днем происходит испарительное охлаждение. Озеро поглощает тепло и расходует его на испарение, конденсоры выводят это тепло за пределы купола.

Корал была хорошенькая, как куколка.

Поблизости от воды стояла ваза с овощами и фруктами. Корал подошла к вазе и стала ее рассматривать. Оранжевый комбинезон красиво оттенял ее кожу цвета кофе с молоком. Женщина была такая миниатюрная и изящная, что высокой Элин стало как-то неловко, она почувствовала себя неуклюжей, хотя и дружелюбной великаншей.

– Мы также используем пассивные тепловые насосы, чтобы откачивать избыточное тепло под озеро, в жидкостный тепловой аккумулятор.

Корал перестала перебирать овощи и взяла помидор. У нее был прекрасный точеный профиль. В миндалевидных глазах когда-то, должно быть, сверкал огонь, а сейчас они смотрели равнодушно и отрешенно. Ровные белые зубы откусили кусочек помидора.

– Ночью мы перекачиваем тепло назад, так что озеро излучает его постоянно и кратер не остывает.

При тщательном рассмотрении (Элин даже прищурилась, чтобы лучше видеть) лицо Корал оказалось совершенно гладким и безмятежным, как у идиота. Оно ничего не выражало: ни чувств, ни воли, ни интеллекта.

– Поэтому число действующих водопадов меняется.

Теперь Корал присела на скалу. Пятки у нее были грязные, но ногти на ногах розовые и идеальной формы. Она не двигалась. Элин захотелось бросить в нее камешек и посмотреть, будет ли та реагировать.

«Ну а теперь что?» – подумала Элин. Она осмотрела достопримечательности, все, что мог предложить Магритт, и ее это порядком разочаровало. И надоело. Главным образом – божество. А ей торчать здесь еще почти месяц, и не на что убить время.

– Для поддержания температуры кратера требуются постоянные циклические действия, – сказала женщина-агротехник.

– Да заткнитесь вы!

Элин вытащила терминал, вызвала Лэндис и, когда голограмма стала устойчивой, сказала:

– Мне скучно.

Сидевшая за письменным столом Лэндис едва подняла глаза.

– Скучно, найди себе работу! – огрызнулась она.

Магритт был основан как горняцкий поселок. Но не успели с поверхности Моря Дождей взять первые образцы лунного грунта, как в экономике подули другие ветры и разрабатывать месторождения, богатые конкретными полезными ископаемыми, стало более выгодно, чем возиться с недифференцированной почвой, где все вперемешку. Шахтеры уехали, а кратер был продан за бесценок ассоциации, занимающейся исследованиями, которые закон запрещает проводить на Земле.

С пятнадцатой террасы Элин всматривалась в нагромождение лабораторий и контор на открытом воздухе, некоторые были разделены длинными полосами невозделанного поля, другие тесно жались друг к другу в надежде на объединение усилий. Корпорации, испытывающие бактериологическое оружие, соседствовали с компаниями, перерабатывающими радиоактивные отходы. Организация, работающая над проектом регулирования роста населения в странах Центральной Азии, занимала целые полтеррасы, вокруг густо кишели охранники. На Луне также велись некоторые банковские операции, которые не совершались в Швейцарии.

– Понимаешь, – говорил Тори, – мне это совсем не нравится.

Он стоял с бесстрастным лицом, покрытым красно-зеленой краской, и следил за тем, как рабочий монтирует больничную койку и подключает к ней хирургическое оборудование.

– Ты сам меня нанял, – напомнила ему Элин.

– Да, но сейчас я действую в рабочем режиме.

Монтажник сложил свои инструменты и ушел.

– Кажется, мы почти готовы.

– Отлично. – Элин плюхнулась на койку и легла на спину, скрестив руки на груди. – Теперь не хватает только свечки в руках!

– Я подсоединю тебя к интеркому, чтобы не очень скучала в перерывах между эпизодами.

У Элин зарябило в глазах, вокруг роились образы. Призраки витали в воздухе, пялились на нее из земных глубин.

– Теперь отключим органы чувств.

Окружающий мир исчез, но видения остались, каждое существо в отдельном шестиугольнике. Элин как будто смотрела глазами мухи.

Вдруг она остро почувствовала присутствие Тори, и чей-то голос сказал:

– Это продлится одну минуту. Чтобы скоротать время, вызови кого-нибудь из друзей.

Голос пропал.

Элин парила в воздухе, освободившись от тела, освободившись от чувственного восприятия, почти богоподобная в своей отрешенности. Лениво перемещаясь среди теней, она оставила позади Лэндис и остановилась около маленького круглолицего человечка, рисующего у себя на лбу черную полосу.

«Привет, Ганс», – подумала Элин.

Он поднял голову и подмигнул:

– Как дела, детка?

«Неплохо. Чем занимаешься?»

– Работаю. Сегодня я слежу за черным ящиком. – Он добавил к полосе на лбу ярко-оранжевый мазок и оценивающе посмотрел на свое лицо в карманное зеркальце. – Сижу здесь и держу палец на кнопке. – Его рука скользнула под приборную доску. – Если я получу приказ, сразу нажму. В конденсорах взорвутся заряды, и купола больше не будет. Пшик! Весь воздух уйдет наружу.

Элин обдумала его слова: вулкан, извергающий на поверхность Луны потоки кислорода; люди, подброшенные вверх, раскиданные по сторонам, разодранные в клочья взрывной декомпрессией…

«Это страшно, Ганс».

– О, бояться совершенно нечего. Когда я не подключен к работе, кнопка не действует.

«Даже если так».

– Элементарная предосторожность. Здесь проводится полно исследований, которые без такой меры безопасности были бы не разрешены. Не волнуйся, я не взорвал еще ни одного купола.

Связь прервалась, и Элин опять почувствовала присутствие Тори. Ощущение было такое, словно кто-то невидимый заглядывает через плечо.

– Сейчас мы начинаем испытывать серию программ «Троянский конь». Мы будем вводить тебя в желаемые душевные состояния, а не вызывать их. Мы инкапсулировали внешние проявления твоей личности и направили экспериментальные программы на второй уровень. Так что в этой серии опытов ты не будешь отождествлять себя с программами, а воспримешь все со стороны.

«Тори, ты самое заумное существо на свете. Нельзя ли повторить все это по-человечески?»

– Я покажу тебе.

Вдруг Элин словно заключили в шар из ветвистых малиновых линий, медленно пульсирующих, темных и тусклых. Они переплетались и переливались друг в друга, и Элин представила, что так выглядят сосуды у нее в голове, когда она чувствует головную боль.

– Это был гнев, – сказал Тори. – Твой мозг преобразовал его в зрительный образ, потому он не соотнес этот гнев с собой.

«Ах вот, значит, что ты хочешь со мной сделать! Перепрограммировать меня, чтобы я стала как бог: все видела, но ничего не переживала».

– В конце концов, да. Хотя я сомневаюсь, что ты сможешь создавать образы. Скорее всего, ты почувствуешь присутствие Бога.

Тори на секунду исчез, и Элин ощутила даже не одиночество, а почти полное небытие. Потом он вернулся.

– Но начнем постепенно. Первые сеансы поднимут тебя до начального уровня метапрограммирования, интегрировав все твои умственные процессы и позволив тебе управлять ими на нижней ступени. В обиходе мы называем этот тип «превращение в Христа». Поосторожнее с тем, что ты увидишь или почувствуешь.

Голос Тори затих, Элин осталась одна. Но вдруг все изменилось.

Она почувствовала близость чего-то удивительного.

Кто-то стоял совсем рядом. Элин пыталась открыть глаза, она стремилась увидеть, но сейчас у нее не было зрения. Ее существо раскрылось навстречу чуду, и перед Элин начали появляться люди.

– Осторожно, – сказал Тори. – Ты снова включила интерком.

«Я хочу видеть!»

– Здесь никого нет. Это твой собственный мозг. Но если хочешь, можешь интерком не выключать.

Какое разочарование! Ее окружали любовь и мудрость, несравнимая с мудростью человеческой, она чувствовала, что все сущее во вселенной священно, и это чувство наполняло ее удивительным счастьем. Элин не могла сама вызвать все эти ощущения, здесь должен быть кто-то более великий.

Логика была бессильна перебороть эмоции. Элин рыскала по внутренней связи, вызывая образ за образом и отвергая их один за другим. Покончив с сотрудниками, занятыми в проекте, она бросилась перебирать общественные мониторы кратера.

На фермах агротехники собирали клубнику и душистый горошек. Элин чувствовала на языке вкус плодов. Кто-то вытаскивал водоросли из внутреннего озера, и она ощущала тяжесть сачка в мозолистых руках. Недалеко от ее больничной

койки, в рощице, занималась любовью парочка, и Элин…

«Тори, я больше не могу. Это действует слишком сильно».

– Ты сама напросилась в испытательницы.

«Кой черт, Тори!..»

В интеркоме появилась Донна Лэндис.

– Она права, Шостокович. Вы недостаточно приглушили ее эмоции.

– На мой взгляд, это неразумно: слишком поднимая ее «я», мы рискуем вызвать распад…

– Кто за все это платит, а?

Тори что-то нечленораздельно проворчал, и мир исчез.

Элин плыла во тьме, ласковой и успокаивающей. Ей было хорошо. Ей нужна была эта короткая передышка после напряжения и волнений, связанных с ее новой личностью. Хорошо, что она взялась за работу испытательницы, хотя это и раздосадовало Тори.

Тори… Элин мысленно улыбнулась. Иногда он действует ей на нервы, но когда Тори нет рядом, Элин так его не хватает. Наверно, она в него влюблена.

«Это всего лишь земная любовь. Совсем не та, о которой говорится: „Бог есть любовь“».

Ну и пусть. Но с человеческой точки зрения Тори удовлетворил такие ее потребности, о которых она прежде и не подозревала. Однако очень тяжело спорить с самой собой. Ее мысли скользнули прочь, и она погрузилась в волшебное, бессловесное упоение бестелесностью. Беззаботная, бесстрастная, никем и ни с чем не связанная.

«Ничто не может быть само по себе. Вся вселенная – обширная сеть пересекающихся программ».

Элин стало смешно. Так сказал бы Тори. Нужно следить за собой; возможно, она любит Тори, но при этом вовсе не хочет говорить так, как он.

«Ты напрасно беспокоишься. Глас Божий едва слышен, но это не твой голос».

Элин мысленно вздрогнула. Она искала открытый канал интеркома, но не находила.

«Привет, – подумала она. – Кто это сказал?»

Ответ дошел до нее не в словах, а в форме безличного утверждения. В нем было что-то холодное, безразличное, что-то непостижимое и в то же время властное и не допускающее возражений.

Это был Бог.

Потом Тори вернулся, и голос пропал вместе с ощущением чьего-то присутствия.

«Тори! – подумала Элин. – Кажется, у меня было религиозное переживание».

– Это часто бывает при выключении органов чувств: мозг вытаскивает наружу несколько старых программ. Волноваться нечего. Теперь на минутку расслабься, пока я снова переключу тебя… Ну как?

Ощущение Присутствия возникло опять, но далеко не такое сильное, как прежде. Элин смогла устоять перед искушением погнаться за ним.

«Так хорошо, Тори, но послушай, я, правда, думаю…»

– Давай предоставим анализировать тем, кто на это запрограммирован.

Влюбленные бесцельно брели по лугу, трава здесь была выше пояса. Наступала биологическая ночь. Дневной свет дважды мигнул: агротехники подавали предупредительный знак.

– Это было на самом деле, Тори. Она со мной разговаривала, я не выдумываю.

Тори рассеянно взъерошил рукой свою темную кудрявую шевелюру.

– Хорошо. Если я ошибался – а я первый готов признать, что программа малость эгоцентрична, – все равно не думаю, что в поисках объяснения нужно опускаться до мистики.

Вдалеке резко прекратил работу водопад. Поток воды брызнул и будто бы растворился в воздухе.

– Ты, помнится мне, сказал, что Корал – бог.

– Я сказал это, чтобы подразнить Лэндис. Я считаю, что Корал не бог, а всего лишь богоподобна. Ее умственное развитие на миллионы лет выше нашего. Бог – просто удобная метафора.

– Гм. И как же ты это объясняешь?

– На острове есть по крайней мере один терминал, в Магритте они повсюду. Корал, вероятно, запрограммировала его так, чтобы он подключался к интеркому, а оказалось, что все каналы закрыты.

– Она могла это сделать?

– А почему бы и нет? У нее перед нами преимущество в миллион лет, и она работала психотехником, а все психотехники – подпольные хакеры.

Тори на нее не смотрел, не смотрел долго.

– Эй! – Элин взяла его за руку. – Что с тобой сегодня?

– Со мной? – Тори избегал ее взгляда. – Не обращай внимания, я расстроен, что ты взялась за эту работу. Это пройдет.

– Чем тебе не нравится эта работа?

– Ничем. Только она очень опасна. Послушай, я знаю, что не

смогу тебя отговорить, да и не мое это дело. У меня просто плохое настроение.

Элин положила его руку на свою талию и прижалась к нему.

– Ну, не надо. Ты не можешь ничего изменить, мне нужно что-нибудь делать. Иначе почти сразу становится скучно.

– Я знаю. – Тори наконец повернулся, взглянул ей в лицо и грустно улыбнулся. – Я ведь тебя люблю, понимаешь?

– Знаешь… Может быть, я тоже тебя люблю.

Улыбка прогнала печаль с его лица, как внезапный ветер рассеивает облака.

– Скажи еще раз. – Руки Тори потянулись к ее плечам, к шее, к лицу. – Еще раз, с чувством.

– Не скажу! – Элин со смехом пыталась высвободиться, но Тори не отпускал ее, и они стали бороться и упали на землю. – Свинья! – Они перекатывались в траве. – Скотина!

Элин колотила Тори в грудь, разорвала ему комбинезон и пробовала укусить в шею.

Вдруг Тори смутился и хотел отодвинуться от нее.

– Только не здесь! Кто-нибудь может увидеть.

Агротехники потушили дуговые лампы, и Магритт погрузился в ночь.

Тори протянул руку и коснулся лица Элин. Они занялись любовью.

Физически это ничем не отличалось от того, что она делала бессчетное число раз с любовниками, друзьями, а иногда и со случайными знакомыми. Но теперь она зашла так далеко, как прежняя Элин никогда не посмела бы. Она отдавалась Тори без оглядки, она раскрылась, не думая о боли. Элин доверилась ему! Тори был частью ее. И все преобразилось, обновилось, стало прекрасным.

Когда они оба уже были на грани оргазма, в каком-то исступлении Элин дала волю своим чувствам и зашептала:

– Я люблю тебя, люблю тебя, о боже, я люблю тебя, люблю…

И в этот же самый момент Тори напрягся, словно струна, поднял голову и изменившимся, глухим голосом страстно произнес:

– Корал!..

Элин оставила спящего в траве Тори, спустилась ниже на одну террасу и бродила теперь среди домиков. Она была в бешенстве. Они лежали молча, и Тори не знал, почему Элин так крепко прильнула к нему и головой уткнулась ему в плечо; это не было проявлением любви или страсти, в ней бушевал гнев, и она

боялась, что убьет Тори, если только посмотрит ему в лицо.

В нескольких домиках, отгороженных друг от друга молодыми кленами, стоял мрак. Остальные мягко освещались изнутри голограммами. Многоцветные изображения снаружи казались смазанными и размытыми. Элин задержалась перед одной хижиной и замерла в нерешительности. Наконец она постучала: ей надо было с кем-нибудь поговорить.

Отец Лэндис высунула в дверь голову и заморгала спросонок:

– А, это вы, Доннелли. Что вам надо?

К своему безмерному ужасу, Элин разразилась слезами.

Лэндис скрылась в хижине и тут же появилась опять, застегивая комбинезон. Она прижала Элин к груди, успокаивала ее, как ребенка, и слушала ее рассказ.

– Корал, – проговорила Лэндис. – Ага. Теперь все сходится.

– Ну тогда расскажите мне!

Элин пыталась смахнуть слезы ярости. Лицо ее покраснело, опухло и исказилось, значки психосхемы размазались.

– Терпение, дитя мое. – Лэндис уселась около хижины, поджав ноги, и указала Элин на место рядом с собой. – Садись сюда и представь, что я твоя мама и сейчас расскажу тебе сказочку.

– Я пришла сюда совсем не для того, чтобы…

– Да кто ты такая, чтобы критиковать новейшие методы духовного воспитания? – мягко пожурила ее Лэндис. – Садись.

Элин села. Лэндис положила руку ей на плечо.

– Давным-давно, в незапамятные времена, жила-была девочка по имени Корал, не помню, как ее фамилия. Неважно. Так или иначе, она была умненькая, впечатлительная, энергичная и легкомысленная и во всех отношениях походила на тебя.

Лэндис говорила и нежно баюкала Элин.

– Корал была счастливой девочкой, она смеялась и играла и в один прекрасный день влюбилась. Вот так! – Лэндис щелкнула пальцами. – Я думаю, ты знаешь, как она себя чувствовала.

– Скорее всего, не очень ловко.

– Молчи. Ну вот, ей очень повезло, потому что он любил ее еще в сто раз больше, а видя его любовь, она любила его в тысячу раз больше. И так далее. По-моему, они слегка переусердствовали, но это только мое личное мнение.

Так вот, Корал жила на Магритте и работала психотехником. Она была честолюбива, такие хуже всего. У нее появился план перепрограммировать людей так, чтобы они могли существовать вне программ, направляющих их повседневную жизнь. Заметь: люди нечто большее, чем сумма программ. Но что Корал знала о свободе воли? В конце концов, у нее не было никакого

религиозного образования. Итак, она и ее приятель подали заявку, обратились за денежными средствами и вместе пропустили новую программу через мозг Корал. И когда они все это проделали, бедняжка вообразила себя богом. Но тогда она уже не была Корал, она изменилась до неузнаваемости.

Лэндис помедлила и крепко обняла Элин.

– Будь мужественной, детка, сейчас последует самое неприятное. Ну, ее приятель ходил горем убитый. Он не хотел есть и не хотел играть с друзьями. С ним стало невозможно работать. Но потом у него возникла чудовищная мысль. Видишь ли, все данные о личности сотрудников, проводящих опыты с психосхемами, заносятся в картотеку, чтобы в случае аварии личность можно было восстановить. А если этот человек умирает или становится богом, права на личность переходят к ИГФ. Вот такие они подлецы.

Ладно. Тори (я сказала, что ее приятеля звали Тори?) подумал: может, кому-нибудь понадобится новая личность? Такое случается раза два в год. Дальше будет хуже. И Магритт – единственное место, где делают такие операции. Компьютер вытаскивает личность из банка данных наугад, так что есть определенный шанс вернуть Корал, и она будет как новенькая. Но возможность не так уж велика, потому что в банке данных понапихано полно всякой дряни. И тогда Тори задумал дурное. Но его нельзя за это винить. Он исходил из ложных понятий о нравственности. Что, если установить компьютер так, что вместо случайного выбора личность Корал достанется первой же девочке, которая подвернется под руку? Вот так он и сделал.

Лэндис замолчала.

Элин вытерла слезы.

– Ну и чем кончилась эта сказка?

– Я жду, какой будет конец.

– А Тори на самом деле направил поиск или вы это сочинили?

– Господи, я не знаю. Может быть, это просто счастливый жребий. Но как-то все подозрительно. Попробуй порыться в его личном накопителе информации, возможно, он припрятал там эту программу.

– Ясно.

Минуту Элин сидела тихо, потом взяла себя в руки и встала. Лэндис тоже встала.

– Тебе лучше, детка?

– Не знаю. Возможно, теперь я лучше владею ситуацией.

– Послушай. Помнишь, как я сказала, что ты щенок, спотыкающийся о свои лапы? Так вот, сейчас ты ушибла ногу и

тебе больно. Но это пройдет. У всех проходит.

– Да. Спасибо.

– Сегодня мы сотворим Будду, – сказал Тори.

Элин окинула его холодным взглядом, но промолчала, хотя в зелено-красной маске он был неуязвим. Она знала, что позже, когда Тори депрограммируется, он вспомнит ее взгляд.

– Это программа более высокого уровня, интегрирующая все твои умственные функции и позволяющая осознанно ими управлять. Поэтому особенно важно, чтобы ты соблюдала осторожность, договорились?

– Чтоб ты сдох, ублюдок, – тихо пробормотала Элин.

– Прости, я не расслышал.

Элин не ответила, и после недоуменного молчания Тори продолжал:

– У тебя остаются все органы чувств, и, когда я тебя переключу, обрати внимание на то, что тебя окружает. Хорошо?

Вторая программа «Троянский конь» началась. Все изменилось.

Это было не внешнее изменение, его нельзя было увидеть глазами. Скорее, все предметы просто потеряли свои названия. Рядом рос дубок, высотой ей до колен, очень похожий на деревце, которое Элин случайно сломала много лет назад в Новом Детройте, в тот день, когда потеряла невинность. И этот саженец ничего для нее не значил. Просто растущий из земли кусок дерева. Из норы высунул голову крот: сморщенный носик, подслеповатые розовые глаза. Просто маленькая биологическая машинка.

– У-уф, – невольно произнесла Элин, – холодно!

– Тебя что-нибудь беспокоит?

Элин подняла глаза и не увидела ничего интересного. Какое-то человеческое существо, такой же предмет, как дуб, только и всего. К этому существу она ничего не испытывала.

– Нет, – сказала она.

– У нас хорошая запись.

Слова ничего не значили, нескладные, лишенные содержания.

В траве Элин увидела сероватое мерцание, как будто еле заметный огонь. Умом она понимала, что это работа нервов в палочках и колбочках сетчатки ее глаз, но чувства говорили другое: это время. Тусклый огонь, постоянно разрушающий мир, пожирающий его и возрождающий вновь и вновь.

Но это тоже не имело значения.

На девушку снизошел великий покой, умственная

отрешенность, холодная и безличная. Она стала соотносить себя с этой безучастностью, поняла, что бытие ничего не значит. Все это лишь вещи, предметы.

Тори суетился возле своих приборов, и Элин казалось, что он сам превратился в такой же прибор. Нажми кнопку и получишь заранее вычисленный ответ. Разве это человек?

И потом, значит ли что-нибудь человеческое существо? Элин не видела спину Тори и не хотела даже считать его существование самоочевидным. Она могла поднять глаза и увидеть ближнюю сторону Земли. Дальняя сторона вполне могла не существовать, и это тоже не имело значения.

Элин отбрасывала мир слой за слоем, игнорировала все внешнее.

«Я никогда не понимала, насколько велика моя зависимость от чувственного восприятия, – думала она. – А если не обращать внимания на внешнее…

…останется Пустота. Без цвета, формы и места, но именно она лежит в основе яркой игры красок, постоянно уничтожаемой тусклым огнем времени».

Элин размышляла над первоосновой бытия.

– Пожалуйста, не лезь в программу, – сказал Тори.

Тело тоже ничего не значит, это только фокальная точка ее чувств. Если не обращать на них внимания, можно не замечать и его. Элин ощущала, как ее тело бледнеет и растворяется в присутствии Пустоты. Пустота нематериальна, но еще менее предметно то, что она всегда считала незыблемым: мир с его внешним блеском.

«Я как будто была программой в компьютере и только сейчас поняла это».

Вдруг ворвался голос Лэндис:

– Доннелли, бога ради, не мешай эксперименту!

Дело в том, что лежащая в основе всего пустота и есть реальность, если слово «реальность» что-нибудь означает. Если значение имеет значение. И за пределами реальности, за пределами значения что-то есть. И она это нашла.

– Доннелли, ты ступаешь на опасный путь. Ты…

Голос Лэндис отвлекал Элин, и она его приглушила. Ей хотелось достичь единения с тем, что *есть*, это очень просто, нужно только прекратить это желание – и оно исполнится.

Прежде чем Элин успела достичь единения, на нее накатил ужас. Сверкнули оранжевые огни, они горели, потрескивая и обжигая, между ними ползали змеи, огромные скользкие существа, разевающие мерзкие рты с острыми клыками.

Элин в страхе отпрянула, и они набросились на нее. Языки

пламени вонзились ей в легкие, горячие черви копошились в ее мозговых тканях. Элин спасалась бегством, она мчалась сквозь собственный мозг, стонавший под ударами, то включавший, то вновь уничтожавший окружающие предметы.

И вдруг она обрела свое тело, и никто ее уже не преследовал. Она зябко поежилась, и тело ответило ей. Это было чудесное ощущение.

– Ну, по крайней мере, сработало, – сказал Тори.

– Что… – Голос Элин сорвался. Она откашлялась и заговорила снова: – Что случилось?

– То, на что мы рассчитывали. Под угрозой растворения твоя исходная личность защитила себя.

Элин вдруг сообразила, что все еще лежит с закрытыми глазами. Теперь она открыла их и судорожно сжала рукой край койки. Кровать была настоящей, твердой на ощупь. Прекрасно.

– Я вернусь через минуту, – проговорил Тори. – А сейчас тебе нужен отдых.

Он тронул костный индуктор, и Элин провалилась в темноту.

Она снова парила, каждый нерв ее – метафорический нерв – был натянут. Появилась сверхчувствительность к внешним воздействиям, необычайная чуткость и даже внушаемость. И все же она лишь догадывалась, но не ощущала присутствия Корал.

«Уходи, – подумала Элин. – Теперь здесь мой разум».

Она не удивилась, когда пришел ответ:

«Я здесь и всегда! Ты вторглась в мою страну и смутно сознаешь мое присутствие. Позже, когда ты поднимешься в горы, ты узнаешь меня по-настоящему и будешь как я».

«Все мне говорят, что я стану делать дальше, – сердито думала Элин. – Разве я сама ничего не решаю?»

Ответная мысль прозвучала почти насмешливо:

«Ты только программа, пойманная во всеобщую сеть. Ты будешь делать так, как велит твоя схема. Быть свободным от программ значит быть богом».

Несмотря на гнев, несмотря на обиду, несмотря на холодок страха, который Элин пыталась скрыть, она почувствовала любопытство.

«А как это – быть богом?» – не удержалась и спросила она.

«Это драгоценная свобода. Вселенная – бесконечно большой мыльный пузырь, а мы (те, кто бог) – пленка на его поверхности. Мы взаимодействуем и программируем. Мы заставляем сиять звезды и расти деревья. Мы программируем, что тебе захочется на завтрак. Поток программ проходит через нас, мы вносим изменения и поддерживаем порядок во вселенной».

Элин ухватилась за последнее утверждение.

«Не очень хорошо вы его поддерживаете, согласитесь».

«Мы не вносим грубых изменений в ход событий. Когда будешь с нами, ты поймешь».

Элин поняла, что эту своего рода игру в вопросы и ответы Корал проводила неоднократно как часть проекта «Создатель звезд». Надо найти вопрос, который не смог бы задать никто другой. Ее, Элин, личный вопрос. И, немного подумав, она спросила:

«Ты все еще любишь Тори Шостоковича?»

Ответ последовал после легкой заминки.

«Любовь, о которой ты говоришь, свойственна программам низшего уровня. Но не разуму, свободному ото всяких программ».

Через секунду Тори отключил программу, и Элин всплыла на поверхность, оставив бога позади. Но еще раньше ей стало совершенно ясно, что она не получила прямого ответа.

Когда Тори наконец ее отыскал, Элин смотрела вдаль, за Море Дождей. Она была подключена к мониторам. Это была чисто визуальная программа. Элин чувствовала, как проводки психосхемы щекочут ей шею, как теплый влажный воздух Магритта поглаживает кожу.

– Элин, нам надо поговорить.

Внешний мир поражал четкостью своих очертаний. Скалы и тени вырисовывались фантастически резко. Сенсор, установленный на спускающемся к морю склоне кратера, показывал Море Дождей: оно было безжизненно и неподвижно, но вид его успокаивал. Когда Элин была Буддой, она ощущала нечто похожее. Здесь не было никакого значения, ничто не вставало между ней и внешней стороной вещей.

– Нам не о чем говорить.

– Еще как есть! Я не собираюсь потерять тебя снова из-за какого-то недоразумения, из-за… семантической ошибки.

Взгляд Элин скользнул со склона на поверхность моря, туда, где брошенный рудник примыкал к переместителю массы.

– Какая мелодрама!

Переместитель массы представлял собой узкий монорельс, под легким, едва заметным уклоном уходящий на многие километры вдаль. По всей его длине сновали роботы-ремонтники, останавливаясь время от времени, чтобы произвести сварку. Над поверхностью беззвучно разлетались голубые искры.

– Не знаю, как ты узнала про Корал, но это не имеет значения. Я всегда понимал, что рано или поздно так случится. Это неважно. Важно, что я люблю тебя…

– Да заткнись ты, наконец!

Рядом с громоздкими роботами-ремонтниками суетились десятки более мелких автоматов, складных, проворных и почти симпатичных. Они были частной собственностью и управлялись энтузиастами, находившимися внутри кратера. Элин перевела камеру на одного из таких малюток, копошащегося в старом карьере: в одной руке он тащил холщовый мешок, в другой держал кирку и помахивал третьей, свободной. Охотник за камнями.

– …а ты любишь меня. И не делай вид, что это не так.

Элин сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

– Конечно не так, – сказала она.

Робот отколол кусок обнаженной породы, пыль взметнулась вверх и быстро осела. Робот изучил отломанный образец, поворачивая его перед объективом своей камеры, затем бросил на землю. И побежал дальше.

– Ты отождествляешь себя с женщиной, которую звали Элин Доннелли. Здесь нет ничего плохого. Как психотехник я могу тебе сказать, что это хороший признак. Но ты должна это перерасти.

На краю холма другой робот установил голографический генератор. Он повозился с прибором, включил последнюю кнопку и замер. Небольшая задержка – и на дне Моря Дождей появилась площадка, уставленная голубыми колоннами.

– Послушай, Шостокович, как ни старайся перекроить мои эмоции, я не изменюсь. Я не твоя покойная подруга и не собираюсь ее заменять. Так что лучше уходи, и хватит меня дергать.

Колонны доросли примерно до трети высоты Магритта, и тут изображение потеряло четкость. Невидимый оператор уменьшил их высоту.

– Но ты не прежняя Элин Доннелли, и, думаю, тебе это известно. Тело невечно, воспоминания – ничто. Твоя непосредственность и изящество, твоя спокойная сила, твое нетерпение – тысяча черточек, которые я знал и любил столько лет, – все это делает тебя тобой. Имя – дело десятое, прошлое ничего не значит. Ты та, кто ты есть, и за это я тебя люблю.

Из скалы вылетел рой бабочек. Желтые, красные и оранжевые, они беспорядочно порхали, перелетая куда попало, но в целом двигаясь сквозь пустоту к строю колонн.

– Да, и та, кто я есть, тебя не любит. Вот так-то, фраер.

Несколько маленьких роботов бросили свои занятия и стали следить за полетом бабочек. Двое охотников за камнями пододвинулись к краю карьера, чтобы их владельцам было

получше видно.

Тори молчал, а когда наконец заговорил, голос его был печален.

– Любишь. От меня ты этого не скроешь. Я знаю тебя как любовник и как психохирург. Я стал частью тебя, и, как бы ты сейчас ни сердилась, ты ко мне вернешься.

Элин трясло от гнева.

– Ну а если это так, зачем ты со мной разговариваешь? Иди домой и жди, когда я к тебе приползу.

Изумрудно-зеленые змеи, вдруг выпрыгнувшие из-под земли, извивались возле колонн. Временами то здесь, то там какая-нибудь змея тщетно пыталась схватить одну из бабочек, кружащихся вокруг огненных голубых столбов.

– Я разговариваю с тобой, потому что хочу попросить тебя об одолжении. Брось эту работу.

– Почему?

В голосе Тори слышалась странная нерешительность, словно он заранее знал, что проиграет.

– Я не хочу, чтобы ты стала богом. В прошлый раз мы совершили ошибку, и я боюсь, что с новыми программами будет не лучше. Если ты уйдешь и станешь богом и не вернешься на этот раз, ты не вернешься и в следующий. А я буду тебя ждать, воскрешать и снова терять, и так пройдет вся жизнь. Неужели ты не понимаешь, каково год за годом крутить одну и ту же пластинку? – Голос Тори упал до шепота. – К тому же на третий раз меня уже не хватит.

Словно волной, бабочек швырнуло к колоннам. Змеи взвились и потянулись за ними. Как только змеи коснулись бабочек, холодные голубые колонны жарко вспыхнули красным огнем и огромные языки пламени пожрали и тех и других.

– Если ты знаешь меня так хорошо, как говоришь, значит ты знаешь, что я отвечу, – равнодушно сказала Элин.

Охотники за камнями зааплодировали своими клешнями. Огненные столбы исчезли. Сместив поле зрения, Элин увидела, что робот уже складывает генератор.

Послышались уходящие вдаль, замирающие шаги Тори. Эхо поражения раздавалось им вслед.

Тори ушел, и, лишь убедившись в этом, Элин обнаружила, что уже по крайней мере пять минут разглядывает один и тот же пустынный участок склона.

Настало время для последнего эксперимента из серии «Троянский конь».

– Сегодня мы создадим бога, – сказал Тори. – Это полное

осознанное интегрирование умственных функций в оптимально эффективную структуру. Закрой глаза и считай до трех.

Раз.

Весь ужас в том, думала Элин, что Тори прав. Она все еще любит его. Тори для нее единственный мужчина, и Элин желает его, без него она чувствует пустоту.

Два.

Хуже всего, что она не знает, как долго выдержит без него; и, о боже, как унизительно будет ее возвращение!

Может быть, эта любовь – проклятие, а может, и благодать. Проклятие, потому что ради этого одержимого, готового на все во имя своей идеи, Элин с радостью вытерпит любые муки и унижения. И благодать, ибо она обрела человека, которого, неважно заслуженно или нет, может вот так любить. Многие и этого не имеют.

Три.

Элин открыла глаза.

Ничего не изменилось. Магритт был таким же будничным, как всегда, и Элин воспринимала его так же, как раньше. Ясно, что она не почувствовала божественного присутствия.

– Наверно, что-то не сработало, – попыталась сказать Элин.

Она будто лишилась языка. Краем глаза Элин увидела, как Тори стирает краску с лица и снимает комбинезон. Но когда она попыталась сесть, чтобы рассмотреть его получше, то не смогла оторвать голову от койки.

«Что делает этот сумасшедший?»

Лицо Тори склонилось над ней, тусклый взгляд, в глазах почти страх. Он ободряюще улыбнулся. Элин захотелось пригладить его спутанные волосы.

– Прости, любовь моя.

Он легко поцеловал ее в лоб, затем в губы. Потом Тори растянулся на траве рядом с койкой и исчез из поля зрения Элин.

Элин смотрела на крышу купола и думала: «Нет». Она слышала, как Тори прикрепляет костные индукторы к своему телу, затем раздался резкий щелчок, это он включил запись. Программа потекла в его мозг.

Долгое ожидание, хотя на самом деле прошло всего секунд двадцать, и программа была загружена. Снова щелчок, и прибор отключился. Мгновение тишины, и вдруг…

Тори судорожно вздохнул. Элин увидела, как его рука взметнулась вверх и упала, было слышно, как он задыхается. Элин стремилась преодолеть паралич, но не могла сдвинуться с места. Что-то с шумом сломалось, судя по звуку, какой-то прибор. Хрипы и учащенное дыхание продолжались, Тори яростно

метался по траве.

«Тори, Тори, что с тобой?»

Понятно одно: у него припадок. Но какие кошмары терзают его мозг? Рука Тори с размаху ударилась о койку, койка закачалась. Элин слегка встряхнуло.

Что бы с ним ни происходило, это плохо. И Элин ничего не могла сделать.

– Обыкновенный эпилептический припадок, – сказала Лэндис. – Ничего страшного, мы с этим справимся.

Она успокаивающим жестом дотронулась до плеча Элин и крикнула столпившимся вокруг Тори людям:

– Вы, придурки, кто-нибудь из вас знаком с программированием? Выведите даму из этого состояния.

К Элин подбежал техник и быстро отрегулировал приборы. Остальные, продолжавшие подходить – Лэндис подоспела к месту происшествия только третьей, – пытались удержать Тори и прикрепить к его шее костный индуктор. Несколько неразборчивых фраз – и Тори стал биться как бесноватый. Потом его мышцы обмякли, судороги прекратились, и все вздохнули с облегчением.

– Ну вот, – произнес техник, и Элин с трудом сползла с койки. Она протиснулась сквозь толпу (внутренний голос с удивлением заметил: «Толпа! Как странно!»), опустилась перед Тори на колени и обняла его голову.

Он вздрогнул, немигающие глаза широко раскрылись.

– Тори, что случилось?

Он поднял на нее эти страшные глаза:

– *Nichevo.*

– Что?

– Ничего, – сказала Лэндис. – По-русски это что-то вроде «не имеет значения».

Женщина-психотехник решила взять командование на себя и оттеснила толпу. Потом она повернулась к Лэндис и стала объяснять ситуацию, ее рот спокойно двигался под красно-зеленой раскраской.

– Похоже, изъян в самой философии программирования. Мы полагали, что сохранение «я» испытуемого сделает переход к божественному сознанию чрезвычайно неприятным и испытуемый беспрепятственно позволит его депрограммировать. Оказалось, что это не так.

Элин поглаживала лоб Тори. Его мышцы напряглись, затем снова расслабились: медицинский техник перепрограммировал физиологические реакции.

– Ну почему никто ничего не делает? – возмутилась Элин.

– Посмотри. – Лэндис подсоединила ее к интеркому.

Перед мысленным взором Элин промелькнули десятки психотехников, предлагающих одну программу за другой. Разветвленная психосхема занимала один канал, Элин видела, как программы включаются, вызывая некоторые изменения, но сразу же выключаются, отвергнутые мозгом Тори.

– Мы уловили мысленные образы, показывающие, что его миропонимание расширяется, – доложил какой-то техник, и вдруг свободный канал заполнили страшные картины.

Элин выдержала их лишь мгновение: ее мозг непроизвольно отключился от канала, но мгновения было достаточно. Она стояла в огромном помещении, уставленном гигантскими грохочущими машинами. Вокруг них с визгом и хохотом суетились злые демоны, которые сами тоже были машинами, и распространяли боль и безумие.

Отвращение Элин было неописуемо. Так же неописуемо, как то, что она пережила рядом с этими машинами. Но Элин была слегка знакома с психотехникой и понимала, что ее впечатление лишь бледное подобие, тень того, что испытывает сейчас Тори.

Элин дрожала от потрясения, но мало-помалу осознавала, что возвращается во внешний мир. Она все так же обнимала голову Тори. Рядом, с ошеломленным видом и помрачневшим лицом, стояла женщина-психотехник.

Элин овладела собой и как можно нежнее спросила:

– Тори, что ты там видишь?

Тори перевел на нее немигающие, затравленные глаза, и Элин, сделав над собой усилие, встретила этот взгляд. Тори заговорил. Голос его был странно спокоен:

– Это то, что есть. Это реальность. Вселенная – абсолютно бездушная машина, а мы все только заложенные в нее программы. У нас нет выбора, мы осуществляем свои функции и потом уходим в пустоту. Шумное и жестокое место.

– Я не понимаю: ты же сам всегда говорил, что мы всего лишь программы. Ты же всегда в это верил.

– Да, но теперь я это чувствую.

Элин вдруг заметила, что медленно гладит его волосы, но не стала убирать руку.

– Возвращайся, Тори. Позволь себя депрограммировать.

Он не отвел взгляд. Те же страшные глаза. *Nichevo.*

Пришедшая в себя психотехник потянулась к какому-то прибору. Лэндис отбросила ее руку:

– Не трогайте ничего! Что вы делаете?

Женщина казалась раздосадованной.

– Он велел, если опыт окончится плохо, включить терминатор.

– Так я и думала. Пока я здесь, я не допущу убийства из милосердия.

– Мне это непонятно. – Психотехник в недоумении подалась назад. – Вы же не хотите, чтобы он страдал?

Лэндис обдумывала уничтожающий ответ, как вдруг их прервал интерком.

Пространство пронзила яркая вспышка света, сопровождаемая запахом горького миндаля, колючками статического электричества и вкусом пряного салата.

– Чрезвычайное происшествие! У нас чрезвычайное происшествие! – крикнул тревожный голос, и перед Элин возникло лицо в черно-белой раскраске. – Чрезвычайное происшествие!

Лэндис подключилась к цепи.

– В чем дело? Покажи нам.

– Вы своим глазам не поверите.

Лицо исчезло, вместо него возникла панорама озера.

Темно-зеленая поверхность его была гладкой и неподвижной. Острый конус кратера, редкие клочья сорняков и травы, весь остров спал.

И по воде шел бог.

Все смотрели, не в силах переварить увиденное. Корал ступала по воде с невозмутимым видом, неторопливым, но решительным шагом. Розовые ступни едва касались поверхности.

«Я ей не верила», – вертелось в мозгу у Элин. Она увидела, как отец Лэндис разинула рот, широко раскрыла глаза и осенила себя крестным знамением. Но не успела Лэндис перекреститься, как иезуитская психосхема взяла свое. Она закрыла рот, лицо стало холодным и замкнутым. Ей удалось полностью взять себя в руки.

– Ганс, – приказала Лэндис, – нажми кнопку.

– Нет! – крикнула Элин, но было поздно.

Все еще включенная в интерком, Элин увидела, как забавный человечек умело и проворно выполняет приказ.

Сначала ничего не произошло. Потом все конденсоры ярко сверкнули. Из механизмов повалил пар и дым, и миг спустя раздался оглушительный грохот.

Небо раскололось.

Элин повернулась, задела за что-то ногой и упала. С трудом проползла по траве и прижалась к Тори. Он не шевелился.

– Я не могу тебя потерять! – воскликнула девушка.

Тори печально улыбнулся и произнес:

– Это неважно. Живет человек или умирает, мудр он или невежествен – вселенной это безразлично. Ничто не имеет значения.

Он сказал что-то еще, но Элин не разобрала, хотя и напрягала слух.

Воздух становился разреженным. Отверстия в куполе, поначалу мелкие, расширялись, по мере того как трескалась не рассчитанная на большие нагрузки крыша. Жутковатый свист перешел в пронзительное завывание, грянул гром, и купол разлетелся.

Элин оторвало от Тори, швырнуло в воздух и больно отбросило в сторону. Кратер пришел в движение, скалы ходили ходуном, деревья ломались в щепки и летели во все стороны, озеро взорвалось паром.

Шум прекратился, и на мгновение стало нечем дышать. В ушах у Элин звенело, кожу саднило. В ней нарастало давление, ее кровь стремилась слиться с пустотой, и Элин поняла, что умирает.

Спокойный голос проговорил: «Это не должно случиться».

Время остановилось.

Элин парила между Луной и смертью, ощущая необычную гамму переживаний. Обрывки прошлого сменяли друг друга. Мир не потерял четкости, но сдвинулся с места. И она, и вселенная стали нереальными, то ли существовали, то ли нет.

«Пойдем, ты будешь богом вместе со мной», – обратилась Корал, но не к Элин.

Присутствие Тори ворвалось в туманную неопределенность мощной волной, но было каким-то странным. Элин ощущала, как Тори меняется, освобождаясь от себя; казалось, он расправляет плечи, исцеляется.

Окружающий мир стал более многообразным, обрел реальность. Элин почувствовала, что ее тянет в разные стороны. Присутствие Тори на короткое время усилилось, затем стало уменьшаться и мало-помалу вовсе сошло на нет.

«Да».

Зарокотали волны, затряслись скалы, послышался глухой шум, и мир стал таким, как прежде.

Элин нетвердой походкой преодолела последний пролет каменной лестницы, которая вела к озеру. Миновала двух часовых, стоящих у каменных ступеней, и еще нескольких по дороге к ближайшей огороженной решетками ферме. Лица охранников были покрыты краской, нанесенной с той же

поспешностью, с какой их программировали. После аварии часовые стояли везде.

Элин нашла приставную лестницу, ведущую на ферму, и полезла вверх. Стояла биологическая ночь, агротехники давно ушли.

Цепляясь руками, Элин взбиралась все выше, пока не испугалась, что пропустит ступеньку и упадет. Потом она перескочила на уступ и примостилась между лотками с клубникой и бататом. Отсюда Элин взглянула на остров. От высоты кружилась голова, хотя она одолела лишь треть пути.

«Какого черта я тут делаю?» – пробормотала Элин себе под нос. Она поболтала ногами в воздухе и сама себе ответила: «Потому что я пьяная в жопу». И захихикала. В чем-то она все-таки отличается от Корал. Элин может нализаться до чертиков и уйти из кабачка, не дожидаясь, когда хмель ударит ей в голову. Наверное, это связано с обменом веществ.

Внизу Тори и Корал тихо сидели на своем дурацком острове. Они не обнимались, не занимались любовью, не держались за руки, даже не смотрели друг на друга. Просто сидели. Как боги.

Элин зло покосилась на них. И прошептала невнятно:

– Блевать тянет, как на вас посмотришь.

Она прищурилась и сжала до боли, до слез кулаки. «Тори, какого хрена!»

Часто моргая, Элин отвернулась от острова и уставилась на черную блестящую поверхность озера. Там отражались яркие звезды. Вода подернулась еле заметной рябью, отраженные звезды стали мерцать и подмигивать, как на земном небе. Звезды в озере покачивались, сбивались в кучки, слипались, пока не превратились в лицо Тори. Его улыбка согревала и звала. Элин жадно смотрела на его губы, и он тихо проговорил: «Ну же! Иди ко мне».

Чьи-то пальцы сжали руку Элин. Она подняла глаза и увидела суровое лицо часового.

– Вы пьяны, мисс, – сказал он. – И к тому же подвергаете опасности не принадлежащее вам имущество.

Повернувшись туда, куда он указывал, Элин воззрилась на раздавленный ею побег батата и закатилась смехом. Охранник ловко, со знанием дела закатал ей рукав и замкнул на кисти пластмассовый браслет.

– Пора идти, – произнес он.

К тому времени как часовой поднялся с Элин до четвертой террасы, она почти протрезвела. Ее кровь ровной тонкой струйкой проходила через браслет и возвращалась к ней в жилы

очищенной от алкоголя.

«Кощунственное расточительство, сколько вина пропало», – думала Элин.

Еще двадцать шагов – и браслет свалился с ее руки. Охранник поймал его на лету и ушел. Элин вновь овладело отчаяние.

«Тори, любовь моя!»

Спать ей не хотелось, и она поплелась дальше, снова в погребок Ганса за следующей порцией вина.

Вокруг камня, который заменял стол, в свете кольца блуждающих язычков пламени расположилась небольшая компания. Отец Лэндис была здесь тоже и явно собиралась напиться.

– Завтра я подаю рапорт, – объявила она. – Синод отказывается от участия в эксперименте и прекращает финансирование.

Ганс вздохнул, сделал большой глоток домашнего вина и поморщился.

– Это что же, конец проекту «Создатель звезд», а?

– Дай-то бог! – ответила Лэндис и суеверно скрестила пальцы.

Элин стояла неподалеку и молча слушала.

– Даже слышать не могу о Боге после всего случившегося, – проворчала психотехник.

– Не следует путать Господа с тем, что вы недавно видели, – сказала ей Лэндис.

– Она повернула время вспять или что-то в этом роде, – заметил Ганс. – Я сам видел. Здесь был взрыв, разве это ни о чем не говорит?

Лэндис ухмыльнулась и взъерошила ему волосы.

– Иногда я волнуюсь за тебя, Ганс. У тебя крайне ущербное представление о Боге.

Люди, сидящие за столом, засмеялись. Ганс покраснел и сказал:

– Да нет, правда.

– Хорошо, я постараюсь… – Лэндис наклонилась вперед и постучала кружкой о камень. – Слушай, налей-ка еще… Постараюсь объяснить просто. Мы засадили ученых за описание вселенной, которое дала Корал. Они изучили его вдоль и поперек, и что ты думаешь? В этой вселенной нет места для таких понятий, как вера; надежда, милосердие. Мы получили смесь субстратов, суперпрограмм и самометакорректирующейся физики. Но не только интеллект делает Бога высшим существом – каждый из нас встречал кошмарно умных мерзавцев! И не только

могущество, а то я могла бы купить из-под полы атомную бомбу и основать свою религию. Нет, Бог по определению – носитель высших моральных качеств. Конечно, я только стремлюсь быть по возможности честной и беспристрастной, но для Корал нравственных соображений не существует вообще. Ясно?

Только Элин заметила тревогу и безысходность, застывшие у Лэндис в глубине глаз, и поняла, что та говорит механически. В душе Лэндис происходила борьба, ее вера была поколеблена.

– Да, пожалуй. – Ганс почесал затылок. – Но мне все же интересно, что произошло между ней и Тори в самом конце.

– Сейчас расскажу, – откликнулась психотехник. Все повернулись к ней, и она довольно улыбнулась, ей нравилось быть в центре внимания.

– Какого черта, завтра нам всем, пожалуй, поставят цензирующий блок, так что, может, у меня последняя возможность рассказать. Мы проверили все магнитные ленты и обнаружили, что трудности возникли из-за теоретической ошибки в проекте. Шостоковичу не надо было оставлять при эксперименте свое «я». Переход к богоподобному состоянию чрезвычайно опасен для личности. Тори не желал этого перехода. Его ум сопротивлялся, отвергал божественность, превращал ее в кошмар. Потому что принять божественность значило для него потерять индивидуальность.

Она сделала драматическую паузу.

– Мы не понимаем, как и почему это случилось. Но совершенно четко зафиксировано, *что* случилось. Явилась Корал и отняла у него индивидуальность.

– Чушь собачья! – Лэндис воинственно вскочила, но с трудом удержалась на ногах. – И после всего, что было, вы говорите: у них нет индивидуальности! Смотрите, какое светопреставление устроила эта Корал, чтобы заполучить назад Тори. Разве так ведет себя лишенное чувств и индивидуальности существо?

– Наши приборы не уловили никаких следов индивидуальности.

– Ваши приборы! Все это наука, не более того. – Лицо Лэндис пылало от пьяного гнева. – Вы идиоты! Хоть кто-нибудь из вас задумывался, что мы тут натворили? Это сверхсущество еще слишком мало, новорожденный младенец! Но когда-нибудь оно вырастет. И что будет с нами, когда оно решит покинуть остров? Я… – Она запнулась, голос сорвался.

Все молча от нее отстранились.

– Извините меня, – пробормотала Лэндис. – Слишком много вина.

Она села.

– Ладно. – Ганс откашлялся и криво улыбнулся. – Кому-нибудь налить?

Люди опять оживились, неестественно бойкие, слишком шумливые, нарочито веселые. Стоявшей сбоку, за пределами круга света, Элин привиделся страшный сон наяву.

На нее смотрел техник из конторы. У него были глаза Тори. Когда он отвернулся, на другом лице блеснула улыбка Тори. Люди беспокойно двигались, болтали и смеялись, как танцоры, изображающие вечеринку в какой-нибудь оперетте, и глаза Тори танцевали вместе с ними. Эти глаза перелетали с лица на лицо, появлялись то здесь, то там – каждый раз, когда кто-нибудь смотрел в сторону Элин. Тихий голос сказал:

– Нам суждено друг друга любить.

«Уходи, уходи, уходи», – в исступлении подумала Элин, и галлюцинация прекратилась.

Элин успокоилась и пробралась туда, где сидела Лэндис.

– Утром я улетаю, – сказала Элин.

Новая личность прижилась, краску с лица снимут перед самым отлетом, но это простая формальность. Ей разрешили уехать.

Лэндис подняла взгляд, и на миг все муки и сомнения проступили у нее на лице. Потом маска вернулась, и Лэндис ответила Элин с улыбкой:

– Держись подальше от экспериментальной религии, хорошо, девочка?

Они на мгновение обнялись.

– И помни, что я говорила тебе об ушибленной ноге.

Элин молча кивнула. Теперь она поняла, что вернулась назад в погребок именно к этой иезуитке – за советом и утешением. Она хотела сказать: «Послушайте! На миг я решила, что смогу вернуть Тори, – так же как он вернул Корал. Но когда я попыталась прорваться в компьютер, оказалось, что они усилили меры безопасности. Только сейчас до меня дошло, что Тори ушел навсегда, и я боюсь наделать глупостей и хочу, чтобы вы меня отговорили». Но Лэндис была и так удручена и могла не вынести лишних волнений. Нельзя взваливать на чужую ношу свою.

И Элин пошла домой, в хижину Тори.

Осталось преодолеть последнее искушение. Элин сидела посреди комнаты, держа на коленях терминал Тори: буквенно-цифровые обозначения успокаивали ее мягким зеленым светом. Мысли ее были о Тори. О его фразе: «Нам суждено друг друга любить», о его худощавом теле, которое лежит рядом с ней в голубовато-бледном свете Земли. Элин думала, как будет без него

жить.

Терминал, единственный из оставленных Тори предметов, хранил отпечаток его духа. Это была его игрушка, его дневник и его ящик для инструментов. В памяти терминала еще сохранилась серия программ «Троянский конь», над которой он работал, когда вдруг… перестал быть собой.

Одна из этих программ сделает ее богом.

Сквозь листья плюща Элин всматривалась в куполообразное небо. Темные контуры листьев не закрывали лишь несколько звезд, да и те то гасли, то вновь загорались в такт дыханию Элин. Она вспомнила, как Корал говорила, что скоро они будут вместе, обезличенные и оторванные от жизни, и только вмешательство Тори спасло от этой участи.

– Бог всегда выполняет обещания, – тихо сказал Тори.

Элин вздрогнула, опустила глаза и увидела, что трава в дальнем конце хижины двигается. И вдруг быстро проглянуло такое знакомое насмешливо-печальное лицо ее возлюбленного. Трава продолжала колыхаться, и вот уже показалась голова и верхняя часть тела Тори.

Элин почти не удивилась. Конечно, и прежние появления Тори не были плодом ее воображения, это не призраки, порожденные ее горем. Ей просто не свойственны такие фантазии.

И все же Элин с опаской встала.

– Чего ты от меня хочешь?

Фигура из глины и травы поманила ее к себе:

– Пойдем. Тебе пора к нам.

– Я не программа, – судорожно шепнула Элин и стала пятиться. – Я сама за себя решаю!

Она повернулась и выбежала наружу, на свежий, целительный ночной воздух. Ночь обняла ее. Голова Элин сделалась ясной, к ней вернулось присутствие духа.

На верхней террасе легонько зашевелились листья жимолости. Плавно и постепенно они превратились в Корал, зрачки ее глаз были цветами. Но говорила она голосом Тори.

– Тебе не понравится быть богом, – сказал Тори, – но существу, которым ты станешь, – понравится.

– Дай мне время подумать! – крикнула Элин.

Она быстро зашагала прочь из жилого поселка, минуя разбросанные по полю валуны, к темному лугу.

Элин окутал царящий здесь покой. Она нуждалась в этом покое, чтобы выбрать между своей человеческой природой и Тори. Выбор был бы несложен, когда бы не боль утраты!

Она подняла взгляд к Земле, к миру, переполненному

страданиями. Если бы она могла протянуть руку и стряхнуть с Земли все людские горести, они засыпали бы мироздание, погасили звезды и отравили все вокруг. Эта мысль давала если не утешение, то хотя бы маленькую надежду, ощущение, что она не так одинока, что ее печали лишь часть общих мук. Эти муки сопровождают человечество из поколения в поколение. Но люди продолжают жить.

И если все не сдаются, Элин не сдастся тоже.

Легкий шум заставил ее оглянуться на валуны. На каждом камне появилось лицо Тори, лица чуть-чуть отличались одно от другого, но все выражали любовь. Это странное многоликое видение показало Элин, насколько чужим стал для нее Тори, и она невольно содрогнулась.

– Твое желание сильнее страха, – произнес Тори, и слова запрыгали от лица к лицу. – Неважно, что ты сейчас об этом думаешь, но к утру ты будешь с нами.

Элин ответила не сразу. В руке у нее был терминал Тори. Маленький и почти невесомый. Она машинально захватила его с собой.

Над головой раздался тоскливый крик, потом еще и еще. Рядом с куполом козодои охотились за насекомыми. Элин не видела птиц: они летали слишком высоко, слишком быстро и в полной тьме.

– Цена чересчур высока, – сказала наконец Элин. – Можешь ты это понять? Ради тебя я не перестану быть человеком.

Элин подняла зажатый в руке терминал и бросила его как могла дальше изо всех сил. Она не слышала, как он упал.

– Прощай, Тори, – проговорила она. – Я все еще люблю тебя, но прощай.

Элин повернулась и пошла прочь.

Скалы у нее за спиной понимающе улыбались.

Зимняя сказка

Может, мне и не стоит рассказывать тебе о том далеком рождественском вечере из моего детства, прожитого в Каменном Доме. Я больше не доверяю собственной памяти с тех пор, как подцепил мозговую горячку. Скоро я выздоровею, и меня отправят прочь с этой планеты, на бог знает сколько световых лет от этой унылой луны, встающей за амбаром твоего отца, – но как же много было выжжено из моей памяти! Не исключено, что на самом деле ничего этого и не было.

Садись ко мне на колени, и я тебе расскажу. Это же просто колени. Еще ни одна женщина не была обесчещена коленкой. Вот ты смеешься, а это правда. Если б все было так просто!

Современная война особенно мерзка, потому что цель ее не столько в захвате территорий, сколько в том, чтобы вымотать противника, а для этого лучше калечить, чем убивать. Мертвое тело можно сунуть в мешок, сжечь и забыть о нем, а вот раненые требуют особенной заботы. Резервуары для регенерации, искусственная кожа, медицинский персонал, долгая реабилитация на ферме твоих родителей. Именно поэтому они будут менять оружие, рубить тебя допотопными каменными топорами, травить ядами и радиацией, чтобы вынудить твое руководство держать запас необходимых профилактических средств и особенных лекарств, штат людей, владеющих непостижимыми знаниями. Горчичный газ идеально подходит для их целей, и мозговая горячка тоже.

Я провалялся в госпитале несколько месяцев, утопая в море боли и бреда. И в мечтах видя только лед. Когда я очнулся, слабый и не вполне уверенный, что живой, целые фрагменты моей жизни исчезли, выжженные из памяти. Помню, как стоял на самом верху железного моста над Извелтаей, смеясь и швыряя в реку учебники, один за другим, пока мой лучший друг Феннвульф пытался уговорить меня сойти вниз.

– Я вступлю в милицию! Я буду солдатом! – истерически выкрикивал я.

Так я и сделал. Это я помню отчетливо, однако совершенно не помню, что предшествовало этой нелепейшей сцене, как не помню имени моей второй старшей сестры, хотя вижу ее лицо так же ясно, как твое сейчас. Прорехи зияют в самых неожиданных местах моей памяти.

Тот рождественский вечер – единственный островок уверенности в мятущемся море моих воспоминаний, он возвышается в памяти так же несокрушимо, как и сам Каменный

Дом, пещера эпохи неолита, где мы вели жизнь настолько примитивную, что я не в состоянии понять, в какой же исторической эпохе мы жили. Время от времени мужчины возвращались с охоты, один или два ларла бежали впереди, довольные, с осоловелыми глазами, окровавленные копья выстраивались у стены, и может даже быть, что мы жили тогда на Старой Земле. В другие моменты, когда включались проекторы, чтобы наполнить общий зал разноцветными огнями, когда искры света опускались на ветви праздничной елки и холодное, безобидное пламя танцевало на лицах гостей, тогда казалось, что мы живем в куда более позднюю эпоху, в какой-то мифологизированной провинции из будущего.

В доме царило оживление: пять семей собрались на ежегодный праздник, приехали дальние родственники и еще несколько друзей, – в общем, нам пришлось перетаскивать мебель на захламленный чердак и устраивать постели в тех частях дома, которые обычно закрывались на зиму; даже в коридорах стояли раскладушки и лежали пухлые тюфяки. Женщины носились по дому, пристраивая стариков где только можно, опускали одного в кресло, взбивая его, словно подушку, другого подвешивали над столом и для пущего эффекта начесывали ему усы. Приятные хлопоты.

Вернувшись из кухни, откуда меня шуганула какая-то незнакомая громадная женщина с веснушчатыми руками, до локтей перепачканными мукой, я застал врасплох Сьюки и Джорджа, которые целовались в укромном уголке за большим камином. Они обнимались, а я стоял и смотрел. Сьюки улыбалась, ее круглые щеки пылали. Одной рукой она откинула назад волосы, чтобы Джордж мог целовать ее ухо, при этом она немного повернулась и увидела меня. Она ахнула, они разомкнули объятия, оба напуганные и раскрасневшиеся.

Сьюки дала мне печенье, темное от патоки, украшенное сверху одинокой изюминой в кристалликах сахара, а Джордж стоял и дулся. Потом она оттолкнула меня, я услышал ее смех, когда она схватила Джорджа за руку и повлекла куда-то в темную, лесную часть дома.

Пришел отец в заляпанных грязью сапогах, бросил связку подстреленных птиц на шкаф с охотничьими трофеями. Он повесил на крючки ненатянутый лук и колчан со стрелами, затем оперся локтем на шкаф, принимая от матери, одарившей его восхищенным взглядом, горячее питье. Ларл прошел мимо, тихий, отяжелевший и довольный. Я завернул за угол вслед за ним – меня охватило давнее желание прокатиться верхом на этом звере. Я так и видел себя триумфально гарцующим перед

кузенами на спине черного хищника.

– Флип! – сурово окликнул меня отец. – Оставь Самсона в покое! Он храброе и благородное создание, и я не позволю ему докучать.

У него словно были глаза на затылке, у моего отца.

Не успел я рассердиться, как мимо пронеслись кузены, спешившие развесить на деревьях перед входом соломенных человечков, и увлекли меня за собой. Дядюшка Читагонг, который походил на ящерицу и по причине плохого здоровья оставался в стеклянном резервуаре, подмигнул мне, когда я с визгом промчался мимо. Краем глаза я заметил рядом с ним мою вторую старшую сестру, залитую синим пламенем.

Ты уж меня прости. От моего детства осталось так мало, громадные пласты потерялись на голубых ледниках, по которым я скитался во время болезни. Мое прошлое подобно затонувшему континенту, от которого остались только вершины гор, торчащие над водой, архипелаг событий, по которым можно угадать очертания того, что было утрачено. И этими оставшимися фрагментами я особенно дорожу, я должен время от времени дотрагиваться до них, убеждаясь, что хоть что-то осталось.

Так на чем я остановился? Ах, да. Я был в северной колокольной башне, где любил прятаться в те дни, сидел, съежившись за Старым Слепым Пью, самым басовитым из тройки наших колоколов, и плакал, потому что меня сочли слишком маленьким и не позволили зажечь один из рождественских факелов.

– Эй! – окликнул кто-то, а потом: – Выходи, глупыш!

Я подбежал к окну, в ошеломлении забыв о слезах при виде брата Карла, чей силуэт вырисовывался на фоне желтеющего неба: он вышагивал по гребню острой крыши, раскинув руки, словно канатоходец.

– Тебе за это здорово влетит! – крикнул я.

– Не влетит, если ты не расскажешь!

Он прекрасно знал, что я его боготворю.

– Спускайся! Один из кухонных чуланов пустой, я все оттуда выкинул. Мы сможем забраться в него из буфетной. Там под дверью щель – нам все будет видно!

Карл развернулся и потерял равновесие. Он упал. Поехал по крутой крыше ногами вперед. Я закричал. Карл ухватился за водосточный желоб и повис, раскачиваясь на фоне открытого окна.

Его смеющееся лицо с резкими чертами растворилось в сумраке.

– Наперегонки до нефритового ибиса!

Он скрылся в окне, а я бешено свинтился по спиральной лестнице, стремясь прийти к цели первым.

Не моя вина, что нас застукали, я бы не стал смеяться, если бы Карл не щекотал меня, желая узнать, сколько я выдержу молча. Я перепугался, но только не Карл. Он запрокинул голову и хохотал до слез, хотя его волокли прочь три ужасно разгневанные бабушки; Карл же радовался своей проказе даже больше, чем тому, что успел увидеть.

Меня же увела из чулана добрая Катрина, которая в подробностях расписала, какая порка меня ожидает, а затем умудрилась потерять меня в толпе, собравшейся в общем зале. Я прятался за гобеленом с козой, пока не заскучал – это случилось скоро, – а затем Чубкин, Космонавт и Пью зазвонили, и зал опустел.

Я двинулся за остальными, затерявшись среди шагающих ног, никем не замеченный, словно болотная птица, которая шмыгает между колышущимися травами. С восточной лестницы доносились громкие голоса, мы все поднялись на самый высокий балкон, чтобы увидеть танец солнцестояния. Я взялся за облупленную балюстраду и подтянулся, встав на цыпочки, чтобы поглядеть вниз, на процессию, выходившую из дома. Довольно долго ничего не происходило, помню, как меня возмутило то, что взрослые воспринимали все совершенно буднично, стояли себе с бокалами в руках, и лишь некоторые время от времени бросали взгляды вниз. Федра и Валериан (все младшие дети, несмотря на протесты, были отправлены в постель час назад) затеяли салки, они носились между взрослыми, пока те, сердито размахивая руками, не запретили им беготню и приказали вести себя тихо.

Затем дверь внизу отворилась. Женщины, которые были ведьмами, торжественно выплыли, одетые в махровые халаты с капюшонами, как будто только что вышли из ванной. Однако они были такие молчаливые, что меня охватил страх. Казалось, что-то холодное вселилось в розовощеких смешливых теток, которые готовились к празднику, хлопоча на кухне, и лишило их части тепла и веселости.

– Катрина! – выкрикнул я в панике.

Она подняла ко мне лицо, бесстрастное, словно луна. Несколько мужчин разразились смехом, и белый пар вырвался из их заросших бородами ртов, а один из них ударил меня по голове костяшками пальцев. Моя вторая старшая сестра оттащила меня от балюстрады и зашипела, чтобы я ничего не говорил ведьмам, что это важно и когда я стану старше, то все пойму, ну а пока что я должен вести себя хорошо, иначе меня побьют. Чтобы смягчить свои слова, она протянула мне кристалл сахара, но я сурово

отвернулся, недовольный.

Женщины одновременно взошли на голые скалы в восточной части дома, снег с которых сметал ветер с моря, и там, далеко от нас – даже лица невозможно различить, – сбросили с себя платья. Мгновенье они стояли неподвижно, выстроившись кругом, и смотрели друг на друга. Потом начали танцевать, и из одежды на каждой из них была только красная лента, завязанная на одном бедре так, чтобы конец развевался на ветру.

Пока они кружились в своем танце, родственники смотрели, в основном молча. Время от времени доносился приглушенный смешок, когда кто-нибудь из молодых людей отпускал соленое словцо, но в целом все наблюдали за танцем с большим почтением, даже с некоторым трепетом. Небо было темным и неспокойным, по нему неслись маленькие облака, похожие на баранов с пурпурными головами. На крыше было зябко, и я не представлял, как женщины терпят такой холод. Они кружились в танце все быстрее и быстрее, и родственники делались все тише, все плотнее смыкали ряды, пока меня совсем не оттеснили от перил. Замерзнув и заскучав, я пошел вниз, и никто не обернулся посмотреть, как я возвращаюсь в главный зал, где в камине все еще тлели угли.

Когда я уходил, в комнате стояла удушливая жара, но теперь тут стало прохладно. Я улегся на животе перед камином. От плиток пахло золой, они были зернистыми на ощупь и пачкали пальцы, когда я лениво рисовал на них круги. Камни были холодными по краям, но медленно нагревались, а потом вдруг сделались слишком горячими, и мне пришлось отдернуть руку. Недра камина были черными от копоти, и я смотрел, как огненные змейки извиваются над камнем с вырезанными на нем сердцем и руками, пока мерцают и вспыхивают головешки. Рождественское полено уже превратилось в красные уголья, и теперь ему предстояло догорать много часов.

Кто-то кашлянул.

Я обернулся и увидел, что в тени кто-то шевелится, какое-то животное. Ларл был чернее черного, черная дыра в темноте, и взгляд у меня расплывался, когда я смотрел на него. Медленно и лениво он вышел к камину, потянулся, зевнул, показав загнутый язык, после чего уставился на меня своими потрясающими зелеными глазами.

И заговорил.

Разумеется, я был поражен, но не так, как был бы поражен мой отец. Ведь детям зачастую не нужны объяснения чудесному.

– С Рождеством, Флип, – сказало это создание негромко и с придыханием.

Не могу описать, на что была похожа его речь, ни до, ни после я не слыхал ничего подобного. А в его взгляде читалось бесконечное изумление пришельца из другого мира.

– И тебя тоже, – вежливо ответил я.

Ларл сел, свернулся вокруг меня кольцом, тяжело привалившись всем телом. Если бы я даже захотел сбежать, то не смог бы прошмыгнуть мимо него, хотя в тот момент подобная мысль даже не приходила мне в голову.

– Существует древняя легенда, Флип, не знаю, слышал ли ты ее, но в канун Рождества животные могут говорить по-человечески. Старшие рассказывали тебе об этом?

Я помотал головой.

– Они совсем не занимаются твоим образованием. – (До чего же странно слышать шутливые нотки в таком голосе.) – В этих старинных легендах есть доля правды, если только знаешь, как ее извлечь. Впрочем, не во всех. Некоторые – просто сказки. Может, ничего подобного сейчас и не происходит, может, я вовсе не разговариваю с тобой?

Я покачал головой. Я не понял его. И сказал ему об этом.

– Между твоим видом и моим существует разница. Мой вид понимает о вас все, а ваш не знает о нас почти ничего. Я хочу рассказать тебе одну историю, малыш. Хочешь послушать?

– Да, – сказал я, потому что был маленький и обожал разные истории.

Он начал:

– Когда приземлились огромные корабли…

О господи! «Когда…» Нет-нет-нет, подожди. Прости меня. Я потрясен. Прямо сейчас, в это самое мгновенье, у меня было видение. Мне показалось, что сейчас ночь и я стою в воротах кладбища. И вдруг воздух вокруг начинает светиться, конусы света вырываются из трещин в земле, трепещут на ветвях деревьев. Расчерчивают полосами небо. Мне захотелось танцевать от радости. Но земля под ногами начала крошиться, и, когда я посмотрел вниз, тень от ворот коснулась моих ног, холодный прямоугольник непроницаемой черноты, глубокой, как вечность, у меня закружилась голова, я едва не упал, и я…

Довольно! Я уже видел это раньше, много раз. Должно быть, какое-то сильное впечатление из юности, сырой запах только что открытых земель, меловая побелка на штакетнике.

Должно быть, так. Я не верю в домовых, в привидения, в предвидение. Нет, думать о подобном невыносимо. Глупость какая! Давай я лучше продолжу рассказ.

Когда приземлились огромные корабли, я поедал мозг нашего деда. Все его потомки почтительно собрались вокруг него,

и мне, самому младшему, позволили откусить первому. Его мудрость хлынула в меня, и еще мудрость его предков и сокровенные знания тех животных, которых он съел за свою жизнь, и дух отважных врагов, которые были убиты, а затем почтены съедением, словно сородичи. Сомневаюсь, что ты поймешь это, малыш.

Я помотал головой.

– Понимаешь, народ не умирает. Умирают только люди. Иногда незначительная часть личности теряется, стираются события нескольких десятилетий, однако в целом жизнь сохраняется, если не в этом теле, то в другом. Иногда же личность может запятнать себя дурным поступком, и тогда потомки отказываются вкушать ее мозг. Это ужасный позор, и такая личность уходит умирать где-нибудь в одиночестве.

Корабли спустились, ярко сверкая в новорожденных солнцах. Народ никогда не видел ничего подобного. Мы смотрели, не в силах выразить изумление, потому что тогда у нас не было языка. Ты видел рисунки – затейливые завитки раскрашенного металла, – как гордые люди ступают по земле. А я там был и могу рассказать, что ваши люди были больны. Они шатались, спускаясь по трапам, от них разило радиацией и болью. Мы могли бы уничтожить их всех и сразу.

Ваши люди построили деревню у Обрыва, посеяли зерно, закопав на полях своих мертвецов. Мы им не мешали. Они были не похожи на хорошую дичь. Они были слишком странными и слишком медлительными, к тому же мы еще не насладились вашим запахом. В общем, мы ушли, погрязшие в собственном невежестве.

Тогда было начало весны.

Половина прилетевших погибла к середине зимы, некоторые от болезни, но большинство от нехватки еды. Нас это не касалось. Но потом в наши дикие края явилась та женщина, и наша вселенная изменилась навсегда.

Когда ты подрастешь, тебе расскажут легенду о женщине, расскажут, как отчаяние завело ее в дикие земли. Это часть вашей истории. Мне же, бродившему по горам, отощавшему от зимней бескормицы, она, бредущая через снега в своих мехах, показалась самой повелительницей зимы. Мясо в разгар голодного сезона, живая кровь на солнцестояние.

Первый раз я увидел женщину, когда поедал ее друга. В тот вечер он как всегда вышел из хижины на закате, с ружьем в руке, не глядя по сторонам. На тот момент я наблюдал за ним уже пять дней, и его поведение ни разу не менялось. И вот на шестом закате я затаился на крыше их хижины, когда он выходил. Я

позволил ему отойти от двери на несколько шагов, потом прыгнул. Я почувствовал, как от удара сломалась его шея, разорвал ему горло, чтобы наверняка, и распорол парку, чтобы добраться до внутренностей. В том не было ничего от азартной охоты, однако зимой мы соглашаемся на добычу, мозг которой ни за что не стали бы есть.

Пасть у меня была полна, морда приятно увлажнена теплой кровью, и в этот миг появилась женщина. Я поднял голову, когда она перевалила через вершину холма на одной из ваших не поддающихся пониманию машин, которая, как я теперь знаю, называется снегоходом. Лучи заходящего солнца прорвались сквозь тучи у нее за спиной, и на какой-то миг она вся озарилась. Ее узкая тень вытянулась вперед и коснулась меня – мост тьмы, соединивший нас. Мы посмотрели друг другу в глаза…

Магда преодолела подъем с угрюмым, безрадостным удовлетворением. «Я теперь женщина охотника, – подумала она про себя. – В Обрыве всегда будут рады мясу, которое мы добудем, однако впредь они уже никогда не станут разговаривать со мной вежливо. Отлично. Я бы все равно придушила их за такие любезности». Ребенок закопошился, и она, не глядя, погладила его сквозь шубу, прошептав:

– Потерпи еще немного, мой храбрый малыш, скоро мы будем дома. Тебе нравится наш новый дом?

Солнце прорвалось сквозь тучи у нее за спиной, превратив снег в ослепительно сверкающее алым полотно. Потом глаза привыкли к свету, и она увидела черный силуэт, склонившийся над телом ее любовника. Очень далеко от нее, но руки сами потянули за рычаг, снегоход затормозил и остановился. Чаша долины перед нею была пустынна, снег под телом почернел от крови. Из трубы хижины лениво вырвался последний завиток дыма. Мерзкий зверь поднял окровавленную морду и посмотрел на нее.

Время застыло и сжалось от черной боли.

Ларл издал крик. Этот крик донесся до нее быстрее мысли. Магда неловко, потому что мешал младенец, привязанный к животу, выдернула винтовку из кофра позади седла. Быстро сбросила рукавицы, сжала голыми руками металл, обжегший, словно укус шершня, сняла оружие с предохранителя и уперла приклад в плечо. Ларл был уже на полпути к ней. Она прицелилась и выстрелила.

Ларл упал. Одно плечо у него было раздроблено, и его отбросило в сторону. Он барахтался и катался в снегу.

– Вот тебе, сукин сын! – с торжеством прокричала Магда.

Однако зверь почти сразу поднялся на ноги, развернулся и побежал.

Младенец заплакал, напуганный грохотом выстрела. Магда завела мотор.

– Тише, маленький воин. – Ее затопило некое безумие, слепая, подавляющая боль ярость. – Сейчас мы с ним разберемся. – Она погнала машину вниз, вслед за ларлом.

Даже раненый, зверь бежал быстро. Она с трудом нагоняла его. Когда он оказался между редкими деревьями в дальнем конце долины, Магда притормозила, чтобы выстрелить еще раз, и пуля просвистела у него над головой. Ларл отскочил. И после бежал, то и дело меняя направление, совершая неожиданные прыжки в разные стороны. Как же быстро он учится! Но от Магды все равно не уйдет. Она всегда отличалась горячностью, а сейчас кровь у нее просто вскипала. Она не может вернуться к выпотрошенному телу любовника, когда его убийца до сих пор жив.

Солнце село, и в сгущавшихся сумерках она потеряла ларла из виду. Однако она могла идти по его следу в свете двойной луны, по глубоким, багровым отпечаткам, черным каплям крови, которые он то и дело ронял на снег.

Было солнцестояние, и обе луны полные – священное время. Я ощущал это, даже спасаясь бегством по диким землям. Луны разливали по снегу яркий свет. Я ощущал угрозу, потому что за мной шла охота, и чувствовал себя невыразимо благословенным.

Однако еще я ощущал великий страх за свое племя. Мы не принимали людей в расчет, как не поддающихся пониманию, не особенно интересных существ, медлительных, плохо пахнущих, туповатых. Теперь же, спасаясь от безумной женщины на быстрой машине, женщины, которая потрясала оружием, способным убивать на расстоянии, я ощущал, что весь нормальный ход вещей нарушен. Она была богиня охоты, а я стал добычей.

Об этом необходимо поведать Народу.

Я увеличил расстояние между нами, но знал, что женщина нагонит. Она была охотницей, а охотники никогда не бросают раненую дичь. Так или иначе, но она доберется до меня.

Зимой все, кто ранен или слишком стар, обязаны отдавать себя обществу. Скала для жертвоприношений была неподалеку, под холмом, с незапамятных времен испещренном нашими могилами. Я обязан был поделиться своим знанием: человеческие существа опасны.

Они станут для нас отличной добычей.

Я достиг своей цели, когда луны были в зените. Плоская

скала была очищена от снега, когда я, хромая, взбежал на нее. Разбуженные запахом моей крови, несколько наших вышли из нор. Я улегся на жертвенный камень. Одна бабушка из Народа вышла вперед, полизала мою рану, попробовала, размышляя. Затем она толкнула меня головой, прогоняя с камня. Эту рану можно вылечить, подумала она, зима началась не так давно, в моей плоти пока нет нужды.

Но я остался. Она снова толкнула меня. Я отказался двигаться с места. Она заскулила в недоумении. Я лизнул скалу.

Это было понято. Двое из Народа выдвинулись вперед и прижали меня к камню своими телами. Третий поднял лапу. Он разбил мне голову, и они ели.

Магда с гребня ближайшего холма наблюдала за происходящим в мощный бинокль. Она видела все. Скалу заполонили страшные звери, тощие и черные. Спускаться к ним было бы опасно, поэтому она выжидала, с недоумением наблюдая за тем, что происходило внизу. Тот ларл хотел умереть, она могла поклясться в этом, и вот теперь остальные звери двинулись к его телу, ступая изящно, едва ли не соблюдая какой-то ритуал: первым его мозг попробовал самый молодой, а затем самый старый. Она вскинула винтовку, решив, что уничтожит несколько тварей издалека.

После чего случилось нечто любопытное. Все ларлы, которые успели попробовать мозга ее добычи, отпрянули, рассыпались по сторонам. Те же, кто не успел поесть, выжидали, ничего не понимая, – легкие мишени. Затем следующий опустил морду, чтобы оторвать кусочек мозга, и вскинул голову, озаренный внезапным пониманием. Магду охватил страх.

Охотник часто говорил о ларлах, говорил, что они такие неуловимые, иногда ему даже кажется, что они наделены интеллектом. «Вот придет весна, когда можно будет потратить патроны на хищников, и тогда я обязательно добуду несколько особей», – говорил он. Он был ксенобиолог, он любил животных, которых убивал, дорожил ими, даже когда коптил их плоть, дубил их шкуры, в подробностях зарисовывал их внутренние органы. Магда часто высмеивала его теорию, будто ларлы познают в подробностях привычки своих жертв, поедая их мозги, хотя он проводил много времени, наблюдая за ларлами издалека и собирая доказательства.

И вот теперь она подумала: вдруг он был прав?

Младенец захныкал, и она сунул руку под меха, чтобы дать ему грудь. Внезапно ночь показалась ей холодной и полной опасностей, и она подумала: «Что я здесь делаю?»

Здравый рассудок разом вернулся к ней, гнев ее испарился без следа, словно ледяная башня, снесенная ветром. Гладкие черные силуэты внизу двигались по снегу в ее сторону. Каждые несколько шагов они меняли направление, петляли, чтобы спастись от ее пули.

– Держись, малыш, – пробормотала она, разворачивая снегоход. И дала полный газ.

Магда выжимала из снегохода все, что могла, звери преследовали ее на расстоянии. Дважды она резко останавливалась и наводила на преследователей дуло. Они мгновенно исчезали среди сугробов, ползли, прижимаясь брюхом к земле, однако не останавливались, приближаясь к ней под прикрытием.

В зловещей ночной тишине она слышала, как твари перешептываются в снежных траншеях. Она бежала от них.

Спустя какой-то промежуток времени – небо на востоке так и не думало светлеть, – Магда перепрыгивала замерзший ручей, и левая лыжа ее снегохода врезалась в скалу. Машину на мгновение подбросило вверх, кибернетические приборы запищали, силясь выровнять ее. С болезненным грохотом снегоход упал на землю, одна лыжа была перекручена и погнута. Придется немало потрудиться, чтобы снегоход снова смог ехать.

Магда слезла с седла. Она распахнула шубу и поглядела на ребенка. Он улыбнулся, подняв на нее глаза, и загукал.

Что-то внутри ее оборвалось.

Дура! Какая преступная глупость, подумала она. Магда была гордой женщиной, она никогда, даже наедине с собой, не сожалела о совершенных поступках. Теперь же она жалела обо всем: о том, что поддалась гневу, об охотнике, о всей своей жизни, обо всем, что привело ее сюда, о скопившемся безумии, которое грозило уничтожить ее ребенка.

Через гребень холма перевалил ларл.

Магда вскинула винтовку, и он нырнул обратно. Она начала спускаться по склону, идя вдоль ручья. Снега было по колено, и ей приходилось ступать с осторожностью, чтобы не поскользнуться и не упасть. Вниз перед ней скатывались комья снега, их догоняли другие. Она спускалась с холма, стараясь не отставать от них.

Хижина охотника была в нескольких милях; если она доберется туда, они спасены. Однако зимой даже миля долгий путь. Она слышала, как ларлы перекликаются друг с другом через лощину, издавая звуки, похожие на негромкий кашель. Они шли сквозь снега, слушая скрип ее шагов. Ладно, пусть. Винтовка еще при ней, а если патронов осталось всего несколько штук, они об

этом не знают. Они ведь просто животные.

Здесь, на высокогорье, деревья росли редко. Магда спустилась на добрую четверть мили, когда лощина начала утопать в подлеске и ей пришлось выбирать: подняться выше и обойти или же идти вперед, рискуя нарваться на засаду. Куда же теперь? Справа трижды кашлянул кто-то из ларлов, и она опасливо двинулась вверх по левому склону, ежесекундно ожидая нападения.

Мы загоняли ее, как стадо. Всю долгую ночь мы мельком показывались ей каждый раз, когда она разворачивалась в ту сторону, куда ей было нельзя, и позволяли ей идти по другому пути. Мы показывали ей, как роем снег вдалеке, а сами выжидали, неподвижные и незамеченные. Лес кишел нашими тенями. Медленно-медленно мы гнали ее по кругу. Она старалась выйти к хижине, но не могла. Какой же страх и отчаяние окутывали ее! Мы чувствовали их запах. Иногда ребенок начинал плакать, и она успокаивала это пахнущее молоком создание голосом, безжизненным от осознания всей тщетности своих усилий. Ночь старела по мере того, как луны опускались по небосводу. Мы вынудили женщину подняться обратно в горы. Под конец ноги несколько раз отказывались ей служить – женщине недоставало нашей телесной силы и выносливости. Зато нашим терпением и хитростью она обладала в полной мере. Один раз мы приблизились к ее неподвижному телу, и она успела убить двоих, прежде чем остальные сумели отступить. Как же мы ее любили! Мы шли не спеша, уверенные, что рано или поздно она упадет.

В самый темный час ночи мы заставили женщину вернуться к изрытым норами горам, к священному месту Народа, где была скала для жертвоприношений. Второй раз за ночь она ступила на тот же самый подъем, и она поняла это. Мгновение она беспомощно стояла, а затем разразилась слезами.

Мы ждали, ибо то был самый благословенный миг охоты, тот самый, когда жертва сознает и принимает свою судьбу. Через некоторое время рыдания женщины затихли. Она подняла голову и расправила плечи.

Медленно и размеренно она пошла по склону.

Она знала, что делать.

Ларлы при виде нее скрывались в норах, сверкающие глаза исчезали в темноте. Магда не обращала на них внимания. Окоченевшая, страдающая от боли, смертельно уставшая, она шла к жертвенной скале. Все должно случиться там.

Магда распахнула шубу, отвязала ребенка. Она закутала его в

меха и положила сверток на скалу. Чувствуя, как кружится голова, она раскрыла сверток, чтобы поцеловать макушку ребенка, и тот сердито засопел.

– Молодец, малыш, – проговорила она хрипло. – Так и нужно.

Как же она устала!

Она сняла с себя свитеры, куртку, рубашку. Влажный ветер впился в плоть ледяными зубами. Она чуть потянулась, и тело заныло от движения. Как же приятно! Она положила винтовку. Опустилась на колени.

Скала была темной от запекшейся крови. Она легла плашмя – она видела, как раньше ложился тот ларл. Камень был таким холодным, что холод даже заглушил боль. Ее преследователи выжидали неподалеку, с интересом следя за ее действиями, и она слышала их негромкое дыхание. Один из них беззвучно приблизился к ней. Она почувствовала запах зверя. Он вопросительно заскулил.

Она лизнула скалу.

Как только стало ясно, чего хочет женщина, ее жертва была быстро принята. Я поднял лапу и раскроил ей череп. И снова я оказался самым юным. Наивный, я склонился, чтобы попробовать.

Соседи все подходили, стучали в дверь, вставали друг другу на плечи, чтобы заглянуть в окна, стены ходили ходуном от их нетерпения. Я металась и стонала, и звон серебра и стук тарелок за дверью становились все громче. Словно невежественные крестьяне, родственники мужа старались заглушить мои болезненные стоны тостами и пьяными шутками.

В окно я увидела голову дурачка Тевина – череп, плотно обтянутый белой кожей, а за ним фрагмент другого лица: острый нос, белые щеки – как маска. Стены ходили ходуном под тяжестью столпившихся снаружи. В соседней комнате дети боролись и возились, а взрослые поглаживали длинные белые бороды и с тревогой глядели на закрытую дверь.

Повитуха покачала головой, от углов рта к сурово выдвинутому подбородку спускались красные морщины. Ее глазницы походили на темные лужицы пыли.

– А теперь тужься! – закричала она. – Не ленись!

Я застонала и выгнулась дугой. Откинула голову, и она уменьшилась, поглощенная подушками. Кровать перекосило, когда одна ножка медленно подогнулась. Муж поглядел на меня через плечо, взгляд сердитый, пальцы стиснуты за спиной.

Весь Обрыв вопил и напирал на стены.

– Головка показалась! – выкрикнула повитуха.

Она протянула руку к моей окровавленной промежности и высвободила крошечную головку, багровую и сердитую, словно гоблин.

А затем все стены засветились красным и зеленым и расцвели огромными цветками. Дверь окрасилась в оранжевый и распахнулась, соседи и родня повалили в комнату. Потолок унесся ввысь, и между балками закувыркались воздушные гимнасты. Мальчик, прятавшийся под кроватью, со смехом побежал туда, где сквозь крышу просвечивало древнее небо со звездами.

Окровавленного ребенка подняли вверх на блюде.

Здесь ларл в первый раз коснулся меня, его тяжелая черная лапа легла мне на колено, бархатистая, с втянутыми когтями.

– Ты понимаешь? – спросил он. – Понимаешь, что это значит для меня? Все это, первое рождение человека на планете, я пережил в один миг. Ощутил, обладая всей полнотой человеческого восприятия. Я осознал личную трагедию и триумф общества, значение тех жизней и культуры, стоявших за ними. Минуту назад я жил зверем, с простыми звериными мыслями и надеждами. Потом я съел твою прародительницу. И в одно мгновение преодолел половину пути до божества.

Чего и добивалась женщина. Она заранее мысленно умерла при рождении ребенка, чтобы мы смогли разделить ее переживания. Она дала нам это. Она дала нам больше того. Она дала нам язык. До того как мы съели ее мозг, мы были мудрыми животными, а после того стали Народом. Мы были стольким ей обязаны. И мы знали, чего она хотела от нас.

Ларл погладил меня по щеке громадной бархатистой лапой, его когти цвета слоновой кости были спрятаны, но слегка подрагивали, как будто он был готов выпустить их.

Я едва смел дышать.

– В то утро я пришел в Обрыв, держа в зубах лоскут, в который был завернут младенец. Почти всю дорогу он спал. На рассвете я прошел по пустынным улицам, ступая совершенно беззвучно. Пришел к дому Первого Капитана. Я услышал за дверью приглушенные голоса – вся деревня собралась на богослужение. Я постучал в дверь лапой. За дверью повисло ошеломленное молчание. Затем, медленно и опасливо, дверь отворилась.

Ларл немного помолчал.

– То было начало союза Народа с людьми. Нас приняли в ваших домах, и мы помогали охотиться. Сделка была справедливой. Наша пища спасла в ту первую зиму много жизней.

Никому не было нужды знать, как погибла женщина и насколько хорошо мы вас понимаем.

Тот ребенок, Флип, был твоим предком. Раз в несколько поколений мы ведем одного из вас на охоту и съедаем его мозг, чтобы не терять тесной связи с вашим видом. Если ты будешь хорошим мальчиком, вырастешь смелым и честным, умным и благородным, как твой отец, тогда, возможно, мы съедим тебя.

Ларл развернул ко мне свою круглую морду, на которой угадывалось подобие дружеской улыбки. А может быть, и нет: то выражение даже теперь, когда я вспоминаю, представляется мне двусмысленным и загадочным. А потом он встал и скрылся в дружелюбных темных тенях Каменного Дома.

Я остался сидеть, глядя на тлеющие угли, а через несколько минут пришла моя вторая старшая сестра – черты ее лица были стерты ярким светом, как у ангела, – и увидела меня. Она вскинула руку и сказала:

– Пойдем, Флип, ты же все пропустишь.

И я пошел с нею.

Иногда я задаюсь вопросом, действительно ли все это случилось? Однако уже поздно, твоих родителей нет дома. Моя комната маленькая, но уютная, постель теплая, но пустая. Мы можем зарыться в одеяла и отпугивать пещерных медведей, играя в старинные зимние игры, придуманные как раз для этого.

Ты покраснела! Не отнимай свою руку. Я скоро отправлюсь в неведомый далекий мир, чтобы сражаться за людей, которых ни ты, ни я не знаем. Солдаты, как тебе известно, стареют медленно. Нас замораживают на время межзвездных перелетов. Когда ты станешь старой и толстой, счастливой бабушкой многочисленных внуков, я все еще буду молодым и буду думать о тебе. Ты тогда вспоминай меня, и наши мысли смогут встретиться в пространстве. Не будешь ли ты тогда сожалеть кое о чем? Неужели этого ты хочешь?

Пойдем, не смущайся. Давай забудем о прошлом и будем жить настоящим. Так ведь лучше. Задуй свечу, любовь моя, рассказ окончен.

Все это случилось много лет назад, на планете, название которой выжжено из моей памяти.

Край мира

День, когда Донна, Пигги и Расс пошли посмотреть на Край мира, был очень жарким. В полдень они сидели на обочине тротуара, пили колу и смотрели, как громадные подъемники один за другим неуклюже взлетают в воздух прямо с базы ВВС на Толденарбе. Небо грохотало. В Персидском заливе произошел какой-то инцидент, и половину американских войск в Сумеречных Эмиратах подняли по тревоге.

– Старик говорит, что, когда начнется Большая Война, базу накроют первой, – задумчиво произнес Пигги. – По договорам, мы не можем ее защищать. Один бомбардировщик зайдет сверху и – бабах… – он изобразил ядерный взрыв, – тут ничего не останется.

Пигги носил камуфляжные штаны и футболку цвета хаки с надписью «УБИВАЙ ВСЕХ, БОГ РАЗБЕРЕТСЯ». Донна наблюдала за тем, как Пигги снял и начал протирать очки. Лицо у него стало пустым и каким-то вялым, словно маска, но стоило ему надеть очки снова, сразу оживилось.

– Повезет тебе, – сказала Донна. – Миссис Кашогги все равно заставит нас сдать работу, и плевать ей на апокалипсис.

– Угу, ты ей вообще веришь? – возмутился Пигги. – Еще акцент этот странный! И зубрежка, чтоб ее! Никакой свободы. Ну, в смысле, кому какая разница, был Акроннион частью Мезенцийской империи или не был?

– Большая, придурок, – заметил Расс. – Местная история – это единственный нормальный предмет во всей школе. – Расс был самым умным парнем, которого Донна когда-либо встречала, пусть его и исключили за неуспеваемость. Даже выглядел он необычно: проникновенный взгляд и панковская стрижка – по бокам голова выбрита и только крашеный белый вихор свисал до самой шеи. – Мужик, я открыл «Выдержки из эпических сказаний» прямо в первую ночь, как сюда приехал, думал, там будет все та же привычная фигня, и не смог заснуть до самого утра. Пошел в школу, глаз не сомкнув, но умудрился прочитать все, от корки до корки. Это нереально странное место: тут в истории куча драконов, магии, всяких чудищ на любой вкус. Ты хоть понимаешь, что здесь еще в восемнадцатом веке демоны съели трех членов британской миссии? И это исторический факт!

Расс всегда был для Донны загадкой. В первый раз они встретились на танцах в Американской школе, и он сразу же попытался залезть ей в трусы. Тогда она его хорошо приложила, чуть не разбила ему нос. До сих пор не могла забыть, как он смеялся, не обращая внимания на кровь, бежавшую по

подбородку. С тех пор они стали дружить. Только у всякой дружбы есть пределы, и теперь она ждала, когда же Расс сделает очередной ход, надеясь, что случится это до того, как ее отца переведут.

В Японии Донна знала девочку, которой очень нравился один парень, и она взяла и бритвой вырезала его имя прямо у себя на ладони. Донна тогда еще спросила ее, как так можно вообще? Подружка пожала плечами и сказала: «Да какая разница, главное, он меня заметил». Донна поняла ее только тогда, когда встретила Расса.

– Удивительная страна, – словно в трансе, произнес он. – По идее, в небесах за Краем водится куча всяких демонов, змеев и прочей фигни. Говорят, если долго туда смотреть, сойдешь с ума.

Тут все трое переглянулись.

– Да черт возьми! – воскликнул Пигги. – Чего мы тогда ждем?

Край мира находился за железнодорожными путями. Расс, Донна и Пигги на велосипедах проехали через американский анклав и добрались до старого района местных. Улицы здесь были узкие, дворы забиты сломанными грузовиками, ржавыми автобусами и даже яхтами в кильблоках с пробитыми бортами. Вибрирующие от гула наковален двери гаражей напоминали темные пасти, откуда, плюясь и шипя, вырывались искры сварки. Подростки спрятали велосипеды в зарослях низких абрикосовых деревьев, там, где рельсы пересекали промышленный канал, и дальше пошли пешком.

На границе с Краем мира время давным-давно изменило город. Исчезли лучники в башнях, стоявшие на страже и высматривавшие угрозу, что так и не явилась. Исчезли розовые кварцевые дворцы с тысячью окон, ни одно из которых не смотрело в сторону пропасти. Зубчатые стены с бойницами, где слепые музыканты когда-то приветствовали рассвет, уцелели лишь в текстах миссис Кашшоги. Теперь вместо них стояли сумрачные и печальные здания фабрик, чьи нижние окна загородили бетонными блоками или забрали кирпичами, пытаясь спасти от камней вандалов, а верхние закрасили, и теперь те больше походили на мозаику из серых или блекло-синих квадратов.

Завопил паровой свисток, и рабочие, смуглые люди в брюках-чинос и белых рубашках, нестройными рядами, шаркая, поплелись внутрь. Сюда завезли сирийцев и ливанцев, чтобы те делали работу, к которой коренные жители Толденарбы даже не прикоснулись бы. Измочаленная сетка одиноко покачивалась на баскетбольном кольце, закрепленном возле погрузочного дока.

Территорию ограждал забор из рабицы, кое-где уже сломанный. Донна, Пигги и Расс пролезли внутрь.

Фабрика исторгла из своих недр громкий вой. Следом подала голос еще одна, расположившаяся чуть дальше по дороге, ее ритмичные и основательные удары казались неумолимыми, словно головная боль. Заводы стряхнули с себя полуденную дрему и приступили к работе.

– А почему эти штуки установили вдоль Края? – спросила Донна.

– Так можно сливать вниз химические отходы, – объяснил Расс. – Тут все построили еще до того, как эмир национализировал дренажную систему, а ту соорудили вообще во времена Русского Протектората.

У самого Края стояла бетонная стена высотой по грудь. Грубая и шероховатая, она уже начала крошиться от времени. У ее подножия пучками росли сорняки, а за ней не было ничего, кроме неба.

Пигги побежал вперед и плюнул в пропасть.

– Эй, а помните, что Никсон сказал, когда мы сюда прибыли? «А падать тут далековато». Вот это мужик!

Донна прислонилась к стене. Из-за легкой дымки воздух казался серым, а по центру и вовсе грязно-коричневым, словно кто-то выжег у нее в глазу мертвое пятно. Когда она посмотрела вниз, то инстинктивно надеялась найти там землю, но за Краем не было ничего, кроме неба. Тут и там парили легкие облачка, и никаких летучих змеев, кольцами завивающихся в воздухе. По идее, Донна должна была почувствовать разочарование, но на самом деле ничего другого не ожидала. Она повидала уже немало чудес природы и знала, что на каждый водопад, гейзер и живописный пейзаж обязательно приходятся линии электропередач, заборы и парковки, только на открытки они не попадают. Расс, нахмурившись, напряженно смотрел вперед и чем-то напоминал ястреба. Он едва заметно двигал челюстью, и Донна очень хотела узнать, что же он там высматривает.

– Эй, гляньте, чего я выискал! – завопил Пигги. – Тут лестница!

Они подошли к нему и встали на вершине железной лестницы, довольно обыденной на вид. Та зигзагом уходила вниз по склону утеса к бесконечно далекому и несуществующему Дну, постепенно растворяясь в дымчатой синеве. Тихо, как будто удивившись собственной находке, Пигги сказал:

– А как вы думаете, что там, внизу?

– Есть только один способ это узнать, правда? – ответил Расс.

Он пошел первым, за ним Пигги, а последней – Донна,

ступеньки глухо позвякивали под их ногами. Камни покрывали неразборчивые граффити, выцветшие от времени и непогоды. Желтые, черные и красные буквы, нанесенные краской из баллончика. Железное ограждение покрывали выжженные или процарапанные то ли ножом, то ли гвоздем слова, стрелки и треугольники: «JURGEN BIN SCHEISSKOPF», «МОТЛИ КРЮ», «СМЕРТЬ САТАНЕ», «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ АМЕРИКА». Уже через семнадцать ступенек пришел черед первой площадки. Ее покрывал толстый слой коричневых бутылочных осколков, кусков раскрошившегося бетона, сигаретных окурков и влажного, расплывшегося картона. Лестница повернула на сто восемьдесят градусов, и подростки пошли дальше.

– Вы когда-нибудь фугу ели? – спросил Пигги и, не став дожидаться ответа, сразу продолжил: – Это японский ядовитый иглобрюх. Его надо готовить очень осторожно – у них там повара даже сдают специальные экзамены по приготовлению такой рыбы, и все равно от нее умирают несколько человек в год. Считается, что это большой деликатес.

– Не может что-то быть настолько вкусным, – заметил Расс.

– Дело не во вкусе, – с энтузиазмом пустился в объяснения Пигги. – А в яде. Понимаешь, если все правильно приготовить, то в сасими остается небольшое количество яда и ты получаешь пороговую дозу. Губы и кончики пальцев холодеют. Немеют. Вот так ты понимаешь, что тебе продали настоящую рыбу-фугу. И вот так ты понимаешь, что прямо сейчас стоишь на грани между жизнью и смертью.

– Я уже на грани, – ответил Расс и, казалось, сильно удивился, когда Пигги засмеялся.

В небе плыла полная луна, бледная, как ледяной диск, тающий в голубой воде. Она прыгала вслед за ребятами, а они спускались, пинали пустые бутылки в пенопластовых обертках, давили пачки из-под «Мальборо» или с хрустом раскалывали свечи зажигания. На одной из площадок нашли погнутую тележку из магазина, и Пигги, поднапрягшись, перекинул ее через перила. Он понаблюдал за тем, как та падает, и заметил:

– Там, наверное, до фига всякого мусора.

Вокруг слегка пахнуло мочой.

– Внизу будет лучше, – сказал Расс. – Мы почти у самой вершины, сюда люди часто спускаются выпить после работы.

Он пошел дальше. Далеко в стороне из промышленной трубы извергался коричневый поток, изливался в пространство, расширяясь, а потом медленно распадался, превращаясь в туман всех цветов радуги, – чары расстояния создавали из него красоту.

– И как далеко мы собираемся идти? – спросила Донна,

предчувствуя недоброе.

– Не трусь, сестренка, – захихикал Пигги. Расс промолчал.

Чем ниже они спускались, тем затрапезней становилась лестница и тем опаснее. В ограждении зияли дыры. Там, где отвалилась краска, болты, крепившие ступени к скале, напоминали ржавые шишки размером с грецкий орех.

Сумчатые животные с игольчатыми когтями угрожающе чирикали из ниш в скале, когда ребята проходили мимо. Пучки травы и беловато-серой горечавки росли в трещинах, заполненных лессовой породой.

Шли часы. У Донны все сильнее болели ступни, икры и поясница, но жаловаться ей не хотелось. Постепенно она перестала смотреть вниз, через перила, и вверх, в небо, и вместо этого уставилась себе под ноги – ступени мелькали перед глазами – и одной рукой шлепала по перилам, иногда судорожно за них хватаясь. Донна чувствовала себя потной и несчастной.

Дома ее ждал незаконченный доклад о Трехдневном инциденте в марте 1810 года, когда французские оккупационные войска по приказу самого Наполеона палили из пушек через Край в пустоту. Они хотели создать ливневые шторма невиданной силы и тем самым уничтожить своих противников, но подняли лишь легкую пороховую дымку. Самая большая неудача в истории, связанная с контролем климата. И этот спуск такой же бесполезный, подумала Донна, бесконечное и утомительное упражнение без всякого результата. Как и вся ее жизнь, впрочем. Каждый раз, когда отца переводили на новое место, она давала себе слово измениться, любой ценой стать другим человеком… даже если – нет, в особенности если – это значило, что придется изображать кого-то, кем она не была. В прошлом году, когда они жили в Германии, Донна поехала покататься с местным ухажером в его «альфа-ромео» и не стала удовлетворять парня руками, а взяла в рот. Тогда она подумала, что вот теперь все изменится. Но нет.

Ничего не изменилось.

– Осторожнее! – крикнул Расс. – Впереди ступенек не хватает! – Он прыгнул, и площадка загудела под его кроссовками, как гонг. А потом еще раз, когда за Рассом последовал Пигги.

Донна засомневалась. Там не было пяти ступенек, зиял двадцатифутовый пролет. В этом месте утес выдавался вперед, и если она поскользнется, то может вообще рухнуть в пропасть.

Донна почувствовала, как куда-то в сторону уходит каменная стена, и неожиданно поняла, что с миром ее сейчас связывает лишь крошечный клочок материи, на котором едва помещаются подошвы. Небо обернулось вокруг девушки, простираясь в

беспредельность, бездонную и абсолютную. Донна могла сейчас раскинуть руки и прыгнуть в вечность. «Интересно, что со мной тогда будет? – подумала она. – Я умру от жажды и голода или падение будет настолько быстрым, что мне просто не хватит кислорода и я задохнусь в воздушном океане?»

– Давай, Донна! – крикнул ей Пигги. – Не трусь!

– Расс… – Голос у нее задрожал.

Но тот даже не взглянул на Донну. Он, нахмурившись, смотрел вниз и в нетерпении ждал, когда же они смогут продолжить путь, обронив:

– Не дави на леди. Мы можем и без нее пойти.

Донна чуть не задохнулась от злости, боли и отчаяния. Она набрала полную грудь воздуха и прыгнула, почувствовав, как замерло сердце. Небо и камень пронеслись над головой. На мгновение она ощутила, как парит, падает, что все пропало и смерть уже рядом. А потом Донна с размаху приземлилась на площадку. Больно было адски, и поначалу она даже подумала, что растянула лодыжку. Пигги схватил ее за плечи и костяшками пальцев потер по голове:

– Я знал, что ты справишься, плакса.

Донна отпихнула его руку:

– Ладно, умник. Как, по-твоему, мы обратно вернемся?

Пигги сразу прекратил улыбаться. Открыл рот, закрыл. Со страхом дернул головой вверх. Через провал мог легко перепрыгнуть только акробат и, ухватившись за ступеньку, подняться наверх.

– Я… В смысле…

– Да не беспокойтесь вы, – нетерпеливо сказал Расс. – Что-нибудь придумаем.

Он снова двинулся вниз.

Донна поняла, что Расс ведет себя странно и шагает по лестнице как одержимый. Один раз он принес в школу револьвер отца и с гордостью всем заявил, что утром перед завтраком играл в «русскую рулетку». Три раза.

Сейчас у него был такой же сумасшедший взгляд, и Донна не имела ни малейшего понятия, как ему помочь.

Расс шел как автомат, безмолвно, неутомимо, не ускоряясь, но и не замедляясь. Донна следовала за ним, храня тревожное молчание, а Пигги суетливо носился между ними, словно собачонка, и тараторил. Донну поразило, насколько уместной, если не откровенно аллегоричной была эта сцена: они идут вдвоем, как обычно вместе и одновременно порознь, а между ними сплошной шум. Когда солнце скрылось за утесом, а

полуденная жара спала, Донна все еще думала о расстоянии, которое разделяло ее и Расса, и о тишине.

Лестница теперь стала кирпичной, с прожилками цементной кладки и маленькими опорами, вбитыми в камень. На одной из площадок кучей лежали хвостики от вишен и косточки, а ограждение было полностью белым от птичьего помета. Пигги перегнулся через перила и сказал:

– О, а я чаек вижу. Летают там.

– Где? – Расс тоже склонился над перилами и презрительно процедил: – Голуби это. Газзоди их выпускали, стреляли по ним из винтовок.

Когда Пигги снова пошел за Рассом, Донна неожиданно поймала его взгляд: влажный и жалкий от беспомощности и отчаяния. На ее памяти он так испугался лишь раз, несколько месяцев назад, когда она зашла к нему домой по дороге в школу, сразу после убийства эмира.

Окна в гостиной были занавешены, и после утреннего солнца комната казалась неестественно мрачной. Голубой свет от телевизора мерцал на полках с почти растворившимися во мраке керамическими фигурками: дрезденскими молочницами, фарфоровыми китайцами из Шантильи, мейссеновскими мопсами с золотой цепочкой в зубах, одной на всех, и обнаженными дельфтскими нимфами, застывшими в танце.

Мать Пигги сидела в мятом халате, со взъерошенными волосами и смотрела трансляцию с похорон. В одной руке она держала чашку маслянистого на вид кофе. Донна удивилась, увидев женщину так рано. Ходили слухи, что у нее проблемы с алкоголем и что даже по стандартам жены военного характер она имеет чересчур буйный.

– Ты только посмотри на них, – сказала мать Пигги. На экране двигалась торжественная процессия из верблюдов и «кадиллаков», шейхов в джеллабах, куфиях и зеркальных очках и европейских сановников с женами в изысканно серых персидских нарядах. – Какая выдержка.

– Куда ты положила мой завтрак? – громко крикнул Пигги из кухни.

– Вот так насмехаться над Кеннеди! – (Младший сын эмира, мальчик не больше четырех лет от роду, глубоким поклоном приветствовал гроб отца, когда тот проезжал мимо.) – Мальчишка отвратно себя ведет, но ты бы видел его мать, плачет так, словно у нее сердце разбито. Тошнит от такого. Если бы я была Джекки, я бы…

В ночь, когда убили эмира, Донна, Расс и Пигги пошли в боулинг. Тот располагался среди дешевых кабаков, сгрудившихся

вокруг базы, и туда ходили только военные. Когда из колонок вместо музыки пошел срочный выпуск новостей, все встали и начали радостно кричать. Кто-то затянул «Вверх мы взмоем», остальные подхватили «В далекую синюю высь»… Донну затошнило от страха и отвращения, ее вырвало прямо на парковке.

– Я не думаю, что они кого-то высмеивают, – сказала она. – Они просто…

– Не говори с ней!

Дверь холодильника с шумом захлопнулась. Со стуком отворился шкаф.

Мать Пигги горько улыбнулась:

– Нет, от этих цыган иного ждать нельзя. Вечно притворяются белыми людьми, но только хозяев передразнивают. Грязные животные.

– Твою же мать, где мой завтрак?

Тогда она взглянула на него, поджав губы, и заиграла желваками:

– Не стоит в моем присутствии употреблять такие выражения, молодой человек.

– Хорошо! – крикнул Пигги. – Хорошо, пойду в школу без завтрака! Сразу видно, как сильно ты обо мне заботишься!

Он повернулся к Донне и за секунду до того, как Пигги схватил ее за руку и вытащил из дома, она увидела его глаза: целую вселенную замешательства, униженности и пустоты. Такой же взгляд у него был и сегодня.

Железные перила сменились деревянными, половина столбиков сгнила у основания, то тут, то там не хватало досок, их вырвали, швырнув вниз, предыдущие путники. Колени Донны подогнулись, она запнулась и чуть не врезалась в камень.

– Мне надо передохнуть, – сказала она и сразу возненавидела себя за слабость. – Я больше и шага ступить не могу.

Пигги тут же рухнул на площадку. Расс засомневался, но все же вернулся к ним. Все трое сидели, уставившись в пустоту, свесив ноги через Край и вцепившись в ограждение.

Пигги нашел среди мусора банку пепси с лого, выписанным арабской вязью, взял ее в левую руку и принялся дырявить ножом-«бабочкой», снова и снова, хихикая, словно больной на всю голову сексуальный маньяк.

– Истребляйте скотов! – с радостью заявил он, а потом, без всякого перехода, спросил: – А как мы вернемся?

Причем так грустно, что Донна с трудом подавила смех.

– Послушай, я просто хочу пройти еще немного вниз, –

ответил Расс.

– Зачем? – капризно протянул Пигги.

– Там не будет всего этого мусора. – Расс махнул рукой в сторону сигаретных окурков и бутылочных осколков. Те попадались реже, но все равно валялись на каждой площадке. – Просто пройдем чуть-чуть дальше, хорошо? – В его голосе чувствовалось напряжение и даже нечто похожее на мольбу. Перед этим взглядом Донна была беспомощна. Ей сейчас так хотелось оказаться с ним наедине и понять, что не так.

Скорее всего, Расс и сам не знал, что они найдут внизу. Может, думал, если далеко спуститься, то и возвращаться не придется? Донна вспомнила один случай: как-то она сидела на алгебре, в классе мистера Херримана, и чуть ли не против своей воли повернула голову, такое в воздухе вдруг повисло напряжение, и взглянула на Расса. Тот сидел за партой и с предельной сосредоточенностью вырывал страницы из учебника, по одной бросая их на пол. За это его на пять дней отстранили от занятий, а Донна так и не узнала, зачем он это сделал. Но в поступке чувствовалась восхитительная надменность; Расс родился не в свое время. Ему бы больше подошла жизнь средневекового принца, Медичи или одного из претендентов Сабакана.

– Хорошо, – ответила Донна, а Пигги, естественно, пришлось пойти с ними.

Через семь пролетов лестница кончилась. Деревянное ограждение на последнем, самом коротком, вырвали с корнем и положили прямо на ступеньки. Расс, Донна и Пигги аккуратно переступили через стойки и перила, боясь упасть. Но путь продолжился и за последней площадкой, только теперь его вырубили прямо в скале. От времени, дождей и веса людей каменные ступеньки словно прогнулись и к тому же были разной высоты, что делало лестницу практически непреодолимой.

Пигги застонал:

– Мужик, ты серьезно? Идти вниз по этому?

– Тебя никто не заставляет, – ответил Расс.

Они спускались по старой лестнице задом наперед, на четвереньках. Ветер набрал силу, неожиданно толкая их то в один, то в другой бок. Иногда Донну охватывал жуткий страх, что она здесь замерзнет и больше не сдвинется с места. Но в конце концов они выбрались на просторный ровный выступ, по краям которого зияли пасти пещер, уходящих глубоко в скалу.

Утес был зеленовато-белым от лишайника, его трудолюбиво выровняли и покрыли резьбой еще в древние времена, не тронув только входы в пещеры. Между ними стояли статуи то ли богинь,

то ли демонов, то ли танцовщиц с массивными бедрами, чьи груди и лица еще при жизни Мухаммеда скололи последователи Пророка, ненавидящие человеческие изображения. В руках женщины держали ветви, с которых свисали символы луны в разных стадиях перерождения: новая луна, прибывающая, серповидная, полная, и обратно. Пигги задыхался, его лицо блестело от пота, но он по-прежнему изображал из себя крутого:

– И что это за хрень, чувак?

– Здесь был монастырь. – Расс шел по выступу в изумлении, недоуменная полуулыбка застыла у него на губах. – Я о нем читал. – Он нашел последний кусок мусора, забравшийся так далеко, – автомобильную дверцу бирюзового цвета, которую занес сюда шальной ветер. – Помоги.

Расс и Пигги подняли ее, раскачали, набирая инерцию, и перекинули через обрыв. Все трое легли на площадку и долго наблюдали за тем, как дверца падает, кувыркаясь, превращается в мерцающую точку, но не останавливается. В конце концов она исчезла, превратилась еще в одну пылинку, парящую внизу, стала частью хаотического мельтешения кровяных телец в стекловидном теле глаза. Донна перевернулась на спину, отодвинула голову от края обрыва и посмотрела вверх. Утес как будто медленно и неумолимо падал вперед, словно весь мир вознамерился стереть девушку в порошок. От такого кружилась голова.

– А давайте пещеры исследуем, – предложил Пигги.

Пещеры оказались пустыми. Они углублялись не больше чем на тридцать футов в скалу, но сделаны были явно с любовью. Сводчатые потолки покрывали тысячи вырезанных из камня плиток, а стены украшали колонны с барельефами. Пигги осветил фонариком каждую нишу, а потом сказал:

– Здесь уже кто-то побывал до нас и все забрал.

– Наверное, люди из Исторического отдела регистрации. – Расс провел рукой по одной из полок, по ширине и высоте та идеально подходила для трехфунтовых банок из-под кофе, выставленных в ряд. – Здесь хранили черепа. Когда монах достигал состояния невероятного духовного просветления, он больше не нуждался в костылях физического существования, с его костей счищали плоть, а череп сохраняли. В глазницы заливали воск и, пока тот не застыл, вставляли туда опалы. Так монахи и спали под мерцающим взглядом тех, кто их превзошел.

Когда подростки вышли из пещеры, небо уже окрасилось в пурпурный цвет, появились первые звезды. Донна посмотрела на Луну. Та была огромной, словно тарелка, полной и яркой. Сверхъестественно отчетливо проступали каньоны, сухие моря и

горные цепи. Где-то посередине находилась База Спокойствия, там Нил Армстронг установил американский флаг.

– Боже, поздно-то как, – сказала Донна. – Если мы скоро не отправимся назад, моя мать просто взбесится.

– А мы так и не выяснили, как поднимемся наверх, – напомнил Пигги, а потом добавил: – Возможно, нам придется остаться здесь. Научимся есть сов, начнем собирать урожай с поверхности скалы. Построим нашу собственную цивилизацию. Правда, есть серьезная проблема: неравномерность распределения полов, но она преодолима. – Он обнял Донну одной рукой за плечи, а другую положил на грудь. – Ты же установишь для нас очередь, правда, Донна?

Она со злобой его оттолкнула и сказала:

– Пасть захлопни! Я так от тебя устала! Ведешь себя как малолетка!

– Эй, успокойся, все круто. – В глазах Пигги уже забурлила паника, он понял, что ничего не контролирует и никогда не сможет контролировать, что даже такого понятия, как контроль, для него не существует. Он слабо, примирительно улыбнулся.

– Нет, не круто. Вообще не круто.

Донна побледнела, ее затрясло от ярости. Пигги всегда все портил. Он постоянно ходил с ними, и от такого соседства она не могла нормально поговорить с Рассом, выяснить, что же так сильно его тревожит, заставить его по-настоящему ее заметить.

– Меня тошнит от твоей незрелости, от твоего грязного языка, твоей грубости.

Пигги покраснел и отвернулся.

Расс сунул руку в карман, вынул комок шмали, завернутый в фольгу, и жестяную трубку с резной коралловой чашкой, местные попрошайки продавали такие подросткам по двадцать девять центов.

– Накуриться никто не хочет? – вежливо спросил Расс.

– Вот ты сволочь! – засмеялся Пигги. – А мне говорил, что нет ничего!

Расс пожал плечами:

– Солгал.

Он аккуратно разжег трубку, затянулся, передал Донне. Та взяла ее, почувствовав, какие холодные у Расса пальцы, и посмотрела прямо на него, на тонкое аскетическое лицо с закрытыми глазами. Бледный, сквозь слой голубого дыма он еще больше походил на Христа. В это мгновение Донна поняла, насколько сильно любит его, с какой готовностью принесет себя в жертву ради счастья этого человека. Мундштук перегрелся, почти обжигал губы. Она глубоко затянулась.

Дым, оцарапав горло, упругой спиралью свернулся в легких, потом выстрелил в голову, и все вокруг зажужжало: воздух, небо, скала за спиной. От прихода череп Донны словно раздулся, она широко раскрыла глаза, а потом рот. Подавилась, закашлялась. Во вселенную вырвалось столько дыма, сколько в ее легких поместиться просто не могло.

– Эй, сейчас уронишь! – Пигги вырвал трубку у Донны из рук. Она как-то странно ощущала собственные пальцы, те казались далекими, в них впивались булавочки боли, похожие на крохотные звезды во тьме плоти. – Всю дурь рассыплешь!

Вечерний свет гудел от энергии, небо роилось перед глазами. Уставившись в темнеющий воздух, на поднявшуюся луну, на звезды, такие близкие и дружелюбные, словно перекочевавшие прямо из детской книжки с картинками, Донна ощутила покой, будто все земные заботы ушли куда-то прочь.

– Расскажи нам о монастыре, Расс. – Еще десять лет назад точно таким же голосом она просила отца рассказать ей сказку.

– Да, расскажи-ка нам о монастыре, дядюшка Расс, – ехидно повторил Пигги. Он всегда подлизывался к Рассу, но оставался настороже, никогда не упуская шанса уязвить более сильного товарища. Пигги вел себя как ревнивый бета-самец, прямо по учебнику о психологии приматов.

– Он очень старый, – начал Расс. – Еще до суфиев, до Мухаммеда, до того, как зороастрийцы пересекли пропасть, местные мистики отрекались от мира и уходили жить сюда, в пещеры на Краю мира. Они вырубали ступеньки в скале и уходили вниз, никогда не возвращаясь обратно.

– И что они тут ели? – скептически спросил Пигги.

– Они творили еду из воздуха. Нет, правда! Так гласил их миф о сотворении: вначале были Хаос и Желание. Мир возник из Хаоса – под ним они понимали материю без формы – посредством Желания или Воли. Потом в легендах наступает какая-то путаница, но это потому, что на самом деле была не религия, а скорее система магии. Они верили, что мир еще не завершен, что по какой-то сложной причине он не может быть завершен. Никогда. И потому видели следы былого Хаоса здесь, в пропасти за Краем, и если твое желание было достаточно сильным, если ты отрекся, отдалился от мирских вещей, то мог поймать их. Эти мистики приходили сюда, медитировали при луне и творили чудеса.

Конечно, у них не было всяких изощренных штук вроде тибетской тантры и всякого такого. Это больше походило на примитивную форму анимизма – способ заставить вселенную дать тебе то, что ты хочешь. И поэтому праведники спускались

сюда и желали… вроде как богатств, понимаете? Перед ними появлялись серебряные кубки филигранной работы, украшенные рубинами, горы лунных камней, кинжалы из эльфийской кости острее дамасской стали. Но монахи только получали все это, но никогда не оставляли. Они все выкидывали в пропасть. Такие монастыри были раскиданы по всему утесу. И чем дальше они находились от мира, тем более высокой степенью духовного просветления обладали монахи.

– И что с ними случилось?

– Был такой царь – Альтазар, кажется? Забыл его имя. Очень жадный, одержимый, и вот он послал сюда сборщиков налогов, те должны были собрать все то, что сотворили монахи. Ему, наверное, пришло в голову: какого шайтана, монахи-то ничем не пользуются, жалко такое выкидывать. И, как выяснилось, он совершил настоящее богохульство, и монахи ужасно разозлились. Просветленные боссы, реальные духовные «шишки», все сошлись на большое собрание. И никто не знает, как они это сделали. В одном из классических текстов даже говорится, что они могли бегать по стене утеса, словно по земле, не выходя из медитации, но тут я точно ничего не могу сказать. Да это и не важно. В общем, однажды ночью все монахи на планете начали медитировать в одно и то же время. Они нараспев произносили молитвы и говорили, что смерть – недостаточное наказание для Альтазара, ибо он совершил страшный грех и его должна постичь судьба, которую не испытывал еще ни один человек. Они решили уничтожить Альтазара, отменить, стереть сам факт его создания, низвести до состояния менее чем бытия. И они молились, чтобы не было такого царя, чтобы жизнь его и история исчезли и чтобы никогда более не существовало такого человека.

И Альтазара не стало.

Но жажда забвения оказалась столь сильна, что, когда враг сгинул, когда растворились во времени его история и семья, монахи почувствовали лишь ожесточение и сами не знали почему. От такого незнания их ненависть повернулась против них самих, а с ней вместе и желание разрушения, и в ту же самую ночь все монахи исчезли.

Расс замолчал.

Наконец заговорил Пигги:

– И ты веришь в эту чушь? – А потом, не дождавшись ответа, продолжил: – Все это неправда, чувак! Понял? Нет никакой магии и никогда не было.

Донна видела, что он по-настоящему разозлился, на каком-то первобытном уровне его задела сама возможность того, что уважаемый им человек верит в волшебство. Пигги даже

покраснел, как всегда случалось, стоило ему почувствовать, что он теряет контроль над ситуацией.

– Да, все это полная ерунда, – горько ответил Расс. – Как и все остальное.

Трубка снова сделала круг. Донна откинулась к стене, посмотрела прямо перед собой и сказала:

– Знаете, чего бы я хотела, если бы могла пожелать чего угодно?

– Большие сиськи?

Она так устала, так приятно вымоталась, что не обратила на выпад Пигги никакого внимания.

– Я бы хотела понимать ситуацию.

– Какую ситуацию? – спросил Пигги. Донна чувствовала апатию, ей не хотелось ничего объяснять, а потому она просто отмахнулась от него, но тот настаивал. – Какую ситуацию-то?

– Да любую. В смысле, когда я разговариваю с людьми, то часто понятия не имею, что происходит на самом деле. В какую игру они играют. Почему поступают так, как поступают. И я бы хотела понимать ситуацию, знать, в чем причина.

Над ней висела луна, огромная и круглая, как яйцо грифона, она сияла мощью. Донна чувствовала, как эта сила омывает ее, чувствовала фоновое излучение разлагающегося Хаоса, раскинувшееся в пространстве при однородных трех градусах по Кельвину. Ее, словно монету, тратили и закладывали, она истерлась и истончилась почти до небытия, но здесь до сих пор жила энергия, способная раскатать в блин любую планету.

Донна не могла отвести взгляд от огромной, чудовищной луны, чувствуя поток вероятных миров. Холодный лунный диск походил на череп шута, от него разило магией, и в нем незримо присутствовали монахи Расса, люди, чей разум был совершенно непонятен Донне, но вибрировал энергией, существовал в форме матрицы структурированных переживаний, не более реальных, чем, допустим, Дональд Дак, но могущественных. Донна запуталась в пробуждающейся фантазии, в которой небо полнилось силой, и вся эта сила была ей доступна. Монахи с пустыми руками сидели над чашами желаний, от Донны их отделяли лишь иллюзорные время и реальность. На одну бесконечную секунду бесконечные возможности раскрылись, словно веер, все они были равны, и каждая подлинна. А потом мир под Донной сместился, а мозг вернулся в настоящее.

– А я бы, – сказал Пигги, – просто хотел понять, как нам подняться по лестнице.

На какое-то время все замолчали. А потом Донна поняла, что сейчас ей выпал идеальный момент выяснить, что же так гложет

Расса. Если спросить осторожно, если вопрос попадет в точку, если ей просто повезет, он может рассказать все. Она откашлялась:

– Расс? А чего хочешь ты?

Тот ответил мрачным, почти бесцветным голосом:

– Я бы хотел никогда не рождаться.

Она повернулась спросить почему, а его уже не было.

– Эй, а куда Расс подевался?

Пигги странно посмотрел на нее:

– Кто такой Расс?

Дорога обратно была долгой. Они несли с собой обломок деревянных перил, и время от времени Пигги спрашивал:

– Эй, разве я не классно придумал? Из этого прекрасная лестница получится.

– Да, замечательная, – отвечала Донна, потому что он начинал беситься, если она молчала. Когда она плакала, он тоже бесился, но с этим Донна ничего не могла поделать и даже не могла объяснить, почему плачет, так как из всех ее друзей, знакомых, учителей и даже родителей, из всех людей во всем мире только она помнила о том, что Расс когда-то существовал.

И самое ужасное, что в ее памяти от него почти ничего не осталось: лишь томительное ощущение желания и разочарования, так Донна себя чувствовала рядом с Рассом.

Она забыла даже то, как выглядит его лицо.

– Хочешь пойти первой? – спросил Пигги.

– Нет. Иначе ты будешь пялиться на мою задницу всю дорогу наверх.

Пигги зарделся, без Расса ему было не перед кем выделываться, и он стал совершенно другим, тихим и совсем не грубым. Даже не ругался.

Но это не помогало. Донна просто стояла рядом и понимала его полностью, не хотела, но знала, что его бравада – следствие неуверенности и желания, что каждую ночь он мастурбирует и ненавидит себя за это, что презирает своих родителей и одновременно напрасно жаждет малейшего знака любви с их стороны. И из-за всего этого и кое-чего еще Пигги не мог обращаться с Донной иначе.

Она прекрасно понимала ситуацию.

«Господи, – молилась она, – пусть, когда мы достигнем вершины, эта способность исчезнет. А если нет, пожалуйста, сделай так, чтобы не было так больно, чтобы знание так не ранило, чтобы под невинными словами не скрывались ужасные секреты».

Они несли свою деревянную ношу наверх, возвращаясь обратно в мир.

Яйцо грифона

Луна? Яйцо грифона, и она –
Взгляни – округла тоже и бледна.
В яйце таится завтрашняя ночь.
Мальчишки крик восторга превозмочь
Не в силах будут, – слышишь их толпу? –
Когда грифон проклюнет скорлупу,
Расправит крылья, небо заслонит,
Но девочек он в бегство обратит:
Испуганные, прячутся, дрожат,
Мальчишкам смех – а девочки визжат[14].

Вэчел Линдзи

Солнце осветило горы. Гюнтер Уэйл вскинул руку в приветствии и, когда яркий свет ударил в лицо, сощурился на тот короткий миг, который понадобился щитку-визору его шлема, чтобы поляризоваться. Уэйл вез топливные стержни в промышленный парк кратера Чаттерджи. Реактор В кратера Чаттерджи за сорок часов перед восходом вошел в критический режим, угробив пятнадцать дистанционников и микроволновое реле и ударной волной повредив все производства парка. К счастью, система предусматривала вероятность аварии. К тому времени как над хребтом Ретика[15] взошло солнце, новый реактор был собран и готов к подключению.

Гюнтер привычно вел машину, машинально отмечая расстояние от Бутстрэпа по количеству мусора, наваленного вдоль шоссе Моря Паров. Вблизи города обломки механизмов и поврежденных автосборщиков свозили в открытые вакууму склады в надежде на дальнейшую утилизацию. Десятью километрами дальше взорвался герметичный грузовик, и обломки металла разбросало по округе вместе с похожими на

гигантских червей ручейками изолирующей пены. С двадцать пятого километра плохо профилированная дорога обозначалась в основном разбитыми фарами и упаковочной тарой на обочинах.

За сороковым километром дорога становилась чистой: прямая ровная полоса в пыли. Не слушая голосов в затылке: дорожной болтовни и автоматических предупреждений службы безопасности движения, которые грузовик ежеминутно скармливал его чипу, – Гюнтер развернул на приборной панели топографическую карту.

Примерно здесь.

Он свернул с шоссе Моря Паров и покатил напрямик по нетронутой целине.

– Вы отклонились от предписанного маршрута, – сообщил грузовик. – Отклонения от маршрута допускаются только с заверенного разрешения вашего диспетчера.

– Ну еще бы! – Голос Гюнтера гулко прозвучал в шлеме – единственный живой звук в гомоне призрачных голосов. Он не герметизировал кабину, но изолирующие слои скафандра заглушали даже рокот машины. – Мы-то с тобой прекрасно знаем, что пока я более или менее выдерживаю расписание, Бет Гамильтон не волнует, куда меня занесло по дороге.

– Вы превысили лингвистические способности данной системы.

– Ничего, не смущайся.

Ловким движением он скрутил провода и вырубил радиоустановку кабины. Голоса в затылке мгновенно смолкли. Теперь Гюнтер был совсем один.

– Вы обещали, что больше это не повторится. – Слова, переданные прямо на его трансчип, прозвучали гулко и низко, как глас самого Господа. – Полиция «Поколения-Пять» требует, чтобы все водители поддерживали постоянную радио…

– Не хнычь. Тебе не идет.

– Вы превысили лингвистические способности…

– Да заткнись ты!

Гюнтер провел пальцем по карте, прослеживая курс, проложенный им прошлой ночью. Тридцать километров по девственным просторам, где не проходил до сих пор ни человек, ни механизм, а потом на север на Марчисонское шоссе. Если повезет, он даже прибудет в Чаттерджи раньше срока.

Гюнтер углублялся в лунную равнину. По обе стороны кабины проплывали скалы. Впереди неприступной стеной высились горы. Если не считать протянувшихся позади отпечатков протекторов, от горизонта до горизонта – никаких следов человеческого присутствия. И полная тишина.

Гюнтер жил ради таких минут. Вступить в нетронутую чистоту пустыни, испытать величие бытия, когда кажется: все, что видишь, – звезды, равнины, кратеры и все остальное – заключено внутри тебя. Городские виды Бутстрэпа таяли, как сон, как далекий остров на мягко волнующейся глади каменного моря. «Никто уже не станет здесь первым, – думал он. – Только я».

В памяти всплыла картинка из детства. Был сочельник, и он с родителями ехал на машине к рождественской мессе. В полном безветрии густо валил снег, дороги Дюссельдорфа скрылись под чистым белым покрывалом. Машину вел отец, а сам он перегнулся через спинку переднего сиденья и зачарованно смотрел на замерший преобразившийся мир. И было совсем тихо.

Он ощутил святое прикосновение одиночества.

Грузовик плыл по переливам серого моря, под слоем пыли мерещились все цвета радуги. Солнце стояло у Гюнтера за плечом, а когда он развернул переднюю ось, объезжая булыжник, тень грузовика повернулась и протянулась в бесконечность. Гюнтер углубился в себя, зачарованный суровой красотой этих мест.

Повинуясь мысли, его ПК вывел на чип музыку. Вселенную наполнила «Stormy Weather».

Гюнтер спускался по длинному, почти неощутимому уклону, когда панель управления сдохла у него под руками. Грузовик отключил питание и остановился.

– Черт тебя возьми, проклятая колымага! – рявкнул Гюнтер. – Что теперь?

– Местность впереди непроходима.

Гюнтер врезал кулаком по панели, так что карта заплясала. Впереди все было полого и гладко, если эта местность когда-то и проявляла склонность к мятежу, взрыв в районе Моря Дождей укротил ее в незапамятные времена. Трусливая железяка! Гюнтер пинком открыл дверцу и спустился из кабины.

Грузовик застрял перед провалом, который змеился поперек проложенного Гюнтером курса, и больше всего напоминал русло пересохшего ручья. Гюнтер подошел к краю. Пятнадцать метров в ширину и не больше трех в самом глубоком месте. Пролом слишком мелкий, чтобы его отметили на топографической схеме. Гюнтер вернулся в кабину и бесшумно закрыл за собой дверь.

– Слушай. Склоны не такие уж крутые. Я сто раз проезжал в местечках похуже. Мы просто проберемся потихоньку, осторожненько, идет?

– Местность впереди непроходима. Прошу вернуться на ранее проложенный маршрут.

Теперь зазвучал Вагнер. «Тангейзер». Гюнтер отключил его нетерпеливым движением мысли.

– Ты же, черт побери, способен к активному поиску решений, почему бы тебе не прислушаться к голосу разума? – Он сердито пожевал губу и тряхнул головой. – Если возвращаться, мы сильно выбьемся из расписания. Наверняка эта борозда через сотню-другую метров сойдет на нет. Давай-ка проедем вдоль нее до этого места, а потом свернем на Марчисонское. И будем в парке вовремя.

Три часа спустя Гюнтер наконец выбрался на Марчисонское шоссе. К тому времени он взмок и пропах потом, плечи ныли от напряжения.

– Где мы? – кисло спросил он и, прежде чем грузовик смог ответить, добавил: – Отбой.

Грунт внезапно почернел. Это наверняка выброс из шахты «Сони-Рейнпфальц». Их рельсовая пушка ориентирована почти точно на юг, в сторону от сателлитных производств, так что их выброс первым делом падал на дорогу. Значит, Гюнтер уже близко.

Марчисонское шоссе было, в сущности, просто наезженной колеей, которую кое-как выровняли и разметили оранжевыми кляксами на камнях вдоль дороги. Гюнтер быстро проехал одно за другим несколько приметных мест: выброс «Харада Индастри», выброс «Океан Бурь Макрофакчуринг», выброс «Крупп пятьдесят». Он знал их наизусть. «П-5» обеспечивала эти компании робототехникой.

Гюнтера обогнала легкая платформа, груженная бульдозером. Взметнувшаяся пыль улеглась одновременно с гравием. Управлявший платформой дистанционник приветственно взмахнул длинной тонкой рукой. Гюнтер машинально помахал в ответ, пытаясь вспомнить, знаком ли ему водитель.

Местность здесь была изрезана и перекопана, камни и грунт свалены в кучи. На обочине мелькали ремонтные станции и цистерны аварийных кислородозаправок. Мимо проплыл указатель: «ТУАЛЕТНАЯ УСТАНОВКА 1/2 КМ». Гюнтер недовольно скривился. Потом вспомнил про радио и привел в порядок провода. Пора вернуться в реальный мир. В трансчип тут же ворвался пронзительный и шумящий помехами голос диспетчера:

– …ин сын! Уэйл! В какую дыру тебя занесло?

– Я на месте, Бет. Малость подзадержался, но уже на месте, где мне и положено быть.

– Сукин… – Запись отключилась, и ее сменил живой голос

рассвирепевшей Гамильтон. – Надеюсь, милок, у тебя найдется достойное оправдание!

– Да ведь ты знаешь, как оно бывает. – Гюнтер отвел взгляд от дороги и уставился на пыльные горы. Хорошо бы забраться туда и никогда не возвращаться. Может, там найдется пещера. А может, там водятся чудовища: вакуумные тролли и лунные драконы с замедленным обменом веществ, сверхплотные существа, плавающие в толще камня, как в воде, лениво продвигающиеся на одну длину тела за целый век. Он представил, как они ныряют, уходят в глубину, следуя линиям магнитного поля, купаются в алмазных и плутониевых жилах, поют, запрокинув голову… – Я подобрал по дороге попутчика, и мы попали в историю.

– Попробуй рассказать это Измайловой. Она зла на тебя, как тысяча шершней.

– Кому?

– Измайловой. По мультикорпоративному контракту она зачислена сюда новым инженером-взрывником. Прибыла на хоппере четыре часа назад и с тех пор дожидается вас с Зигфридом. Насколько я понимаю, ты с ней еще незнаком…

– Нет.

– Ну так будь поосторожнее. Она из тех суровых начальников, кому твои шуточки не кажутся смешными.

– Да брось, одним внештатным технарем больше, ну и что? Она мне не начальство. Что она мне сделает?

– Да-да, утешайся, малыш. Не так много ниточек надо потянуть, чтобы отправить такого оболтуса, как ты, прямиком на Землю.

Когда впереди замаячил Чаттерджи А, солнце поднялось над горами не больше чем на палец. Гюнтер то и дело опасливо поглядывал на него. Через щиток шлема, настроенный на фильтр альфа, оно выглядело сверкающим белым шаром, на котором медленно проступали черные точки. Зернистость больше обычной. Высокая солнечная активность. Гюнтер удивился, что служба радиационного прогнозирования не объявила тревоги на поверхности. Ребята из Обсерватории обычно следят за положением дел.

Чаттерджи А, В и С были тройной цепочкой простых кратеров чуть ниже Хладни, причем два меньших представляли мало интереса. Чаттерджи А возник в результате падения метеорита, пробившего базальты Имбрийского периода до роскошной алюминиевой жилы. Жила располагалась так удобно, что стала любимой игрушкой правления Бутстрэпа, и Гюнтера ничуть не удивляло, что Керр-Макджи из кожи вон лез, лишь бы поскорее

снова запустить реактор.

Парк кишел самоходниками, поисковиками и сборщиками. Они виднелись повсюду: среди фабрик, покрытых пузырями куполов, среди плавилен, загрузочных доков и вакуумных гаражей. Там, где разбирали крупные промышленные конструкции, созвездиями вспыхивали и гасли голубые огоньки. Флотилии большегрузных машин веером расходились по лунной равнине, поднимая за собой пыль. Зазвучала «The Joint is Jumping» Фэтса Уоллера, и Гюнтер рассмеялся.

Он замедлил ход так, что едва полз, объехал газовый пресс, который затаскивали на погрузчик, и напрямик выехал на пандус, ведущий к Чаттерджи В. Чуть ниже взрывом выровняли в скале новую посадочную площадку, и приземлившийся на ней хоппер обступили несколько фигур. Восемь дистанционно управляемых модулей и один человек.

Один из дистанционников говорил, отрывисто рубя рукой в такт словам. Другие стояли неподвижно, точь-в-точь древние телефонные будки, снятые с эксплуатации, но готовые принять вызов, если кому-то еще понадобится подключиться.

Гюнтер отстегнул Зигфрида с крыши кабины и, держа в одной руке пульт управления, а в другой – катушку кабеля, направился к хопперу.

Человек шагнул ему навстречу.

– Вы! Что вас задержало?

Измайлова щеголяла красно-оранжевым скафандром «Студио Волга», который казался особенно изысканным на фоне казенного рабочего скафандра Гюнтера с логотипом «П-5» на груди. Сквозь золотистый щиток шлема он не мог разглядеть ее лица, но по голосу представил: горящие глаза, поджатые губы…

– Шину проколол. – Он выбрал подходящий гладкий камешек и, пристроив на нем катушку, качнул ее, проверяя, ровно ли лежит. – Мы доставили футов пятьсот защищенного кабеля. Вам хватит?

Короткий кивок.

– Вот и хорошо. – Он отстегнул свой монтажный пистолет. – Посторонитесь. – Гюнтер встал на колени, чтобы закрепить катушку на камнях. – Уже известно, что там творится?

Один из дистанционников ожил, выступил вперед и назвался Доном Сакаи из команды по чрезвычайным ситуациям управления «П-5». Гюнтеру уже приходилось работать с ним: довольно крепкий парень, только, как это часто бывает с канадцами, слишком настороженно относится к ядерной энергии.

– Мисс Ланг, – вежливый кивок в ее сторону, – из «Сони-Рейнпфальц» провела внутрь своего робота, но из-за сильного

излучения успела произвести только предварительный осмотр и потеряла контроль. – Второй дистанционник кивнул, однако задержка передачи сигнала из Торонто помешала Сакаи заметить кивок. – Робот просто пошел дальше, не слушая команд. – Он нервно кашлянул и добавил без нужды: – Автономные цепи оказались слишком чувствительными.

– Ну, с Зигфридом нам это не грозит. Он бесчувственный, как камень. На эволюционной шкале машинного интеллекта Зигфрид находится ближе к лому, чем к компьютеру.

После паузы в две с половиной секунды Сакаи вежливо посмеялся. Гюнтер кивнул Измайловой:

– Введите меня в курс дела. Объясните, чего вы хотите.

Измайлова подошла вплотную к нему, их скафандры на миг соприкоснулись, пока она вставляла коммутационный шнур в его пульт управления. По наружной стороне ее щитка пробежали смутные, как тени сновидения, образы.

– Он знает, что делает? – спросила она.

– Эй, я…

– Заткнись, Уэйл, – посоветовала по закрытой связи Гамильтон и добавила по открытой: – Его бы здесь не было, если бы компания не была абсолютно уверена в его технических навыках.

– Никто, конечно, не сомневается… – начал Сакаи и замолчал, когда слова Гамильтон наконец дошли до него.

– Взрывное устройство в хоппере, – сообщила Измайлова Гюнтеру. – Принесите его.

Он повиновался, настроив Зигфрида на маленький плотный груз. Робот низко склонился над хоппером, обхватив устройство большими чуткими ладонями. Гюнтер слегка нажал. Ничего не изменилось. Тяжелая, зараза! Он медленно, осторожно увеличивал мощность. Зигфрид выпрямился.

– Вверх по дороге и потом вниз, внутрь.

Оплавившийся реактор был неузнаваем: помятый, просевший, с торчащими по сторонам перекрученными трубами. В самом начале аварии взорвались охладители, и на краю кратера блестели брызги металла.

– Где находится радиоактивный материал? – спросил Сакаи. Несмотря на то что его отделяла от реактора треть миллиона километров, голос его встревоженно дрогнул.

– Там все радиоактивно, – ответила Измайлова.

Они подождали, пока дойдет сигнал.

– Я хочу сказать, вы понимаете… Топливные стержни.

– В данный момент топливные стержни расположены на глубине триста метров и уходят глубже. Мы говорим о

расщепляющихся материалах, достигших критической массы. Топливные стержни с самого начала должны были сплавиться в этакий сверхгорячий комок, способный прожечь себе дорогу сквозь скалу. Представьте плотную, тяжелую каплю воска, медленно погружающуюся в лунную кору.

– О, обожаю физиков! – вставил Гюнтер.

Шлем Измайловой повернулся к нему, резко побледнев. После долгой паузы он снова включился и отвернулся.

– Во всяком случае, на спуске чисто. Ведите робота до упора. Сбоку имеется шурф. Старый. Я хочу проверить, не забило ли его.

– А одного устройства хватит? – усомнился Сакаи. – Я хочу сказать, для очистки кратера.

Женщина пристально следила за продвижением Зигфрида. Она рассеянно отозвалась:

– Мистер Сакаи, для очистки этого участка необходимо перегородить цепью подъездную дорогу. Стены кратера защитят работающих поблизости от гамма-излучения, и нетрудно проложить маршруты хопперов так, чтобы не подставлять пассажиров. Наибольшую опасность для живых организмов при аварии реактора представляет альфа-излучение, которое исходит от изотопов, рассеянных в воде и в воздухе. При значительной концентрации в теле альфа-частицы способны причинить серьезный вред – но только в этом случае. Их может задержать лист бумаги. Так что пока вы не впускаете реактор в свою экосистему, он не более опасен, чем любая другая большая машина. Закапывать разрушенный реактор просто потому, что он радиоактивен, совершенно не требуется, и, с вашего позволения, это просто суеверие. Но не я составляю план работ. Я просто взрывник.

– Вы этот шурф искали? – спросил Гюнтер.

– Да. Пройдите его до конца. Он неглубокий.

Гюнтер зажег фонарь на груди Зигфрида и отрегулировал катушку, чтобы кабель не провисал. Они спускались вниз. Наконец Измайлова заговорила:

– Стоп. Достаточно.

Он бережно опустил взрывное устройство и по ее указанию включил запуск.

– Готово, – сказала Измайлова. – Выводите робота. Я даю вам час, чтобы убраться подальше от кратера.

Гюнтер заметил, что дистанционники уже начали отступление.

– Хм… Мне еще надо разгрузить топливные стержни.

– Не сегодня. Новый реактор уже разобран и вывозится из зоны взрыва.

Гюнтер представил, каково разбирать всю эту механику и выволакивать за пределы промпарка, и в первый раз поразился масштабу задуманной операции. Обычно из зоны взрыва удаляли только самые чувствительные установки.

– Погодите-ка. Похоже, вы затеваете просто чудовищный взрыв?

Измайлова всем своим видом являла самонадеянность.

– Я умею с этим обращаться. Устройство дипломат-класса, той же серии, что применялась пять лет назад. Почти сто случаев использования, и ни малейшего сбоя. Это самое надежное оружие в истории военной техники. Вы вправе гордиться, что участвуете в работе с ним.

Гюнтер похолодел.

– Матерь Божья, – пробормотал он. – Вы заставили меня подсунуть туда портфельчик с атомной бомбой!

– Привыкайте. «Вестингауз Лунар» запускает этих малюток в массовое производство. С их помощью мы будем раскалывать горы, прокладывать дороги через хребты, разрушать стены лунных борозд, чтобы посмотреть, что там под ними… – Она вещала, как вдохновенная пророчица. – И это только начало. Существует план обогащения полей в Заливе Зноя. Взорвите над реголитом[16] несколько бомб и черпайте плутоний прямо из грязи. Мы станем топливным баком для всей Солнечной системы.

Очевидно по позе Гюнтера догадавшись, какой ужас он испытывает, Измайлова рассмеялась:

– Считайте это оружием во имя мира.

– Это надо было видеть! – рассказывал Гюнтер. – Хрен поверишь! Один край кратера просто снесло. Как не бывало. Разбило в пыль. И как долго все светилось! Кратеры, машины – все. Мне щиток так перегрузило, что он стал мигать. Я уж думал, выгорит. Настоящая чертовщина. – Он взял свои карты. – Ну кто так сдает?

Кришна застенчиво улыбнулся и опустил голову.

– Я играю.

Хиро поморщился, заглядывая в свои карты.

– Похоже, я помер и попал в ад.

– Повышаю ставку, – отозвалась Аня.

– Наверное, я получил по заслугам.

Они сидели в парке Ногучи у центрального пруда: расположились на валунах, искусно обработанных так, чтобы казались обточенными водой. Рядом поднималась рощица из саженцев березок по колено высотой, чей-то игрушечный кораблик подплывал к конусу стока посреди пруда. Над клевером

вились пчелы.

– И представляете, как только стена рухнула, эта чокнутая русская стерва…

Аня сбросила тройку.

– Поосторожнее насчет чокнутых русских стерв.

– Взлетает на своем хоппере…

– Я видел по телевизору, – кивнул Хиро. – Мы все видели. Это было в новостях. Один парень, который работает в «Ниссан», говорил, что Би-би-си уделила вам целых тридцать секунд.

Хиро сломал нос на занятии по карате, налетев на кулак инструктора, и сочетание квадратного белого пластыря с кустистыми черными бровями придавало ему мрачный пиратский вид.

Гюнтер сбросил одну карту.

– Бейте. Ничего вы не видели. Надо было чувствовать, как дрожала потом земля.

– А что связывает Измайлову с «портфельной войной»? – поинтересовался Хиро. – Ясно, она не какой-нибудь курьер. Она занималась снабжением или стратегией?

Гюнтер пожал плечами.

– Помните «портфельную войну»? – саркастически продолжал Хиро. – Половину военной элиты Земли убрали в одночасье. Одна дерзкая операция, и мировая война, которая уже готова была разразиться, отменяется. Подозреваемые террористы превращаются в героев!

Гюнтер отлично помнил «портфельную войну». Когда весь мир забился в судорогах и едва не покончил с собой, ему было девятнадцать, и он работал тогда на «Финском Геотермическом». Именно тогда он укрепился в решении убраться с планеты.

– Можем мы говорить о чем-нибудь, кроме политики? Я до тошноты уже наслушался об Армагеддоне.

– Кстати, тебе разве не пора на встречу с Гамильтон? – вдруг осведомилась Аня.

Он поднял взгляд на Землю. Восточное побережье Южной Америки как раз входило в зону сумерек.

– Еще успеем доиграть.

Выиграл Кришна, у которого оказались три дамы. Сдача перешла к Хиро. Он быстро перетасовал и стал короткими злыми движениями раскидывать карты.

– Ну, – спросила Аня, – что тебя гложет?

Хиро сердито посмотрел на нее, резко отвел взгляд и приглушенно, словно заразившись застенчивостью от Кришны, сказал:

– Я уезжаю домой.

– Домой?

– Это на Землю, что ли?

– Ты с ума сошел! Когда все вот-вот полыхнет! Зачем?

– Потому что Луна меня достала. Думаю, это самое отвратительное место во Вселенной.

– Отвратительное?

Аня обвела внимательным взглядом сады на террасах; ручей, начинающийся на верхнем уровне и восемью туманными водопадами сбегающий к центральному пруду, чтобы начать новый цикл; красиво изогнутые дорожки. Между высокими вьющимися кустами роз, мимо башенок форзиции, цветущих золотыми колокольчиками, прогуливались отдыхающие. Широкие, плавные, как во сне, лунные шаги напоминали движение под водой. Другие люди выныривали из офисных туннелей и снова скрывались в них, задержавшись на миг, чтобы полюбоваться зябликами, кружащими над ухоженными огуречными грядками. На среднем ярусе, пестревшем бирюзовым, алым и аквамариновым шелком, располагались торговые палатки, где предприимчивые рабочие в свободное время торговали мини-фабриками, соломенными корзинками, пресс-папье из яркого стекла, пособиями по танцу и трудами по поэзии Елизаветинского периода.

– По-моему, на вид очень мило. Немножко тесновато, пожалуй, но это ведь эстетика первопроходцев.

– Похоже на базар, но я не об этом. Понимаете… – Хиро замялся в поисках слов. – Понимаете, меня беспокоит, как мы обращаемся с этим миром. Я хочу сказать, мы в нем копаемся, забрасываем его мусором, сносим горы, а чего ради?

– Ради денег, – отозвалась Аня. – Товары широкого потребления, сырье, будущее наших детей. Что тут плохого?

– Мы создаем не будущее, мы создаем оружие.

– На Луне нет ни единого пистолета. Это зона межкорпоративной разработки. Оружие здесь запрещено.

– Вы знаете, что я имею в виду. Фюзеляжи бомбардировщиков, системы детонаторов, оболочки снарядов – все это производится здесь и пересылается на низкую околоземную орбиту. Не надо притворяться, будто мы не знаем, зачем мы здесь.

– И что? – ласково спросила Аня. – Мы живем в реальном мире, все мы не настолько наивны, чтобы поверить в возможность правительства без армии. Почему нельзя производить все это здесь, если в других местах можно?

– Меня бесит то, с какой равнодушной, эгоистической

жадностью мы все это делаем. Вы давно не выбирались на поверхность полюбоваться, как ее вскрыли, выпотрошили и перелопатили? Еще остались места, где можно замереть перед красотой, не изменившейся с тех дней, когда наши предки качались на деревьях. Но мы и эти места испакостим. Через поколение, от силы – через два на Луне останется не больше красоты, чем на любой мусорной свалке.

– Ты же видишь, во что промышленность превратила Землю, – сказала Аня. – Что плохого в том, чтобы убрать ее с планеты?

– Да, но Луна…

– Даже не имеет экосферы. Здесь нечему вредить.

Они сердито уставились друг на друга. Наконец Хиро буркнул:

– Не хочу об этом говорить. – И мрачно уткнулся в свои карты.

Через пять или шесть конов к ним рассеянно подошла какая-то женщина и уселась на траву у ног Кришны. На веках у нее были ярко-лиловые тени, а на лице безумная улыбка.

– О, привет! – сказал Кришна. – Все знакомы с Салли Чанг? Она, как и я, исследовательский компонент «Центра Технологий Самовоспроизводства».

Остальные кивнули. Гюнтер представился:

– Гюнтер Уэйл, рабочий компонент «Поколения-Пять».

Женщина хихикнула.

Гюнтер моргнул.

– У вас, видно, хорошее настроение. – Он постучал костяшками пальцев по доске. – Я при своих.

– Я на псиле, – ответила женщина.

– На псилоцибине? – переспросил Гюнер. – Я, может быть, заинтересуюсь. Вы его выращиваете или синтезируете? У меня в комнате есть пара мини-фабрик, я мог бы поделиться с вами, если вы получите лицензию на программное обеспечение.

Салли Чанг покачала головой и беспомощно рассмеялась. По ее лицу текли слезы.

– Ну, когда вы спуститесь на землю, можно будет поговорить. – Гюнтер покосился на свои карты. – Может здорово пригодиться для шахмат.

– В шахматы давно никто не играет, – презрительно бросил Хиро. – Это только для компьютеров.

Гюнтер взял банк с двумя парами. Он перетасовал, Кришна отказался снять, и он стал сдавать карты.

– Так вот, эта чокнутая русская дамочка…

Чанг ни с того ни с сего взвыла. Дикий взрыв хохота заставил

ее выгнуться всем телом и снова скрючиться. В ее глазах горела радость открытия, она ткнула пальцем прямо в Гюнтера.

– Ты – робот! – выкрикнула она.

– Прошу прощения?

– Ты просто робот, – повторила она. – Ты машина, автомат. Посмотри на себя. Ничего, кроме реакций на раздражители. У тебя вовсе нет собственной воли. Ничего нет. Ты не смог бы действовать самостоятельно даже ради спасения жизни.

– Да ну? – Гюнтер огляделся в поисках вдохновения. Какой-то мальчуган, – может быть, Петр Нафис, хотя отсюда трудно было сказать, – стоял на берегу, подкармливая карпов хлебными крошками. – А скажем, я спихну вас в воду. Это будет самостоятельное действие?

Она со смехом покачала головой:

– Типичное поведение примата. На возможную угрозу отвечает имитацией агрессии.

Гюнтер засмеялся.

– Затем, если это не срабатывает, примат демонстрирует подчинение. Заискивает. Обезьяна показывает свою безобидность, понимаешь?

– Эй, это уже не смешно, – предостерегающе заметил Гюнтер. – Собственно говоря, это, пожалуй, оскорбление.

– И снова возвращается к проявлению агрессии.

Гюнтер вздохнул и поднял руки вверх.

– И как мне реагировать? С вашей точки зрения, что бы я ни сказал или ни сделал – все плохо.

– Опять же подчинение. Агрессия – подчинение, туда и обратно, туда и обратно. – Она двигала руками, будто качала насос. – Как маленькая машина, понимаешь. Это все – автоматические реакции.

– Эй, Криш! Ты у нас нейро-био-что-то-там, верно? Замолви за меня словечко. Вытащи меня из этой трепотни.

Кришна покраснел. Он старался не встречаться с Гюнтером взглядом.

– Видишь ли, в Центре мисс Чанг очень ценят. Если она считает нужным о чем-то задуматься, значит об этом стоит подумать.

Женщина жадно рассматривала их блестящими глазами с точками сузившихся зрачков.

– Насколько я понимаю, она имеет в виду основную проблему жизни. Что мы действуем на автопилоте. Не конкретно ты, а мы все. – Он напрямик обратился к Чанг: – Так?

– Нет, нет, нет, – замотала головой женщина. – Именно он.

– Я сдаюсь.

Гюнтер отложил карты и откинулся навзничь на гранитную плиту, так что через стеклянную крышу ему видна была Земля. А закрыв глаза, он видел поднимающийся хоппер Измайловой. Простейшее устройство: кресло на площадке, под ним пучок из четырех реактивных сопл и сложная система опор. Гюнтер видел, как хоппер поднимается над расцветающим взрывом, как он словно зависает над кратером, подобно коршуну. Фигура в красном скафандре сидела, опустив руки, с нечеловеческим спокойствием наблюдая за происходящим. В отраженном свете она сияла, как звезда. Это было жутковато и красиво.

Салли Чанг, прижавшись к коленям Гюнтера, раскачивалась взад и вперед и смеялась, смеялась…

Бет Гамильтон была включена в телеприсутствие. Когда Гюнтер вошел в ее кабинет, она откинула один окуляр, но продолжала двигать руками и ногами. Слабые сонные движения, которые будут приняты и усилены на одной из невидимых за горизонтом фабрик.

– Ты опять опоздал, – довольно равнодушно заметила она.

Большинство людей хоть немного, да страдали от расщепления реальности, работая в двух местах сразу. Гамильтон принадлежала к числу тех избранных, кто умел одинаково эффективно справляться с двумя реальностями.

– Я вызвала тебя, чтобы обсудить твои перспективы в «Поколении-Пять». А именно – возможность перевода на другой участок.

– Ты хочешь сказать, на Землю?

– Вот видишь! – сказала Гамильтон. – Ты не так туп, как хочешь казаться. – Она снова вставила окуляр, застыла, потом подняла руку в металлической перчатке и проделала сложное движение пальцами. – Ну?

– Что «ну»?

– Токио, Берлин, Буэнос-Айрес – куда тебя влечет? Как насчет Торонто? Правильный выбор может дать хороший толчок твоей карьере.

– Я просто хочу остаться здесь, делать свое дело и получать жалованье, – осторожно сказал Гюнтер. – Я не стремлюсь к продвижению по службе, не хочу повышения, не надо никуда меня переводить. Я вполне доволен тем, что имею.

– Ты выбрал странный способ продемонстрировать это. – Гамильтон отключила питание перчаток и высвободила руки. И почесала нос. Она сидела у рабочего стола – черного гранитного куба. На нем стоял ее ПК вместе с россыпью кристаллов меди. Мысленным приказом она вывела голос Измайловой на чип

Гюнтера.

– Я с глубочайшим сожалением обращаю ваше внимание на непрофессиональное поведение одного из ваших штатных сотрудников, – начал голос.

Слушая донос, Гюнтер ощутил совершенно неожиданный приступ отчаяния и еще более сильную злость на Измайлову, которая посмела так, с ходу осудить его. Он постарался скрыть свои чувства.

– Безответственность, недисциплинированность, легкомыслие и совершенно неуважительное отношение.

Он усмехнулся:

– Кажется, она меня недолюбливает.

Гамильтон промолчала.

– Но этого недостаточно, чтобы… – Он осекся. – Или?..

– В обычных обстоятельствах, Уэйл, было бы достаточно. Начальник опытного участка – не просто «внештатный технарь», как ты изящно выразился. Правительство не раздает такие лицензии кому попало. И, если ты не знаешь, ты давно на плохом счету. Большие способности, которые не находят применения. Честно говоря, ты их разочаровал. Но, к счастью для тебя, эта мадам Измайлова оскорбила Дона Сакаи, и он дал нам понять, что мы не обязаны беспрекословно выполнять все ее требования.

– Измайлова оскорбила Сакаи?

Гамильтон покосилась на него:

– Ну, ты должен знать, ты же там был.

Теперь он вспомнил тираду Измайловой по поводу ядерной энергии.

– А, верно. Теперь понимаю.

– Так что решать тебе. Я могу записать выговор, который пойдет в твое личное дело вместе с жалобой Измайловой. Или ты переведешься на Землю, а я позабочусь, чтобы такие мелочи не задержались в системе корпорации.

Выбор был небогат, но Гюнтер постарался сделать хорошую мину при плохой игре.

– Похоже, что вам придется пока меня потерпеть.

– Пока, Уэйл. Пока.

Гюнтер вернулся на поверхность на следующую двухдневную вахту. В первый день он опять отвозил стержни для Чаттерджи С. На сей раз он строго следовал маршруту, и реактор был заправлен точно по графику. На второй день пришлось мотаться аж в Триснекер за какими-то старыми стержнями, которые полгода валялись во временном хранилище, пока люди Керр-Макджи спорили, стоит ли их перерабатывать или просто

захоронить. Для него это оказалось выгодной работенкой, потому что хотя цикл солнечной активности заканчивался, но предостережения еще поступали, и Гюнтер получал дополнительную плату за риск.

Когда он прибыл на место, техник из Франции дистанционно объявил, что о стержнях можно забыть. Состоялось очередное совещание, и принятие решения снова отложили. Гюнтер повернул обратно к Бутстрэпу, на полную громкость запустив в голове новую а капелла-версию «Трехгрошовой оперы». На его вкус, звучала она слишком слащаво, но это слушали у него дома.

На пятнадцатом километре счетчик ультрафиолета на панели скакнул.

Гюнтер потянулся, чтобы постучать по нему пальцем. Счетчик не отозвался. Чувствуя, как по спине побежали мурашки, Гюнтер поднял голову к крыше кабины и прошептал:

– О нет.

– Служба радиационного прогнозирования только что объявила тревогу первой степени, – невозмутимо доложил грузовик, – вызванную непредвиденной вспышкой солнечной активности. Всем, находящимся на поверхности, немедленно следовать к ближайшему убежищу. Повторяю: немедленно следуйте в убежище.

– Я в восьмидесяти километрах от…

Грузовик замедлил ход и остановился.

– Поскольку данное устройство не защищено, повышенная радиация может повредить его. В целях обеспечения исправного функционирования транспортного средства все управление будет переведено на ручной режим, и данное устройство прекращает свою работу.

Как только радиофильтры грузовика отключились, в голове Гюнтера зазвучали перекрывающие друг друга голоса. Помехи забивали их, превращая в бессмыслицу попытки что-то сообщить.

…асность… повторяю… на пове… не защ… подв… опа… Моду… и перс… немедленно напр… ытия… Максим… срок двадцать ми… унд… ленно… ща. Говорит автопред… радиац… блюдения… интенсивн… нечной вспышки… одящиеся на пове… подверг… ости. Говор… убирайтесь с по… и… тесь, черт вас… ите? В убежища!! Не пыта… до Бутстрэпа, пряч… вас поджарит! Ты слы… так тебя и так? Уэ… ай все и…

…на Лунн… Уэйл!..чай, ты где?.. Давай, дружи… под-земн… ще…

…Нги-ге… ближайшее убе… метров… Поворачи… му… от…

Где… всем-всем!.. Знает… Михаи… Миша, где ты… не…

…достать нам… голос… слы… я Ез…

– Бет! Ближайшее убежище осталось позади, в Вайскопфе, мне до него полчаса гнать. Я слышал, убраться надо за двадцать минут. Посоветуй, что делать?

Но град тяжелых обрывков оказался слишком сильным: больше ничего расслышать не удалось. Чья-то рука, скорее всего его собственная, потянулась к панели и отключила радио. Голоса в голове смолкли.

Но треск помех продолжался. Грузовик замер без движения, в получасе отовсюду, а невидимая смерть просачивалась сквозь крышу кабины. Гюнтер надел шлем и перчатки, дважды проверил застежки и разблокировал дверь кабины. Она распахнулась рывком. Страницы из руководства по эксплуатации улетели прочь, перчатка весело закувыркалась по грунту, погнавшись за пушистыми розовыми кубиками, подаренными ему Эвридикой в ту последнюю ночь в Швеции. Печенье, лежавшее на панели в открытой банке, рассыпалось в пыль и исчезло вместе с жестянкой. Взрывная декомпрессия. Он забыл о разгерметизации. Гюнтер остолбенел, осознав, какую ужасную – и опасную – ошибку совершил.

Опомнившись, он выбрался наружу, запрокинул голову и уставился на солнце. Оно хмурилось пятнами и негодовало огромной неожиданной вспышкой.

«Я умру», – подумал Гюнтер.

Одно долгое мгновение он, обессилев, пробовал на вкус эту ледяную в своей несомненности мысль. Он должен был умереть. Он знал это наверняка, знал так твердо, как ничего не знал прежде.

Мысленно Гюнтер видел смерть, надвигающуюся на него с лунной равнины. Смерть представлялась ему гладкой черной стеной, протянувшейся в обе стороны в бесконечность. Она рассекала мир пополам. На этой стороне была жизнь, тепло, кратеры и цветы, мечты, роботы-рудокопы, мысли – все, что знал или мог вообразить Гюнтер. По ту сторону – нечто? Ничто? Стена не давала подсказки. Она была непроницаема, загадочна, абсолютна. И она надвигалась на него. Она была уже близко, протяни руку – дотронешься. Скоро она будет здесь. Он пройдет сквозь нее и тогда узнает.

Гюнтер вырвался из этих мыслей и метнулся к кабине. Заскреб руками по борту, карабкаясь вверх. Слыша свист, шорохи и треск помех в трансчипе, он рванул магнитные крепления, удерживающие на месте Зигфрида, сгреб катушку и пульт управления и спрыгнул обратно.

Приземлился со скрежетом, упал на колени и тут же закатился под кузов. На топливных стержнях такой слой

изоляции, что его хватит для того, чтобы защитить от самого жесткого излучения, откуда бы оно ни исходило. Должна защищать от груза, так защитит и от солнца. Треск в чипе стих, и стиснутые челюсти разжались.

Спасен.

Под кузовом было темно. Гюнтер принялся размышлять. Даже если запустить восстановитель на полную мощность и отключить все дополнительные системы скафандра, кислорода переждать бурю не хватит. Ну что ж, значит, надо отыскать убежище. Ближе всего Вайскопф, до него всего пятнадцать километров, а там в сборочном цехе «П-5» есть убежище. Значит, ему туда.

Действуя на ощупь, Гюнтер нашарил стальные перемычки рамы и воспользовался магнитными креплениями Зигфрида, чтобы пристегнуться к дну грузовика. В тесноте работа продвигалась медленно, однако в конце концов он повис над дорогой лицом вниз. Нащупал пульт управления и запустил Зигфрида.

Ему понадобилось двенадцать изнурительных минут, чтобы осторожно спустить робота с крыши. Кабина не была рассчитана на такие крупные предметы. Чтобы втиснуть в нее робота, Гюнтеру пришлось сперва снести дверцу, а потом вырвать и выкинуть наружу сиденье. Оставив все это валяться на обочине, он загнал Зигфрида в кабину. Тот согнулся пополам, попробовал одну конфигурацию, потом другую и наконец пристроился в тесной кабине. Медленно, бережно он потянулся к приборной панели и сделал первое движение.

Грузовик дернулся и поехал.

Та еще вышла поездочка. Грузовик, и прежде не отличавшийся проворством, мотался по дороге, как чугунная свинья. Оптика Зигфрида была направлена на приборную панель, и перевести ее, не освободив механической руки, не представлялось возможным. Чтобы посмотреть вперед, робот должен был сперва остановить грузовик.

Гюнтер управлял, следя за дорогой под собой. Ему удавалось более или менее ориентироваться по уходящей назад колее. Каждый раз, как грузовик сходил с колеи, Гюнтер заставлял Зигфрида поворачивать обратно, и в результате они двигались зигзагами.

Мелькали и подпрыгивали тени, дорога текла под ним с опасным однообразием. Гюнтера подбрасывало и встряхивало в самодельных креплениях. Шея вскоре заболела из-за необходимости постоянно задирать голову, чтобы видеть светлую полосу дороги, уходящую в тень передней оси, а глаза устали от монотонности пейзажа.

На ходу грузовик поднимал пыль, а даже мелкие частицы несли достаточный электростатический заряд, чтобы прилепиться к скафандру. Временами Гюнтер протирал залепленный тонкой серой пленкой щиток шлема, размазывая пыль длинными полосами.

У него начались галлюцинации: продолговатые цветные пятна появлялись перед глазами и исчезали, когда Гюнтер встряхивал головой и плотно зажмуривался, чтобы сосредоточиться. Искушение подольше не открывать глаза было слишком велико, но он не мог себе позволить этого.

Гюнтеру вспомнилась последняя встреча с матерью и что она тогда говорила. Что худшее во вдовстве – это то, что каждый день все начинается заново, не лучше, чем накануне, что боль по-прежнему свежа и с отсутствием мужа все так же невозможно смириться. Это, сказала она, все равно что самой быть мертвой: ничего никогда не меняется.

Ах, господи, подумалось ему, не стоило этого делать. Булыжник размером с человеческую голову возник перед шлемом. Руки бешено дернули управление, Зигфрид резко повернул машину, камень метнулся в сторону и остался позади. После чего Гюнтер перестал рефлексировать.

Он настроил свой ПК. Зазвучал «Saint James' Infirmary». Не помогло.

«Держись, ублюдок! – думал он. – Ты справишься».

Руки и плечи ныли, спина тоже, и Гюнтер совсем перестал думать. Одна нога, должно быть из вредности, онемела. Голову приходилось держать под таким углом, что все время отвисала челюсть. Через некоторое время по легкой ряби на визоре Гюнтер догадался, что в изгибе шлема скопилась слюна. Он пускал слюни! Гюнтер закрыл рот, проглотил слюну и уставился вперед. Минуту спустя он поймал себя на том же самом.

Медленно, мучительно он приближался к Вайскопфу.

Завод в Вайскопфе, принадлежащий «П-5», ничем не отличался от других себе подобных. Белый пузырь-купол, смягчающий перепады температур в течение долгого лунного дня, башня микроволновых передач, обеспечивающая телеприсутствие, и сотни полуавтономных модулей, выполняющих работы.

Гюнтер проскочил подъездную дорогу, развернулся и подогнал грузовик прямо к стене завода. Он заставил Зигфрида выключить двигатель и только тогда выронил из рук пульт управления. Не меньше минуты он просто висел на ремнях с закрытыми глазами, наслаждаясь неподвижностью. Потом

выпутался из креплений и выполз из-под кузова. Под непрерывный шорох и треск помех он, спотыкаясь, зашагал к заводу.

В тусклом свете, просачивающемся сквозь купол, цех напоминал подводный грот. Фонарь на шлеме не столько помогал, сколько мешал видеть. В освещенное пятно со всех сторон склонялись механизмы, казалось, он смотрит в объектив «рыбий глаз». Гюнтер отключил фонарь и стал ждать, пока глаза привыкнут к темноте.

Довольно скоро он начал различать тонких, как привидения, роботов-сборщиков, двигающихся с неземной точностью и плавностью. Вспышка солнечной активности сказалась на них. Они покачивались, словно водоросли, чуть ли не в такт друг с другом. Воздев руки, они танцевали под музыку радиопомех.

На сборочном конвейере, как вскрытые и выпотрошенные тела, лежали полусобранные роботы. Тонкое переплетение их медных и серебряных нервов оказалось на виду, соединения перепутаны. Огоньки зарядов, собравшиеся на кончиках металлических пальцев, заставляли тела судорожно вздрагивать.

Все это по большей части были слепые механизмы, закрепленные на полу в соответствии с логикой сборки. Но имелись и мобильные единицы: надсмотрщики и многофункциональные устройства пьяно бродили по цеху, и в глазах их светилось безумие. Гюнтер заметил резкое движение и успел обернуться, когда автоперфоратор качнулся к нему и пробил дыру в полу прямо у него под ногами. Гюнтер подошвами почувствовал сотрясение и отскочил назад.

Механизм последовал за ним, пробойник с алмазным наконечником нервно высовывался и снова прятался в чехол. Автомат двигался пугливо и угловато, как новорожденный жеребенок.

– Тише, тише, малыш, – прошептал Гюнтер.

В дальнем конце цеха нанесенная на стену кратера светящаяся зеленая стрелка указывала на железную дверь. Убежище. Гюнтер попятился от перфоратора, продвигаясь по служебному проходу между рядами автоматов, волнующихся, как трава на ветру.

Перфоратор на своих колесах покатился за ним. Потом, сбитый с толку шевелением вокруг, остановился, оглядывая ряды роботов. Гюнтер окаменел.

Наконец перфоратор медленно и неуклюже развернулся.

Гюнтер побежал. Разряды гудели у него в голове. Серые тени плавали среди дальних механизмов, то приближаясь, то отступая, словно акулы в море. Здесь и там на манипуляторах сборщиков

звездочками вспыхивали сварочные дуги. Ныряя и виляя на бегу, он добрался до убежища и схватился за дверь шлюза. Даже сквозь перчатку она казалась холодной на ощупь.

Он толкнул дверцу.

Люк был маленьким и круглым. Гюнтер протиснулся внутрь, с трудом уместившись в совсем небольшой камере, постарался свернуться в тугой клубок и дернул дверь на себя.

Темнота.

Он опять включил нашлемный фонарь. Отраженный луч обжег глаза: свет был слишком ярким для такого тесного помещения. Чувствуя, как подбородок упирается в колени, Гюнтер братски посочувствовал Зигфриду, загнанному в тесноту кабины.

Внутреннее управление люка было проще не придумаешь. Дверь откидывалась на петлях внутрь, так что давление воздуха удерживало ее в закрытом положении. Имелась ручка, которая, если за нее дернуть, впускала ток кислорода в шлюз. Когда давление выравнивалось, внутренняя дверь открывалась без труда. Он дернул ручку.

Пол дрогнул от поступи чего-то тяжелого снаружи.

В убежище места хватило только на койку, химический туалет и восстановитель с запасным баллоном кислорода. Тепло и свет обеспечивала одна и та же установка над головой. Для развлечения имелись карманные издания Библии и Корана, доставленные сюда неимоверно далекими миссионерскими обществами. Даже в пустом убежище было маловато места.

Но оно не пустовало.

Женщина щурилась и прикрывала глаза рукой от луча его фонаря.

– Выключите, – велела она.

Гюнтер послушался. В оставшемся мягком свете он увидел: очень короткие, почти по-мужски подстриженные белые волосы, через них просвечивала розовая кожа головы. Высокие скулы. Веки, словно крылья, чуть приподняты искусно наложенными тенями. Темные полные губы. Гюнтер невольно восхитился самодисциплиной, которая требовалась, чтобы так тщательно накладывать косметику, когда лицо все равно скрыто шлемом. Только потом он заметил красно-оранжевый модный скафандр «Студио Волга».

Это была Измайлова.

Чтобы скрыть смущение, Гюнтер стал возиться со шлемом и перчатками, стаскивая их.

Измайлова освободила место, сдвинув свой лежащий на

койке шлем, и он присел рядом с ней. Протянул руку, сказал чопорно:

– Мы уже встречались. Меня зовут…

– Я знаю. У вас на скафандре написано.

– А, да. Верно.

Неловкое молчание затянулось. Наконец Измайлова прокашлялась и резко заговорила:

– Это просто смешно. Нам нет причин…

БАМС!

Две головы дружно обернулись к двери. Звук был резким, громким, металлическим. Гюнтер напялил шлем, схватился за перчатки. Измайлова, тоже поспешно герметизируя скафандр, передала ему на чип:

– Что это?

Тщательно задвигая одну за другой застежки манжет, Гюнтер отозвался:

– Полагаю, это автоматический перфоратор. – Поняв, что шлем заглушает слова, он повторил их через чип.

БАМС!

Теперь они уже ждали этого звука. И больше не сомневались. Что-то пыталось вскрыть наружный люк шлюза.

– Что-что?

– А может, какой-нибудь молот или кузнечный модуль. Слава богу, что не лазерный резчик. – Он протянул ладони перед собой. – Проверьте крепление.

Она покрутила туда-сюда манжеты, взялась за шлем, потянула.

– Все в порядке. – И тоже протянула ладони. – Но чего он добивается?

Герметизация перчаток у нее тоже была в порядке. Один замок шлема чуточку расшатан, но не настолько, чтобы нарушить цельность. Гюнтер пожал плечами:

– Он не в себе. Мало ли что взбрело ему в голову. Например, пытается укрепить ослабшие петли.

БАМС!

– Он же ломится сюда!

– Да, это тоже возможно.

Измайлова чуть повысила голос:

– Но даже если программы перепутаны, в его памяти не должно быть ничего такого, что заставляет его так действовать. Как беспорядочный сигнал мог вызвать такое поведение?

– Он не так действует. Вы представляете себе роботов, какими они были в вашем детстве. А эти автоматы – просто шедевр. Они манипулируют не инструкциями, а концепциями.

Это делает их поведение более гибким. Не приходится программировать каждый шажок при переходе к чему-то новому. Вы просто ставите цель…

БАМС!

– …например, разобрать роторный бур. В автомате имеется банк доступных навыков вроде резки, откручивания болтов или общие манипуляции, и он перестраивает их в различном порядке в зависимости от поставленной задачи. – Гюнтер говорил, лишь бы слышать собственный голос и не удариться в панику. – И в обычных условиях это просто прекрасно. Но уж если такая штуковина выходит из строя, так на уровне концепции. Понимаете? Так что…

– Так что он принимает нас за роторный бур, который нужно разобрать?

– Ну… в общем, да.

БАМС!

– И что нам делать, когда он сюда доберется?

Они оба невольно поднялись на ноги и стояли лицом к двери. Свободного пространства было не много, и они заполнили его целиком. Гюнтер остро ощущал, что здесь не хватит места, чтобы драться или бежать.

– Не знаю, как вы, – сказал он, – а я намерен шарахнуть эту дрянь по башке унитазом.

Она повернулась к нему.

БАА…

Звук оборвался хриплым свистящим взрывом. Мгновенно наступила тишина.

– Взломал наружную дверь, – спокойно констатировал Гюнтер.

Они подождали.

После долгого молчания Измайлова спросила:

– Мог он уйти?

– Не знаю. – Гюнтер отстегнул свой шлем и прижался ухом к полу. Камень был до боли холодным. – Возможно, его повредило взрывом.

Он ощущал легкую вибрацию сборщиков и более тяжелый гул машин, перекатывающихся по цеху. Все эти звуки оставались в отдалении. Он сосчитал про себя до ста. Ничего. Он еще раз сосчитал до ста и наконец выпрямился.

– Ушел.

Оба снова сели. Измайлова сняла шлем, Гюнтер неловко отстегивал перчатки. Застежки не поддавались.

– Посмотрел бы кто на меня, – неуверенно засмеялся он. – Пальцы как сосиски. Так перетрусил, что с манжетами не

справиться.

– Давайте помогу. – Измайлова отстегнула и потянула перчатку. Та легко сошла с руки. – Где там у вас вторая рука?

Они сами не заметили, как сняли друг с друга скафандры, как отстегнули крепления и распечатали швы. Начали они медленно, но с каждой застежкой торопились все больше, словно в отчаянной спешке. Гюнтер вскрыл красный скафандр Измайловой, под которым обнаружилась красная шелковая рубашка. Он подсунул под нее руку, задрал до груди. Соски были твердыми. Он взял грудь в ладонь и сжал ее.

Измайлова издала низкий гортанный стон. Она уже вскрыла скафандр Гюнтера и теперь подбиралась к члену. Выпростала его и нетерпеливо потянула мужчину на койку. Потом встала над ним на колени и направила член в себя. Губы Гюнтера встретились с женскими губами, теплыми и влажными. Они занимались любовью, так и не избавившись до конца от скафандров. Гюнтер освободил одну руку и просунул ее под рубашку Измайловой, поглаживая длинную спину и затылок. Короткий ежик волос щекотал и покалывал ладонь.

Она крепко оседлала его, ее плоть скользила по его коже.

– Ты уже готов? – бормотала она. – Готов? Скажи, когда будешь готов.

Она покусывала его плечо, шею, подбородок, нижнюю губу. Ее ногти впивались ему в кожу.

– Готов, – шепнул он.

Или, может быть, только подумал, и она поймала мысль на свой чип. Так или иначе, она стиснула его еще крепче, будто хотела сломать ребра, и все ее тело содрогнулось в оргазме. И он тоже освободился, выбросив страсть в вихре отчаяния, экстаза и облегчения.

Ничего лучше он в жизни не испытывал.

Потом они полностью содрали с себя скафандры и спихнули их с койки. Гюнтер вытянул из-под себя одеяло и с помощью Измайловой укутал ее и себя. Они лежали рядом молча, наслаждаясь отдыхом.

Он прислушался к ее дыханию. Она дышала тихо. Потом она повернулась к нему лицом, и теплое дыхание согрело ему ямочку на горле. Ее запах наполнял комнату. Рядом с ним находилась незнакомка.

Гюнтер устал, ему было тепло и спокойно.

– Ты давно здесь? – спросил он. – То есть не в убежище, конечно, а…

– Пять дней.

– Так мало… – Он улыбнулся. – Добро пожаловать на Луну,

мисс Измайлова.

– Екатерина, – сонно поправила она. – Зови меня Екатерина.

Они плавно взмыли вверх и к югу, через Гершель. Дорога Птолемея бежала под ними крутыми изгибами, скрываясь из виду и неизменно появляясь снова.

– Здорово! – каркнул Хиро. – Это же… Жаль, что я целый год не давал себя уговорить.

Гюнтер определил место и потихоньку начал снижаться, забирая на восток. Два других хоппера не отставали от него, держась тесным треугольником. Вспышка солнечной активности закончилась два дня назад, и Гюнтер, отгуливая законные выходные, пообещал, как только отменят тревогу на поверхности, свозить друзей в горы.

– Мы уже близко. Проверьте хорошенько ремни безопасности. У тебя все в порядке, Криш?

– Да, мне вполне удобно.

Они опускались на посадочную площадку «Залив Зноя Компани».

Хиро сел вторым, а на поверхности оказался первым. Он запрыгал вокруг, как спущенный с поводка колли, носился вверх и вниз, выискивая все новые точки, откуда можно было вдоволь полюбоваться видом.

– Просто не верится, что я здесь! Я здесь каждый день работаю, но – представляете! – я в первый раз на самом деле сюда выбрался! Я хочу сказать, собственной персоной!

– Смотри под ноги, – напомнил Гюнтер. – Это тебе не телеприсутствие – если сломаешь ногу, нам с Кришной придется тебя тащить.

– Я целиком на тебя полагаюсь. Парень, который попал под солнечную вспышку и так классно кончил…

– Эй, прикуси язык, ладно?

– Да все уже слышали. Я к тому, что мы уже считали тебя покойником, и вдруг вас обоих обнаруживают спящими! Об этом еще сто лет будут болтать. – Хиро чуть не задохнулся от смеха. – Вы стали легендой!

– Ну так дай легенде малость отдохнуть. – Чтобы сменить тему, Гюнтер заметил: – Неужто ты собираешься снимать эту помойку?

Разработка в Заливе Зноя велась открытым способом: роботы-бульдозеры сгребали с поверхности реголит и скармливали его перерабатывающей фабрике, раскинувшейся на гигантских отвалах. Здесь добывали торий, и выход продукции был так мал, что к обогатительному реактору ее доставляли на хопперах.

Рельсовая пушка тут не применялась, и позади фабрики громоздились горы отходов производства.

– Не смеши меня! – Хиро протянул руку к югу, в сторону Птолемея. – Вот!

Солнце осветило стену кратера, между тем как равнина внизу была еще в тени. Пологие склоны выглядели неприступными кручами, а сам кратер сиял ослепительной белизной собора.

– Где твоя камера? – спросил Кришна.

– Мне она не нужна. Я принимаю данные прямо на шлем.

– Я не слишком разобрался в этом твоем проекте с мозаикой, – признался Гюнтер. – Объясни-ка еще раз, что там у вас получается.

– Это идея Ани. Она арендовала сборщик, чтобы нарезать шестиугольные плитки для пола: белые, черные и четырнадцати промежуточных оттенков серого. А картинки раздобыл я. Мы выбрали ту, которая нам понравилась больше всего, сканировали ее в черно-белом режиме, настроили интенсивность цвета и запрограммировали сборщик на укладку пола – одну плитку на пиксель. Здорово получилось – заходи завтра, увидишь.

– Ага, зайду.

Хиро, стрекоча, как белка, увел их от края карьера. Они направились к западу поперек склона.

Гюнтер услышал голос Кришны через свой трансчип. Это был старый трюк «земляных крыс». Чип на расстоянии пятнадцати ярдов мог работать как передатчик – отключи радио и болтай с чипа на чип.

– В твоем голосе тревога, друг мой.

Гюнтер прислушался, ловя второй носитель, и ничего не услышал. Хиро находился за пределами зоны приема.

– Это из-за Измайловой. Я…

– Влюбился в нее.

– Откуда ты знаешь?

Они растянулись по склону. Хиро оказался впереди. Некоторое время оба молчали. Это было спокойное, доверительное молчание, похожее на безликую тишину исповедальни.

– Пожалуйста, не пойми превратно, – сказал Кришна.

– Чего не понять превратно?

– Гюнтер, если взять пару сексуально совместимых людей, оставить их в тесном пространстве, изолировать и напугать до полусмерти, они полюбят друг друга. Это факт. Это механизм выживания, программа, введенная в систему задолго до твоего рождения. Когда миллиарды лет эволюции подсказывают, что наступил брачный сезон, твоему мозгу нечего возразить.

– Эй, давайте сюда! – крикнул по радио Хиро. – Это надо видеть!

– Идем, – откликнулся Гюнтер. И снова на чип: – Ты делаешь из меня что-то вроде автомата вашей Салли Чанг.

– В каком-то смысле мы все автоматы. Это не так плохо. Мы чувствуем жажду, когда нуждаемся в воде, адреналин впрыскивается в кровоток, когда нам необходим выплеск агрессивной энергии. Невозможно сражаться с собственной природой. Да и какой в этом смысл?

– Да, но…

– Ну разве не здорово? – Хиро пробирался по россыпи валунов. – Этому конца нет! А туда взгляните! – Выше по склону становилось видно, что они перебираются через расщелину, забитую валунами. Камни были здоровенные, больше хопперов, а иные чуть ли не с кислородные цистерны дофабричной эпохи. – Эй, Кришна, все хочу тебя спросить: чем вы занимаетесь в этом вашем Центре?

– Мне не положено рассказывать.

– Да брось! – Хиро поднял на плечо булыжник величиной с голову и запустил им в пространство, словно толкатель ядра. Камень описал длинную дугу и рухнул далеко внизу, взметнув фонтан белой пыли. – Ты здесь среди друзей. Нам можно доверять.

Кришна покачал головой. Щиток его шлема блеснул на солнце.

– Ты сам не знаешь, о чем просишь.

Хиро подобрал второй камень, еще больше первого. Гюнтер уже видел его в таком настроении и хорошо представлял ехидную ухмылочку на его лице.

– Я как раз об этом и говорю. Мы оба ни шиша не понимаем в нейробиологии. Спокойно можешь прочитать нам десятичасовую лекцию, все равно той малости, что мы сумеем уловить, никак не хватит, чтобы нарушить секретность.

Новый фонтан пыли.

– Ты не понимаешь. Центр самовоспроизводящихся технологий не зря размещен здесь. Лаборатория на Земле обошлась бы во много раз дешевле, но наши спонсоры перевели работы сюда, потому что они по-настоящему напуганы.

– Ну а что ты можешь нам рассказать? Из открытых материалов, вроде тех, что показывают в видеожурналах? Без всяких секретов.

– Ну… ладно. – Теперь пришла очередь Кришны. Он поднял маленький камушек, размахнулся, как бейсболист, и метнул. Камушек скрылся вдали. Над поверхностью повисло белое

облачко. – Вы знакомы с Салли Чанг. Она только что закончила работу над полной картой передающих функций нейронов.

Они ждали продолжения. Убедившись, что Кришна больше ничего не добавит, Хиро сухо произнес:

– Ух ты.

– Подробнее, Криш. Не все способны увидеть Вселенную в одной песчинке так быстро, как ты.

– Кажется, очевидно. Полная генетическая карта мозга существует уже почти десятилетие. Теперь добавьте к этому химическую карту Чанг, и вы все равно что получаете ключ от библиотеки. Нет, больше того. Представьте, что вы всю жизнь провели в огромной библиотеке, полной книг на неизвестном вам языке, а теперь вы нашли словарь и программу чтения.

– Так что? Теперь мы полностью понимаем, как работает мозг?

– Мы полностью контролируем работу мозга. Посредством химического воздействия мы можем заставить каждого думать или чувствовать то, что нам хочется. Мы сможем мгновенно излечивать психические заболевания нетравматической природы. Мы сможем производить тонкую настройку агрессии, страстей, творческих способностей: усиливать, приглушать – все равно. Понимаете теперь, почему спонсоры так напуганы результатами наших исследований?

– Честно говоря, нет. Капелька здравомыслия миру не повредит, – сказал Гюнтер.

– Согласен. Но кто будет определять, что такое здравомыслие? Многие правительства считают признаки политического несогласия поводом для заключения в психиатрическую лечебницу. Это откроет двери мозга, позволит обследовать его снаружи. Впервые станет возможным выявлять невысказанный мятеж. Можно объявить вне закона те или иные мысли. Открываются необозримые возможности злоупотреблений.

И задумайтесь о применении в военных целях. Сочетание нашего открытия с некоторыми военными нанотехнологиями может привести к созданию газа-берсерка, позволит натравить вражескую армию на мирное население ее же страны. А еще проще – вызвать у них психическое расстройство и заставить уничтожить самих себя. И усмирять города, вызывая у жителей кататонию[17]. А потом можно создать для них вторую, внутреннюю реальность, которая позволит завоевателю использовать население как рабов. Всего не перечислить.

Они долго молчали, переваривая сказанное. Наконец Хиро произнес:

– Господи, Кришна, если *это* – открытые материалы, что же за дьявольщину вы скрываете?

– Этого я не могу вам сказать.

Через минуту Хиро снова ускакал вперед. У подножия следующего холма он отыскал неохватный валун, ушедший в почву узким концом, и заплясал вокруг, пытаясь подобрать хороший ракурс, в который не попали бы его собственные следы.

– Так в чем дело? – раздался из чипа голос Кришны.

– Дело в том, что я никак не могу с ней увидеться. С Екатериной. Я оставляю сообщения, но она на них не отвечает. И ты же знаешь наш городок – попробуй в нем не столкнуться с тем, кто по-настоящему хочет тебя увидеть. Но она умудряется.

Кришна промолчал.

– Я просто хочу понять, что происходит.

– Она тебя избегает.

– Но почему? То есть я люблю, а она нет, ты это хочешь сказать? То есть она морочит мне голову или как?

– Что она чувствует, я не могу сказать, не поговорив с ней. Но вполне вероятно, что она попалась так же крепко, как ты. Разница в том, что с твоей точки зрения это прекрасно, а с ее – нет. Так что, естественно, она тебя избегает. Встречи только помешают ей справиться со своими чувствами.

– Дерьмо!

В голос Кришны вкралась нотка неприязни.

– На тебя не угодишь. Минуту назад ты жаловался, что я считаю тебя машиной. Теперь ты недоволен, что Измайлова себя машиной не считает.

– Эй, ребята! Идите сюда. Я нашел отличный пейзаж. Вы должны взглянуть.

Обернувшись, они увидели Хиро, махавшего им с вершины холма.

– Ты, по-моему, собирался сматываться? – проворчал Гюнтер. – Тебя тошнило от Луны, и ты хотел улететь, чтобы никогда на нее не возвращаться. Как это ты так внезапно передумал?

– То было вчера! А сегодня я первопроходец, строитель миров, основатель династий!

– Это начинает надоедать. Нет ли способа получить от тебя прямой ответ?

Хиро высоко подпрыгнул и завис в довольно забавной позе – с растопыренными руками. Приземляясь, он пошатнулся.

– Мы с Аней решили пожениться!

Гюнтер с Кришной переглянулись: каждый смотрел в

непрозрачный визор другого. Гюнтер с вымученным энтузиазмом откликнулся:

– Что ты говоришь? Кроме шуток? Поздрав…

Затрещали помехи. Гюнтер поморщился и вырубил прием.

– Мой дурацкий приемник…

Один из двух его спутников – они уже сошлись, и на расстоянии он не мог их различить – указывал вверх. Гюнтер задрал голову, чтобы взглянуть на Землю. Он не сразу понял, на что смотреть, но через секунду увидел: ослепительно-яркую точку света на ночной стороне. Как маленькая яркая дыра в реальности где-то в континентальной Азии.

– Это что за чертовщина? – удивился он.

Хиро тихо ответил:

– По-моему, это Владивосток.

К тому времени, когда они вернулись в Центральный Залив, первая точка стала красной и потухла, зато вспыхнули две другие. В Обсерватории оператор отдела новостей выбивался из сил, пытаясь выделить главные новости из сумятицы слухов и предположений. Радиочастоты были забиты переговорами об ударах по Сеулу и Буэнос-Айресу. В этом никто не сомневался. Сведения об ударах по Панаме, Ираку, Денверу и Каиру оставались неподтвержденными. Невидимая ракета прошла низко над Хоккайдо и была отведена в Японское море. «Швейцарская Орбитальная» лишилась нескольких производств на спутниках. По поводу источника агрессии шли споры, и хотя подозрения в основном склонялись в одну сторону, Токио отрицал все.

На Гюнтера самое сильное впечатление произвел британский видеообозреватель, который сказал, что не важно, кто выстрелил первым и почему.

– Кого винить – Южный Альянс, Токио, генерала Кима или какую-нибудь подпольную террористическую организацию, о которой прежде никто и не слышал? Для мира, в котором пальцы лежат на взведенных курках, это вопрос несущественный. Первый же взрыв запустил автономные программы нанесения удара, называемого на официальном языке «ответным». Сам Горшов не сумел бы его предотвратить. Его тактическая программа выбрала трех наиболее вероятных агрессоров этой недели – по меньшей мере двое из них определенно невиновны – и нанесла ответный удар. Люди уже ничего не могли изменить.

Эти три государства в свою очередь нанесли «ответные удары». Их результаты мы только начинаем узнавать. Теперь предстоит пятидневное перемирие для переговоров между всеми заинтересованными сторонами. Откуда нам это известно?

Выдержки из всех основных оборонных программ содержатся в открытом доступе. Они не секретны. Их открытость, в сущности, является фактором сдерживания.

У нас есть пять дней, чтобы предотвратить войну, которая не нужна буквально никому. Вопрос в том, успеют ли политики и военные за пять дней обуздать собственные оборонные программы? И захотят ли? Учитывая вызванные последними событиями боль и гнев, застарелую ненависть, национальный шовинизм и естественную реакцию тех, чьи близкие уже погибли, возможно ли преодолеть все это, чтобы удержаться от тотальной войны? Наиболее информированные из наших источников предполагают, что невозможно. Нет, не успеют.

Доброй ночи, и да помилует нас всех Бог.

Они молча летели на север. Даже когда голоса в эфире смолкли, никто из них не заговорил. Наступал конец света, и все, что они могли сказать, показалось бы слишком мелким перед значением этого факта. Они просто летели домой.

Грунт вокруг Бутстрэпа был испещрен граффити, большими черными надписями, выбитыми на валунах. КАРЛ ОПС – ЭНДХОВЕН 49 и ЛУИЗА МАКТАЙГ АЛЬБУ-КЕРК и огромный глаз в пирамиде. Корона над надписью «АРСЕНАЛ – ЧЕМПИОН МИРА ПО РЕГБИ». КОРН-ПОУН. ПИ ЛЯМБДА ФИ. МОТОРИСТЫ. Гигант с дубинкой. Проходя над ними, Гюнтер отметил, что все надписи относятся к миру над головой, а не к порождениям Луны. То, что всегда представлялось пустяком, сейчас наполнило его невыразимой печалью.

От площадки хопперов до вакуумного гаража пешком было два шага. Они не стали вызывать транспорт.

Гараж, через который он проходил тысячу раз, сейчас показался Гюнтеру странно незнакомым. Он словно погрузился в собственную тайну, как если бы все, что в нем было, незаметно заменили точными копиями, двойниками, вставив в них что-то иное и непознаваемое. Ряды машин выстроились по ниточке вдоль нанесенных краской линий. Лучи света от ламп на потолке тянулись к полу и не дотягивались до него.

– Надо же, какая тишина! – Голос Хиро прозвучал неестественно громко.

Он был прав. Во всем пространстве грота-гаража не двигался ни один модуль, ни один обслуживающий робот. Даже маленькие течеискатели замерли неподвижно.

– Может, это из-за новостей, – пробормотал Гюнтер. Он обнаружил, что не готов говорить о войне прямо.

В дальнем конце гаража в ряд располагались пять воздушных шлюзов. Над ними в скале теплой полоской светилось желтое

окошко. Было видно, как в помещении за шлюзом расхаживает контролер.

Хиро махнул рукой, и маленькая фигурка за окном, наклонившись, махнула в ответ. Они собрались у ближайшего шлюза и стали ждать.

И ничего не дождались. Через несколько минут они отошли от шлюза, чтобы еще раз заглянуть в окно. Контролер был на месте и все так же неспешно прогуливался.

– Эй, – крикнул Хиро на открытой частоте, – ты, там! Ты работать собираешься?

Человек улыбнулся, кивнул им и снова помахал.

– Так открывай этот чертов люк. – Хиро шагнул вперед, и контролер, кивнув напоследок, склонился над пультом.

– Слушай, Хиро, – начал Гюнтер, – тут что-то не так…

Дверь рывком распахнулась, сорвавшись с половины петель. Воздух, как из пушки, вырвался наружу. Гараж мгновенно наполнился незакрепленными инструментами, частями скафандров и обрывками материи. Гюнтера зацепило гаечным ключом, развернув его и сбив с ног.

Он, оторопев, беспомощно наблюдал. Клочки и обломки на немыслимо долгое время зависли над полом. Наконец воздух рассеялся, и они медленно посыпались вниз. Гюнтер неуклюже поднялся, сквозь рукав потер плечо.

– Хиро, ты в порядке? Криш?

– О боже, – проговорил Кришна.

Гюнтер повернулся к нему. Кришна в тени ремонтной платформы склонился над чем-то, что никак не могло оказаться Хиро, потому что было совершенно неестественно выгнуто. Гюнтер прошел сквозь незнакомое сияние, опустился на колени рядом с Кришной и уставился на труп Хиро.

Когда контролер открыл шлюз, не откачав из него воздух, Хиро стоял прямо перед люком. Удар пришелся по нему. Его приподняло и отбросило на край платформы. Позвоночник был сломан, щиток визора разбит отдачей. Он, наверное, умер мгновенно.

– Кто здесь? – спросил женский голос.

Гюнтер не заметил, как в гараж въехало такси. Подняв взгляд, он увидел, как появляется второе, за ним третье. Из машин вылезали люди. Скоро в гараже набралось два десятка человек. Они разбились на две группы. Первая направилась прямо к шлюзам, вторая, поменьше, – к Гюнтеру и его друзьям. Все это чертовски напоминало военную операцию.

– Кто здесь? – повторила женщина.

Гюнтер поднял тело друга на руки и встал.

– Это Хиро, – тускло ответил он. – Хиро.

Они опасливо надвигались полукругом – цепь скафандров с непрозрачными щитками. Гюнтер читал логотипы корпораций на костюмах: «Мицубиси», «Вестингауз», «Хольц Орбитал». Среди них он увидел красно-оранжевый скафандр Измайловой и еще один, незнакомый, с ярким узором.

Женщина заговорила снова, напряженно и неуверенно:

– Скажи мне, как ты себя чувствуешь, Хиро?

Это была Бет Гамильтон.

– Он не Хиро, – сказал Кришна. – Он Гюнтер. Вот Хиро. У него на руках. Мы были в горах и… – Голос у него сорвался, он сбился и замолчал.

– Это ты, Кришна? – спросил кто-то. – Хоть в чем-то повезло. Пропустите его вперед, он нам понадобится на входе.

Кто-то взял Кришну за плечо и увел за собой.

Четкий голос по радио обратился к контролеру:

– Дмитрий, это ты? Говорит Син. Ты меня помнишь, правда, Дмитрий? Я Син Омстед. Я твой друг.

– Конечно, я тебя помню, Син. Я тебя помню. Как же я мог забыть друга? Конечно, помню.

– Вот и хорошо. Я очень рад. Слушай меня внимательно, Дмитрий. Все хорошо.

Негодующий Гюнтер переключил свое радио на передачу.

– Черта с два! Этот идиот!..

Коренастый мужчина в скафандре «Вестингауза» ухватил Гюнтера за больное плечо и встряхнул.

– Заткнись, кретин! – рявкнул он. – Дело серьезное. Нет времени с тобой нянчиться.

К ним протиснулась Гамильтон.

– Бога ради, Познер, у него на глазах только что… – Она осеклась. – Я о нем позабочусь. Он сейчас успокоится. Дай нам полчасика, хорошо?

Остальные переглянулись, кивнули и отступили.

К удивлению Гюнтера, Екатерина обратилась к нему через трансчип:

– Мне очень жаль, Гюнтер, – пробормотала она. И сразу пропала.

Он все еще держал на руках тело Хиро. Гюнтер заметил, что не может отвести взгляд от изуродованного лица друга. Лицо потемнело и разбухло, как переваренная сосиска. Он смотрел и не мог оторваться.

– Идем. – Бет подтолкнула его, чтобы вывести из оцепенения. – Положи тело в кузов того фургона и отвези нас к скале.

Гамильтон потребовала, чтобы машину вел Гюнтер. Он обнаружил, что ему стало легче, когда нашлось дело. Его руки были заняты управлением, а смотрел он вперед, отыскивая проезд к Мавзолею. Глаза щипало, они были нечеловечески сухими.

– По нам пришелся первый удар, – рассказывала Бет. – Диверсия. Мы только-только начали разбираться. Никто не знал, что вы на поверхности, а то мы послали бы кого-нибудь вас встретить. Здесь все вверх дном.

Он вел машину молча, с головой укрывшись, как одеялом, милями окружающего их жесткого вакуума. Присутствие тела Хиро в фургоне отзывалось постоянно ощутимым зудом между лопатками. Но пока он молчал, ему ничего не грозило – мир, несущий боль, оставался вовне. Он не касался Гюнтера. Он ждал, но Бет ничего не добавила к сказанному.

Наконец ему пришлось заговорить:

– Диверсия?

– Разрушение программ на радиостанции. Взрывы всех рельсовых пушек. Троих из «Микроспейскрафт Аппликэйшен» убило, когда рванула пушка «Бойцовый Кот». Думаю, это было неизбежно. Здесь столько военной промышленности, что неудивительно, если кому-то пришло в голову вывести нас за скобки. Но это еще не все. В Бутстрэпе что-то случилось с людьми. Что-то совершенно ужасное. Я была в Обсерватории, когда это произошло. Из «Новостей» позвонили туда, чтобы узнать, не остались ли резервные программы, которые помогли бы снова запустить станцию, а в ответ какая-то бессмыслица. Бред сумасшедшего. В Обсерватории нам пришлось отключить всех дистанционников, потому что операторы… – Бет плакала, тихо и безутешно, и прошла целая минута, прежде чем она смогла продолжить рассказ. – Какое-то биологическое оружие. Это все, что мы знаем.

– Мы на месте.

Только подъехав к утесу Мавзолея, Гюнтер вспомнил, что не захватил мотобур. Потом он увидел в скале десять темных ниш и понял, что кто-то позаботился заранее.

– Не пострадали только те, кто работал в Центре или в Обсерватории и еще кто был на поверхности. Всего около сотни.

Они обошли машину, остановились перед кузовом. Гюнтер подождал, но Бет не выразила желания понести тело. Почему-то это вызвало в нем вспышку гнева и отвращения. Он сдвинул запор на дверце, влез на протектор и извлек труп в скафандре.

– Давай кончать с этим.

До этого дня на Луне умерло всего шесть человек. Гюнтер

и Бет прошли мимо пещер, в которых ожидали вечности их тела. Гюнтер знал всех поименно: Хайссе, Ясуда, Спехальски, Дубинин, Миками, Кастильо. А теперь еще и Хиро. Невозможно было представить, что когда-нибудь мертвых станет слишком много, чтобы помнить все имена.

Маргаритки и тигровые лилии были разбросаны перед склепами так густо, что пришлось ступать прямо по цветам.

Они вошли в первую пустую нишу, и Гюнтер опустил Хиро на каменный стол, высеченный из скалы. В сиянии его нашлемного фонаря изломанное тело выглядело жалким и бесприютным. Гюнтер заметил, что плачет: горячие слезы текли по лицу и попадали в рот при вдохе. Он ненадолго отключил радио и сморгнул слезы с глаз.

– Дерьмо.

Он провел рукой по щитку шлема.

– Наверно, надо бы что-то сказать.

Гамильтон взяла его руку и сжала.

– Я никогда не видел его таким счастливым, как сегодня. Он собирался жениться. Он бегал вприпрыжку, смеялся и мечтал о семейной жизни. А теперь он мертв, а я даже не знаю, какой он веры. – Тут он вспомнил еще одно и беспомощно повернулся к Гамильтон. – Что мы скажем Ане?

– Ей не до того. Давай прочитай молитву и пойдем. У тебя кончается кислород.

– Да, ладно. – Он склонил голову. – «Господь Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться…»[18]

Оставшаяся в Бутстрэпе группа уже захватила шлюзы и увела контролера от панели управления. Работник «Вестингауза», Познер, взглянул на них через окно.

– Не вскрывайте скафандры, – предупредил он. – Они должны быть постоянно герметизированы. То, что поразило этого ублюдка, все еще вокруг нас. То ли в воде, то ли в воздухе. Один вдох, и вас вырубит. Поняли?

– Ясно, ясно, – буркнул Гюнтер. – Позагорать не светит.

Рука Познера на панели управления застыла.

– Давай там, соберись. Я тебя не впущу, пока не осознаешь, насколько серьезно положение. Это тебе не пикник. Если ты не готов помогать, обойдемся без тебя. Понятно?

– Мы все понимаем и готовы сделать все возможное, – торопливо заверила Гамильтон. – Верно, Уэйл?

Он с несчастным видом кивнул.

Взломан был только один шлюз, а между поверхностью и основным запасом воздуха Бутстрэпа имелись еще пять.

Конструкторы города не пренебрегали надежностью.

Под присмотром Познера они прошли по коридору, через шлюзы и раздевалки, к грузовому лифту. И наконец оказались в самом городе.

И замерли, хлопая глазами, на краю преисподней.

Невозможно было сразу определить, что именно создает упорное ощущение неправильности, притаившееся на краю сознания. В парке было полно народу, огни на стенах кратера и на куполе горели ярко, и водопады грациозно перетекали с уступа на уступ. В траве забавно подпрыгивали перепелки.

Потом стали проступать более мелкие детали. По четвертому уровню, шатаясь, двигался человек. Голова у него дергалась, он бешено размахивал руками. Мимо прошла пухлая женщина. Она катила пустую тележку от передвижной мини-фабрики и на ходу покрякивала, как утка. Кто-то сидел среди крошечного леса в парке Ногучи и выдергивал одно деревце за другим.

При ближайшем рассмотрении неподвижные фигуры внушали еще больше тревоги. Какой-то человек лежал, наполовину скрывшись в туннеле, спокойно и беззаботно, как собака. Три женщины застыли в расслабленных позах, как будто обессилев от отчаяния. И ни один человек не заговаривал с другими, ни взглядом, ни жестом не показывал, что замечает их присутствие.

– Что… – Что-то ударило Гюнтера в спину, сбило с ног. Оказавшись на земле, он осознал сперва, что его снова и снова бьют кулаками, а чуть позже – что тощий человечек, встав ему коленом на грудь, истерически вопит:

– Не делай так! Не делай так!

Гамильтон схватила человека за плечо и оттащила назад. Гюнтер поднялся на колени. Он видел перед собой само безумие: круглые от страха глаза, ужас на лице. Человек панически боялся Гюнтера.

Потом он резко вывернулся и бросился бежать, словно за ним гнались демоны. Гамильтон проводила его взглядом.

– Ты в порядке? – спросила она.

– Да, конечно. – Гюнтер поправил пояс для инструментов. – Пойдем поищем других.

Они направились к озеру, разглядывая погруженных в себя людей, усеявших траву. Мимо пробежала босая женщина. Она держала в руках охапку цветов.

– Эй! – окликнул Гюнтер.

Она мимоходом улыбнулась через плечо, но не замедлила бег. Гюнтер встречал ее раньше – одна из диспетчеров на «Мартин Мариетта».

– Они что здесь, все сошли с ума? – спросил он.

– Похоже на то.

Женщина добежала до берега и грациозным движением бросила цветы в воду. Они закачались на воде.

– Чертовски жаль.

Гюнтер помнил Бутстрэп, когда в городе еще не росли цветы. Он знал, каких трудов стоило получить разрешение на их посадку и изменения в городской экологии.

Вдоль берега озера пробежал человек в крупповском скафандре в синюю полоску.

Женщина, избавившись от цветов, сама бросилась в воду.

Сперва показалось, что она вдруг вздумала искупаться. Но когда она забарахталась, забила руками, попав на глубину, стало ясно, что плавать она не умеет.

Пока Гюнтер соображал, что происходит, Гамильтон бегом рванулась вперед, к озеру. Но мужчина в крупповском скафандре опередил обоих. Он с плеском прыгнул за женщиной, протянул руку и ухватил ее за плечо, но тут же поскользнулся и упал, потащив бедняжку за собой. Когда он вынырнул из воды, обхватив женщину, та побагровела и задыхалась.

Но Гюнтер и Бет уже влезли в воду, и втроем они доставили женщину на берег. Как только ее выпустили, она повернулась и ушла, будто ничего не случилось.

– Отправилась за новыми цветами, – пояснил компонент «Круппа». – Наша прекрасная Офелия уже третий раз пытается утопиться. И она не единственная. Я держусь поблизости, вытаскиваю, когда они бросаются в воду.

– Вы не знаете, где остальные? Кто командует? Отдает кто-нибудь приказы?

– Вам нужна помощь? – спросил Гюнтер.

Крупповский пожал плечами:

– Я обхожусь. А вот где остальные, понятия не имею. Когда я решил остаться здесь, мои приятели собирались на второй уровень. Если их увидите, передайте, что я не прочь получить от них весточку. Трое в крупповских скафандрах.

– Сделаем, – обещал Гюнтер.

Гамильтон уже уходила.

На ступеньке у самого верха лестницы распростерся один из знакомых Гюнтера, компонент «П-5».

– Сидни, – осторожно заговорил с ним Гюнтер, – как дела?

Сидни хихикнул:

– Я стараюсь, если ты об этом. Не думаю, что здесь особо важно «как».

– Понятно.

– Лучше бы спросил, почему я не на работе. – Он встал и вполне непринужденно пристроился рядом с Гюнтером. – Естественно, я не могу находиться в двух местах сразу. Ты бы не захотел ведь, чтоб тебе делали серьезную операцию в твое отсутствие? – Он снова хихикнул. – Это оксюморон. Как с лошадьми: эти классически прекрасные, как статуи Праксителя, тела извергают противоестественно длинное дерьмо.

– Понятно.

– Я всегда восхищался, сколько искусства они умудряются втиснуть в единый образ.

– Сидни, – сказала Гамильтон. – Мы ищем друзей. Троих мужчин в рабочих скафандрах в синюю полоску.

– Я их видел. Я точно знаю, куда они пошли. – Его глаза оставались пустыми и холодными, и непонятно было, куда именно он смотрит.

– Ты мог бы провести нас к ним?

– Даже цветок узнает свой лик.

Плавно изогнутая гравийная дорожка вела через частные огороды и крокетные площадки. Сидни повел их по ней.

На второй террасе было мало народу: с наступлением безумия большинство попрятались в пещеры. Из немногих оставшихся одни не замечали их, другие шарахались в стороны. Гюнтер поймал себя на том, что напряженно вглядывается в лица людей, пытаясь разобраться в отклонениях, ощущавшихся в каждом. В глазах притаился страх: пугающее сознание, что с ними случилось что-то ужасное, переплеталось с полным непониманием природы этого ужаса.

– Господи, эти люди!..

Гамильтон что-то проворчала.

Гюнтеру казалось, что он идет сквозь сновидение. Скафандр приглушал звуки, и цвета сквозь визор шлема казались менее яркими. Чудилось, будто его незаметно отдалили от мира, он был одновременно здесь и не здесь, и это ощущение усиливалось с каждым новым лицом, которое смотрело сквозь него безумными, невидящими, равнодушными глазами.

Сидни свернул за угол, перешел на бег и рысцой вбежал в устье туннеля. Гюнтер заторопился за ним. У входа в туннель он задержался, чтобы дать визору время приспособиться к новому освещению. Когда зрение прояснилось, он увидел, как Сидни шмыгнул в боковой проход. Гюнтер пошел за ним.

На пересечении туннелей они не увидели ни следа своего провожатого.

– Ты видела, куда он пошел? – по радио спросил Гюнтер у Гамильтон. Ответа не последовало. – Бет!

Он сделал несколько шагов по проходу, остановился и повернул обратно. Туннели тянулись далеко в глубину. По ним можно блуждать целую вечность. Гюнтер вернулся на террасы. Гамильтон он не увидел и здесь.

За неимением лучшего плана он пошел по дорожке. За живописным кустом остролиста его ожидало видение прямо из Уильяма Блэйка.

Мужчина, сбросив рубашку и сандалии, остался в одних шортах. Он настороженно и терпеливо восседал на большом камине, поедая помидор. Обрезок стальной трубы лежал у него на коленях, как посох или скипетр, а на голову он вместо венца намотал платиновую проволоку. С нее на лоб свисали драгоценные сверхпроводниковые чипы. Человек всем своим видом напоминал царственное животное.

Он спокойно, не моргая, уставился на Гюнтера.

Тот вздрогнул. В этом человеке человеческого оставалось меньше, чем в антропоиде – по-своему приспособленном, но лишенном разума. Казалось, он сквозь тысячелетия смотрит на обезьяноподобного предка, ожидающего пробуждения мысли. Гюнтера пронзил суеверный трепет. Так вот что происходит, если лишить мозг высших функций! Может быть, в каждом под самой кожей прячется архетип, ожидая только случая прорваться наружу?

– Я ищу приятельницу, – заговорил он. – Женщину в скафандре «Поколение-Пять», таком же, как у меня. Вы ее не видели? Она искала троих… – Он замолчал. Человек бессмысленно смотрел на него. – О, ладно…

Гюнтер отвернулся и пошел дальше.

Вскоре он утратил связность восприятия. Фрагменты бытия в разрозненных образах. Скрючившийся вдвое мужчина, восторженно тискающий резиновую уточку. Женщина, выскочившая, как чертик из табакерки, из-за регистратора уровня радиоактивности воздуха, визжит и машет руками. Старая приятельница распростерлась на земле, кричит, у нее сломана нога. Когда Гюнтер хотел ей помочь, она испуганно поползла от него. Он не решился ничего сделать из боязни навредить ей еще больше.

– Оставайся здесь, – сказал он женщине. – Я приведу помощь.

Пять минут спустя он понял, что потерялся и не сумеет найти ее снова. Он вышел к лестнице, ведущей обратно к озеру. Спускаться по ней не было смысла. И не было смысла не спускаться. Он пошел вниз.

Он как раз выбрался на нижний уровень, когда мимо пробежал человек в модном лавандовом скафандре.

Гюнтер крикнул по радиосвязи:

– Привет!

Лавандовый обернулся к нему, показав визор из пластинки обсидиана, но подходить не стал.

– Вы не знаете, где все? Я совсем растерялся. Как бы мне узнать, что надо делать?

Лавандовый скафандр нырнул в туннель.

Женский голос ответил:

– Попытайте счастья в конторе городского управления.

Контора городского управления была тесным помещением на восьмом километре туннеля, среди лабиринта административных и вспомогательных переходов. Управление никогда не играло большой роли в жизни города. Основной обязанностью градоправителя было поддерживать обеспечение водой и воздухом и следить за порядком проверки воздушных шлюзов – компьютер справился бы лучше, если бы только они решились доверить эту работу машине. Вероятно, здесь никогда еще не собиралось столько народу. Десятки людей в полном вакуумном снаряжении вливались сюда из холла, беспокойно прислушиваясь к голосу Екатерины, совещавшейся с Кризисной Управляющей Программой. Гюнтер протолкался вперед, насколько это было возможно, но и отсюда едва разглядел ее.

– …шлюзы, фермы и энергоносители; и отключили всех дистанционников. Что дальше?

ПК, подвешенный на рабочем поясе Екатерины, усиливал беззвучный голос программы:

– Теперь, когда восстановлен основной контроль, наибольшее внимание необходимо направить на производственный сектор. Следует закрыть и изолировать фабрики. Реакторы заглушить. Для их обслуживания недостаточно людей-контролеров. Производства снабжены программами консервации, доступными по запросу.

Третье: фермы недопустимо оставлять без обслуживания. Пятнадцать минут без кислорода приведут к полной гибели тиляпии. Морская тепловодная фауна еще менее устойчива. Следует немедленно назначить туда три опытных агрономических компонента. Если вы располагаете только неопытными компонентами, их число следует удвоить. Программы-руководства доступны. Какими ресурсами вы располагаете?

– К этому я вернусь позже. Что еще?

– А что с людьми? – воинственно спросил мужской голос. – Какого черта вы беспокоитесь о фабриках, когда люди в таком состоянии?

Измайлова резко повернулась к спросившему.

– Вы ведь из исследовательских компонентов группы Чанг, не так ли? Почему вы здесь? Вам что, нечем заняться? – Она огляделась, словно проснувшись. – Вы, все? Чего вы ждете?

– Вы нас так легко не прогоните! Кто это назначил вас генералом? Мы не обязаны подчиняться вашим приказам!

Зеваки беспокойно зашевелились, но остались на месте, косясь друг на друга. Их скафандры в тесноте были практически неразличимы, шлемы непроницаемы и невыразительны. Все это напоминало яйца, сложенные в инкубаторе.

Настроение толпы колебалось, в это мгновение достаточно было пушинки, чтобы склонить весы к ярости или покорности. Гюнтер вскинул руку.

– Генерал! – громко объявил он. – Рядовой Уэйл явился. Ожидаю приказаний. Что мне делать?

По толпе пробежал смешок, напряжение разрядилось. Екатерина сказала:

– Берите тех, кто поближе, и начинайте очищать административные помещения от затронутых ударом. Направляйте их на открытое пространство, там для них безопаснее. Убедившись, что комната или коридор пусты, запирайте их. Понятно?

– Да, мэм. – Он похлопал по ближайшему скафандру, и сосед кивнул.

Но попытавшись выйти, они обнаружили, что выход запружен толпой.

– Вы! – ткнула в кого-то пальцем Екатерина. – Отправляйтесь на фермы и загерметизируйте люки: там не должно быть никаких загрязнений. Все, кто имеет опыт работы с фабриками – таких, я думаю, среди нас большинство, – пусть найдут себе дистанционников и начинают сворачивать производство. КУП вам поможет указаниями. Кому нечего делать, собирайтесь группами и начинайте очищать коридоры. Как только мы выработаем более внятный план действий, я созову собрание. – Она помолчала. – Я еще что-то забыла?

К общему удивлению, ей ответила КУП:

– В городе находятся двадцать три ребенка: двое семилетних достигли неполного совершеннолетия, остальные моложе пяти лет – потомство постоянно зарегистрированных лунных компонентов. Действующие директивы требуют предоставлять детям особую заботу и защиту. Часовня на третьем уровне может быть преобразована в детский центр. Следует объявить, чтобы обнаруженных детей переводили в нее, и назначить надежного индивидуума для надзора за ними.

– Боже мой, конечно же! – Она повернулась к воинственно настроенному мужчине из Центра и приказала: – Исполняйте!

Помедлив, тот иронически отсалютовал и повернулся к выходу.

Это послужило сигналом. Толпа начала рассасываться. Гюнтер со своей напарницей – это оказалась Лиза Нагенда, такая же «земляная крыса», как он, – взялись за работу.

Годы спустя Гюнтер часто вспоминал то время, когда его жизнь вошла в темный туннель. Долгие кошмарные часы они с Лизой метались по кабинетам и складам, пытаясь вывести затронутых ударом из производственных районов на свет.

Затронутые им не содействовали.

Первые несколько помещений оказались пустыми. Только в четвертом обнаружилась женщина, рассеянно вытягивавшая ящики стола и папки, выбрасывая из них содержимое. Пол был устлан мусором.

– Что у вас тут, милая? – ласково заговорил с ней Гюнтер. Говорить приходилось громко, чтобы ей был слышен голос из шлема. – Что вы ищете?

Она повернула к нему лицо, улыбнулась шаловливо, обеими руками, высоко задрав локти, пригладила волосы, заложила за

уши выбившиеся пряди.

– Это не важно, все равно я наверняка найду. Появились два скарабея, и между ними пылающий солнечный круг – это добрый знак, не говоря уже об аналогии с сексом. Мне знаком секс, очень много секса, меня в девять лет за уборной изнасиловал король ящериц. А мне что? У меня тогда были крылья, я думала, что умею летать.

Гюнтер бочком придвинулся к ней.

– Вас трудно понять.

– Знаете, Толстой писал, что в лесу за его домом есть зеленая палочка, и когда ее найдут, все станут любить друг друга. Я считаю, эта зеленая палочка – основа материального существования. Вселенная существует в матрице четырех измерений, которые мы воспринимаем, и еще семи, недоступных нам, поэтому мы переживаем мир и братство как семилинейный зеленопалочковый феномен.

– Вы меня послушайте.

– Зачем? Вы скажете, что Гитлер мертв. Я не поверю в такую чушь.

– О, черт, – сказала Нагенда. – Что толку взывать к разуму тронутой. Просто бери ее за локти и выводи.

Это оказалось не так-то просто. Женщина их боялась. Она опасливо уклонялась от их рук. Когда они двигались медленно, она уворачивалась, а когда вдвоем бросились на нее, она перепрыгнула письменный стол и тут же забилась под него. Нагенда сгребла ее за ноги и потянула. Женщина взвыла и припала к коленям ее скафандра.

– Отцепись от меня! – рявкнула Лиза. – Гюнтер, сними с меня эту тронутую.

– Не убивайте меня! – вопила женщина. – Я всегда голосовала дважды, вы же знаете. Я сказала им, что вы гангстер, но я ошиблась. Не лишайте мои легкие кислорода!

Они вытащили женщину из кабинета и снова упустили ее, когда Гюнтер повернулся, чтобы запереть дверь. Она помчалась по коридору. Нагенда преследовала ее по пятам, но женщина нырнула в другой кабинет, и все началось сначала.

На то, чтобы выгнать женщину из коридоров и выпустить в парк, у них ушел час. Следующие трое после этого показались довольно простыми. Потом опять попался трудный, а пятой стала первая женщина, которая вернулась искать свой кабинет. Когда они снова вывели ее на открытое место, Лиза Нагенда заметила:

– Четыре психа на месте, осталось три тысячи восемьсот пятьдесят восемь.

– Слушай, – начал Гюнтер, и тут в его трансчипе зазвучал

голос Кришны. Он отчеканил:

– Всем немедленно пройти к центральному озеру для организационного собрания. Повторяю: немедленно пройти к озеру. Сейчас же выходите к озеру.

Он, вероятно, говорил через аварийный передатчик. Слышимость была плохой, голос в чипе гудел и прерывался.

– Ладно, ладно, все ясно, – сказала Лиза. – Можешь уже заткнуться.

– Пожалуйста, немедленно выходите к озеру. Всем пройти к центральному…

– Цыц ты!

Выбравшись в парк, они увидели, что в пространстве под куполом собралась толпа. И не только одетые в скафандры фигуры уцелевших. Все затронутые вытекали из туннелей и коридоров Бутстрэпа. Они слепо и неуверенно продвигались к озеру, словно вызванные из могил мертвецы. Нижний уровень был забит битком.

– Чтоб его! – недоверчиво пробормотал Гюнтер.

– Что происходит, Гюнтер? – спросила Нагенда.

– Это же трансчипы! Чтоб его, всего-то и надо было говорить с ними через чипы. Они сделают все, что велит им голос у них в голове.

Толпа была настолько густой, что Гюнтер с трудом отыскивал в ней другие скафандры. Вдруг он заметил на краю второго уровня фигуру в скафандре, которая махала ему обеими руками. Он махнул в ответ и начал пробиваться к лестнице. Когда он поднялся наверх, там уже собралась солидная группа уцелевших. К ним, привлеченные видом скафандров, присоединялись все новые и новые. Наконец Екатерина заговорила по открытому каналу своего шлемофона:

– Нет смысла ждать, пока соберутся все. Я думаю, вы достаточно близко, чтобы меня слышать. Сядьте и отдохните немного, вы это заслужили.

Люди стали устраиваться на травке. Кое-кто прямо в скафандрах растянулся на спине или на животе. Другие просто присели.

– По счастливой случайности мы открыли средство контролировать наших пострадавших друзей. – Послышались легкие аплодисменты. – Но перед нами еще много проблем, которые не решаются так просто. Не буду говорить об очевидном. Скажу о самом худшем. Если война на Земле перейдет в термоядерную стадию, мы окажемся целиком и полностью отрезанными, возможно, на десятилетия.

По толпе прошел тихий ропот.

– Что это означает для нас? Помимо простых неудобств: никакой роскоши, ни шелковых платьев, ни новых запасов семян, ни возвращения домой для тех, кто собирался вернуться на Землю, мы потеряем многое из жизненно необходимого. Вся аппаратура молекулярного синтеза поступала к нам со «Швейцарской Орбитальной». Запаса воды хватит на годы, но сколько-то ее уходит на коррозию и сколько-то – в вакуум, каждый раз, когда кто-то проникает через шлюз, а нам, чтобы выжить, необходимы и эти капли.

Но мы можем выжить. Мы способны добывать водород и кислород из реголита и сжигать их для получения воды. Собственный воздух мы уже производим. Без большей части наноэлектроники можно обойтись. Мы можем существовать, расти и процветать, даже если Земля… даже если случится худшее. Но для этого понадобятся все наши производственные мощности и все организованное наблюдение. Мы должны не только восстановить производство, но и найти способ вернуть наших людей. В ближайшие дни работы для всех хватит с головой.

Нагенда прислонила свой шлем к шлему Гюнтера и буркнула:

– Вот понесла!

– Не мешай, я хочу послушать.

– К счастью, Кризисная Управляющая Программа предусматривает подобную ситуацию. По ее данным, которые, возможно, неполны, я обладаю бóльшим военным опытом, чем кто-либо из сотрудников. Кто-нибудь желает это оспорить?

Она подождала, но никто не отозвался.

– На время чрезвычайного положения мы переходим к квазимилитаристской структуре. Исключительно в целях организации. Для офицеров не будет никаких привилегий, и военное управление будет распущено немедленно по разрешении самых насущных задач. Это главное.

Она заглянула в свой ПК.

– С этой целью я образую триумвират подчиненных мне офицеров, состоящий из Карлоса Диас-Родригеса, Миико Езуми и Вилла Познера. Им будут подчинены девять офицеров, каждый из которых отвечает за штат не более чем из десяти персон.

Она зачитала имена. Гюнтер попал в штат-4, группу Бет Гамильтон. Затем Екатерина сказала:

– Все мы устали. Группа сотрудников Центра закончила обеззараживание кухни и нескольких спальных помещений. Штаты один, два и три проработают еще четыре часа, затем получат полных восемь часов сна. Штаты с четвертого по девятый могут теперь вернуться в Центр, чтобы поесть и отдохнуть четыре

часа. – И она заключила: – Это все. Идите.

Отрывистые возгласы радости быстро стихли. Гюнтер встал. Лиза Нагенда дружески ущипнула его пониже спины, а когда он свернул направо, подцепила его под руку и потянула налево, к служебным лифтам, и непринужденно обняла за талию.

Он знавал парней, которые спали с Лизой, и все они говорили, что она не подарок: собственница, истерична и до смешного чувствительна. Но какого черта? Легче отдаться…

Он потащился за ней.

Дел было слишком много. Они работали до изнеможения – и не справлялись. Они налаживали систему узкочастотного радиопередатчика для КУП, восстанавливали микроволновую линию к Центру, чтобы оттуда могли более эффективно руководить их усилиями, – все мало. Они непрерывно организовывались и перестраивались. Но ноша была слишком тяжела, и без аварий не обходилось.

Половина уцелевших рельсовых пушек – небольших установок, предназначенных для выброса сырья и отработанного топлива в горы и за залив, – сильно пострадали, когда их алюминиевые рельсы спеклись под полуденным солнцем: не выставили вовремя экраны. Невесть сколько роботов-бульдозеров разбрелось от карьеров и, по всей видимости, пропали безвозвратно. Сколько именно, оставалось только догадываться, потому что инвентарные программы стерлись. Запасы продовольствия в Бутстрэпе не внушали доверия: пищу приходилось доставлять прямо с ферм через аварийные шлюзы. Неопытная работница не справилась со своим дистанционником, и десять баков с водными культурами выкипели в вакуум вместе с девятью тысячами мальков. По приказу Познера установки дистанционного управления срочно упаковали и перевезли в Центр. Когда их распаковали, почти у всех оказались повреждены балансиры манипуляторов.

Были и маленькие победы. Гюнтер в свою вторую вахту обнаружил на складе четырнадцать тюков хлопка и настроил сборщик на шитье лежаков для Центра. Можно было больше не спать на голом полу, и остаток дня он проходил в героях. В Центре не хватало туалетов; Диас-Родригес приказал снять туалеты из убежищ на фабриках. Уриэль Гарза обнаружил талант готовить вкусные блюда из минимума продуктов.

И все-таки они теряли позиции. Поведение затронутых не поддавалось прогнозу, и они были повсюду. Обезумевший системный аналитик, повинуясь голосу в голове, вылил в озеро несколько баррелей смазочных масел. Водные фильтры забило, и

пришлось на время ремонта перекрыть водопровод. Врач умудрился задушить самого себя проводами диагностера. Экосистема города сильно страдала от беспорядочного вандализма.

Наконец кто-то додумался запустить на передатчик петлю записи. «Я спокоен, – вещала она, – я безмятежен. Мне ничего не хочется делать. Я счастлив оставаться на месте».

Когда включилась передача, Гюнтер с Нагендой работали на ремонте водопровода. Подняв голову, он увидел, как Бутстрэп охватывает противоестественное спокойствие. Затронутые на всех террасах застыли в позах полного, совершенного безразличия. Только маленькие фигурки в скафандрах мелькали, как жучки, среди охваченных катотонией.

Лиза подбоченилась:

– Восхитительно! Теперь нам придется их еще и кормить!

– Слушай, не ной, а? Это первая хорошая новость уж не помню с каких пор.

– Ничего в ней хорошего нет, милок. Все то же самое.

Она была права, и облегчение не помешало Гюнтеру признать ее правоту. Одна бесконечная забота сменилась другой такой же.

Он устало забирался в скафандр для третьего рабочего дня, когда Гамильтон задержала его вопросом:

– Уэйл, ты что-нибудь понимаешь в электротехнике?

– Честно говоря, нет. То есть, конечно, я сумею наладить проводку грузовика или, может, починить микроволновое реле и тому подобное, но…

– Сойдет. Бросай, чем ты там занимаешься, и помоги Кришне установить систему контроля затронутых. Надо как-то управлять каждым в отдельности.

Они устроились в прежней лаборатории Кришны. Остатки старой системы безопасности еще действовали, так что спать здесь не разрешалось никому. Поэтому в комнате было на удивление чисто и прибрано, сплошь лабораторное оборудование орбитальной сборки с гладкими неразличимыми футлярами. Они словно вернулись в то время, когда суматоха и неразбериха еще не вторглись в город. Если бы не запах новых туннелей с оттенком свежерасколотого камня, можно было вообразить, что ничего не случилось.

Гюнтер стоял в установке телеприсутствия, направляя дистанционника по жилым помещениям Бутстрэпа. Они выглядели множеством разрозненных ячеек хаоса. Войдя в одну, он обнаружил слова: «Будда = космическая инерция», написанные на стене чем-то, очень похожим на человеческие

фекалии. Женщина, сидя на матрасе, горстями выдергивала из него набивку и подбрасывала в воздух. Хлопок свежевыпавшим снегом устилал комнату. В следующей квартирке было пусто и чисто, на полке поблескивал синтезатор.

– Ныне национализирую тебя именем Народной Продовольственной Республики Бутстрэпа и угнетенных масс всего мира, – сухо произнес Гюнтер. Модуль бережно взялся за аппарат. – Ты еще не закончил со схемой чипа?

– Уже немного осталось, – отозвался Кришна.

Они собирали образец контроллера. Задумали ввести код на каждый ПК, чтобы КУП могла определять владельца и обращаться к нему индивидуально. Снижая напряжение, они могли ограничить передающую способность ПК полутора метрами, так что каждый затронутый получал бы персональные приказания. Однако существующие чипы, чувствительные создания точнейшей «Швейцарской Орбитальной», не выдерживали перепадов напряжения. Их требовалось заменить.

– Все равно не понимаю, как ты рассчитываешь приспособить их к полезному делу. Мне казалось, нам нужны диспетчеры. Не надеешься же ты дождаться от них связных мыслей?

Кришна, склонившийся в три погибели над своим ПК, ответил не сразу. Наконец он заговорил:

– Знаешь, как йоги останавливают свое сердце? Мы этим занимались в аспирантуре. Мы попросили йога Прамананду остановить сердце, подключившись к нашим датчикам, и он великодушно согласился. Мы располагали новейшими энцефалографами, но оказалось, что самые интересные результаты дала ЭКГ.

Мы обнаружили, что сердцебиение йога не замедляется, как мы ожидали, а, наоборот, становится чаще и чаще, достигая физического предела. Тогда начиналась сердечная фибрилляция. Он не задерживал сердцебиение, а разгонял его. Сердце не останавливалось, а входило в спазм.

После опыта я спросил, известны ли ему эти факты. Он не ответил, наше открытие явно не показалось ему особенно интересным.

– Ты хочешь сказать?..

– Беда шизофреников в том, что в их голове слишком многое происходит одновременно. Слишком много голосов. Слишком много мыслей. Они не могут сосредоточить внимание на одной мысли. Но было бы ошибкой считать их не способными на сложные рассуждения. Просто их мозг работает с такой производительностью, что они не могут мыслить связно.

Трансчип добавляет им еще один голос, но этот голос звучит

громче и настойчивей других. Вот почему они его слушаются. Он прорывается сквозь шум, создает точку концентрации, служит основой, на которой кристаллизуются мысли.

Дистанционник открыл дверь конференц-зала в глубине административного туннеля. На столе выстроились в ряд восемь микросинтезаторов. Дистанционник добавил к ним девятый и вышел, заперев за собой дверь.

– Знаешь, – сказал Гюнтер, – неизвестно, нужны ли еще все эти предосторожности. Может, то, чем они нас отравили, уже ушло из воздуха. А может, оно и было не в воздухе, а в воде или еще в чем.

– Да нет, оно еще здесь, и более чем достаточно. Мы имеем дело с летучим шизомиметиком. Он должен держаться в воздухе до бесконечности.

– Шизомиметик? Это что за чертовщина?

Размеренным безразличным тоном Кришна пояснил:

– Шизомиметик является стратегическим несмертельным оружием сильного психического воздействия. Оно не только выводит из строя подвергшихся его воздействию, но и непропорционально увеличивает нагрузку на людские ресурсы и материальное обеспечение противника, вынужденного заботиться о затронутых его применением. Шизомиметик деморализует тех, кто наблюдает пораженных, и еще более – тех, кто о них заботится. Таким образом, это оружие дает большие стратегические преимущества.

Кришна словно зачитывал рабочую инструкцию.

Гюнтер обдумал услышанное.

– Значит, ты не по ошибке созывал собрание через чипы? Ты знал, что это сработает. Знал, что они повинуются голосу, звучащему у них в голове?

– Да.

– Это дерьмо сварганили здесь, в Центре, так? Об этом тебе не положено было говорить?

– В том числе.

Гюнтер отключил установку и сбросил окуляры.

– Черт бы тебя побрал, Кришна! Черт бы тебя побрал в самый ад, гнусный идиот!

Кришна, оторвавшись от работы, непонимающе взглянул на него.

– Я что-то не так сказал?

– Нет! Ты сказал все правильно – ты просто свел с ума четыре тысячи человек, чтоб тебя! Да очнись же и посмотри, что натворили ваши маньяки с их военными разработками!

– Это была не военная разработка, – сдержанно возразил

Кришна, проводя длинную кривую на своей схеме. – Но если чистая наука финансируется военными, военные находят военное применение ее результатам. Так уж устроен мир.

– Какая разница. Это случилось, и вы виноваты!

Теперь Кришна совсем отложил свой ПК и заговорил с несвойственной ему горячностью:

– Гюнтер, нам нужны были эти данные! Ты понимаешь, что мы пытаемся справиться с технологической цивилизацией с помощью мозга, сформировавшегося в неолите? Я говорю совершенно серьезно. Мы замкнуты в древней программе охотников-собирателей, а она больше не годится. Ты посмотри, что происходит на Земле. Они по пояс увязли в войне, которую никто не собирался начинать, которую никто не желает вести, и пятьдесят на пятьдесят, что ее никто не сумеет прекратить. Это надо изменить. Над этим мы и работали: над укрощением человеческого мозга. Мы хотели взнуздать его. Запрячь его.

Да, Гюнтер, наши исследования обратились против нас, но что значит еще одно оружие, когда его и так много? Не подвернись им нейропрограммирование, они нашли бы что-нибудь другое. Горчичный газ или плутониевую пыль. Если на то пошло, они могли просто пробить дыру в куполе и оставить нас всех задыхаться.

– Это все дерьмовые самооправдания, Кришна. Нет прощения тому, что вы сделали.

Негромко, но с огромной убежденностью Кришна ответил:

– Что бы ты ни сказал, я уверен, что наша работа – самая важная из всех, возможных на сегодняшний день. Мы должны взять власть над чудовищами, живущими в наших черепах. Мы должны научиться мыслить по-другому. – Он понурился. – Жаль только, что нам не удастся измениться, если мы не выживем. А чтобы выжить, мы должны сперва измениться.

Дальше они работали молча.

Гюнтер проснулся от беспокойного сна и обнаружил, что проспал только половину отведенного времени. Лиза храпела. Стараясь не разбудить ее, он натянул одежду и босиком прошлепал из ниши по коридору. В общей комнате горел свет и слышались голоса.

Когда он вошел, Екатерина подняла голову. Она побледнела и осунулась. Под глазами виднелись бледные круги. Она была одна.

– О, привет. А я как раз беседовала с КУП. – Она мысленно отключила ПК. – Садись.

Гюнтер подтянул стул и ссутулился над столом. Чтобы

вздохнуть, сидя напротив нее, требовалось небольшое, но ощутимое усилие.

– Так… как дела?

– Они собираются испытать вашу систему управления. Первая партия чипов поступит с фабрик примерно через час. Я собиралась дождаться испытаний, чтобы посмотреть, как они работают.

– Что, так плохо?

Екатерина, не глядя на него, покачала головой.

– Слушай, ты дожидаешься результатов, а я же вижу, как ты устала. Верно, от этих штук многое зависит.

– Больше, чем ты думаешь, – подтвердила она слабым голосом. – Я просматривала статистику. Ты представить не можешь, как плохи дела.

Он потянулся и взял ее холодную бледную руку. Она до боли сжала его ладонь. Их взгляды встретились, и он увидел в ее глазах все свои страхи и сомнения.

Не сказав ни слова, оба встали.

– Я одна в нише, – сказала Екатерина. Она не выпускала его руки, схватилась так крепко, словно собиралась держаться за нее всегда.

Гюнтер позволил ей увести себя.

Они занимались любовью, и тихонько говорили о пустяках, и снова занимались любовью. Гюнтер думал, что Екатерина задремлет после первого же раза, но слишком силен в ней был заряд нервной энергии.

– Скажи мне, когда будешь готов, – бормотала она. – Скажи, когда будешь готов.

Он замер.

– Почему ты всегда так говоришь?

Екатерина глянула на него остекленевшими глазами, и он повторил вопрос. Тогда она засмеялась низким гортанным смехом.

– Потому что я фригидна.

– А?!

Она взяла его ладонь, потерлась о нее щекой, потом пригнула голову, подставила шею и затылок. Он ощутил ладонью короткие прямые волосы, потом нащупал за ухом две шишки имплантированных биочипов. Один, понятно, трансчип, а вот второй…

– Это протез, – объяснила она. Ее серые глаза смотрели серьезно. – Он подключен к центру наслаждения. Я могу включить оргазм, когда захочу. Так что мы всегда можем

достигать пика одновременно.

Говоря, она плавно двигала под ним бедрами.

– Ты хочешь сказать, тебе на самом деле вовсе не требуется сексуальная стимуляция? Ты можешь вызвать оргазм по желанию. Когда едешь в автобусе, за письменным столом… Можешь просто включить эту штуку и наслаждаться часами подряд?

Она с усмешкой смотрела на него.

– Открою тебе тайну. Пока это было внове, я как раз этим и занималась. Как все. Из этого быстро вырастают.

Гюнтер, гордость которого была сильно уязвлена, спросил:

– Тогда что я здесь делаю? Раз у тебя есть эта штука, на черта тебе я? – Он сделал движение, чтобы отстраниться от нее.

Она снова притянула его к себе.

– Мне с тобой спокойно, – шепнула она. – И этого достаточно. Иди сюда.

Он вернулся к своему лежаку и стал собирать части скафандра. Лиза приподнялась, еще не проснувшись, и тут же накинулась на него:

– Ах, значит, теперь так?

– Ну, в общем, да. Я вроде как оставил кое-что незаконченным. Старая связь. – Он нерешительно протянул руку. – Без обид, а?

Не замечая его руки, она встала, голая и злая.

– И у тебя хватает наглости стоять здесь, не вытерев даже свой хрен, и говорить, мол, без обид? Дерьмо!

– О, брось, Лиза, ничего такого.

– Черта с два ничего! Накачался этой русской снежной королевой, и я уже в прошлом! Не думай, будто я ничего про нее не знаю.

– Я надеялся, мы можем остаться друзьями.

– Как мило! Додумался! – Она сжала кулачок и двинула ему в солнечное сплетение. На глазах у нее показались слезы. – Линяй отсюда быстро! Видеть тебя уже не могу.

Он ушел.

Но не уснул. Екатерина уже усердно трудилась над первыми рапортами о работе новой системы управления.

– Действуют! – воскликнула она.

Она натянула шелковую рубашку и взволнованно зашагала взад и вперед, голая ниже пояса. Волосы на лобке были как язык белого пламени, а почти невидимая полоска мелких волосков тянулась к пупку и тенью лежала в сладких складках ее паха. Как ни устал Гюнтер, он снова желал ее. Усталое, опустошающее

счастье.

– Ух! – Она крепко поцеловала его, без намека на секс, и вызвала КУП. – Вернуть все старые разработки. Мы возвращаем на работу затронутых. Изменить соответственно рабочее расписание.

– Выполняю указание.

– Как это влияет на долгосрочные перспективы?

Программа несколько секунд помолчала, обрабатывая данные. Потом сказала:

– Вы готовы вступить в очень опасную стадию восстановления. Переход от высокостабильной ситуации с низкими ожиданиями к высоконестабильной ситуации с высокими ожиданиями. Праздность вскоре вызовет у незатронутых компонентов недовольство вашим управлением.

– Что произойдет, если я оставлю этот пост?

– Перспективы катастрофически ухудшатся.

Екатерина склонила голову.

– Хорошо, какая из новых проблем вероятно окажется наиболее насущной?

– Незатронутые компоненты потребуют больше информации о войне на Земле. Они захотят немедленно организовать прием новостей.

– Я запросто могу наладить приемник, – вызвался Гюн-тер. – Дело нехитрое, только…

– Не смей!

– А? Почему нет?

– Попробую объяснить так, Гюнтер: какие две национальности у нас представлены больше всего?

– Ну, наверно, русские и… О!

– Вот именно. Думаю, пока лучше никому не знать наверняка, кто с кем воюет. – Она обратилась к КУП: – Как мне реагировать?

– Пока положение не стабилизировалось, у вас остается единственный выход: отвлекать внимание. Занять их мысли другим. Выслеживать саботажников и организовать суды над военными преступниками.

– Исключено. Никакой охоты за ведьмами, никаких козлов отпущения, никаких трибуналов. Мы все в одной лодке.

КУП бесстрастно возразила:

– Насилие – левая рука всякого правительства. Неразумно отказываться от него, не обдумав как следует.

– Я не желаю это обсуждать.

– Хорошо. Если вы желаете отложить на время применение силы, вы могли бы начать поиски оружия, примененного в Бутстрэпе, чтобы дать выход свободной энергии. Обнаружить и

идентифицировать его будет достаточно сложно, и для этого не обязательно кого-либо обвинять. При этом будет подразумеваться, что со временем возможно найти средство лечения, это повысит общий моральный уровень, не заставив вас прибегать к прямой лжи.

Устало, явно не в первый раз, она спросила:

– Надежды на их излечение нет никакой?

– Возможно все. Но при настоящем положении вещей такая вероятность исключена.

Екатерина прекратила разговор с КУП, мысленно отключив ПК, и вздохнула.

– Может быть, так и следует поступить. Разыграть поиски оружия. Пожалуй, из этого кое-что получится.

Гюнтер недоумевал:

– Но ведь это какое-то изобретение Чанг, разве нет? Какой-то там летучий шизомиметик, кажется?

– Где ты это услышал?! – вскинулась она.

– Ну, Кришна сказал… он ничем не намекнул… я думал, это всем известно.

Лицо Екатерины окаменело. «Программа!» – окликнула она мысленно.

КУП ожила:

– Готова.

– Определить местонахождение Кришны Нарасимхана, незатронутого, штат пять. Я хочу говорить с ним немедленно. – Екатерина подхватила трусики и шорты и лихорадочно начала одеваться. – Где эти чертовы сандалии? Программа! Скажи ему, чтобы ждал меня в общей комнате. Сейчас же.

– Принято.

К удивлению Гюнтера, у Екатерины ушел целый час на то, чтобы заставить Кришну подчиниться. Однако в конце концов молодой исследовательский компонент подошел к сейфу, позволил ему идентифицировать себя и распечатал хранилище.

– Защита не такая уж надежная, – виновато сказал он. – Если бы наши спонсоры знали, как часто мы просто оставляли его настежь, чтобы не возиться, когда надо что-то взять или положить, они бы… Да что теперь!

Он достал из шкафчика плоский металлический прямоугольник с ладонь величиной.

– Скорее всего, использовали это. Аэрозольная бомба. Биологический агент загружается сюда и распрыскивается при нажатии здесь, сзади. Давление позволяет рассеять действующее вещество на пятьдесят футов вверх. Остальное доделывают

воздушные потоки. – Он перебросил коробочку Гюнтеру, который с ужасом уставился на оказавшийся в его руках предмет. – Не беспокойся, не заряжено. – Он выдвинул плоский ящик, в котором поблескивали ряды хромированных цилиндриков. – В них содержится само вещество. Новейшие военные нанотехнологии. Я бы сказал, настоящий шедевр. – Он пробежал по ряду цилиндров кончиками пальцев. – Мы запрограммировали каждый на отдельный набор нейромедиаторов. Допамин, фенциклиды, норепинефрин, ацетилхолин, метэнкефалин, субстанция П, серотонин – вот в этом хранится сочный кусочек небесного блаженства… – Он постучал пальцем по пустому месту: – Вот здесь хранился потерянный кусок ада. – Он вдруг нахмурился и пробормотал: – Странно: почему не хватает двух цилиндров?

– Что такое? – переспросила Екатерина. – Я не расслышала, что вы сказали?

– О, ничего существенного. Гм, послушайте, возможно, мне стоит достать несколько схем биологических связей и показать вам, как это действует на уровне химии.

– Не стоит. Чем проще, тем лучше. Расскажите нам об этом шизомиметике.

На объяснения ушло больше часа.

Вещество представляло собой химическую фабрику размером с большую молекулу, нечто вроде молекулы-сборщика в молекулярном синтезе. Оно было заказано военными в надежде, что группа Чанг создаст взвесь, которую можно распылить на пути вражеской армии, чтобы заставить ее перейти на другую сторону. Пока Кришна объяснял, почему это невозможно, Гюнтер успел вздремнуть, и проснулся, когда крошечные фабрики уже оказались в мозгу.

– Это на самом деле не настоящая шизофрения, – объяснял Кришна. – Истинная шизофрения – прекрасный, сложный механизм. Это вещество вызывает скорее что-то вроде нарушения основных связей. Оно захватывает контроль над химией мозга и начинает выкачивать из него дофамин и еще несколько нейромедиаторов. По сути, это не нарушение. Оно просто заставляет мозг пуститься вскачь. – Он кашлянул. – Вы понимаете…

– Понятно, – сказала Екатерина. – Понятно. Вы сказали, что можете перепрограммировать эти штуки. Как?

– Мы используем термин: «мессенджер», передатчик информации. Они подобны нейромодуляторам – приказывают шизомиметическим веществам, что делать. – Он выдвинул следующий ящик, и голос его упал. – Они исчезли.

– Давайте по возможности держаться темы. Инвентарный

список проверим позже. Расскажите нам об этих агентах-мессенджерах. Вы можете изготовить их в достаточном количестве, чтобы заставить эти шизомиметики отключиться?

– Нет. По двум причинам. Первая: эти молекулы производились на «Швейцарской Орбитальной»: у нас нет фабрики, где их можно изготовить. Вторая: шизомиметикам невозможно приказать отключиться. В них нет выключателей. Они скорее напоминают катализаторы, чем механизмы. Их можно перестроить на изготовление различных веществ, но… – Он замолчал, и взгляд его затуманился. – Черт! – Он схватился за свой ПК, и на стене возникла схема химических связей мозга. Рядом с ней появился список основных функций нейронов. Потом еще одна схема, исчерканная символами поведенческих реакций. Скоро вся стена была заляпана таблицами.

– Э… Кришна?

– Отстаньте, – буркнул он, – здесь дело важное.

– Вы думаете, сумеете найти средство лечения?

– Лечения? Нет! Лучше, много лучше!

Екатерина с Гюнтером переглянулись.

Она спросила:

– Вам что-нибудь нужно? Приписать кого-нибудь вам в помощь?

– Мне нужны агенты-мессенджеры. Найдите их.

– Как? Где я их найду? Где искать?

– У Салли Чанг, – нетерпеливо отозвался Кришна. – Они наверняка у нее. Только она могла до них добраться. – Он схватил световой карандаш и накорябал на стене формулу.

– Я ее к вам вызову. Программа! Сообщи…

– Чанг затронутая, – напомнил ей Гюнтер. – Она попала под аэрозольную бомбу.

Которую, разумеется, сама привела в действие. Отличный способ избавиться от свидетеля, который мог бы указать на то правительство, которое ее использовало. Она, конечно, первой сошла с ума.

Екатерина ущипнула себя за нос и поморщилась.

– Я слишком долго не спала, – сказала она. – Хорошо, я поняла. Кришна, впредь вы занимаетесь только этим исследованием. КУП уведомит главу вашего штата. Дайте мне знать, если вам потребуется содействие. Найдите способ отключить это проклятое оружие. – Не замечая, как раздраженно он дернул плечом, она обратилась к Гюнтеру: – Я вывожу тебя из четвертого штата. Впредь отчитываешься прямо передо мной. Найди Чанг. Найди ее и найди эти мессенджеры.

Гюнтер совершенно вымотался. Он никак не мог вспомнить,

когда последний раз проспал восемь часов подряд. Но он надеялся, что у него получилась уверенная улыбка.

– Принято.

Сумасшедшая не должна уметь прятаться. Салли Чанг умела. Казалось бы, никому не удавалось скрыться от внимания КУП, которая теперь контролировала великое множество затронутых. Салли Чанг это удалось. КУП сообщила Гюнтеру, что никто из затронутых не знает местонахождения Чанг. Ей было приказано проводить учет через каждый час, пока та не обнаружится.

В стенах западных туннелей были устроены выемки, куда могла бы поместиться любая фабрика. Сюда вернули дистанционников, которыми теперь управляли почти двести затронутых, расположенных так, чтобы поля их приема не пересекались. Гюнтер проходил мимо них, прислушиваясь к шепоту КУП:

– Все бульдозеры учтены? В таком случае… убрать все бездействующие механизмы, их можно поместить… налипшую в вакууме пыль на верхней поверхности рельсов… уменьшить температуру, затем проверить, задействована ли подача кислорода…

На дальнем конце сидел в кресле один-единственный скафандр с прибором наблюдения на коленях.

– Как дела? – спросил Гюнтер.

– Лучше не бывает, – ответил ему голос Такаини. Они с Гюнтером вместе работали на микроволновой передаточной станции Фламмаприона. – Большая часть производств запущена и работает, еще немного, и приведем в действие рельсовые пушки. Ты не представляешь, какой мы здесь добиваемся эффективности.

– Хорошо, а?

Гюнтер по голосу понял, что Такаини улыбается.

– Трудолюбивые таракашечки.

Чанг Такаини не видел. Гюнтер прошел дальше.

Несколько часов спустя он устало сидел в парке Ногучи, глядя на перепаханную землю, оставшуюся от маленькой рощи. Не пощадили ни единого ростка: с лунной популяцией серебристой березы было покончено. В изгаженном маслом пруду плавал кверху брюхом карп. Берега теперь огородили цепочкой от затронутых. Времени взяться за очистку пока не нашлось, и, куда ни глянь, всюду валялся мусор. Это было грустно. Это напоминало Гюнтеру Землю.

Он знал, что пора встать и идти, но не мог себя заставить. Голова у него поникла, коснулась груди и дернулась вверх. Время

шло.

Какое-то движение заставило его обернуться. Мимо мелькнул модный лавандовый скафандр. Женщина, которая тогда направила его в контору управления.

– Привет! – окликнул ее Гюнтер. – Я тогда нашел всех, где вы сказали. Спасибо! А то я уже начинал паниковать.

Лавандовый костюм обернулся к нему. В черном стекле отразилось солнце. После долгой минуты молчания она отозвалась:

– Не стоит благодарности. – И заспешила дальше.

– Я ищу Салли Чанг. Вы ее не знаете? Не видели, где она? Она из затронутых, такая маленькая женщина, яркая, любит цветную одежду, броскую косметику и все такое.

– Боюсь, я не могу помочь. – Лавандовая несла в руках три кислородных баллона. – Хотя вы могли бы поискать на базаре. Там много ярких тканей.

Она нырнула в отверстие туннеля и скрылась в нем.

Гюнтер рассеянно посмотрел ей вслед, покачал головой. Он очень, очень устал.

Базарчик выглядел так, словно над ним пронеслась буря. Навесы сорваны, прилавки опрокинуты, товары разграблены. Под ногами хрустели осколки зеленого и оранжевого стекла. Среди общего разгрома нетронутой торчала стойка с итальянскими шарфами, стоимостью с годовое жалованье. Понять это было невозможно. По всему базару усердно трудились затронутые. Они нагибались и распрямлялись, поднимая обломки, они подметали. Одного колотил человек в скафандре.

Гюнтер моргнул. Неужели это происходит в действительности? Женщина корчилась под ударами, дико вскрикивала, пыталась увернуться. Под одним из поставленных на место навесов, в тени радужного шелка, отдыхали у стойки еще четыре скафандра. Ни один из них и не подумал прийти на помощь женщине.

– Эй! – заорал Гюнтер. Он неожиданно застеснялся, словно его вдруг вытолкнули на середину сцены, не объяснив ни роли, ни сюжета. – Прекратите!

Скафандр повернулся к нему. Одна перчатка продолжала сжимать тонкое предплечье женщины.

– Пошел вон, – проворчал по радио мужской голос.

– Ты что это вытворяешь? Кто ты такой? – Мужчина носил скафандр «Вестингауза», таких среди незатронутых было около дюжины. Но Гюнтер вспомнил бурое выжженное пятно в форме почки на брюшной панели.

– Познер, это ты? Отпусти женщину!

– Какая это женщина, – сказал Познер. – Ты на нее посмотри – она и не человек даже. Она затронутая.

Гюнтер установил шлем на запись.

– Я все записываю, – предупредил он. – Еще один удар – и Екатерина это увидит. Честное слово.

Познер выпустил женщину. Она секунду-другую стояла, как оглушенная, потом голос в ПК снова подчинил ее. Она нагнулась, подняла метлу и вернулась к работе.

Отключив шлем, Гюнтер спросил:

– Ладно. Что она сделала не так?

Познер в негодовании выставил вперед ногу и сурово указал на нее.

– Она обоссала мне ботинок.

Скафандры под навесом с любопытством наблюдали за спором. При этих словах они разразились хохотом.

– Сам виноват, Вилл! – крикнул кто-то из них. – Я же говорил, что надо отводить им больше времени на личную гигиену.

– Подумаешь, малость сырости. Выкипит при первой прогулке в вакуум.

Но Гюнтер не слушал их. Он смотрел на затронутую, избитую Познером, и гадал, почему до сих пор не узнал в ней Аню. Правда, губы у нее поджались, лицо было сведено беспокойной гримасой, как будто заводной ключ у нее в затылке перекрутили на три лишних оборота. И плечи тоже ссутулились. Но все же…

– Мне очень жаль, Аня, – сказал он. – Хиро погиб. Ничего нельзя было сделать.

Она продолжала водить метлой, все забывшая и несчастная.

Он успел на последний подкидыш смены и на нем добрался до Центра. Приятно было вернуться домой. Миико Езуми решила, что внешние фабрики обойдутся без кислорода и избытков воды, и теперь в скальной нише устроили душевую. К ней выстраивалась длинная очередь, на мытье отводилось всего три минуты, и мыла не было, но никто не жаловался. Кое-кто, чтобы пополоскаться подольше, забивался в кабину компаниями по двое, по трое. В очереди на их счет отпускали грубые шуточки.

Гюнтер вымылся, нашел себе чистые шорты и футболку «Главкосмоса» и пошлепал босиком через зал. Он остановился перед дверью общей комнаты, слушая, как за столом обсуждали самых колоритных тронутых, с которыми сегодня пришлось столкнуться.

– А вы видели Мышиного Охотника?

– А Офелию?

– И Папу!

– И тетку-утку!

Все искренне веселились. В комнате расцветало теплое чувство товарищества, которое склонный к сентиментальности отец Гюнтера называл Gemütlichkeit[19]. Гюнтер вошел.

Лиза Нагенда подняла улыбающееся до ушей лицо – и застыла. На скулах у нее шевельнулись желваки.

– А вот и персональный шпик Измайловой.

– Что?

От этого обвинения у Гюнтера перехватило дыхание. Он беспомощно огляделся. Никто не захотел встретиться с ним взглядом. И все молчали.

Лиза от ярости стала серой.

– Ты меня слышишь? Это ведь ты настучал на Кришну, так?

– Что ты несешь? Что за дурь у тебя в голове, если… – Он с трудом справился с собой. Нет смысла отвечать истерикой на истерику. – Тебя не касается, что связывает или не связывает меня с Измайловой. – Он обвел взглядом компанию. – Вы не заслуживаете, чтобы я вам говорил, но Кришна работает над лекарством. Если какие-то мои слова или действия помогли вернуть его в лабораторию, пусть будет так.

Она с надменной улыбочкой спросила:

– А как ты оправдаешься за донос на Познера?

– Я не…

– Все уже слышали! Ты сказал ему, что намерен отправиться прямиком к своей драгоценной Измайловой со своими снимочками на шлем.

– Послушай, Лиза… – начал Такаини.

Она отмахнулась.

– А ты знаешь, что сделал Познер? – Гюнтер погрозил пальцем Лизе. – А? Знаешь? Он избивал женщину! Аню! Он избивал Аню у всех на виду!

– Ну и что? Он ведь один из нас. Не какой-нибудь вонючий, пускающий слюни пустоглазый тронутый зомби!

– Ах ты сука! – Гюнтер в ярости потянулся через стол к Лизе. – Я тебя убью, честное слово!

Он метнулся вперед, и народ шарахнулся от него, началась суматоха. Познер протиснулся к Гюнтеру, встал перед ним, растопырив руки, мужественно выпятив челюсть. Гюнтер кулаком ударил его в лицо. Познер ошеломленно пошатнулся. У Гюнтера заныли костяшки пальцев, но чувствовал он себя на удивление хорошо. Если все вокруг сошли с ума, почему ему нельзя?

– Только попробуй! – выкрикнула Лиза. – Я с самого начала поняла, что ты из этих.

Такаини утащил ее в одну сторону, Гамильтон, обхватив Гюнтера за плечи, оттянула его в другую. Двое друзей удерживали Познера.

– Я тобой по горло сыт! – заорал Гюнтер. – Дешевка!

– Вы слышали? Слышали, как он меня назвал!

Их, вопящих, поспешно вытолкали в противоположные двери.

– Все в порядке, Гюнтер. – Бет запихнула его в первую попавшуюся нишу. Он свернулся у стены и лежал, закрыв глаза и дрожа. – Все уже хорошо.

Но ничего хорошего не было. Гюнтер внезапно понял, что, кроме Екатерины, у него не осталось друзей. Настоящих друзей, близких друзей. Как это вышло? Как будто все вдруг стали оборотнями. Те, кто не потерял разума, все равно были чудовищами.

– Я не понимаю.

Гамильтон вздохнула:

– Чего ты не понимаешь, Уэйл?

– Как люди… как мы все относимся к затронутым. Когда Познер бил Аню, рядом были еще четверо скафандров, и ни один пальцем не пошевелил, чтобы его остановить. Ни один! И я тоже такой, что толку притворяться, что я лучше других! Мне хотелось пройти мимо, как будто я ничего не видел. Что с нами происходит?

Гамильтон пожала плечами. Темные короткие волосы, простое круглое личико.

– Я в детстве ходила в довольно дорогую школу. В каком-то классе они нам устроили один из этих экспериментов, которые якобы обогащают личность. Знаешь? Дают жизненный опыт. Нас разделили на две группы: «заключенные» и «охрана». «Заключенным» не полагалось покидать отведенные им помещения без дозволения «охраны», «охрана» получала более вкусные завтраки… все такое. Очень простые правила. Я была в «охране».

Мы почти сразу начали помыкать «заключенными». Мы их толкали, орали на них, заставляли строиться в шеренги. Самое поразительное, что «заключенные» нам это позволяли. Их было пятеро на одного «охранника». И нам даже не было позволено делать то, что мы делали. Но ни один из них не пожаловался. Никто из них не встал и не сказал: «Нет, вы не смеете этого делать». Они поддерживали игру.

А через месяц эксперимент свернули и провели семинар по его результатам: истоки фашизма и тому подобное. Почитай Ханну Арендт[20]. Тем все и кончилось. Если не считать, что моя

лучшая подруга навсегда перестала со мной разговаривать. Я, понятно, не могу ее винить. После того, что я сделала.

Что я на самом деле поняла? Что люди играют ту роль, которая им досталась. Они делают это, не сознавая, что они это делают. Возьми любое меньшинство, объяви их на особом положении, сделай из них «охрану» – они станут играть «охранников».

– Так что же делать? Как нам вырваться из тех ролей, которые мы играем?

– Если б я знала, Уэйл. Если б я знала!

Екатерина перебралась в нишу на дальнем конце нового туннеля. В этом туннеле не было других помещений, так что ей обеспечили некоторое уединение. Подходя, Гюнтер расслышал через свой трансчип перебиваемый помехами голос:

– …Сообщают об нанесенном ударе. Официальный представитель в Каире запросил… – Передача прервалась.

– Ого! Вы восстановили… – Он осекся. Будь радиосвязь восстановлена, он знал бы. В Центре об этом заговорили бы. А значит, радиосвязь и не была полностью прервана. Просто КУП контролировала прием.

Екатерина посмотрела на него. Лицо было заплаканным, но она уже взяла себя в руки.

– «Швейцарской Орбитальной» больше нет! – прошептала она. – Они забросали их всем, чем только можно, от программных бомб до алмазного щебня. Разнесли верфи в пыль.

Видение множества погибших помешало ему услышать следующую фразу. Он опустился на лежак рядом с ней.

– Но это значит…

– Не осталось кораблей, на которых можно до нас добраться. Да. Если какой-нибудь корабль не находился в это время в пути, мы застряли здесь.

Гюнтер обнял ее. Она как будто озябла и дрожала. Влажная кожа покрылась мурашками.

– Когда ты в последний раз спала? – резко спросил он.

– Я не могу…

– Ты на подключке, да?

– Мне нельзя спать. Пока нельзя. Потом.

– Екатерина, энергия, которую дает тебе подключка, не даровая. Она выкачивается из твоего же тела. Когда ты отдыхаешь, она восстанавливается. Но если ты непрерывно используешь подключку, то можешь довести себя до комы.

– Я не… – Она запнулась и смешалась, в глазах мелькнула неуверенность. – Наверно, ты прав. Мне не мешало бы отдохнуть.

Ожила КУП:

– Штат девять сооружает радиоприемник. Езуми им позволила.

– Дерьмо, – выругалась Екатерина, подскакивая. – Мы можем им помешать?

– Действия против проекта, пользующегося всеобщей популярностью, подорвут ваш кредит доверия, терять который вы не можете себе позволить.

– Ладно. Как свести к минимуму?..

– Екатерина, – напомнил Гюнтер, – ты собиралась поспать.

– Секундочку, малыш. – Она похлопала по лежаку. – Ты приляг здесь и подожди меня. Ты и вздремнуть не успеешь, как я разберусь и вернусь. – Она нежно поцеловала его, чуть задержалась. – Все в порядке?

– Да, конечно. – Он вытянулся и закрыл глаза, всего на секундочку.

Когда он проснулся, пришла пора выходить на вахту. Екатерины не было.

После удара по Владивостоку прошло пять дней. Но за это время все так изменилось, что прошлое вспоминалось как иной мир. «В прошлой жизни я был Гюнтером Уэйлом, – думал он. – Я жил, работал, иногда веселился. Неплохая тогда была жизнь».

Он все еще искал Салли Чанг, хотя надежды оставалось все меньше. Теперь, заговаривая со скафандром, он каждый раз спрашивал, не нужна ли его помощь. Все чаще оказывалось, что не нужна.

Часовня на третьем уровне представляла собой неглубокую чашу, открывающуюся на стену террасы. На дне за оградкой цвели тигровые лилии, между камнями шмыгали бирюзовые ящерки. Внизу дети играли в мяч. Гюнтер стоял наверху, болтая с грустной Риохи Иомато.

Дети отложили мяч и стали танцевать. Гюнтер с улыбкой наблюдал за ними. Они играли в «Лондонский мост». Сверху они казались просто цветными пятнышками, распускающимися и закрывающимися цветами. Потом его улыбка поблекла. Слишком хорошо они танцевали. Ни один не сбился с ритма, не перепутал ногу, не заскучал и не отошел в сторонку. У них были самоуглубленные, стянутые, нечеловеческие лица. Гюнтеру пришлось отвернуться.

– Их контролирует КУП, – сказала Иомато. – Мне на самом деле почти нечего делать. Я просматриваю видео, подбираю им игры и песенки, упражнения, полезные для здоровья. Иногда занимаю их рисованием.

– Господи, как ты это выдерживаешь?

Иомато вздохнула:

– Мой старик был алкоголиком. Ему выпала довольно трудная жизнь, и в какой-то момент он начал пить, чтобы забыть о ней. И знаешь что?

– Это не помогло.

– Точно. Он стал еще несчастнее. И у него стало еще больше причин напиваться. Он был упорным, этого у него не отнимешь. Не из тех, кто отступается от средства, в которое поверил, просто потому, что оно не работает.

Гюнтер промолчал.

– Думаю, воспоминание о нем – единственное, что не дает мне снять шлем и присоединиться к ним.

Корпоративный видеоцентр состоял из ряда кабинетов в дальнем туннеле. Здесь изготавливались сырые заготовки для рекламы и рабочие информационные ролики. Потом они пересылались на Землю для окончательной обработки и шлифовки. Гюнтер переходил из кабинета в кабинет, отключая экраны, которые так и мигали здесь со дня катастрофы. Неприятно было видеть пустыми комнаты, где прежде всегда толпился народ. Столы и терминалы остались в рабочем беспорядке, как будто хозяева просто вышли перекусить и собирались через минуту вернуться. Гюнтер поймал себя на том, что все время оборачивается, чтобы не выпускать из виду свою тень, и вздрагивает от неожиданных звуков. С каждой отключенной машиной тишина становилась еще ощутимее. Здесь было куда более одиноко, чем на поверхности.

Он выключил свет в последнем помещении и вышел в полумрак коридора. Из темноты перед ним выросли два скафандра с логотипами из переплетенных «Х» и «А». Гюнтер испуганно отскочил. Скафандры, конечно, были пустыми: среди незатронутых не осталось никого из «Хюндай Аэро». Просто кто-то, прежде чем потерять память, оставил здесь свои скафандры на временное хранение.

Скафандры вцепились в него.

– Эй! – в ужасе вскрикнул Гюнтер, когда они стиснули его за локти и оторвали от пола. Один поймал и сорвал с пояса его ПК. Он не успел опомниться, как его протащили по короткой лестнице и втолкнули в дверной проем.

– Мистер Уэйл.

Он оказался в помещении с высоким потолком, вырубленном в скале, для установки еще не собранных воздухоочистителей. Цепочка подвешенных к потолку рабочих лампочек тускло

освещала пространство. В дальнем конце помещения за письменным столом сидел человек в скафандре. По бокам его стояли еще двое, все – с логотипами «Хюндай Аэро». Ни одной приметы, позволявшей опознать людей.

Захватившие его скафандры скрестили руки на груди.

– Что здесь происходит? – спросил Гюнтер. – Кто вы такие?

– Вы – последний человек, которому это следует знать. – Он не мог определить, который из них говорит. Голос доносился по радио, электронный фильтр делал его бесполым и безличным. – Мистер Уэйл, вы обвиняетесь в преступлениях против своих сограждан. Вы можете что-либо сказать в свою защиту?

– Что? – Гюнтер оглядел собравшихся. Скафандры были совершенно одинаковыми, не отличить друг от друга, и он вдруг испугался того, что могут совершить люди, скрытые броней анонимности. – Слушайте, вы не имеете права. Есть действующая система управления, в нее и жалуйтесь.

– Не все довольны правлением Измайловой, – сказал судья.

– Однако она контролирует КУП, а Бутстрэп не может существовать без затронутых, которых контролирует КУП, – добавил другой.

– Нам просто приходится действовать в обход Измайловой.

Может быть, это сказал судья, может быть, другой скафандр: Гюнтер их не различал.

– Вы желаете выступить в свою защиту?

– А в чем именно меня обвиняют? – в отчаянии заговорил Гюнтер. – Ладно, может, я и сделал что-то не так, признаю это. Но, может, вы просто не понимаете, в каком я положении? Вы об этом подумали?

Молчание.

– Я хочу знать: что вас рассердило. Это из-за Познера? Так я об этом не жалею. И не стану извиняться. Нельзя так обращаться с людьми только оттого, что они больны. Все равно они люди, как все остальные. У них такие же права.

Молчание.

– Но если вы считаете меня каким-то шпионом, что я, мол, бегаю к Ек… к Измайловой стучать на кого-то, так это просто неправда. То есть я с ней разговариваю, этого не отрицаю, но я не какой-нибудь там шпион. У нее и нет никаких шпионов. Они ей не нужны! Она просто пытается не дать всему развалиться, вот и все.

Господи, вы бы знали, как ей досталось! Вы что, не видите, сколько сил она тратит? Она больше всего на свете хотела бы все бросить. Но ей приходится держаться, потому что…

Жуткий электронный визг, ворвавшийся в его приемник,

заставил его остановиться. Гюнтер понял, что над ним смеются.

– Кто-нибудь еще желает высказаться?

Один из захвативших Гюнтера выступил вперед.

– Ваша честь, этот человек называет шизиков людьми. Он не замечает, что они не способны выжить без нашей поддержки и указаний. За их благополучное существование приходится платить нашими неустанными трудами. Он сам осудил себя. Я прошу суд избрать наказание, достойное преступления.

Судья обернулся вправо, влево. Двое за его плечами кивнули и отступили назад. Стол стоял в устье будущей вентиляционной шахты. Гюнтер успел сообразить это прежде, чем они появились из темноты, увлекая за собой кого-то, одетого в скафандр «П-5», такой же, как у него самого.

– Мы могли бы убить вас, мистер Уэйл, – проскрипел электронный голос, – но это было бы расточительством. Нам нужны все руки, все головы. Во время бедствия нам необходимо держаться вместе.

«П-5» остался один посреди помещения и стоял неподвижно.

– Смотрите внимательно.

Два «Хюндая» с двух сторон подступили к «П-5». Четыре руки быстро справились с застежками шлема. Они умело откинули крепления и сняли шлем. Это случилось так быстро, что человек в скафандре не успел бы им помешать, даже если бы захотел.

Под шлемом открылось испуганное, непонимающее лицо затронутого.

– Здравый рассудок, мистер Уэйл, это привилегия, а не право. Вы признаны виновным. Однако мы не жестоки. На этот раз вы отделаетесь предупреждением. Но и положение чрезвычайное. При малейшей провинности впредь – например, если вы доложите об этой встрече нашей маленькой генеральше, – мы можем обойтись без формальностей судебного заседания. – Судья выдержал паузу. – Я выражаюсь достаточно ясно?

Гюнтер неохотно кивнул.

– Тогда вы можете удалиться.

На выходе один из скафандров вернул ему его ПК.

Пять человек. Он был уверен, что их не больше того. Может, есть еще один или двое, но это все. Познер наверняка по уши в деле, в этом Гюнтер не сомневался. Остальных легко будет вычислить.

Но он не решился даже попытаться.

Когда кончилась его смена, он застал Екатерину спящей. Она осунулась и казалась больной. Он опустился на колени и легонько провел ей по щеке тыльной стороной ладони.

Веки у нее вздрогнули и открылись.

– О, привет. Я не хотел тебя будить. Спи дальше, а?

Она улыбнулась.

– Ты чудесный, Гюнтер, но я все равно только прилегла чуточку вздремнуть. Через пятнадцать минут вставать. – Она снова прикрыла глаза. – Ты единственный, кому я еще могу доверять. Мне все лгут, скармливают дезинформацию, молчат обо всем, что мне нужно знать. Только с тобой я могу рассчитывать, что ты мне что-то скажешь.

«У тебя есть враги, – подумал он. – Они прозвали тебя маленькой генеральшей, и им не нравится, как ты ведешь дело. Они еще не готовы выступить против тебя напрямик, но строят планы. И они ни перед чем не остановятся».

Вслух он сказал:

– Спи дальше.

– Они все против меня, – пробормотала она. – Сучьи ублюдки.

Следующий день он потратил, обходя служебные помещения, где собирали новые воздухоочистители. Он обнаружил гнездо затронутого-одиночки, сооруженное из обрывков скафандров, но, проконсультировавшись с КУП, решил, что оно уже несколько дней пустует. Салли Чанг не было и следа.

Если до встречи с судом бродить по запечатанным помещениям было жутковато, то теперь стало много хуже. Враги Екатерины заразили его страхом. Рассудок говорил, что они не станут его подстерегать, что ему не о чем беспокоиться, пока он снова не вызовет их неудовольствия. Но подсознание не слушало голоса рассудка.

Время едва ползло. Когда к концу вахты он наконец вышел на свет дня, в голове было пусто. От долгих часов одиночества он словно выпал из действительности. Поначалу Гюнтер не заметил ничего необычного. Потом радиопередатчик наполнился голосами, вокруг заспешили куда-то люди. Народ радостно гудел. Кто-то даже напевал.

Он остановил первый попавшийся скафандр и спросил:

– Что происходит?

– А ты еще не слышал? Войне конец! Они заключили мир. И к нам идет корабль!

Большую часть долгого перелета к Луне «Женевское озеро» поддерживал режим радиомолчания из страха перед оружием дальнего радиуса действия. Зато как только установился мир, они открыли прямую передачу на Бутстрэп.

Люди Езуми поставили затронутых сшивать огромный

хлопковый квадрат, чтобы повесить его на затененной стене кратера. Затем, выключив общий свет, на этот экран дали изображение. Швейцарские космонавты, ухмыляясь во весь рот, приплясывали перед камерой, напялив полотняные костюмы и красные ковбойские шляпы. Они рассказывали о бегстве от самонаводящихся снарядов, перебивали друг друга звучными молодыми голосами.

Перед хлопковым квадратом собрались старшие офицеры. Гюнтер узнал их по скафандрам. Из установленных на места громкоговорителей прогремел голос Екатерины.

– Когда вы прибываете? Мы должны удостовериться, что на посадочной площадке все чисто. Сколько осталось часов?

Светловолосая женщина, подняв вверх пять пальцев, ответила:

– Сорок пять.

– Нет, сорок три!

– Ничего подобного!

– Почти сорок пять!

Голос Екатерины снова ворвался в гомон.

– Что там на «Орбитальной»? Мы слышали, что она уничтожена.

– Да, уничтожена.

– Очень, очень плохо. Уйдет много лет, чтобы…

– Но люди почти все…

– Нам послали шесть предупреждений с орбиты. Почти все спустились на челноках, эвакуировались.

– Хотя многие и погибли. Это какой-то ужас!

Прямо перед офицерами какой-то скафандр управлял горсткой затронутых, собиравших площадку для камеры. Теперь он широко взмахнул рукой, и затронутые отступили. На «Женевском озере» кто-то вскрикнул, несколько человек повернулись к телемонитору. Скафандр развернул камеру, показав им широкий панорамный вид.

Один из космонавтов спросил:

– Что там у вас? Я вижу, что некоторые одеты в скафандры, а остальные без них. Почему?

Екатерина глубоко вздохнула.

– У нас тут тоже кое-какие перемены, – сказала она.

По случаю появления швейцарцев в Центре устроили большой праздник. Расписание часов на сон полетело к черту, и все, кроме маленькой команды, присматривавшей за затронутыми, собрались приветствовать гостей Луны. Те плясали до упаду и пили вакуумно-дистиллированную водку. Все рвались

что-то рассказать, обменяться сплетнями, обсудить, долго ли продержится мир.

Гюнтер ушел в разгар веселья. Вид швейцарцев наводил на него уныние. Слишком они были молоды, бодры и свежи. В их присутствии он чувствовал себя дряхлым циником. Хотелось схватить кого-нибудь за плечи и потрясти, чтобы заставить очнуться.

В унынии он побрел мимо запертых лабораторий. В помещении проекта «Компьютерный вирус» Екатерина с капитаном «Женевского озера» совещались над штабелем упакованных в ящики биопроб. Обе склонились к ПК Екатерины, прислушиваясь к голосу КУП.

– Вы не обдумывали возможность национализации производств? – спрашивала капитан. – Из одной из фабрик мог бы вырасти новый город. А потом кинуть несколько кабелей, и Бутстрэпом можно управлять, не заходя в него.

Гюнтер издалека не расслышал реакции КУП, но обе женщины рассмеялись.

– Ну, – сказала Екатерина, – нам по меньшей мере придется пересмотреть договоры с головными корпорациями. Если действующим остался всего один корабль, сменять людей будет намного сложнее. Физическое присутствие станет ценным товаром. Глупо было бы не воспользоваться этим обстоятельством.

Гюнтер прошел мимо, забираясь глубже в тень. Он бродил без цели и в конце концов увидел впереди свет, услышал голоса. Один принадлежал Кришне, но звучал ровнее и увереннее, чем привык слышать Гюнтер. Из любопытства он остановился в дверях.

Кришна стоял посреди лаборатории. Перед ним, послушно кивая, стояла Бет Гамильтон.

– Да, сэр, – повторяла она. – Да, сэр. Да.

Гюнтер, онемев от изумления, понял, что Кришна отдает ей распоряжения.

Кришна поднял голову.

– Уэйл. Я как раз собирался тебя искать.

– Меня?

– Заходи, не мнись там. – Кришна с улыбкой поманил его к себе, и Гюнтер невольно послушался. Кришна теперь походил на юного бога. Сила духа огнем плясала в его глазах. Странно, до сих пор Гюнтер не замечал, какой он высокий.

– Скажи мне, где Салли Чанг.

– Я не… то есть я не могу… – Он замолчал и сглотнул слюну. – Я думаю, Салли Чанг погибла… – И тут же добавил: –

Кришна! Что с тобой?

– Он закончил свою разработку, – объяснила Бет.

– Я целиком переписал свою личность, – сказал Кришна. – Избавился от застенчивости, которая делала меня наполовину калекой, заметил?

Он положил руку на плечо Гюнтеру, и этот жест внушал уверенность, был теплым и успокаивающим.

– Гюнтер, не стану описывать, чего мне стоило наскрести достаточно мессенджеров из остатков старых экспериментов, чтобы испытать их на себе. Но мне удалось. Мы получили средство, которое, помимо прочих возможностей, станет универсальным лекарством для всех жителей Бутстрэпа. Но для этого нужны новые вещества-мессенджеры, а у нас их нет. Теперь объясни, почему ты уверен в смерти Салли Чанг.

– Ну, понимаешь, я четвертый день ее ищу. И КУП тоже искала. Ты все эти дни просидел в своей норе, так что, наверно, знаешь затронутых хуже, чем мы. Они не способны планировать. Совершенно невероятно, что кто-то из них смог бы так долго от нас скрываться. Единственное, что приходит мне в голову, – она каким-то образом выбралась на поверхность прежде, чем ее настигло действие вещества, забралась в машину и велела ей ехать, пока хватит кислорода.

Кришна покачал головой:

– Нет. Это просто не вписывается в характер Салли Чанг. Ни при каких условиях не могу представить, чтобы она покончила с собой. – Он выдвинул ящик: длинные ряды блестящих баллончиков. – Возможно, это поможет. Помнишь, я сказал, что двух баллонов с миметиком не хватает – кроме шизомиметиков.

– Смутно припоминаю.

– У меня не было времени об этом подумать, но разве не странно? Послушай: паранойя – редкое нарушение, зато увлекательное. Оно характеризуется сложной, но внутренне стройной системой ложных представлений. Интеллект параноика отлично функционирует, и распад личности проявляется меньше, чем при шизофрении. Эмоциональные и социальные реакции ближе к норме. Личность способна к концентрации усилий. В общей неразберихе параноик вполне способен скрыться от преследования.

– Ну-ка, давайте разберемся, – предложила Гамильтон. – На Земле начинается война. Чанг получает приказ, ключ к программной бомбе, и отправляется в Бутстрэп с канистрой безумия и маленьким шприцем паранойи.

Нет, не выходит. Все разваливается.

– Как так?

– Паранойя не защитила бы ее от шизофрении. Как бы она обезопасила себя от собственного распылителя?

Гюнтер остолбенел.

– Лавандовый скафандр!

Они поймали Салли Чанг на верхней террасе Бутстрэпа. Верхний уровень был еще не закончен. Со временем – как сулили брошюры корпорации – здесь на берегах прозрачных прудов будут пастись лани, а в ручьях станут резвиться выдры. Но пока не был создан даже почвенный слой, не завезены черви и бактериальные культуры. Здесь был песок, механизмы и несколько жалких отчаянных растеньиц.

Чанг устроила лагерь у истока одного из ручейков, под лампой дневного света. При их появлении она вскочила на ноги, быстро огляделась по сторонам и решилась блефовать до упора.

К стойке, на которой располагался клапан ручья, была приварена табличка с надписью: «Установка аварийного купола». Под ней – небольшая пирамида кислородных баллонов и алюминиевый герметичный ящик размером с гроб.

– Очень толково, – через трансчип шепнула Гюнтеру Бет. – Она спит в ящике, и всякий, кто на него наткнется, думает, что это просто запасное оборудование.

Лавандовый скафандр взмахнул рукой и игриво приветствовал их:

– Привет, ребята. Чем могу помочь?

Кришна шагнул вперед и взял ее за руки.

– Салли, это я, Кришна.

– Ох, слава богу! – Она обмякла в его руках. – Я так боялась.

– Теперь ты в безопасности.

– Сперва я приняла вас за пришельцев. Я так голодна – не помню, сколько не ела. – Она вцепилась в рукав его скафандра. – Ты ведь знаешь о пришельцах, да?

– Пожалуй, лучше ты введи меня в курс дела.

Они направились к лестнице. Кришна незаметно указал Гюнтеру на рабочий пояс скафандра Салли. На нем висела канистра, похожая на запасную фляжку. Гюнтер протянул руку и сорвал ее с пояса. Мессенджеры у него в руках.

С другой стороны Бет Гамильтон дотянулась до почти неизрасходованных баллонов с паранойей, и они исчезли, как по волшебству.

Салли Чанг ничего не заметила, углубившись в изложение хода своих мыслей.

– …Конечно, они повиновались мне. Но совершенно ничего не соображали. Я беспокоилась, беспокоилась, пока не поняла,

что происходит. Волк, попавший в капкан, отгрызает себе лапу, чтобы освободиться. Я стала искать волка. Против какого врага могут быть оправданы столь чрезвычайные меры? Безусловно, не против людей.

– Салли, – прервал ее Кришна. – Я предлагаю тебе обдумать идею, что заговор – за неимением лучшего слова – укоренился глубже, чем ты предполагаешь. Что проблема кроется не в противнике извне, но в наших собственных мозгах. В частности, что пришельцы – это искусственный психомиметик, который ты ввела себе, когда все начиналось.

– Нет. Нет, слишком много доказательств. Все складывается! Пришельцам необходим способ не только скрыть свою внешность, что осуществляется с помощью скафандров, но и замаскировать психологические отличия, что достигается всеобщим безумием. Так они могут неопознанными находиться среди нас. Разве враг-человек мог бы обратить все население Бутстрэпа в рабов? Немыслимо! Они могут читать наши мысли, как книгу. Если бы мы не защитились шизомиметиками, они извлекли бы все наши знания, все секретные военные разработки…

Слушая ее, Гюнтер невольно представлял, что сказала бы на этот бред Лиза Нагенда. При мысли о ней он скрипнул зубами. Точь-в-точь автомат, о каком тогда говорила Чанг. Он невольно усмехнулся в свой адрес.

Екатерина ждала у подножия лестницы. Руки у нее заметно дрожали, и голос тоже чуть дрогнул, когда она спросила:

– Что это рассказала мне КУП насчет шизомиметиков? Кришна, кажется, изготовил какое-то лекарство?

– Они у нас! – приглушенным от счастья голосом сказал Гюнтер и поднял канистру. – Все позади, мы можем излечить наших друзей!

– Дай взглянуть. – Екатерина взяла у него канистру.

– Нет, погоди! – вскрикнула Гамильтон, но было поздно.

Кришна у нее за спиной спорил с Чанг по поводу интерпретации последних событий. Ни он, ни она даже не заметили, что шедшие впереди остановились.

– Назад! – Екатерина сама быстро отступила на два шага и напряженно добавила: – Я не хочу осложнений. Но мы обязаны во всем разобраться, и, пока это не сделано, никто не должен ко мне приближаться. Это касается и тебя, Гюнтер.

Начали собираться затронутые. Они выходили на лужайку по одному, по двое, потом десятками и дюжинами. К тому времени как стало ясно, что их через КУП вызвала Екатерина, стена тел отделила Кришну, Чанг и Гамильтон от нее и Гюнтера.

Чанг стояла как статуя. Под шлемом ее скафандра шла работа мысли: она пересматривала свои теории, пытаясь включить в них новое событие. Внезапно она захлопала руками по скафандру, нашаривая пропавшие канистры. Она уставилась на Кришну и дрожащим от ужаса голосом произнесла:

– Ты один из них.

– Конечно, я не… – начал Кришна, но она уже повернулась и бросилась, спотыкаясь, вверх по ступеням.

– Оставьте ее, – приказала Екатерина. – Нам надо обсудить более серьезный вопрос.

Двое затронутых поспешно подтащили портативный муфель, поставили его на траву, и третий подключил к нему электрический кабель. Внутренность печи засветилась, накаляясь.

– Эта канистра – все, что у вас есть, не так ли? Если я отправлю ее в автоклав, надежды возместить потерю не останется.

– Измайлова, послушайте, – сказал Кришна.

– Я слушаю. Говорите.

Кришна стал объяснять, и Измайлова слушала, скрестив руки и скептически дергая плечом. Когда он закончил, она покачала головой.

– Это благородное безумие, и все же это безумие. Вы хотите вылепить из наших мозгов нечто чуждое ходу человеческой эволюции. Превратить престол разума в кресло пилота-испытателя. Такой вы нашли выход? Забудьте о нем. Стоит вскрыть эту единственную канистру, и ее уже не закупоришь снова. А вы не представили ни одного убедительного аргумента за решение вскрыть ее.

– А люди Бутстрэпа? – вмешался Гюнтер. – Они…

Она не дослушала.

– Гюнтер, никто не рад тому, что с ними случилось. Но если всем остальным придется поступиться человечностью ради неверного и сомнительного с точки зрения этики улучшения… что ж, цена слишком высока. Безумные или нет, пока они во всяком случае люди.

– Разве я не человек? – спросил Кришна. – Разве я не засмеюсь, если меня пощекотать?

– Вы не можете об этом судить. Вы переписали свои нейроны и зачарованы новизной. Каким тестам вы себя подвергали? Насколько тщательно зафиксировали отклонения от нормы? Где цифры? – Все эти вопросы были чисто риторическими. Обследование, о котором она говорила, заняло бы не одну неделю. – И если вы окажетесь полностью человеком, – а я в это не верю! – кто может предсказать отдаленные последствия? Кто

помешает нам шаг за шагом скатиться к безумию? Кто решит, что такое безумие? Кто будет программировать программистов? Нет, невозможно. Я не позволю играть с нашим разумом. – Отчаянно, почти гневно, она повторила: – Не позволю играть с нашим разумом!

– Екатерина, – мягко сказал Гюнтер. – Сколько ты не спала? Ты послушай себя. За тебя сейчас думает подключка.

Она отмахнулась и не ответила ему.

– Чисто практический вопрос, – продолжал Гюнтер. – Как ты тогда собираешься управлять Бутстрэпом? Мы уже превратились в начинающих фашистов. Ты сказала, тебя пугает безумие, – а во что мы превратимся через год?

– КУП заверила меня…

– КУП – всего лишь программа! – вскричала Гамильтон. – Какой бы интерактивной она ни была, ей не хватает гибкости. Она не способна надеяться. Она не может оценивать новое. Она только поддерживает старые решения, старые ценности, старые привычки, старые страхи.

Екатерина вдруг взорвалась.

– Убирайтесь с моих глаз! – взвизгнула она. – Перестаньте, перестаньте, перестаньте! Не хочу слушать!

– Екатерина, – начал Гюнтер.

Но она сжала в руках канистру. Колени ее подогнулись, она медленно склонялась к муфелю. Гюнтер видел, что она уже не способна слушать. Стимуляторы и груз ответственности довели ее до этого состояния, вздергивая ее и изводя противоречивыми требованиями, пока она не дошла до края. Одна ночь крепкого сна могла бы привести ее в чувство, вернуть способность осмысливать доводы. Но времени не осталось. Слова уже не могли ее остановить. И слишком далеко он стоял, чтобы перехватить ее, прежде чем она уничтожит канистру. Шквал чувств, захлестнувший его, не поддается описанию.

– Екатерина, – сказал он. – Я люблю тебя.

Полуобернувшись к нему, она спросила рассеянно, чуть ли не с досадой:

– Что ты?..

Он снял с пояса монтажный пистолет, навел его и выстрелил.

Шлем Екатерины разлетелся вдребезги.

Она упала.

– Надо было просто разбить шлем. Это бы ее остановило. Но я не надеялся, что смогу так точно прицелиться. Я целил прямо в голову.

– Тс-с! – утихомирила его Гамильтон. – Что сделано, то

сделано. Перестань себя мучить. Поговорим о делах.

Он покачал головой, в которой все еще шумело. Его очень долго держали на бета-эндорфинах, так что он ни о чем не мог ни думать, ни заботиться. Как будто его завернули в ватный кокон. До него ничто не доходило. Ничто не могло причинить ему боль.

– Надолго меня вырубили?

– На день.

– На день? – Он оглядел скудно обставленную комнату. Простые каменные стены и безликое лабораторное оборудование в гладких чехлах. В другом конце комнаты Кришна с Чанг склонялись над панелью, нетерпеливо и восторженно царапали наперебой какие-то каракули. Кто-то с корабля швейцарцев, войдя, заговорил с их спинами. Кришна, не оборачиваясь, рассеянно кивнул.

– Я думал, много дольше.

– Достаточно долго. Мы успели привести в порядок всю группу Салли Чанг и вовсю занимаемся остальными. Очень скоро тебе придется решать, что в себе ты хочешь переписать.

Гюнтер покачал головой. Он чувствовал себя покойником.

– Думаю, не стану, Бет. У меня просто не хватит храбрости.

– Мы дадим тебе храбрость.

– Нет, я не…

Он почувствовал, как к горлу снова подкатывает черная тошнота. Она ходила кругами и возвращалась всякий раз, когда он уже начинал думать, что наконец справился с ней навсегда.

– Я не хочу, чтобы память об убийстве Екатерины смыло теплым потоком самодовольства. Меня тошнит от этой мысли.

– Мы тоже не этого хотим. – Познер ввел в кабинет делегацию из семи человек. Кришна с Чанг поднялись, чтобы встретить их лицом к лицу. Вся группа распалась пополам, и в обеих половинах заметно было смятение. – Хватит с нас этого. Пора нам всем научиться брать на себя ответственность за последствия… – Все они говорили хором. Гамильтон поморщилась:

– …ответственность за…

Голоса стали громче.

– Здесь невозможно разговаривать, – сказала она. – Отведи меня на поверхность.

Они ехали в герметичной кабине на запад, по дороге к Заливу Зноя. Солнце почти касалось изорванной стены кратера Зоммеринга перед ними. Тени ползли по склонам гор и гребням цирков, протягиваясь к ярко освещенному Центральному Заливу. Гюнтеру все это казалось прекрасным до боли. Вопреки его желанию, эти резкие линии оказались созвучными болезненному

одиночеству, поселившемуся у него в груди, и, как ни странно, утешали его.

Гамильтон дотянулась до его ПК, и в голове у него зазвучало «Putting on the Ritz».

– Что, если Екатерина была права? – громко спросил он. – Что, если мы отдаем все, что делает нас людьми? Мне не слишком по вкусу перспектива превратиться в какого-нибудь бесчувственного высоколобого супермена.

Гамильтон покачала головой:

– Я спрашивала об этом Кришну, и он сказал: нет. Он сказал, это как… Ты когда-нибудь страдал близорукостью?

– Конечно, в детстве.

– Тогда ты поймешь. Он сказал, это как ты в первый раз выходишь из кабинета врача после лазерной операции. Все становится ясным, четким и ярким. Пятно, которое ты называл «деревом», превращается в тысячи отдельных и разных листочков. Мир полон не замеченных тобой подробностей. На горизонте появляются вещи, которых ты раньше не видел. Вроде того.

– О… – Он смотрел прямо перед собой. Диск солнца почти коснулся Зоммеринга. – Нет смысла ехать дальше.

Он остановил машину.

Бет Гамильтон, кажется, чувствовала себя неловко. Она прочистила горло и вдруг порывисто произнесла:

– Слушай, Гюнтер. Я не просто так тебя сюда вытащила. Я хотела предложить объединить наши ресурсы.

– Что?

– Пожениться.

Только секунду спустя Гюнтер сумел выговорить:

– Э… я… я не…

– Я серьезно, Гюнтер. Я знаю, что всегда на тебя наседала, но это только потому, что ты на многое способен и совсем не используешь свои способности. Ну, это можно изменить. Позволь мне участвовать в твоей переписке, а я допущу тебя к своей.

Он помотал головой:

– По мне, это просто дико.

– Это уже не оправдание. Екатерина была права – мы стоим перед чем-то очень опасным – самым опасным, с чем сталкивалось человечество. Но оно уже началось. Земля следит за нами с ужасом и восхищением. Скоро, очень скоро они возьмут дело в свои руки. Через пять лет у нас все отберут.

У тебя хорошая голова, Гюнтер, и скоро она станет еще лучше. Я думаю, мы сходимся в том, какой мир мы желали бы создать. Я хочу, чтобы ты был рядом со мной.

– Я не знаю, что сказать.

– Ты хочешь настоящей любви? Ты ее получишь. Мы можем сделать для себя секс каким угодно чудесным или отвратительным, если хочешь. Ты хочешь, чтобы я была тише или громче, нежнее или более уверенной? Давай поторгуемся. Посмотрим, может быть, и договоримся.

Он молчал.

Гамильтон откинулась на спинку сиденья. Подождав, она сказала:

– Знаешь, я никогда еще не видела лунного заката. Я редко бывала на поверхности.

– Это придется изменить, – сказал Гюнтер.

Она пристально заглянула ему в лицо. И улыбнулась. Поерзала, придвигаясь ближе к нему. Он неловко закинул руку ей на плечо. Кажется, она этого ожидала. Он кашлянул в ладонь, потом показал пальцем:

– Вот, уходит.

Лунный закат очень прост. Стена кратера касается нижней части солнечного диска. Тень выскакивает на склон и мчится по нему вниз. Скоро солнце скрывается до половины. Оно исчезает плавно и непрерывно. Последний ослепительно-серебряный луч горит над скалой, потом исчезает и он. Мгновение спустя ветровое стекло приспосабливается к изменению, и появляются звезды, а Вселенная заполняется тьмой.

Воздух в кабине остыл. Панели пощелкивали и хлопали от резкого перепада температуры.

Гамильтон ткнулась носом ему в шею. На ощупь ее кожа была чуточку липкой и издавала слабый, но ощутимый запах. Она прошлась языком по линии его подбородка и добралась до уха. Ее руки возились с застежками его скафандра.

Гюнтер не чувствовал ни малейшего возбуждения, только легкую неприязнь, граничащую с отвращением. Это было ужасно, оскверняло все, что осталось ему от Екатерины.

Но через это испытание ему придется пройти. Гамильтон права. Всю жизнь он прожил под властью подсознания, его чувствами наугад и беспорядочно правила химия мозга. Он был вынужден ехать туда, куда уносила его кошмарная скачка разума. А она несла его всегда к боли и смятению. Теперь поводья у него в руках, он может править туда, куда захочет.

Он еще не решил, что закажет себе в новую программу. Довольство жизнью, пожалуй. Секс и страсть – почти наверняка. Но не любовь. С этой романтической иллюзией покончено. Пора стать взрослым.

Он сжал плечо Бет. «Завтра, – подумал он, – это уже не будет казаться важным». Бет подставила ему свои губы. Ее губы

приоткрылись. Он почувствовал запах ее дыхания.

История подменыша

– Набей трубку снова. Если я должен рассказывать сказку как полагается, мне понадобится ее помощь. Вот так, хорошо. Нет, огонь не нуждается в новом полене. Пусть себе умирает. Есть вещи похуже темноты.

Как стонет и трещит таверна во сне! Но это она поудобнее устраивает кости и камни, и все же никогда призраки не издавали таких жалобных звуков. Уже поздно, дверь заперта, и ворота на обоих концах моста закрыты. Огонь почти погас. Во всем мире не спим только ты и я. Конечно, эта сказка не подходит для таких юных ушей, как твои… о, не хмурься так! Только смешишь меня, а это неподходящее начало для такой грустной сказки, как моя. Ну ладно. Придвинем табуреты ближе к угольям, и я расскажу тебе все.

Но должен вернуться на двадцать лет назад, к тому дню в начале лета. Великан-людоед был мертв. Наше войско вернулось, хотя и сильно поредело после отчаянных битв на юге, и выжившие снова вернулись к своим занятиям. На земле наконец воцарился мир, и торговля шла хорошо. Таверна почти всегда была полна.

Эльфы стали переходить Длинный Мост на рассвете.

Меня разбудил шум их фургонов: колеса скрипели, серебряные колокольчики пели с вершин высоких шестов, куда их подвесили ловить ветер. Я торопливо оделся, скатился с чердака и выбежал на крыльцо. Фургоны были раскрашены яркими символами и насквозь пропитанными магией, причудливыми сплетающимися рунами, которые я был не в силах расшифровать и не питал надежды понять.

Белые быки, тянувшие фургоны, о чем-то тихо переговаривались на своем языке. Музыка разносилась над пустошью, звуки барабанов и цимбал смешивались с траурным зовом причудливо изогнутого рожка, который звался «серпентайн». Но сами эльфы, высокие и гордые в своих белых масках, не проронили ни слова.

Один воин обернулся, чтобы взглянуть на меня глазами холодными и недружелюбными, как наконечники копий. Я вздрогнул, но воин уже прошел мимо.

Но *я знал* его. Точно знал. Его имя…

Чья-то рука сжала мое плечо. Это оказался мой дядя.

– Волнующее зрелище. Верно? Это последние. Оставшееся племя эльфов. Когда они пройдут по Длинному Мосту, к югу от Эйвена не останется никого из их рода.

Он произнес это с ужасной, отрешенной печалью. За все годы, что Черный Гейб был моим хозяином – а поскольку я только родился, когда отец ушел на битву и пропал при разгроме у Блэкуотера, то и не знал другого, – я никогда не видел его в подобном настроении.

Оглядываясь назад, я понимаю, что в тот момент впервые осознал, точнее, почувствовал это всем нутром, что он когда-нибудь умрет и будет забыт, а после него – и я тоже. Но тогда с меня было довольно стоять рядом с Черным Гейбом, разделяя странно-компанейское ощущение потери.

– Как они различают друг друга? – спросил я, поражаясь тому, какими одинаковыми выглядят эльфы в богато украшенных одеяниях и простых, ничем не примечательных масках.

– Они…

Огненная птица свернулась в воздухе – утренняя ракета, пущенная, чтобы отметить то мгновение, когда солнечный диск показался на горизонте. Я поднял глаза, чтобы увидеть, как он взорвется. А когда опустил взгляд, дяди уже не было. Больше я никогда его не видел.

Э? Прости меня. Задумался. Черный Гейб был хорошим хозяином, хотя тогда я так не думал. Он и бил меня вполовину не так часто, как я того заслуживал. Хочешь узнать о моих шрамах? Ничего особенного. Такие метки есть у всех амр'рта скандайаска. Некоторые наносятся за славные дела. Остальные – знаки верности. Тройные разрезы на щеках означают, что я принес клятву лорду Какаравартену, военачальнику и вождю, чье имя означает «великий король, вращатель колес». Это имя имеет какой-то смысл, хотя я забыл, какой именно, как забыл манеры и внешность великого вращателя колес, хотя было время, когда с радостью умер бы за него. Завиток поперек лба означает, что я убил дракона.

Да, конечно, и ты бы смог. Какой юноша твоего возраста не смог бы! И эту сказку я рассказал бы с большей радостью, чем историю своей жалкой жизни. Но не могу. Ясно помню, что действительно убил дракона, – ручей горячей крови, безнадежный вопль отчаяния… но больше ничего. События, ведущие к этому моменту ужаса, все, что случилось после, и, как ни странно, угрызения совести – все исчезло из памяти… как многие события, случившиеся с тех пор, как я покинул Мост, затерялись в тумане и забвении.

Взгляни на наши тени, подобные гигантам, сочувственно кивающим головами.

Что потом?

Я помню, как карабкался по островерхим черепичным крышам, прыгая и скользя так резво, что теперь мне это кажется безумием. Мы с Корвином, парнишкой перчаточника, нанизывали на веревку, протянутую поперек улицы, праздничные флаги, в честь проходящей внизу процессии. Полотнища пахли плесенью. Они хранились в Драконьих Воротах, в маленькой комнатке над портиком. Той, что имела дыру-убийцу в полу. Джон, Корвин и я иногда склонялись над ней и по очереди плевали, стараясь попасть в голову ничего не подозревающего торговца.

Ветры свистели над крышами, холодные и бодрящие. Перепрыгивая между крышами, я воображал, будто танцую с облаками.

Я скорчился, чтобы продеть веревку через железное кольцо, вбитое в стену как раз под стропилами. Кор вернулся в сторожку за новыми флагами. Я поднял глаза, чтобы проверить, добрался ли он до места. И сообразил, что могу заглянуть в чердачную комнату Бекки.

В комнате ничего не было, кроме тюфяка, сундучка и маленького столика с тазиком для умывания. Бекки, стоя спиной к окну, расчесывала волосы.

Мне на ум пришли истории, которые мы, мальчишки, рассказывали друг другу о распутных женщинах. За ними точно так же подсматривали, и они, почуяв чужое присутствие, выкидывали всякие бесстыдные штуки, пуская в ход пальцы и щетку для волос. Никто из нас еще не встречал таких сирен, но наша вера в них была безгранична. Мы точно знали, что где-то есть женщины, достаточно развратные, чтобы спариваться с дикарями, ослами, горными троллями и, возможно, с такими, как мы.

Бекки, конечно, ничего подобного не делала. Она стояла в скромной шерстяной ночной сорочке, слегка подняв голову, расчесывая длинные пряди цвета меди под тихую эльфийскую музыку, доносившуюся с улицы. Луч солнца коснулся ее волос, и они засияли.

Оказалось, что прошло мгновение. Потом примчался Кор, топоча, как десять козлов. Он сунул связку флажков под мышку и протянул мне свободную руку.

– Эй, Уилл, – завопил он, – перестань ворон считать и бросай мне конец веревки!

Бекки повернулась, увидела, что я на нее глазею, и, возмущенно взвизгнув, захлопнула ставни.

По дороге в таверну я мог думать только о Бекки и ее щетке для волос. Когда я вошел, самая младшая кузина, Тистл,

протанцевала мимо, выкрикивая «эльфы-эльфы-эльфы», крутясь и извиваясь, как волчок, не желавший остановиться. Она любила эльфов и старые истории о говорящих животных и вещах волшебных и необыкновенных. Мне потом сказали, что шесть лет спустя она умерла от белой оспы. Но перед глазами все время стоит она, смеющаяся, вертлявая, вечно юная, бессмертная.

В общей комнате не было посетителей и столы были составлены. Тетя Кейт, Долли и моя старшая сестра Элинор занимались уборкой. Кейт выметала оставшийся от завтрака мусор.

– Вот что значит водиться с дурной компанией! – мрачно объявила она. – Этот Корвин Перчаточник и его веселая шайка бродяг! Эль не перебродит за одну ночь. Он давно напрашивался на неприятности.

Я застыл в дверях, уверенный, что родные Бекки пожаловались на мое подглядывание. И как мне уверить тетку в своей невиновности? Я давным-давно сделал бы и это, и еще что похуже, если бы знал, что такое возможно.

Ветерок ворвался в комнату, когда Элинор открыла крышку люка, взъерошил ее волосы и поднял тучу пыли.

– Они каждую неделю собираются у коптильни, напиваются до синих чертей и затевают всякие проделки, – пояснила Долли. – Анна, дочь Мэй Торговки, видела одного три ночи назад. Сидел на стене и сливал в реку!

– О, фу-у!

Мусор посыпался через люк в воду, и Элинор захлопнула крышку. Мое непроизвольное движение насторожило их. Они повернулись и уставились на меня.

Странный морок нашел на меня, и я представил, что эти три сплетницы – часть единого механизма, тикающей машины, повторяющей заранее определенные движения. Словно невидимая рука поворачивала рукоятку, позволяя им подметать, убирать и разговаривать.

«Мальчишка Карла Жестянщика нарушил договор», – подумал я.

– Мальчишка Карла Жестянщика нарушил договор, – сказала вслух Долли.

«Сбежал в море».

– Сбежал в море, – добавила Кейт с видом обвинителя.

– Что?

Я чувствовал, как двигаются губы, как слова вылетают изо рта независимо от меня.

– Ты о Джоне? Только не Джон!

«Сколько еще подмастерий есть у Карла? Конечно Джон».

– Сколько еще подмастерий есть у Карла? Конечно Джон.

– Карл избаловал его, – заявила Кейт (и ее слова эхом отдались в моей голове, прежде чем она их произнесла). – Парень его возраста – все равно что ореховое дерево, которое не только не страдает, но и процветает от порок.

Она погрозила мне пальцем.

– Именно это такие, как ты, должны зарубить себе на носу.

И тут бабушка Берч удивила всех нас, показавшись из задней кухни.

Тоненькая, как веточка, она наклонилась, чтобы поставить тарелку у очага. На тарелке лежали две разогретых рыбы, остатки от вчерашнего ужина и горсть маринованных молок. Бабушка Берч была тоньше мизинца, а волосы – белы, как пух одуванчика. Я впервые за много недель увидел ее вставшей с постели; возможно, это процессия эльфов или оживляющие свойства их музыки влили в нее свежие силы. Но глаза оставались такими же суровыми, как всегда.

– Оставьте мальчишку в покое! – велела она.

Морок рассеялся, как туман на утреннем ветерке, дувшем с Эйвена.

– Ты не понимаешь!

– Мы только…

– Этот дерзкий парень…

– Кухонная лохань пуста, – сообщила мне бабушка Берч и, нацедив кружку эля, поставила ее возле тарелки. Голос звучал тепло и сочувственно, а в наклоне головы угадывалась доброта. Я всегда был ее любимцем.

– Пойди пробегись, проверь перемет. Когда вернешься, голова немного успокоится.

Голова и впрямь шла кругом. Я побежал по Мосту к узкой лестнице, которая спускалась к «Тинкерз Лег». Я никак не мог опомниться от изумления. Джон, мягкий, смешливый Джон, уплыл в море. Все мы клялись, что когда-нибудь уплывем: это было второй или третьей наиболее часто обсуждаемой темой в наших ночных охотах на угрей. Но чтобы это оказался Джон и чтобы он удрал не попрощавшись!

И тут со мной случилось нечто жуткое. С уверенностью пророка я понял, что Джон не вернется. Что умрет на западных островах. Что его убьет и съест морское чудовище, из тех, кого живущие на Мосту даже вообразить не могли.

Я вышел возле узкого причала. У отметки высокой воды. Думая о своем, я вытащил перемет и выпустил обратно в воду баса, оказавшегося короче моего предплечья. Его менее удачливых собратьев я повесил на плечо.

Но, стоя здесь, на темных и скользких камнях, я увидел, как под водой движется что-то огромное и молчаливое. Сначала я подумал о чудовищной черепахе вроде той, для поимки которой потребовалось десять сильных мужчин с веревками и крюками. Они вытянули ее из бухты у Русалочьей Головы. Но, подойдя ближе, я увидел, что *это* слишком велико. Я не двигался. Не дышал. Только смотрел на приближавшуюся тварь.

Поверхность реки взорвалась. Показалась голова, с которой текли струи воды. Каждая ноздря была достаточно велика, чтобы в ней мог поместиться человек. Волосы и борода были темными, похожими на кустарник, растущий по берегам реки и гибнущий при каждом наводнении. Глаза были больше тележных колес, непрозрачные и без блеска. Как камни.

Гигант устремил на меня взгляд и заговорил.

Что он сказал, спрашиваешь? Я и сам гадаю. В этом отношении я все равно что жертва разбойников, лежащая на обочине, а потом собирающая в пыли те жалкие медяки, которые они могли из милости ей оставить. Я разделю с тобой то малое, чем владею, и сможешь догадаться, сколько я всего потерял. Только минуту назад я стоял перед гигантом – и в следующее мгновение понял, что лечу в реку.

Был конец дня, и я голым плескался в воде с мальчишками с живодерни.

Большую часть этого дня я провел за чисткой конюшен в Эпprouче, выполняя условия соглашения Черного Гейба, по которому «Щука и бочонок» получала полпенни за каждого гостя, который ставил туда лошадь. К тому времени как все было сделано, я был таким же потным и грязным, как любая лошадь, и с радостью плюхнулся в воду вместе с подмастерьями мясника, которые отмывались от крови и желчи после трудов праведных.

Все происходило на южной стороне реки, ниже Ворот Людоеда. Я оттирал последние следы навоза, когда увидел эльфийку, смотревшую на меня с эспланады.

На расстоянии она казалась совсем маленькой, а ее маска – белым овалом. В одной руке она несла клетку с зябликами. Я нашел ее неотрывный взгляд волнующим и тревожащим одновременно. Он врезался в меня, как копье. Мое мужское достоинство против воли стало вставать.

Так я впервые увидел Ратанавивикту.

Это видение длилось всего секунду. Свет ее глаз наполнял и слепил меня. И тут один из приятелей, Ходж, сын кожевника, которого мы в нашей невинности считали настоящим диким животным, прыгнул мне на спину, утянув под воду. К тому

времени как я вынырнул, задыхаясь и отплевываясь, эльфийка исчезла.

Я оттолкнул Ходжа и стал оглядывать реку. Прищурившись, рассматривал плоты, плывущие по течению, гребцов, стоявших с поднятыми веслами, и карраки, бросавшие якорь после долгого путешествия по морю. На причале у дальнего берега громоздились выгруженные из складов товары. За складами поднимались каменные здания, ряд за рядом, и последний становился голубым силуэтом на горизонте. То тут, то там в небо упирались шпиль или башня.

Из воды поднимались длинные змеиные шеи. Две речные ящерицы дрались за лосося. Странный восторг охватил меня, и я засмеялся от радости при виде дерущихся созданий.

На закате эльфийская процессия все еще двигалась по Мосту: так велико было их число. Они шли всю ночь, освещая дорогу фонарями, которые несли на шестах. Я сидел у высокого окна комнаты, которую мы не сдали на ночь, наблюдая за их шествием, таким же изменчиво-неизменным, как сам Эйвен. Они уходили в горы на дальнем севере, говорили люди, через земли, которых не видел ни один живой человек.

Я сидел, тоскуя, тоскуя по ним. Томясь, пока сердце не выдержало.

Я тяжело потопал вниз, в постель.

К моему удивлению, общая комната оказалась полна эльфов. С крюка в потолке свисала маленькая клетка, в которой сидели пять желтых зябликов. Я перевел взгляд с них на глаза женщины в белой маске. Она поманила меня пальцем и коснулась скамьи слева от себя. Я сел рядом с ней.

Знатный эльф, чьи манеры и голос я успел забыть, столп тени, сам лорд Какаравартен стоял у очага и лениво обводил пальцем раковины и свернувшихся змей, вплавленных в камень.

– Я помню время, – мечтательно сказал он, – когда через Эйвенсамагу не было брода и эти камни были частью Великой Азуры, города гигантов.

– Но как вы могли?.. – выпалил я. Лица в масках повернулись и уставились на меня. Я смущенно прикусил язык.

– Я был здесь, когда этот Мост строили, – спокойно продолжал говорящий. – Во искупление своих грехов последние гиганты были принуждены разрушить свою столицу, а камни пошли на строительство жилищ для людей. Когда-то они были благородной расой, и я остановился здесь, прервав наш путь парикасайи, потому что словно опять их увидел.

В комнате появилась зевающая Долли с тарелкой сырой лососины и еще одной, на которой возвышалась пирамида из

десяти кружек эля.

– Кто платит? – спросила она, но, увидев меня, нахмурилась.

– Уилл! У тебя утром полно работы. Разве тебе не следует быть в постели?

– Я достаточно взрослый, чтобы самому решать, где мне быть, – покраснев, ответил я.

Эльф протянул ей золотую монету. Даже серебряной хватило бы десять раз окупить еду и ночлег.

– Этого достаточно? – спросил он.

Долли улыбнулась и кивнула. Я вскочил.

– Сейчас разбужу менялу и принесу вам сдачу, – пообещал я, стараясь не обращать внимания на раздражение, сменившее выражение алчной невинности на лице сестры.

Но эльфийка остановила меня, положив ладонь на руку.

– Останься. Монета неважна, а я хочу многому тебя научить.

Едва монета коснулась ее пальцев, Долли на кратчайшее мгновение изменилась, став старой и толстой. Я от удивления открыл рот, но вот она уже снова прежняя. Взмахнув юбками, Долли исчезла вместе с монетой, да так основательно, что увиделись мы только через двадцать лет.

Один из эльфов отвернулся к стене, подняв маску, чтобы наскоро глотнуть эля, после чего вернул ее на место, так и не показав лица.

Женщина с зябликами вынула кожаный кисет и открыла его. Оказалось, что он набит сухими травами. Кто-то взял с полки над очагом длинную глиняную трубку, обычно предназначавшуюся для посетителей таверны, и передал ей. Набивая чашечку, Ратанавивикта пояснила:

– Это маргакасайя, что на вашем языке означает «дорога к угасанию». Редчайшее растение, поскольку, с тех пор как мы бросили наши сады на юге, в мире его больше не осталось. Если его жевать, быстро успокаиваешься. Бальзам из него излечивает небольшие раны. При курении он перебрасывает мост через года. Так что мысли курящего могут блуждать в прошлом или будущем, как он пожелает.

– Как это может быть? – удивился я. – Прошлое осталось позади, а будущее… кто может сказать, что с нами случится? Наши поступки изменяют его, иначе все наши деяния были бы зряшными.

Она не ответила. Только передала трубку мне и щипцами подняла из огня уголек, чтобы зажечь ее. Я приложил мундштук к губам, нервно выдохнул и втянул дым глубоко в легкие. Из груди поднялось и возникло жужжащее и звенящее ощущение, наполнило мою голову, сначала ослепив, а потом открыв мне

глаза.

Стояла ночь, и воины Какаравартена вопили в гневе и отчаянии, потому что враг занял пустошь и оттеснил нас к краю болот, легко вооруженных и пеших.

Продолжая вопить, мы танцевали как одержимые, пока не оказались на грани безумия. По знаку Какаравартена мы сняли поклажу со спин и развернули с дюжину лошадиных шкур. Вытащили ножи и стали резать свои руки и грудь. Там, где кровь попадала на шкуры, черная глина наполняла их, придавая форму, разрастаясь, придавая облик боевых коней: передние ноги взбивают воздух, ноздри раздуваются, глаза – холодные и немигающие звезды.

И тогда мы вскакивали на коней, выхватывали мечи и мчались на запад. Копыта касались земли, и почва вливалась в некромантичных животных и снова стекала через задние ноги.

– Тиратика!

Услышав принятое мной имя, я повернулся и увидел Кродаспарасу, скакавшего без маски рядом со мной. Его метки сияли серебром на лице. Глаза были шальными и ликующими, и я сорвал маску. И ощутил, как мой «петушок» поднялся от возбуждения.

Кродаспараса заметил это и рассмеялся. Наше соперничество, ненависть друг к другу были ничем по сравнению с этим дружеским единением. Скача бок о бок, мы обменялись свирепыми, издевательскими ухмылками понимания, и пришпорили коней.

– Хороший день, чтобы умереть! – крикнул Кродаспараса. – Готов умереть, братишка?

Он передвинул перевязь меча на другой бок, чтобы мы смогли наскоро пожать друг другу руки на полном скаку, а потом так же быстро описал им круг, так что потребовалось все мое искусство, чтобы уклониться.

Я выдохнул.

И тут же атмосфера общей комнаты вновь окружила меня. Я обнаружил, что уставился на рога тура, трофей, прибитый на западной стене, на пузатые, плетенные из ивняка корзины, свисавшие с китовых ребер, служивших потолочными балками. Над головой мучительно медленно поворачивалась вырезанная из дерева, раскрашенная русалка с оленьими рогами вместо волос, служившими подсвечниками.

Эльфийка взяла трубку из моих ослабевших пальцев, сунула длинный мундштук под маску – так умело, что ни пятнышка кожи на лице не было видно, – и медленно вдохнула. Угли загорелись ярче, над ними трепетал маленький оранжевый огонек,

вбиравший весь свет в комнате.

– Это не то, что я желала увидеть, – прошептала она и затянулась второй раз, прежде чем передать трубку.

Трубка неспешно обошла комнату и снова оказалась у меня. Я неуклюже взял ее и приложил к губам теперь уже горячий конец мундштука. И стал впитывать магию.

Я стоял на пустой равнине. За спиной высились шелковые шатры нашего лагеря. Мороз исполосовал землю причудливыми звездами. Кровь кипела в жилах.

Настала ночь праздника, и мы взяли для наших конических шатров центральные шесты вдвое выше обычного. С их концов свисали маленькие фонарики, похожие на звезды. Все было спокойно. Среди амр'рта скандайаска считалось ужасным святотатством выходить из шатров в праздничную ночь.

Мучимый нерешительностью, я отвернулся, обернулся снова и проделал это несколько раз. Я сам мог бы убить за то, что намеревался сделать. Но это беспокоило меня меньше, чем вероятность того, что я не так прочитал знаки. Что меня не желают. Я стоял перед одним из шатров, глазея на него, пока он не засиял, как солнце. И наконец нырнул внутрь.

Ратанавивикта ждала меня. Я отбросил маску и встал перед ней на колени. Медленно, неторопливо проник пальцами под ее маску и стянул. Ее лицо было покрыто шрамами, как луна, и, как луна, прекрасно и холодно. Моя рука чернела на ее груди. Бледный сосок выглядывал между пальцев, как первая сумеречная звезда.

– Аааааах, – беззвучно вздохнула она, и трубка перешла в другую руку.

Все изменилось.

Не можете себе представить, что я чувствовал, когда после двадцатилетних скитаний вернулся наконец на Длинный Мост. Мое сердце было так полно горечи, что она ощущалась даже во рту. Два десятилетия моей жизни минули, превратились в ничто. Мои воспоминания об этих годах были населены туманами и призраками, украдены теми, кому я больше всего доверял. Врата Дракона оказались меньше, чем я помнил, и далеко не такими величественными. Каменные здания, шпили которых расчесывали пролетавшие облака, были просто трех-четырехэтажными домами. Дорога между ними была настолько узка, что на ней с трудом могли разминуться две тележки.

Кожа на моем лице казалась пересохшей и сильно обтянула скулы. Я сунул палец под маску, чтобы почесать шрам, касавшийся уголка губ.

Даже воздух пах по-другому. Дымное марево моего

детства, запахи дуба и кедра из дымоходов богатых домов, плавника и сухого навоза – из дыр в крышах бедных… все сменилось угольным дымом с резкой нотой серы, бьющей в нос. Восхитительные ароматы по-прежнему неслись из лавки пекаря, где старый Хэл Лысарь всегда приветствовал вас хмурой миной и сахарной булочкой, но смесь пряностей, покрывавшая окорока, коптившиеся в соседней лавке, больше не сдабривала воздух перечным запахом. Да и вместо коптильни теперь тут была мастерская шлифовальщика линз.

Узкий проход между двумя зданиями оставался… интересно, вы, молодые, по-прежнему называете его «трубой»? – и сквозь него дул легкий ветерок с Эйвена. Я остановился и оперся на копье. Вечер был в точности таким, как тот, давний, когда Бекки показала мне свои веснушчатые груди, а потом насмехалась над моим ошеломленным видом. Здесь мы с Джоном стояли на коленях, деля яйца, украденные из гнезд на Склоне Берега, который, находясь чуть подальше от Моста, считался охотничьими уходьями всего речного отродья.

Вижу, ты улыбаешься. Здесь я прятался в засаде, подстерегая подмастерье ткача, чье имя, лицо и грех давно выветрились из памяти, хотя эта глупость стоила мне сломанной руки и потери тяжко завоеванной симпатии Бекки.

Кто-то наткнулся на меня, выругался и исчез, прежде чем я успел обернуться и извиниться. Я втиснулся в «трубу», стараясь, чтобы и другие смогли пройти. И стал смотреть на сверкающую на солнце реку.

Пироскарф шел в бухту, борясь с течением. Дым валил из трубы, лопатки сверкали в унисон, и он был похож на водяного шмеля, сильно увеличенного неким волшебником. Торговые суда, входившие в гавань и покидавшие порт, были больше, чем я запомнил, и покрой парусов казался незнакомым. Количество дымоходов по обоим берегам увеличилось. Дым валил в темнеющие небеса. Это был изменившийся мир, в котором не было места таким, как я.

Призраки моей юности толпились вокруг меня так тесно, что я не мог отличить прошлое от настоящего, воспоминаний от желания. Все было так, словно я отвернулся на мгновение, а, повернувшись, обнаружил, что постарел на двадцать лет.

Набей снова трубку. Один последний раз я услышу рассветную музыку моей юности, сонный топот спускающихся жильцов, звон и звяканье тарелок и оловянных кружек на кухне. Быстрые шаги Элинор, возвращавшейся из пекарни с охапкой вкусно пахнувших хлебов. И на заднем фоне – ворчание Черного Гейба, обнаружившего мой очередной промах.

Какой жестокий контраст с этим утром!

Когда я отвернулся от Эйвена, обнаружил, что на Мосту полно переходов, лавочников и ремесленников в вычурных, отделанных кружевами одеждах. Воздух звенел от щелканья их каблуков. Но лица женщин и мужчин были одинаково замкнутыми и угрюмыми. На секунду я дрогнул духом при мысли о том, что снова окажусь в обществе людей. Слишком много лет я провел в компании сов и волков, один, в пустынях севера, чтобы чувствовать себя здесь комфортно. Но я расправил плечи и продолжал идти.

Старая «Щука и бочонок» стояла там, где всегда, на полдороге по Мосту. С расстояния она казалась невыносимо маленькой и незначительной. Хотя каждый камень и каждое бревно навсегда запечатлелись в моем сердце. Вывеска лениво покачивалась. Та же самая смеющаяся рыба выпрыгивала из того же бочонка… все, как намалевал бродячий школяр в обмен за одну ночь под крышей таверны, когда тетя Кейт была молода. Я знаю это, потому что она часто о нем говорила.

Под вывеской собралась рассерженная толпа, не обращавшая внимания на поток пешеходов. У двери стояла большая бочка, а на ней стоял приземистый человек с пером шерифа на шапке и, держа в руках пергаментный свиток, что-то читал. Около него стояло чучело – очевидно, прислужник – с колокольчиком, а за ним выстроилась в ряд дюжина стражников с дубовыми палками.

Все это означало выселение.

Тут же стояла Кейт, плачущая от ярости и каким-то чудом не изменившаяся. Я уставился на нее, не веря глазам, и тут, с болью, ударившей в сердце, понял свою ошибку. Эта измученная тяжеловесная женщина, должно быть, моя сестра Долли… ужасно, ужасно постаревшая. При виде ее мне захотелось отвернуться. Нарисованная щука издевалась надо мной, безмолвно хохоча. Но я победил свою неловкость и протиснулся сквозь толпу.

Сам того не ожидая, я вызвал всеобщий интерес. Зеваки, сердито бормоча, уступали дорогу. Шериф перестал читать. Стражники уныло переминались с ноги на ногу, а тощее чучело с колокольчиком съежилось. Я, неожиданно став центром внимания, сообразил, что, должно быть, до сих пор сохранил кое-какие остатки эльфийского лоска.

– Что здесь происходит?

Мой голос был низким, незнакомым, и слова нерешительно стекали с языка, как вода из насоса, заржавевшего от долгого бездействия.

Шериф яростно потряс пергаментом в мою сторону.

– Не вмешивайся! Это законное выселение, и со мной стражники, всегда готовые меня защитить!

– Ты трус, Том Свалка, и подлец, если творишь такое с людьми, которые были когда-то твоими друзьями! – завопила Долли. – Теперь ты подлипала у богача! Наемник, служащий негодяям и угнетателям, и ничего больше!

Из толпы послышался одобрительный ропот.

Шериф нагнул массивную голову и, стараясь не встречаться глазами с Долли, проворчал:

– Черт возьми, Долли, я всего лишь выполняю…

– Я заплачу́, – вмешался я.

– Э… что это? – уставился на меня Том Свалка.

Я снял свой заплечный мешок из прочной гномьей ткани, расшитой шелковыми орхидеями, – работа древесных эльфов – и отдал копье нескладному юнцу, который едва не уронил его от изумления. Это был ты, верно? Я так и подумал. Древко копья было из черного дерева, гораздо более тяжелого, чем казалось на вид.

Прикрученный к раме вместе с колчаном и обломками того, что когда-то было отцовским мечом, лежал кожаный кошель. После долгих лет торговли с эльфами я теперь плохо знал цену одной монеты по сравнению с другой. Но точно знал, что этого должно быть достаточно. Эльфы всегда щедро раздают вещи, не имеющие для них значения. Я отдал кошель сестре.

– Возьми, сколько нужно.

Долли стояла с кошелем в протянутой руке, не пытаясь его открыть.

– Кто ты? – со страхом спросила она. – И что это за человек, скрывающий лицо под маской?

Рука поднялась сама собой – я и забыл о маске. Теперь, когда она больше была не нужна, я снял ее. Свежий воздух коснулся лица. Голова закружилась почти до тошноты – настолько я не привык стоять без маски перед такой толпой.

Долли уставилась на меня.

– Уилл? – спросила она наконец. – Это правда ты?

Когда деньги были пересчитаны трижды и прутья от метлы, прибитые шерифом над порогом, были сорваны и растоптаны, семья и соседи сгрудились вокруг и отвели меня в общую комнату «Щуки и бочонка», где предоставили почетное место у очага. Воздух был душным, я плохо соображал. Но никто ничего не заметил. Меня засыпали вопросами, так что не было никакой возможности отвечать. Каждый старался назвать свое имя, выкрикивая:

– Вот уж не ожидали!

– Разве ты предполагал, что маленький Сэм превратился в такого здоровенного громилу?

Слушая это, многие ревели от смеха. Кто-то посадил мне на колени ребенка, мальчика, который сказал, что его зовут Пип. Еще кто-то снял с колышка лютню и завел песню.

И неожиданно в зале начались танцы. Я невозмутимо наблюдал за этими темными, незнакомыми людьми, потными, отяжелевшими. После многих лет, проведенных среди светлого народа, все они казались грузными и приземленными. Жар исходил от их тел, как пар от котла.

Женщина с лучистыми лукавыми глазами подняла меня с табурета, и я вдруг тоже оказался среди танцующих. Пламя отбрасывало причудливые тени на стену за моей спиной, и тени тоже танцевали, передразнивая мои неуклюжие шаги.

Все казалось таким знакомым и одновременно чужим. Время сделало незнакомыми и состарило по-прежнему дорогие мне лица из моей юности каким-то странным, трогательным образом. Словно и таверна, и сам Мост были всего лишь искусными подобиями подлинных, лишенные убедительности и все же способные разорвать сердце. Мое детство виделось противоестественно ясным, таким же близким, как комната, в которой я сидел. Словно я никогда не уезжал. Все годы между детством и сегодняшним днем казались сном.

– Ты не знаешь, кто я, верно? – спросила женщина.

– Конечно знаю, – солгал я.

– Кто же я тогда?

Она отпустила меня и, подбоченившись, отступила.

Приняв вызов, я впервые по-настоящему взглянул на нее. На ней была блузка, драпировавшаяся свободными складками. Пухленькая особа с большими коричневыми веснушками на лице и предплечьях. Она скрестила руки так, что груди едва не вылезли из выреза. И рассмеялась, когда я смущенно покраснел.

Ее смех поразил меня, как звон большого колокола.

– Бекки! – вскричал я. – Клянусь Семерыми, это ты! Я никогда не ожидал…

– Не ожидал, что я так растолстею, верно?

– Нет-нет, – запротестовал я, – это вовсе…

– Ты дурень, Уилл Трактирщик. Но это не самое плохое качество в мужчине!

Она потянула меня в тень под лестницей, уединенное местечко, где стояла небольшая скамейка. Мы долго говорили. И под конец беседы она показалась мне неудовлетворенной. Я не мог понять, в чем дело, пока она не сунула руку между моих бедер, проверить, что у меня там. Мой стержень, однако, оказался

мудрее меня и встал, чтобы приветствовать ее.

– Что ж, это начало, – сказала она. – Остывшие блюда не закипают через минуту.

Бекки оставила меня.

Ты выглядишь расстроенным. Бекки – твоя мама, верно? Если хорошенько присмотреться, в твоих глазах тот же блеск, а в изгибе рта скрывается тот же чертик. Но она теперь вдова и, следовательно, может делать все, что ее душеньке угодно. Но я не стану пугать тебя подробностями нашего с ней разговора.

Где моя трубка? Что случилось с моим кисетом? Спасибо. Я бы давно уснул, если бы не она. Последние остатки маргакасайи, еще существующей в мире. Со мной умрет даже память о ней, поскольку в мире людей больше нет эльфов. Они нашли парикасайю, «окончательное исчезновение», как сказал бы ты, а возможно, «конец всему». Знаешь, что «амр'рта скандайакса» означает «бессмертное племя эльфов»? Какая ирония – знать, что только нам известно, как это расшифровать.

Может, я был не прав, убив дракона.

Может, он – все, что удерживало их от забвения.

Когда мы делили видение Какаравартена о Великой Азуре и гигантах, работающих с замкнутыми, спокойными лицами, осознавших вину и смирившихся с наказанием, говорящих со своим королем Борамоханагарахантом, почти наступил рассвет. Какаравартен снова пустил трубку по кругу.

– Вижу, ты вознамерился пойти с нами, – сказал он. – Это твое решение. Но сначала ты должен знать о последствиях.

Маска Ратанавивикты наклонилась таким образом, который, как я позже узнал, означает недовольство. Но Какаравартен глубоко затянулся и опять пустил трубку по кругу. Когда до меня дошла очередь, я задрожал. Мундштук был скользким от слюны эльфов. Я сунул его в рот и затянулся.

Сначала мне показалось, что ничего не произошло. Общая комната была такой же, как раньше: огонь, умирающий в очаге; русалка, как обычно, медленно разрезающая воздух.

Потом я огляделся.

Эльфы исчезли. Я был один, если не считать тощего паренька, приблизительно моих лет, которого я не узнал.

Этим юнцом был ты.

Я испугал тебя? Но себя испугал куда больше, поскольку достиг того момента, когда видел все двойным зрением и оценивал разделенным сердцем. Молюсь, чтобы такое на тебя никогда не нашло. Это… сейчас… то, что мне показали много лет назад… и единственный шанс выказать свой гнев и сожаление моему молодому «я», который, знаю, не будет слушать. Да и как

он мог? Оборванец, мальчишка из таверны, без всяких перспектив, с головой, забитой не до конца осознанными амбициями. Что я могу сказать, чтобы заставить его понять, как много он теряет?

Ты должен был быть моим сыном. И это горше всего, что Бекки, которая отдала мне сердце, родила от кого-то другого. Хороший человек, возможно, – говорят, половина Моста сопровождала его огненную лодку, когда он умер от водянки, но меня среди них не было.

Я потерял больше чем годы. Я потерял жизнь, которая была мне предназначена, детей, играющих на моих коленях, и добрую жену, стареющую и толстеющую вместе со мной, пока мы вместе идем к концу. Кого-то, кто пронес бы память обо мне хоть на несколько шагов дальше от пустоты могилы, и внуков, которым предстоит увидеть то, чего не дано видеть мне. Все это было моим по праву рождения, и ничего этого я не получил. Мое молодое «я» предало меня в своем невежестве и бессердечии.

Даже сейчас я вижу его, бешено бегущего за эльфами в темный час перед рассветом. Сердце колотится от страха, что он их не догонит, легкие готовы разорваться. Одержимый желанием стать героем, увидеть неизведанные земли, познать любовь дамы из племени амр'рта скандайакса. Они, эти эльфы, – непостоянны и жестоки. Прихоть Ратанавивикты выхватила меня из течения моей жизни так же бездумно, как подняла бы яркий камешек с обочины дороги. Она отшвырнула меня так же легко, как камень, который ей надоел. В таких, как она, нет верности.

Ах, какая ужасная ночь! Ветры бродят по крышам, как кошки, неся с собой зиму. К утру уж точно нагрянет мороз.

Закончена ли история, спрашиваешь ты? Разве не слушал меня? Нет никакой истории. Вернее, все вместе – твоя жизнь, моя и Кродапарасы – одна история, и эта история никогда не кончается и никогда не приходит к завершению. Но мой рассказ завершается сейчас, когда мое молодое «я» пробуждается от видения возраста и поражения и обнаруживает себя покинутым, единственным бодрствующим смертным на всем Мосту и ступающим вместе с последними из эльфов на спящие улицы города за Воротами Дракона.

Он вскочит, схватит отцовский меч, висящий над очагом, там, где сейчас висит мое копье. Возьмет одеяло вместо плаща и кусок вяленого мяса в дорогу, и ничего больше. Так велик его страх, что его оставят и больше о нем не вспомнят.

Я бы не остановил его, если бы мог. Беги, парень, беги. Какое тебе дело до того, что станется со мной? Двадцать лет славы у твоих ног. Сон уже блекнет в памяти.

Выбегая за дверь, ты чувствуешь дуновение речного ветра.

Твое сердце *поет.*

Момент растаял. Меня оставили и больше обо мне не вспомнили.

Только сейчас я могу признать это. Все то время, пока я говорил, меня преследовал призрак, имя которому – надежда. Я так долго не вырывался за пределы этого древнего видения, что еще существовал шанс на то, что я вовсе не свое старшее «я», но тот, кому суждено стряхнуть сомнения и выскочить за дверь. В самой глубине своего сознания я все еще молод. Дракон не убит, дорога не развернулась передо мной, эльфы живы, впереди ждут приключения, магия еще не исчезла из мира.

А теперь… что теперь?..

Я дома.

К северу от Дидди-Ва-Дидди

Поезд, идущий в Ад, не делает остановок в Нью-Джерси. Он отходит в полночь от центрального вокзала Нью-Йорка и, поначалу неторопливо, но все быстрее набирая ход, пробегает по туннелю под Гудзоном. А минуя нефтеперерабатывающие заводы, он уже мчится со скоростью пушечного ядра. Нас уже ничто не остановит. Нас уже никто не остановит. И если кому-то придет в голову встать у нас на пути в надежде, что старина Козлоног рванет на себя рычаг тормоза, что ж… простите за цинизм, но бедняга встретит наш поезд в самом прямом смысле.

Окрашенный в черный и серебристый цвета локомотив не останавливается и не сбавляет скорости с той секунды, как отходит от станции. И мчится, пока не прибудет в пункт назначения. Как только состав тронулся, с него уже не сойти. Исключений ни для кого не делается.

Потому-то, когда той ночью поезд все же остановился, я сразу понял, что мы угодили в серьезную передрягу.

Мы мчались через Пайн-Барренс в облаке дыма, копоти и искр, когда я услышал визг аэродинамических тормозов. Поезд начал сбавлять скорость. Я как раз собирался открыть коробочку с обедом, но, услышав этот звук, сразу же схватил свою фуражку, перевернул табличку на «Закрыто» и побежал посмотреть, что же такое случилось.

Обреченные безвольно поникли на своих скамьях. Одни опустошенно смотрели в пространство прямо перед собой. Иные безучастно глядели в окно или же пялились на собственное блеклое отражение в стекле. Наши пассажиры всегда чувствуют себя немного подавленно в начале поездки.

– Проводник! – окликнул меня кто-то из обреченных. Это была худенькая, низкорослая белая женщина с озабоченным выражением на тонком личике. – Здесь так душно… Можно, я хоть чуточку приоткрою окно?

Я вежливо улыбнулся, посмотрел прямо в ее огромные умоляющие глаза и ответил:

– Да на здоровье, милая. Сейчас вы точно можете делать все, что душе угодно. Теперь уже никакой разницы.

Она дернулась, словно от пощечины.

Но я подошел, щелкнул запорами окна и приоткрыл его на пару дюймов.

– Боюсь, сильнее нельзя. Отдельным потерянным душам может взбрести в голову… ну, вы понимаете? – Я понизил свой голос до доверительного шепота.

Женщина робко кивнула.

Я снял с верхней полки подушку и взбил ее для своей пассажирки.

– Дайте-ка подложу это вам под голову. Вот так! Разве не удобнее? А теперь отдыхайте. Через несколько минут откроется кухня, и я принесу вам меню. У нас отличный выбор сэндвичей и прохладительных напитков. Надеюсь, вы получите удовольствие от поездки.

Говоря все это, я просто умирал от любопытства. Судя по виду за окном за спиной пожилой дамы, мы сделали остановку на небольшой прогалине посреди соснового леса. До ближайшего города оставалось еще несколько миль. Ночную тьму разгоняли разве что луна да тусклый зеленоватый свет, лившийся из окон поезда. В полумраке мне удалось различить с полдюжины размытых фигур. Они тащили на цепях какой-то непонятный, длинный ящик. Кто-то – по всей видимости, не кто иной, как Билли Бонс, – высунулся из служебного вагона и помахал им фонарем.

Обреченные безразлично смотрели в окна. Скорее всего, им казалось, что мы остановились подобрать новых пассажиров. И только мы понимали, что такого не бывает.

И все же работа превыше всего. Я еще немножко похлопотал вокруг своей хрупкой пассажирки, и к тому времени, как я ушел, она даже улыбнулась. Да, улыбка была напряженной, но все же была.

Люди часто дурачат сами себя верой во всякую чепуху.

Освободившись, я поспешил прямиком к грузовому вагону. Меня не оставляло дурное предчувствие, и я рассчитывал получить ответы у Билли Бонса. Но на моем пути возникло препятствие в виде двери. Я попытался отодвинуть ее в сторону, да только она не поддалась. Тогда я налег на нее обеими руками и приложил силу. Результат был тот же.

Кто-то запер ее с другой стороны.

– Мистер Бонс! – постучался я в дверь.

Вначале все было тихо, но затем заслонка смотрового оконца сдвинулась в сторону, и в проеме возникло мертвенно-бледное лицо Билли Бонса. Кожа обтягивала его кости так туго, что сквозь нее просвечивал череп. На меня уставились влажно поблескивающие крысиные глазки.

– Что надо?

– Может, объяснишь, какого хре… почему мы остановились? – За окном неровными темными рядами выстроились сосны. До меня доносился их аромат. При желании я мог бы выпрыгнуть из

вагона и затеряться в этом лесу. – Что за чертовщину нам только что загрузили?

Билли Бонс посмотрел мне прямо в глаза:

– Мы не принимали никакого груза.

– Слышь, ты, не выводи меня из себя, – сказал я. – Отпирай давай и…

Заслонка с лязгом захлопнулась прямо перед моим носом.

Я моргнул.

– Ладно! – воскликнул я. – Можешь считать, что последнее слово осталось за тобой, мистер Билли Бонс, вот только смею заверить – ты сильно заблуждаешься!

Я вовсе не ощущал в себе той убежденности, с какой говорил. Билли Бонс был прожженным пройдохой до мозга костей. Он принадлежал к тому типу людей, кто сделает тебе скидку в четвертак, но попутно обсчитает на доллар. Еще никому не удавалось перехитрить его. И никому не удавалось получить от него то, с чем он не желал расстаться. А исходя из собственного опыта, я знал, что если он о чем-то не хочет рассказывать, то из него и слова не вытянешь.

Пришлось бежать в голову состава, разыскивать Сахарка. Тем временем начала напоминать о себе застарелая язва желудка.

– Дидди-Ва-Дидди! – кричал Сахарок. Он резво рассекал по вагону, пощелкивая компостером. – Дидди-Ва-Дидди, Джинни-Гэлл, ЗАПАДНЫЙ Ад, Ад и БелутаХАТЧИ! Приготовьте билетики!

Я тихонько махнул ему рукой. Но тут тучный джентльмен в полосатом костюме дернул его за рукав, а затем разразился длинной гневной тирадой, касавшейся его билета, так что мне пришлось постоять в сторонке и подождать. Сахарок некоторое время делал вид, будто внимательно выслушивает пассажира, но затем навис над ним подобно лиловой грозовой туче. Мужчина сразу же съежился. Роста Сахарку не занимать, и он умеет внушать ужас каждым дюймом своего тела.

– Вот что я вам скажу, сэр, – произнес Сахарок тихим, полным угрозы голосом, – почему бы вам не взять эту ложку и не воткнуть себе в глаз? Хорошенько ею там поворошите. Поглядим, насколько качественно вам удастся вычистить свою глазницу. – Он пробил билет. – Уверяю, и недели не пройдет, как вы будете с ностальгией вспоминать об этом эксперименте.

Его собеседник посерел от гнева, и на секунду мне показалось, что он даже вскочит сейчас со своего места. Но Сахарок улыбнулся, демонстрируя каждую мышцу на своем лице и шее, и пассажир смирился. Тогда Сахарок вставил отрывную часть билета в зажим над сиденьем толстяка и, покачав головой, прошел ко мне в тамбур.

Хотя, по правде сказать, он не столько прошел, сколько протиснулся.

– Давай быстро, Малкольм. У меня еще полно работы.

– Не знаешь, почему мы остановились? – Темные силуэты незнакомцев уже возвращались к соснам. Никто из них даже не оглянулся. Ни единого раза. Они просто растворились во тьме. – Я видел, как Билли Бонс погрузил в вагон какой-то ящик, но стоило спросить его об этом, как он захлопнул передо мной дверь.

Сахарок вытаращил на меня свои жуткие глазищи. За все те три или четыре года, что он служил на поезде, я ни разу не замечал, чтобы они хоть раз моргнули.

– Ты ничего не видел, – заявил он.

– Слышь, ты мне тут не возникай! – Я упер кулаки в бока. – Твоя мамка еще сиську сосала, когда я уже служил проводником на этом рейсе.

Сахарок вдруг словно бы раздулся, превратившись в черную гору мышц с двумя булавочными, пылающими адским огнем глазками.

– Следи за языком, когда говоришь о моей маме!

Волосы на загривке у меня встали дыбом, но на попятный я не пошел.

– А что ты мне сделаешь? – покачал я пальцем у его носа. – Правила тебе известны. Только тронь меня – мигом слетишь с маршрута. Тебя потом никуда дальше Манхэттена не выпустят!

– Да мне по барабану. – На мои плечи опустились его огромные ладони. Говорил он тихо и даже расслабленно. – Вот закончится этот рейс, так мне вообще начхать будет, есть у меня работа или нет.

Он говорил, а его руки все сильнее сжимали мои плечи. Один из огромных больших пальцев лег мне на щеку и накренил мою голову набок. Я ни минуты не сомневался в том, что, если этому парню приспичит, он запросто переломает мне все ребра, а заодно и позвоночник. Он был очень силен. И больше того, он упивался своей силой.

– Я же ничего такого не сказал! – Я был напуган. – И вовсе не собирался обижать твою маму.

Сахарок немного покатал мои слова в голове, а затем его лицо расплылось в мечтательной улыбке.

– Еще бы ты собрался.

А затем он отвернулся.

Я выдохнул. Не могу сказать, что хорошо знал Сахарка. Он лишь недавно влился в команду; тот кондуктор, что был до него, так полюбил зависать в забегаловках и игорных притонах

Джинни-Гэлл, что окончательно утратил свое и без того неустойчивое душевное равновесие. Но если кому и было от рождения суждено стать полнейшим мерзавцем, так это Сахарку. Он в прямом смысле явился на свет воплощением ненависти. Поговаривают, что когда повитуха шлепнула его по попе, то рев и выражение на лице Сахарка так ее напугали, что она просто уронила его на пол. Он родился с руками мясника и глазами убийцы. Все остальное его тело просто вынуждено было вырасти до таких габаритов, чтобы вместить столь взрывной темперамент.

А еще рассказывают, что, когда повитуха занесла ногу над Сахарком, собираясь размозжить ему череп, его мать вскочила и избила ее до полусмерти. Мама нашего нового кондуктора была довольно хрупкой женщиной, но ее любовь к своему ребенку была очень сильна. Она переломала повитухе кости и сбросила ту с лестницы. А затем подняла Сахарка, приложила к своей груди и спокойно пела тому колыбельную, пока он не заснул. Вот такая кровь текла в его жилах, из такого теста он был вылеплен.

Тут поезд неожиданно дернулся и снова отправился в путь. Что бы ни произошло, я уже ничего не мог изменить.

Раз уж со мной отказались говорить Билли Бонс и Сахарок, не было ни малейшей надежды и на девушек. Они все состояли в одном профсоюзе, и Билли являлся его старостой. Я тоже состоял в профсоюзе, вот только совсем в другом.

Единственным, кто мог поделиться информацией, оставался старина Козлоног. Поэтому я вернулся к своему торговому киоску за бутылочкой виски. Уложив ее в бумажный пакет, я начал пробираться по спальному вагону, когда одна из дверей неожиданно скользнула в сторону и меня поманил красный ноготок на тонкой руке.

Я зашел в открывшееся купе. Рыжеволосая женщина захлопнула дверь и встала между мной и выходом. Пару мгновений мы просто смотрели друг на друга. А затем она наконец заговорила:

– Проводник?

– Да, мэм?

На ее лице вспыхнула озорная улыбка.

– Хочу вам кое-что показать. – Она принялась расстегивать блузку, выпячивая вперед грудь. Она носила черный кружевной лифчик из тех, что сдавливают и приподнимают груди. И следует заметить, там было на что посмотреть.

– Прошу простить, мэм, – несколько неловко пробормотал я. – Мне надо возвращаться к работе.

– Вот я и хочу, чтобы вы поработали, – заявила она,

притягивая меня к себе. Я потянулся открыть дверь, но она крепко вцепилась в мой китель, пытаясь его расстегнуть. Я был вынужден сжать ее запястья, поскольку боялся потерять пуговицы.

– Прошу вас, мэм. – Я был готов провалиться под землю от стыда.

– Хватит скулить, мальчик! У меня есть то, что тебе нужно, и мы оба понимаем, что я совсем не прочь этим поделиться. – Она терлась об меня, одновременно пытаясь пригнуть мою голову к своей груди. Каким-то удивительным образом ее лифчик оказался расстегнут, и мое лицо уткнулось в обнаженную плоть. Ужасно. Я вырывался как мог, пытаясь высвободиться, но она повисла на мне всем телом.

Наконец мне все же удалось выскользнуть из ее объятий и отпихнуть женщину так, что та завалилась на нижнюю полку. Пассажирка с томным вожделением посмотрела на меня.

Я воспользовался этой секундной заминкой, чтобы распахнуть дверь и выбежать в коридор. Настороженно поглядывая на женщину, я принялся приводить в порядок свою форму.

Осознав, что я не собираюсь остаться, пассажирка переменилась в лице и выпалила в мой адрес отвратительное слово:

– Членосос!

Было бы глупо отрицать, что это меня задело. Но на голову этой женщины слишком много всего свалилось, и с моей стороны было бы верхом непрофессионализма позволить себе в данной ситуации проявление чувств. Поэтому я просто сказал:

– Да, мэм. Именно так. Но уверен, в этом поезде путешествует достаточно мужчин, кого весьма заинтересует то, что вы можете предложить. Скоро откроется вагон-ресторан. Советую заглянуть туда, на выбор будут кавалеры всех сортов и мастей.

Я поспешил удалиться.

Когда я еще не умер, подобные мне называли себя «людьми свободных взглядов». Как же давно это было! В те времена если ты был гомосексуалистом и тебе не посчастливилось умереть, ты автоматически попадал в список обреченных. За смертный грех почиталось просто родиться одним из нас, и никакие оправдания не помогали. Все изменили Стоунволлские бунты. После них стало достаточно быть хорошим человеком, чтобы в конце тебя определили в другое место. В нескольких кругах Ада из-за этого до сих пор не прекращаются возмущения, да только что они могут исправить? Заведующий не принимает апелляций.

Мне не повезло дожить до той даты буквально пару десятков лет. Меня забили до смерти в Афинах, штат Джорджия. Два копа

застукали меня, когда я обжимался с белым пареньком по имени Дэнни на заднем сиденье новенького «рамблера». Не думаю, что они действительно хотели меня убить. Просто забыли остановиться вовремя. Тогда такое частенько случалось.

Когда я умер, меня отвели в крохотную комнатушку к двум скучающим ангелам. Один из них сгорбился над столом, заваленным целой горой бумаг.

– Это кто у нас? – спросил он, даже не поднимая взгляда.

У второго ангела, стоявшего опираясь спиной на картотечный шкаф, было доброе, хотя и очень усталое лицо. Казалось, он не только повидал все худшие пороки человечества, но и понимает, что будет сталкиваться со всей этой мерзостью раз за разом, пока не прозвучит труба, возвещающая конец света. Он и вправду обладал добрым сердцем, поскольку не стал меня никак обзывать, а сказал лишь одно:

– Юноша, которому сильно не повезло.

– Ох, – произнес первый из ангелов, оглянувшись. А затем снова вернулся к своей работе.

– Присаживайся, сынок, – сказал тот, с добрым лицом. – Это займет некоторое время.

Я подчинился.

– И что меня ждет? – спросил я.

– Хрен по губам – вот что, – проворчал занятой ангел.

Я посмотрел на второго.

Тот слегка покраснел.

– Примерно так, – произнес он. – Я тебе сразу скажу, начистоту, в твоем случае все ясно как день. Ты – жопотрах, а жопотрахи отправляются в Ад. – Он покашлял в кулак и добавил: – Но я тебе одно скажу. Только между нами, разумеется, но я тут узнал, что те два мужлана, которые тебя замели, очень скоро тоже окажутся в этом кабинете. Паленый виски.

Он открыл один из ящичков и извлек на свет огромную, пухлую папку.

– Это каталог наказаний группы С. Ямы с трупными червями, дожди расплавленного свинца и прочие удовольствия на любой вкус. Так что читай внимательно и выбирай самые, так сказать, сочные. А я прослежу, чтобы твои «приятели» все это получили сполна.

– Нет, сэр, – ответил я. – Не стану я этого делать.

– Да? – Он сдвинул очки на кончик носа и посмотрел на меня поверх них. – А что так?

– Если это не обязательно, я бы не хотел причинять им вреда.

– С чего бы вдруг? Они же просто беложопые ушлепки! Быдло! Белая отрыжка южных штатов! – Он указал на меня

уголком папки. – Они же убили тебя потехи ради!

– Не стану утверждать, что они замечательные парни, – ответил я. – И признаюсь, без них мир станет только лучше. Но я не собираюсь выдумывать для них наказание. Разумеется, нельзя сказать, чтобы я желал им счастья и добра, и благочестивым христианином меня тоже никак не назовешь… вот только знаю одно: мы должны прощать своих гонителей настолько, насколько это позволяет наша природа. И я буду крайне вам признателен, если ни одна из этих кар их не коснется.

Тот ангел, с которым я разговаривал, недоверчиво посмотрел на меня, и выражение его лица уже вовсе не было добрым. Второй же вдруг прекратил писать и тоже вылупился на меня.

– Вот же срань, – произнес он.

Споры вокруг моей персоны не прекращались целых три дня.

Для тех, кто должен был решать мою судьбу, я представлял нечто вроде серьезной политической проблемы, ведь отправить меня Наверх, разумеется, было нельзя. Это создало бы опасный прецедент.

В конечном итоге все вылилось в то, что я получил новую работу. Мне выдали форменную одежду с бронзовыми пуговицами, две недели гоняли на стажировке и строго запретили влезать в неприятности. И до сих пор мне это вполне удавалось.

Но сегодня, кажется, светлая полоса начала подходить к концу.

Старина Козлоног насмешливо покосился на меня, когда я вошел в кабину локомотива. Из всего персонала он один никогда не был человеком. Чистокровный черт от самого Сотворения… хотя, если верить господину Мильтону, может, когда-то он и был ангелом. Я сдернул с выпивки бумажный пакет и отпустил тот по ветру, и выражение на лице машиниста сразу же изменилось. Когтистая лапища выхватила бутылку из моих рук, и черт одним глотком опорожнил ее содержимое минимум на четверть.

Он глухо заурчал, а потом то ли рыгнул, то ли завыл – подобные звуки недоступны человеческому горлу. Меня передернуло, хотя таким образом Козлоног просто демонстрировал полученное удовольствие.

– Назревают неприятности, – произнес он хриплым голосом, в котором слышалось потрескивание горящих углей.

– А поточнее? – осторожно поинтересовался я.

– Да вроде все по-прежнему. – Он покосился на пустоши, проносившиеся за окном. Вдалеке через доходившую им до пояса грязь пробирался отряд кентавров, каждый из которых ростом

был поболее десятиэтажного дома. Воняло от этой мутной жижи похлеще, чем от свалки Фрэшкилл, что возле Нью-Джерси. – И все же… – машинист покачал головой, – ничего подобного раньше не видел. Ад отправил на охоту всех своих мудаков.

Черт передал мне бутылку.

Я приложился к горлышку, все еще источавшему жар его губ, и сделал небольшой глоток. Исключительно из учтивости.

– А зачем?

– Понятия не имею, – пожал он плечами. – Ищут что-то, но будь я проклят, если знаю – что.

В это самое мгновение над горизонтом подобно грозовой туче поднялся здоровенный демон, чьи кожистые крылья хлопали как паруса на ветру. Тварюга была такой огромной, что закрывала собой полнеба, а еще она источала невыносимую вонь, которая, в этом я был уверен, не выветрится еще несколько часов, с какой бы скоростью мы ни ехали.

– Ого, тот еще мордоворот, – заметил я.

Старина Козлоног ехидно засмеялся, а затем приговорил еще треть бутылки.

– Тебя что, пугает эта крошка? – Он высунулся в окно, зажал пальцем одну ноздрю и выстрелил в ночь изрядной порцией соплей. – Хрен ты чего видел, сынок… над нами недавно архангелы пролетали.

И тут мне стало действительно страшно. У меня не было ни малейших сомнений, что предмет поисков всех этих могучих созданий находится в одном из вагонов нашего поезда. И это, в свою очередь, означало лишь то, что теперь за нами охотятся разом и Ад, и Рай. Вам, конечно же, может показаться, будто бы бояться следовало разве что преследователей из Ада, но подумайте хорошенько – черти проиграли. Забудьте обо всем, что вам вешают на уши. Противостоящая им сторона – злая мачеха, и не позволяйте никому убедить вас в обратном.

Старина Козлоног добил выпивку и закусил бутылкой. А затем, натянув одной рукой петлю регулятора, расстегнул пуговицы на ширинке, выудил оттуда своего дряблого друга и принялся справлять нужду прямо в топку. Оба кочегара, пританцовывавшие босыми ногами на раскаленных углях и работавшие лопатами словно умалишенные, тут же побросали свой инструмент и, отпихивая друг друга, побежали под благословенную струю, сулившую хотя бы кратковременное облегчение их страданий. Они были черны как смоль, а в волосах их блуждали голубые язычки пламени. Моча Козлонога шипела и кипела, попадая на угли.

Обреченные души были готовы драться даже за нее. И

зрелище это повергало меня в уныние.

– Прошу меня извинить, – несколько смущенно произнес я, – скоро откроется казино. Пора возвращаться к работе.

Старина Козлоног пустил газы.

– Вали ко всем чертям, – добродушно отозвался он.

В казино уже раскручивал свою рулетку Билли Бонс, и те пассажиры, кто и прежде рисковал так, будто живет последний день, теперь совсем сорвались с тормозов. Они кричали и хохотали, болтали о том и о сем, выкладывая на стол пачки бумажных купюр. Всем было плевать, что крупье мухлюет. Это была их последняя возможность воспользоваться своим богатством.

Хищно ощерившийся Билли Бонс пребывал в родной стихии. Одной рукой он раскручивал колесо рулетки, а другой – прижимал к себе милашку в прозрачных серых чулках и такой короткой юбчонке, что всякий желающий мог разглядеть туннель до Цинциннати. В свою очередь она обнимала его за плечо, а в свободной руке держала бокал мартини и ароматизированную сигарету, всем своим видом демонстрируя, что она не прочь сыграть с Билли в любую игру, какая тому взбредет на ум. Вот только для него она была не более чем игрушкой, гламурной красоткой, помогающей ему выманивать деньжата из чужих карманов.

Лабель, Эфрея и Салли сновали в толпе, нагруженные подносами с сигаретами, героином и закусками. Все трое были очень хорошими девушками, а что касается того, как они попали на наш поезд… думаю, все мы знаем, как такое случается с хорошими девочками. Однажды им встречается плохой мужчина. Они носили длинные белые перчатки, а их форменная одежда, пусть и облегающая, была пошита в строгом стиле и застегнута на все пуговицы, чтобы никто по ошибке не спутал их с обреченными. Салли одарила меня улыбкой, добродушной, но в то же время скромной.

В этот раз нам довелось подвозить компанию неплохих музыкантов, и те исполнили для нас несколько зажигательных импровизаций. Должно быть, они понимали, что в Преисподней уже жарятся конкуренты такого калибра, что следующих гастролей ждать придется очень и очень долго. Но должен признать, эти ребята умели задать жару.

Каждый старался оторваться на полную катушку.

Это была самая веселая часть поездки, и, как правило, я наслаждался ею. Но не сегодня.

У задней двери стоял Сахарок, окруженный свитой самых

роскошных красоток. Вполне привычное зрелище. Они облепляли его еще на южной платформе Центрального вокзала, эти элегантно одетые женщины, которые и умереть-то пока не успели. Они закатывали глазки и выписывали своими задницами совершенно немыслимые кренделя. Рано или поздно одна из них спрашивала:

– А ты видел… его? – а затем, когда он смотрел на нее так, будто ничего не понимает, добавляла: – Ну, понимаешь… Люцифера? Дьявола.

И тут наш Сахарок, разумеется, отвечал:

– Видел ли? Да вот как раз после последней поездки имел, так сказать, приватный разговор с его сатанинским величеством. «Сахарок, – говорит он мне, – что-то ты стал до хрена часто опаздывать, пора тебе напомнить, кто здесь главный».

– А ты что? – Девицы затаивали дыхание и придвигались ближе.

– А я ему и отвечаю: «Снимай портки и нагибайся, мудила. Сейчас покажу кто».

Женщины визжали, возмущались и восхищались. И когда Сахарок разводил руки, у него под мышками обязательно оказывалась парочка милашек.

К бару выстроилась длинная очередь. Я старался ничем не выдавать своих мыслей, но, видимо, не сильно в том преуспел, поскольку, вставляя один из этих бумажных зонтиков в очередной бокал с охлажденным дайкири, ощутил прикосновение чьей-то руки к своему плечу.

Обернувшись, я столкнулся с самой понимающей из улыбок, какую только когда-либо видел. Передо мной стояла женщина, одетая в красный, тщательно подогнанный костюм. Она носила шляпу-котелок и дымила сигарой. Юбка ее доходила до полу, но при этом обладала разрезом до самого бедра, позволяя разглядеть небольшой серебристый револьвер, заткнутый за подвязку.

– Вы чем-то озабочены, – произнесла женщина. – Мне казалось, подобные чувства не свойственны здешнему персоналу.

– Все мы люди, мэм. И ничто человеческое нам не чуждо. – Я вздохнул. – И должен признаться, что если бы меня не обязали стоять здесь за стойкой бара, я бы… эх, да что там говорить. Так чем я могу быть вам полезен?

Она некоторое время разглядывала меня.

– Вы меня заинтересовали, – наконец заявила женщина, прежде чем раствориться в толпе.

Впрочем, вскоре она вернулась, ведя под локоток девочку, скорее похожую на фарфоровую куклу, нежели на ребенка.

– Мисси приглядит за баром, – заявила странная дама, прежде чем просунуть одну из рук между ног девочки, а другой взять за плечо и перекинуть малышку через стойку. Я не заметил, чтобы она приложила хотя бы капельку усилий, и вообще женщина вела себя так, словно ничего более естественного на свете и не бывает. – Она весьма опытна в этих делах.

– Минуточку, – заявил я, – не могу же я просто…

– Мисси совершенно не возражает. Верно ведь, милочка?

Девчушка с огромными глазами покачала головой.

– Дождись меня. – Женщина наклонилась и крепко поцеловала ребенка… не просто крепко, а взасос. Никто не обратил на них внимания. Пьянка уже шла полным ходом. – А ты пойдешь со мной.

Мне только и оставалось, что подчиниться.

Незнакомка сказала, что ее зовут Джеки. А затем, когда я тоже представился, добавила:

– Я хочу помочь тебе, Малкольм.

– Почему?

– Я заметила, – произнесла женщина, – что многие люди покорно принимают любые превратности судьбы, но страшно боятся принять в ней хоть сколько-нибудь активное участие. Но я не из таких. – Она брезгливо покосилась на столик с рулеткой. – Я презираю азартные игры. Меня приводят в восторг совсем даже противоположные вещи. Так что расскажи мне о своей проблеме. Но так, чтобы мне было интересно.

Когда я изложил ей свою историю, Джеки вынула сигару изо рта и задумчиво на нее посмотрела.

– Кажется, твой приятель с головой ушел в погоню за легкими деньгами. Почему бы тебе прямо сейчас не заглянуть в багажный вагон?

Я покачал головой:

– Не выйдет. У задней двери дежурит Сахарок.

Мы стояли в проеме между двумя вагонами; под нами гудели рельсы и грохотали колеса. Джеки провела пальцем по нижней ступеньке служебной лестницы и произнесла:

– Мы можем обойти его поверху.

– Эй, минуточку!

– Ни секунды промедления! – Она нахмурилась, покосившись на свое платье. – Но разумеется, вначале я должна переодеться.

Она решительным шагом ворвалась в спальный вагон, распахивая двери, заглядывая внутрь и вновь захлопывая. В пятом по счету купе обнаружился худощавый мужчина, на котором из одежды была только майка, вовсю наяривавший свою любовницу. Он злобно посмотрел на нас:

– Эй! Какого рожна вы себе…

Джеки приставила пистолет к его лбу и качнула головой в сторону аккуратно сложенной одежды.

– Позволите?

Мужчина застыл. Умереть вновь он уже не мог, но удовольствие получить пулю промеж глаз все равно было весьма сомнительным.

– На здоровье.

– Вы истинный джентльмен. – Джеки сгребла в охапку стопку одежды. Перед тем как захлопнуть дверь, моя спутница приостановилась и улыбнулась напуганной женщине, лежащей под ограбленной жертвой.

– Умоляю, – произнесла Джеки, – не стоит прерываться ради меня.

Оказавшись в коридоре, она так резво сбросила юбку и натянула на себя брюки, что я даже не успел отвернуться. Куртка полетела в сторону, а жилет она застегнула поверх блузки. Затем Джеки на всякий случай примерила и туфли того мужчины.

– Смотри-ка, подходят!

По лестнице я взобрался первым. Ветер хлестал просто неистово. Я осторожно пополз по крыше вагона-казино. Мне было страшно до ужаса, и продвигался я не сказать, чтобы быстро. И тут меня похлопали по плечу, и когда я оглянулся, мое сердце ушло в пятки.

Джеки стояла, выпрямившись во весь рост, не обращая ни малейшего внимания на ту безумную скорость, с какой мчался наш поезд. Она наклонилась, протянула мне руку и заставила подняться.

– Дамы приглашают кавалеров! – прокричала она мне прямо в ухо.

– Что? – недоверчиво откликнулся я.

Свирепо хлеставший ветер сорвал с моей спутницы шляпу, и так покатилась по крыше. Джеки рассмеялась:

– Танцы! Ты же слышал о таком понятии, как танцы, верно?

Не дожидаясь ответа, она обхватила меня за талию и закружила… мы действительно танцевали. Она вела, а я подчинялся, хотя с испугом думал о том, что одно неверное движение – и мы изломанными куклами полетим в болота Стикса. Это было самое страшное и в то же время восхитительное приключение на моей памяти, с которым не шло ни в какое сравнение даже то мое первое свидание с заезжим путешественником у карьера на краю города.

Страх был настолько силен, что вскоре перестал ощущаться. Вначале я двигался нерешительно, но постепенно распалялся все больше. Джеки увлекла меня в свою головокружительную пляску. Ветер срывал искры с кончика ее сигары, украшая ночь этими маленькими искусственными звездами. Какое-то безумие завладело мной, и я танцевал, танцевал, танцевал.

Наконец Джеки отпустила меня. Она раскраснелась и выглядела довольной.

– Так-то лучше. Никогда не становись на корячки, Малкольм. Мы с тобой рождены не для этого. Возможно, все наши старания не приведут нас ни к чему; мы должны праздновать свой триумф сейчас, пока еще можем.

Каким-то образом я понял, какие чувства ею обуревают, и был полностью с ней согласен.

Она отвела взгляд. Мимо проносились мрачные пустоши. Призрачные болотные огни озаряли трясину и топи, раскинувшиеся по обе стороны от путей.

– Если спрыгнуть здесь, в лучшем случае сломаешь себе руку или пару ребер. До Нью-Джерси отсюда сколько?.. Двести пятьдесят, может, триста миль? Волевой, сильный человек вполне может вернуться по железной дороге и сбежать.

– Никому не удастся сбежать, – ответил я. – Прошу, даже не думай об этом.

По ее лицу пробежала тень досады, но затем она кивнула:

– Да, пожалуй, ты прав. – В следующую секунду она вновь была столь же весела, как и прежде. – Вперед. Нас ждут дела. Поспешим. Если внизу услышат, как мы тут топочем, они быстро сообразят, что мы затеяли.

Мы спустились в проем перед багажным вагоном. Там был ящичек с инструментами, к которому у меня имелся ключ, а в нем лежала монтировка. Я как раз возился с навесным замком, когда дверь вагона за моей спиной распахнулась и к нам вылетела вспотевшая, перепуганная Лабель.

– Малкольм, – задыхаясь, произнесла она, – не смей!

Откуда-то – не надо спрашивать меня откуда – в руках у Джеки оказался довольно-таки зловеще выглядящий нож.

– Даже не пытайся нас остановить, – мягко произнесла моя спутница.

– Вы не понимаете! – крикнула Лабель. – На поезде гончая.

И тут я услышал ее приближение.

Адские гончие совсем не похожи на земных: они крупнее самого большого мастифа, а внешне больше смахивают на крыс. Вонь от них просто отвратительная, а норов и того хуже.

Лабель взвизгнула и подалась в сторону, когда в пролет

прыжком влетела гончая.

Испустив нечто среднее между воем и визгом, тварь бросилась к нам.

– Действуй! – Джеки толкнула меня в дверной проем. – Тут я сама справлюсь. Займись своим делом.

Она захлопнула за мной дверь.

Меня окутала тишина. Это было жутковато. Ни единый звук более не напоминал о существовании гончей.

Я щелкнул выключателем и огляделся в свете покачивающихся электрических ламп. Груз казался вполне обычным: ящики с дорогим французским вином и парчой для владык Ада, а также лопаты, кирзовые сапоги и громоздкие пишущие машинки для всех прочих. Хотя нет, в противоположном конце вагона обнаружилось нечто примечательное.

Гроб.

Я пробирался к нему долго, медленно. В мою голову лезли мысли о всех тех людях, кого я когда-то знал и которые после смерти отправились туда, где мы уже не сможем встретиться. Мое воображение рисовало всевозможные варианты того, что может находиться в том гробу. Он казался мне неким подобием ящика Пандоры, заполненного безымянными ужасами и изгнанными силами Старой Ночи. Ничего на свете мне не хотелось сделать меньше, чем открывать его.

Сделав глубокий вдох, я вогнал монтировку под крышку гроба. Заскрипели гвозди, и ящик открылся.

Женщина, лежавшая внутри, открыла глаза.

Меня парализовал страх. У незнакомки было морщинистое, коричневое, словно грецкий орех, маленькое личико, с первого же взгляда говорившее о том, какой тяжелой оказалась жизнь ее обладательницы. Была какая-то твердость в изгибе ее губ, холодное спокойствие в выражении глаз. Женщина была совсем сухонькой, лишь кожа да кости, и лежала она скрестив руки на плоской груди. Свет, игравший на ее лице, озарял пространство гроба вокруг ее головы. Разглядывая ее, я с ужасом думал о том, что ждет Сахарка, меня и всех нас, когда о происшествии станет известно.

– Ну, юноша? – несколько ворчливо заявила женщина. – Не собираетесь мне помочь?

– Мэм? – У меня отвисла челюсть, и мне понадобилось некоторое время, чтобы взять себя в руки. – Ой! Конечно, мэм. Сию секунду, мэм.

Я протянул руку и помог незнакомке сесть. Мягкое сияние неотступно следовало за ее головой. «Святые угодники, – подумал

я. – Да она же одна из спасенных».

Я осторожно приоткрыл дверь багажного вагона, опасаясь встречи с гончей, которая несомненно должна была поджидать меня снаружи. Но был ли у меня выбор?

Но увидел я только Джеки, с головы до ног перемазавшуюся в крови и кишках. От одежды ее остались одни лохмотья. Она стояла, широко расставив ноги, а на лице ее играла самодовольная улыбка, а в зубах девушки по-прежнему дымился окурок сигары. Свернувшаяся калачиком у ее ног Лабель поднялась при моем появлении – ее трясло – и посмотрела куда-то вдаль. Из болот откуда-то позади донесся полный боли и ярости вой, подобного которому я никогда ранее не слышал. Затем все стихло.

Гончей нигде не было видно.

И первое, что сказала старуха:

– Юная леди, вы находите пристойным разгуливать в мужской одежде?

Джеки даже вынула сигару изо рта.

– И эту дрянь тоже выброси.

На секунду мне показалось, что сейчас начнутся неприятности. Но Джеки лишь рассмеялась, и ее сигара полетела во тьму. Окурок все еще горел, и, судя по тому, как нахмурилась старушка, она тоже это заметила.

Я предложил пожилой даме свою руку, и мы вместе отправились внутрь поезда.

Это была мать Сахарка. Я понял все с самой первой секунды. Пока мы шли по вагонам, она расспрашивала Лабель о своем сыне, как ему живется, ведет ли он себя подобающе, появилась ли у него подружка и какие у него планы на их совместное будущее?

Лабель исходила на пену, рассказывая нам, как Сахарку удалось все это подстроить. Он не переставал поддерживать связь с парнями на родине. И потому прекрасно знал, что жизнь его матери проходит лишь в молитвах и ожидании того дня, когда она преставится и сможет вновь повидать своего маленького мальчика. Никому не хватило духу рассказать ей о его новой работе. Сахарок и его товарищи решили, что раз уж Божественное Провидение не собирается потворствовать их встрече, ее придется организовывать своими силами.

– Он хорошо все продумал. Сахарок откладывал все свои деньги, – сказала Лабель. – Их хватило, чтобы купить небольшую квартирку на окраине Джинни-Гэлл. Вам там понравится, – заверила она старуху. – Люди говорят, место вполне пристойное. Туда весь Ад отправляется отдохнуть в ночь на Страстную

субботу.

Старушка молчала. Но то, как изогнулись линии ее рта, не предвещало ничего хорошего.

Когда мы вошли, в вагоне-казино воцарилась гробовая тишина.

– Мама! – вдруг закричал Сахарок. Он бросился к ней и сжал в объятиях. Оба залились слезами, а с ними и все наши девочки. Даже у Билли Бонса на лице вдруг появилась странная кривоватая улыбка.

Мисс Сельма Грин обвела вагон и его обитателей долгим, задумчивым взглядом. И то, что она увидела, ей определенно не понравилось.

– Сахарок, что ты делаешь в такой отвратительной компании? Что ты успел натворить такого, чтобы заслужить подобную участь? Мне казалось, я хорошо тебя воспитывала.

Сахарок гордо расправил плечи:

– Мама, за всю свою жизнь я ни разу не совершил никакого зла. И ты сама это знаешь. Я никогда бы не позволил себе поступка, который ты не одобрила бы. – Взгляд его скользил по вагону, по лицам как проклятых, так и обслуживающего персонала. – Не потому, что я прямо такой уж хороший человек. Просто я знал, чего ты от меня ждешь. Порой скверная компания пыталась сбить меня с истинного пути. Распутные девки старались увлечь меня за собой. Но ни одному даже самому влиятельному мужчине или самой прекрасной женщине не удалось заставить меня забыть твои наставления.

Что до меня, то я даже поверил. Сахарок был настоящим амбалом… зачем такому человеку прибегать к насилию? Перед ним и так все расступались. А если у кого недоставало мозгов, то ведь Сахарок только защищался, разве не так?

Жаль, но маму его убедить оказалось непросто.

– И что же тогда ты делаешь здесь?

Не могу осудить ее за то, с каким презрением она произнесла последнее слово.

Сахарок выглядел сконфуженным.

– Не знаю, – промямлил он. – Должно быть, им не понравилось то, как я выгляжу…

– Правду, мальчик!

– Я… ну… в некотором роде поругался с ангелом-регистратором. Так меня сюда и упекли. – При воспоминании о том дне в нем вновь начал вскипать гнев; он до сих пор никак не мог успокоиться. – «Скажи спасибо, что мы вообще возимся с таким черным отребьем», – сказал он. «Вот уж обойдусь без

одолжений», – ответил я. «Тебе следует проявить побольше уважения», – сказал он. «Никогда не пресмыкался перед людьми, и перед ангелами не стану, – ответил я. – А что заслужил, то мое по праву!» Это взбесило пернатого до самых кончиков обкусанных ногтей! Он хотел, чтобы я раболепствовал и унижался. Но у меня есть гордость. И я заявил, что ни перед кем не стану изображать покорного ниггера. Думаю, потому он меня сюда и сослал.

– Мы не говорим этого слова, – задумчиво произнесла мисс Грин. Сын озадаченно посмотрел на нее. – Знаешь же, слово на «н».

– Конечно, мама, – сказал Сахарок, всем своим видом выражая раскаяние.

– Так-то лучше. Ты хороший мальчик, только порой забываешь об этом. – Старушка позволила себе едва заметную, скромную улыбку. – Тебе стоит немного поработать над собой. Ну, теперь-то я прослежу, чтобы ты вернулся на верный путь.

Она рванула вниз рычаг аварийного тормоза.

С визгом, который, должно быть, слышали даже в Дидди-Ва-Дидди, поезд неподвижно замер на рельсах. В темноте послышалось шевеление чудовищных тварей, пробиравшихся к нам через смрад и грязь болот Стикса. До меня донеслось угрожающее хлопанье крыльев.

– Мама! – взвыл Сахарок. – Что ты наделала?

– Хитростью ничего дельного не добьешься. Мы все исправим и сделаем это так, как положено, – заявила старушка. – Не сутулься.

Сказано – сделано.

Трибунал состоялся прямо перед локомотивом. Двое судей угрожающе нависали над поездом, а проклятые облепили крыши передних вагонов, забираясь друг другу даже на плечи и передавая задним рядам каждое прозвучавшее слово. По одну сторону от локомотива присел на корточки Багамотежт, Владыка Червей. Две обвислых, сочащихся розовых груди безвольно ниспадали на его волосатое брюхо, а изо рта демона непрестанно капала кишащая личинками пена. От отвратительного тела исходил не менее отвратительный запах. От взгляда в его безумные глаза под шевелящимися щупальцами ресниц можно было и самому лишиться разума.

Вторым судьей оказался архангел. Он был белее малярной краски и сиял ярче лампы накаливания, а при взгляде на него… Как бы это объяснить? Знаете такое странное чувство, когда смотришь в телескоп на крошечное пятнышко света, которое невооруженным глазом, может, и не различишь вовсе? И все же

оно там, среди многих миллиардов звезд, холодных, ярких и далеких… и на фоне этого зрелища и ты сам, и Земля, и вообще все, что ты когда-либо видел и знал, начинает казаться крохотным и малозначительным. Примерно то же самое испытываешь, когда видишь архангела, только чувство в разы более неприятное.

Я вдруг понял, что мой взгляд непрестанно мечется от одного судьи к другому; один отталкивал своей отвратительностью, второй ослеплял своим великолепием, но отвести глаза в сторону я не мог. Это были не те создания, к которым стоило поворачиваться спиной.

Багамотежт обладал удивительно ласковым, даже убаюкивающим голосом.

– У нас нет претензий к добродетельной мисс Сельме Грин. Полагаю, вы намереваетесь незамедлительно причислить ее к рангу святых?

Архангел кивнул. В ту же секунду старушку окутало облаком яркого света и унесло в ночное небо, и вскоре она казалась лишь удаляющейся падающей звездочкой. Вот только что она что-то кричала и отчаянно жестикулировала, и тут ее не стало.

– Мистер Грин, – произнес Багамотежт. – Что скажете в свое оправдание?

Сахарок стоял перед судьями, чуть наклонившись вперед, словно под порывами сильного ветра. Он крепко стиснул зубы, а глаза его пылали от гнева. Он не собирался ни в чем раскаиваться.

– Я всего лишь хотел быть с моей…

Багамотежт предупреждающе поцокал языком.

– Я всего лишь…

– Молчать! – взревел архангел.

От его голоса зазвенели рельсы и закачались вагоны. У меня все прямо затряслось внутри. Архангел и Сахарок посмотрели друг на друга. Они стояли так целую минуту; даже не верится, что простой смертный может столько выдерживать взгляд подобного существа. И все же в конце концов Сахарок медленно, со злостью опустил голову и уставился на землю у себя под ногами.

– Что скажете в свое оправдание?

– Я признаю свою вину, – пробормотал Сахарок. – Но я всего лишь…

– Уильям Мередит Бонс, – произнес архангел, – а вы что скажете в свое оправдание?

Билли Бонс расправил плечи и заговорил куда решительнее, чем можно было бы ожидать в данной ситуации.

– Всю свою жизнь, – заявил он, – я только и делал, что гнался за длинным долларом. Богатство служило мне полярной звездой. Для меня деньги значили в некотором роде даже больше, чем люди. Впрочем, они завели меня в конечном итоге не так далеко, куда могла бы закинуть скверная компания. И до последних дней я оставался верен своим принципам. – Он развел руками. – Сахарок предложил мне плату за контрабандный провоз его мамы. Ну что я мог поделать? Как я мог отказать? Это было бы против моих правил. Так что выбор был очевиден.

– И сколько же, – голос архангела был угрожающе тих, – вам заплатили?

Билли Бонс непокорно выпятил нижнюю челюсть:

– Сорок пять долларов.

Зашумели все, кто знал Билли Бонса. Мы просто не могли сдержаться. Люди улюлюкали и держались за животы от хохота, от которого по их щекам катились слезы. Мысль о том, что старый пират сунет голову в петлю из-за столь жалкой суммы, была просто смехотворной. Он посмотрел на нас, багровея от злости.

– Так вы сделали это не ради денег, – произнес Багамотежт.

– Нет, – пробормотал он, – видимо, не из-за них.

Следом одну за другой вызвали Лабель, Эфрею и Салли, заставив тех покаяться и признать свою вину. Потом очередь дошла и до меня.

– Малкольм Рейнольдс, – сказал архангел, – ваши товарищи утверждают, что, беспокоясь о чистоте вашей души, они не стали посвящать вас в свои планы. Нет ли у вас какой бы то ни было причины или желания оспорить их слова?

Во мне вдруг что-то переломилось.

– Нет, нет и нет! – закричал я.

Трудно было не заметить брезгливое выражение, возникшее на лице Билли Бонса, и полные грусти взгляды, которые бросали на меня девушки, но мне уже было все равно. Я много через что прошел, и силы мои наконец иссякли. Я видел, что происходит в Дидди-Ва-Дидди и дальше к югу от него… видел и не имел ни малейшего желания иметь ко всему этому отношение.

– Да, виноваты только они… я к этому не причастен! Клянусь, что если бы знал, то сдал бы их с потрохами раньше, чем что-либо произошло!

Судьи переглянулись. А потом один из них, хотя я до сих пор не помню, кто именно, вынес свой вердикт.

Теперь у нас новый экипаж. Из прежней смены остались лишь я да старина Козлоног. Поезд как и прежде бегает по рельсам.

Судьи рассудили, что любовь Сахарка к матери и тот факт, что он добровольно рисковал обречь себя на вечное проклятие, чтобы только быть с ней, вполне достаточное основание позволить ему перебраться в местечко получше, где мама сможет за ним приглядывать. Лабель, Эфрея, Салли и даже Билли Бонс разрушили тот идеальный баланс своих душ, что привязывал их к железной дороге. И все дружно отправились Наверх.

Что до меня, то я сам испортил себе всю малину. Суд принял мое заявление о непричастности, а потому я остался там же, где и был. Девочки очень расстроились, как и я, чего уж греха таить. Но сделанного не воротишь. Вынеся решение, местный суд уже не принимает апелляций.

Я даже прощу Билли Бонсу ту нахальную ухмылку, что прилипла к его лицу, пока ему вручали именные нимб и крылья. Он смотрел так, будто в очередной раз надурил разом весь белый свет. Но было подлинным и чистым удовольствием видеть, как преобразились Лабель, Эфрея и Салли. Они были славными девушками. И заслуживали только самого лучшего.

За всей этой суматохой мы только в Белутахатчи заметили, что Джеки воспользовалась остановкой и последовавшим за ней судом, чтобы ускользнуть с поезда. Полагаю, она свято верила, что сумеет пройти триста восемьдесят миль по черным топям, избежав зубов мириад населявших их разномастных тварей, от одного взгляда на которых кровь способна застыть в жилах. Затем ей предстояло как-то преодолеть мост над Ахероном – конструкцию высотой в полмили, где негде спрятаться от проносящихся поездов – и найти способ незаметно вернуться в Нью-Джерси.

Меня берет тоска, когда я пытаюсь думать о ее участи.

Пожалуй, на этом рассказ о ней можно было бы и закончить. Однако есть кое-что еще.

Буквально на днях я получил открытку из Чикаго. Она имела такой помятый и потертый вид, словно весьма долго путешествовала в почтовых мешках. Обратного адреса не было. Только фотография заведения «Bar-B-Q», которое при желании не составило бы труда отыскать. А вот что было написано на обратной стороне:

> *Если одна граница столь скверно охраняется, то какие могут быть проблемы пролезть и через вторую? Я придумала один план, сулящий хорошую выгоду при довольно умеренных рисках. Интересует?*
>
> *J.*

P. S. Не забудь захватить свою униформу.

Похоже, я все-таки еду в Рай. А почему бы и нет?
Ада я на своем веку уже насмотрелся.

Между небом и землей

И вдруг, пока я брел вниз головой по телефонным проводам, глядя под ноги, на плоское, холодное, кое-где присыпанное колючими яркими звездами небо, меня осенило: стоит на миг поддаться слабости, сделать маленький шажок вбок – и все. И я вечно буду падать вверх, к недостижимым высотам ночи. Тут меня обуяла какая-то удаль, и я перешел на бег.

Ах, как пели провода под моими ногами! Ах, как они качались и выгибались надо мной, пока я мчался сломя голову! Мимо кафе-закусочной «Рикки», и в гору, в гору, в гору. Мимо старой шоколадной фабрики и комбината «Ай-Ди-Ай», где делают рекламные дисплеи. Мимо автосервисов, мимо «А. Дж. Лакорс: Электромоторы-Регуляторы-Запчасти». Выше и выше, по склону, который становится все круче, вдоль извивающейся, как змея, вереницы коттеджей, что карабкается к самому Риджу. Дважды я обгонял пешеходов, скрючившихся и закутанных, пригнувших головы, но не побежденных, – шут знает, какие таинственные дела выгнали их из дома в такую погоду. Они-то меня не замечали, само собой. Где уж им, пешеходам. Впереди уже показалась ферма, где выращивают антенны – честно, целое поле антенн. И Семь Сестер, разукрашенные красными огоньками, как новогодними гирляндами, приросшие к земле, словно сталактиты. «Куда бежим, малыш?» – проворковала одна из телебашен – кажется, Гегемона – скрипучим, хриплым от помех голосом.

– Отстань, – процедил я, не замедляя бег, и все семь башен захихикали.

По шоссе, бормоча, ползли машины. Эта местность, хотя люди постарались заселить ее и вообще привести в порядок, изобиловала оврагами, с которыми ничего нельзя было поделать. Вот и здесь, сразу за обочиной, начинался непригодный для строительства крутой скалистый обрыв – царство деревьев и мусора. Коробочки от макдоналдсовских гамбургеров и белые целлофановые пакеты махали вслед проезжающим автомобилям. Я прибавил ходу и начал выкладываться по-настоящему.

Примерно в квартале от Риджа я поскользнулся и чуть не упал. Еле успел ухватиться за столб. Ужасаясь собственной беспечностью, я повис над бездной. Голова кружилась. Нервы шалили. Земля, чугунным щитом нависшая над моей головой, была черней, чем сама чернота, и все же я чувствовал: она, точно охотничья собака, принявшая стойку, готова в любой момент наскочить на меня, раздавить в лепешку, размазать в ноль. Я с

ужасом уставился на нее.

Кто-то выкрикнул мое имя.

Я обернулся. Прозрачная голубая фигурка приникла к телеантенне на крыше маленького кирпичного коттеджа. Ага, Вдова Чарли. Рукой, мерцающей серебристым огнем, она указала в дальний конец Рипке-стрит. Я крутанулся вокруг столба – посмотреть, кто там.

Оказалось, Труподав.

Увидев, что я его заметил, он выдвинул еще несколько щупалец, задрал свою шипастую голову и издал вопль, отскочивший рикошетом от слоя Хевисайда[21]. У меня кровь застыла в жилах, хотя ни жил, ни крови у меня нет.

В паническом смятении я поднялся назад на провода и помчался к своему спасительному укрытию – Риджу. Я знал, что путь Труподаву преградят стены моего бесплатного, незаконного, дряхлого жилища под названием «Рокси». В чем их сила, я не знал. Но такие закономерности приходится запоминать, если хочешь выжить.

Итак, я бежал. Краем уха я слышал, как Семь Сестер кудахчут и сплетничают между собой, заодно успевая транслировать радио– и телепередачи на нескольких десятках частот сразу. Им плевать на мою беду.

Труподав, пыхтя, начал взбираться на гору по проводам, быстро перебирая десятками своих щупалец. На перекрестке Риджа и Леверингтона меня нагнала, пихнув в спину, поднятая им ионная волна. На заправку фирмы «Атлантик» въезжали автомобили. У мини-маркета «А-Плюс» ошивались подростки: небрежно швыряли на тротуар недокуренные сигареты, по-жеребячьи топотали ногами, дожидались, пока хоть что-нибудь случится. Каюсь, у меня они вызвали глубокое презрение, смешанное с завистью. Каждый из них жутко переживал из-за отметок, наркоты или прыщей, но все – даже жалкие замухрышки – чувствовали себя весьма уютно в могучих крепостях своих тел.

До дома оставалось буквально несколько ярдов. «Рокси» – огромный старый кинотеатр, носивший гордое имя «кинодворца», – был заброшен, затем частично перестроен под каток для скейтбордистов, который, в свою очередь, почти немедленно прогорел. Но когда-то «Рокси» был волшебным местечком и до сих пор, несмотря на все превратности судьбы, гордо нес на своем фронтоне терракотовые барельефы. Там были пышные банты, и бородатые Нептуны, и исполинские головы, которые, надув щеки, дудели в флейты Пана. А также гитары, цветы и драконы. Я перешел Ридж по мертвому телефонному

проводу – хрупкой, но все еще надежной паутинке.

Почти спасен.

И тут монстр набросился на меня с яростным электромагнитным воплем, таким жутким, что даже Сестры на миг смолкли. Он ударил меня сбоку – буря обнаженных бритв, феерия алмазных лезвий, сплошная стена когтей и крючьев.

Я схватился за ржавый карниз.

Поздно! Тело пронзила боль, глаза заволокло белой пеленой тошноты. В одно мгновение я утратил имя своей второй дочери, апрельское утро, когда для меня, пятилетнего, весь мир был как с иголочки, дымную череду посиделок до утра в ренселлерском политехе, ухмылку толстомордого немца, что жил на Лафонтен-стрит, острую боль в только что растянутой щиколотке на складе магазина «Банана Репаблик» и рыбалку на озере Шампле, когда мы с моим стариком удили с желтого резинового плотика. Все это – и еще тысяча других вещей – исчезло, высосанное из моей души, растоптанное в прах, невосполнимое.

Когда животное ранено, оно приходит в ярость. Взбесившись, я дал монстру сдачи, из-под моего кулака полетели брызги. Труподав встал на дыбы, норовя навалиться на меня и раздавить, я же попытался увернуться. Что-то лопнуло, я вывернулся.

И, проскочив через стену, оказался в своем безопасном убежище – обители мрака и летучих мышей.

– КОББ! – взвыл Труподав. Как шальной, он метался вокруг здания, скрежеща по кирпичным стенам зубами и конечностями, бешеный, как мартовский ветер, непредсказуемый, как шаровая молния.

Покамест мне ничто не угрожало. И все же он похитил частицу моей души и, замучив до смерти, присвоил. Теперь я уже не мог обманывать себя надеждой, что когда-нибудь он просто отвяжется от меня и уйдет.

– К-к-к-к-к-к-к-ко-о-о-оу-у-у-б-б-б-б! – Он разъял мое имя, превратив его в замысловатый аккорд из налезающих друг на дружку нот. Голос у него был противный, чавкающий, как грязь. Казалось, сам его звук пачкает мои уши. – К-к-к-к… – пауза, – о-о-о-о-б-б-б-б-б-б-б!

Двигаясь, словно в бреду, онемев от ужаса, я долго лазал по вогнутому жестяному потолку «Рокси», пока не отыскал местечко, где не было летучих мышей. Вконец усталый и отчаявшийся, я приник к потолку.

– К! К! О! О! О-О-О-О! Б! Б! Б!

Но как этот монстр меня отыскал? Я думал, что улизнул от него еще в Манхэттене. Неужели на высоковольтных проводах, по которым я убегал, остались следы? Возможно. Но не исключено,

что у него со мной какая-то особая связь. За время погони он наверняка встречал на своем пути добычу и полегче. Значит, у Труподава со мной счеты. Может, я знал его – или ее? – когда он (она?) был (была?) человеком. Вполне вероятно, что кто-то из нас играл огромную роль в жизни другого. Может, мы даже любили друг друга. А что, бывает. Мир устроен гораздо более странно, чем казалось мне раньше.

И тут я с ужасом осознал, до чего докатился, заново увидел все убожество моего жилища, всю неизбежность нависшей надо мной опасности, все зловещие тайны, которыми кишела моя вселенная. И зарыдал, оплакивая все, что утратил.

И в конце концов Солнце выехало из-за горизонта, как личный грузовик «Петербилт» Господа Бога, и торжествующий рев его хромированных труб сообщил всем нам, всем исчадиям ночи, благую весть: пора спать.

Мир переворачивается вверх тормашками – вот первая примета того, что ты умер. Обалдеваешь оттого, что напрочь потерял ориентацию в пространстве. Плюс какое-то странное – боль-не-боль – ощущение: это рвутся последние ниточки, связующие тебя с твоими телесными компонентами. Тут-то ты и выскальзываешь из своей плоти. И сваливаешься с планеты.

Падая, ты разжижаешься. Субстанция, из которой ты состоишь, растягивается и утончается, превращаясь в этакий блинчик, и ее сияние меркнет по мере того, как ты набираешь скорость. Насколько известно, этот процесс длится поистине бесконечно. Ты угасаешь, утончаешься, остываешь… и наконец слипаешься со всеми, кому также довелось умереть, – субстанцией, которая ровным-ровным слоем пронизывает вселенский вакуум, вечно стремясь вперед, но так и не достигая абсолютного нуля системы координат. Разуй глаза: небо полно мертвецов.

Но в космос попадают далеко не все. У редких счастливцев хватает соображения или везения кое-как уцепиться за земное существование. Лично меня выручила случайность. Поздно вечером, когда я работал над докладом, у меня случился сердечный приступ. В офисе больше никого не было. На потолке под штукатуркой оказалась металлическая сетка – она-то меня и спасла.

Первая реакция на смерть – острое нежелание верить в ее реальность. «Быть не может», – подумал я. Разинув рот, я пялился на пол, где валялось мое тело (кстати, его обнаружили лишь утром). Мой собственный труп, бледный-бледный, точно обескровленный, одетый в серую мохеровую безрукавку; на шее –

галстук с логотипом корпорации; золотой «Ролекс», письменный прибор от фирмы «Шарпер Имидж»; и, разумеется, я не преминул подумать: «Так ради этой дряни я умер?» – подразумевая, ясное дело, всю мою жизнь.

Итак, испытывая онтологический и личностный кризис, я побрел по потолку, пока не дошел до места, где когда-то была труба пневматической почты. Ее убрали, а дырку заштукатурили лет пятьдесят назад. Я упал с семнадцатого этажа на двадцать пятый, а по дороге много узнал. Нервничая и дергаясь, но уже понемножку обучаясь той осмотрительности, без которой после смерти не проживешь, я подошел к окну – поглядеть, что делается снаружи. Попробовал дотронуться до стекла: рука прошла прямо сквозь него. Я отпрыгнул. Потом осторожно наклонился вперед, высунув голову в ночь.

Когда ты мертв, Таймс-сквер – это ни в сказке сказать, ни пером описать! Мертвецы видят в десять раз больше огней, чем живые. Во всех металлических предметах пульсирует внутренняя жизнь. Электропровода выглядят тонкими царапинами на коже воздуха. А неон – это просто ГИМН. Мир полон странных зрелищ и криков. И все стремительно меняется, оставаясь таким же прекрасным.

На площади охотилось существо, похожее на гибрид дракона и струйки дыма. Я скользнул по нему взглядом – и тут же увлекся другими чудесами.

Снова ночь. Меня разбудили «Цеппелины». «Лестница в небо». Опять. А вот песен «Дэд Милкмен» приходится ждать подолгу.

– Проснись и пой, мой человечек, – пропела грудным голосом одна из Сестер. Забавно: то они лезут в наши дела так, что спасу нет, то абсолютно нас игнорируют.

– Говорит Евфросина. Передаем прогноз погоды для красноглазых. Атмосфера мутная, возможны осадки в виде экзистенциального отчаяния. Если тебе небезразлична твоя дальнейшая судьба, лучше не выходи сегодня на улицу. В течение ближайшего часа сверкнет молния.

– Для молний нынче не сезон, – ответил я.

– Правда? Сказать об этом погоде?

Тут до меня дошло, что темная пелена, которую я спросонья посчитал черной аурой Труподава, на деле была атмосферным фронтом высокого давления. Приближалась гроза. Первые капли дождя застучали по крыше. Под завывания ветра дождь перешел в ливень. Вдали грохотал гром.

– Знаешь что, милая, иди-ка ты…

Легкий, высокий смешок, переходящий в ультразвук, –

и Евфросина от меня отстала.

Стук капель где-то под ногами убаюкал меня, но тут с истошным воплем примчалась молния, на долю секунды вывернула меня наизнанку и, радостно кувыркаясь, укатила к своим электрическим праотцам. В следующий миг, миг возрождения, стены сделались кристально-прозрачными, а весь мир – стеклянным, и тайны его стали видны как на ладони. Но не успел я всмотреться и вдуматься, как стены вновь стали темными и плотными, и улыбка безумца – злобный послед молнии – медленно погасла в ночи.

А Семь Сестер все это время хохотали и пели, приветствуя восторженным визгом каждую вспышку, импровизируя абсурдные стишки из воплей, свистков и скрежета помех. Когда на секунду воцарилось затишье, мою голову заполнил глухой гул несущей волны. Кажется, это была Фаэна. Но вместо ее голоса слышались лишь испуганные всхлипы.

– Вдова? – окликнул я. – Ты, что ли?

– Она тебя не слышит, – промурлыкала Фаэна. – Скажи спасибо, что я смогла ее усилить. В трансформаторную будку перед ее домом ударила молния. Это должно было случиться рано или поздно. Твой преследователь – ты его еще Труподавом зовешь, прелестное имечко, кстати, – ее стережет.

Ерунда какая-то. Быть не может.

– Почему вдруг Труподав к ней привязался? – спросил я.

– Ах, почему, почему, почему? – пропела Фаэна строчку из какой-то эстрадной песенки.

– Пока ты был жив, твои вопросы оставались без ответа. Думаешь, после смерти тебе наконец что-то объяснят? Дудки! – Всхлипы продолжались.

– Ничего, пересидит, – сказал я. – Труподав не может…

Стоп, погоди-ка. У нее в доме только что провели кабельное телевидение, так? Сейчас соображу, как там все устроено. С одной стороны – телефонные провода, с другой – электропроводка и кабели. Вдова легко может проскользнуть у него за спиной.

Всхлипы стали тише, но тут же перешли в вопль отчаяния. Такой истерики я от Вдовы не ожидал.

– Ты в своем репертуаре, – процедила Фаэна. – Как всегда, толкуешь о том, о чем не имеешь ни малейшего понятия. От удара молнии твой пушистик мутировал. Выдь-ка сам и посмотри.

У меня перья встали дыбом.

– Ты ведь отлично знаешь, что мне нельзя…

Фаэну что-то отвлекло, и несущая волна исчезла. Семь Сестер – ветреные дамочки. Впрочем, на сей раз их капризы были мне на руку. Как же, попрусь я наружу выяснять отношения с этим чудовищем. Просто не смогу себя заставить. И я был рад, что обстоятельства не заставляют меня признаваться в своей трусости вслух.

Долгое время я просто сидел и размышлял о Труподаве. Даже здесь, за прочными стенами «Рокси», само его имя вгоняло меня в столбняк. Я попытался вообразить, каково сейчас Вдове Чарли, отделенной от монстра лишь жалкой занавеской – кирпичи и штукатурка, это ж ерунда! Каково это, когда тебя щупают жесткие лучи его злобы и голода… Моя фантазия оказалась бессильна. Наконец я решил переключиться на другую тему и попытался восстановить в памяти свою первую встречу с Вдовой.

Она шла под горку с Роксборо, широко расставив руки – вылитый ребенок, играющий в канатоходца, только почему-то движущийся вниз головой. Старательно переставляя ступни, внимательно глядя на провод перед собой, она была так сосредоточена на своем занятии, что заметила меня лишь за квартал.

И вскрикнула.

И побежала прямиком ко мне. Я стоял спиной к трансформаторной будке – отступать было некуда. Вся дрожа, она замерла передо мной. Я невольно отпрянул.

– Да, это ты! – возопила она. – О господи, Чарли, я всегда знала, что ты за мной вернешься, я так долго ждала, но ни разу не усомнилась, ни разу, и теперь мы… – Она кинулась ко мне, точно желая обнять.

Наши взгляды встретились.

И радость в ее глазах погасла.

– Ой, – вымолвила она. – Это не ты.

Я только что слез с высоковольтных проводов и весь трепетал от энергии и страха. Мой разум кипел, раздираемый противоречивыми мыслями. О своей жизни после смерти я не мог вспомнить почти ничего. Так, какие-то фрагменты, обрывочные советы старых мертвецов, кошмарный поединок с какой-то тварью – то ли чудовищем, то ли явлением природы, – из-за которой я был вынужден бежать из Манхэттена. Я понятия не имел, что́ лишило меня памяти: может быть, загадочный монстр или жуткое напряжение в сияющих проводах, послуживших для меня шоссе.

– Это все-таки я. – Наверное, в моем голосе прозвучала досада.

– Нет, не ты, – сказала она, смерив меня обескураживающе

честным взглядом. – Ты не Чарли и никогда им не был. Ты представляешь собой всего лишь жалкие останки какого-то бывшего мужчины и притом не очень-то привлекательного. – Она повернулась ко мне спиной.

Она меня бросает! Я ощутил смятение – и такое отчаяние, какого никогда еще не испытывал.

– Умоляю вас… – выговорил я.

Она замялась.

Долгое молчание. Затем то, что живая женщина назвала бы «вздох».

– Вы, наверное, подумали, что я… ну да неважно. – Незнакомка протянула мне руку. Я не взял ее. – Идите за мной, – произнесла она, смирившись.

По неглубокому каньону делового центра, вдоль главной улицы мы в конце концов вышли на окраину города, к какой-то дешевой кафешке для шоферов, по обе стороны которой простиралась автомобильная свалка. Кафе было закрыто. Мы забрались внутрь и приспособились на потолке.

– Сюда попала машина после моей смерти, – сказала она, указав на свалку. – Сразу после того, как мне позвонили насчет Чарли. Дело было вечером. Я тут же надралась до чертиков, а потом мне пришло в голову, что они могли и ошибиться, бывают ведь всякие ужасные недоразумения, вдруг он на самом деле не умер, ну вы сами знаете, о чем я говорю… Он ведь мог просто впасть в кому или как там это называется… Всякое случается, с диагнозом обмишулились или спутали его с кем-то, как знать? В больницах творятся жуткие вещи. Врачи тоже ошибаются.

Я решила поехать и разобраться. Кофе варить было некогда, так что я залезла в аптечку, нахватала, не глядя, всяких таблеток и проглотила, полагая, что какая-нибудь точно не даст мне заснуть. Потом вскочила в машину и отправилась в Колорадо.

Понятия не имею, с какой скоростью я неслась – помню только, что перед аварией за стеклами все расплывалось, как кляксы. По крайней мере, я никого с собой не утащила на тот свет – Бог не допустил. На миг я почувствовала боль, злость и недоумение – и тут же обнаружила, что лежу на полу машины, а мой труп валяется в нескольких дюймах от меня, на потолке…

Помолчав, она продолжила:

– Первым моим желанием было вылезти из окна. К счастью, я этого не сделала. – Она вновь умолкла. – Со свалки я выбиралась почти всю ночь. Приходилось карабкаться с одной разбитой машины на другую. Иногда перепрыгивать. Кошмар.

– Удивительно, что у вас хватило духа остаться в машине.

– Голова сразу заработала. Когда умираешь, тут же весь хмель

выходит.

Я рассмеялся. Просто не смог сдержаться. В ту же секунду расхохоталась и она. На миг мне стало хорошо-хорошо и тепло-тепло – уж не помню, когда со мной такое происходило. Словно подзаряжая друг друга, мы безудержно хохотали, и колебания нашего веселья накладывались друг на друга, пока по всей округе в радиусе мили телеэкраны не засыпало «снегом» помех.

Моя бдительность ослабла. Женщина взяла меня за руку.

В меня хлынули воспоминания. Ее первое свидание с Чарли. Он был электриком. Ее соседка затеяла капитальный ремонт. А моя новая знакомая работала в тот момент у себя на заднем дворе. Чарли завел с ней разговор. Назначил свидание. Они отправились на дискотеку в отель «Адамс-Марк» на Сити-Лайн-авеню.

В то время ей вообще было не до романов. Она еще не оправилась от кошмарной связи с женатым человеком, который считал ее своей собственностью, хотя вовсе не собирался узаконивать их отношения. Но когда Чарли предложил выйти для разнообразия на улицу – у него, дескать, в машине есть кокаин (дело было в семидесятых годах), – она с ходу согласилась. Все равно рано или поздно он к ней начнет подъезжать. Лучше уж сразу с этим покончить, чтобы выгадать побольше времени для танцев.

Но после того, как они подзарядились кокаином, Чарли потряс ее до глубины души: взял ее руки в свои и расцеловал. В те времена она работала в гончарной мастерской, так что руки у нее были красные и мозолистые. Она их очень стеснялась.

– Красивые руки, – бормотал он. – Какие красивые-красивые руки.

– Ты надо мной смеешься, – обиделась она.

– Нет! Эти руки не ленятся, а *делают*. И то, что они делают, придало им форму. Как камни в ручье – их ведь обкатывает текучая вода. Как инструменты, которыми работают. Хороший молоток всегда красив. Вот так и с твоими руками.

Легко можно было бы предположить, что он просто ее охмуряет. Но по голосу, по интонации было ясно: его слова совершенно искренни. Взяв его руки в свои, она увидела, что они тоже красивы. Внезапно она обрадовалась, что после разрыва с Дэниэлом все-таки не бросила принимать противозачаточные таблетки.

Она заплакала. Чарли уставился на нее встревоженными, непонимающими глазами. Но совладать с собой она не могла. Все слезы, оставшиеся невыплаканными за последние два года, теперь полились из ее глаз безудержным потоком.

«Малютка Чарли, – подумала она, – бери меня, я вся твоя».

И все это в одно мгновение. Я вырвал руку из ее пальцев. Цепь разомкнулась.

– НЕ СМЕЙ ТАК ДЕЛАТЬ! – завопил я. – НЕ СМЕЙ БОЛЬШЕ КО МНЕ ПРИКАСАТЬСЯ!

Презрительно-ледяным тоном Вдова произнесла:

– Для меня это тоже было не слишком приятно. Но я должна проверить, много ли ты помнишь о своей жизни.

Боюсь показаться тугодумом, но я не сразу сообразил, что обмен воспоминаниями был взаимным. А сообразив, обиделся. Но прежде чем успел высказать свое возмущение, она сказала:

– От тебя почти ничего не осталось. Ты лишь обрывок человека. Ошметки в лохмотьях. Практически ничто. Неудивительно, что ты так напуган. Чарли сказал бы, что у тебя низкий коэффициент «сигнал-помеха». Нью-Йорк тебя почти доконал.

– Это не дает тебе права…

– Помолчи. И слушай меня. Жить легко – плывешь себе по течению. Смерть – совсем другое дело. Цепляться за Землю очень сложно, а послать все к черту легче легкого. Искушение никогда тебя не оставляет. Поверь моему опыту. Когда-то в Роксборо нас было пятеро. И где, как ты думаешь, остальные? Прошлой весной еще двое пришли через Мейнеюнк, ютились под виадуком. А к осени их и след простыл. Держаться за Землю – тяжелая работа. В один прекрасный день звезды начинают петь для тебя, а еще через день ты ловишь себя на том, что прислушиваешься к ним. А спустя неделю понимаешь, что правда на их стороне. Ты пассивен, ты всего лишь реагируешь на то, что случается. Этим не проживешь. Чтобы выжить, тебе нужно точно знать, зачем ты стараешься.

– Ну а ты – зачем?

– Я жду Чарли, – сказала она просто.

«Интересно, сколько лет она ждет», – подумалось мне. Три? Пятнадцать? Надолго ли вообще хватает человека, который решил держаться за Землю? Однако, несмотря на свое смятение и взвинченные нервы, я сообразил, что о таких вещах лучше не спрашивать. Сердцем она наверняка и так понимает, что Чарли к ней не придет.

– Меня зовут Кобб, – сказал я. – А тебя?

Она замялась, а затем, странно оглянувшись невесть на что, произнесла:

– Я вдова Чарли. Все остальное неважно.

Других своих имен она мне так и не открыла и потому отныне стала для меня просто «Вдовой Чарли».

Перевернувшись на спину, я приник всем телом к жестяному потолку. Распростер руки и ноги, сделавшись призраком морской звезды среди летучих мышей. «Обрывок, – назвала она меня. – Ошметки в лохмотьях». И еще: «Неудивительно, что ты так напуган!» С тех пор как меня занесло на эту окраину системы энергоснабжения, прошло много месяцев, и все это время я не видел от нее ничего, кроме презрительной снисходительности.

И потому я все-таки вышел наружу, где бушевала гроза.

Дождь был мне не страшен. Капли пролетали сквозь меня. Но порывы сильно ионизированного ветра так и норовили сбросить меня с проводов, а трансформаторная будка у дома Вдовы пылала синим актиническим огнем. То был фонтан энергии, упавшая на землю ослепительная сверхновая. Очередная молния расстегнула меня, как свою тезку-застежку, вывернула наизнанку и вновь привела в обычный вид так быстро, что я и моргнуть не успел.

Вообще-то, Труподав был виден от самого «Рокси», но горящий трансформатор мешал разглядеть монстра как следует. И лишь приблизившись на расстояние квартала, я понял, что именно происходит на моих глазах.

Умирающий трансформатор стал для Труподава кормушкой. Монстр жадно сосал из него энергию, содрогаясь всем телом, как напитавшийся кровью москит. Из боков Труподава выросли полупрозрачные синие плазменные крылья. Огромные, искривленные, эти крылья охватывали дом Вдовы сплошной круглой стеной. В резонансных точках из крыльев выступали уменьшенные, не очень детально проработанные копии самого Труподава. Все они, как стражи, были обращены лицом к Вдове.

Итак, она была заперта в колючем кольце, сплетенном из электричества и злобы.

Я благоразумно отступил в соседний квартал. Правда, костер трансформатора наверняка загораживал меня от Труподава, так как последний остался на месте, безглазо уставившись внутрь круга. Трижды я обошел дом Вдовы, высматривая лазейку в кольце блокады: какой-нибудь неохраняемый электрический провод, железную ограду, любой непрерывный металлический путь, расположенный слишком низко либо слишком высоко для щупалец Труподава.

Ничегошеньки.

Наконец, поскольку выбора не было, я вошел в дом напротив жилища Вдовы – тот, который было хуже всего видно с того места, где цвел невнятно бормочущий вулкан, который когда-то был трансформатором. Электрический провод привел меня на тесный чердак. Оттуда я соскользнул по проводке через два этажа

в подвал. Мельком я заметил мужчину, храпящего на кушетке перед выключенным телевизором, в котором все еще сохранялся остаточный заряд. Телевизор гордо стоял, нагло выпятив экран и раздувшись от краденой энергии. Если б тот бедняга на кушетке видел то, что вижу я, у него в жизни бы рука не поднялась вновь включить телевизор. В подвале, цепляясь руками и ногами, я перелез из стиральной машины в главное входное отверстие водопровода.

Оседлав трубу и собрав в кулак всю свою волю, я нырнул под землю.

Там стоял кромешный мрак. Я полз по трубе, весь содрогаясь от паники. У меня отрубились почти все чувства: зрение и слух, вкус и обоняние. И лишь руки ощущали холод чугунной трубы. Пройдя сквозь стену, труба завершилась тройниковой муфтой, которая в свою очередь соединялась с отводной трубой водопровода, проложенной под мостовой. Я пополз дальше.

Переживание было не из приятных – словно тебя медленно-медленно душат и конца этому не видно. Словно тебя заворачивают в черный драп. Словно тебя топят в чернилах. Словно на твоей шее бесшумно затягивается петля голосов, доносящихся с той стороны звезд.

Чтобы отвлечься, я начал вспоминать своего старика.

Когда мой отец был молод, он пробирался из города в город, ориентируясь по радио. Мчась по темным, обычно пустынным шоссе, он крутил ручку настройки то вправо, то влево, вправо-влево-вправо, пока не ловил какую-нибудь местную радиостанцию. Тогда он оставлял ручку в покое и ждал, пока не прозвучит название станции. По нему он угадывал свое приблизительное местонахождение – окрестности Олбэни, к примеру. Если в приемник внезапно и громогласно врывался некий сигнал, столь же неожиданно переходящий в какофонию скорбных стонов и потустороннего писка, отец понимал: эти радиоволны во внимание принимать не стоит, ибо они прилетели из невообразимых далей по капризу ионосферы. Сигнал, мгновенно затухающий и тут же вновь возникающий в динамике, означал, что отец оказался на самой границе досягаемости станции. Но вот ему попадался сигнал, который нарастал и креп по мере того, как отец продвигался вглубь зоны приема, затем, достигнув крещендо, вновь начинал затихать, пока не растворялся в помехах, а затем исчезал в полной тишине. «Ага, – смекал отец, – я нахожусь несколько левее Трои и в общем не выбиваюсь из графика». И начинал ловить следующую радиостанцию.

Таким образом можно объездить весь континент, переходя,

как эстафетная палочка, из рук в руки местных станций, настроившись на географию ночи.

Я прокрутил это воспоминание в голове три раза, отделывая и оттачивая фразы. Потом труба внезапно кончилась. Вытянув перед собой руку, я ощупал пустоту – и ничего не обнаружил.

Значит, я достиг основной трубы. На миг я запаниковал, испугавшись, что она окажется бетонной или керамической, а может, даже кедровой (в XIX веке их в городе проложили немало, и эти отрезки кое-где уцелели под тротуарами). Но мне редкостно повезло: водопровод здесь провели в краткий период моды на чугун. Я стал ползать вдоль основной трубы, сначала с одной стороны, потом с другой, в поисках отвода к дому Вдовы. Оказалось, что под мостовой прячется форменный лабиринт. Несколько раз я натыкался на газовые трубы или на те, по которым под высоким давлением нагнеталась вода к пожарным гидрантам. Приходилось долго тыркаться в поисках обходного пути. Наконец я отыскал нужное ответвление и возобновил свое мучительное подземное путешествие.

В подвале Вдовы я вынырнул законченным невротиком. До меня дошло, что я больше не в силах припомнить, как зовут моего отца. Вот уж действительно «ошметки в лохмотьях»! Я взобрался по проводке, осматривая все комнаты и невольно шпионя за семейством, которое купило дом после смерти Вдовы. На кухне перед мойкой стоял одутловатый мужчина в пижаме с засученными рукавами. Запустив руки по локоть в воду, он яростно драил тарелки при свете свечки. Женщина – очевидно, его жена, – повернувшись к нему спиной, демонстративно курила, то гневно затягиваясь, то выдыхая дым, буквально пышущий ненавистью. На втором этаже девочка лет двенадцати, горько рыдая, крепко прижимала к себе трехцветную кошку, которая тщетно пыталась вырваться. Слезы капали на кошачью спину. В соседней комнате мальчик помоложе в наушниках (плеер лежал у него на коленях) сидел на кровати и смотрел невидящими глазами в окно, где пылал трансформатор. Ни на первом, ни на втором этаже Вдовы не было.

Как только она выдерживает в этом семействе – в духовке, где вместо пирогов выпекается хаос? Жалкая судьба – быть вечной наблюдательницей на чужом пиру, видеть, как живые безрассудно проматывают то, что ты сама уже истратила… Следы Вдовы были всюду, но сама она ускользала от меня. Я уже начал предполагать, что она, отчаявшись, бросилась в небо, но тут обнаружил ее на чердаке. Вдова цеплялась за кабель, ведущий к антенне. Она встрепенулась, удивленная моим неожиданным появлением.

– Пошли, – сказал я. – Я знаю выход.

Однако на обратном пути я долго не мог найти дорогу. Проблема была даже не в замысловатом лабиринте подземных труб, хотя заблудиться в нем было легче легкого, а в том факте, что Вдова заявила: «Никуда не пойду, если ты не будешь держать меня за руку».

– Ты и не представляешь, как это для меня трудно, – возразил я.

– Иначе я просто не решусь, – сказала она нервно и невесело рассмеялась. – У меня топографический идиотизм.

И вот, собравшись с духом, я схватил ее за руку и нырнул в стену.

В голове у нее творилось черт-те что, я еле пробирался вперед, делая огромные усилия над собой, чтобы не соскользнуть с трубы. Мы проползли сквозь сотню ее воспоминаний, и все они относились к ее женатому любовнику, и все были одного сорта. Вот вам образчик:

Резко нажав рычажок, Дэниэл включил в машине радио. Салон затопила печальная музыка – что-то из классики.

– Не дури, крошка. Знаешь, сколько денег я в тебя вбухал? – Чтобы указать на ее платье, он больно ткнул ее своим толстым пальцем в грудь. – Вместо этой тряпки я мог бы купить двух первоклассных шлюх.

«Так чего ж не купил? – подумала она. – Садись на свой „метролайнер“ и катись к себе в Нью-Йорк, к своей жене, деньгам и двум первоклассным шлюхам». Вслух, вполне цивилизованным тоном, она сказала:

– Дэнни, между нами все кончено, неужели ты сам не видишь?

– Послушай-ка, крошка. Давай-ка не будем спорить, идет? Мы на автостоянке, мимо люди ходят, всем все слышно. Поехали к тебе, присядем и все обсудим как культурные люди.

Она вцепилась в руль, глядя прямо перед собой:

– Нет. Мы решим этот вопрос здесь и сейчас.

– Черт подери. – Одной рукой Дэниэл вытащил из кармана куртки пачку «Кента», выдавил из нее сигарету. Взял губами за кончик, выдернул. Щелкнул зажигалкой. – Ну говори, говори.

Ощущение безнадежности захлестнуло ее зловонной волной. А еще считается, что от женатиков легко отделаться. Иначе бы с ними вообще дела никто не имел.

– Отпусти меня, Дэнни, – взмолилась она. И затем, зная, что лжет, добавила: – Если хочешь, мы останемся друзьями.

Он раздосадованно хмыкнул.

– Я старалась, Дэнни, честно, я старалась. Ты даже

представить себе не можешь, сколько сил я положила. Но все это зря.

– Ладно, я тебя выслушал. А теперь поехали. – Перегнувшись через нее, Дэнни переключил передачу на задний ход. И наступил ей на ногу, больно вдавливая ее ступню в педаль акселератора.

Машина резко поехала назад. Будущая Вдова Чарли, вскрикнув, панически вывернула руль, а свободной ногой нажала на тормоз.

Машина подпрыгнула и с треском замерла. Послышался звон бьющейся пластмассы. Оказалось, что они врезались в «хёндай» фисташковой расцветки.

– Все как по заказу! – процедил Дэниэл. Зажигалка погасла. Дэниэл вновь щелкнул колесиком, прикурил, распахнул дверь. – Пойду посмотрю, что там.

Оглянувшись через плечо, она увидела, как Дэниэл, подтянув брюки, сидит на корточках около «хёндая». Внезапно ей захотелось развернуть машину и сбежать. Нажать на газ и вперед, не оглядываясь! Увидеть, как уменьшается в зеркале заднего вида его обескураженное лицо. Обливаясь слезами, она тихонько засмеялась.

Дэниэл вернулся:

– Все нормально, поехали.

– Я же слышала, там что-то разбилось.

– Ерунда, задняя фара. – Он странно покосился на нее. – Ты чего смеешься? Совсем сбрендила?

Она беспомощно покачала головой, тщетно пытаясь отделить слезы от смеха. Затем, она сама не помнила как, они очутились на автостраде. Тихо гудел мотор. Машина катила по безликому извилистому шоссе. Она была за рулем, но Дэниэл по-прежнему решал все за нее.

Тем временем мы окончательно заблудились. Всерьез и надолго. То, что я счел отводом основной водопроводной трубы, завело нас невесть куда. Следуя за извивами, мы наверняка преодолели уже несколько кварталов. Я остановился, выдернул свою руку из ее пальцев. Мне никак не удавалось сосредоточиться. Когда сквозь тебя кипящим потоком льется едкое, ядовитое чужое прошлое…

– Послушай-ка, – сказал я. – Нам надо кое о чем договориться.

Ее голос раздался ниоткуда, тихий, настороженный.

– Что?

Как тут лучше выразиться? Ужас этих воспоминаний заключался не в их неприглядности, но в их индивидуальных приметах. Они удобно входили в пазы, оставшиеся от моих подлинных воспоминаний. Они были привычны, как разношенные

ботинки. Сидели как влитые.

– Если б я хоть что-то об этой мути помнил, – сказал я, – извинился бы. Елки, разве я могу ставить тебе в вину твои же переживания? Разумеется, ты на меня зла. Но разве ты сама не понимаешь, все это прошло. Сгинуло. Пора тебе об этом забыть. Не надо спрашивать с меня за то, чего я даже не помню, идет? Все эти гадости случились двадцать, тридцать лет назад. Я был молод. С тех пор я переменился!

Осознав абсурдность своих слов, я чуть не рассмеялся, если б только мне было до смеха. Господи ты боже, я вообще уже мертвец!

Долгое молчание. Затем:

– Значит, догадался.

– А ты знала с самого начала, – горько проговорил я. – Как только я спустился с высоковольтных проводов в Мейнеюнке.

Она не стала ничего отрицать.

– Полагаю, мне должно быть приятно, что в свой черный день ты пришел ко мне, – произнесла она с интонацией, намекающей на обратное.

– Почему ты мне сразу не сказала? Зачем тянула?

– Дэнни…

– Не смей меня так называть!

– Между прочим, тебя зовут именно так. Дэниэл. Дэниэл Кобб.

Все те чувства, которые я пытался побороть под тем предлогом, что Вдова лжет или ошибается, окончательно взяли надо мной верх. Я рухнул ничком, крепко вцепился в трубу и стал биться о ее неумолимо твердый чугун. Запертый, как в темнице, в недружелюбной пустыне ночи, я взвешивал, что для меня страшнее – оторваться от Земли или остаться на ней.

– Кобб?

Я смолчал. В голосе Вдовы зазвучали нервные нотки.

– Кобб, нам нельзя здесь оставаться. Ты должен вывести меня наружу. Я вообще не понимаю, куда идти. Без тебя я пропаду.

Мне было не до разговоров.

– КОББ! – окончательно запаниковала она. – Я не стала тебе мстить. Еще тогда, в Мейнеюнке. Ты нуждался в помощи – и я помогла как умела. Теперь очередь за тобой.

Молча, незримо для нее, я покачал головой.

– Будь ты проклят, Дэнни, – яростно выпалила она. – Я тебе больше не позволю надо мной издеваться! Подумаешь, не нравится тебе тот козел, которым ты был раньше! Твои проблемы. Не смей самоутверждаться за мой счет. Я к тебе ангелом-хранителем не нанималась. Не думай, что я – последний шанс,

посланный тебе небом. Не мое дело – уговаривать тебя не прыгать с обрыва.

Упреки, упреки…

– А я тебя и не прошу, – пробурчал я.

– Ах, ты еще здесь! Возьми меня за руку и выведи отсюда.

Я взял себя в руки.

– Ориентируйся по моему голосу, крошка. Ничего лучшего предложить не могу – воспоминания у тебя слишком бурные, на мой вкус.

И мы возобновили свое черепашье странствие. Мне осточертело передвигаться ползком, осточертели потемки, осточертело все это жуткое прозябание во мраке. Зловонная яма моей души – и та содрогалась при мысли о том, кто я и с кем я. Неужели этому водопроводному лабиринту нет ни конца ни края?

– Погоди. – Левым боком я ощутил какой-то предмет. Нечто металлическое, погребенное в земле.

– В чем дело?

– По-моему… – Я стал ощупывать загадочный предмет, пытаясь определить, какой он формы. – По-моему, это чугунный столб. Вот он. Подожди. Сейчас влезу по нему, осмотрюсь.

Отпустив трубу, я ухватился за предполагаемый столб и высунул голову наружу, из-под земли. Оказалось, я был у ворот решетки, ограждавшей миниатюрный палисадник одного из домов на Рипке-стрит. Зрение вернулось ко мне! Как приятно было вновь ощутить всем своим существом чистое дыхание мира. Я даже на миг зажмурился, чтобы продлить наслаждение.

– Какая ирония, – проворковала Евфросина.

– Судьбы нашего героя, – подхватила Талия.

– Стоило ему победить свой страх, – продолжала Аглая.

– Спасти прекрасную деву от мерзкого чудовища, – вступила Клито.

– Наконец-то познакомиться со своим истинным «я», – заявила Фаэна.

– Вступить на долгий тернистый путь к выздоровлению, установив долгожданный контакт со своими глубинными подсознательными переживаниями, – прощебетала Эксо.

Гегемона только хихикнула.

– Что? – открыл я глаза.

И в этот самый момент Труподав пошел в атаку. Навалился на меня, оглушительно ударив своим тяжелым телом, протыкая длиннющими, как копья, когтями мою голову и тело. Усеянные шипами когти втыкались глубоко и намертво. И жгли, как раскаленное железо.

– А-а-а-ах, Кобб, – мурлыкал Труподав. – Сладенький ты мой.

Я истошно закричал, но он выпил все мои крики, так что во внешний мир прорвалось лишь мое молчание. Я пытался сопротивляться, но он сделал мои движения своими, и я лишь глубже и глубже загонял себя в бездонные омуты его сознания. Собрав волю в кулак, я сопротивлялся. Но оказался бессилен. Я познал томное наслаждение капитуляции, когда сама моя воля и непокорность стали частью индивидуальности моего победителя. Разница между мной и преследователем стиралась, уменьшалась, растворялась. Я преобразился.

Теперь я стал Труподавом.

Манхэттен – настоящая школа мертвецов. Ежедневно там умирает столько народу, что многочисленные монстры голодными не остаются. На складе воспоминаний, украденных у меня Труподавом, я отыскал некую недолгую передышку. Помнится, я сидел по-турецки на жестяном потолке какой-то грязной забегаловки. Прямо надо мной, этажом выше, стриптизерки ублажали японских туристов танцами на столах, и в это время один кобольд обучал меня тонкостям искусства выживания.

– Самое страшное, когда тебя выслеживает не просто хищник, а ты сам, – сказал он.

– Роскошный афоризм.

– Придержи язык. Я тоже когда-то был человеком.

– Извини.

– Ладно, прощаю. Вот что, о саламандрах я тебе рассказал. Гадостный способ протянуть ноги, но, по крайней мере, окончательный. Когда они тебя прикончат, даже мокрого места не останется. Но Труподав гораздо хуже. Это паразит. Настоящей, собственной индивидуальности у него нет, поэтому он лепит свою личность из кусочков всего, что в тебе есть гнусного. Из твоих пороков, из животной похоти. Он дарит тебе бессмертие – вот только больно уж оно мутное. Помнишь, в одном старом мультике страхолюдная жаба говорила: «Поцелуй меня и будешь жить вечно – станешь жабой, но бессмертной». – Кобольд скривился. – Если будет выбор, сдавайся саламандре.

– Ты вроде бы сказал, что я буду сам себя выслеживать.

– Иногда Труподав разрывает тебя надвое и позволяет одной из половинок убежать. До поры до времени.

– Зачем?

– Ноль понятия. Может, ему нравится в кошки-мышки играть. Развлекается он так, наверное.

Отделенный от Манхэттена миллионом миль, я подумал: так вот что со мной сталось. Убежал я далеко, но теперь всему конец.

И ладно. Главное – это сокровищница воспоминаний (прекрасных, восхитительных воспоминаний), куда меня сгрузил Труподав. Я купался в них, как в море, подбирал всякие разности – то зимний закат, то жжение в коленке (это я, девятилетний, повстречался с медузой). Ну и что, если я уже начинаю распадаться? Я был опьянен, одурманен, наполнен энергией неопосредованных переживаний. Я упивался жизнью.

И тут по столбику взобралась Вдова. Она искала меня.

– Кобб?

За это время Труподав отошел по решетке от ворот – выбирал, где бы меня переварить с комфортом. Увидев Вдову, он машинально запарковал меня в воспоминании о сером дождливом дне в салоне машины «форд-фиеста» рядом с вокзалом на Тридцатой улице. Мотор работал, печка и «дворники» тоже, и, чтобы заглушить шум, я включил радио, резко нажав на рычажок. В салон машины ворвался Бетховен. «Лунная соната».

– Не дури, крошка, – сказал я. – Знаешь, сколько денег я в тебя вбухал? Вместо этой тряпки я мог бы купить двух первоклассных шлюх.

Она избегала смотреть мне в глаза. Жалобно-писклявым голоском, от которого у меня зубы заныли, она произнесла:

– Дэнни, между нами все кончено, неужели ты сам не видишь?

– Послушай-ка, крошка. Давай-ка не будем спорить, идет? – Я изо всех сил старался вести себя благоразумно. – Мы на автостоянке, мимо люди ходят, всем все слышно. Поехали к тебе, присядем и все обсудим как культурные люди.

Она слегка заерзала на сиденье, поправила подол. Привлекает внимание к своим длинным ножкам и аппетитной попке. Пытается голову мне задурить. Да, эта дрянь умеет поворачивать нож в ране. Даже сейчас, плача и умоляя, она отлично осознает, как сильно меня возбуждает. И хотя мне самому было противно, что ее актерские штучки на меня так действуют, я почувствовал, что завелся. После ссор у нас всегда все в порядке с сексом.

Я сжал свой гнев в кулак и засунул в карман. Одновременно размышляя, что с огромным удовольствием врезал бы ей хорошенько. Она сама напрашивается. Вполне возможно, что в глубине души ей этого даже хочется; у меня частенько возникали подозрения, что ей нравится, когда ее бьют. Однако поддаться этому порыву я не успел.

Воспоминание прокручивалось передо мной, как пленка в видеомагнитофоне, неизменное, неостановимое.

И параллельно, точно галлюцинацию или наложенные друг на друга передачи разных каналов на экране барахлящего телевизора, я видел Вдову. Наполовину выбравшись наружу, она остолбенела от ужаса. Она трепетала, как пламя ацетиленовой горелки. В воспоминании она что-то мне говорила, но мое сердце переключилось с прошлого на настоящее, соответственно искажая восприятие. Вокзал, машина, движения «дворников», музыка – все это угасло до еле слышного шепота в дальнем уголке моего сознания.

Вокруг Вдовы обвились щупальца. Попалась. Она сопротивлялась тщетно, упоительно. Чувства Труподава пронизывали меня, и, ужаснувшись, я обнаружил, что они полностью совпадают с моими собственными. Я ХОТЕЛ Вдову, хотел так остро, что словами не описать. Я хотел прижать ее к себе крепко-крепко, чтобы ребра у нее треснули, чтобы она хоть разок поняла: я ей не вру. Я хотел сделать ее своей. Овладеть ею. Положить конец всем ее фокусам. Узнать каждую ее мысль и каждую тайну, познать ее всю, до глубины души.

«Хватит брехни, крошка, – подумал я, – хватит недомолвок. Теперь ты моя».

Мои желания столь точно совпадали с намерениями Труподава, что он перенес свое первичное сознание назад в жидкую мнемосферу, где оно и зависло, злорадное и ленивое, предаваясь вуайеризму, наблюдая за своим добровольным агентом – мной. Теперь автономные системы Труподава контролировал я. Я изменил форму щупалец: слив их воедино, вылепил пару могучих рук. Когти, которыми я цеплялся за решетку, вновь превратил в ноги. Придал Труподаву человеческий облик, не тронув лишь огромный тюк воспоминаний, который горбился у нас на спине, точно сумка с яйцами у самки паука. В последнюю очередь я вылепил голову.

И даровал ей мое собственное лицо.

– Что, крошка, не ждала новой встречи? – злорадно пропел я. Она казалась не столько испуганной, сколько разочарованной.

– Нет, – устало произнесла она. – В глубине души я всегда знала, что ты вернешься.

Прижимая Вдову к себе, я понял каким-то отдаленным уголком сознания, что в данный момент меня и Труподава связывает лишь общий набор воспоминаний и моя решимость больше их не терять. Но этого хватило. Я надавил своим лбом на ее лоб, силой заставил ее открыть рот. Между нами заплясала энергия: буйные языки пламени, протуберанцы.

Я приготовился выпить ее до дна.

Между нами не осталось барьеров. Прежде такое упоение

я знал лишь в сексе: бывает, что, охваченный страстью, забываешь, в котором из тел находишься, и разум растворяется в зверином желании шевелиться, двигаться, жить. На один головокружительный миг я был ею не меньше, чем собой. Я был Вдовой, которая завороженно всматривалась в зловонные глубины моей души. Она была мной, который стал очевидцем того изумления, что она испытала, осознав, насколько плохо я ее знал. Она и я – мы оба – увидели, как Вдова заледенела от ужаса.

Не от ужаса перед тем, что я делал.

От ужаса перед тем, во что я превратился.

Случившимся сразу после этого я не собираюсь хвастаться. То был всего лишь порыв, невольный спазм чувств, внезапное, нежданное прозрение. Может ли единый проблеск совестливости искупить такую жизнь, как моя? Не верю, что может. Отказываюсь верить. Будь у меня время передумать, все могло бы обернуться иначе. Но времени не оказалось. Я успел лишь ощутить нарастающее отвращение, безрассудное, какое-то нутряное желание сделаться чем угодно, лишь бы не мной самим, презренным. Острую, всепобеждающую тягу сбросить груз моих тяжких воспоминаний. Необходимость «хоть один разочек» поступить по справедливости.

Я разорвал нить.

Тихо покачиваясь, раздутый труп моей памяти приподнялся над землей и уплыл, унося на себе своего паразита – Труподава. Все накопленное мною за целую жизнь улетело от меня по ветру. Воздушным шариком набрало высоту и, кружась, уменьшаясь, мотаясь из стороны в сторону, растаяло в небе. Оставив мне лишь горстку двумерных, сдутых воспоминаний, о которых я поведал здесь.

Я истошно вскрикнул.

А потом зарыдал.

Не знаю, долго ли я висел на решетке, оплакивая утрату. Но когда я вновь овладел собой, Вдова все еще была рядом.

– Дэнни, – произнесла Вдова. Она не притрагивалась ко мне. – Дэнни, прости меня.

В тот миг я бы предпочел, чтобы и она меня бросила. Как извиняться за грехи, которых больше не помнишь? За то, что был человеком, который, при всей его подлости, исчез бесследно? Как ждать прощения от той, кого начисто забыл – забыл вплоть до самого имени ее? Меня всего трясло от стыда и тоски.

– Послушай, – сказал я. – Я знаю, что вел себя плохо. «Плохо» – еще мягко сказано. Но я могу как-нибудь искупить вину перед тобой… За это, ну ты знаешь, за все. Я что-нибудь придумаю. В смысле…

Что сказать человеку, заглянувшему на самое дно твоей никудышной, жалкой душонки?

– Я хочу попросить прощения, – сказал я.

Тоном, подозрительно похожим на сочувственный, Вдова сказала:

– Поздно, Дэнни. Все прошло. Финиш. У нас с тобой была одна-единственная общая черта. Ни ты, ни я не умели вовремя расставаться с тем, что нам больше не требовалось. Неудивительно, что мы снова вместе. Но разве ты не понимаешь: неважно, чего ты хочешь, а чего не хочешь – твое желание не сбудется. Уже не сбудется. Ты упустил свой шанс. А теперь улаживать уже поздно. – Тут она прикусила язык, ужаснувшись своим словам. Но мы оба знали, что она сказала правду.

– Вдова, – произнес я так мягко, как только мог. – Чарли наверняка…

– Заткнись.

Я заткнулся.

Вдова зажмурилась и закачалась, как на ветру. По ее телу пробежала рябь, превращая ее черты в упрощенную схему, убирая из них все человеческое. Она уже начинала расставаться со своим земным обликом.

Я вновь попытался с нею заговорить.

– Вдова… – произнес я, виновато протянув к ней руки.

Она напряглась, но не отпрянула. Наши пальцы соприкоснулись, сплелись, крепко сцепились.

– Элизабет, – произнесла она. – Меня зовут Элизабет Коннели.

И рассвет, и тот бесформенный ужас, что зовется днем, мы переждали на потолке «Рокси», обнявшись. Когда закат вновь пробудил нас ото сна, мы полночи проговорили, пока не пришли к тому единственному решению, которое в глубине души приняли заранее.

Мы потратили почти целый час, чтобы добраться до Семи Сестер и спуститься на высочайшую точку Талии.

Держась за руки, мы стояли на верхушке мачты. Из-под наших ног, точно порывы ураганного ветра, хлестали радиоволны. Приходилось цепляться изо всех сил, чтобы не сдуло.

У нас под ногами Талия безмятежно болтала с сестрами. Они были верны себе – в решающий для нас миг прикидывались, будто мы им совершенно безразличны. Но все они, как одна, нас подслушивали. Не спрашивайте, как я это узнал.

– Кобб? – произнесла Элизабет. – Мне страшно.

– Ага. Мне тоже.

Долгая пауза. Затем она сказала:

– Давай так: сначала я. Если ты бросишься первым, у меня духу не хватит.

– Ладно.

Она набрала в грудь воздуха – вот смехота-то, если подумать – и, отпустив мачту антенны, рухнула в небо.

Сначала она походила на воздушный змей. Потом на клочок бумаги. И наконец на стремительно падающее зернышко. Я долго стоял, глядя, как она падает и уменьшается. И вот Элизабет растворилась в мерцании этого задника Вселенной, стала еще одной искоркой бесконечности.

Она исчезла, и я невольно задумался, была ли она на самом деле. Действительно ли Вдова была Элизабет Коннели? Или же то был очередной осколок моего разбитого «я», связка объединенных одной темой воспоминаний, с которыми я должен был разобраться, прежде чем решиться на падение в небо? Бескрайняя пустота разверзлась вокруг меня, пустота, заместившая собой все сущее. И, судорожно схватившись за мачту, я подумал: «НЕТ! НЕ МОГУ!».

Но это мимолетное ощущение прошло. У меня масса вопросов, на которые здесь никто не ответит. Еще через миг я разожму руки и последую за Элизабет (если то действительно была Элизабет) в бездну ночи. Вечно падая, я превращусь в фоновое излучение, холодной тончайшей пленкой размажусь по Вселенной, стану гладкой, монотонной, адресованной всем и каждому радиограммой, которая легко поддается совершенно однозначной расшифровке. Пусть Талия передаст мою историю кому-нибудь, кто не поленится ее выслушать. Меня здесь уже не будет.

Пора в путь. Час отлета пробил – давным-давно. Мне страшно, но я ухожу.

Пуск.

Мертвый

Наш столик обслуживали три мальчика-зомби в одинаковых красных куртках: приносили воду, зажигали свечи, смахивали крошки между переменами. Их темные, внимательные, безжизненные глаза резко выделялись на фоне бледной кожи, настолько белой, что в приглушенном свете казалось, будто она светится. Я бы отнес их присутствие на счет дурного вкуса, но как сказала Кортни:

– Это Манхэттен. Легкий, продуманный вызов вкусу здесь в моде.

Один из мальчиков, блондин, принес меню и ожидал нашего заказа.

Мы оба заказали фазана.

– Прекрасный выбор, – откликнулся мальчик чистым, бесстрастным голосом.

Он удалился, но вскоре вернулся, держа в руке связку только что задушенных птиц, и предложил нам сделать выбор. На момент смерти ему было не больше одиннадцати, а его кожа отличалась тем редким цветом, который знатоки называют «матовое стекло» – гладкая, без единого пятнышка и почти прозрачная. Я не сомневался, что он стоил целое состояние.

Мальчик собирался уходить, но, повинуясь неожиданному импульсу, я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне.

– Как тебя зовут, сынок? – спросил я.

– Тимоти.

С такой же интонацией он мог перечислять фирменные блюда. Он подождал еще секунду – убедиться, что дальнейших распоряжений не последует, – и покинул нас.

Кортни проводила его взглядом.

– Он бы чудесно выглядел обнаженным, – мечтательно произнесла она. – В лунном свете, у обрыва. Определенно у обрыва. Возможно, того самого, где встретил свою смерть.

– Вряд ли он бы так хорошо выглядел, если бы в свое время упал с обрыва.

– О, не будь таким занудой.

Официант принес наше вино.

– «Шато Латур 17»? – Я поднял брови.

Лицо официанта отличалось сложностью черт – такие любил писать Рембрандт. С беззвучной легкостью он разлил вино по бокалам и исчез в полумраке ресторана.

– Бог мой, Кортни, ты соблазнила меня при помощи более дешевой марки.

Она покраснела, но без удовольствия. Карьера Кортни продвигалась успешнее моей. Если подумать, она продвигалась успешнее меня во всем. Мы оба понимали, кто умнее, обладает лучшими связями и имеет большую вероятность получить угловой кабинет с дорогим антикварным столом. Единственным моим преимуществом на рынке брачных предложений оставалась принадлежность к мужскому полу. Чего было вполне достаточно.

– Это деловой ужин, Дональд, – ответила она. – Ничего больше.

Я придал лицу выражение вежливого сомнения, поскольку по опыту знал, что оно приведет Кортни в ярость. И, приступая к фазану, пробормотал:

– Несомненно.

Мы не затрагивали важные темы до десерта, но наконец я спросил:

– Как идут дела у Лоэб-Соффнер?

– Планируем расширение компании. Джим готовит финансовую часть предложения, а я занимаюсь персоналом. Мы думали о тебе, Дональд. – Она одарила меня хищным блеском зубов, который означал, что Кортни положила глаз на желаемое.

Кортни даже с натяжкой нельзя было назвать красивой женщиной. Но от нее исходила некая свирепая аура, будто что-то первобытное удерживается в тугой и ненадежной узде, и эта аура заставляла меня неудержимо ее желать.

– Ты талантлив, склонен к авантюрам и не слишком крепко держишься за свое место. Нам как раз требуются люди с подобными качествами.

Она поставила на стол сумку и достала из нее сложенный лист бумаги.

– Вот наши условия.

Кортни подвинула лист к моей тарелке и с наслаждением принялась за свой торт.

Я развернул бумагу.

– Но ведь это перевод без повышения.

– Зато неограниченные возможности для продвижения, – ответила она с полным ртом. – Если ты хорошо себя покажешь.

– Хм…

Я проверил обещаемый социальный пакет – он полностью соответствовал тому, что я имел сейчас. И моя теперешняя зарплата, с точностью до доллара; не иначе как мисс Соффнер хотела показать свою осведомленность. Предложение также включало право на приобретение акций компании.

– Странные условия для перевода.

И снова эта улыбка, словно акулий плавник в мутных водах.

– Я знала, что тебе понравится. Мы составили предложение по максимуму, потому что нам нужно получить твой ответ в короткие сроки, лучше всего сегодня. В крайнем случае завтра. И без торгов. Нам необходимо оформить договор как можно скорее. Когда дело станет достоянием общественности, разразится буря. Мы собираемся поставить фундаменталистов и либералов перед свершившимся фактом.

– Господи, Кортни, что за чудовище ты собираешься запустить в мир на этот раз?

– Огромное. Больше, чем «Эппл». Больше, чем «Хоум Виртуал». Больше, чем «Хай-Вак-IV», – с наслаждением произнесла Кортни. – Ты когда-нибудь слышал о биологических лабораториях Кестлера?

Я отложил вилку.

– Лаборатории Кестлера? Вы решили торговать трупами в розницу?

– Я тебя умоляю. Посмертными биологическими человеческими ресурсами. – В ее легком тоне слышалась должная ирония. И все же мне показалось, что я также уловил небольшую неловкость касательно природы товара.

– Вы на них много не заработаете. – Я махнул рукой в сторону наших заботливых официантов. – Они составляют от силы два процента от годового дохода. Зомби – это предмет роскоши: прислуга, обслуживающий персонал реакторов, голливудские каскадеры, экзотические услуги, – (мы оба знали, что я имею в виду), – максимум несколько сотен в год. На них нет спроса. Слишком велико отвращение.

– Недавно произошел прорыв в технологиях. – Кортни подалась вперед. – Они научились устанавливать инфра-системы и чипы управления и готовы предложить новый продукт по заводской цене не дороже новой малолитражки. Что намного выше рентабельности производственных рабочих. Посмотри на предложение с точки зрения обычного фабриканта. Он и так урезает все затраты, а оплата труда выжимает из него последние соки. Как еще ему конкурировать на сокращающемся потребительском рынке? А теперь представь, что он покупает наш пакет. – Она достала перьевую ручку и начала выписывать пункты на скатерти. – Никаких компенсаций. Никаких страховых обязательств. Никакой оплаты больничных. Никакого хищения. Мы говорим о возможности сократить затраты на персонал на две трети. Как минимум! От такого предложения невозможно отказаться, и мне наплевать на отвращение. По предварительным подсчетам, уже за первый год мы продадим пятьсот тысяч единиц.

– Пятьсот тысяч, – повторил я. – Это безумие. И где вы

возьмете материал?

– В Африке.

– Боже мой, Кортни!

Я потерял дар речи от цинизма, который требовался для того, чтобы просто задуматься об извлечении прибыли из сахарской трагедии, о беззастенчивом перекачивании денег в карманы местных гитлеров, охраняющих тамошние лагеря. Кортни улыбнулась и слегка наклонила голову, что означало, что она украдкой проверяет время.

По ее знаку мальчики-зомби установили вокруг нас лампы, настроили проектор и включили его. Затрещали и замелькали помехи, вокруг нас поднялись стены темноты. Кортни достала плоский пульт управления и положила перед собой на стол. Три движения ухоженных ноготков, и на экране возникло лицо Марвина Кестлера.

– Кортни! – радостно воскликнул он. – Ты в Нью-Йорке, верно? В Сан-Морице. С Дональдом. – Крохотная пауза после каждого утверждения. – Вы пробовали медальоны из антилопы? – В ответ на наше отрицание он чмокнул кончики пальцев. – Они восхитительны! Слегка подвялены, а потом залиты моцареллой. Нигде больше их не умеют так готовить. Недавно я пробовал это же блюдо во Флоренции, но его даже сравнивать нельзя.

Я прочистил горло.

– Значит, вы в Италии?

– Давайте не думать, где я. – Кестлер пренебрежительно махнул рукой, отметая мелочи. Но лицо Кортни помрачнело. Индустрия похищения видных бизнесменов неудержимо развивалась, так что я сел в лужу. – Вопрос в другом – что вы думаете о моем предложении?

– Оно довольно… интересно. Для перехода.

– Это для начала. У нас полно кредитов. В долгосрочной перспективе ты выиграешь.

Внезапно он одарил меня широкой лихой улыбкой. Этакий деловой корсар. Потом наклонился вперед, понизил голос, заглянул мне в глаза. Классические приемы обращения с людьми.

– Тебя не надуют. Ты же знаешь, что Кортни тщательно проверила финансовую сторону. И тем не менее ты думаешь, что план не сработает. Чтобы получать прибыль, товар должен быть притягателен, а наш просто не может таким быть.

– Да, сэр, – ответил я. – Верно подмечено.

– Давай-ка заинтересуем молодого человека, – кивнул он Кортни. И добавил, обращаясь ко мне: – Мой лимо внизу.

Экран погас.

Кестлер ждал нас в лимузине, присутствуя в виде призрачного розоватого изображения. Голограмма – или, скорее, зернистый призрак, парящий в золотистом свете. Он обвел гостеприимным иллюзорным жестом салон машины и предложил:

– Будьте как дома.

Водитель надел военные фотоувеличительные очки. Они придавали ему сходство с насекомым, и я не мог бы сказать с уверенностью, мертв он или нет.

– Отвези нас в «Небеса», – приказал Кестлер.

Швейцар отошел от дверцы, оглядел улицу и кивнул водителю. Автоматические камеры-пушки следили за нашим продвижением по кварталу.

– Кортни сказала мне, что вы получаете сырье из Африки.

– Несколько неприятно, но необходимо. Для начала. Прежде всего нам необходимо продать идею, так что не стоит усложнять себе жизнь. Но не вижу причин, почему бы позже нам не использовать национальные ресурсы. Что-то в духе обратной закладной[22] – возможно, своего рода страховка, которая выплачивается при жизни. В любом случае таким образом мы избавимся от малообеспеченных семей. К чертовой матери. Слишком долго они получали все задаром; пришла пора платить по счетам – пусть умирают и становятся нашими слугами.

Я был почти уверен, что Кестлер шутит. Но на всякий случай улыбнулся и наклонил голову.

– Что такое «Небеса»? – спросил я, чтобы перевести разговор на более безопасную территорию.

– Место испытания будущего, – с удовлетворением пояснил Кестлер. – Вы когда-нибудь видели кулачные бои?

– Нет.

– О, это спорт джентльменов! Самая сладкая наука. Без раундов, без правил, без судей. Только там можно узнать истинную цену человека, не только его силу, но и характер. Как он себя держит, умеет ли сохранять хладнокровие, как терпит боль. Служба безопасности не разрешает мне посещать клубы лично, но я принял меры.

«Небеса» оказались перестроенным кинотеатром в захудалом квартале Куинса[23]. Водитель вышел из машины, ненадолго скрылся позади нее и вернулся с двумя телохранителями-зомби. Как фокусник.

– Вы держите их в багажнике? – спросил я, когда он открыл нам дверь.

– Это новый мир, – ответила Кортни. – Привыкай.

Клуб оказался переполнен. Две, а может, три сотни мест, причем только стоячие. Смешанная клиентура, в основном

черные, ирландцы и корейцы, но среди них встречались и люди более высокого класса. Не только бедным требуется периодический всплеск адреналина. Никто не обратил на нас внимания. Мы подоспели как раз к представлению бойцов.

– Вес двести пятьдесят фунтов, черные шорты с красной полосой, – надрывался рефери, – страшный гангстер, задира, человек с…

Мы с Кортни поднялись по черным, грязным ступенькам. Начинали и замыкали нашу процессию телохранители, будто мы шли в патруле по джунглям во время какой-нибудь войны двадцатого столетия. Тощий, с пивным животом старикашка с влажной сигарой во рту отпер нашу ложу. Липкий пол, плохие сиденья, отличный вид на ринг внизу. Серые пластиковые маты, клубы дыма.

Кестлер уже ждал нас в виде новенькой, с иголочки голограммы. Он напомнил мне пластмассовых Мадонн в раскрашенных ванночках, которых католики выставляют у себя во дворах.

– Ваша постоянная ложа? – спросил я.

– Все это ради вас, Дональд, ради вас и других избранных. Мы выставляем наш товар против одного из местных талантов. По договоренности с администрацией. То, что вы сейчас увидите, навсегда развеет все сомнения.

– Тебе понравится, – добавила Кортни. – Я хожу сюда уже пять дней подряд. Включая сегодняшний.

Зазвенел колокол, схватка началась. Кортни жадно наклонилась вперед, облокотившись на перила.

Зомби с серой кожей выглядел умеренно мускулистым, особенно для бойца. Но он держал руки в боевой готовности, отличался подвижностью и удивительно спокойным и знающим взглядом.

Его оппонент был настоящим амбалом: высокий черный парень с типичными африканскими чертами, слегка скособоченными, так что его рот постоянно кривился в ухмылке. На груди красовались бандитские шрамы, но еще более уродливые отметины украшали спину, причем они не выглядели искусственными, он явно заработал их на улицах. Его глаза горели напряжением на грани безумия.

Он двинулся вперед осторожно, но без страха и сделал несколько быстрых ударов, чтобы примериться к противнику. Удары были отражены, контрудары нанесены.

Бойцы обходили друг друга по кругу, выискивая слабое место.

Примерно с минуту ничего не происходило. И тут гангстер

нанес обманный удар в голову зомби, заставив того поднять защиту, нырнул в открывшуюся брешь и ударил его ниже пояса так сильно, что я поморщился.

Никакой реакции.

Мертвый боец ответил серией ударов и сумел вскользь задеть бандита по щеке. Бойцы отскочили в стороны и снова закружили по рингу.

Потом амбал ринулся в атаку, нанося сокрушительные удары, – казалось, он должен переломать противнику все ребра. Толпа вскочила на ноги, ревом выказывая одобрение.

Зомби даже не пошатнулся.

Он перешел в контратаку, тесня гангстера к канатам, и в глазах того появилось странное выражение. Я с трудом мог себе представить, каково это – всю жизнь полагаться на свою силу и способность терпеть боль и вдруг встретить противника, для которого боль ничего не значит. Схватку можно выиграть или проиграть, если не вовремя дернуться или замешкаться. Если соблюдать хладнокровие, ты выиграл. Если позволить себя смутить, ты проиграл.

Несмотря на самые сильные удары, зомби сражался спокойно, методично, без устали. Как ему и полагалось.

Должно быть, на гангстера это действовало уничтожающе.

Схватка все продолжалась. На меня она производила странное и отвратное впечатление. Спустя некоторое время я уже не мог смотреть на ринг и принялся изучать линию подбородка Кортни, думая о сегодняшней ночи. Ей всегда нравился секс на грани нездоровых фантазий. Когда я находился с ней в постели, меня не покидало чувство, что она очень хочет попробовать что-то по-настоящему грязное, но никак не наберется смелости предложить.

Поэтому меня постоянно подстегивало желание заставить ее переступить через себя и попробовать что-то, ей неприятное. Кортни обычно отличалась упрямством; я никогда не решался предложить более одного эксперимента зараз. Но я всегда мог уговорить ее на этот один эксперимент. Потому что в возбуждении она становилась податливой. Ее можно было уговорить на что угодно. Ее можно было заставить просить об этом.

Наверное, узнай Кортни, что я вовсе не гордился тем, что с ней делал, – скорее, наоборот, – она бы очень удивилась. Но я был одержим ею, так же как она была одержима чем-то своим.

Вдруг Кортни с криком вскочила на ноги. Голограмма показывала, что Кестлер тоже поднялся. Амбал висел на канатах, и зомби избивал его. С каждым ударом изо рта гангстера летели

слюна и кровь. Потом он упал; с самого начала у него не было шансов. Должно быть, он и сам понимал, что схватка безнадежна, что ему не выиграть, но он отказался признать поражение. Для этого его пришлось избить до смерти. Он проиграл, но проиграл яростно, гордо и без жалоб. Я не мог не восхищаться им.

Тем не менее он все равно проиграл.

Я понимал, что послание предназначалось мне. Рекламировалась не только конкурентоспособность товара, но и тот факт, что выиграют лишь те, кто его поддержит. В отличие от зрителей клуба я понимал, что наблюдаю конец эпохи. Человеческое тело больше ничего не стоило. Технология могла все сделать лучше. Число неудачников во всем мире только что удвоилось, утроилось, достигло максимума. Дураки вокруг ринга болели за гибель своего будущего.

Я поднялся и присоединился к радостному реву.

– Ты увидел свет. Теперь ты веришь, – заявил Кестлер потом, в лимузине.

– Я еще не решил.

– Хватит валять дурака. Я хорошо подготовился, мистер Николс. Ваша теперешняя должность не особо надежна. «Мортон-Вестерн» летит в трубу. Весь сектор обслуживания летит в трубу. Придется признать, что старый экономический порядок практически мертв. Конечно же, вы примете мое предложение. У вас нет другого выбора.

Факс выплюнул пачку листов контракта. Тут и там мелькали слова «наш продукт». Трупы нигде не упоминались.

Но когда я полез в куртку за ручкой, Кестлер меня остановил.

– У меня есть производство. Три тысячи подчиненных. Очень сознательных подчиненных. Чтобы сохранить свою работу, они пройдут сквозь огонь и воду. Хищения на нуле. Больничные тоже. Приведите мне одно преимущество, которое ваш товар имеет перед моими рабочими. Продай мне его. Я даю тебе тридцать секунд.

Я никогда не занимался маркетингом, да и работу мне уже пообещали. Но стоило мне потянуться за ручкой, как я показал, что хочу ее. И мы все знали, кто держит в руках кнут.

– Им можно вставить катетеры, – сказал я. – Не придется отпускать в туалет.

Долгое время Кестлер тупо смотрел на меня. Потом он взорвался смехом.

– Бог ты мой, впервые такое слышу! У вас большое будущее, Дональд. Добро пожаловать в команду.

Голограмма погасла.

Какое-то время мы ехали молча, без определенной цели. Потом Кортни наклонилась вперед и постучала по плечу шофера.

– Отвези меня домой, – приказала она.

Когда мы проезжали по Манхэттену, меня терзали видения, что мы едем по городу трупов. Серые лица, безжизненные движения. В свете фар и тусклых натриевых фонарей все вокруг выглядели мертвыми. Проезжая мимо Детского музея, через стеклянные двери я увидел женщину с коляской и двумя маленькими детьми. Все трое стояли неподвижно и глядели в никуда пустыми глазами. Мы проехали магазинчик, и на тротуаре около него стояли зомби и попивали из спрятанных в бумажные пакеты бутылок. Через окна верхнего этажа я видел грустную радугу виртуальных каналов, мелькающую перед пустыми глазами. Зомби гуляли в парке, зомби курили сигареты, зомби вели такси, сидели на ступеньках и болтались на углах улиц, и все они ждали, пока пройдут годы и плоть опадет с их костей.

Я чувствовал себя последним живым человеком.

После схватки Кортни все еще была потной и возбужденной. Когда я шел за ней по коридору к ее квартире, феромоны расходились от нее волнами. Она воняла страстью. Я невольно вспоминал ее перед оргазмом: доведенной до грани, такой желанной. После она становилась другой, ее накрывала волна спокойной уверенности, схожей с той, что она демонстрировала в деловой жизни, – тот апломб, который она отчаянно и безуспешно искала во время самого акта.

И когда отчаяние покидало ее, вместе с ним уходил и я. Потому что даже я понимал, что меня влекло к ней только это отчаяние, именно оно заставляло меня проделывать все то, что ей требовалось. За все годы, что я ее знал, мы ни разу не завтракали вместе.

Я мечтал найти способ вычеркнуть ее из уравнения. Мне хотелось, чтобы ее отчаяние превратилось в жидкость, и тогда я бы выпил ее до дна. Бросил ее в винный пресс и выжал досуха.

Кортни отперла дверь квартиры, одним замысловатым движением протиснулась внутрь и повернулась лицом ко мне.

– Ну, – сказала она. – Очень продуктивный вечер. До свидания, Дональд.

– «До свидания»? Разве ты не собираешься меня пригласить?

– Нет.

– Как это «нет»? – Я начинал злиться. Даже слепой с другого конца улицы мог увидеть, что ей не терпится. Любой шимпанзе без проблем залез бы ей под юбку. – Что за идиотскую игру ты

затеяла?

– Дональд, ты знаешь, что означает слово «нет». Ты не дурак.

– Это точно, и ты тоже не дура. Мы оба прекрасно знаем ставки. А теперь впусти меня.

– Надеюсь, тебе понравится подарок, – сказала она и захлопнула дверь.

Подарок Кортни я обнаружил в своем номере. Меня все еще распирало от злости, когда я вошел в номер и хлопнул дверью. Я оказался практически в полной темноте. Единственный свет проникал через задернутые занавески на окне в дальнем конце комнаты. Я потянулся к выключателю, и тут в темноте комнаты кто-то шевельнулся.

«Воры!» – промелькнуло в голове, и я в панике рванулся к выключателю, сам не зная, чего собираюсь этим добиться. Кредитные воры всегда работают втроем: один выбивает пароли, другой по телефону переводит деньги с вашего счета, а третий стоит на стреме. Может, я надеялся, что если включить свет, то они разбегутся, как тараканы? Так или иначе, я едва не споткнулся, торопясь добраться до выключателя. Но меня ожидало совсем не то зрелище, которого я опасался.

Меня ждала женщина.

Она стояла у окна в белом шелковом платье, которое не умаляло ее воздушной красоты, не затмевало фарфоровой кожи. Когда зажегся свет, она повернулась ко мне: глаза распахнулись, губы приоткрылись. Она грациозно подняла обнаженную руку – полные груди слегка качнулись – и протянула мне лилию.

– Здравствуй, Дональд, – с придыханием сказала она. – Сегодня я буду твоей.

Она была само совершенство.

И конечно, она была мертва.

Двадцати минут не прошло, как я уже ломился в квартиру Кортни. Она открыла дверь в пеньюаре от Пьера Кардена, и по тому, как она придерживала пояс, и беспорядку, в котором пребывали ее волосы, я сразу понял, что меня не ждали.

– Я не одна, – сразу заявила Кортни.

– Я пришел сюда вовсе не за сомнительными дарами твоей белоснежной плоти.

Я протиснулся в квартиру. Но поневоле мне вспомнилось ее красивое тело – пусть не настолько совершенное, как у мертвой проститутки, – и тут мысли неумолимо перепутались у меня в голове: смерть и Кортни, секс и трупы… Гордиев узел, и я не знал, сумею ли его распутать.

– Тебе не понравился мой подарок? – Кортни открыто улыбалась.

– К чертям собачьим твой подарок!

Я шагнул к ней. Меня трясло, руки сами собой сжимались в кулаки и разжимались.

Она отступила на шаг. Но самоуверенное, странно выжидающее выражение не покидало ее лица.

– Бруно, – негромко позвала она. – Выйди к нам.

Краем глаза я уловил движение. Из затемненной спальни вышел Бруно. Мускулистый бык, накачанный, с перекатывающимися мускулами и иссиня-черной кожей, как боец, чье поражение я видел сегодня вечером. Он встал за спиной Кортни, не стесняясь своей наготы: узкие бедра, широкие плечи и такая гладкая чистая кожа, какой я сроду не видел.

Мертвый.

В одно мгновение меня озарило.

– О господи, Кортни! – с отвращением воскликнул я. – Не могу поверить, что ты… Ведь это всего лишь послушное тело. В нем ничего нет – ни страсти, ни близости, одно только тело.

Кортни, не переставая улыбаться, дернула губами, будто обдумывала последствия того, что собиралась сказать. И все же не сдержалась:

– Теперь мы на равных.

И тут я сорвался. Я шагнул к ней, занося руку, и клянусь, я всерьез собирался стукнуть эту сучку головой о стену. Но она даже не дернулась – она даже не испугалась. Она просто отступила в сторону и сказала:

– По корпусу, Бруно. Он должен безупречно смотреться в костюме.

Мертвый кулак ударил меня в ребра с такой силой, что на секунду мне показалось, будто сердце вот-вот остановится. Потом Бруно ударил меня в живот, и я согнулся пополам, хватая ртом воздух. Два, три, четыре удара. Я уже не мог стоять и катался по полу, беспомощно рыдая от злости.

– Хватит, детка. Теперь выброси мусор.

Бруно выкинул меня в коридор.

Сквозь слезы я прожигал Кортни взглядом. Сейчас она вовсе не казалась мне красивой. Совсем не казалась. Мне хотелось сказать ей, что она стареет. Но вместо этого я выдавил:

– Ты, сволочь… да у тебя некрофилия!

– Привыкай, – ответила Кортни. О, она откровенно мурлыкала! Сомневаюсь, что ей когда-нибудь снова удастся пережить такой же триумф. – Полмиллиона таких, как Бруно, скоро попадут на рынок. И тебе придется потрудиться, чтобы

снять *живую* женщину.

Я отослал домой мертвую проститутку. Потом принял душ, но не почувствовал себя лучше. Не одеваясь, я вышел из душа в темный номер и отдернул занавеску. Долгое время я смотрел на темное великолепие Манхэттена.

Я боялся сильнее, чем когда-либо в жизни.

Трущобы внизу простирались до бесконечности. Огромный некрополь, нескончаемый город мертвых. Я думал о миллионах людей, которые вскоре навсегда лишатся работы. Я думал о том, как сильно они должны ненавидеть меня – меня и мне подобных – и как они беспомощны перед нами. И все же. Их так много, а нас так мало. Если они поднимутся разом, все вместе, как цунами, их будет не остановить. И если в них осталась хоть крохотная искра жизни, именно так они и поступят.

Так выглядел один из вероятных путей будущего. Но оставался и другой, а именно – ничего не случится. Абсолютно ничего.

И я не знал, чего бояться больше.

Мать Кузнечик

И в Год Первый явилась армада из миллиона кораблей, мы высадились и начали колонизацию, дабы сделать этого гигантского Кузнечика нашей родиной.

Мы не осмелились сесть на его крылья, хотя закон квадрата-куба не подвел и в исторических масштабах даже самые быстрые движения были практически неощутимы, но от случайной активизации нервов их сотрясали судороги на целых одиннадцать баллов по шкале Рихтера. А потому мы решили строить в глазах, в фасеточных зеркальных землях, где отражалась бесконечность плоскости, на мерцающей Айове, что чем-то напоминала нам дом.

Такой невероятный проект, наверное, был обречен с самого начала. Но, глядя из будущего, легко судить. А тогда мы были молоды и энергичны. Все казалось возможным.

Мы выращивали деревья, которые под действием темпоральных полей тянулись ввысь быстрее обычного, мы срубали их и строили хижины. Посадили траву, пшеницу, развели быков. В одну яркую и незабываемую ночь, запустив каждую технологию, бывшую в нашем распоряжении, мы создали слой известняковой породы в полмили глубиной и теперь могли воздвигать города. А когда работа завершилась, по всем глазным землям люди пустились в пляс.

Мы создали новые времена года, включая Снег, по образцам, которые знали в древности, но ночное небо не изменили, ведь Кузнечик стал нашим домом… сейчас и навсегда. Пройдут эпохи, и незнакомые созвездия обрастут новыми легендами; времени у нас в достатке. Проживали свое поколения, и селения разбрасывали вокруг себя завитки пригородов, похожие на рукава спиральных галактик, ибо мы были одиноки, как одиноки были тысячи и миллионы, разбросанные по всему Кузнечику, и они росли, как деревья на цизоклеточных равнинах, и леса те казались густыми, как древний Черный Лес.

Тогда у меня еще молоко на губах не обсохло, а на подбородке только показались первые волоски. Пришел День Урожая, и в наш городок пожаловал незнакомец.

Это было настолько необычно (в городах с населением под десять тысяч всегда встречаются незнакомцы, и, значит, вам, тем, кто в них живет, я даже не надеюсь что-либо объяснить), что дети высыпали на улицу и с криками побежали за ним, а старожилы, дабы не терять лица, стояли в открытых дверях магазинов, фабрик и супермаркетов, провожая странника тяжелыми взглядами. Конечно, они не смотрели прямо на него, а куда-то

через его плечо, на плоскую завораживающую равнину и бесконечные белые небеса.

Мужчина заявил, что пришел от самого экваториального брюшка, где гравитация в три раза превышала уровень наших глазных земель, и в это было довольно легко поверить, ибо странник обладал чудовищной силой. Я сам видел, как он взял долларовую монетку и сложил ее пополам большим и указательным пальцем – а доллар-то бы стальным! Правда, еще мужчина говорил, что прошел весь этот путь пешком, чему не поверил никто, даже я.

– Да пройди вы хоть половину этого пути, – сказал я, – я бы сейчас разговаривал с самым невероятным человеком из всех живущих на свете.

Он засмеялся и взъерошил мне волосы:

– Ну, может, я такой и есть. Может, я такой и есть.

Я покраснел и, сделав шаг назад, положил ладонь на рукоятку моего боевого кинжала, оплетенную ремнями из шкуры брандашмыга. В те времена я был вспыльчивым, как бойцовый петух, а уж на обиду скор вдвойне.

– Мистер, боюсь, мне придется попросить вас выйти.

Незнакомец посмотрел на меня. Потом протянул руку и без малейшего намека на страх, злость или сожаление коснулся моего предплечья. Он вроде не спешил особо, но почему-то я не успел отреагировать и остановить его. От почти невесомого прикосновения мне парализовало руку, и с тех пор она высохла и стала совершенно бесполезной.

Странник поставил стакан на барную стойку и сказал:

– Бери мой рюкзак.

Я подчинился.

– Иди за мной.

И вот так, не попрощавшись с семьей, ни разу не оглянувшись назад, я навсегда покинул Новый Аушвиц.

В ту ночь мы развели костер из морской травы и высохших буйволиных кизяков, съели ужин из жареных бобов и шпика. С одной рукой я чувствовал себя неуклюжим и каким-то другим. Довольно долго никто из нас не говорил, а потом я спросил:

– Ты волшебник?

– Может, и так. Может быть, я – волшебник.

– Имя у тебя есть?

– Нет.

– И что теперь?

– Есть работа. – Он толкнул ко мне тарелку. – Я готовил. Твоя очередь мыть.

Работа подразумевала постоянные путешествия. Мы приехали в Бринкертон с холерой и в Роксбороу с тифом. Мы миновали Денвер, Венецию и Санкт-Петербург и оставили после себя блох, крыс и чуму. В Верхнем Блэк Эдди выпустили эболу. Мы нигде не задерживались надолго, не видели результатов своих трудов, правда, потом я читал газеты, и там все соответствовало ожиданиям.

Но в целом человечество процветало. Один город вымирал, другой расширялся. Переполненные госпитали в одном графстве создавали рынок для товаров из другого. У выживших рождались дети.

Мы пешком дошли до Тайлерсбурга, Рутледжа и Юнионтауна, на телегах добрались до Шумэйкерсвилла, Слияния и Южного Гибсона. Взяли билеты на поезда до Горы Ливан, Горы Бетель, Горы Этна и Горы Небо, на дизеле приехали в Маккиспорт, Станцию Рейнхолдс и Брумолл. Сошли с автобуса в Карбондэйле, Фестервилле, Июньском Жуке и Линкольн-Фоллс. На перекладных долетели до Парадиза, Никелевых Шахт, Ниантика и Сиона. Время бежало быстро.

А потом в один ужасный день мой волшебник объявил, что отправляется домой.

– Домой? – спросил я. – А как же твоя работа?

– Наша работа, Дэниэл, – спокойно ответил он. – Думаю, ты будешь делать ее так же хорошо, как и я.

И упаковал свои скудные пожитки в дорожный мешок.

– Ты не можешь! – закричал я.

Подмигнув и грустно улыбнувшись, он выскользнул за дверь.

Какое-то время я сидел без движения – сколько, даже сейчас и сказать не могу, – ни о чем не думая, ничего не видя. Потом вскочил на ноги, распахнул дверь и окинул взглядом пустую улицу. В нескольких кварталах от меня, там, где находилась железнодорожная станция, виднелось быстро удаляющееся черное пятнышко.

Оставив дверь открытой, я побежал за ним.

Экспресс до Лакауанны ушел прямо перед моим носом. Я спросил начальника станции, когда будет следующий поезд. Он сказал: завтра. А высокого человека с дорожным мешком, выглядящего так-то и так-то, он не видел? Да, видел. И где он? Отправился в Лакауанну. Сегодня туда больше ничего не идет. А где можно взять напрокат машину? Вон там, через дорогу.

Может, я бы поймал волшебника, если бы не вернулся в комнату забрать сумки. Но скорее всего, нет. В Лакауанне я выяснил, что он сел на автобус до Джонстауна. Из Джонстауна

он отправился в Эри, а там я потерял его след. Понадобилось целых три дня бесконечных расспросов, чтобы найти его снова.

Целую неделю я преследовал этого человека словно одержимый.

А потом проснулся однажды утром и понял, что паника исчезла. Я понял, что быстро моего волшебника не поймаю, и тогда разложил припасы, подсчитал наличные (их осталось немного) и продумал план. Затем пошел по магазинам и в конце концов отправился в дорогу. Мне следовало запастись терпением, упорством и хитростью, я знал, что со временем найду его.

Найду и убью.

След привел меня на Переправу Харпера, на самом краю глаза. Цивилизация осталась позади. Впереди лежали пустоши, мили и мили бесплодных хитиновых земель.

Люди говорили, что он ушел на юг, за пределы глазницы.

В гостинице ко мне подошел один из постояльцев, тощий мужчина с густыми усами, в белой безрукавке, которая свисала с худых плеч, как мокрое белье душным воскресеньем.

– Что у вас в сумке?

– Черная смерть. Инфекционный менингит, туберкулез. Выбор богатый.

Он задумался на секунду, а потом сказал:

– У меня тут женщина. Вы не могли бы…

– Я взгляну на нее. – Я взял сумку.

Мы поднялись наверх, в его комнату.

Она лежала с закрытыми глазами. В руке игла от капельницы. Женщина казалась молодой, но это, разумеется, ничего не значило. Волосы аккуратно расчесаны, разложены по постели, достают чуть ли не до пояса – белые как снег, как смерть, как самый изысканный костяной фарфор.

– И сколько она так лежит? – спросил я.

– Ох… – Он надул щеки. – Сорок семь, может, пятьдесят лет.

– Вы – ее отец?

– Муж. Был, по крайней мере. Не знаю, как долго держатся брачные обеты в таких условиях: не могу сказать, что безукоризненно их соблюдал. У вас в сумке для нее не найдется чего-нибудь? – Он сказал это так равнодушно, как мог, но глаза у него были большими и испуганными.

Я принял решение:

– Скажу так. Я дам вам за нее сорок долларов.

– Шерифу такое не понравится, – тихо сказал человек.

– Не понравится. Но я буду уже далеко от глазных земель, когда он узнает.

Я взял шприц.

– Ну? Мы договорились или нет?

Ее звали Виктория. Мы уже три дня шли по хитину, когда она наконец вышла из транса, характерного для переходногозомби-состояния после восстановления. Я дал ей рюкзак, пару ботинок, прочную палку, и женщина пошла рядом: глаза пустые, а сама говорит на языках ангелов, что парят меж звездами.

– …межгалактический фазовый перехват, – бормотала она. – Вы слышите? Das Überraumboot zurückgegenerinnernte. Verstehen? [24] Стратегирование анадемонического мезотехнологического конфликта. Drei tausenden Affen mit Laseren![25] Привет! Тут есть…

А потом она споткнулась о камень, закричала от боли и спросила:

– Где я?

Я остановился, расстелил на земле карту и вынул карманный гравитометр. Очень простое устройство: стеклянный цилиндр с аэрогелем и ярко-оранжевой керамической бусиной. На вершине жестяного корпуса крепится компрессорный винт, сбоку калиброванная шкала, а на дне надпись «Флинн и компания». Я перевернул его, наблюдая за тем, как бусина медленно падает вниз. Затянул винт на одно деление, потом на два, на три, увеличивая плотность аэрогеля. На пятом бусина остановилась. Я считал данные, прищурившись, посмотрел на солнце, а потом ткнул пальцем в изобару на краю карты.

– Мы здесь. Уже ушли с глаза. Видишь?

– Я не… – Ее трясло от страха. Огромные глаза отчаянно метались, взгляд пытался хотя бы что-то найти на абсолютно пустом горизонте. А потом она неожиданно, беспричинно разрыдалась.

Смутившись, я отвернулся. Когда слезы кончились, я похлопал по земле рядом с собой.

– Сядь.

Женщина, шмыгая носом, подчинилась.

– Сколько тебе лет, Виктория?

– Сколько мне?.. Шестнадцать? – робко предположила она. – Семнадцать? А меня действительно так зовут?

– Звали. Женщина, которой ты была, устала от жизни и вколола себе наркотик, он разрушает личность и полностью стирает память. – Я вздохнул. – В каком-то смысле ты по-прежнему Виктория, а в каком-то – уже нет. Правда, она нарушила закон, и на глаз тебе дорога заказана. Там тебя отправят в тюрьму до конца твоих дней.

Она взглянула на меня молодыми, почти детскими глазами, еще влажными от слез. Я уже приготовился к истерике, ярости,

скорби, но она лишь сказала:

– Ты волшебник?

Я аж пошатнулся.

– Ну да. Полагаю, что да.

Какое-то мгновение Виктория безмолвно все обдумывала.

– И что теперь со мной будет?

– У тебя есть работа: нести этот рюкзак. Мы будем по очереди готовить еду. – Я выпрямился, сворачивая карту. – Пошли. У нас впереди долгий путь.

Мы снова отправились в поход, поначалу молча. Но потом, спустя несколько миль, к моему полному изумлению, Виктория запела!

Мы шли по еле заметной тропе – даже не тропе, а по воспоминанию о ней, по мечте, по идее дороги, – проложенной в хитине. Вдоль нее росла полоска редкой травы. За века ветер намел вокруг немало лёсса. Тот попадал в трещины панциря, в такой почве иногда прорастали семена. Один раз я заметил кролика. Но не успел позвать Викторию, как увидел кое-что еще. Впереди, там, где от недавнего дождя пыль превратилась в грязь, виднелись отпечатки шин. Здесь совсем недавно проехал мотоцикл.

Я долго смотрел на следы, сжимая и разжимая единственный кулак.

Уже на следующий день мы дошли до поселка.

Местечко явно не особо процветало. За оградой виднелась мельница, от которой работал насос, выкачивающий тонкую струйку ихора из колодца глубиной в несколько миль, стояли некрашеные дощатые дома, бараки из гофрированного железа да перерабатывающая установка. Под бескрайним небом ржавели несколько потрепанных пикапов.

Около ворот нас поджидал костлявый мужчина, челюсть у него была волевая, спина прямая, а руки пустые. Но тут и там в окнах или открытых дверях мелькали люди, и я сразу понял, что нас держат под прицелом.

– Меня Риверой кличут, – представился мужчина, когда мы подошли ближе.

Я снял с головы котелок.

– Дэниэл. А это мисс Виктория, моя подопечная.

– Мимо проходите, значит?

– Да, сэр, и не вижу причин, по которым мы бы попали сюда снова. Если у вас есть еда на продажу, то заплачу по рыночной цене. Но если нет, что ж, с вашего позволения мы пойдем дальше.

– Справедливо говоришь. – Ривера откуда-то достал чашку воды и протянул нам. Я отпил половину, остальное передал

Виктории. Та глотнула и задрожала, когда жидкость пошла по пищеводу.

– Хорошая штука, – похвалил я. – Студеная.

– А у нас охладитель есть, – ворчливо, но с гордостью ответил Ривера. – Давайте заходите. Посмотрим, что там женщины приготовили.

С криками и воплями на улицу выбежала целая куча детей, за ними показались взрослые, я насчитал человек двадцать. Все нас приветствовали.

Люди тут жили хорошие, хоть и изгои, они, как и любые другие, с жадностью слушали новости и слухи. Я рассказал им о речи Тайлера Б. Морриса, кандидата в губернаторы Северного департамента, и они весь обед ее обсуждали. Еда тоже оказалась хороша – ветчина, лепешки с томатной подливой, сладкий батат с маслом и яблочный пирог с толстой корочкой на десерт. Если бы я не заметил химкомплекс, то и не заподозрил бы синтетику. На окне висели тюлевые занавески, старые, ветхие, но чистые, а остатки пищи аккуратно собирали со стола и сохраняли на будущее.

После еды Ривера переглянулся со мной и дернул головой. Мы вышли наружу, и он повел меня к сараю, стоявшему чуть поодаль. Открыл дверь, мы вошли внутрь. Там на простых кроватях неподвижно лежали десять человек, подключенные к капельницам с переработанным ихором. Свет снаружи упал на их волосы, во мраке те походили на белые нимбы.

– Мы привезли их с собой, – сказала Ривера. – Думали, все будет хорошо, развернемся тут. Но последнее время то ли засуха, то ли еще чего, черт разберет, крови идет мало, а денег на новый колодец у нас нет.

– Понимаю. – И потом я задал вопрос, подходящее было время: – Тут, наверное, с неделю назад по этому пути проходил мужчина. Высокий, на…

– Он нам не помог. Сказал, не его это обязанность. А потом, прежде чем уехать, сукин сын даже попытался купить у нас еды. – Ривера повернулся и сплюнул. – Сказал нам, что скоро приедешь ты вместе с женщиной. Ну, мы и стали ждать.

– Погоди, он сказал, что я приеду с женщиной?

– Нам же не только о себе приходится думать! – воскликнул он с неожиданной яростью. – Нам же и о молодых заботиться надо. Они появляются, и все эти ожесточенные споры об обязанностях и морали вылетают в трубу. Иногда я хочу прийти сюда с железным ломом и… В общем, сам понимаешь. – Он покачал головой, а потом чуть ли не с мольбой спросил: – Ты можешь что-нибудь сделать?

– Думаю, да. – Еле слышно скрипнула дверь. В дверном проходе замерла Виктория. От света ее волосы походили на белую вспышку. Я закрыл глаза, так не хотелось, чтобы она это видела, и совершенно спокойным голосом сказал: – Принеси мою сумку.

Потом Ривера и я стали договариваться о цене.

Мы покинули поселок с хорошим запасом еды за рулем их третьего по качеству пикапа. Машина была старой, откровенно жалкой, от рессор осталось одно название. Так мы, подпрыгивая на каждом ухабе, покатили на юг.

Довольно долго Виктория молчала. Потом повернулась ко мне и со злостью выпалила:

– Ты убил их!

– Они этого хотели.

– Как ты можешь так говорить? – Она вывернулась в сиденье, больно стукнула меня по плечу. – Как ты можешь вот так сидеть и… просто говорить это?

– Послушай, – раздраженно ответил я. – Несложная ведь математика. Можешь даже уравнение составить. В поселке могут добыть определенное количество ихора. Из ихора можно изготовить определенное количество еды. Подели его на число ртов, результата должно хватить на всех. Вот еда, вот люди. Если первое число меньше второго, наступает голод. Дети хотят жить. А люди в сарае не хотели.

– Они могли вернуться! Так вообще никто не должен жить, доставать пищу фактически из воздуха!

– По моим подсчетам, на каждого бодрствующего человека приходится один самоубийца. Как думаешь, сильно их будут ждать на глазу, если там и так живет столько суицидников? Скорее всего, они из-за этого тут и оказались.

– Ну… никто бы не голодал, если бы они не завели столько детей.

– А как ты запретишь людям заводить детей? – спросил я.

Ответа не было, и мы оба это знали. Виктория прислонилась головой к боковому стеклу и крепко зажмурилась, отодвинувшись от меня так далеко, как могла.

– Ты мог разбудить их! Но нет, у тебя же есть твоя волшебная сумка, ты хотел поиграть. Удивительно, что ты меня не убил, когда представился шанс.

– Вики…

– Не говори со мной!

Она зарыдала.

Я хотел обнять ее, успокоить, такая она была несчастная. Но я

вел машину единственной здоровой рукой, а потому ничего не сделал. А еще не стал объяснять, почему никто просто так не пробуждает самоубийц.

В тот вечер я, как обычно, взял топор и нарубил хитина для костра. Молча сидел около него, а Виктория достала бутылку самогона, который в поселке гнали из ихора.

– Ты поосторожней с этой штукой, – посоветовал я. – Она может и врасплох застать. Не забывай, весь твой опыт остался в прошлой жизни.

– Тогда пей ты! – Она протянула мне кружку. – А я за тобой. Когда ты остановишься, тогда и я.

Клянусь, в тот момент я не подозревал, что у нее на уме, алкоголь не пробовал давным-давно и как полный дурак принял ее намерения за чистую монету. Я выпил. Потом еще раз.

Прошло время.

Мы немного поговорили, немного посмеялись. Может, спели пару песен.

Потом Виктория скинула блузку и начала танцевать. Она крутилась вокруг костра, длинные юбки задирались выше колен и иногда проносились над пламенем, подол слегка почернел, но так и не загорелся.

Эта дикость пришла словно из ниоткуда. Я наблюдал за Викторией, встревоженный и возбужденный, слишком пьяный, чтобы спокойно думать, слишком очарованный, чтобы сдвинуться с места.

Наконец она изящно опустилась у моих ног. От света костра ее обнаженная спина казалась красной, вздымаясь от каждого судорожного вздоха. Виктория посмотрела на меня сквозь длинные, взмокшие от пота волосы, и ее глаза были то янтарными, то темными, словно вода из кипарисовых болот, то коричневыми и бездонными. В таких любой мужчина мог утонуть.

Я притянул ее к себе. Смеясь, Виктория подалась вперед, упала на меня, повалила на спину, неуклюже расстегивая мне пояс и ширинку. Она вынула мой член, тот уже встал, я задрал ей юбку, как будто она не носила ничего, кроме широкого красного кушака, и перекатил на спину, а Виктория направляла меня и улыбалась и была такой красивой.

Я входил в нее все глубже, глубже, глубже, и, о боже, как же мне было хорошо. Такое невероятное потрясение испытываешь, когда в первый раз ныряешь в холодное озеро, а вокруг жаркое лето, и вода принимает тебя, и ты чувствуешь себя замечательно. Только сейчас все было теплым, влажным, липким и в тысячу раз лучше. А потом я столько всего наговорил Виктории – как она

нужна мне, как я хочу ее, как люблю ее, снова, снова и снова.

На следующее утро я проснулся со страшным похмельем. Виктория сидела в кабине пикапа, расчесывала свои длинные белые волосы, глядя в зеркало заднего вида, и что-то негромко напевала себе под нос.

– О! – удивленно воскликнула она. – Посмотрите только, кто притащился. В канистрах есть вода. Попей. По-моему, тебе даже хватит умыться.

– Послушай, – сказал я, – я сожалею о прошлой ночи.

– Нет, не сожалеешь.

– Я, может, сказал что-то глупое, но…

Глаза Виктории сверкнули мраком грозовой тучи.

– Прошлой ночью ты не был таким идиотом, как сейчас. Ты говорил серьезно, я все запомнила, так что будь добр отвечать за свои слова. – Потом она рассмеялась. – Ты лучше выпей воды. Выглядишь ужасно.

И я утащился прочь.

Виктория изменилась. Ее поведение, поза, речь – все говорило мне, что она больше не ребенок, а женщина.

Началось то, чего я так боялся.

– Сопротивление бесполезно, – прочитала Виктория. – Ибо я есть мощь и сила самого космоса! – Она нашла комиксы под сиденьем и три раза прочитала от корки до корки, хихикая про себя, пока пикап, громыхая, катился по почти несуществующей дороге. Потом отложила книжку в сторону.

– Скажи мне, откуда ты знаешь, что волшебник проехал именно здесь?

– Просто знаю, – отрывисто бросил я. Утром вколол себе комплекс витамина Б, но голова и желудок по-прежнему болели. Вождение одной рукой радости не добавляло. И к тому же я просто не мог сказать, откуда мне это известно. Была такая уверенность, и все.

– Прошлой ночью мне приснился сон. После наших… ммм… танцев.

Я даже не взглянул на нее.

– Я стояла на плоской платформе, вроде как на вокзале, только огромной. Меня со всех сторон окружали звезды, яркие, цветные, я таких даже не представляла. От их света болели глаза. Повсюду стояли большие машины, золотые такие, космические корабли наверное. Они взлетали и приземлялись с невероятной легкостью. А мое тело было настолько невесомым, что я как будто парила вместе с ними. Ты когда-нибудь слышал о таком месте?

– Нет.

– Там меня ждал человек с невероятно грустной улыбкой и холодными, жестокими глазами. «Привет, Виктория», – сказал он. А я спросила: «Откуда ты знаешь мое имя?» – «О, я пристально слежу за Дэниэлом, – ответил он, – я готовлю его для очень важной работы». А потом он показал мне шприц. Спросил: «Знаешь, что тут?» Там была такая синяя жидкость, она просто сияла.

Виктория замолчала.

– И что ты сказала?

– Просто покачала головой. «Это смертность, – ответил он. – Улучшенная версия препарата, который ты вколола себе пятьдесят лет назад. Скажи Дэниэлу, что я жду его на Небесном Вокзале, куда прилетают огромные корабли». Это все. Думаешь, сон что-то значит?

Я покачал головой.

Виктория снова взяла комиксы:

– В общем, странный был сон.

В ту ночь после ужина я присел на подножку пикапа и задумался, уставившись в огонь. Подошла Виктория, устроилась рядом, положила руку мне на ногу. Такое легкое прикосновение, но вся моя кровь тут же ринулась к паху.

Виктория улыбнулась и посмотрела мне прямо в глаза:

– Сопротивление бесполезно.

Потом мы лежали на земле, завернувшись в одеяло. Смотрели в ночное небо. Моя нормальная жизнь закончилась так рано, что любил я только до ухода, а сексом занимался после и никогда до того не знал их вместе. Получается, сейчас я был столь же наивным и неподготовленным, как сама Виктория.

Вот так я и признался себе в том, что люблю ее. Тогда казалось, что ничего худшего со мной уже не случится.

В первый раз мы увидели ее уже на следующий день. Все началось со странного ощущения, как будто слегка закружилась голова, а в центре неба появилось какое-то размытое уплотнение, словно воздух потемнел изнутри. Горизонт же искривился, словно сам Господь Бог положил руки на край земли и надавил, поднимая другой ее край вверх.

Тут мое внутреннее ухо поняло, что плоская равнина, неизменная вот уже много миль, теперь идет под уклон. Масса впереди обладала огромной силой притяжения. Проявилось это чуть позже и походило на трюк фокусника. Поначалу перед тобой ничего нет, а потом – раз! Еле заметный сдвиг восприятия – и уже не можешь отвести от него глаз.

Он находился так далеко, что вобрал в себя размытый молочный цвет неба, а уходил так высоко, что его вершину буквально никто не мог разглядеть. Это была – сейчас-то я понимаю – наша цель.

Усик-антенна Кузнечика.

Даже на пикапе мы доехали до его основания только через три дня.

Как-то во время завтрака Виктория неожиданно оттолкнула в сторону тарелку и побежала за грузовик. Другого уединенного места не было на сотни миль вокруг.

Я слушал, как ее рвет, и знал почему.

Она вернулась бледная и потрясенная.

Я вытащил из сумки пластиковую чашку для анализов.

– Пописай сюда.

Потом провел быструю диагностику. Результат оказался положительным.

– Виктория, я должен тебе признаться. Я не до конца рассказал о медицинских последствиях твоего… состояния.

В первый и последний раз я видел, как она испугалась.

– Боже! Что это? Скажи мне! Что со мной происходит?

– Ну, для начала – ты беременна.

Дорог вокруг так и не появилось, хотя вокзал был виден за много миль. Он угнездился в основании антенны, и, глядя на пустые, непроторенные равнины вокруг, я с трудом представлял как причину его существования, так и то, что здесь бывает хоть сколько-нибудь значительное движение.

Но чем ближе мы подъезжали, тем больше видели людей. Они появлялись отовсюду и из ниоткуда, как атомы водорода, возникшие под воздействием притяжения в пространстве между галактиками, или как осколки льда, случайным образом кристаллизировавшиеся в переохлажденной сверхчистой воде. Одну женщину мы увидели слева от нас, она не спеша шла, закинув трость на плечо, и, судя по походке, насвистывала. За ней вдалеке встало облачко, такое мог поднять только гусеничный транспорт. Справа на местном паразите, который был размером больше слона, ехал мужчина в широкополой шляпе. В седле он сидел, словно аршин проглотив. Каждый час появлялся кто-то новый, и все они сходились в одной точке.

Под ногами материализовались дороги. К тому времени как мы добрались до вокзала, они уже были плотно забиты людьми.

Само здание оказалось величиной с целый город, сверкало арками из белого мрамора, колоннадами, парапетами и

башенками. На ветру хлопали флаги. У подножия колонн путников приветствовали музыканты. Огромный голографический баннер с допплеровским эффектом переливался всеми цветами радуги, от инфракрасного до ультрафиолетового. На нем красовалась надпись:

Портовое управление «Византия»

Отделение общественного транспорта магнитной левитации

Наземный вокзал

Позже кто-то сказал мне, что тут работают сотни тысяч человек, и я ему поверил.

Мы припарковали грузовик у главной лестницы. Я открыл дверь и помог Виктории выбраться наружу. Живот у нее уже был заметный, а чувство равновесия напрочь пропало. Мы пошли наверх. Лакей в форме залез в пикап и отогнал его подальше.

Внутри оказалось настолько просторно, что купол здания просто рухнул бы, если бы вокзал не находился на пересечении усика и лба, где расположенные рядом массы практически нейтрализовали притяжение друг друга. Повсюду виднелись бесчисленные окошки касс из резного красного дерева. Я усадил Викторию на скамейку – ноги у нее стали очень нежными – и занял место в очереди. Когда подошло мое время, билетер взглянул на экран компьютера и спросил:

– Чем я могу вам помочь?

– Два билета в первый класс. Наверх.

Он постучал по клавиатуре, крохотное устройство выплюнуло два хрустящих картонных билетика. Кассир передвинул их по отполированной медной поверхности, я потянулся за бумажником.

– Сколько?

Он снова взглянул на экран компьютера и покачал головой:

– Вам бесплатно, мистер Дэниэл. Мы уважаем вашу профессию.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Вас ждали.

Я не успел даже удивиться, как билетер пояснил:

– Больше я ничего не могу сказать вам, сэр. Я не говорю на

вашем языке и не понимаю его. Беседа с вами невозможна.

– Тогда чем, черт возьми, мы сейчас занимаемся? – раздраженно бросил я.

Он развернул экран ко мне. На нем была дословная стенограмма нашего разговора. Последняя фраза гласила: «Я ПРОСТО ЧИТАЮ ТО, ЧТО НА ЭКРАНЕ, СЭР».

Кассир поставил дисплей на место и сказал:

– Я просто читаю то…

– Да, да, знаю, – ответил я и вернулся к Виктории.

Даже на магнитно-левитационных скоростях путешествие вдоль усика заняло два дня. Для развлечения я периодически вынимал гравитометр и снимал показания. Вы, наверное, думаете, что числа уменьшались по мере того, как мы выбирались из гравитационного колодца. Но антенна загибалась назад, шла вдоль тела Кузнечика, а не вперед и прочь от насекомого, и потому гравитационный градиент нашего путешествия оказался довольно сложным. Поначалу он быстро снижался, потом стремительно увеличился, затем снова упал, образовав прихотливую, но аккуратную синусоиду, известную как кривая Шеффилда. Ей соответствовал размер магнитных колец, те проносились мимо по три в минуту, толстели, худели, но уверенно уменьшались в толщине по мере набора высоты.

На второй день Виктория родила прекрасного ребенка, мальчика. Я хотел назвать его Гектором, по имени отца, но она решила, что его будут звать Джонатаном, и я, как обычно, сдался.

А потом внимательно присмотрелся к ней. В уголках глаз Виктории уже появились «гусиные лапки», хотя их скорее следовало назвать морщинками от смеха, уж слишком часто она улыбалась. Линии по обе стороны рта углубились. Виктория казалась какой-то измученной и осунувшейся. При взгляде на нее я почувствовал столь огромную и всепроникающую грусть, что она могла бы заполнить всю вселенную.

Виктория старела по своей собственной экспоненциальной кривой. Процесс ускорялся, я даже не был уверен, что она доберется до Небесного Вокзала. В любом случае ей осталось недолго.

Виктория тоже это понимала, но была счастлива, обнимая сына.

– Я прожила хорошую жизнь. Мне бы так хотелось, чтобы ты вырос со мной… Не дуйся, ты такой печальный, Дэниэл!.. Но в остальном мне жаловаться не на что.

Я целую минуту смотрел в окно. Я знал Викторию – сколько? – неделю, наверное. Но за это краткое время она взяла

меня, встряхнула и вывернула всю мою жизнь наизнанку. Изменила все. Я повернулся к ней и заплакал.

– Смерть – это цена, которую мы платим за детей, ведь так? – сказала она. – Там, внизу, они поставили смерть вне закона, но всего лишь дурачат себя. Думают, им можно жить вечно. Думают, для роста нет пределов. Но умирает все – люди, звезды, Вселенная. И когда мироздание подойдет к концу, срок всех жизней будет един.

– Думаю, у меня не настолько философский склад ума, как у тебя. Чертовски трудно вот так терять свою жену.

– По крайней мере, хоть это ты сообразил.

– Что?

– Что я – твоя жена. – Виктория замолчала, но через минуту продолжила: – Мне приснился еще один сон. Про твоего волшебника. Он мне все объяснил про то лекарство, которое назвал смертностью.

– Угу. – Меня это уже не заботило.

– Я приняла препарат, из-за которого вся жизнь после пробуждения сгорает за несколько дней. С новой версией после сна тебе отведен нормальный человеческий срок, тот, который был у людей до лекарств, дававших бессмертие. Сто пятьдесят, двести лет – это не так уж мало. Самоубийц держат в живых, так как их смерть приходит слишком быстро; для остальных видеть такое невыносимо. А с новой версией эффект приходит медленно и его не остановить.

Я погладил ее длинные белые волосы. Такие тонкие. Такие невероятно, невероятно хрупкие.

– Давай больше не будем говорить об этом.

Ее глаза сверкнули:

– Нет, давай будем! Не притворяйся дураком, Дэниэл. Людей все больше. А еды, воды, пространства не прибавляется. Если никто не умрет, придет время, когда погибнут все. – А потом Виктория снова улыбнулась мне, нежно, так, как улыбаются капризному, но талантливому ребенку. – Ты знаешь, что от тебя требуется, Дэниэл. И я горжусь тем, что ты этого достоин.

Небесный Вокзал оказался исполинским, головокружительным, не поддающимся никакому описанию. Точно как во сне Вики. Я помог ей подняться на платформу. Она едва стояла на ногах, но любопытство не исчезло из ее ярких глаз. Джонатан спал у меня на груди в слинге.

Что бы ни удерживало атмосферу на платформе, взлету и приземлению сверкающих, изящно сочлененных кораблей оно не препятствовало. Странные грузчики вытаскивали из трюмов еще

более странный груз.

– А я даже не удивлена. Эх, была бы я моложе, – пробормотала Виктория. – Зато меня как-то все стало больше радовать. В этом есть смысл, как думаешь?

Я начал что-то говорить, но совершенно неожиданно свет в ее глазах померк. Окаменев, она уставилась куда-то прямо перед собой, хотя я там ничего особенного не увидел. Лицо Виктории осталось безмятежным до самого конца.

– Вики?

Она медленно повалилась на пол.

И пока я стоял, ошеломленный, не смея поверить в ее смерть, ко мне подошел волшебник.

В воображении я представлял эту сцену тысячу раз: как оставляю сумку, соскакиваю с поезда прямо ему навстречу. Он не двигается, не пытается бежать. Я одним движением скидываю с плеча пиджак, здоровой рукой достаю револьвер и стреляю.

Теперь же…

Он грустно посмотрел на тело Виктории и положил руку мне на плечи.

– Господи, тебе ведь только что разбили сердце.

Я прожил на Небесном Вокзале целый месяц, наблюдая за тем, как растет мой сын. Джонатан умер, не оставив потомков, его похоронили на орбите. Гроб обогнул Кузнечика семь раз, а потом его траектория сократилась, и он ярким метеором растворился в ночи – горел не дольше серной спички.

Джонатан был хорошим человеком с язвительным чувством юмора. Явно не от меня.

Теперь я странствую по миру. Вокруг вздымаются и падают цивилизации. И только я не меняюсь. Где все не так плохо, рассеиваю смертность. В ином случае выпускаю на свет болезни.

Я иду, куда иду, и делаю свою работу. Поколения вздымаются передо мной колосьями пшеницы, и я, как жнец, скашиваю их. Иногда – нечасто – я сам ухожу, хочется подумать, вспомнить. Потом гляжу в ночь, на колонизированную вселенную, пока глаза не зальют слезы, в которых тонут рои звезд.

Я – Смерть, и это моя история.

Светящиеся двери

Двери начали открываться в начале марта, во вторник. Сначала всего несколько – неуверенно мерцающих, созданных на краю предельно допустимого временного диапазона, – и в те немногие двери первых дней исхода вошли не изможденные и умирающие с голоду, а вполне здоровые беженцы, привилегированные ученые и технари, которые создали или сумели украсть приборы, сделавшие побег возможным. Мы принимали их примерно по сотне в неделю, в обстановке относительной секретности и в удачно изолированных местах. Все фиксировали видеокамеры, и наши собственные лучшие специалисты лихорадочно писали, проводили семинары и телеконференции, на которых обсуждались сенсационные сообщения.

Теперь, оглядываясь назад, можно сказать, что то было благословенное время.

В апреле ворота шлюзов распахнулись во всю ширь. Светящиеся двери открывались повсеместно, выплескивая потоки оборванных, перепуганных беженцев. Их были миллионы, и все они, вплоть до самых маленьких детей, перенесли ужасные, чудовищные жестокости. От историй, которые они рассказывали, любому сделалось бы дурно. Я знаю.

Мы делали все возможное. Устраивали лагеря. Копали ямы под уборные. Раздавали мыло. Все это легло тяжким финансовым бременем на правительство, но куда было деваться? Эти беженцы были нашими потомками. Они в самом прямом смысле были нашими детьми.

Всю весну и все лето поток беженцев только увеличивался. Когда их число по всему миру составило десятки миллионов, власти запаниковали – неужели это будет длиться до бесконечности и нашествие этой людской саранчи увеличит население вдвое, втрое, вчетверо, затопит все земли и уничтожит всю пищу? На какие меры нам придется пойти, чтобы остановить это? Ресурсы планеты уже на пределе. Она не сможет принять еще. А потом, в августе, двери просто захлопнулись. Кто-то там, в будущем, закрыл их раз и навсегда.

Мысль о том, что случилось с теми, кто не успел проскочить, была невыносима.

– Новые отчеты из ожогового отделения, – сказал Шрайвер, откидывая полог палатки.

Шрайвер называл рассказы беженцев страшилками. Он

бросил папки мне на стол и наклонился, чтобы заглянуть в вырез моей блузки. Я хмуро поглядела на него, и он отодвинулся на шаг.

– Есть в них что-нибудь полезное?

– Ничего. Но ведь не я же придумал правила. Тебе придется прочитать все отчеты до последнего слова, чтобы ты могла клятвенно подтвердить перед комиссией: там нет ничего такого, о чем они хотят знать.

– Верно.

Я провела сканером по страницам всех папок, а потом сбросила всю стопку в корзину для бумаг. Коснулась большим пальцем клавиши на одной из новых панелей – лучшие приборы системы безопасности были самой первой выгодой, извлеченной из наплыва технарей из будущего, – и сказала:

– Готово.

Затем я сцепила пальцы на затылке и откинулась в кресле. В воздухе пахло брезентом. Временами казалось, что вся вселенная пропахла брезентом.

– Так как у тебя дела?

– Примерно так, как ты ожидала. Все утро беседовал с жертвами.

– Лучше ты, чем я. Я подаю заявление о переводе в управление по печати. Подальше от этих палаток, подальше от лагеря, в какую-нибудь миленькую редакцию, буду писать пресс-релизы и статьи для воскресных журналов. Непыльная работенка, собственный кабинет и полное удовлетворение от осознания, что я, для разнообразия, занимаюсь чем-то хорошим.

– Не выйдет, – сказал Шрайвер. – От всех этих историй чувства просто притупляются. Есть даже специальный термин. Это называется «выгорание». Наступает момент, когда ты начинаешь обвинять жертву в том, что она вынуждает тебя выслушивать все это.

Я поерзала в кресле, словно устраиваясь поудобнее, и грудь обнажилась чуть больше. Шрайвер с присвистом вдохнул. Впрочем, совсем тихо – сам он точно был уверен, что я ничего не заметила. Я сказала:

– Наверное, тебе лучше вернуться к работе.

Шрайвер выдохнул:

– Да-да, я слышу тебя.

Он с несчастным видом поднырнул под полог палатки. Через секунду его улыбающаяся физиономия просунулась обратно.

– Ой, Гинни, чуть не забыл. Хуонг на больничном. Геворкян велела тебе передать, что ты сегодня после обеда будешь вместо нее интервьюировать жертв.

– Ах ты, негодяй!

Он захихикал и исчез.

Я сидела, расспрашивая женщину, лицо которой походило на маску застывшего ужаса. Она отвечала с торопливой готовностью. Все они так отвечали. Это даже пугало. Они были благодарны за все, за любую мелочь. Иногда мне хотелось ударить очередного несчастного по лицу, чтобы просто добиться нормальной человеческой реакции. Только они, наверное, стали бы целовать мне руки за то, что я не сделала ничего хуже.

– Что вам известно об инженерии срединной точки? О насекомых-шпионах? О сублокальных методах?

Я дошла до конца списка, составленного на эту неделю, и на каждом пункте она качала головой.

– Машины Пригожина? Транс-статус CBAT? Микромонологи? – (Ничего, ничего, ничего.) – Фленария? Инцидент в Толедо? Теория «третьего мученика»? Научно-исследовательская группа «G»?

– Они забрали мою дочь, – сказала она в ответ на последнее. – Они сделали с ней такое…

– Об этом я вас не спрашивала. Если вам что-то известно об их военной организации, их машинах, препаратах, исследовательских технологиях – прекрасно. Но о людях я ничего слышать не хочу.

– Они такое делали… – Ее мертвые глаза впивались в меня. – Они…

– Не рассказывайте мне.

– …вернули ее домой на середине эксперимента. Сказали, у них не хватает работников. Они простерилизовали нашу кухню и выдали список того, что с ней еще нужно сделать. Кошмарные вещи. И еще опросный лист вроде вашего, чтобы записывать ее реакции.

– Прошу вас.

– Мы не хотели, но они оставили такой особый прибор, чтобы мы подчинились. Ее отец убил себя. Он и дочь хотел убить, но ему не позволил прибор. После его смерти они изменили настройки, чтобы я тоже не могла себя убить. Я пыталась.

– Проклятье! – Это было что-то новенькое. Я дважды стукнула по ручке, включая пьезохрон, чтобы ручка писала с опережением на пятнадцать секунд. – Вы что-нибудь помните об этом приборе? Большой он был? Какие на нем были кнопки?

Почти невероятно, чтобы она сообщила нам что-нибудь полезное. Среднестатистический беженец знал о технологиях будущего не больше, чем среднестатистический современный

гражданин знает о телевидении и компьютерах. Включаешь – прибор работает. Когда ломается, покупаешь новый. Однако моя работа состояла в том, чтобы находить следы. Любая мелкая деталь помогала проявить большую картину. В конце концов все недостающие элементы отыщутся. Во всяком случае, такова была теория.

– У него был внешний или внутренний источник питания? Вы когда-нибудь видели, чтобы его кто-то обслуживал?

– Я взяла его с собой, – сказала женщина. Она порылась под грязной одеждой и вынула нечто, похожее на каплю ртути размером с кулак и с разноцветными огоньками. – Вот.

Она уронила прибор мне на колени.

Порождение автоматизации, точнее, гиперавтоматизации. Старая страшилка пятидесятилетней давности в конце концов воплотилась в жизнь. Больше не нужны были люди, чтобы строить шахты, заниматься сельским хозяйством или промышленностью. Из машин получились лучшие управленцы и более внимательные служащие. Требовалась лишь маленькая горстка элиты – жертвы называли их просто Хозяевами, – чтобы отдавать распоряжения. Поэтому возникло множество бесполезных людей, которые попросту занимали место.

Нужно же было что-то с ними делать.

И способ был найден.

Во всяком случае, это мое предположение. Точнее, одно из многих. У меня их миллион: гиперавтоматизация, нарастающее ожесточение коллективного сознания, всеобщая обусловленность и взаимосвязанность явлений. Скрытая агрессия, заложенная в природе иерархической структуры. Притупление чувства сострадания. Тривиальность зла.

Может, просто люди по природе своей вовсе не добрые? Это непременно предположил бы Шрайвер.

На следующий день я была как зомби. Работала механически, сопоставляя факты. Ла Шана из отдела реквизиций сразу же заметила мое состояние.

– Тебе пора взять выходной, – сказала она, когда я зашла узнать насчет замены своего пин-кодера. – Ступай отсюда, прогуляйся по лесу, в гольф поиграй.

– В гольф, – повторила я. Лупить палкой по мячу показалось самым нелепым занятием во вселенной. Я не видела в нем никакого смысла.

– Только не говори, что не любишь гольф. Ты ведь любишь. Ты мне сто раз об этом рассказывала.

– Мне казалось, что люблю. – Я положила сумочку на стол,

сунула в нее руку и осторожно потрогала прибор. Он был прохладный на ощупь и едва ощутимо вибрировал под пальцами. Я отдернула руку. – Но только не сегодня.

Ла Шана заметила.

– Что у тебя там?

– Ничего. – Я отодвинула от нее сумку. – Вообще ничего. – И добавила – слишком громко, слишком нервно: – Так что насчет пин-кодера?

– Забирай. – Она достала прибор, активировала его и подождала, пока я его возьму. Теперь пользоваться им смогу только я. Поразительно, как быстро мы переняли эту технологию. – Кстати, куда подевался твой?

– Я на него наступила. Нечаянно. – Я видела, что Ла Шана на это не купилась. – Проклятье! Это вышло случайно. Могло произойти с кем угодно.

Я сбежала от Ла Шаны, чтобы не видеть ее встревоженного, озабоченного лица.

Не прошло и двадцати минут, как ко мне в кабинет просочилась Геворкян. Она улыбнулась и в ответ на мое приветствие лениво привалилась к шкафу с папками. Скрестила руки на груди. Глаза печальные и циничные. Широкое некрасивое лицо, на котором читается терпение и вся мудрость мира. Юбка всего самую малость теснее и чуточку короче, чем было бы прилично для офиса.

– Виргиния, – сказала она.

– Линда.

Мы обе выжидали. И поскольку я проработала здесь целую вечность и мне все уже было по барабану, Геворкян заговорила первой:

– Я слышала, тобой немного недовольны.

– Что?

– Не возражаешь, если я загляну в твою сумочку?

Ни на мгновение не отводя от меня взгляда, она ощупала сумочку, сунула руку внутрь, нашарила содержимое. Она проделала это так медленно и нарочито, что, могу поклясться, я ожидала, что она обнюхает пальцы. Затем, не найдя предполагаемого оружия, она сказала:

– Надеюсь, ты не злишься на нас?

Я хмыкнула.

– Так в чем же дело?

– В чем дело? – повторила я с недоверием.

Я подошла к окну. Вжик-вжик-вжик – опустился прямоугольный кусок брезента. Сквозь москитную сетку был

виден лагерь: брезентовые палатки до самого горизонта. Самым примечательным в этом пейзаже был лабиринт из тентов правительственного офиса, расположенный на вершине холма, – мы шутливо именовали его Тентагоном, – с брезентовыми трубами кондиционеров, мобильными лабораториями и кафешками. Все это взялось в основном из армейских запасов, а то, что было не из армейских запасов, когда-то принадлежало скаутам.

– Только посмотри! Только кинь, мать его, взгляд! Вот оно, будущее, и это будущее несется на тебя со скоростью шестьдесят секунд в минуту. Ты видишь то же, что я, и еще задаешь мне этот вопрос?

Она подошла и встала рядом со мной. Где-то вдалеке заплакал ребенок. Плач становился все надрывнее.

– Виргиния, – проговорила она негромко, – Гинни, я понимаю, что ты чувствуешь. Поверь мне, хорошо понимаю. Возможно, во вселенной все-таки все заранее предопределено. Может быть, мы никак не можем изменить то, что происходит. Однако это еще не доказано. А пока это не доказано, мы обязаны оставаться в строю.

– Чего ради?

– Ради *них*. – Она подбородком указала на медленно бредущих выходцев из другого мира. – Они живое доказательство всему, что мы ненавидим и боимся. Они свидетели и подтверждение того факта, что абсолютное зло существует. И до тех пор пока остается хотя бы малейший шанс, мы должны стараться дать ему отпор.

Я смотрела на нее в течение долгого, заполненного только молчанием мгновения. А затем самым холодным и спокойным тоном, на какой была способна, произнесла:

– Убери свою клешню с моей задницы.

Она убрала.

Я смотрела ей вслед, пока она уходила, не проронив больше ни слова.

Это было уже за гранью саморазрушения. Единственное, что приходило мне в голову: Геворкян хочет уволиться, но не может заставить себя все бросить. Может, она нарывается на увольнение за сексуальное домогательство. Но с другой стороны, в гибели надежды несомненно присутствует что-то эротическое. Ощущение вседозволенности. Чудесное пикантное чувство, что раз все равно ничто уже не имеет значения, то можно поддаться мимолетным порывам. Ведь, вероятно, это единственное, что нам еще осталось.

И все время, пока я размышляла об этом, в ящике письменного стола у меня лежал тот прибор. Тихонько жужжал

сам с собой.

Люди по-прежнему заводят детей. И это просто ужасно. Я вообще этого не понимаю, и не рассказывайте мне об инстинктах. Первое, что я сделала, осознав чудовищность того, что ждет впереди, перевязала трубы. Никогда не мечтала о материнстве, однако хочется сохранить саму возможность на тот случай, если передумаю. Теперь я уже знала, что не передумаю.

День выдался кошмарный, поэтому я решила, что имею полное право закончить пораньше. Я шла через лагерь к парковке для гражданских сотрудников и отставных военных, когда наткнулась на Шрайвера. Он шел со стороны уборных для жертв. Самое неромантичное место на земле. Брезентовые палатки тянулись бесконечным рядом, и удрученные люди то и дело входили и выходили. А запах! Представьте себе, как воняет дерьмо всех больных в мире, и вы поймете, какой там стоял запах.

У Шрайвера под мышкой была зажата бутылка испанского шампанского. С красной этикеткой.

– По какому поводу? – спросила я.

Он ухмыльнулся, словно богиня Кали, и подхватил меня под руку.

– Мой бракоразводный процесс наконец-то завершился. Не поможешь мне отпраздновать?

Учитывая обстоятельства, это была единственная большая глупость, какую я могла совершить.

– Конечно, – сказала я. – Почему бы нет?

Позже, в его палатке, когда он меня раздевал, я спросила:

– Между прочим, Шрайвер, почему жена с тобой развелась?

– Из-за ментальной жестокости.

Потом он положил меня поперек кровати, и я позволила ему меня побить. Я нуждалась в этом. Хотела быть наказанной за то, что была счастливой, сытой, свободной, пока вокруг меня…

– Сильнее, черт бы тебя побрал! – говорила я, меся его кулаками, кусая и царапая до крови. – Заставь меня заплатить.

Причина и следствие. Предопределено ли все во вселенной или нет? Если все неизбежно вытекает из того, что было раньше, тикает – тик-так, – словно гигантский, включающий в себя *все* часовой механизм, тогда надежды нет. Беженцы явились из будущего, которое невозможно отменить. С другой стороны, если время подвластно квантике и неопределенно, нестабильно в каждой точке, постоянно готово отклониться в любую сторону, подчиняясь случайным воздействиям, в таком случае все эти

страдальцы, прибывавшие к нам на протяжении шести долгих, дождливых месяцев, могут оказаться всего-навсего фантомом. Просто артефактом из бракованного будущего.

И *наше* будущее может оказаться просто замечательным.

Миллион наших ученых, представители всех возможных наук, работали над тем, чтобы стало именно так. Биологи, хаотики, физики всех мастей. Баснословно преданные делу люди. Целеустремленные. Мотивированные. Все они старались протянуть руку раньше, чем неизбежное произойдет, и сказать: «Стоп!»

С каким удовольствием они бы вцепились своими ручонками в то, что я спрятала в ящике письменного стола!

Только я еще не решила, отдам ли им это. Я сильно сомневалась, что это будет правильно. Или, если на то пошло, хотя бы разумно.

Геворкян задавала мне вопросы во вторник. В четверг я вошла в свой кабинет и обнаружила там трех солдат в ооновской форме, которые проводили обыск с помощью ручных детекторов.

Я поправила сумочку на плече, чтобы выглядеть внушительнее, и спросила:

– Какого черта здесь происходит?

– Выборочная проверка, мэм. – Темноглазый солдат-индус, молодой, годящийся мне если не в сыновья, то в младшие братья, вежливо коснулся лба, вроде как отдавая честь. – Из-за опасности проникновения контрабанды. – Вышитые буквы на одном его кармане сообщали, что его фамилия Патак. – Чистая формальность, уверяю вас.

Я сосчитала нашивки на его рукаве, сравнила со своей должностью в иерархии гражданских госслужащих и поняла, что, согласно сложным ооновским протоколам, которыми мы руководствовались, я выше его по рангу.

– Сержант-майор Патак. Мы с вами оба знаем, что все иностранные государства действуют на территории Америки с ее согласия, и прекрасно понимаем, что у вас нет никакой власти над ее гражданами.

– Ну, этот вопрос мы уладили с вашим мистером…

– Да мне плевать, хоть с чертовым далай-ламой! Это мой кабинет, и ваша власть заканчивается на его пороге. У вас не больше прав находиться здесь, чем у меня обыскивать ваш анус. Улавливаете ход моей мысли?

Он залился сердитым румянцем, однако ничего не ответил.

Тем временем его подчиненные водили детекторами по картотечному ящику с папками, по встроенным шкафам, по

моему столу. Огоньки на приборах загорались красным, красным, красным. Нет, нет, нет. Солдаты старались не смотреть на меня. Делали вид, будто не услышали ни слова.

Я не зря устроила выволочку сержант-майору. Позже, когда кабинет был тщательно просканирован и два младших чина смущенно застыли, не зная, сколько их еще здесь продержат, я отпустила всех троих. И все они были так благодарны, что поспешили убраться и никто не попросил показать сумку. В которой, само собой, и лежал прибор.

Когда они ушли, я подумала о юном сержант-майоре Патаке. Интересно, что бы он сделал, если бы я положила руку ему на мошонку, сделав недвусмысленное предложение. Нет, отдав ему приказ. Он казался таким чистосердечным. Ох и смутился бы он! Фантазия была пугающе приятной.

Я в подробностях рассмотрела ее со всех сторон, все это время держа непонятное устройство на коленях и поглаживая, словно кошку.

На следующее утро произошел инцидент в пищеблоке. Одна женщина ударилась в истерику, когда ей попытались вживить под кожу лба микроскопический идентификационный чип. Это была новая система, которая, предположительно, должна была сэкономить на отслеживании затрат тринадцать центов в неделю с каждого беженца. Входишь в «умную» дверь, она регистрирует твое присутствие, забираешь еду, и вторая дверь отмечает твой уход. В этом не было ничего, чтобы так расстраиваться.

Но женщина принялась кричать и плакать, а потом – все произошло рядом с кухнями – схватила нож и начала наносить себе удары. Она успела оставить на своем теле девять зияющих ран, прежде чем удалось отнять у нее нож. Санитары понесли ее в реанимацию, где врачи сказали, что она в любом случае уже не жилец.

После того как распространилась эта новость, больше никто из беженцев не давал вживлять себе чипы. Что здорово вывело из себя ооновских миротворцев, приписанных к лагерю, поскольку до того паре сотен жертв уже поставили чипы и не было никаких проблем. Индусы решили, что беженцы просто специально стараются усложнить им работу. Послышались обвинения в расизме, поползли слухи о готовящейся мести.

Все утро я в меру своих сил старалась всех успокоить – безнадежное занятие, – а после обеда писала рапорты, которые высшие чины желали получить «срочно» и которые, скорее всего, легли на полку непрочитанными. В общем, у меня совсем не было

времени даже подумать о том приборе.

Но я все равно думала. Постоянно.

Понемногу он превращался в тяжкое бремя.

Как-то в старших классах мы выполняли задание: мне выдали десятифунтовый мешок муки, которому я должна была дать имя и целый месяц повсюду таскать с собой, словно это ребенок. Оставлять Биппи без присмотра было нельзя, я должна была либо брать его с собой, либо находить кого-нибудь, кто согласится с ним посидеть. Предполагалось, что подобное упражнение разовьет в нас чувство ответственности и отпугнет от ранней половой жизни. Когда месяц подошел к концу, я первым делом стянула у отца пистолет сорок пятого калибра и всадила в Биппи всю обойму, патрон за патроном. Пока от мелкого паршивца не осталось лишь облако белого праха.

И машинка из будущего была такой же. Еще один Биппи. Мне ее дали, и я не смела от нее избавиться. Она явно представляла большую ценность. И не меньшую опасность. Вопрос: действительно ли мне хочется, чтобы в руки правительства попал предмет, который заставляет людей действовать наперекор собственным желаниям? Верю ли я, что власти не приведут нас в тот же миг ровно к тому, что мы, предположительно, изо всех сил стараемся предотвратить?

Я задавалась этими вопросами – сколько уже? – четыре дня. Мне казалось, что к этому моменту у меня созрели ответы.

Я вытащила Биппи из сумки. На ощупь он был прохладный и гладкий, словно тающая ледышка. Нет, теплый. Он казался сразу и теплым и холодным. Я все гладила и гладила его, успокаиваясь от прикосновения.

Через минуту я встала, закрыла молнию на пологе своего кабинета и на всякий случай завязала тесемки. Затем вернулась за стол, села и расстегнула блузку. Я провела Биппи по всему телу: по шее, по груди, водила по животу снова и снова. Сбросила туфли и неловко стянула колготки. Прибор прошелся по моим лодыжкам, поднялся выше, до бедер. Между ногами. Из-за него я ощущала себя грязной. Из-за него мне едва ли не хотелось себя прикончить.

Не знаю, как получилось, что я заблудилась. А заблудилась я, когда отправилась в лагерь после наступления темноты.

После наступления темноты никто не ходит в лагерь без служебной необходимости. Даже солдаты-индусы. Это время, когда жертвы отдыхают и развлекаются. Они, понимаете ли, не испытывают сочувствия друг к другу – вот она, наша маленькая гадкая тайна. Я как-то видела, как ребенок, едва научившийся

ходить, упал в костер. Вокруг было полно беженцев, но если бы не я – ребенок бы погиб. Я выхватила его из пламени раньше, чем он успел обгореть, но больше никто даже не шевельнулся, чтобы ему помочь. Они просто стояли и смотрели. И смеялись.

– В Дахау, когда открывали газовые камеры, перед дверями всегда обнаруживали пирамиду из тел, – сказал мне однажды Шрайвер. – Когда газ начинал поступать, люди ударялись в панику и карабкались друг на друга в тщетной попытке спастись. Так и было задумано. Было возведено в систему. Нацисты хотели, чтобы евреи не просто умирали, они хотели ощущать моральное превосходство над своими жертвами.

В общем, меня не должно было быть в лагере. Просто, когда я отпирала дверцу своего трейлера, я внезапно поняла, что сумка стала какой-то не такой. Легкой. И до меня дошло, что Биппи остался в верхнем ящике письменного стола. А я даже не заперла ящик.

При мысли о том, что кто-нибудь может его найти, все внутри похолодело. Я в панике поспешила обратно. От стоянки трейлеров до лагеря было двадцать минут езды, и к тому времени, когда я добралась до места, соображала я уже плохо. Чтобы попасть от Тентагона на стоянку для гражданских лиц, нужно было обогнуть чуть ли не четверть лагеря. Я решила: будет проще срезать через него. В общем, помахав перед часовым своим удостоверением сотрудника отдела истории будущего, я въехала в ворота.

Вот так я и заблудилась.

Народ в лагере селился кварталами. Люди по своей природе тянутся к таким же страдальцам, как они сами. Те, у кого были нервные тики, жертвы иллогического перепрограммирования, жили в одной части лагеря; модифицированные, то есть с функционально-нормативными изменениями, – в другой. Я оказалась среди толпы людей, которых «излечили» от конечностей, ушей и даже внутренних органов, – кажется, никакой системы, поддающейся осмыслению, тут не было. Иногда нашим врачам удавалось произвести частичное восстановление. Но, конечно, наша примитивная хирургия не шла ни в какое сравнение с хирургией их эпохи, полной чудес.

Я свернула не туда, стараясь разминуться с безглазой, безносой женщиной, которая хватала меня за блузку и требовала денег, и как раз шла в обход, когда мимо, не заметив меня, стремительно прошагала Геворкян.

И это было настолько неожиданно, что, оправившись от мгновенного потрясения, я развернулась и пошла за ней. Мне и в

голову не пришло, что делать этого не стоит. Она была какой-то другой, было что-то непривычное в выражении ее лица, в осанке. Что-то незнакомое.

У нее даже походка была какая-то не такая.

Жертвы разобрали несколько палаток, чтобы оградить полотнищами брезента большое открытое пространство. Его освещали пропановые лампы, которые висели на высоких шестах, воткнутых по кругу. Я увидела, как Геворкян проскользнула между двумя брезентовыми полотнищами, и, секунду поколебавшись, последовала за ней.

Там проводились крысиные бои.

Как проходят крысиные бои, я узнала в тот вечер. Первым делом необходимо наловить побольше серых крыс. Больших, злых самок. Затем привести их в самое скверное расположение духа – проще всего не кормить, но существует и немало других способов. В общем, когда крысы на взводе, вы вываливаете дюжину в большую яму, выкопанную заранее. Затем спускаете в яму их противника. Здоровенного парня с обритой головой и связанными за спиной руками. Гениталии у него прикрыты небольшим куском ткани, но в общем-то он голый.

А потом крысам предоставляется возможность выбраться. Крысы подпрыгивают, кусаются, здоровенный парень старается затоптать их, раздавить ногами, грудью, головой – чем только сможет достать.

Вся сцена была освещена ярко, словно днем, а все пространство вокруг ямы запружено жертвами. Некоторые орали, подбадривая ту или иную сторону. Некоторые просто напряженно смотрели. Крысы визжали. Полуголый детина сражался молча, оскалив зубы в жуткой ухмылке.

Давно уже я не видела ничего более кошмарного.

Геворкян наблюдала за происходящим хладнокровно, не выказывая ни особенного интереса, ни отвращения. Спустя какое-то время мне стало очевидно, что она ждет кого-то.

Наконец этот кто-то появился. Худощавый мужчина, высокий, с острыми, словно вырубленными топором, чертами лица. Никто из жертв его не заметил. Их взгляды были устремлены вниз, в яму. Мужчина разок кивнул Геворкян, затем снова скрылся между полотнищами брезента.

Она последовала за ним.

Я последовала за ней.

Они дошли до слабо освещенного места на границе лагеря. Здесь не было ничего, кроме мусора, задних стенок палаток, забора из колюче-режущей проволоки и ворот, запертых на ночь.

Было нетрудно проследить за этими двумя издалека. Чужак

держался гордо, подбородок вздернут, глаза блестят. Шел он весьма уверенной походкой. И был совершенно не похож на жертву.

Мне стало ясно, что он из числа Хозяев.

Как и Геворкян. Теперь, рядом с ним, на ее лице тоже полыхало нечеловеческое высокомерие. Как будто она сняла маску. Огонь, горевший на его лице, отражался в ней.

Я съежилась в тени палатки, слушая, как незнакомец произносит:

– Почему она его не включила?

– Она неуравновешенная, – сказала Геворкян. – Они все такие.

– Мы не можем давить на нее. Она должна включить его сама.

– Она включит. Дайте ей время.

– Время, – повторил чужак. Они оба засмеялись, и звук их смеха меня вовсе не обрадовал. Потом он прибавил: – Пора бы. Слишком многие задействованы в операции. Слишком многое поставлено на карту.

– Она включит.

Я стояла, глядя, как они пожимают друг другу руки и расходятся. Геворкян скрылась в палаточном городке. Чужак распахнул светящуюся дверь и исчез.

Причина и следствие. Они сделали… Что бы они там ни сделали с дочерью той женщины, это было сделано только для того, чтобы всучить мне Биппи. Они хотели, чтобы я включила прибор. Они хотели, чтобы в руки нашего правительства попал инструмент, гарантирующий повиновение. Они хотели, чтобы мы хорошенько прочувствовали, каково быть *ими*.

Неожиданно у меня пропали всякие сомнения, что мне следует делать. Я перешла на решительный шаг и скоро уже бежала. Люди спешили убраться с моего пути. Если они мешкали, я просто отталкивала их в сторону.

Я должна добраться до Биппи и уничтожить его.

Как же это было глупо, глупо! Если б я медленно брела, опустив голову, я превратилась бы в невидимку. Стала бы невидимой – и мне ничто не грозило бы. Я же орала и ругалась, производя много шума и суеты. Разумеется, я привлекла к себе внимание.

Разумеется, Геворкян преградила мне путь.

Я остановилась, покачнувшись.

– Геворкян, – проговорила я слабо. – Линда. Я…

Вся ложь, которую я готова была произнести, застряла у меня

в горле, когда я увидела ее лицо. Выражение ее лица. Эти глаза. Геворкян потянулась ко мне. Я шарахнулась назад в совершенной панике, развернулась и побежала. Любой на моем месте сделал бы то же самое.

Это был какой-то кошмар. Толпа замедляла мой бег. Я спотыкалась. Я понятия не имела, куда двигаюсь. И все это время чудовище преследовало меня по пятам.

С наступлением темноты никто не заходит в лагерь без служебной необходимости. Но это не значит, что никто *действительно* не заходит. По чистой случайности Геворкян загнала меня в ту часть лагеря, где имелось нечто, чего посторонние не смогли бы найти нигде больше, – квартал проституток.

Жертвы выставляли себя на продажу самым незатейливым способом. Вдоль протоптанной в траве дорожки, по которой я бежала, стояли ряды клеток, в каких обычно держат собак. Они были украшены фестончиками новогодних гирлянд, и в каждой сидел, скорчившись, мальчик. Голый, чтобы было лучше видно все его модификации и деформации, которые некоторым казались привлекательными. Мимо клеток прохаживались сменившиеся с дежурства солдаты, прикидывая свои возможности. Одного из них я узнала.

– Сержант-майор Патак! – закричала я. Он вскинул голову, испуганный и виноватый. – Помогите! Убейте ее! Убейте сейчас же!

Надо отдать ему должное, сержант-майор оказался боевой парень. Понятия не имею, как мы выглядели со стороны, две ведьмы, несущиеся друг за другом по улицам преисподней. Однако он мигом оценил ситуацию, выхватил личное оружие и шагнул вперед.

– Прошу вас, – сказал он, – оставайтесь на своих местах. Обе. Положите руки на голову. Теперь…

Геворкян щелкнула пальцами в сторону молодого солдата. Он закричал и схватился за раздробленное плечо. Она с пренебрежением отвернулась от него. Остальные солдаты бросились врассыпную при первом признаке опасности. Все внимание Геворкян было сосредоточено на мне, а я под ее взглядом трепетала, словно загнанный олень.

– Миленькая жертва, – проворковала она. – Если ты не желаешь играть роль, назначенную тебе, то попросту умолкнешь навеки.

– Нет, – прошептала я.

Она коснулась моего запястья. Я была не в силах противиться ей.

– Мы сейчас пойдем с тобой в мой кабинет. Там мы повеселимся. Будем веселиться много часов подряд.

– Оставь ее.

Внезапно и необъяснимо, словно явление божества, из темноты возник Шрайвер. Он выглядел маленьким и решительным.

Геворкян засмеялась и взмахнула рукой.

Но рука Шрайвера взметнулась ей навстречу, и в том месте, где их руки встретились, возникла синяя электрическая вспышка. Геворкян ошеломленно уставилась на свою конечность. От нее отваливались кусочки искореженного металла. Она подняла взгляд на Шрайвера.

Он сбил ее с ног.

Она упала, испустив короткий, сиплый крик, словно морская чайка. Шрайвер трижды пнул ее со всей силы: по ребрам, по животу, по голове. А потом, когда показалось, что она сейчас поднимется на ноги, он прокричал:

– Это одна из них! Смотрите! Шпионка Хозяев! Она из будущего! Хозяйка! Смотрите! Хозяйка!

Беженцы, спотыкаясь, выскакивали из палаток и выбирались из клеток. Никогда еще я не видела их настолько живыми. Лица их раскраснелись, они кричали. Глаза были широко раскрыты в исступлении. Первый раз в жизни я по-настоящему испугалась их. Они бежали. Они прибывали, словно саранча.

Они схватили Геворкян и стали рвать ее на куски.

Я видела, как она сопротивлялась, в какой-то момент почти вырвалась, видела, как она вскинула руку над морем сжатых кулаков, словно тонула.

Шрайвер крепко взял меня за локоть и увел раньше, чем я успела увидеть что-то еще. Хотя увиденного было достаточно.

Его было слишком много.

– Куда мы идем? – спросила я, когда немного собралась с мыслями.

– А ты как думаешь?

Он привел меня в мой кабинет.

Там ждал какой-то незнакомец. Он взял ручной детектор, какими пользовались сержант-майор Патак и его подчиненные, и прикоснулся к себе, к Шрайверу, ко мне. Трижды зажегся красный огонек, отрицательный ответ.

– Когда путешествуешь во времени, накапливается остаточный заряд, – пояснил Шрайвер. – И он потом никуда не девается. Мы уже давно знали про Геворкян.

– Специальный отдел службы безопасности США, – сказал

незнакомец и показал удостоверение.

Для меня это означало конец. У него значок. А в удостоверении может быть написано хоть «Капитан Кранч»[26], это уже неважно. Но я ни на мгновение не усомнилась, что он из службы безопасности. Такой уж у него был взгляд. Шрайверу он сказал:

– Нейтрализатор.

Шрайвер снял с руки что-то блестящее – штуковину, которой он уничтожил оружие Геворкян, – и с несколько комичной бюрократической церемонностью обменял ее на расписку. Офицер службы безопасности коснулся предмета детектором. Загорелся зеленый. Он убрал оба прибора во внутренние карманы.

После этого Шрайвер отошел в сторонку, а Капитан Кранч наконец снова сосредоточил внимание на мне.

– Где снарк?

– Снарк?

Он вынул из внутреннего кармана пиджака тонкую тряпочку и встряхнул. С подчеркнутой осторожностью натянул на левую руку. Инерционная перчатка. Поняв по выражению моего лица, что я знаю, что это такое, сказал:

– Не вынуждайте меня применять ее.

Я сглотнула комок в горле. На мгновение промелькнула безумная мысль воспротивиться ему, просто отказаться отвечать, где спрятан Биппи. Но мне уже доводилось видеть инерционную перчатку в действии, когда один-единственный часовой подавил бунт в лагере. Он был совсем не великан. Но я видела, как он разбивал головы, словно арбузы.

В любом случае Биппи в столе. Они наверняка заглянут туда.

Я выдвинула ящик, вынула прибор. Отдала ему.

– Это провокация, – сказала я. – Они хотели, чтобы мы его использовали.

Капитан Кранч окинул меня взглядом, который яснее всяких слов говорил, что он считает меня непроходимой дурой.

– Мы понимаем гораздо больше, чем вам кажется. Существуют круги в кругах. У нас имеются информаторы в будущем, причем некоторые из них занимают куда более высокие посты, чем вы можете себе представить. Только не все, что мы знаем, должно становиться достоянием общественности.

– Черт, но ведь эта дрянь – настоящее зло!

У змеи взгляд теплее, чем у этого человека.

– Поймите следующее: мы сражаемся за то, чтобы выжить здесь. Истребление – это не выход. Можете переживать какие угодно моральные кризисы, когда война будет выиграна.

– Необходимо сохранить это в тайне. Технологию. Если ее использовать, то в результате это приведет лишь к тому…

Он не слушал меня.

Я достаточно долго проработала на правительство, чтобы понимать, когда я впустую сотрясаю воздух. Поэтому я умолкла.

Когда Капитан Кранч ушел с Биппи, Шрайвер остался, иронически глядя ему вслед.

– Люди получают то будущее, какого заслуживают, – заметил он.

– Но я как раз об этом и говорю. Геворкян пришла из будущего, чтобы оно воплотилось. Это означает, что время не предопределено. – (Кажется, я становлюсь плаксивой. День выдался трудный.) – Тот ее знакомый сказал, что в этой операции задействовано много народу. Они не знали, как все повернется. Они этого не знали.

Шрайвер промычал что-то, нисколько не заинтересованный.

Я продолжала гнуть свое, не обращая внимания:

– Если оно не предопределено, если они так стараются, чтобы оно осуществилось, значит все наши усилия все-таки не так уж и тщетны. Будущее можно предотвратить.

Шрайвер наконец-то поднял голову. В его глазах горел странный торжествующий огонек. Он улыбнулся своей лукавой улыбкой, будто вопрошающей: «Ну разве это не забавно?» – и сказал:

– Не знаю, как ты, но некоторые из нас работают как проклятые, чтобы так и было.

И, насмешливо подмигнув, он ушел.

Как пульс размеренный машины бьется [27]

Щелк.

Включилось радио.

– Слышь.

Марта упрямо шагала, глядя себе под ноги. За правым плечом – Юпитер, за левым длинный шлейф Дедала. И ничего тут такого. Надо просто шагать – шагнула, дернула, шагнула, дернула. Делов-то.

– Шиш.

Марта повела подбородком, и радио выключилось.

Щелк.

– Слышь. Шиш. Кив. Эль. Сен.

– Заткнись, заткнись, заткнись! – Марта сердито дергала веревку, и сани, на которых лежал труп Бертон, подпрыгивали на твердой сернистой земле. – Бертон, ты умерла. Я проверяла: у тебя вместо лица дырка здоровая – кулак можно просунуть. А мне нельзя съезжать с катушек. Я вляпалась, мне нельзя, понимаешь? Так что, будь добра, заткнись нафиг.

– Не. Бер. Тон.

– Да мне без разницы, заткнись.

Она снова дернула подбородком, и радио выключилось.

Над западным горизонтом нависал Юпитер – огромный, яркий и прекрасный. Но после двух недель на Ио его красота уже не так завораживала. Наверху в двух сотнях километров изрыгал в небо серу и диоксид серы Дедал. Его газовый шлейф отражал свет невидимого солнца, и в визоре Марты раскрывался волшебный светло-голубой веер. Но у нее совсем не было настроения любоваться грандиознейшим зрелищем во Вселенной.

Щелк.

– Я не сошла с ума, – поспешно выпалила Марта. – Ты – просто мое подсознание. А у меня нет времени, чтобы разбираться с какими-то там неразрешенными психологическими противоречиями. Не буду больше тебя слушать.

Тишина.

Луноход перекувырнулся раз пять, а потом врезался в булыжник размером с Сиднейский оперный театр. Марта Кивельсен, рожденное ползать скромное создание, была так надежно пристегнута, что едва сумела выпутаться из ремней безопасности, когда мир наконец перестал вертеться. А вот

Джулиет Бертон, высокая, ловкая и спортивная Джулиет, уверенная в собственной везучести, пристегнуться не потрудилась и влетела в опору.

Из-за диоксида серы, летящего с огромной скоростью параллельно поверхности, не было видно ни зги. Поэтому Марта сначала выволокла из-под обломков лунохода облаченное в скафандр тело и укрылась от беснующейся бури – и только потом увидела, что сталось с Бертон.

И сразу же отвернулась.

Тот выступ расколол не только шлем Джулии, но и ее голову.

Возле скалы, в которую они врезались, намело нечто вроде сугроба – диоксид серы, летящий «горизонтальными струями», как это называли геологи-планетарники, частично оседал на камне. Марта машинально набрала полные горсти этого снега и ссыпала его в шлем напарницы. Поступок абсолютно бессмысленный, ведь в вакууме тело не будет разлагаться. Зато снег скрыл изуродованное лицо.

Марта села и глубоко задумалась.

Снег летел ровно, нисколько не завихряясь. На Ио отсутствовала необходимая для этого атмосфера. Буря здесь обычно начиналась следующим образом: в скале разверзалась трещина, поток диоксида серы стремительно извергался оттуда и, в полном соответствии с законами баллистики пролетев несколько миль, падал на поверхность. Тот снег, которому на пути встретилась скала, по большей части останется на ней или осыплется к подножию. Можно проползти под горизонтальной струей (именно так Марта и выбралась из обломков), добраться до развороченного лунохода и, двигаясь медленно и аккуратно, с помощью шлемной подсветки отыскать нужные вещи.

Марта опустилась на четвереньки. В ту же минуту буран прекратился – так же внезапно, как и начался.

Она встала, почему-то чувствуя себя очень глупо.

Но буря могла возобновиться в любой момент. Лучше поспешить, поторопила себя Кивельсен. Возможно, это лишь короткая передышка.

Она быстро и с опаской обыскала обломки лунохода. Основной резервуар с воздухом, из которого они наполняли свои баллоны, лопнул. Волшебно. Значит, оставался ее индивидуальный баллон, на треть пустой, два полных запасных баллона и баллон Бертон, тоже пустой на треть. Это было жутко – отстегивать баллон от скафандра Бертон, но что поделать. Прости, Джули. Воздуха должно хватить, посмотрим-ка, почти на сорок часов.

Марта откопала вогнутый кусок луноходной обшивки, моток

нейлоновой веревки, вместо молотка и пробойника применила два каких-то обломка и соорудила для Бертон подобие саней.

Будь она проклята, если бросит тело здесь.

Щелк.

– Так. Лучше.

– Да неужели.

Впереди простиралась холодная серная равнина. Гладкая, словно стекло. Ломкая, словно заледеневшая карамель. Холодная, словно ад. Марта включила на шлемовом визоре карту и посмотрела, сколько осталось. Еще каких-нибудь сорок пять миль по смешанной местности, и вот он – посадочный модуль. А оттуда до дома рукой подать. Раз плюнуть, подумала Марта. Ио привязана к Юпитеру, значит Отец Планет так и будет неподвижно маячить в небе, словно навигационный буй. Юпитер за правым плечом, Дедал за левым. И все кончится хорошо.

– Сера. Трибоэлектрическая.

– Не держи все в себе. Что ты хочешь мне сказать?

– И ясно мною. Ныне познается. Как пульс. Размеренный. Машины. Бьется, – пауза. – Вордсворт.

Если забыть про странный запинающийся голос, это было так похоже на Бертон с ее классическим образованием и любимыми старыми поэтами вроде Спенсера, Гинзберга или Плат, что на мгновение Марту охватила растерянность. Бертон страшно надоедала всем со своими стихами, но они ведь действительно ей нравились, и теперь Марта жалела, что так часто в ответ на очередную цитату закатывала глаза или отпускала пренебрежительное замечание. Но горевать она будет потом. А сейчас нужно дойти.

Равнина была темно-коричневой. Совершив пару движений подбородком, Марта увеличила интенсивность изображения. Визор заполнили желтые, оранжевые и красные цвета – точь-в-точь рисунок восковыми мелками. Так ей нравилось гораздо больше.

Но ландшафт, пусть даже и раскрашенный цветными мелками фирмы «Крейола», оставался самым пустынным во Вселенной. Она совершенно одна – маленькая и слабая Марта в жестоком и беспощадном мире. Бертон мертва. На Ио больше ни души. Рассчитывать можно лишь на себя. Если она облажается, винить некого. Неожиданно Марту охватила радость – холодная и мрачная, как вон те далекие горы. Стыдно было радоваться в такой момент.

Спустя минуту она спросила:

– А песни какие-нибудь знаешь?

Шагает мишка по горам. Шагает мишка по горам. Шагает мишка по горам. Что он найдет внизу.

– Проснись. Проснись.

Что он найдет…

– Проснись. Проснись.

– А? Что такое?

– Кристаллическая сера ромбическая.

Вокруг нее сколько хватало глаз раскинулось поле серных цветов – кристаллических соцветий размером примерно с ладонь. Поле с маками во Фландрии, то самое из Второй мировой, или страна Оз. Позади Марты тянулся отчетливый след: какие-то цветы она раздавила сапогами или санями, а какие-то просто разлетелись от выбрасываемых скафандром отработанных газов. След был весьма извилистым. Она шла на автопилоте, натыкалась на кристаллы, сворачивала.

Марта вспомнила, как они с Бертон обрадовались, впервые увидев такое вот «цветочное поле». Со смехом вывалились из лунохода, высоко и невесомо подпрыгивая; Бертон обхватила ее за талию и закружила в вальсе. Настоящее большое открытие, так они тогда решили, шанс войти в историю. И даже когда отправили сообщение Холзу на орбиту и получили довольно снисходительный ответ (нет, это совершенно точно не новая форма жизни, а просто серные кристаллы, про такие написано в любом учебнике по…), радость не утихла. Это же все равно было их первое открытие. И они надеялись, что далеко не последнее.

А теперь Марта думала лишь о том, что такие вот кристаллические поля встречаются рядом с серными гейзерами и вулканами, где часто происходят горизонтальные бури.

Она оглянулась и заметила забавную штуку. Поставив увеличение на максимум, Кивельсен наблюдала, как на краю поля оставленный ею след постепенно исчезает. На месте раздавленных цветов появлялись новые, маленькие, но целые, идеальной формы. Они буквально росли на глазах. Марта понятия не имела, что за процессы тут задействованы. Электролитическое осаждение? Молекулярную серу вытягивает из почвы по каким-нибудь псевдокапиллярам? Или цветы улавливают ее непосредственно из практически отсутствующей атмосферы Ио?

Еще совсем недавно эта загадка захватила бы ее. Но сейчас Марте было совсем не до того. К тому же все инструменты остались в обломках лунохода. Так что в ее распоряжении лишь весьма несовершенная электроника скафандра и измерения делать практически нечем. Только она сама, сани, запасные

баллоны с кислородом и труп.

– Черт, черт, черт, – прошептала Марта.

С одной стороны, оставаться здесь опасно. С другой – она не спала вот уже почти двадцать часов и едва держится на ногах. Смертельно устала. Очень-очень устала.

– О сон, о благодатный сон! Он всякой твари мил. Кольридж.

Да, видит Бог, искушение велико. Но цифры не обманешь, спать нельзя. Несколько раз быстро дернув подбородком, Марта поменяла настройки безопасности и добралась до аптечки. Повинуясь команде, система запустила через медицинский катетер дозу метамфетаминов.

В мозгах разом прояснилось, а сердце застучало, словно гребаный мотор. Да. Вот так. Бодра и весела. Глубокий вдох. Широко шагнуть. Вперед.

Дурная голова ногам покоя не дает. У нее еще много дел. Цветочное поле быстро осталось позади. Прощай, страна Оз.

Сознание возвращалось и снова меркло. Шли часы. Марта шагала по призрачному саду статуй. На пирокластической равнине то там, тот тут высились вулканические колонны (их второе великое открытие – на Земле таких не было). Плавные закругленные громадины, точь-в-точь скульптуры Липшица. Похоже на застывающую магму. Марта вспомнила, что Бертон умерла, и тихо заплакала.

Всхлипывая, шагала она мимо жутких каменных фигур. Из-за скорости казалось, что они двигаются. Танцуют. Героини «Вакханок» или нет, постойте, «Троянок», да, из этой пьесы. Покинутые. Тоскующие. Одинокие, как Лотова жена.

Поверхность была чуть припорошена диоксидом серы. От каждого шага он сублимировался, взлетал белым облачком и исчезал. Снова и снова. От этого становилось еще более жутко.

Щелк.

– Ядро Ио состоит из железа или сернистого железа. Сверху располагается оболочка из частично расплавленных пород.

– Ты еще тут?

– Попытка. Коммуницировать.

– Заткнись.

Марта взобралась на скальную гряду. Впереди простиралась гладкая холмистая равнина. Точно как на Луне между морем Ясности и предгорьями Кавказа. Она проходила там планетарную подготовку. Только тут нету метеоритных кратеров. На Ио их вообще нет. Единственное плотное космическое тело в Солнечной системе, на котором нет кратеров. Каждую тысячу лет или около того здесь нарастал очередной метр поверхности, а все из-за

сильной вулканической активности. Весь этот чертов спутник постоянно облицовывался заново.

Мысли путались. Марта проверила показатели и прошептала:

– Пора в дорогу.

Ей никто не ответил.

Рассвет наступит… когда? Ну-ка, посчитаем. Год на Ио (тот период, за который спутник успевал обернуться вокруг Юпитера) составлял около сорока двух часов и пятнадцати минут. Она идет вот уже семь часов. Ио успела продвинуться по своей орбите градусов на шестьдесят. Значит, рассвет скоро. Станет хуже видно шлейф Дедала, но это не проблема – можно соответствующим образом настроить визор. Марта закрутила головой, чтобы проверить, на своих ли местах Юпитер и Дедал. И зашагала дальше.

Шагнула, шагнула, шагнула. И надо постараться не открывать на визоре карту каждые пять минут.

Продержаться как можно дольше. Еще один час. Хорошо. Еще две мили.

Вполне сойдет.

Солнце поднималось все выше. Через полтора часа будет полдень. А значит… ну, в общем-то, это ничего не значит.

Впереди скала. Наверняка силикатные породы. Одинокая шестиметровая скала, которую забросило сюда бог весть какими силами и которая ждала бог весть сколько тысяч лет, чтобы предоставить убежище заблудшей Марте. Кивельсен нашла плоскую стенку, прислонилась и села, тяжело дыша. Передохнуть. И подумать. И проверить кислород. Через четыре часа придется снова менять баллон. И останется только два. Теперь в ее распоряжении чуть меньше двадцати четырех часов. И тридцать пять миль. Меньше двух миль в час. Плевое дело. В конце, наверное, придется трудновато. Засыпать нельзя.

Как же все болит.

Почти так же, как на Олимпиаде в сорок восьмом году, когда она взяла бронзу в женском марафоне. Или на тех международных соревнованиях в Кении, когда она рванула на финише и в итоге поделила с соперницей второе место. И так всю жизнь. Всю жизнь она третья, бьется за второе место. Всю жизнь в экипаже на орбите и лишь иногда, если очень повезет, на поверхности. Никогда не командир. Не президент класса. Не царь горы. Только один раз – всего один! – возмечтала стать Нилом Армстронгом.

Щелк.

– И каменная разума скрижаль. Сквозит по океанам мысли.

Вечна и одна. Вордсворт.

– Что?

– Магнитосфера Юпитера превышает размерами любое тело в Солнечной системе. Если бы человеческий глаз способен был ее увидеть, она бы показалась наблюдателю в два с половиной раза больше Солнца.

– Знаю, – почему-то разозлившись, отозвалась Марта.

– Цитировать. Просто. Разговаривать. Трудно.

– Так и не разговаривай.

– Попытка. Коммуницировать!

– Тогда валяй, – пожала плечами Марта, – коммуницируй.

Молчание. Затем:

– На что. Похоже?

– Что на что похоже?

– Ио – это богатый серой спутник с железным ядром, вращающийся на орбите вокруг Юпитера. На что. Похоже? Приливной разогрев, результат влияния Юпитера и Ганимеда, действует на Ио с такой силой, что расплавляется Аид – подземный серный океан. Избыток энергии, образующийся в Аиде, выходит на поверхность через вулканы, извергающие серу и диоксид серы. На. Что похоже? Железное ядро Ио генерирует магнитное поле, которое пробивает брешь в магнитосфере Юпитера и образует высокоэнергетическую потоковую трубку, соединяющую полюса самой Ио с северным и южным полюсами Юпитера. На. Что. Похоже? Ио притягивает и абсорбирует электроны в диапазоне миллиона вольт. Вулканы выбрасывают диоксид серы, магнитное поле Ио расщепляет некоторую его часть на ионы серы и кислорода, эти ионы попадают в брешь в магнитосфере Юпитера и создают вращающееся поле, известное как плазменный тор Ио. На что похоже? Тор. Потоковая трубка. Магнитосфера. Вулканы. Ионизированная сера. Расплавленный океан. Приливный разогрев. Орбита. На что похоже?

Сама того не желая, Марта стала прислушиваться – сначала просто заинтересованно, потом и вовсе жадно. Похоже на загадку или кроссворд. И будто существует точный ответ. Бертон или Холз сразу бы догадались. А вот Марте надо все обдумать.

Радио чуть гудело, словно терпеливо ожидая.

– Похоже на машину, – осторожно ответила Марта.

– Да. Да. Да. Машина. Да. Я машина. Я машина. Я машина. Да. Да. Машина. Да.

– Погоди, ты имеешь в виду, что Ио – машина? Ты – машина? То есть ты – Ио?

– Сера трибоэлектрическая. Сани. Электризация. Мозг Бертон целый. Язык – это данные. Радио – это средство. Я машина.

– Я тебе не верю.

Шагнула, дернула, шагнула, дернула. Это все, конечно, странно, но время тикает. Ладно, она съехала с катушек и вообразила, что Ио – живая машина и разговаривает с ней, но идти-то все равно надо. Ты обещала к сроку быть, а до ночлега много миль[28]. Кстати говоря, чтобы не заснуть, есть еще четверть дозы.

Ух ты. Вперед.

По дороге Марта продолжала беседовать со своей галлюцинацией, или мечтой, или чем там еще. Иначе слишком уж скучно.

Скучно и чуть-чуть страшно.

– Если ты машина, какая у тебя задача? Зачем тебя сделали?

– Знать тебя. Любить тебя. И служить тебе.

Марта удивилась, а потом вспомнила долгие рассказы Бертон о католическом детстве и рассмеялась. Это был парафраз ответа на первый вопрос Балтиморского катехизиса «Зачем Господь сотворил человека?».

– Тебя послушать, так у меня мания величия должна начаться.

– Машина. Ты. Создатель.

– Не я.

Некоторое время Марта шагала молча. Но потом тишина стала действовать ей на нервы.

– Когда я тебя якобы создала?

– И до созданья человека. Десятки миллионов лет прошли. Лорд Альфред Теннисон.

– Значит, точно не я. Мне-то всего двадцать семь. Ты меня явно с кем-то путаешь.

– Раньше. Подвижная. Разумная. Органическая. Жизнь. Ты. Подвижная. Разумная. Органическая. Жизнь.

Вдалеке что-то дернулось. Изумленная Марта вскинула голову. Лошадь. По равнине беззвучно неслась призрачная белая лошадь, хвост и грива развевались на ветру.

Марта крепко зажмурилась и потрясла головой. А потом снова открыла глаза. Лошади и след простыл. Галлюцинация. Как и голос Бертон – Ио. Марта собралась было принять еще метамфетамина, но все же решила отложить на потом. Надо продержаться как можно дольше.

Все это очень грустно: она раздувала воспоминания о напарнице до тех пор, пока та не выросла до размеров Ио. Вот бы порадовался Фрейд. Сказал бы, что она превратила свою подругу в бога, только чтобы оправдать тот факт, что никогда не сможет

превзойти и победить Бертон. Еще сказал бы, что Марта не может смириться с тем, что кто-то просто лучше ее.

Шагнула, дернула, шагнула, дернула.

Ладно, да, у нее проблемы с собственным эго. Она амбициозная самовлюбленная сучка. И дальше что? Все это помогло ей оказаться там, где она есть. А была бы более благоразумной, до сих пор торчала бы в трущобах Левиттауна в каморке десять на восемь с общей ванной. И работала помощницей стоматолога. Тилапия на ужин, кролик по воскресеньям. К черту это все. Она жива, а Бертон – нет, так что победила как раз она, как ни крути.

– Ты. Слышишь?

– Не особенно.

Марта поднялась на очередной холм. И замерла. Внизу темнело огромное пятно расплавленной серы. Черное и громадное, оно разлилось по полосатой оранжевой равнине. Озеро. Визор высветил тепловую карту: минус 230 ˚F у нее под ногами и 65 ˚F на краю лавового потока. Красота. Расплавленная сера, конечно, еще горячее.

Озеро намертво преградило ей путь.

Они назвали его озеро Стикс.

Полчаса Марта, бормоча себе под нос, проверяла карты – пыталась выяснить, как же ее угораздило так сбиться. Хотя, конечно, все и так ясно. Брела столько часов, одна маленькая ошибка за другой, одна нога забирает чуть сильнее, с самого начала было понятно: рискованно идти по Юпитеру и Дедалу.

Ну вот, теперь и результат налицо. И Марта на берегу озера Стикс. Конечно, до цели не так далеко. Максимум три мили.

Ее захлестнуло отчаяние.

Озеро они окрестили еще во время первого облета системы Галилеевых спутников («картографической съемки местности», по выражению инженеров). Стикс был одним из самых значительных образований, не нанесенных на карты во время спутниковой съемки или наблюдений с Земли. Холз еще решил, что разрослось озеро до своих нынешних размеров за последние лет десять. А Бертон думала, как здорово будет его проверить. А Марте было плевать, лишь бы не бросили одну на корабле. Так что они добавили Стикс в маршрут.

Марта так рвалась поучаствовать в первой высадке, так боялась, что ее оставят наверху, что когда она предложила сыграть в «камень-ножницы-бумага» и решить, кто будет дежурить на орбите, Бертон и Холз дружно рассмеялись.

– Побуду вашей мамочкой, – великодушно согласился Холз, –

на этот раз. Бертон будет сидеть наверху, когда отправимся на Ганимед, а ты – на Европе. Честно?

И он взъерошил ей волосы.

Марта испытала огромный приступ облегчения и благодарности, но одновременно почувствовала себя униженной. Какая ирония. Теперь получается, Холз (уж он-то бы точно не сбился с курса и не притопал к Стиксу не с той стороны) и вовсе не спустится на поверхность. Во всяком случае, не в этой экспедиции.

– Глупо, глупо, как глупо, – пробормотала Марта, распекая неизвестно кого – то ли Холза, то ли Бертон, то ли себя саму.

Двенадцатимильный Стикс имел форму подковы. Марта стояла как раз у внутренней ее дуги.

Ей ни за что не успеть вернуться по собственным следам, чтобы обойти озеро, – кислорода не хватит. Сера была достаточно плотной – казалось бы, бери и плыви, – но одновременно слишком вязкой: радиаторы мигом забьются и скафандр выгорит изнутри. А еще слишком горячо. А еще тут наверняка есть течения. С таким же успехом можно утопиться в липкой патоке. Медленно и печально.

Марта села и расплакалась.

Через какое-то время она взяла себя в руки и начала ощупью искать то место, где скафандр подсоединялся к баллону с воздухом. Соединение можно было отщелкнуть. Конечно, там стоял предохранитель, но те, кто работал с такими скафандрами, прекрасно знали: если большим пальцем придержать предохранитель и резко дернуть за шланг, весь воздух выйдет из скафандра меньше чем за секунду. Шальные молодые астронавты во время тренировок, если кто-то делал совсем уж несусветную глупость, обычно так и показывали: большой палец прижать и кулак вниз. Называлось это «самоубийственный рывок».

Есть гораздо более страшные способы умереть.

– Построить. Мост. Достаточно. Контроль. Физические процессы. Можно. Построить. Мост.

– Ага, чудненько, давай, – безо всякого выражения отозвалась Марта.

Если уже начинаешь хамить собственной галлюцинации… Додумывать она не стала. По телу будто кто-то ползал. Надо не обращать внимания.

– Ждать. Здесь. Отдых. Сейчас.

Марта молча села. Отдыхать она не будет. Надо собраться с мужеством. Она думала обо всем и одновременно ни о чем и раскачивалась из стороны в сторону, обхватив руками колени.

И наконец, сама того не желая, заснула.

– Проснись. Проснись. Проснись.

– А?

Марта с трудом пришла в себя. Прямо перед ней с озером что-то происходило. Какой-то физический процесс. Что-то двигалось.

У нее на глазах белая корочка, застывшая на самом краю темной массы, рванулась вперед, наращивая кристаллы. Все шире, шире. Было похоже на кружево или снежинки. Белый, как иней, покров стлался по темной расплавленной сере. Пока в конце концов не получился узкий мост, тянущийся к противоположному берегу.

– Надо. Ждать, – сказала Ио. – Десять минут. И можно. Идти туда. Просто.

– Вот же зараза, – пробормотала себе под нос Марта. – А я вовсе и не спятила.

В молчании шла она по мосту, который Ио наколдовала через черное озеро. Раз или два под ногой чуть пружинило, но мост держал.

Путешествие окрыляло – она словно переходила от смерти к жизни.

На дальней стороне Стикса до самого горизонта простиралась пирокластическая равнина. Марта взглянула на пологий склон, сверкающий кристаллическими цветами. Второе цветочное поле за день. Ничего себе совпадение.

Она упорно шла вверх, а под ногами разлетались хрупкие цветы. Наверху поле заканчивалось и начиналась привычная уже гладкая равнина. Тянущийся за Мартой след, как и в прошлый раз, постепенно исчезал. На долгое тягучее мгновение она замерла. Скафандр извергал в атмосферу Ио тепло, и кристаллы беззвучно распадались вокруг Марты – она словно стояла в центре постепенно расширявшегося круга.

Тело ужасно зудело. Пора взбодриться. Шесть быстрых движений. На визоре выскочило предупреждение: «Внимание! Принимая этот препарат в таких количествах, вы подвергаете себя риску: возможны паранойя, психоз, галлюцинации, ошибки восприятия, гипомания, помутнение сознания».

Да идите вы. Марта впрыснула себе еще одну дозу.

Прошло несколько секунд. А потом – раз! И вот она снова легка и полна сил. Надо бы проверить показатели кислорода. Ого, как все скверно. Марта невольно хихикнула.

И не на шутку испугалась.

Тихий наркоманский смешок отрезвил ее в мгновение ока.

Привел в ужас. Ее жизнь сейчас зависит от трезвости суждения. Приходилось принимать метамфетамин, чтобы не свалиться с ног, и при этом идти под действием наркотика. Поддаваться нельзя. Соберись. Пора переключаться на последний баллон. Баллон Бертон.

– У меня осталось кислорода на восемь часов. Надо пройти еще двадцать миль. Это мне по силам. Я это сделаю, – мрачно сказала она самой себе.

Если бы только не зудела кожа. Если бы только не гудело в голове. Если бы только мозг не разлетался в клочья.

Шагнула, дернула, шагнула, дернула. Всю ночь напролет. Что плохо в однообразной работе, так это время – остается слишком много времени на подумать. А если ты при этом под кайфом, то думаешь еще и о собственных мыслях.

Сны снятся недолго, так ей рассказывали. Сон снится разом, перед самым пробуждением, за одно мгновение мозг конструирует целую замысловатую историю. А кажется, что она снилась тебе много часов подряд. На самом же деле погружаешься в другую реальность всего на какую-то долю секунды.

Может, именно это с ней сейчас и происходит.

Но у Марты есть дело. Нужно не терять головы. Нужно добраться до посадочного модуля. Люди должны знать. Они не одни. Черт побери, да она же только что совершила величайшее открытие со времен первого пещерного костра!

Или сошла с ума и бредит, что Ио – гигантская внеземная машина. Спятила и заблудилась в собственном мозгу.

Еще одна страшилка, о которой лучше не думать. В детстве Марта всегда была сама по себе. У нее плохо получалось заводить приятелей. И лучшего друга у нее никогда не было. Девчонкой она все чаще утыкалась носом в книжку. Солипсизм ее пугал, ведь она столько времени балансировала на самом его краю. Так что ей просто жизненно необходимо определить, является ли голос Ио объективной реальностью. Или нет.

И как же это определить?

Ио говорила про трибоэлектрическую серу. Значит, дело в каком-то электрическом феномене. А значит, должно быть физическое подтверждение.

Марта настроила визор так, чтобы тот показал электрическое поле, окутывающее сернистую равнину. Выставила показатели визуализации на максимум.

Окружающий пейзаж мигнул, а потом превратился в сказочную страну. Свет! Бледные озера света, одно поверх

другого. Цвета переливались пастельными тонами, от бледно-розового до льдисто-синего. Слои, лабиринты света мерно пульсировали в самом сердце серной скалы. Словно ожившая мысль. Словно заставка «Дисней Вирчуал», только вовсе не передачи о природе. Но точно что-то из «ДВ 3».

– Черт, – прошептала Марта.

И все это прямо у нее под носом, а она и понятия не имела.

Сияющие линии сплетались в изогнутые крылья подземных электромагнитных полей. Перечеркивали равнину повсюду, насколько хватало глаз, пересекались и сливались. Почти как электросхема. Но сходились они в одну точку не на Марте, а на санях. Тело Бертон лучилось неоновым светом. Ее голова, засыпанная диоксидом серы, ритмично вспыхивала ярким солнцем.

Трибоэлектрическая сера. А значит, при трении образуется заряд.

Сколько часов она уже тащит санки с телом Бертон по сернистой поверхности Ио? Можно было о-го-го как подзарядиться.

Ладно. Значит, существует физическое объяснение. Если предположить, что Ио действительно машина, трибоэлектрический инопланетный механизм размером с земную Луну, построенный невесть сколько миллиардов лет назад для бог знает чего, бог знает какими богоподобными страшилами, тогда да, вполне возможно – Ио коммуницирует с Мартой. Электричество – это сила.

Марта тоже стояла в центре переплетения линий, но их было гораздо меньше, и сияли они не так ярко. Она посмотрела на свои ботинки, подняла ногу, и контакт тут же прервался. Энергетические линии распались. Но когда она поставила ногу обратно, образовались новые. Ее контакт с сернистой поверхностью Ио постоянно прерывался. А вот контакт бертоновских санок – нет. Та дырка в черепе Джулии обнажила мозг. А Марта еще и засыпала туда твердый SO_2. Проводимый и охлажденный. И тем самым облегчила Ио задачу.

Марта переключилась обратно на обычные цвета. Спецэффекты «Дисней Вирчуал 3» померкли.

Если предположить, теоретически, что она действительно слышит голос и он ей не мерещится. Что Ио действительно с ней коммуницирует. Что Ио – машина. И что ее создали…

Кто же тогда ее создал?

Щелк.

– Ио, ты слышишь?

– Спокойная прислушивалась ночь. Небес звучали сладкие

напевы. Эдмунд Гамильтон Сирс.

– Ага, чудно. Слушай, я тут кое-что хочу спросить: кто тебя сделал?

– Сделать. Ты.

– Так я, получается, твой создатель, что ли? – лукаво уточнила Марта.

– Да.

– Как я выгляжу у себя дома?

– Как угодно. Как. Пожелать.

– Я дышу кислородом? Метаном? У меня антенны? Щупальца? Крылья? Сколько у меня ног? А глаз? А голов?

– Как. Пожелать. Сколько. Пожелать.

– Сколько меня тут?

– Один. – Молчание. – Теперь.

– Но я была тут раньше, так? Люди вроде меня. Подвижные разумные формы жизни. И я улетела. Сколько времени меня не было?

Молчание.

– Сколько… – снова начала Марта.

– Давно. Одиноко. Очень. Давно.

Шагнула, дернула, шагнула, дернула, шагнула, дернула. Сколько веков она уже вот так шагает? Кажется, что много. Снова наступила ночь. Руки просто отваливались.

На самом-то деле труп надо было бросить. Бертон никогда ни словом не обмолвилась о том, что следовало сделать с ее телом после смерти. Ей, может, понравилось бы лежать на Ио – великолепная могила. Но Марта тащила труп не ради Бертон. А ради себя самой. Чтобы доказать, что она не совсем уж эгоистка. И ей есть дело до других людей. А не только до собственной славы.

Разумеется, это все тоже свидетельствовало об эгоистичности. Желание выглядеть бескорыстной. Безнадежно. Хоть к гребаному кресту приколотись, этим лишь проиллюстрируешь собственный эгоизм.

– Ио, ты еще тут?

Щелк.

– Слух.

– Расскажи-ка мне, что ты можешь. Какие у тебя ресурсы? Можешь доставить меня к посадочному модулю быстрее, чем я дойду так? Или, наоборот, доставить модуль ко мне? Можешь вернуть меня на орбиту? Раздобыть мне кислород?

– Мертвым яйцом. Лежу. Мира коснуться не в силах. Плат.

– Тогда пользы мне от тебя мало, получается?

Молчание. Но Марта ответа и не ждала. Ответ ей был не нужен. Она проверила карту: еще на восемь миль ближе к цели. Отсюда даже видно модуль: если включить фотоэлектронный умножитель, вдалеке на горизонте начинала поблескивать тусклая искорка. Прекрасная вещь – этот фотоэлектронный умножитель. Солнце на Ио давало столько же света, сколько Луна на Земле. Юпитер – еще меньше. Но стоит настроить увеличение, и вот пожалуйста – воздушный шлюз, только и ждет благодарного прикосновения ее руки.

Шагнула, дернула, шагнула. Марта снова, снова и снова прокручивала в голове цифры. Идти осталось всего три мили. И кислорода хватит на три часа. В модуле свой баллон. У нее получится.

Может, не такая уж Марта и неудачница, какой всегда себе казалась. Может, все-таки и ей есть на что надеяться.

Щелк.

– Держаться. Нужно.

– Зачем?

Земля вздыбилась и ушла из-под ног.

Когда толчки прекратились, Марта с трудом встала. Вокруг все было раскурочено, словно некое небрежное божество приподняло равнину на целый фут, а потом грохнуло оземь. Серебряный отблеск посадочного модуля на горизонте пропал. Марта выставила максимально возможное увеличение и разглядела криво торчащую из изломанной земли металлическую опору.

Марта точно знала предел прочности каждого болта и критическую точку каждого сварочного шва на модуле. Знала, насколько он хрупок. Этому устройству больше в небо не подняться.

Она стояла и молчала. Глядела в одну точку и не видела. Ничего не чувствовала. Совсем.

В конце концов Марта собралась с силами, чтобы обдумать положение. Может, пора признаться самой себе: она с самого начала не верила, что у нее получится. Все получится. Только не у Марты Кивельсен. Всю жизнь она проигрывала. Просто иногда – например, когда ее отобрали для этой самой экспедиции – проигрывала по-крупному. Никогда не получала того, чего действительно хотела.

Почему же так? Марта ведь никогда ничего плохого не желала. Если уж совсем начистоту, хотела лишь дернуть за бороду Господа Бога и привлечь его внимание. Устроить большую шумиху. Самую большую шумиху в этой гребаной Вселенной.

Неужели это так много?

А теперь из нее получится лишь маленькое примечание в истории освоения космоса. Сноска. Коротенькая и поучительная сказочка, которой мамаши-астронавтки будут пугать карапузов-астронавтов темными холодными ночами. Может, Бертон и добралась бы до модуля. Или Холз. А вот Марта не смогла. Не судьба.

Щелк.

– Ио – самый геологически активный спутник в Солнечной системе.

– Гребаная тварь! Почему ты меня не предупредила?

– Невозможно. Знать.

Эмоции наконец захлестнули Марту по полной. Ей хотелось бегать и кричать, ломать и крушить. Только вот крушить-то было уже нечего – все вокруг покрушилось и так.

– Безмозглая скотина! Идиотическая машина! Какая от тебя польза? Какая от такой гребаной машины польза?

– Вечная жизнь. Можно дать. Единство душ. Неограниченная вычислительная мощь. Можно дать Бертон. Тоже.

– Что?

– И после смерти. Смерти нет. Дилан Томас.

– Ты о чем?

Молчание.

– Черт возьми! Чертова машина, что ты пытаешься мне сказать?

Тогда дьявол взял Иисуса с собой в святой город, поставил его на самую высокую башню храма и сказал: «Если ты – Сын Божий, то бросься вниз, ибо сказано в Писании: „И велит Он ангелам своим охранять тебя, и снесут они тебя на руках“».

Не только Бертон умела цитировать Писание. Для этого не обязательно быть католичкой. Пресвитерианки тоже вполне сгодятся.

Марта не знала, как точно называется это образование. Что-то вулканическое. Не очень большое. Метров двадцать в ширину и в высоту приблизительно столько же. Скажем, кратер. Да, сойдет. Она стояла на краю и содрогалась. На дне темнела расплавленная сера, точно как и сказала Ио. Вроде как уходит это все прямиком в самый Аид.

Голова нестерпимо болела.

Ио уверяла, что если Марта бросится вниз, она сможет ее поглотить, скопировать нейронную систему и вернуть к жизни. Не совсем привычной, но все-таки жизни.

– Бросить Бертон, – сказала Ио. – Бросить. Сама. Физические

характеристики. Уничтожить. Нейронные характеристики. Сохранить. Возможно.

– Возможно?

– У Бертон нет. Достаточно знаний. По биологии. Понимание нейронных функций. Возможно. Искажено.

– Чудно.

– Или. Возможно. Нет.

– Ясно.

Со дна кратера поднималось тепло. Марту защищали вентиляционные системы скафандра, но она все равно чувствовала, как холодит спину и припекает лицо и грудь. Будто стоишь перед костром морозной ночью.

Долго-долго они беседовали или, вернее, вели переговоры. В конце концов Марта спросила:

– Ты Морзе сможешь? Старую кодовую систему?

– Все. Что Бертон. Знать.

– Да или нет, черт возьми!

– Сможешь.

– Хорошо. Значит, попробуем заключить сделку.

Марта вглядывалась в ночное небо. Где-то там кружил по орбите корабль. Жаль, что не удастся поговорить с Холзом напрямую, проститься, поблагодарить за все. Но Ио сказала нет. После того что замыслила Марта, рухнут горы и взбесятся вулканы. По сравнению с такими разрушениями землетрясение, вызванное постройкой моста через Стикс, покажется сущей безделкой.

Ио не могла гарантировать целых две передачи.

Над горизонтом изгибалась потоковая трубка, идущая к северному полюсу Юпитера. Сияла в настроенном визоре, словно меч Господень.

На глазах у Марты трубка начала судорожно дергаться. Миллионы ватт выплясывали стаккато – послание, которое примут на Земле. Это послание вклинится во все радиопередачи.

ГОВОРИТ МАРТА КИВЕЛЬСЕН С ПОВЕРХНОСТИ ИО ОТ СВОЕГО ЛИЦА И ОТ ЛИЦА ДЖЕЙКОБА ХОЛЗА И ПОКОЙНОЙ ДЖУЛИЕТ БЕРТОН, УЧАСТНИКОВ ПЕРВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МИССИИ В СИСТЕМЕ ГАЛИЛЕЕВЫХ СПУТНИКОВ. МЫ СДЕЛАЛИ ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ…

Под эту музыку станцуют все электрические устройства Солнечной системы.

Бертон отправилась первой. Марта подтолкнула сани, и вот они уже летят в пустоту. Сани рухнули в кратер с неким

подобием всплеска, а потом до ужаса буднично и безо всяких спецэффектов труп медленно погрузился в черное месиво.

Не очень-то обнадеживающее зрелище.

И все же…

– Ладно, – сказала Марта. – Сделка есть сделка.

Она встала на носочки и раскинула руки. Глубоко вздохнула. Может, подумалось ей, я все-таки спасусь. Может, Бертон уже наполовину слилась с океаническим разумом Ио и ждет ее, чтобы соединиться в алхимическом таинстве душ. Может, я буду жить вечно. Кто знает? Все возможно.

Возможно.

Существовало и гораздо более правдоподобное объяснение. Может, все это – лишь галлюцинация, а у нее просто перемкнуло мозг. Голоса не существует на самом деле. Безумие. Последний великолепный сон в преддверии смерти. Проверить это Марта никак не могла.

Как бы то ни было, выбора у нее нет. А есть лишь один способ выяснить правду.

Она прыгнула.

Мгновение она парила.

Свободомыслящие

Я встретил ее на бизнес-оргии в Лондоне. Ниша в глубине бара дышала ностальгией – медь, узорное стекло и темный дуб. Контролер завис, увидев, сколько раз я посещал оргии за последний месяц. Я посоветовал ознакомиться с графиком моих командировок, и он убедился: я не скрипт сексоголика выполняю, а поддерживаю оптимальный баланс между передним и задним мозгом. Контролер меня пропустил.

Свет внутри был мягкий, приглушенный, кое-где он отражался в зеркалах. Дружеские руки помогли мне раздеться.

– Я Том, – пробормотал я.

Стоявшие неподалеку ответили:

– Анналуиза…

– Инок….

– Абдул…

– Клэр…

Прошло время.

Хеллен привлекла меня не красотой – кого по истечении часа волнует красота? – а тем, что долго не могла разрядиться. Когда наконец сумела, собралась новая компания, а из присутствовавших на момент моего появления осталась только она.

В проходной мы разговорились.

– Мои сборщики и сортировщики столкнулись с конфликтом иерархий, – начал я. – Чересчур много лиц, чересчур много меняющихся городов.

Хеллен кивнула.

– Со стрессом я знакома не понаслышке. У меня нейромедиатор забарахлил. По графику апгрейд, значит, проверку устраивать бессмысленно. Пришлось отключить медиатор и взять выходной.

– Чем ты занимаешься? – поинтересовался я.

То, что Хеллен оптимизированная, я уже сообразил.

Она сказала, что работает в отделе кадров, и я спросил:

– Есть надежда для таких кадров, как я? Для тех, кто не желает оптимизироваться?

– Для диких умов? – Хеллен задумалась. – Еще пять лет назад я сказала бы «нет». Коротко и ясно. Окончательно и бесповоротно. А сегодня…

– Что? Что?

– Не знаю, – с болью в голосе ответила Хеллен. – Просто-напросто не знаю.

Я ощущал в себе некую перемену, интуитивно чувствовал коренное преображение на невидимом внутреннем уровне – планировщики создавали концепцию нового языка, шунты и блоки двигались. В чем именно дело, я, разумеется, не знал. Я же не оптимизирован. Тем не менее…

– Позволь проводить тебя до дома, – предложил я.

Целое мгновение Хеллен молча буравила меня взглядом.

– Я живу в Праге.

– Ну вот…

– Но если ты живешь неподалеку, мы можем пойти к тебе.

До Глазго мы доехали на гиперметро. Вышли у вокзала Куин-стрит и пешком добрались до моей квартиры на Ренфру-стрит. В поезде мы немного разговаривали, а как выбрались на улицу, Хеллен замолчала.

Новым людям не по нраву старые районы с захудалыми пабами и злачными местами, с забегаловками, где сомнительные личности потягивают виски из бутылок, спрятанных в бумажный пакет, с балконами, на которых горгульями сидят старухи. Новых людей раздражают вонь и грязь человеческого быта. Их пугает, что он благополучно существует, хотя, по всем признакам, не должен.

– Ты католик, – проговорила Хеллен.

Она смотрела на мою икону, молекулярную репродукцию «Для Т. М.» Эда Рейнхардта. Это первое из его «черных полотен», до непритязательного маленькое. Поначалу оно кажется монохромным; лишь приглядевшись, улавливаешь неоднородность черноты – массивный крест, который рассекает мрачную вселенную на четверти и подчиняет ее себе. Картину эту Рейнхардт написал для монаха Томаса Мертона.

Моя репродукция близка к оригиналу, насколько позволяют современные технологии. Человеческим восприятием разницу не уловить. Я смотрю на нее, когда хочу сосредоточиться для медитации. Напротив картины стул с высокой спинкой, модель Чарльза Ренни Макинтоша. Стул собрали по его указаниям, так что это оригинал.

Порой я сижу на стуле, смотрю на картину и размышляю о различиях, подлинности и двойственности.

– С оптимизированным разумом медитация тебе не понадобилась бы.

– Верно, но церковь считает оптимизацию смертным грехом.

– А участие в оргиях церковь одобряет?

– Ну, скорее попустительствует. – Я пожал плечами. – Если исповедуешься перед причастием…

– Что ты видишь, когда медитируешь?

– Иногда покой, иногда страдания.

– Не люблю двусмысленности. Считаю ее пережитком старого мира. – Хеллен отвернулась от картины. Лицо у нее скандинавское, холодное, почти не выражает эмоций. Хеллен красива… А еще… Господи, она ведь похожа на Софию!

– Мне нужно вернуться в Прагу, – ни с того ни с сего заявила Хеллен. – Я две недели детей не видела.

– Они тебе обрадуются.

– Обрадуются? Сомневаюсь. Не больше, чем я им, – проговорила она тоном человека, не способного врать себе. – Я отпочковала три производных, которые нравятся им куда больше меня самой. Когда им исполнилось восемь, я отдала их в «Стерлинг-интернешнл» для полной оптимизации.

Я промолчал.

– Это значит – я плохая мать?

– Я тоже хотел детей, – признался я. – Ничего не получилось.

– Ты уходишь от вопроса.

Я задумался. Либо правда, либо ложь, третьего не дано.

– Да, я так думаю, – сказал я и добавил: – Я поставлю чайник. Выпьешь чаю?

Мой дед часто рассуждал о ценности хорошего образования. В его время образование считалось основой основ. Но когда работу человеческого разума наконец разложили по полочкам – в основном благодаря проекту «виртуального генома» под эгидой НАФТА, – обучение упростилось настолько, что большинство корпораций готовит персонал самостоятельно, соответственно текущим потребностями. Врачом, юристом, физиком может стать любой, кто потратит месяц на освоение практических навыков.

Раз знания обесценились, работники могли взять лишь характером – честностью, порядочностью, трудолюбием, отсутствием лишних эмоций. Примерно тогда выяснилось, что дюжина тонюсеньких проводков и нейромедиатор размером с булавочную головку сделают любого расчетливым и дисциплинированным. Материал на пятьдесят центов, час на операционном столе – и ты мечта работодателя.

Амбициозные цеплялись за оптимизацию, как за веревку воздушного змея, который вознесет их в облака. Фактически так оно и было. Нейромедиатор уподобился гарвардскому диплому. Новинка, которой многие боялись: он создал новую элиту.

Мы с Софией постоянно об этом спорили. Ей хотелось улететь на воздушном змее в будущее, а я говорил, что это прямая дорога к анафеме. Вот оно, доказательство моего лицемерия. Я ведь тогда в Бога не верил и не искал утешения в

религии, как ищу сейчас.

Но ведь поспорить хочется. Спокойное обсуждение диким разумам неведомо. Им лишь бы правоту свою доказать. София была именно такой. Мы орали друг на друга часами, а то и целыми вечерами. Порой даже вещи ломали.

Хеллен пила чай несладким, с молоком.

Мы с ней проговорили до утра. Хеллен, разумеется, во сне не нуждалась. Я обычно нуждаюсь, но только не в ту ночь. Со мной что-то творилось, я чувствовал, как крутятся и жужжат мои составляющие. Вторичные химические процессы придавали мне бодрости. Они и еще чай.

– По-моему, ты человек здравомыслящий. Как же ты живешь в такой убогости? – в какой-то момент спросила Хеллен, показав на деревянные полы и стеклянные окна. – Зачем отвергаешь последние научные открытия о работе мозга?

– Я не испытываю нехватки знаний как таковых.

Прежде я был человеком вспыльчивым, несдержанным, с дурным характером. По крайней мере, сейчас мне так кажется.

– Знание структурной основы эмоций и способов обуздать их, пока не накачали тело адреналином, очень мне помогло.

– Что же ты разум не оптимизируешь?

– Боюсь потерять свою самость.

– Самость – иллюзия. Эго-центр, который ты считаешь «самостью», – любимая байка твоих сборщиков, сортировщиков и функциональных переходных процессов.

– Я в курсе; тем не менее…

Хеллен отставила чашку.

– Давай я кое-что тебе покажу.

Хеллен достала из сумочки коробок старомодных деревянных спичек, вытащила пять штук и сжала в ладони фосфорной головкой вниз, так что сверху виднелись только концы.

– Контроль рефлексов вплоть до локализации теплового излучения тела, – объявила она.

Меж ее пальцами проклюнулся язычок пламени. Хеллен разжала ладонь. Спички горели.

– Способность блокировать боль.

Никакого обмана: я чувствовал, как пахнет паленым.

Когда спички догорели, Хеллен бросила их на блюдце и показала мне обожженное место. Ладонь опухла, покраснела, кожа покрылась пузырями.

– Повышенная регенерационная способность.

Целых пять минут Хеллен держала свою ладонь раскрытой. Целых пять минут я смотрел. По истечении пяти минут следы ожога исчезли. Кожа стала гладкой и розовой. Ни черноты, ни

пузырей.

Хеллен всыпала в чай ложечку сахара, потом еще как минимум шесть. Приторную, как сироп, жидкость она выпила с гримасой отвращения.

– Это лишь грубые физические проявления возможностей оптимизации. В мыслительном плане их просто словами не передать. Тут и абсолютная ясность мысли, даже в критических ситуациях, и свобода от предрассудков, суеверий и эмоциональной кабалы.

Речь у Хеллен лилась рекой, чувствовался опыт. Чуть раньше она обмолвилась, что работает в отделе кадров, а теперь я понял, что передо мной корпоративный менеджер по персоналу. Воистину, торгаш торгаша видит издалека.

– Порой мне нравятся свои эмоции, – осторожно проговорил я.

– Мне тоже, когда они у меня под контролем, – чуть раздраженно отозвалась Хеллен. – По сегодняшнему дню не суди, у меня медиатор барахлит.

– Я и не сужу.

– Это все равно что судить о восстановлении экологии по Трагедии Ситникова. Ну, помнишь, она в тундре разыгралась.

– Да, конечно.

– Или все равно что увидеть ржавую суборбиталку и решить, что ракеты не способны летать.

– Я прекрасно тебя понимаю.

Неожиданно Хеллен разрыдалась.

– Не надо, пожалуйста! Господи, не надо! – запротестовала она, когда я попытался ее утешить. – Я просто отвыкла жить без нейромедиатора, отсюда и чертова эмоциональная неустойчивость. Биохимическое равновесие, наверное, везде нарушилось.

– Когда тебе приготовят новый?..

– Во вторник.

– Осталось меньше трех дней. Все в порядке.

– Было бы в порядке, если бы не встреча с детьми.

Я дождался, когда она успокоится, и задал вопрос, не дававший мне покоя уже несколько часов.

– Зачем ты вообще завела детей? Извини, не понимаю.

– Это в Берне виноваты. В Бюро по стандартизации и контролю испугались, что оптимизированные не заводят детей, и ввели большие карьерные бонусы для тех, кто заводит.

– Зачем?

– Такие, как я, на вес золота. Ты хоть представляешь, сколько проблем возникло в мире? Нельзя допустить, чтобы им управляли

неупорядоченные разумы. Начнутся войны, массовый голод…

Хеллен снова разрыдалась. Я обнял ее, и на этот раз она не воспротивилась. Она уткнулась мне в плечо, и от ее слез на рубашке у меня появилось мокрое пятно. Я кожей чувствовал влагу.

Я обнимал Хеллен, гладил ее прекрасные волосы, думал о ее строгом лице, о бледных, почти бесцветных глазах и чувствовал, как во мне двигаются шунты и блоки. Бесконечную секунду мои эмоциональные составляющие бешено крутились, при малейшей провокации готовые перейти в новое парадигматическое состояние. Прикосновение руки, тень улыбки, верное слово – и я влюбился бы в Хеллен по уши.

Так расплачиваешься за неоптимизированный разум. Ты постоянно во власти сил, природы которых не понимаешь. На миг я показался себе ребенком-дикарем, который замер между засеянным полем и чащобой, не в силах сделать выбор.

Кончилось все так же быстро, как началось. Хеллен отстранилась от меня, успев полностью взять себя в руки.

– Хочу кое-что тебе показать, – объявила она. – У тебя есть домашняя виртуалка?

– Да, но я почти ею не пользуюсь.

Хеллен вытащила из сумочки приборчик.

– Вот адаптер как раз для тебя. Очень простой и безопасный. Попробуй.

– Что он делает?

– Это стандартное рекрутерское устройство, создано для таких, как ты. На пятнадцать секунд ты почувствуешь, каково быть оптимизированным, и поймешь, что бояться нечего.

– Адаптер меня изменит?

– Человека меняет любой опыт. Но здесь только магнитно-резонансный симулякр. По окончании шоу зажжется свет и опустится занавес. Ты очнешься на стуле, на котором сидишь сейчас.

– Я попробую, если потом кое-что испробуешь ты, – сказал я.

Хеллен молча протянула мне адаптер.

Я надел защитную накидку, кивнул, и Хеллен щелкнула переключателем. Я набрал полные легкие воздуха.

Казалось, я избавился от тяжелой ноши. Спина выпрямилась, сердце забилось ровнее, я глубоко вдохнул и почувствовал запахи своей квартиры, целую симфонию в миноре и мажоре, целый кладезь информации, которую секунду назад подавлял или игнорировал. Пахло полиролем для дерева и муссом для укладки. Слабее пахло машинным маслом от робота-поломоя, который прячется под кроватью и выползает, лишь когда меня нет дома.

После сотен холостяцких ужинов пахло отварной капустой. А под многоярусной пирамидой запахов скрывались чуть уловимые ноты сиреневого мыла и травяного шампуня, «Амброзии» и «Паде-регре», имбирных конфет и тринидадского рома – ольфакторные призраки Софии, их никакой уборкой не изгнать.

Зрительно почти ничего не изменилось. Я стоял в пустой комнате, где все – оконные рамы, дверные ручки, пол – было выкрашено в белый цвет. Зато ощущения были чудесные. Я словно стоял на вершине горы, подставив лицо свежему ветерку. Я словно на заре окунулся в ледяное озеро. Я закрыл глаза и поблагодарил ясность, воцарившуюся у меня в мыслях.

Впервые, не помню за какое долгое время, мне было просто хорошо.

Адаптер выдал меню с интеллектуальными заданиями, чтобы я попробовал свои силы. Меню я сразу отключил – нечего ерундой заниматься.

Хотелось спокойно постоять, не чувствуя вины перед Софией. Не скучать по ней. Ни о чем не жалеть. Я ведь не виноват. Я ни в чем не виноват. Впрочем, будь оно наоборот, я не заволновался бы. Даже если бы мне сказали, что через пять секунд после моей естественной смерти погибнет все человечество, это заинтересовало бы меня не больше, чем программа на научно-популярном канале. Я ничуть бы об этом не встревожился.

Потом все кончилось.

Бесконечно-долгое мгновение я просто сидел на стуле. Думалось лишь о том, что, случись подобное четыре года назад, София была бы сейчас со мной. Знай София, что оптимизация такая, она ни за что бы ее не выбрала. Я снял накидку.

– Ну как тебе? – с улыбкой спросила Хеллен. Она ничего не поняла.

– Сейчас твоя очередь оказать мне услугу.

На миг ее лицо разочарованно вытянулось. Но только на миг.

– Какую услугу?

– Скоро утро. Пойдем со мной на мессу.

Хеллен взглянула на меня так, словно я предложил ей искупаться в фекалиях. Потом она расхохоталась.

– Человечину есть не придется?

Казалось, на карточный домик обрушился ураган. Эмоциональные составляющие, по кирпичику уложенные сборщиками, рассыпались. Я не знал, радоваться мне или плакать, зато понял, что никогда не буду, точнее, не смогу любить эту женщину.

Наверное, эти мысли отразились у меня на лице, потому что

Хеллен быстро проговорила:

– Извини, получилось несказанно грубо. – Она легонько погладила себя по щеке. – Я настолько привыкла к медиатору и без него болтаю все, что в голову взбредет. – Хеллен отключила адаптер и спрятала в сумочку. – Но суеверия мне чужды. Какой толк идти на мессу?

– Так ты считаешь религию суеверием?

– Это первое, что исчезло из моей жизни после оптимизации.

В день, когда Софии оптимизировали разум, она сказала то же самое. Операцию сделали амбулаторно – в три София поступила в клинику, в шесть выписалась. Это примерно как почки себе восстановить, ничего сложного. По возвращении домой она еще приспосабливалась к новому разуму. К семи она отсекла Бога, молитвы и католическую церковь, к восьми – планы завести детей и музыку, которую любила всю жизнь. К девяти она отсекла меня.

Хеллен склонила голову набок: таким изысканным жестом оптимизированные бизнес-леди дают понять, что твое время вышло.

– Спасибо, ты был очень мил. Но сейчас мне пора, извини. Мои дети…

– Понятно.

– Если не навещаю их как минимум дважды в месяц, меня штрафуют на крупные суммы. В этом году штрафовали уже трижды. Накладно, что греха таить.

Хеллен уже собиралась выходить, когда у двери заметила портрет Софии.

– Твоя жена? – спросила она.

– Да.

– Очень красивая.

– Да, очень, – согласился я, умолчав о том, что я ее убил. Равно как и о том, что из-за сбоя функции переходов коллегия нейроаналитиков признала меня невиновным, а после небольшой химической корректировки и двухдневного курса по методике подавления гнева отпустила без особых опасений.

И без надежды.

Тогда я и нашел утешение в религии. Католики не верят в сбои функции переходов. По мнению католической церкви, я согрешил. Раз согрешил, значит должен раскаяться, исповедаться и искупить грех. Я вознес молитву о прощении, епитимью с меня сняли. Бог меня простил.

Зато я сам себя не простил. У меня еще есть надежда.

Поэтому я никогда не соглашусь на оптимизацию. Меня мутит при мысли о силиконовом биочипе, который заставит

поверить, что София погибла из-за нейрохимического диссонанса.

– До свидания! – сказал я.

Хеллен помахала рукой, даже не обернувшись. Она зашагала к вокзалу Куин-стрит и скоро исчезла из вида. Я закрыл дверь.

Хилл-стрит тянется по самым высоким точкам старого Глазго. Там с любого перекрестка по одну руку видно Чаринг-Кросс, по другую – Каукэдденс. На Хилл-стрит четко проявляется логика Глазго, средневековая, хотя большинство зданий викторианские, за исключением районов, которые во времена Второй мировой пострадали при бомбардировке, а потом были отстроены. Улицы тянутся, куда захотят, и образуют подобие сети. Есть такие узкие, что сейчас годятся лишь для одностороннего движения.

За Каукэдденсом город прорезает шоссе M8, старое, неоправданно широкое, давно заброшенное. Обрамленное ветхими строениями, шоссе портит районы, которые должно обслуживать. Мертвая дорога в обрамлении мертвой плоти пустых домов.

Еще дальше, у самого горизонта, мерцают гладкие поверхности и неясные очертания домов, в которых живут новые люди. Эти дома без оптимизированного разума не спроектируешь – тут и напряженная целостность, и интерактивная пленка. Жилища, полные скорости и света, я в таких бывал. Коридоры там идеальные, воздух аж поет, с этим не поспоришь.

Мне же больше по нраву ряды домишек, узкие улочки и ограды старого Глазго. Оптимизированные не претендуют на человечность, а я не претендую на то, что человечность архиважна. За человеческий быт я цепляюсь отчасти из ностальгии, но в основном потому, что чувствую в нем истинную ценность.

Я сидел на стуле с высокой спинкой, модели Чарльза Ренни Макинтоша, и смотрел на икону. В ней все, пусть это чувствую я один. В ней темная бескрайность человеческого разума. Какие глубины он таит!

Какие богатства!

Скерцо с тираннозавром

Кейбордист играл подборку сонат Скарлатти для клавесина, коротенькие и изящные в своей сложности пьески в одну-две минуты длиной, а за окном тем временем неслось стадо хадрозавров. Сотни утиноклювых бестий вздымали облаком пыль, ухая на мило приглушенной, почти музыкальной ноте. Зрелище захватывало дух. Но только что подали hors-d'œuvres[29]: плезиозавра в водорослях, белугу на ломтиках яйца майазавра, крохотные канапе с жарким из додо и еще десяток других лакомств. Так что паническое бегство заурядных травоядных просто не могло с таким тягаться.

Никто особо не обращал на них внимания.

Кроме мальчишки. Он вглядывался в окно с напряженной жадностью, необычной даже для мальчика его лет. Я решил, что ему лет десять.

Подхватив бокал шампанского с подноса, я подошел к окну.

– Нравится, дружок?

– Как, по-вашему, что их напугало? – не оборачиваясь, спросил парнишка. – Это был не… – Тут он увидел ковбоев на джипах и сразу погрустнел. – Ну да.

– Приходится изощряться, чтобы угодить гостям. – Я указал стаканом на дальний лес позади равнины, где мчалось стадо. – Но там полно всяких хищников – троодоны, дромозавры… даже старик Сатана.

Мальчишка поглядел на меня с безмолвным вопросом.

– Мы так прозвали покалеченного старого самца рекса, который вот уже месяц ошивается вокруг станции, роется в наших мусорных баках.

Не стоило мне этого говорить. Парнишка был просто раздавлен. Ти-рекс подбирает объедки? Скажите, что это не так!

– Тиранозавры охотятся на все, что видят, – заметил я. – Как львы. Если он случайно увидит подходящую добычу, нападет не задумываясь, уж ты мне поверь. А когда тираннозавру больно, как старику Сатане… ну, другого такого свирепого и опасного хищника и не сыщешь. Он убивает, даже когда не голоден.

Это утешило мальчишку.

– Хорошо, – сказал он. – Я рад.

Мы еще несколько минут молча всматривались в опушку леса, выискивая там движущуюся тень. Потом прозвенел гонг, знаменующий начало обеда, и я отослал парнишку к его столу. К тому времени последние хадрозавры уже скрылись из виду.

Паренек ушел с видимой неохотой.

«Бал мелового периода» был крупнейшим благотворительным обедом, какие мы давали ради сбора средств на содержание станции: сто тысяч долларов за место и в дополнение аукцион до банкета и танцы после. Плюс каждый, кто покупал весь стол на шесть персон, имел право на собственного палеонтолога – подарок устроителей.

Я сам когда-то был застольным палеонтологом, пока не получил повышение. Теперь в смокинге и камербанде[30] я патрулировал банкетную залу, присматривая за тем, чтобы все шло гладко.

Появлялись и исчезали официанты. Видно было, как они скрываются за ширмами, где мы спрятали воронку времени, и тут же возникают по другую ее сторону, нагруженные тяжелыми подносами. Медальоны из стиракозавра под моцареллой из молока мастодонта – для тех, кто любит мясо. Археоптерикс-альмондин – для тех, кто предпочитает птицу. Радиччьо и папоротник – для вегетарианцев.

И все это под аккомпанемент музыки и приятной болтовни. И лучший пейзаж во всей вселенной.

К столу парнишки был приписан Дональд Хоукингс. Согласно плану, за этим столом сидела семья де Червиллов. Грузный флегматик – это богатей Джеральд, paterfamilias[31]. Подле него – Грейс, жена-трофей, теперь изящно стареющая. Рядом с ними двое гостей – Кэдиганы, которые выглядят несколько ошеломленными происходящим; вероятно, это любимчик из служащих и его супруга. Они по большей части молчат. Мрачная дочь, зовут Мелузина – в черном дизайнерском платье, которое невзначай подчеркивает великолепную грудь. Сразу видно, ей тут скучно: недовольство во плоти. А вот и парнишка по имени Филипп.

Я не спускал с них глаз из-за Хоукингса. Он у нас новенький, и я не думал, что он долго тут продержится. Но он очаровал всех за столом. Молодой, красивый, обходительный – у него было все, что нужно. Я заметил, как Мелузина откинулась на спинку стула, молча рассматривая его из-под темных ресниц. Хоукингс, отвечая на какие-то слова Филиппа, вспыхнул мальчишеской, «черт меня побери» улыбкой. Жар детского восторга чувствовался через всю залу. Тут загудел вибропейджер, и мне пришлось выскочить из позднего мелового периода назад на кухню, то есть на базу, в 2140 год.

Там меня ждал офицер Службы Безопасности Времени. Главная обязанность СБВ – не допускать временных парадоксов, чтобы Неизменяемость не отобрала у нас привилегий перемещения во времени. Большинство людей думают, что

хронопутешествия изобрели недавно и что сделали это люди. Это все потому, что наши спонсоры не желают оглашать свое присутствие. На кухне царила суматоха. Один официант полулежал на столе, другой скорчился на полу, прижимая к телу сломанную руку. Офицер держал обоих на мушке.

Добрая новость: Старика тут не было. Случись что-то серьезное и опасное – бомба креационистов[32] или послание из будущего на миллион лет вперед, – он был бы уже здесь.

Увидев меня, все загомонили разом.

– Я ничего не делал, а этот придурок…

– …виновен в нарушении правила шестого уровня…

– …руку мне сломал, черт его побери! Об пол меня шмякнул!

– …работать надо. Уберите их с моей кухни!

Как выяснилось, дело тут было самое обычное: попытка передать записку. Один из стареющих официантов сговорился с другим, из более позднего периода, чтобы тот передал список самых выгодных инвестиций себе молодому. Этого хватило бы, чтобы оба они стали миллиардерами. На кухне полно средств наблюдения, и представитель СБВ заметил, как бумажка переходит из рук в руки. Теперь, разумеется, конспираторы все отрицали.

Их затея все равно бы провалилась. Власти строго следят за историческими записями. Куш, который они собирались сорвать, выпирал бы, как флюс.

Я уволил обоих официантов, вызвал полицию, чтобы их увели, бросил объявление о том, что ищу замену двум работникам на два часа по местному прошлому, провел инструктаж, и вот обновленный коллектив уже работал как часы. Потом я отвел в сторону офицера и устроил ему разгон за то, что он вызвал меня в реальном времени, вместо того чтобы послать записку тремя днями раньше. Однако что случилось, то случилось. Раз уж меня вызвали, пришлось все улаживать лично.

Обычный сбой в системе безопасности. Ничего особенного.

Но утомительно. И потому, отправляясь назад через воронку на станцию «На вершине холма», я установил время на несколько часов после того, как покинул банкетную залу. Вернулся я в тот момент, когда столы накрыли для десерта и кофе.

Мне подали микрофон, и я щелкнул по нему дважды, чтобы привлечь общее внимание. Я стоял спиной к окну, за которым полыхал эффектный закат.

– Дамы и господа, – начал я, – позвольте мне вновь приветствовать вас в позднем меловом периоде. Это последняя научно-исследовательская станция перед эпохой млекопитающих. Однако беспокоиться не о чем. До метеора, который прикончил

динозавров, еще несколько тысяч лет!

Я помолчал, давая им посмеяться, потом продолжил:

– Если вы выглянете за окно, то увидите Джейн, нашего дино-ковбоя, которая как раз устанавливает ароматический манок.

Джейн возилась с невысокой треногой. Она весело помахала публике, потом вернулась к работе. Блондинка, длинные волосы завязаны в хвост, коротенькие шорты цвета хаки – ну просто куколка от науки, каких обожают рекламщики. Но Джейн метила в первую десятку ведущих бихевиористов по рептилиям и прекрасно это знала. Несмотря на все наши усилия, слухи из будущего сюда все же просачиваются.

Вот Джейн отошла к дверям станции, на ходу раскручивая запальный шнур. Все окна станции – во втором этаже. Двери на первом – сплошь бронированные.

– Перед началом спектакля Джейн скроется внутри, – сказал я. – Не хотелось бы мне оказаться снаружи, когда сработает манок.

– А что в нем? – выкрикнул кто-то.

– Кровь трицератопса. Мы надеемся подманить сюда хищника. Может быть, даже короля всех хищников. Самого Tyrannosaurus rex.

По рядам обедающих прокатился одобрительный ропот. Все слышали о ти-рексе. Вот он уж точно звезда. Я легко перешел на лекторский тон.

– Если препарировать тираннозавра, увидим, что у него необычайно крутая затылочная доля, которая отвечает за обоняние, – много больше, чем другие отделы мозга, и больше, чем у любого другого животного на земле, за исключением белоголового сипа. Рекс может учуять свою добычу, – (все стервятники на такое способны, но об этом я умолчал), – на расстоянии нескольких миль. Смотрите.

Хлопнув, как детская шутиха, манок выпустил облачко розового тумана.

Я оглянулся на стол де Червиллов и увидел, что Мелузина сбросила с ноги туфельку и пальцами забирается под штанину Хоукингса. Тот покраснел.

Ее отец ничего не заметил. Ее мать – скорее, мачеха – заметила, но ей было плевать. На ее взгляд, это обычные женские штучки. Но я не мог не отметить, какие у Мелузины красивые ноги.

– Еще несколько минут. И пока мы ждем, хочу обратить ваше внимание на великолепные пирожные нашего шеф-повара Руперта.

Я умолк под вежливые аплодисменты и начал дежурный

обход столов: шутка тут, пара слов похвалы там – пустая болтовня правит миром.

Когда я добрался до стола Червиллов, лицо Хоукингса было белым как мел.

– Сэр! – Он прямо-таки вскочил на ноги. – На пару слов.

Хоукингс практически оттащил меня от стола.

Когда мы остались одни, выяснилось, что он расстроен настолько, что даже заикается:

– Эт-та девушка, она х-хочет, ч-чтобы я…

– Знаю, чего она хочет, – холодно отозвался я. – Она совершеннолетняя, так что сами решайте.

– Вы не понимаете! Я просто не могу вернуться за тот стол!

Отчаяние Хоукингса было неподдельным. Я поначалу подумал, что до него дошли какие-то слухи, темные намеки на его будущую карьеру. И все же мне показалось, что дело не в этом. Здесь крылось что-то другое.

– Ладно, – сказал я, – исчезайте. Но я не люблю секретов. Напишите исчерпывающее объяснение и оставьте его в моем офисе. И никаких уверток, поняли?

– Да, сэр. – По молодому красивому лицу разлилось облегчение. – Спасибо, сэр.

Он уже собрался уходить.

– Ах да, вот еще что, – сказал я, испытывая ненависть к самому себе. – И близко не подходите к своей палатке, пока не закончится благотворительный бал.

Де Червиллы не выразили особой радости, когда я сказал им, что Хоукингсу нездоровится и я займу его место. Но я вынул из кармана зуб тираннозавра и подарил его Филиппу. Это был всего лишь обломок, рексы то и дело теряют зубы – но не стоило об этом упоминать.

– На вид острый, – не без тревоги заметила миссис де Червилл.

– К тому же с зубцами. В следующий раз, когда будешь есть стейк, попроси маму, чтобы она разрешила тебе использовать его вместо ножа, – предложил я.

Это совершенно его покорило. Дети непостоянны. Филипп тут же позабыл о Хоукингсе. Чего нельзя было сказать о Мелузине. Гневно сверкая глазами, она вскочила, бросив салфетку на пол.

– Хотелось бы мне знать, – начала она, – что вы себе…

К счастью, тут появился Сатана.

Тиранозавр взбежал на холм вполне резво, так что лишь опытные палеонтологи поняли: старик далеко не в лучшей форме. Даже умирающий ти-рекс двигается быстро.

Люди ахнули.

Я вынул из кармана микрофон и быстро прошел к окну.

– Ребята, нам очень повезло. Хочу сообщить тем из вас, чьи столы находятся у окна: стекло выдержит удар силой двадцать тонн на квадратный дюйм. Никакая опасность вам не грозит. Но вас ждет великолепное представление. Тем, кто обедает в дальней части залы, возможно, захочется подойти поближе.

Юный Филипп пулей рванул с места.

Тварь была почти уже под стеной станции.

– Тиранозавр обладает сверхчувствительным обонянием, – напомнил я собравшимся. – Запах крови подавляет все остальные центры его мозга. Он впадает в исступление.

Несколько капель крови брызнули на окно. Увидев нас через стекло, Сатана прыгнул и попытался разбить его своим весом.

УУХ! – гулко откликнулось стекло и задрожало от удара. Из толпы обедающих послышались крики и визг, и несколько человек вскочили на ноги.

По моему сигналу струнный квартет вновь взялся за смычки, а Сатана тем временем прыгал, рычал и царапал стекло – совершенная аватара неистового бешенства. Музыканты выбрали скерцо из квинтета Шостаковича для фортепиано. Скерцо считаются забавными, но большая часть их подобна неистовому музыкальному вихрю, и потому они оказываются особенно удачным аккомпанементом для выходок бесчинствующих и хищных динозавров.

УУХ! Могучая голова еще и еще ударяла в окно. Долгое время Сатана царапал окно зубами, оставляя длинные борозды.

Филипп всем телом прижался к стеклу, словно пытаясь до минимума сократить расстояние между собой и яростной смертью в облике динозавра. Радостно взвизгивал, когда пасть убийцы пыталась схватить его. Чудный парнишка. Мне, как и ему, хотелось как можно ближе оказаться к происходящему. Это и у меня внутри.

В его возрасте я был точно таким же.

Когда наконец Сатана устал и в дурном настроении удалился, я вернулся к де Червиллам. Филипп возвратился в лоно семьи. Выглядел парнишка бледным и счастливым.

Его сестра была не менее бледна. Я заметил, что она дышит мелко и часто.

– Вы уронили салфетку.

Я подал Мелузине сложенный вчетверо кусочек ткани. Внутри была рекламная карта размером с почтовую марку, на которой обозначалась станция «На вершине холма» и жилой

комплекс за ней. Одна из палаток была обведена в кружок. Ниже стояло: «Пока остальные танцуют».

Я подписал записку: «Дон».

– Когда я вырасту, то стану палеонтологом! – горячо восклицал парнишка. – Бихевиористом, а не каким-нибудь анатомом или ковбоем.

Тут за ним пришли, чтобы отвезти его домой. Его семья оставалась потанцевать. А Мелузина давно уже скрылась – на поиски палатки Хоукингса.

– Рад за тебя, – сказал я и положил руку на плечо своему юному приятелю. – Заходи ко мне, когда получишь образование. Буду счастлив ввести тебя в курс дела.

Парнишка ушел.

Он только что подвергся инициации. Я прекрасно знал, что он сейчас чувствует. Я пережил нечто подобное, стоя перед фреской «Эра рептилий» Заллинджера в музее Пибоди в Нью-Хейвене. Это было еще до начала путешествий во времени, когда изображения динозавров были единственной доступной реальностью. Сейчас я мог бы указать на сотни неточностей на фреске. Но в то далекое пыльно-солнечное утро в Атлантиде моей юности я просто стоял, не сводя глаз с величественных тварей, и душа моя была исполнена предвкушением чуда, пока мать не утащила меня прочь.

Жаль. Филипп был так полон любопытства и энтузиазма. Из него получился бы отличный палеонтолог. Я это видел. Однако ему не придется воплотить свои мечты. У его семьи слишком много для этого денег. Я знал это наверняка: проглядел личные дела персонала станции на ближайшую сотню лет – и его имя нигде не значилось.

Возможно, это была самая малая из тысячи тайн, какие я хранил и какими ни с кем не мог поделиться. И все же мне стало грустно. На мгновение я ощутил груз всех прожитых лет, всех мелких и мелочных компромиссов, всех недостойных целесообразностей. Потом я прошел через воронку времени и вернулся на час назад.

Никем не замеченный, я выскользнул из залы и пошел дожидаться Мелузину.

Поддерживать воронку времени очень дорого. В обычном режиме – когда мы не даем благотворительных банкетов – мы по нескольку месяцев кряду проводим в поле. Отсюда – жилой комплекс с его армейскими палатками на платформах и сеткой под током высокого напряжения по периметру, чтобы не пускать внутрь монстров.

Когда Мелузина юркнула в палатку, внутри было темно.

– Дональд?

– Ш-ш-ш.

Приложив палец к ее губам, я притянул Мелузину к себе. Одна моя рука медленно скользнула вниз по ее обнаженной спине, по полоске мятого бархата, а потом снова вверх – и под ее юбку, чтобы сжать элегантный маленький зад. Она подняла голову, и мы стали целоваться глубоко и страстно.

Потом я опрокинул ее на койку, и мы принялись раздевать друг друга. Она с мясом вырвала три пуговицы, срывая с меня рубашку.

Мелузина бесстыдно шумела, за что я был благодарен. В постели она была требовательна и эгоистична, такая всегда даст вам знать, когда ей не нравится то, что вы делаете, и вовсе не постесняется сказать, что следует делать дальше. Она требовала уйму внимания. За что я тоже был благодарен.

Мне нужно было отвлечься.

Потому что, пока я в его палатке спал с женщиной, которую он не желал, Хоукингса убивали где-то на лоне природы. Согласно рабочему отчету за день, какой я напишу позже, сегодня вечером, и какой получил вчера, его заживо съел старый рекс, раздражительный от болей, причиняемых ему опухолью мозга. Гадкая смерть. Мне не хотелось слышать, что там происходит. Я делал все, что мог, чтобы об этом не думать.

Надо отдать ей должное – Мелузина своим пылом едва не подожгла палатку. Да, я ее использовал. И что с того? Это далеко не худшее из моих преступлений. Если уж на то пошло, она же не любила Хоукингса, на деле даже не знала его. Она была просто избалованной стервой, богатой искательницей приключений, жаждавшей сувенира на память. Еще одна галочка в коробке с презервативами. Я прекрасно знал этот тип. Дополнительный бонус нашей профессии.

В изголовье кровати стоял свежезаконсервированный череп трицератопса. Он слегка поблескивал, маячил бледным силуэтом в темноте. Мелузина ухватилась за один рог так крепко, что сам череп принялся греметь о доски пола.

После она ушла, счастливо благоухая закрепителем для кости. Каждый из нас получил небольшое удовольствие. За все это время я не произнес ни слова, а она этого даже не заметила.

Ти-рекс не ахти какой хищник. Впрочем, чтобы убить человека, особого умения не надо. Слишком медлительные, когда бежим, слишком большие, чтобы спрятаться, – мы отличная добыча для тираннозавра.

Когда были найдены останки Хоукингса, волнение охватило

весь лагерь. Я прошел через все это на автопилоте: безразлично отдал приказы пристрелить Сатану, послать останки в будущее, а все бумаги – мне в офис. Потом я собрал персонал станции и прочитал им лекцию о Парадоксе. Никто не должен проговориться о том, что здесь случилось. Те, кто проболтается, будут тут же уволены. Затем последуют иски. Тяжкие последствия. Взыскания. Штрафы.

И так далее.

Было два часа ночи, когда я наконец вернулся в офис, чтобы написать рабочий отчет о прошедшем дне.

Записка Хоукингса была уже там, ждала меня. Я совсем о ней забыл. Я было подумал, не отложить ли ее до завтра.

Но потом решил: чувствую я себя сейчас так плохо, что хуже уже не будет. Можно и сейчас с этим покончить.

Я включил видеоблокнот. На экранчике возникло бледное лицо Хоукингса. Натянуто чопорно, словно сознаваясь в преступлении, он сказал:

– Моя семья не хотела, чтобы я стал ученым. Мне полагалось оставаться дома и управлять деньгами семьи. Оставаться дома и гнить.

Его лицо скривилось от каких-то давних воспоминаний.

– И потому первое, что вам следует знать: Дональд Хоукингс не настоящее мое имя.

Моя мама была весьма ветреной в юности. Думаю, она даже не знала, кто мой отец. И поэтому, когда она меня родила, все дело попытались замять. Меня вырастили дед с бабкой. Они решили, что уже слишком стары для воспитания детей, и отправили меня в то время, когда еще были помоложе, что позволило им вырастить меня вместе с моей матерью. До пятнадцати лет я даже не знал, что она мне вовсе не сестра.

Мое настоящее имя Филипп де Червилл. Я поменялся с другим палеонтологом, чтобы встретиться с собой маленьким. Но тут Мелузина – моя мать – начала со мной заигрывать. Так что теперь вы, наверное, поймете, – он сконфуженно усмехнулся, – мне отнюдь не хотелось идти путем Эдипа.

Экран погас и тут же зажегся снова. Он решил сказать еще кое-что напоследок.

– Ах да, я хотел добавить… То, что вы мне сегодня сказали – когда я был маленький… ваше поощрение… и зуб… ну… это очень много для меня значило. Так что, э-э-э… спасибо.

Экран снова погас.

Я опустил голову на руки. Все пульсировало, будто целая вселенная сосредоточилась в гнилом зубе. Или, быть может, в опухоли мозга старого больного динозавра. Я не глуп. Я тут же

увидел все скрытые смыслы.

Парнишка – Филипп – был моим сыном.

Хоукингс был моим сыном.

Я даже не знал, что у меня есть сын, а теперь он мертв.

После нескольких блеклых, пустых минут я принялся за работу: стал прочерчивать линии времени в голопространстве рабочей станции над столом. Простая двойная петля – для Хоукингса/Филиппа. Более сложная фигура – для меня самого. Потом я учел такие факторы, как офицеры СБВ, официанты, палеонтологи, музыканты, рабочие, которые первоначально построили станцию и которые под конец разберут все конструкции, когда мы тут закончим… несколько сотен отдельных индивидуумов.

Получилась чертовски сложная фигура.

Похожая на гордиев узел.

Потом с трудом я начал составлять памятку более молодому себе. Из углеродистой стали, обоюдоострый дамасский меч. Меч-меморандум, который разрубит научно-исследовательскую станцию «На вершине холма» на тысячи конвульсивно содрогающихся парадоксальных фрагментов.

Найми этого, уволь ту, оставь сотню молодых ученых, здоровых и способных к размножению, в прошлом, на один миллион лет до нашей эры. Ах да, и не зачинай никаких детей.

После такого спонсоры наши набросятся на нас, как рой разъяренных ос. Неизменяемость вырвет путешествия во времени из рук человечества. Все, связанное с ними, уйдет в мертвую петлю и, исчезнув из реальности, ввергнется в дезинтеграцию квантовой неопределенности. Станция «На вершине холма» растворится в области вероятности и домыслов. Исследования и находки тысяч преданных своему делу ученых исчезнут из сферы человеческого знания. Мой сын никогда не будет ни зачат, ни рожден, ни послан бессердечно на смерть.

Все, на достижение чего я потратил целую жизнь, будет разрушено.

На мой взгляд, звучало неплохо.

Когда памятная записка была завершена, я снабдил ее пометками НЕОТЛОЖНО и ТОЛЬКО ДЛЯ МОИХ ГЛАЗ. А потом подготовился послать на три месяца вспять.

За спиной у меня раздался щелчок, и открылась дверь. Я повернулся всем телом в вертящемся кресле. Ко мне пришел единственный во всем мироздании человек, который мог бы остановить меня.

– Парнишка получил двадцать четыре года жизни, – сказал Старик. – Не отбирай их у него.

Подняв голову, я поглядел ему в глаза.

В мои собственные глаза.

Эти глаза завораживали меня и внушали отвращение. Они были темно-карими и гнездились среди накопившихся за целую жизнь морщин. Я работал с ним с того дня, как поступил на станцию «На вершине холма», и эти глаза по сей день оставались для меня загадкой – совершенно непроницаемые. Они заставляли меня чувствовать себя так, как чувствует себя мышь под взглядом змеи.

– Не в мальчишке дело, – сказал я. – Вообще во всем.

– Я знаю.

– Я только сегодня вечером его встретил, я хочу сказать – Филиппа. Хоукингс – он был всего лишь новый рекрут. Я едва его знал.

Старик закрыл бутылку «Гленливета» и убрал ее назад в бар. А я и не заметил, что все это время пил.

– Я все забываю, каким эмоциональным был в молодости, – сказал он.

– Я вовсе не чувствую себя молодым.

– Подожди, пока доживешь до моих лет.

Не знаю наверняка, сколько лет Старику. Для тех, кто играет в эту игру, существуют медикаментозные способы продления жизни, а Старик играет в эту паршивую игру так долго, что практически уже заправляет ею. Мне известно одно: он и я – один и тот же человек.

Внезапно мои мысли приняли неожиданный оборот.

– Черт бы побрал этого идиота! – выпалил я. – Что он вообще делал за пределами периметра?

Старик пожал плечами.

– Любопытство. Все ученые любопытны. Он что-то увидел и пошел посмотреть… Оставь, малыш. Что сделано, то сделано.

Я поглядел на памятную записку самому себе.

– Мы выясним.

Он положил подле моей записки вторую.

– Я взял на себя смелость написать это для тебя. Думал избавить тебя от боли ее составлять.

Я пробежал текст глазами. Это была та самая бумага, которую я получил вчера. «Хоукингс подвергся нападению и был убит Сатаной вскоре после полуночи по местному времени, – процитировал я. – Примите меры предосторожности, чтобы предотвратить распространение слухов».

Меня захлестнуло отвращение.

– Вот потому-то я и собираюсь взорвать всю эту дрянную систему. Ты думаешь, я хочу стать человеком, который способен

отправить на смерть собственного сына? Ты думаешь, я хочу стать тобой?

Это его задело. Долгое время Старик стоял передо мной молча.

– Послушай, – наконец сказал он, – помнишь тот день в музее Пибоди?

– Сам знаешь, что помню.

– Я стоял тогда перед той фреской и всем своим сердцем – всем твоим сердцем – желал увидеть настоящего, живого динозавра. Но и тогда, даже восьмилетним мальчиком, я знал: такого не случится. Есть вещи, которые просто не могут произойти.

Я молчал.

– Господь вручает тебе чудо, – сказал он. – Не отказывайся от него.

Потом он ушел.

А я остался.

Дело было за мной. Два возможных будущих лежали бок о бок на моем столе, и я мог выбрать любое из них. Вселенная по природе своей нестабильна в каждом мгновении. Если бы не были возможны парадоксы, никто не стал бы тратить силы на то, чтобы предотвратить их. Старик доверил мне взвесить все существенные факторы, принять верное решение и жить с его последствиями.

Это было самое жестокое, что он когда-либо проделывал со мной.

Мысль о жестокости напомнила мне о глазах Старика. Глаза – настолько глубокие, что в них можно утонуть. Глаза – настолько темные, что нельзя сказать, сколько трупов погребено в них. И после стольких лет работы с ним я все еще не могу сказать, это глаза святого или самого черного человека на свете.

Передо мной – две памятные записки. Я потянулся за одной, помедлил, убрал руку. Внезапно выбор перестал казаться мне столь уж простым.

Ночь была противоестественно тиха. Словно бы все в мире затаило дыхание в ожидании моего решения.

Я потянулся за памятными записками.

Я выбрал одну.

Цыганский вор

Среди двух десятков заснеженных гор единственной движущейся точкой был глаз Ворона. Небо было синее, воздух морозный. Борода у Ворона заиндевела. Извилистая дорога убегала вдаль – черная, сухая и пустынная.

Наконец, убедившись, что больше на дороге никого нет, Ворон опустил бинокль. Спуск к шоссе был крут. Ворон трижды падал, пока пробивался и оскальзывался между сугробами. Грузовик ждал его, работая на холостом ходу. Он потопал по гудрону, чтобы сбить с ботинок снег, и забрался в кабину.

Энни смотрела, как он закрывает дверцу. Она улыбнулась ему тепло и приветливо, однако в этой улыбке промелькнул страх перед мужчиной – стремительно, словно зеленый луч на закате, исчезающий так быстро, что ты и не увидишь его, если не знаешь, что он там есть. «Это же был не я, детка, – хотел он сказать. – Никто и никогда больше не поднимет на тебя руку». Однако он ничего не произнес. Можно наплести с три короба, и кто тебе помешает? Пусть она судит его по его поступкам. Ворон не сильно-то верил в слова.

Он тяжело опустился на сиденье, захлопнул дверцу.

– Чертовски холодно, – заметил он. И прибавил: – Как они там?

Энни пожала плечами.

– Снова проголодались.

– Они вечно голодные.

Но Ворон все равно вытащил из-под сиденья плетеную корзину для пикника. Вынул из нее дохлого щенка и опустил стекло, отделявшее кабину от кузова грузовика. Затем, хрустнув запястьем, швырнул мертвое животное вглубь кузова.

Чудовища, сидевшие там, принялись драться за подачку, отпихивая друг друга к стенкам и рыча в бездумной ярости.

– Как эти твари борются за жизнь! – Он резким движением снял машину с ручника и покатил вниз.

Ради сохранности груза печка у них работала на полную, и уже через несколько минут Ворон начал потеть. Он зубами стянул перчатки, мотнул головой, отбросив их на приборную панель к уже лежавшей там вязаной шапке. Затем расстегнул пальто.

– Ты мне не поможешь?

Энни потянула за рукав, чтобы он смог высвободить руку. Он подался вперед, она стянула пальто и отложила в сторону.

– Спасибо, – сказал он.

Энни ничего не ответила. Ее руки скользнули по его коленям и расстегнули молнию на брюках. Ворон ощутил, как твердеет член. Она расстегнула ремень и потянула вниз плавки. Она склонилась и обхватила его ртом. Грузовик под ними загромыхал.

– Знаешь, детка, это действительно небезопасно.

– Безопасно. – Ее рука сжала его так, что он едва не попросил ее остановиться. Но все же передумал. – Никогда у меня не было разбойника, и с ним я в полной безопасности.

Она провела языком по члену и пососала мошонку. Ворон затаил дыхание. «Какого черта, – подумал он, – отказываться от такого?» Хотя все-таки не стоит сводить глаз с дороги. Они спускались по серпантину. Запросто можно слететь с шоссе.

Он понизил передачу раз, еще раз.

Прошло немного времени – и он не выдержал.

Он кончил, он стонал, выгибался и чувствовал себя непомерно счастливым. Энни подняла голову с его колена. Она лукаво улыбалась. Ворон улыбнулся в ответ.

Затем она приблизила к нему лицо и поцеловала, глубоко и страстно, ее язык был солоноватым от его семени, он заполнил его рот, и стало совсем ничего не видно! С перепугу Ворон ударил по тормозам. Он лишился обзора и возможности управлять машиной на самой извилистой и опасной дороге во всей вселенной. Покрышки взвизгнули.

Ворон оттолкнул от себя Энни с такой силой, что она ударилась головой о стекло с пассажирской стороны. Передние колеса грузовика соскользнули с шоссе. Ясный небосклон встал вертикально, заслоняя лобовое стекло. Ошалев, Ворон резко вывернул руль, и ему на миг показалось, что сейчас они перевернутся. Раздался чудовищный скрежет, как будто кузов машины протащило по камню, а в следующий миг они снова благополучно тряслись по дороге.

– Черт побери, – сказал Ворон без всякого выражения, – никогда так больше не делай. – Его била нервная дрожь. – Ты просто сумасшедшая! – прибавил он с большим чувством.

– У тебя ширинка расстегнута, – сказала Энни, усмехаясь.

Он поспешно задернул молнию.

– Чокнутая!

– Хочешь узнать, что значит чокнутая? Только посмотри на другую женщину, и я тебе покажу чокнутую. – Она открыла бардачок и выудила пачку «Кента». – Я твоя женщина, парень, не забывай об этом. – Она закурила и опустила стекло, чтобы выветривался дым. Запах ментола наполнил кабину.

В дружеском молчании они ехали сквозь слепящие под ярким солнцем снега, в кабине было тепло, мотор ровно гудел,

чудовища повизгивали за спиной.

Они проехали, наверное, миль пятьдесят, когда Энни задремала на пассажирском сиденье. А потом рулевая колонка забарахлила, руль начал стонать под его руками каждый раз, когда он пытался его повернуть. Стон был протяжный, низкий и скорбный, словно песнь кита.

Не открывая глаз, Энни сказала:

– Что за дурацкое радио ты слушаешь? Неужели не нашел ничего получше?

– Радио здесь не ловит, детка. Вспомни, где мы.

Она открыла глаза.

– Тогда что это за звуки?

– Смазки в рулевой колонке совсем не осталось. Мне кажется, масло вытекло еще там, на повороте, когда мы едва не сорвались.

– И что будем делать?

– Сомневаюсь, что мы можем что-то сделать.

И в этот самый момент за очередным виражом увидели заправочную станцию. Две колонки – дизельное топливо и бензин, – магазинчик и гараж. На заднем плане ржавели разнообразные автомобили, которым уже вряд ли суждено куда-либо поехать.

Ворон ударил по тормозам.

– Этого не должно здесь быть.

Он точно знал. Когда он проезжал здесь в прошлый раз, дорога была пустынной до самой Трои.

Энни наконец-то открыла глаза. Самые зеленые глаза, какие когда-либо доводилось видеть Ворону. Они напоминали ему зелень листвы, пронизанной солнечными лучами, мох на стенах соборов в одном каменном городе, ушедшем под мелкие воды Карибского моря, в котором он однажды побывал. Там было опасно, однако не опаснее, чем сидеть сейчас рядом с этой стройной, красивой леди. А она через минуту просто сказала:

– Спроси, смогут ли здесь починить машину.

Ворон притормозил перед гаражом и дважды нажал на клаксон. Вышел поджарый, как борзая, механик, вытирая руки о тряпку.

– Чем могу?

– Слушай, шеф, у нас тут проблема с рулевой колонкой. Как думаешь, сможешь починить?

Механик уставился на него не моргая, затем сказал:

– У нас совсем не осталось масла. Но я посмотрю, что можно сделать.

Он залез под грузовик, а Ворон направился в туалет. Потом

неторопливо зашел за гараж. В стене было окно. Он отодвинул задвижку, забрался внутрь и огляделся.

Когда он вразвалочку вернулся к машине, механик уже вылез из-под грузовика, а Энни флиртовала с ним, прислонившись к одной из колонок. Ему это нравилось, Ворон ясно видел. Черт, даже гомосекам нравилось, когда Энни флиртовала с ними.

Ворон подошел, и Энни отправилась в дамскую комнату, а когда вернулась, механик уже ушел обратно в здание. Она вопросительно подняла брови, и Ворон сказал:

– Паршивец утверждает, что не может исправить поломку и масла у него нет. Только я вытащил через окно две канистры и спрятал в мусорном баке за гаражом. Ты пойди отвлеки его, пока я перенесу их в машину.

Энни глубоко засунула руки в карманы кожаной куртки, слегка покачиваясь с пятки на носок.

– У меня есть идея получше, – проговорила она негромко. – Убей его.

– Что ты сказала?

– Это человек Эрика.

– Ты уверена?

– На девяносто процентов. Он здесь. Кем еще он может оказаться?

– Да, но остаются еще десять процентов.

Ее лицо превратилось в маску.

– К чему рисковать?

– Господи, – Ворон помотал головой, – детка, иногда ты меня пугаешь. И я открыто в этом признаюсь.

– Ты меня любишь? Тогда убей его.

– Слушай, забудь эти глупости. Мы уже достаточно долго вместе, ты должна понимать, какой я человек, правда? Сегодня я никого убивать не стану. Ты лучше пойди заведи с ним беседу и выиграй для нас десять минут, ладно? Отвлеки его внимание.

Он развернул ее и подтолкнул в сторону магазинчика. Плечи у нее окаменели от гнева, ягодицы так соблазнительно круглились под кожаными брюками в обтяжку. Господи, как же здорово она выглядит в этой одежде! Рука сама тянулась шлепнуть, чтобы просто увидеть, как она ускорит шаг. Только он не сможет сделать этого с Энни. Ни сейчас, ни когда-либо. И этого удовольствия лишил их сукин сын Эрик.

К тому времени когда Энни вышла из магазинчика с проигрывателем и стопкой дисков, он уже загрузил канистры в машину и залил масло. Механик топал вслед за Энни, подсчитывая сумму в маленьком блокноте. Когда он озвучил ее, она просто сказала:

– Отошлите счет моему мужу, – и забралась в кабину.

Вежливо поклонившись, механик развернулся и исчез в магазинчике.

– Что, есть еще сомнения? – холодно поинтересовалась Энни.

Ворон выругался. В свое время ему доводилось убивать людей, чем он нисколько не гордился. И то не были убийства в привычном смысле. Он опустил спинку сиденья, чтобы добраться до тайника. Здесь хранились все его пожитки, которых скопилось совсем немного, учитывая, какая суровая у него была жизнь. Запасная одежда. Корзинка с разными безделушками, попадавшимися по пути. Оружие.

Они проехали сорок миль, а Энни все еще негодовала. Вдруг она развернулась и ткнула Ворона в бок кулаком. Сильно. Для женщины у нее был хороший удар. Держа руль одной рукой, он слегка развернулся и попытался перехватить ее руки широкой ладонью. Она продолжала молотить его по груди и по лицу, пока ему не удалось стиснуть оба ее запястья.

– Ну, в чем дело? – сердито спросил он.

– Тебе нужно было убить его!

– Детка, три горсти золотых самородков. Я добыл их на Юконе своими собственными руками. За такую награду кто угодно будет держать рот на замке.

– Господь милосердный! Только не человек Эрика. Этот подонок отправился к телефону, не успели мы скрыться из виду.

– Ты не знаешь людишек подобного сорта, как знаю их я… – начал Ворон.

Именно этого – как он понял в тот же миг, когда слова сорвались с языка, – не стоило говорить Энни. Губы ее сжались в узкую полоску, взгляд сделался жестким. Слова ее были горькими и обжигающими. Не успел он этого осознать, как они уже орали друг на друга.

В итоге ему ничего не оставалось, как развернуться, остановить грузовик и разрешить проблему тут же, на переднем сиденье.

Потом она поставила диск, который ей нравился: старинные баллады и прочая ерунда, – и слушала его снова и снова. Одна баллада каждый раз заставляла ее улыбаться ему зазывно и страстно.

И леди спустилась в замковый двор,
Прикрыв платье простым плащом.
Услышал слуга, как стукнул затвор:
«Нашу леди увел цыганский вор!»

Если честно, музыка была не совсем в его вкусе. Но такую музыку любили там, откуда пришла Энни. Его музыки она не выносила. Говорила, это просто шум. Но когда Ворон чувствовал на себе эту улыбку и этот взгляд, они были лучше, чем три ночи в Тихуане с любой другой женщиной. В общем, он не видел причины как-то возмущаться.

Руль снова начало подклинивать. Ворон высматривал подходящее место, чтобы сделать привал и залить масла, когда Энни вдруг задрожала и выпрямилась. Она смотрела куда-то вдаль, за вечные горы.

– Что случилось? – спросил он.

– У меня предчувствие.

– Какое? – Ему не нравились ее предчувствия. Они постоянно сбывались.

– Какое-то. Вон там. – Она подняла руку и показала.

Над горами поднялись два «Василиска».

– Черт!

Он прибавил газу.

– Держись крепче, детка. Мы почти приехали. Думаю, мы сможем оторваться.

Они съехали с эстакады, и рулевая колонка стонала и завывала, словно баньши. Ворону пришлось налегать на руль всем телом, чтобы повернуть. Нажав на тормоз, он ощутил вокруг землю, где не было времени.

И выехал в Рим.

Только что они были на съезде с шоссе в окружении безжизненных гор. А в следующий миг уже проталкивались по узким, запруженным народом улицам: сплошные телеги, запряженные осликами, и пешеходы, облаченные в тоги.

Ворон остановил машину и вылез, чтобы подлить масла.

Грузовик перекрыл почти всю улицу. В их сторону летели ругань и плевки разозленных римлян. Однако никто вроде бы не видел ничего странного в появлении машины с двигателем внутреннего сгорания. Все принимали это как должное.

Поразительно, как оси времени защищают себя от хронологических ошибок, попросту игнорируя их. Один физик-теоретик, с которым Ворон подружился в Вавилоне, называл это «повышенной сохранностью». Вы можете притащить печатный станок в Древний Египет – и через полгода его выбросят и забудут. Можете расстрелять Карла Великого из автомата еще в колыбели, а через год все, кто это видел, будут вспоминать, как его закололи кинжалом. А еще через сто лет все подробности его жизни как императора будут внесены в хроники,

задокументированы, вплоть до маразма и смерти, и войдут в легенды.

Ворон не особенно понимал все это, но тот физик говорил: «Плюнь» – и отправлялся на поиски своей прапра– и еще пятьсот раз прапрабабушки – с серебром в кармане и безумным блеском в глазах. Просто все обстояло так, как обстояло.

Не прошло и часа, как они были у Колизея, где их отправили в обход, к задней двери для торговцев.

– Аве, – сказал Ворон стражнику у двери. – Я хочу поговорить с одним из ваших… Слушай, Энни, как называется по-латыни тот, кто сражается со зверями?

– Бестиарий.

– Да, точно. Его зовут Карпофорус.

Карпофорус при виде новых питомцев пришел в восторг. Он с нетерпением наблюдал, как грузовик подъезжает задним ходом к клетке. Два бойца с острогами открыли двери кузова и шарахнулись назад, когда из машины выскочили одиннадцать чудовищ. Сплошные когти и клыки и умопомрачительное проворство. Один зверь остался лежать мертвым на полу кузова. Не так уж плохо для столь долгого путешествия.

– Что это за существа? – спросил завороженный Карпофорус.

– Дейнонихи[33].

– Какие жуткие когти. Да, то, что нужно. – Он сунул руку между прутьями клетки и тут же отскочил, засмеявшись, когда два стремительных молодых хищника кинулись к нему. – И какие проворные! Да, Маркус будет рад!

– Я тоже рад, что тебе понравилось. Послушай, у нас возникла небольшая проблема с рулевой колонкой.

– Вниз по пандусу. Смотрите на таблички. Скажете Фламме, что от меня. – Он снова развернулся к дейнонихам и задумчиво произнес: – Интересно, победят они гопломаха? Или, может быть, димахера?

Ворон знал эти слова: первый – воин, который сражается в доспехах, а второй – с двумя мечами.

– Лошади пришлись бы кстати, – вставил один из бойцов. – Если выпустишь андабата, он сможет поразить их сверху.

Карпофорус помотал головой.

– Понял! Те северные берсеркеры, которых я приберегал для особого случая, – куда уж особеннее?

Под Колизеем располагался настоящий лабиринт. Здесь, внизу, было все: мастерские, бордели, тренировочные залы, даже гараж. Стоило назвать имя Карпофоруса – и механик отложил все свои дела, чтобы заняться их грузовиком. Они сидели на

трибунах, жевали латук и смотрели, как упражняются гладиаторы. Через час подошел раб и сообщил, что все готово.

Вечером они сняли комнату в таверне и велели принести им самый лучший ужин. Оказалось, что это молочные железы свиноматки, нафаршированные жареными мышатами. Все это они запивали вином, похожим по вкусу на скипидар; опьянев, занимались любовью, после чего заснули. Во всяком случае, Энни заснула. Ворон некоторое время сидел, погруженный в размышления.

Вдруг однажды утром она проснется в холодном амбаре или на грязном матрасе и пожалеет о своих одеялах из гусиного пуха, о своих атласных простынях и ливрейных слугах? В конце концов, она из благородных и жена демиурга…

Он не собирался сбегать с чужой женой. Но когда он с несколькими приятелями заявился во владения лорда Эрика, чтобы осуществить кое-какие планы, там оказалась Энни. Ни один мужчина, которому нравятся женщины, не мог устоять, глядя на Энни. И Ворон должен был хотя бы попытаться. Такова была его натура – изменить ее он был не в силах.

Он встретился с нею в садах рядом со зверинцем лорда Эрика. Ворон немного подправил погоду, поэтому снежные сугробы отступили, сменившись снопами доисторических орхидей. «Что ж, любезный, это искусство воистину достойное оборванца», – сказала она ему с холодным изумлением.

Ворон явился в образе музыканта той эпохи, пока лорда Эрика не было дома несколько лет: он забавлялся с физическими константами мироздания или какой-то подобной ерундой. Целью же Ворона изначально были динозавры, хотя он не имел ничего против интрижки с женой босса. Однако было в Энни что-то такое, что заставило его пожелать ее больше чем на одну ночь. Он то и дело клялся себе, что завоюет ее сердце честно, без обмана, своими собственными силами. «Это не обноски, детка, – сказал он, засовывая под ремень большие пальцы. – Это цвета моего флага».

Они провели в Риме неделю, смотреть бои не ходили, хотя Энни – она родилась в эпоху, когда публичные казни и травля медведями считались развлечениями, – хотела пойти. Однако же дейнонихи, судя по слухам, имели ошеломительный успех. После Ворон забрал свое вознаграждение, выплаченное серебряными слитками. «Столько, – радостно цитировал Карпофорус своего спонсора, Маркуса, – сколько выдержит подвеска их грузовика».

Маркус был богач из хорошего рода и имел некоторые политические амбиции. Ворон случайно узнал, что тот умрет через несколько месяцев, однако он не потрудился упомянуть об этом. Его девиз был: «Радуйся, пока можешь».

– Зачем мы тут торчали, если все равно не ходили смотреть представления? – не выдержала в итоге Энни.

– Чтобы удостовериться, что это действительно произошло. Эрик не может явиться прямо сейчас, чтобы забрать своих динозавров, это вызовет серьезный линейный парадокс. Насколько я знаю, демиургу так поступать не полагается.

Они снова еле-еле тащились по римским улицам, стиснутые людской толпой. Ворон снова и снова нажимал на клаксон.

Они повернули направо, потом еще раз направо, после чего толпа рассеялась. Ворон переключился на вторую передачу и добавил газу. Они вернулись в горы Вечности. Отсюда они смогут попасть в любую историческую эпоху или даже, если пожелают, на обширные просторы времени до или после. Все дороги были открыты, и ничто не стояло у них на пути.

Не прошло и месяца (в реальном времени), и они снова ехали по тому же шоссе на мотоцикле и ссорились. Энни настаивала на покупке коляски для мотоцикла, а Ворон отмахивался от этой идеи.

– Черт, это же зверь, а не машина! – втолковывал он. – Я с таким трудом выменял его, а ты навесишь на него коляску, и он просто перестанет держать равновесие.

– Ага, очень надеюсь, что ты как следует навернешься. Потому что у меня вся задница уже…

Он нажал на ручку газа, чтобы заглушить ее слова, но она неожиданно заколотила его по спине с криком:

– Останови!

Ворон не успел остановить «харлей», когда она свесилась с мотоцикла и ее стошнило.

Когда она отдышалась, Ворон порылся в кофре и выдернул из упаковки банку «Шлитца».

– Что это было? – спросил он.

Энни прополоскала рот пивом и сплюнула.

– Еще одно предчувствие, и очень нехорошее. – Она помолчала и добавила: – Кого мне тут убить за сигарету?

Ворон прикурил для нее «Кент».

Выкурив полсигареты, она снова задрожала, а потом окаменела. Зрачки сузились до размера булавочной головки, глаза закатились так, что остались видны только белки. За подобные штучки гореть бы ей на костре в доброй старой Англии шестнадцатого столетия.

Она подняла руку, указывая куда-то.

– Движутся с той стороны. Пять штук.

«Василиски» были уродливыми машинами: черные, без опознавательных знаков, с двумя моторами, очень шумными. Услышать их можно было за много миль.

По счастью, предчувствие Энни позволило Ворону выиграть время и занять удачную оборонительную позицию. За спиной у них были скалы, в которых можно спрятаться, нависающие так, что обеспечивали защиту и сверху. Достаточно места, чтобы спрятать мотоцикл – на тот случай, если они все-таки выберутся живыми. А впереди был длинный, лишенный укрытий спуск. Преследователям придется подниматься по нему бегом.

Отряд «Василисков» грохотал уже совсем близко.

– Смотри внимательно, детка, – сказал Ворон. – Хочу научить тебя кое-каким приемам партизанской войны.

Он вытащил винтовку из чехла, притороченного к седлу. «Саваж-110». Хорошая снайперская винтовка. Он знал это оружие. И сам снаряжал патроны. Надежная штука.

– Есть один фокус, которому я научился во время небольшой войны в джунглях, о которой ты, скорее всего, даже не слышала. Подними большой палец, вытяни руку перед собой, вот так. А теперь дождись, пока вертолет не станет размером с палец. Это значит: он достаточно близко и можно стрелять.

– И все получится? – спросила она нервозно.

– Черт, если у вьетконговцев получалось, значит и у меня получится.

Он снял три «Василиска», прежде чем оставшиеся ушли на другой круг, снова оказавшись вне досягаемости выстрелов. Но затем уцелевшие вертушки приземлись на далекие снега, исторгнув из себя не меньше тридцати вооруженных бойцов. Что несколько изменило расстановку сил.

Энни сосчитала солдат и позвала негромко:

– Ворон…

Ворон поднес палец к ее губам.

– Обо мне не беспокойся. Я же пройдоха, детка. Такой архетип. Кроме того, ни один из них не посмеет тронуть человека.

Энни поцеловала его палец и стиснула ему руку. Однако по ее глазам он прочитал, что она разгадала его ложь.

– Зато они могут заставить тебя страдать, – сказала она. – Один старинный враг Эрика прикован к скале в дальнем конце его поместья. Прилетают стервятники и терзают его внутренности.

– На самом деле это его брат. – То была гнусная история, и Ворон обрадовался, когда она не стала расспрашивать его о подробностях. – Теперь пригнись. Они подходят.

Солдаты рассеялись по склону, короткими перебежками перемещаясь от укрытия к укрытию. Очень даже профессионально. Ворон уперся локтями и поднял винтовку. Ветра почти нет. В такой день он попадет в человека с пятисот ярдов в десяти случаях из десяти.

– Поцелуйте себя в зад на прощанье, – пробормотал он.

Ему показалось, что он перебил половину, прежде чем они подошли достаточно близко, чтобы бросить парализующую гранату.

Лорд Эрик был хорошо сложенным мужчиной, высоким и грациозным. Он был приятен лицом, держался непринужденно и властно. Рубашка на нем была из тончайшего шелка, запястья прикрывали кружевные манжеты.

– Леди Энн, – произнес он.

– Лорд Эрик.

– Я прибыл, чтобы вернуть вас домой, к вашему положению в обществе: к вашим землям, многочисленным угодьям и возможностям. А также в постель любящего мужа. – Его колесница остановилась в снегу у них за спиной – он явился не раньше, чем была сделана вся грязная работа.

– Вы больше мне не муж. Я связала свою судьбу с мужчиной лучше вас.

– С этим цыганом? – Он дал себе труд бросить на Ворона самый быстрый и уничижительный взгляд. – Он самый обычный вор, не стоящий ни той веревки, на которой следует его повесить, ни дров, чтобы сжечь его, или воды, чтобы его утопить, ни земли, чтобы его погрести. Однако он вольно обошелся с одной мелочью, распоряжаться которой имею право я, и только я. Я говорю о вашей чести. Следовательно, он должен умереть. Он должен умереть, а вы должны подчиниться и быть послушной моей руке, как мой сокол, моя гончая или мой конь.

Она плюнула ему под ноги.

– Чтоб ты дерьмом подавился!

Холеное лица лорда Эрика побелело. Он занес кулак, чтобы ударить ее.

Руки Ворона были скручены за спиной, и он не мог высвободить их. Поэтому он неожиданно рванулся вперед, застигнув своих захватчиков и лорда Эрика врасплох, и принял удар на себя. Было чертовски больно, но он не подал виду. С самой широкой, самой нехорошей улыбкой, какую сумел

выдавить из себя, он сказал:

– Видишь, между мной и тобой есть разница. Ты не можешь удержаться от того, чтобы не бить ее. Я могу.

– Ты так считаешь? – Лорд Эрик сделал знак – и один из его воинов протянул ему пару серых перчаток из тончайшей испанской лайки. – Я возвысил смертную до себя. Четыре сотни лет была она моей супругой. Но теперь все кончено.

Первый раз за все время в глазах Энни отразился страх, хотя никто из знавших ее не так близко, как Ворон, ничего не заметил бы.

Тигриная клетка была установлена на невысоком помосте в большом овальном зале. Ворон был прекрасно знаком с тигриными клетками, но никогда не думал, что в итоге окажется в одной из них. В особенности в разгар чужого пиршества.

Тем более на поминках Энни.

Гостиная была полна демиургов, легкомысленного смеха, кокаина и джина. Старый Тескатлипока, который когда-то был Ворону как отец, увидев его, сморщился и покачал головой. Теперь Ворон сожалел, что вообще связался с испанцами, хотя тогда мысль казалась весьма разумной.

Боги и божки курсировали по залу с коктейлями в руках, одинокие и холодные, словно планеты, в том числе леди Дейл, которая одной рукой даровала богатства, а другой – метала молнии и имела зуб на Ворона за то, что тот украл ее прялку; лорд Обри, дававший короткую и счастливую жизнь, который ненавидел его из-за одного своего друга; огненная леди Сифф – ее благосклонностью он однажды пренебрег; и преподобный Венсди, сам древний отец-смерть, в пасторском воротнике, каменеющий от негодования из-за дерзостей Ворона.

В этом зале у него не было союзников.

Вдалеке стоял лорд Талиесин, демиург музыки, и только он, вероятно, ощущая себя чужим в этом блистательном собрании, не окатывал Ворона волнами злобы. Ворон решил: это потому, что Тал так и не узнал правды о той истории на Крите.

Еще он решил, что должен быть какой-то способ обернуть все себе на пользу.

– Каждый раз, когда я прохожу мимо, ты отворачиваешься, – сказал лорд Талиесин. – Однако я не знаю никакой обиды, которую ты причинил бы мне или я тебе.

– Просто хотел привлечь твое внимание, – сказал Ворон. – Чтобы остальные ничего не заподозрили. – Брови у него сердито сошлись к переносице, зато речь была мягкой и любезной. – Я размышлял о том, как вдруг оказался здесь. Я хочу сказать, что

вот вы, ребята, просто существуете, вы часть естественного порядка вещей. Мы же, архетипы, созданы многими годами баек у костра и желанных выдумок. Нас исторгает коллективное бессознательное. И мне интересно, что произойдет, если кто-нибудь, у кого имеется доступ к бессознательному, – ты, например, – подкинет пару песенок туда или сюда.

– Что ж, это вполне возможно. Хотя результат неизвестен. Но чего ради?

– Что скажешь насчет сердца твоего брата в коробочке?

Лорд Талиесин вежливо улыбнулся.

– Возможно, мы с Эриком не всегда сходимся во мнениях, но не могу сказать, что ненавижу его настолько, чтобы желать физической вселенной лишиться вдруг своих обитателей.

– Речь не о нем. О другом твоем брате.

Тал невольно обернулся через плечо на далекие горы, где лежала маленькая темная фигура, терзаемая стервятниками. Дом был выстроен здесь с тем расчетом, чтобы этот вид постоянно мозолил глаза.

– Если бы это было возможно, неужели, ты полагаешь, я бы не рискнул?

Он явно хотел сказать: «Как ты преуспеешь там, где не преуспел я?»

– Я же пройдоха, помнишь? Я джокер в колоде, непредсказуемый элемент, неожидаемое событие. Я кусачая муха под седлом. Я лед на уплотнительных кольцах. Я единственный, кто сможет сделать это для тебя.

Лорд Талиесин проговорил – совсем тихо:

– Какие гарантии ты хочешь?

– Твоего слова, приятель, мне довольно. Только не забудь плюнуть мне в лицо, когда будешь отходить. Так будет лучше.

– Развлекайтесь, – сказал лорд Эрик и вышел из зала.

Люди Эрика взялись за Ворона. Они сломали ему ребра и разбили лицо. Пару раз им приходилось останавливаться, чтобы отдышаться, – трудились они на совесть. Он должен это признать: вкладывали в дело всю душу. Однако подобное развлечение, как и сам Ворон, было слишком грубым для собравшейся публики. Задолго до того как все кончилось, большинство зрителей разошлись, заскучав или питая отвращение к зрелищу.

Наконец он застонал и умер.

Но что такая мелочь, как смерть, такому, как Ворон? Он же архетип – вселенная требует его существования. Убей его здесь и сейчас, так он возродится там и тогда. Пройдет немного времени, и он снова воспрянет и появится.

Но не Энни.

Она – нет, в этом и заключалось самое худшее. Энни была мертва, и все шансы за то, что она уже никогда не вернется.

Среди двух десятков придушенных смогом городов единственной неподвижной точкой был глаз Ворона. Он откинулся назад в седле своего «харлея» и скрестил руки на груди, с невероятным упорством буравя взглядом одну дверь. Удивительно, как его взгляд еще не прожег дыру в этой двери.

С неба упал черный стриж и уселся на руль. Маленькая птичка с круглой головой и коротким клювом, с длинными заостренными крыльями. Ее глаза блестели, словно две звезды.

– Привет! – сказала птица.

– Привет, будь оно все проклято, – проворчал Ворон. – Есть успехи?

– Лорд Талиесин сделал, как ты просил, напитав временные линии песнями. В Лондоне, Нэшвилле и Азул-Тлоне превозносят ее красоту и верность в любви. Ее восхваляют в сотне образов и под тысячей имен. И в ведьминских избушках эпохи мамонтов, и на виртуальных просторах Эм-ти-ви поют славу леди Энн и той любви, за которую она с радостью заплатила всеми благами жизни.

Однако дверь так и не открывалась.

– Это не то, о чем я просил, бестолочь. Это точно сработает?

– Возможно. – Птица наклонила голову. – Может быть, нет. Мне велели предостеречь тебя: даже если все получится, вы будете встречаться лишь изредка. Архетипы не путешествуют парами. Если дело выгорит, ваши встречи будут подобны солнечным затмениям: простые, ошеломительные, редкие и краткие.

– Да-да.

Птица колебалась; если бы о птице можно было сказать, что она выглядит смущенной, то сейчас эта птица выглядела странным образом смущенной.

– Еще мне сказали, у тебя есть кое-что для меня.

Ворон, не глядя, открыл кофр и покопался внутри. Вынул за шнурок деревянную коробочку в форме сердца.

– Вот.

Разразившись неземной трелью, черный стриж вцепился в шнурок коготками и, прошуршав крыльями, взмыл в поднебесье. Ворон не стал смотреть ему вслед. Он ждал.

Он ждал до тех пор, пока не решил, что дверь никогда не откроется. После чего подождал еще.

Дверь открылась.

И вышла она, в потертых джинсах, в черном топике под кожаной летной курткой, затягиваясь ментоловым «Кентом». Она была прекрасна, словно утро, и реальна, словно гвоздь. Тротуар съежился под ее высокими каблуками.

– Привет, детка, – будничным тоном произнес Ворон. – Я достал для тебя коляску. Помнишь, ты хотела? С бархатной обивкой и со всем прочим.

– Ненавижу этот рев, – сказала Энни, усаживаясь у него за спиной и обнимая с такой силой, что захрустели ребра.

Он завел «харлей», и они с шумом ворвались в поток машин. Ворон разогнался и вздернул мотоцикл на заднее колесо. Они уезжали прочь по дороге, которая ведет куда угодно и никуда, в прошлое и в будущее, в Токио и в Шорт-Памп, в бесконечность и в магазин на углу. И Энни смеялась, ничего не боясь, а Ворон летел, похожий на черный флаг.

Пес сказал «гав-гав»

Пес выглядел так, словно только что сошел с картинки из детской книжки. Наверное, чтобы он смог ходить прямо, было произведено не меньше ста операций. Форму тазовых костей, разумеется, полностью изменили. Чтобы переделать одну лишь заднюю лапу, понадобилось не менее десятка изменений. К тому же у пса были весьма искусно сделанные колени.

Не говоря уже о всяких неврологических усовершенствованиях.

Но что больше всего восхитило Дарджера, так это костюм. Он сидел превосходно, сзади был разрез для хвоста, и опять же потребовалась, наверное, сотня переделок, благодаря которым костюм выглядел на собаке совершенно естественно.

– У вас отличный портной, – заметил Дарджер.

Пес переложил трость из одной лапы в другую, чтобы обменяться с Дарджером рукопожатием, и совершенно непринужденно ответил:

– Это довольно банальное наблюдение, сэр.

– Вы из Штатов? – Не менее банальное замечание, если учесть, что они находились на пристани, а шхуна «Мечта янки» поднялась по Темзе с утренним приливом: Дарджер видел ее паруса, проплывшие над крышами домов. – Уже нашли себе пристанище?

– И да, и нет. Не можете ли вы порекомендовать мне какую-нибудь приличную таверну?

– В этом нет нужды. Я буду счастлив предложить вам на несколько дней свой кров. – И, понизив голос, Дарджер добавил: – У меня к вам деловое предложение.

– Тогда обопритесь о мою руку, сэр, и я с готовностью последую за вами.

Пса звали сэр Блэкторп Равенскэрн де Плас Прешез, но он сказал с некоторой самоиронией: «Зовите меня сэр Плас», – и с тех пор стал «Сэрпласом».

Как Дарджер подозревал с самого начала и в чем убедился при разговоре, Сэрплас был мошенником – больше, чем просто плутом, но до головореза недотягивал. Словом, пес пришелся Дарджеру по душе.

После того как они выпили в баре, Дарджер продемонстрировал шкатулку и объяснил свой план. Сэрплас осторожно коснулся замысловатой резьбы на поверхности сделанного из тикового дерева ящичка и убрал лапу.

– Вы нарисовали интереснейшую схему, маэстро Дарджер…

– Пожалуйста, зовите меня Обри.

– Хорошо, Обри. Но здесь есть деликатная проблема. Как мы поделим… гм… трофеи этого рискованного предприятия? Мне не хочется упоминать об этом, но очень часто многообещающее сотрудничество терпит крах именно из-за подобных мелочей.

Дарджер открутил крышку солонки и высыпал содержимое на стол. Кончиком кинжала провел четкую линию посредине.

– Я делю – вы выбираете. Или наоборот, если вам так больше нравится. При всем своекорыстии вам не найти между ними различия ни на крупинку.

– Отлично! – воскликнул Сэрплас и, бросив щепотку соли в пиво, выпил за заключенный договор.

Когда они отправились в Букингемский Лабиринт, шел дождь. Дарджер из окна экипажа изучал мелькающие однообразные улицы и мрачные дома.

– Старый скучный Лондон! История мельничным колесом не раз прошлась по твоему лицу.

– Тем не менее, – напомнил ему Сэрплас, – он должен принести нам богатство. Взгляните на Лабиринт с его вздымающимися вверх башнями и яркими витринами магазинов внизу, домами, которые, словно хрустальная гора, поднимаются над морем полуразвалившихся деревянных домиков… и успокойтесь.

– Хороший совет, – согласился Дарджер, – но он не может утешить любителя городов и излечить его сердце.

– Тьфу! – плюнул Сэрплас и более не произнес ни слова за всю дорогу.

У ворот Букингемского Лабиринта сержант-связник выступил вперед, как только они вышли из экипажа. Он моргнул при виде Сэрпласа, но сумел произнести:

– Ваши бумаги?

Сэрплас протянул ему свой паспорт и бумаги, над которыми Дарджер корпел все утро, и небрежно махнул лапой:

– Этот аутист[34] со мной.

Сержант коротко взглянул на Дарджера и тут же забыл о нем. У Дарджера был дар, бесценный при его профессии: он мог состроить настолько неопределенное выражение лица, что, как только собеседник отворачивался, лицо мгновенно исчезало из его памяти.

– Сюда, сэр. Чиновник Протокольного отдела сам посмотрит ваши бумаги.

Карлик-ученый вел их через внешний круг Лабиринта.

Они прошли мимо дам в биолюминесцентных туалетах, мимо джентльменов в ботинках и перчатках, сшитых из кожи, которая была клонирована из их собственной плоти. И мужчины и женщины носили множество драгоценностей, поскольку побрякушки снова вошли в моду. Залы с колоннами из мрамора, порфира и яшмы были роскошно украшены. Но Дарджер не мог не заметить потертых ковров и покрытых копотью керосиновых ламп. Его острый взгляд обнаруживал остатки старинной электропроводки и прослеживал пути телефонных линий и кабелей волоконной оптики, оставшихся с той поры, когда эти технологии еще действовали.

На кабели он смотрел с особенным удовольствием.

Карлик-ученый остановился перед тяжелой черной дверью, украшенной золотой резьбой: грифоны, локомотивы, геральдические лилии.

– Дверь, – сообщил он, – из черного дерева. Еще его называют Diospyros ebenum. Оно растет в Серендипе. Резьба покрыта золотом. Атомный вес золота 197,2.

Он постучал в дверь и открыл ее.

Чиновник Протокольного отдела оказался толстяком с темными кустистыми бровями. Он не встал при появлении посетителей.

– Я лорд Кохеренс-Гамильтон, а это, – тут он указал на тоненькую ясноглазую женщину, стоявшую возле него, – моя сестра Памела.

Сэрплас низко поклонился даме, она улыбнулась в ответ, да так, что на щеках появились ямочки, и сделала легкий реверанс.

Чиновник Протокольного отдела быстро просмотрел бумаги.

– Объясните мне, что это за «липа»? Территории Западного Вермонта! Будь я проклят, если когда-либо слышал о таком месте.

– Вы много потеряли, – надменно сказал Сэрплас. – Действительно, мы молодая страна, появившаяся всего семьдесят пять лет назад во время раздела Новой Англии. Но в наших прекрасных землях много достопримечательных мест. Красивейшее озеро Шамплейн. Генные фабрики в Вайнуски, старейшее учебное заведение – Universitas Viridis Montis – в Берлингтоне… У нас есть многое, чем мы гордимся, и нет такого, чего бы мы стыдились.

Похожий на медведя чиновник подозрительно посмотрел на него и спросил:

– Что привело вас в Лондон? Почему вы хотите получить аудиенцию у королевы?

– Моя цель и пункт назначения – Россия. Однако посещение

Англии включено в маршрут, а так как я дипломат, то уполномочен засвидетельствовать почтение своей страны вашему монарху. – Сэрплас только что не пожал плечами. – Вот и все. Через три дня я уже буду во Франции, и вы даже не вспомните обо мне.

Чиновник пренебрежительно бросил бумаги карлику, который заглянул в них и вежливо вернул Сэрпласу. Маленький человечек сел за изготовленный по его размерам столик и быстро скопировал документы.

– Ваши бумаги попадут в Уайтчепел, их там изучат. Если все пройдет хорошо – в чем я сомневаюсь – и представится удобный случай – что не так уж вероятно, – королева примет вас примерно через неделю или десять дней.

– Десять дней! Сэр, у меня очень напряженное расписа-ние!

– Вы хотите отозвать ходатайство?

Сэрплас колебался.

– Я… должен это обдумать, сэр.

Леди Памела невозмутимо наблюдала, как карлик уводил посетителей.

В предназначенной им комнате висели зеркала в массивных рамах и потемневшие от времени старинные картины, а в камине был разведен огонь. Когда их маленький гид ушел, Дарджер тщательно запер дверь на задвижку и замок. Затем он бросил шкатулку на кровать, улегся рядом с ней, уставился в потолок и сказал:

– Леди Памела необыкновенно красивая женщина. Черт меня побери, если это не так.

Не обращая на него внимания, Сэрплас, заложив лапы за спину, мерил шагами комнату. В нем кипела энергия. Наконец он принялся сетовать:

– Вы втянули меня в опасную игру, Дарджер! Лорд Кохеренс-Гамильтон подозревает нас.

– Ну и что?

– Я повторяю: мы еще не приступили к реализации своих планов, а он уже подозревает нас! Я не доверяю ни ему, ни его генетически воссозданному карлику.

– Что за ксенофобия! И это у вас-то!

– Я не презираю это создание, Дарджер, я боюсь его. Если заронить подозрение в его макроцефальную голову, он не успокоится, пока не выведает все наши тайны.

– Возьмите себя в руки, Сэрплас! Будьте человеком! Мы уже слишком далеко зашли, чтобы отступать.

– Я что угодно, только не человек, благодарение Господу, – ответил Сэрплас. – Но все же вы правы. Коготок увяз… А пока

можно выспаться. Уйдите с кровати. Вы можете спать на коврике у камина.

– Я?! На коврике?!

– Я плохо соображаю по утрам. Если кто-нибудь постучит, а я не раздумывая открою дверь, вряд ли будет хорошо, когда обнаружат, что вы спите в одной постели с хозяином.

На следующий день Сэрплас вернулся в Протокольный отдел, чтобы заявить: ему позволено ожидать аудиенции у королевы в течение двух недель, но ни на день больше.

– Вы получили новый приказ своего правительства? – подозрительно спросил лорд Кохеренс-Гамильтон. – С трудом могу себе представить, каким образом.

– Я исследовал собственное сознание и поразмыслил о некоторых тонкостях фраз в моих инструкциях, – ответил Сэрплас. – Вот и все.

Выйдя из отдела, он обнаружил леди Памелу, ожидающую снаружи. Когда она предложила показать ему Лабиринт, он с радостью согласился. В сопровождении Дарджера они неспешно направились вглубь, сначала смотреть смену караула в переднем вестибюле, перед огромной стеной с колоннами, которая когда-то, прежде чем ее поглотило разросшееся в период славных лет строительство, служила фасадом Букингемского дворца. Пройдя вдоль стены, они направились к зрительской галерее над государственной палатой.

– Судя по вашим взглядам, сэр Плас Прешез, вас интересуют мои бриллианты, – заметила леди Памела. – И неудивительно. Это фамильная драгоценность старинной работы, сделанная на заказ. Каждый камень безупречен, и все они прекрасно подобраны. Ожерелье гораздо дороже услуг сотен аутистов.

Сэрплас, улыбаясь, снова взглянул на ожерелье, обвивавшееся вокруг ее точеной шеи, над совершенной формы грудью.

– Уверяю вас, мадам, меня очаровывает вовсе не ваше ожерелье.

Она чуть порозовела от удовольствия. Затем непринужденно переменила тему:

– Что это за шкатулку носит с собой ваш человек, куда бы вы ни пошли? Что в ней?

– А, это… Безделица. Подарок для московского князя, последней цели моего путешествия, – сказал Сэрплас. – Уверяю вас, она не представляет никакого интереса.

– Вы с кем-то разговаривали прошлой ночью у себя в комнате, – сказала леди Памела.

– Вы подслушивали под моей дверью? Я удивлен и польщен.

Леди Памела зарделась:

– Нет-нет, это мой брат… это его работа, вы же понимаете… наблюдение…

– Возможно, я разговаривал во сне. Со мной такое бывает.

– На разные голоса? Брат говорил, что слышал диалог.

Сэрплас отвел взгляд:

– Тут он ошибся.

Английская королева представляла собой зрелище, способное конкурировать с любыми другими диковинами этой древней страны. Она была огромной, как железнодорожная платформа из старинной легенды, а вокруг нее сновали слуги с едой и информацией, от нее они уходили с грязными тарелками и утвержденными законами. С галереи она показалась Дарджеру похожей на королеву пчел, но в отличие от той английская королева не совокуплялась, а гордо оставалась девственной.

Ее звали Глориана Первая, ей исполнилось сто лет, но она все еще росла.

Лорд Кемпбел-Суперколлайдер, случайно встретившийся им друг леди Памелы, который настоял на том, чтобы сопровождать их на галерею, нагнулся поближе к Сэрпласу и прошептал:

– Вас, разумеется, впечатлило великолепие нашей королевы. – В его голосе явно слышалось предостережение. – Иностранцы всегда бывают поражены.

– Я ослеплен, – ответил Сэрплас.

– Так и должно быть. Ведь на теле ее величества размещены тридцать четыре мозга, соединенные толстыми канатами нервных узлов в гиперкуб. Ее возможности переработки информации равны огромным компьютерам времен Утопии.

Леди Памела подавила зевок.

– Дорогой Рори, – сказала она, притрагиваясь к рукаву лорда Кемпбел-Суперколлайдера, – меня призывает долг. Не будешь ли ты так добр показать моему американскому другу дорогу назад?

– Разумеется, дорогая. – Он и Сэрплас встали (Дарджер, конечно, все это время стоял) и осыпали ее комплиментами, затем, когда леди Памела ушла, Сэрплас двинулся к выходу.

– Не туда. Это общественная лестница. Вы и я можем выйти по лестнице для джентльменов.

Узкая лестница, извиваясь, спускалась под толпами позолоченных херувимов и дирижаблей и заканчивалась в зале с мраморными полами. Сэрплас и Дарджер сошли со ступенек, и тут же руки их оказались зажатыми в лапах павианов.

Всего павианов было пять, все в красных униформах и гармонирующих по цвету строгих ошейниках с поводками, которые держал офицер с лихо закрученными усами и золотым кантом на мундире, означавшем, что он хозяин обезьян. Пятый

павиан скалил зубы и хищно шипел.

Хозяин обезьян резко дернул поводок и сказал:

– Ко мне, Геркулес! Ко мне, любезный! Что ты говоришь?

Павиан выпрямился и коротко поклонился.

– Пожалуйста, пройдите с нами, – с трудом произнес он. Хозяин обезьян кашлянул, и неожиданно павиан добавил: – Сэр.

– Это возмутительно! – воскликнул Сэрплас. – Я дипломат и обладаю правом иммунитета.

– Обычно это так, – вежливо заметил хозяин обезьян, – однако вы вошли во внутренний круг без приглашения ее величества и таким образом стали объектом более строгих правил безопасности.

– Да я понятия не имел, что эта лестница ведет внутрь. Меня сопровождал сюда… – Сэрплас беспомощно огляделся вокруг. Лорда Кемпбел-Суперколлайдера нигде не было видно.

Таким образом, Сэрпласа и Дарджера снова препроводили в Протокольный отдел.

– Дерево – тик. Его другое название Tectonia grandis. Тик произрастает в Бирме, Хинде и Сиаме. Шкатулка украшена затейливой резьбой, но без изысков. – Карлик-ученый открыл шкатулку. – Внутри старинное приспособление для электронного общения. Чип устройства из керамики, весит шесть унций. Устройство произведено в конце периода Утопии.

– Модем! – От удивления глаза чиновника Протокольного отдела вылезли из орбит. – Вы осмелились пронести модем во внутренний круг и чуть ли не в присутствие королевы? – Его стул так и заходил вокруг стола. Шесть ножек, похожих на лапки насекомого, казались слишком тонкими, чтобы выдержать вес его огромного тела. Но он двигался ловко и проворно.

– Он совершенно безвреден, сэр. Просто наши археологи откопали эту штуку, чтобы позабавить московского князя, который известен своим пристрастием ко всему старинному. Несомненно, этот модем обладает определенной культурной или исторической ценностью.

Лорд Кохеренс-Гамильтон занес стул над головой Сэрпласа, это выглядело устрашающе.

– Утопиане наводнили мир своими компьютерными сетями и узлами. Затем выпустили в эту виртуальную вселенную демонов. Эти разумы разрушили Утопию и едва не уничтожили все человечество. Только всеобщий отказ от всех способов взаимодействия компьютера и человека спас мир от гибели! – Он смерил Сэрпласа свирепым взглядом. – Недоумок! Разве у вас нет истории? Эти создания ненавидят нас, поскольку их сотворили

наши предки. Они еще живы, хотя ограничены своей электронной преисподней, им нужен только модем, чтобы наводнить физический мир. Вы понимаете, что кара за обладание таким приспособлением… – он угрожающе улыбнулся, – смерть?

– Нет, сэр, нет. Обладание действующим модемом – это преступление. А мое устройство совершенно безвредно. Спросите своего эксперта.

– Ну? – проворчал лорд Кохеренс-Гамильтон, обращаясь к карлику. – Оно работает?

– Нет. Оно…

– Молчи. – Он обернулся к Сэрпласу. – Вам повезло, дворняжка. Вас не обвинят в преступлении. Однако пока вы находитесь здесь, я подержу это мерзкое устройство под замком. Вам понятно, сэр Гав-Гав?

Сэрплас вздохнул.

– Хорошо, – согласился он. – В конце концов, это всего на неделю.

Вечером леди Памела Кохеренс-Гамильтон пришла к дверям номера Сэрпласа, чтобы извиниться за этот оскорбительный арест, о котором, по ее уверениям, она только что узнала. Он пригласил ее войти. Они мгновенно оказались на кровати, стоя на коленях и расстегивая пуговицы друг друга.

Прелестная грудь леди Памелы обнажилась, как вдруг она откинулась, пытаясь застегнуть лиф, и сказала:

– Ваш человек смотрит на меня.

– Какое нам дело? – весело ответил Сэрплас. – Бедняга аутист. Его не трогает ничто из того, что он видит и слышит. Это все равно что стесняться кресла.

– Даже если бы он был вырезан из дерева, я предпочла бы, чтобы он не смотрел на меня.

– Как хотите. – Сэрплас хлопнул лапами. – Любезный! Отвернитесь.

Дарджер послушно повернулся к ним спиной. Это был первый случай удивительного успеха его друга у женщин. Сколько же искательниц любовных приключений можно встретить, если твой вид неповторим?

Позади себя он слышал смех леди Памелы. Затем низким от страсти голосом Сэрплас сказал:

– Нет-нет, бриллианты не снимайте.

Беззвучно вздохнув, Дарджер приготовился к долгой ночи.

На следующий день Сэрплас чувствовал себя нездоровым. Узнав о его недомогании, леди Памела прислала одного из своих

аутистов с чашкой бульона, затем явилась сама в хирургической маске.

Сэрплас слабо улыбнулся ей.

– Вам нет нужды носить маску, – сказал он. – Клянусь жизнью, моя болезнь не заразна. Как вы, несомненно, знаете, у нас, тех, кто подвергся переделке, есть предрасположенность к нарушениям эндокринного баланса.

– И только? – Леди Памела ложкой влила ему в рот немного бульона и промокнула упавшую каплю салфеткой. – Тогда восстановите его. С вашей стороны было очень дурно напугать меня такой чепухой.

– Увы, – печально произнес Сэрплас, – я уникальное создание, а таблица моего эндокринного баланса случайно упала в море. Разумеется, в Вермонте есть копии. Но к тому времени, как самая быстрая шхуна сумеет дважды пересечь Атлантический океан, боюсь, со мной все будет кончено.

– О, дорогой мой Сэрплас! – Она сочувственно накрыла его лапу рукой. – Наверняка существует какой-то способ, пусть самый отчаянный!

– Ну… – Сэрплас отвернулся к стенке и задумался. После долгого молчания он снова повернулся к леди Памеле и произнес: – Я должен кое в чем признаться. Модем, который ваш брат отнял у меня… Он работает.

– Сэр! – Леди Памела вскочила, подобрав юбки, и в ужасе отступила от кровати. – Этого не может быть!

– Моя дорогая, вы должны меня выслушать. – Сэрплас с трудом бросил взгляд на дверь, затем сказал, понизив голос: – Подойдите поближе, я буду говорить тихо.

Она повиновалась.

– На закате Утопии, во время войны между людьми и их электронными созданиями, ученые и инженеры объединили усилия, чтобы сделать модем, которым люди могли бы безопасно пользоваться. То есть защищенный от воздействия электронных демонов. Возможно, вы слышали о таком проекте.

– Да, слухи ходили, но… ни одно такое устройство не было создано.

– Скорее, ни одно такое устройство не было создано вовремя. Его как раз доводили до ума, когда толпы разгромили лаборатории и Век Машин кончился. Однако несколько подобных устройств успели спрятать до того, как все специалисты были убиты. Спустя столетия смелые исследователи из Археологического института в Шелберне разыскали шесть таких устройств и разработали искусство пользования ими. Одно сломалось во время этих экспериментов. Два других хранятся в

Берлингтоне. Остальные вручили доверенным лицам и послали трем наиболее мощным союзникам Территорий – в частности, в Россию.

– Трудно поверить, – ошеломленно произнесла леди Памела. – Неужели такие чудеса случаются?

– Мадам, я пользовался им позапрошлой ночью в этой самой комнате! Помните голоса, которые слышал ваш брат? Я разговаривал со своим начальством в Вермонте. И мне дали разрешение продлить свое пребывание здесь до двух недель.

Он умоляюще посмотрел на нее.

– Если вы сумеете принести мне устройство, я попробую воспользоваться им, чтобы спасти свою жизнь.

Леди Кохеренс-Гамильтон решительно встала.

– Ничего не опасайтесь. Клянусь своей душой, модем будет у вас сегодня ночью.

Комната была освещена единственной лампой, которая давала странные тени, когда кто-нибудь шевелился, – словно все они были духами зла на шабаше ведьм.

Зрелище было совершенно неправдоподобное. Дарджер, не шевелясь, держал в руках модем. Леди Памела, тонко чувствовавшая обстоятельства, переоделась в темно-красное, цвета человеческой крови, шелковое платье с глубоким вырезом. Оно кружилось вокруг ее ног, пока она искала за дубовой обшивкой стен розетку, которой не пользовались целые столетия. Сэрплас еле сидел на кровати с полузакрытыми глазами и направлял ее.

– Вот она! – торжествующе воскликнула леди Памела. Ее ожерелье рассыпало небольшие радуги в тусклом свете.

Дарджер застыл. Он стоял совершенно неподвижно в течение трех долгих вдохов, затем встряхнулся и вздрогнул, как в припадке. Его глаза ввалились.

Глухим неописуемым голосом он сказал:

– Кто вызывает меня из бездонной глубины? – Голос был совершенно не похож на его собственный – хриплый, дикий, жаждущий нечестивых забав. – Кто рискует разгневать меня?

– Вы должны передавать мои слова прямо в уши аутиста, – прошептал Сэрплас. – Потому что он стал неотъемлемой частью модема – не просто оператором, но самим его голосом.

– Я готова, – ответила леди Памела.

– Умница. Скажите ему, кто я.

– Это сэр Блэкторп Равенскэрн де Плас Прешез. Он хочет говорить с… – Она остановилась.

– С его августейшей и социалистической честью, мэром

Берлингтона.

– Его августейшей и социалистической честью, – начала леди Памела. Она обернулась к кровати и недоуменно переспросила: – Мэром Берлингтона?

– Это всего лишь официальный титул, наподобие должности вашего брата, поскольку на самом деле это главный шпион на Территориях западного Вермонта, – слабым голосом произнес Сэрплас. – Теперь повторяйте ему: я, находясь под угрозой смерти, требую передать мое сообщение. Употребляйте именно эти слова.

Леди Памела повторила эти слова в ухо Дарджеру.

Он вскрикнул. Это был дикий злобный крик, заставивший леди Памелу отпрянуть от него в мгновенной панике. Затем крик вдруг оборвался.

– Кто это? – спросил Дарджер совершенно другим голосом, на этот раз человеческим. – Я слышу женский голос. Что-то случилось с одним из моих агентов?

– Теперь говорите с ним как с обыкновенным человеком: откровенно, прямо, без уверток. – Сэрплас откинулся на подушку и закрыл глаза.

И леди Кохеренс-Гамильтон рассказала (во всяком случае, так ей казалось) о недуге Сэрпласа его далекому начальнику, а от него получила выражения сочувствия и информацию, необходимую, чтобы вернуть равновесие эндокринной системе Сэрпласа. После соответствующих выражений вежливости она поблагодарила американского главного шпиона и выключила модем. Дарджер вернулся в свое обычное пассивное состояние.

На маленьком прикроватном столике лежал эндокринный набор в кожаном футляре. Под руководством леди Памелы Дарджер начал прикладывать нужные пластыри к различным местам на теле Сэрпласа. Прошло много времени, прежде чем тот открыл глаза.

– Я поправлюсь? – спросил он и, когда леди Памела кивнула, продолжил: – Тогда, боюсь, я вынужден уехать утром. У вашего братца везде агенты. Если он пронюхает, на что способно это устройство, то захочет оставить его себе.

Леди Памела, улыбаясь, вертела шкатулку в руках.

– И правда, кто бы стал винить его за это? С такой игрушкой можно совершить великие дела.

– Несомненно, он так и подумает. Умоляю вас, верните мне эту вещь.

Но она отрицательно покачала головой.

– Это больше, чем коммуникационное устройство, сэр, – заявила она. – Хотя и в этом отношении оно бесценно. Вы

продемонстрировали, что оно может подчинять создания, обитающие в забытой нервной системе древнего мира. Следовательно, их можно заставить делать для нас вычисления.

– Действительно, наши специалисты говорили о подобном. Вы должны…

– Мы создали чудовищ, чтобы выполнять обязанности, которые когда-то исполняли машины. Мы допустили, чтобы нами правил монстр с мозгами в виде двадцатигранника. Теперь у нас нет нужды в Глориане Вульгарной, Глориане Жирной, в Личинке-Королеве!

– Мадам!

– Я думаю, пришла пора, чтобы в Англии появилась новая королева!

– Подумайте обо мне!

Леди Памела остановилась в дверях:

– Вы действительно очень милы. Но с этим устройством я обрету трон и заведу такой гарем, который даст мне возможность вспоминать о вас как о банальном капризе.

И, шурша юбками, она удалилась.

– Тогда я пропал! – воскликнул Сэрплас и упал на постель.

Дарджер тихонько закрыл дверь. Сэрплас приподнялся с подушек и стал сковыривать пластыри с тела. Потом спросил:

– Что теперь?

– Теперь нам надо выспаться, – ответил Дарджер. – Завтра будет хлопотливый день.

Хозяин обезьян явился за ними после завтрака и повел их хорошо знакомым маршрутом. Дарджер уже потерял счет их посещениям Протокольного отдела. Они застали там лорда Кохеренс-Гамильтона в неистовой ярости и его сестру, спокойную и всезнающую, стоявшую в углу со скрещенными на груди руками. Дарджер задал себе вопрос, как ему могло хоть на минуту прийти в голову, что брат имеет более высокий ранг, чем сестра.

Шкатулка с модемом стояла открытой на столе карлика-ученого, который склонился над устройством, внимательно его изучая.

Никто не произнес ни слова, пока хозяин обезьян и его павианы не покинули помещения.

Тогда лорд Кохеренс-Гамильтон проревел:

– Ваш модем отказывается работать на нас!

– Я говорил вам, – спокойно ответил Сэрплас, – он не действует.

– Это ложь! – Стул разгневанного лорда вытянул свои тонкие

ножки настолько, что чиновник чуть не стукнулся макушкой о потолок. – Мне известно о вашей деятельности, – он мотнул головой в сторону сестры, – и я приказываю вам немедленно продемонстрировать, как работает это чертово устройство!

– Никогда! – решительно воскликнул Сэрплас. – У меня есть честь, сэр.

– Ваша честь может с успехом довести вас до смерти, сэр.

Сэрплас гордо вскинул голову:

– В таком случае я умру за Вермонт!

В этот безвыходный момент вперед выступила леди Гамильтон и встала между двумя противниками, чтобы восстановить мир.

– Я знаю, что может заставить вас передумать. – С понимающей улыбкой она подняла руку к шее и сняла свои бриллианты. – Я видела, как вы прижимались к ним прошлой ночью. Как вы касались их языком и ласкали их.

Она вложила бриллианты в лапу Сэрпласа.

– Они ваши, сэр Прешез, в обмен на одно только слово.

– Вы расстанетесь с ними? – спросил Сэрплас, словно его изумила сама мысль об этом. На самом деле ожерелье было целью его и Дарджера с того момента, как они увидели камешки. Единственное, что теперь отделяло их от амстердамских торговцев, – это необходимость выбраться из Лабиринта, прежде чем их жертвы наконец поймут, что модем на самом деле ни на что не способен.

– Только подумайте, дорогой Сэрплас. – Леди Памела погладила его по голове и почесала за ухом, в то время как он разглядывал драгоценные камни. – Представьте, какую богатую и легкую жизнь вы сможете вести: женщины, власть. Все это в ваших руках. Вам надо только протянуть их.

Сэрплас глубоко вздохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Секрет в конденсаторе, для перезарядки которого потребуется целый день. Подождите…

– В этом вся проблема, – неожиданно вставил ученый. Он копался во внутренностях модема. – Здесь отсоединился провод.

Он включил устройство в розетку в стене.

– О боже, – произнес Дарджер.

Лицо карлика выражало неописуемый восторг, и казалось, что сам он на глазах увеличивается в размерах.

– Я свободен! – воскликнул он таким громким голосом, какого трудно было ожидать от тщедушного существа. Он трясся, словно через него проходил мощный электрический ток. Комнату наполнил запах озона.

Внезапно тело карлика вспыхнуло пламенем, и он двинулся

вперед.

Пока все стояли, парализованные ужасом, Дарджер схватил Сэрпласа за воротник и вытащил его в зал, изо всей силы захлопнув за собой дверь.

Не успели они пробежать и двадцати шагов, как дверь Протокольного отдела словно взорвалась, рассеивая по залу горящие щепки.

Позади них раздался сатанинский хохот.

Обернувшись, Дарджер увидел пылающего карлика, теперь потемневшего, словно угли, на пороге охваченной пламенем комнаты. Он прыгал и приплясывал. Модем, хотя и выдернутый из сети, был зажат у него под мышкой. Глаза у карлика стали совершенно круглыми, белыми и лишились век. Увидев Дарджера и Сэрпласа, он пустился за ними в погоню.

– Обри! – прокричал Сэрплас. – Мы бежим не туда!

Действительно, они убегали все глубже в Лабиринт, в самую его сердцевину. Но повернуть назад было невозможно. Они врезались в толпу знати и их слуг, их преследовали огонь и ужас.

Несущееся за ними чудовище на каждом шагу рассеивало огонь по коврам. Языки пламени распространялись по залу, поджигая гобелены, обои и деревянные украшения. Как они ни петляли, карлик не терял их из виду. Очевидно, демон из Сети был запрограммирован настолько буквально, что, однажды увидев их, должен был рано или поздно убить.

Дарджер и Сэрплас рысцой пробежали через комнаты и салоны, вдоль балконов и по коридорам для слуг. Демон гнался за ними. Преследуемые своим сверхъестественным мстителем, они бросились вниз по коридору к двустворчатым массивным дверям из бронзы. Одна из створок была чуть приоткрыта. Они были настолько напуганы, что не обратили внимания на охрану.

– Стойте, господа!

Усатый хозяин обезьян стоял перед дверями, павианы натягивали поводки.

– Так это вы! – удивленно воскликнул он.

– Пусти, я убью их! – кричал один из павианов. – Мерзкие ублюдки!

Остальные отвечали ему согласным ворчанием.

Но едва Сэрплас замедлил шаг, Дарджер положил широкую ладонь ему на спину и толкнул вперед.

– На пол! – скомандовал он.

Пес, предпочитающий рассуждения, покорился человеку действия. Он бросился на гладкий мрамор между двумя павианами прямо у ног хозяина обезьян и проехал между ногами.

Обескураженный хозяин выпустил обезьяньи поводки.

Павианы завопили и бросились в атаку.

На мгновение все пять обезьян очутились на Дарджере. Они хватали его за руки и за ноги, кусали шею и лицо. Тут появился пылающий карлик и, увидев, что доступ к цели затруднен, схватил ближайшего павиана. Униформа загорелась, обезьяна принялась визжать.

Мгновенно остальные павианы прекратили драку и кинулись на новоприбывшего.

Дарджер вмиг перепрыгнул через упавшего хозяина обезьян и очутился у двери. Он и Сэрплас навалились на металлические двери и как следует поднажали. Дарджер успел кинуть быстрый взгляд на дерущихся, увидел павианов в языках пламени и подброшенного в воздух хозяина обезьян. Затем дверь за ними захлопнулась. Внутренние болты и засовы, механизмы которых были прекрасно смазаны и безупречно работали, автоматически закрылись.

На какое-то время беглецы оказались в безопасности.

Сэрплас привалился к гладкой поверхности двери и спросил слабым голосом:

– Где вы взяли этот модем?

– У одного антиквара. – Дарджер вытер лоб платком. – Совершенно ясно, что он ни на что не годится. Кто бы мог подумать, что его можно починить?

Вопли снаружи затихли. Наступила краткая пауза. Затем карлик забарабанил по металлической двери. Она зазвенела от ударов.

Тоненький девичий голосок тихонько спросил:

– Что это за шум?

Они удивленно обернулись и поняли, что видят огромное тело королевы Глорианы. Она лежала на своей площадке, в кружевах и атласе, покинутая всеми, кроме героических (хотя и обреченных) стражей-обезьян. От ее тела исходил дрожжевой запах. Среди нескольких десятков подбородков и складок кожи терялось маленькое человеческое личико. Губы царственной особы едва уловимо задвигались, она спросила:

– Кто-то хочет войти?

Дверь снова зазвенела. Одна из петель подалась.

Дарджер поклонился:

– Боюсь, мадам, это ваша гибель.

– Правда? – Голубые глаза широко раскрылись, и Глориана неожиданно рассмеялась. – Если да, то это чудесная новость. Я уже очень давно молю о смерти.

– Может ли кто-нибудь из созданий Божиих действительно

молить о смерти? – спросил Дарджер, вдруг обнаружив философскую сторону своей натуры. – Я и сам бывал несчастен, тем не менее не заходил так далеко.

– Взгляните на меня! – Где-то вдали с одной стороны тела поднялась и слабо помахала тоненькая ручка, впрочем, не тоньше руки обыкновенной женщины. – Я не Божье создание, а человеческое. Кто променяет десять минут собственной жизни на столетие моей? Кто, живя такой жизнью, не променяет ее на смерть?

Вторая петля оторвалась. Двери начали дрожать. От их металлической поверхности шел жар.

– Дарджер, нам надо бежать! – воскликнул Сэрплас. – Ученые разговоры хороши, но не сейчас.

– Ваш друг прав, – произнесла Глориана. – Вон за тем гобеленом есть потайной ход. Идите туда. Приложите руку к левой стене и бегите. Куда бы вы ни шли, держитесь стены, она выведет вас наружу. Вы оба плуты, как я вижу, и, безусловно, заслуживаете наказания, но в моем сердце только дружеские чувства к вам, и ничего больше.

– Мадам… – начал глубоко тронутый Дарджер.

– Бегите!

Дверь слетела с петель. Дарджер крикнул «Прощайте!», а Сэрплас – «Бежим!», и они ринулись в проход.

К тому времени как они выбрались наружу, весь Букингемский Лабиринт пылал. Демон, однако, не возник из пламени, и они решили, что, когда модем наконец расплавился, нечестивое существо было вынуждено вернуться туда, откуда появилось.

Когда шлюп отплывал в Кале, небо было багровым от зарева пожара. Опираясь на поручни, Сэрплас покачал головой.

– Какое жуткое зрелище! Не могу отделаться от ощущения, что в какой-то мере несу за это ответственность.

– А, бросьте! – сказал Дарджер. – Перестаньте печалиться, мы оба теперь богатые люди. Бриллианты леди Памелы позволят нам жить безбедно в течение многих лет. Что же касается Лондона, это далеко не первый пожар, который ему пришлось перенести. И не последний. Жизнь коротка, и давайте веселиться, пока живы.

– Довольно странное высказывание для меланхолика, – удивленно заметил Сэрплас.

– Во времена побед мой разум обращается лицом к солнцу. Не думайте о прошлом, дорогой друг, думайте о блестящем будущем, которое открывается перед нами.

– Ожерелье не представляет собой ценности, – сказал

Сэрплас. – Теперь, когда у меня появилось время, чтобы изучить его отдельно от смущающего тела леди Памелы, я понял, что это не бриллианты, а их имитация. – И он собрался швырнуть ожерелье в воды Темзы.

Но прежде чем он успел это сделать, Дарджер перехватил у него бриллианты и принялся внимательно разглядывать. Потом откинул голову и захохотал.

– Попались! Что ж, возможно, это стразы, но тем не менее они выглядят дорого. Мы найдем им применение в Париже.

– Мы собираемся в Париж?

– Ведь мы партнеры, не так ли? Помните старинную поговорку: когда одна дверь закрывается, другая открывается? Вместо сгоревшего города манит другой. Итак, во Францию, навстречу приключениям! Потом – в Италию, Ватикан, Австро-Венгрию, возможно, даже в Россию! Не забывайте, что вы еще должны вручить свои верительные грамоты московскому князю.

– Отлично, – сказал Сэрплас. – Но когда до этого дойдет, я сам буду выбирать модем.

Медленная жизнь

Наступила Вторая Космическая Эра. Гагарин, Шепард, Гленн и Армстронг – все мертвы. Теперь была наша очередь творить историю.

Из мемуаров Лиззи О'Брайен

Дождевая капля начала формироваться в девяноста километрах над поверхностью Титана. Первой была бесконечно малая пылинка толина, плавающая в холодной азотной атмосфере. Потом на этом затравочном ядре стал конденсироваться дианоацетилен, молекула за молекулой, пока не превратился в льдинку в облаке из миллиардов ей подобных.

Теперь путешествие вполне могло состояться.

Вышеупомянутой льдинке потребовался год, чтобы опуститься вниз, на двадцать пять километров. Там температура оказалась достаточно низкой, чтобы на ней начал конденсироваться этан. Но на этот раз все происходило гораздо быстрее. И льдинка снова стала снижаться.

На высоте сорока километров она попала в облако этана, где продолжала расти. Иногда она сталкивалась с другой каплей и удваивалась в размерах. Наконец она стала слишком большой, чтобы удержаться в слабых стратосферных потоках.

Она упала.

В падении она захватывала метан и скоро так увеличилась, что достигла предельной скорости – почти два метра в секунду.

На высоте в двадцать семь километров она прошла сквозь плотный слой метановых облаков, где собрала еще больше метана.

По мере того как сгущался воздух, скорость уменьшалась, и она, вследствие испарения, начала терять некоторую часть своей субстанции.

Когда до цели осталось два с половиной километра, капля изверглась из последнего слоя редких облаков, при этом она теряла массу с такой скоростью, что вряд ли смогла бы достигнуть почвы.

Однако она падала на экваториальные нагорья, где ледяные громады на пятьсот метров возвышались над землей, устремив к небу грозные вершины. Когда до земли осталось два метра, а скорость уменьшилась до одного метра в секунду, казалось, что еще миг – и капля ударится о поверхность.

Но тут две руки подхватили открытый пластиковый мешок и подставили под каплю.

– Есть! – ликующе объявила Лиззи О'Брайен, застегивая молнию мешка. Потом подняла его вверх, чтобы нашлемная камера смогла прочесть код в углу, подтверждая: «Одна капля», – и сунула мешок в ящик-коллектор для образцов.

Иногда какие-то, вроде бы незначительные, мелочи и делают вас самыми счастливыми. Кто-то потратит целый год, изучая эту крохотную капельку, которую Лиззи доставит домой. А ведь это был всего лишь мешок № 64, в ящике-коллекторе № 5. И Лиззи пробудет на поверхности Титана достаточно долго, чтобы набрать такое количество природного материала, которое произведет революцию в планетарной науке.

Сама мысль об этом наполняла ее радостью.

Лиззи опустила крышку ящика и принялась скользить по гранитно-твердому льду, разбрызгивая лужи и ручейки жидкого метана, стекавшие со склона горы.

– Я пою под дождем… – пропела она, вскинув руки и кружась. – Просто пою под дождем!

– Э-э… О'Брайен! – окликнул Алан Грин с «Климента». – Ты в порядке?

– Ля, соль, фа, ля, ля, соль, фа, ми… я… снова пою…

– Да оставь ты ее в покое, – добродушно посоветовала Консуэло Хонг. Она работала внизу, на равнине, где метан просто испарялся в воздух и почва была покрыта толстым слоем тягучего толина. Как говорила Консуэло, ощущение возникало такое, словно ты по щиколотку увязла в патоке.

– Неужели не можешь распознать новый научный метод, применяемый прямо у тебя на глазах?

– Ну… если ты так считаешь… – с сомнением протянул Алан. Сам он застрял на «Клименте»: нужно ведь было кому-то руководить экспедицией и сидеть в Интернете. Вроде бы довольно теплое местечко – не приходилось спать в костюме и существовать на оборотной воде и энергетических брикетах, но вряд ли коллеги подозревали, как ненавидел Алан свои обязанности.

– Что там дальше по расписанию? – осведомилась Лиззи.

– Ну… требуется выпустить робота-палтуса. Как двигаются дела, Хонг?

– Неплохо. Все идет по плану. Через пару часов думаю добраться до моря.

– Отлично; значит, О'Брайен самое время присоединиться к тебе на посадочном модуле. О'Брайен, надувай воздушный шар и проверяй подвесную систему по контрольному списку.

– Вас поняла.

– А пока ты этим занимаешься, я прослушаю голосовую почту из Интернета. Готовьтесь к сеансу связи.

Лиззи застонала, а Консуэло показала язык. В соответствии с политикой НАФТАСА астронавты участвовали во всех сеансах интернет-вещания. Официально – члены команды были счастливы поделиться своим опытом с простыми смертными. Но голосовой Интернет (Лиззи втайне считала его чем-то вроде ликбеза) вынуждал их общаться с людьми, у которых отсутствовали даже минимальные зачатки интеллекта, необходимые, чтобы управляться с клавиатурой.

– Ничего другого нам не остается, – проворчала Консуэло.

– Мы уже делали это раньше, – вставила Лиззи.

– Ладно. Вот первое сообщение.

– *Привет, это Клинок Ниндзя 43. Я все гадал, что это вы, парни, надеетесь там обнаружить.*

– Прекрасный вопрос, – соврал Алан. – Ответ таков: мы не знаем! Это путешествие первооткрывателей, и сейчас мы заняты тем, что называется «чистой наукой». Время от времени подобные исследования оказываются самыми рентабельными. Но так далеко мы не заглядываем. Просто надеемся найти что-то совершенно неожиданное.

– Господи, ну и ловок же, – пробормотала Лиззи.

– Стираю запись, – жизнерадостно объявил Алан. – Следующий.

– *Это Мэри Шредер из Соединенных Штатов. Преподаю английский в колледже и специально для моих студентов хочу узнать, какие отметки вы получали в их возрасте.*

– Боюсь, я был настоящим «ботаником», – начал Алан. – На втором курсе получил четверку по химии и запаниковал. Но потом отказался от пары факультативов, подтянулся и исправил оценку.

– Я успевала по всем предметам, кроме французской литературы, – прощебетала Консуэло.

– Меня едва не вытурили, – заявила Лиззи. – Учение давалось тяжело. Но потом я решила стать астронавтом, и все встало на свои места. Я поняла одно: черт возьми, это всего лишь упорный труд. И вот я здесь.

– Прекрасно. Спасибо, девочки. Третий вопрос. Поступил от Марии Васкес.

– *Есть ли жизнь на Титане?*

– Возможно, нет. Девяносто четыре градуса по шкале Кельвина – все равно что сто семьдесят девять по Цельсию или минус двести девяносто по Фаренгейту. И все же… жизнь штука

упрямая. Она существует во льдах Антарктиды и в кипящей воде подводных вулканических впадин. Поэтому мы и уделяем особое внимание изучению этано-метанового моря. Если где и можно найти жизнь, то именно там.

– Судя по химическому составу, условия здесь напоминают бескислородную атмосферу на Земле, где впервые зародилась жизнь, – добавила Консуэло. – Мы считаем, что такой предбиологический химический состав существует здесь уже четыре с половиной миллиарда лет. Для химика-органика вроде меня – это лучший ящик с игрушками во всей Вселенной. Но серьезную проблему представляет отсутствие тепла. Химические реакции, которые дома происходят быстро, здесь длятся тысячи лет. Трудно понять, как может зародиться жизнь в столь неблагоприятных условиях.

– Это будет очень медленная жизнь, – задумчиво протянула Лиззи. – Что-нибудь растительное. Обширнее любых империй и медленнее черепахи. Пройдут миллионы лет, прежде чем эта жизнь достигнет зрелости. Одна-единственная мысль может потребовать века…

– Спасибо за импровизацию, – поспешно вмешался Алан. Их начальство из НАФТАСА косо смотрело на любые предположения и домыслы. По его мнению, это было почти так же непрофессионально, как героизм.

– Следующий вопрос от Денни из Торонто.

– *Эй, парень, хочу сказать, что жутко завидую тебе. Оказаться в крохотном кораблике вместе с двумя горячими дамочками!*

Алан весело рассмеялся:

– Да, мисс Хонг и мисс О'Брайен на редкость привлекательные женщины. Но, к сожалению, мы так заняты, что на другое не хватает времени. Кроме того, пока я присматриваю за «Климентом», они находятся на поверхности Титана, в самом нижнем слое атмосферы, которая на шестьдесят процентов плотнее земной, и одеты в армированные скафандры. Даже появись у меня посторонние мысли, мы просто не могли бы…

– Эй, Алан, – окликнула Лиззи, – скажи мне кое-что.

– Я весь внимание…

– Что надето на тебе?

– Э… переключаемся на частный канал.

Полет на шаре, решила Лиззи, лучший способ путешествия. Передвигаться вместе с легким ветром, притом совершенно бесшумно. А вид! Просто потрясающий!

Люди много болтали о «мутной оранжевой атмосфере» Титана, но глаза быстро к ней привыкали. Стоило поднять

антенну на шлеме, и белые ледяные горы просто ошеломляли своей красотой! Метановые потоки вымыли загадочные руны по склонам. А на границе со слоем толина белое сияло радугой оранжевых, красных и желтых оттенков. И там происходило такое! Вряд ли она сможет досконально понять суть происходящего, даже через сотню посещений Титана.

Долины на первый взгляд казались более унылыми, но и в них таилось очарование. Правда, атмосфера была такой плотной, что отраженный свет делал горизонт как бы вогнутым. Но к этому быстро привыкаешь. Черные спирали и загадочные красные следы неизвестных процессов внизу, на поверхности, никогда не надоедали.

Лиззи увидела на горизонте темную полоску узкого моря Титана, если это можно назвать морем. Озеро Эри было крупнее, но земные спин-специалисты считали, что, поскольку Титан намного меньше Земли, здесь это может считаться морем. Лиззи имела собственное мнение, но она знала, в каких случаях следует держать рот на замке.

А вот и Консуэло. Лиззи переключила смотровое устройство на живое изображение. Самое время полюбоваться шоу.

– Поверить не могу, что я наконец здесь! – воскликнула Консуэло, позволяя туго обернутой рыбе соскользнуть с плеча на землю. – Пять километров не кажутся слишком уж большим расстоянием, если спускаешься с орбиты: как раз достаточно, чтобы оставить допуск на ошибку, иначе спускаемый аппарат может упасть в море. Но когда приходится одолевать все это пешком, через вязкий, липкий толин… чертовски утомительно, доложу я тебе.

– Консуэло, можешь сказать, каково там? – спросил Алан.

– Пересекаю берег. Теперь я на краю моря.

Девушка опустилась на колени и окунула руку в море.

– Знаешь, что это такое? Много-много толченого полурастаявшего льда во фруктовом сиропе. Почти наверняка смесь метана с аммиаком. Точнее мы узнаем, когда отправим образец в лабораторию. Однако довольно верный признак – эта штука растворяет толин на моей перчатке.

Консуэло встала.

– Можешь описать берег?

– Белый. Усыпан гранулами. Я могу разбрасывать их сапогом. Наверняка ледяной песок. Мне сначала собрать образцы или выпустить рыбу?

– Сначала рыбу, – потребовала Лиззи почти одновременно с Аланом. – Давай.

– Ладно.

Консуэло тщательно очистила в море обе перчатки, схватилась за язычок молнии на обертке и потянула. Пластик распался на две половины. Консуэло неуклюже высвободила рыбу, подняла за две боковые ручки и зашла вместе с ней в темную слякоть.

– Ну вот, я стою в море. Оно мне по щиколотку. А сейчас по колено. Думаю, здесь достаточно глубоко.

Она опустила рыбу.

– Включаю.

Палтус, созданный в «Мицубиси», вильнул хвостом, как живой, одним гибким движением рванулся вперед, нырнул и исчез.

Лиззи переключилась на камеру рыбы.

Черная жидкость мелькала мимо инфракрасных глаз палтуса. Рыба плыла по прямой от самого берега, не видя ничего, кроме пылинок парафина, льда и других взвешенных частиц, всплывавших перед ней и уносимых ее яростным натиском. Пролетев сто метров, палтус выдал радарный импульс, отразившийся от поверхности, и ушел на глубину.

Лиззи, плавно покачивавшаяся в своей подвесной системе, зевнула.

Через минуту точнейшая японская кибернетика взяла крошечный образец аммиачной воды, пропустила через остроумно вмонтированную внутреннюю лабораторию и выпустила со стороны хвоста отработанный продукт.

– Мы на двадцати метрах, – объявила Консуэло. – Пора брать второй образец.

Палтус был приспособлен к забору сотен анализов, но располагал объемом только для двадцати образцов, которые мог доставить обратно. Первый был взят с поверхности. Теперь палтус извернулся и глотнул пять граммов жидкости во всей ее потрясающей загрязненности. Для Лиззи это была живая наука. Донельзя наглядная. Не слишком драматичная, но невыразимо волнующая.

И тем не менее она зевнула.

– О'Брайен! – окликнул ее Алан. – Когда ты в последний раз спала?

– Что? А… двадцать часов назад. Не беспокойся за меня, я в порядке.

– Иди спать. Это приказ.

– Но…

– Сейчас же.

К счастью, скафандр был достаточно удобен для сна. Собственно говоря, он был специально для сна приспособлен.

Сначала она вытащила руки из рукавов. Потом подтянула ноги под подбородок и крепко обхватила себя.

– Спокойной ночи, приятели.

– Buenas noches, querida, – пожелала Консуэло, – приятных тебе снов.

– Спи крепко, космическая путешественница.

Едва она закрыла глаза, тьма стала такой абсолютной, что, казалось, перебирает по телу мохнатыми лапками. Чернота, чернота, чернота. Во мраке вспыхивали фантомные огоньки, образуя линии, ускользая, когда она пыталась их разглядеть. Такие же верткие, как рыба, светящиеся, слабее слабого, и стоило только присмотреться, как они исчезали.

Мириады мыслей-мыслишек серебряными чешуйками пронизывали мозг и таяли.

Что-то звонило – тихо, глубоко. Колокол затонувшей часовой башни терпеливо отбивал полночь.

Лиззи начинала приходить в себя.

Там, внизу, то место, где должна быть почва. И растут невидимые цветы. А наверху должно быть небо, если таковое действительно есть. Там тоже плавают цветы.

В глубине подводного города ее охватило невероятно огромное и безмятежное осознание себя самой. Вихрь незнакомых ощущений пронесся сквозь разум, а потом…

– Ты – это я? – спросил нежный голос.

– Нет, – осторожно ответила она, – не думаю.

Крайнее удивление.

– Ты – это не я?

– Совершенно верно.

– Почему?

Подходящего ответа у нее не нашлось, поэтому она вернулась к началу беседы и воскресила в памяти каждое слово, пытаясь пустить разговор по другому руслу. Только затем, чтобы снова наткнуться на это «почему».

– Не знаю почему, – выговорила наконец Лиззи.

– Почему?

– Не знаю.

Она снова и снова шла по кругу, путаясь в этом сне, как в сетке…

Когда она проснулась, опять шел дождь, только на этот раз – морось чистого метана, брызгавшая из нижнего облачного слоя, в пятнадцати километрах от поверхности. Согласно теории, эти

облака были метановым конденсатом, образовавшимся из влажного воздуха над морем. Дождь падал на горы, очищая их от толина. Именно метан разъедал лед, придавая ему причудливые формы, вымывая пещеры и овраги.

На Титане больше видов дождя, чем где бы то ни было в Солнечной системе.

Пока Лиззи спала, море подобралось ближе. Теперь оно загибалось вверх с обоих концов горизонта, словно гигантская улыбка. Пора начинать спуск. Проверив систему креплений, она включила камеру, чтобы посмотреть, что делают остальные.

Рыба-робот спиралью уходила вниз, в мрачное море, в поисках далекого дна. Консуэло снова преодолевала вязкий слой толина, пустившись в обратный путь, туда, где находился спускаемый аппарат «Гарри Стаббс». Алан отвечал на очередной поток вопросов.

– Модель эволюции Титана показывает, что Луна образует вокруг планеты облако, состоящее из аммиака и метана, которые потом конденсируются. То же самое происходит на Сатурне и других спутниках. Состояние нижних слоев…

– Э… Алан…

Алан остановился.

– Черт побери, О'Брайен, теперь мне придется начинать заново!

– Добро пожаловать в мир живых, – перебила Консуэло. – Тебе стоит прочитать показания, полученные с робота-рыбы. Куча длинно-цепочных полимеров, фракций с нечетным числом электронов… тонны самых интересных вещей.

– Ребята…

На этот раз Алан уловил что-то неладное в голосе Лиззи.

– Что с тобой, О'Брайен?

– По-моему, система креплений отказала.

Лиззи никогда не думала, что несчастье может быть такой занудной штукой. Первым делом последовало многочасовое совещание с инженерами НАФТАСА. Каково положение веревки № 14? Попытайтесь потянуть за веревку № 8. Не случилось ли чего с кольцами?

Работа шла медленно, потому что требовалось немало времени для приема и передачи сообщений с Земли и обратно. А Алан настаивал на том, чтобы заполнять перерывы голосовой интернет-почтой. С каждой минутой история Лиззи приобретала все более широкую известность, и каждый безработный неудачник на Земле считал своим долгом сунуться с очередным мудрым предложением.

– Я Тезгемот 337. Если у вас есть ружье и вы сможете выстрелить в шар, он сдуется и вы сумеете спуститься вниз.

– У меня нет ружья, да и выстрел просто разнесет шар в клочья. Я в восьмистах метрах над поверхностью, подо мной море, а мой костюм не приспособлен для плавания. Следующий.

– Если у вас имеется здоровенный нож…

– Довольно! Иисусе, Алан, это лучшее из того, что ты смог отыскать? От органиков ничего не слышно?

– Только сейчас поступил их предварительный анализ, – сообщил Алан. – Единственное, что они могут предположить, – и я отбрасываю при этом кучу всякой чепухи, – тот дождь, под который ты попала, состоял не из чистого метана.

– Да что ты говоришь, Шерлок?!

– Они считают также, что тот белый осадок, который ты видишь на кольцах и веревках, – это и есть причина. Правда, они никак не могут прийти к соглашению, что это за штука, но думают, что какое-то вещество вступило в реакцию с тканью твоего шара и наглухо забило панель управления.

– А мне казалось, это совершенно нереактивная среда.

– Так оно и есть. Но шар впитывает тепло, идущее от выпускных клапанов твоего скафандра. Воздух в нем на несколько градусов выше точки таяния льда. Здесь, на Титане, это эквивалентно плавильной печи. Достаточно энергии, чтобы вызвать ряд самых необычных реакций. Кстати, ты не перестала дергать за веревку воздушного клапана?

– И сейчас дергаю. Когда начинает болеть одна рука, действую другой.

– Молодец. Я знаю, как ты устала.

– Погоди пока с голосовой почтой, – предложила Консуэло, – и посмотри на результаты, которые мы получили с рыбы.

Лиззи последовала ее совету и, согласно их ожиданиям, на некоторое время отвлеклась. В воде было куда больше этана и пропана, чем предсказывали модели, зато на удивление мало метана. Смесь фракций тоже оказалась ни на что не похожа. Ее познания в области химии как раз позволяли оценить важность собранных данных, но для научных обобщений их не хватало.

По-прежнему дергая за веревки в той последовательности, которую предложили инженеры из Торонто, Лиззи просматривала схему углеводородов, растворенных в озере.

Этин… Пропин… Бутадиен… Нитрилметан… И цифры, цифры…

Немного погодя упорный и абсолютно бессмысленный труд вместе с осознанием того факта, что ее несет все дальше и

дальше над унылым морем, начали действовать на нервы. Столбцы цифр сперва потеряли смысл, а потом и вовсе расплылись.

Нитрилпропан… Нитрилпропен… Нитрилпропилен…

Она и не заметила, как снова заснула.

…И очутилась в неосвещенном здании, где пришлось подниматься по нескончаемой лестнице, пролет за пролетом. Правда, вместе с ней шли и другие люди. Пока она бежала по ступенькам, они сталкивались с Лиззи, взлетали вверх или молча проходили мимо.

Ее пробирал озноб.

Она смутно помнила, как внизу находилась в каминном зале, где царила удушливая жара. Здесь куда холоднее. Она почти замерзла.

Лиззи обнаружила, что замедлила шаг. Определенно, здесь страшный холод. До чего же неприятно.

Мышцы ног саднило. Воздух, казалось, тоже сгущался. Теперь женщина едва могла двигаться.

Она поняла, что слишком удалилась от камина. Чем выше она поднимается, тем меньше тепла остается, и энергия, переходящая в движение, постепенно иссякает. Что же, вполне естественно.

Шаг. Пауза.

Шаг. Пауза подлиннее.

Остановка.

Люди вокруг нее тоже постепенно останавливаются. Ее вдруг коснулся ветер, холоднее самого льда, и Лиззи без всякого удивления поняла: они добрались до верхней площадки и сейчас стоят на крыше здания. Здесь царил такой же мрак, что и внутри. Она посмотрела наверх и ничего не увидела.

– Горизонты. Абсолютно непостижимо, – пробормотал кто-то рядом с ней.

– Ничего подобного. Нужно только привыкнуть, – ответила она.

– Вверх и вниз – это и есть ценности?

– Необязательно.

– Движение. Что за восхитительное понятие.

– Нам нравится.

– Значит, вы и есть я?

– Нет.

– Почему?

Она пыталась найти ответ, когда кто-то ахнул. Высоко в беззвездном однообразном небе просиял свет. По толпе, собравшейся на крыше, пробежал шелест молчаливого страха.

Свет становился все ярче. Она чувствовала исходящий от него жар, не сильный, но вполне определенный, как тепло отдаленного солнца. Но окружающие застыли от ужаса. Более пугающим, чем неожиданный свет, появление которого казалось невозможным, стало возникновение тепла. Такого просто не могло быть. И все же было.

Она, вместе с остальными, ждала и высматривала что-то… сама не зная, что именно. Свет медленно перемещался по небу, узкий, слепящий, уродливый.

И тут свет *пронзительно завопил.*

Лиззи проснулась.

– Вот это да! – хмыкнула она. – Я только что видела совершенно фантастический сон!

– Да ну? – небрежно бросил Алан.

– Точно. В небе появился свет… как ядерная бомба или что-то в этом роде. То есть на ядерную бомбу он не походил, но был таким же страшным. Все уставились на него. Мы не могли пошевелиться. А потом… – Она покачала головой. – Потом… не помню. Просто все это было так странно! Не могу объяснить.

– Ну и не надо! – весело заметила Консуэло. – Зато мы получили потрясающие показания с морского дна. Фракционированные полимеры, углеводороды с длинными цепочками… сказочный материал! Жаль, что ты заснула и ничего не видела!

Но Лиззи уже было не до сна, а реальность ее совсем не радовала.

– Насколько я понимаю, это означает, что ни у кого не возникло гениальных идей относительно моего избавления.

– Гм…

– Если бы они возникли, ты не была бы так чертовски жизнерадостна.

– Похоже, кто-то встал с левой ноги, – вмешался Алан.

– Прости, – откликнулась Консуэло. – Я просто пыталась…

– …отвлечь меня. Ладно, все в порядке. Какая разница, буду вам подыгрывать.

Лиззи постаралась взять себя в руки.

– Стало быть, твои открытия означают… что? Жизнь?

– Сколько раз вам повторять: еще слишком рано делать выводы. Пока мы имеем только очень, очень интересные результаты.

– Поведай ей великие новости, – посоветовал Алан.

– Крепись, Лиззи, у нас есть всамделишный океан. Не просто крохотное, жалкое озерко размерами двести на пятьдесят миль,

которое мы называли морем, а целый океан! Гидроакустические данные позволяют с уверенностью предположить: то, что мы видим, – это всего лишь котловина-испаритель поверх ледяного поля тридцатикилометровой толщины. Настоящий океан лежит под ним, на глубине двести километров.

– Иисусе, – ахнула Лиззи, с трудом приходя в себя. – То есть здорово! Существует какой-то способ запустить туда рыбу-робота?

– А как, по-твоему, мы получили эти данные? Рыба прямо сейчас направляется туда. В самом центре видимого моря есть нечто вроде отвесной полой трубы, откуда жидкость и поступает на поверхность. А прямо под дырой… угадай что? Вулканические впадины!

– Означает ли это…

– Если опять скажешь слово «жизнь», я начну плеваться, – предупредила Консуэло.

Лиззи ухмыльнулась.

– Как насчет приливных замеров? Я думала, что отсутствие орбитальных пертурбаций полностью исключает возможность обнаружения всякого океана.

– Ну… Торонто считает…

Сначала Лиззи сумела следовать ходу рассуждений планетарных геологов из Торонто. Потом отвлеклась. Речь Консуэло превратилась в отдаленное жужжание. И, уже уплывая в сон, она с раскаянием сообразила, что не должна постоянно клевать носом в такое время. И чувствовать себя смертельно усталой. Она…

Она снова оказалась в поглощенном водой городе. И хотя по-прежнему ничего не видела, поняла: это город, потому что до нее доносились вопли хулиганов, крушивших витрины магазинов. Потом голоса поднялись октавой выше, превратившись в несвязный вой, но тут же упали до злобного бормотания, словно по улицам пронесся буйный водяной вал. Лиззи попятилась в тень.

Кто-то сказал ей на ухо:

– Почему ты сделала с нами такое?

– Я ничего вам не делала.

– Ты принесла нам знание.

– Какое знание?

– Сказала, что ты – это не мы.

– Но это правда.

– Тебе не следовало говорить нам этого.

– Хотели, чтобы я солгала?

Испуганное смятение.

– Обман. Что за отвратительная мысль!

Шум погромов становился все сильнее. Кто-то рубил дверь топором. Взрывы. Звон стекла. Безумный смех. Визг.

– Зачем ты отправила посла?

– Какого посла?

– Звезду! Звезду! Звезду!

– Какую звезду?

– А есть две звезды?

– Существуют миллиарды звезд.

– Не нужно больше! Пожалуйста! Прекрати! Больше не нужно!

Она проснулась.

– Привет, да, я понимаю, что молодая леди попала в чрезвычайно опасную ситуацию, но не думаю, что ей следовало бы употреблять имя Господа всуе.

– Алан, – не выдержала Лиззи, – мы в самом деле должны это выслушивать?

– Ну… учитывая те миллиарды долларов, которые внесли налогоплательщики, чтобы мы оказались здесь… да. Именно. Я даже знаю нескольких астронавтов из резерва, которые поклялись бы, что возня с чересчур эмоциональной голосовой почтой – достаточно малая цена за привилегию работать на Титане.

– О черт!

– Переключаюсь на частный канал, – спокойно объявил Алан.

Фоновое излучение незаметно изменилось. Слабое сухое потрескивание немедленно ушло, когда она попыталась на нем сосредоточиться.

– О'Брайен, какого дьявола с тобой творится? – напряженным от сдержанного гнева голосом осведомился Алан.

– Слушай, мне очень жаль. Извини. Просто немного взволнована. Я надолго отключалась? Где Консуэло? Я намереваюсь сказать слово «жизнь». И слово «разумная» тоже.

– Прошло несколько часов. Консуэло спит. О'Брайен, мне неприятно говорить это, но, судя по всему, ты немного не в себе.

– На то имеется логическая причина. Да, признаю, звучит немного странновато, и тебе может показаться не совсем логичным, но… послушай, я вижу сны с продолжением. И думаю, они очень важны. Можно, я тебе расскажу?

И она принялась излагать. Во всех подробностях. А когда добралась до конца, последовало долгое молчание. Наконец Алан спросил:

– Слушай, Лиззи, почему оно общается с тобой во снах?

– Думаю, по-другому просто нельзя. Таким же образом оно,

наверное, общается и внутри себя. И не двигается: движение для него – чуждая, хотя и восхитительная концепция. Кроме того, оно, вероятно, не подозревает, что его составные части способны к индивидуализации. Мне это кажется чем-то вроде передачи мыслей. Радиосети.

– В твоем костюме есть аптечка. Открой ее. Поищи пузырек, на котором шрифтом Брайля нанесена цифра 27.

– Алан, мне совершенно ни к чему антидепрессанты!

– Я и не говорю, что они тебе нужны. Но хуже не будет.

Ну вот, Алан в своем репертуаре. Вкрадчив, невероятно убедителен, уговаривает ангельским тоном.

– Хорошо.

Она выпростала руку из рукава скафандра, на ощупь поискала аптечку, осторожно вынула таблетку, проверив шифр четыре раза (на каждой таблетке тоже была выдавлена цифра), прежде чем проглотить.

– А теперь, может, послушаешь? Я вполне серьезно…

Лиззи зевнула.

– Я действительно думаю, что…

Она снова зевнула.

– Что…

– Да брось!

«Ну вот, опять в пропасть», – подумала Лиззи, прежде чем провалиться в море мрака. Правда, на этот раз она кое в чем разобралась. Город считался подводным, потому что находился на дне темного океана. Он был живой и согревался вулканическим теплом. Поэтому и учитывал иерархические ценности по верхней и нижней шкалам. Наверху все было холоднее, медленнее, более вяло. Внизу – жарче, быстрее, насыщено мыслями. Город/организм представлял собой коллективную форму жизни, как португальский военный корабль или управляющая Сеть с гигантским разветвлением связей. Все общение в его пределах происходило посредством какой-то формы электромагнетизма. Допустим, ментальное радио. Точно так же организм общался и с ней.

– Думаю, теперь я понимаю вас.

– Не понимай. Беги!

Кто-то нетерпеливо стиснул ее локоть и потащил за собой, все ускоряя темп. Она ничего не видела. Как будто мчалась в полночь по неосвещенному подземному туннелю длиной в сто миль. Под ногами хрустело стекло. Почва была неровной, и Лиззи иногда спотыкалась, но невидимый спутник снова и снова рывком поднимал ее на ноги.

– Почему ты так медленно двигаешься?

– Медленно?

– Очень.

– А почему мы бежим?

– Нас преследуют.

Они внезапно свернули в боковой проход и поковыляли по острым булыжникам. Где-то выли сирены. Что-то рушилось. Толпа наступала.

– Да уж, вы весьма своевременно усвоили смысл движения.

Нетерпеливо:

– Это всего лишь метафора. Надеюсь, ты не думаешь, что это *настоящий* город? Почему ты такая несообразительная? Почему с тобой так трудно общаться? Почему ты такая медлительная?

– Я этого не замечала.

С нескрываемой иронией:

– Поверь, так оно и есть.

– Что мне делать?

– Бежать!

Смех и улюлюканье.

Сначала Лиззи спутала звуки с грохотом уличных буйств. Потом узнала голоса Алана и Консуэло.

– Сколько я пробыла в отключке? – спросила она.

– А ты была в отключке?

– Не больше минуты-двух, – сообщил Алан. – Это неважно. Посмотри видеокадры, только что переданные роботом-рыбой.

Консуэло увеличила изображение. Лиззи тихо ахнула.

Это было поразительно. Прекрасно, как прекрасны великие европейские соборы. Сооружение было длинным, тонким, желобчатым, с контрфорсами. Оно выросло вокруг вулканической впадины и имело придонные отверстия, через которые морская вода сначала поступала, а затем поднималась наверх, вслед за нарастающей жарой. Некоторые каналы вели наружу, а потом, извиваясь, снова входили в основной корпус. Конструкция казалась невозможно высокой, хотя, разумеется, находилась под водой и при этом в условиях низкого тяготения, она состояла из сложно-слоистых скоплений труб, напоминающих конструкцию органа или глубоководных, любовно переплетенных червей. Она обладала элегантностью дизайна, присущей живому организму.

– Ну и ну. Консуэло, теперь-то ты признаешь…

– Могу говорить только о «сложной добиологической химии». Все остальное может подождать до получения более точных сведений.

Несмотря на сдержанность слов, в голосе Консуэло звенело торжество, яснее ясного говорившее, что теперь она с

радостью умрет прямо здесь. Истинно счастливый ксенохимик.

Алан, почти так же взбудораженный, добавил:

– Смотри, что начинается, когда мы усиливаем четкость.

Сооружение превратилось из серого в радугу пастельных тонов: розовый переходил в коралловый, солнечно-желтый – в голубизну зимнего льда.

– Как красиво!

На какое-то мгновение даже собственная смерть показалась почти незначительной.

И с этой мыслью она снова погрузилась в сон. Упала во тьму, в шумный гомон разума.

Это был настоящий ад. Город исчез, сменившись матрицей шума: стук молотов, звяканье, неожиданный грохот. Она шагнула вперед и оказалась в вертикальной стальной трубе. Отшатнулась и, спотыкаясь, вошла в другую. Где-то поблизости заработал двигатель: гигантские рычаги шумно клацали, перемалывая что-то, издававшее скрежет металла. Под ногами дрожал пол. Лиззи решила, что умнее всего будет остаться на месте.

Знакомое присутствие проникло в ее отчаяние.

– Почему ты сделала это со мной?

– Что я сделала?

– Я привык быть всем.

Поблизости словно начал работать отбойный молоток. У Лиззи разболелась голова. Приходилось кричать, чтобы ее услышали.

– Ты по-прежнему что-то.

Спокойно:

– Я ничто.

– Это… это неправда! Ты… здесь! Ты… существуешь! Это… уже что-то.

Мировая скорбь:

– Ложное утешение. Что за бессмысленное понятие!

Она снова обрела сознание.

И услышала обрывок фразы Консуэло:

– …не понравится.

– Наши медики утверждают, что это будет наилучшим решением для нее.

– О, пожалуйста!

Алан, должно быть, самый сдержанный тип из всех ее знакомых. Консуэло – самая флегматичная. Видимо, случилось что-то невероятное, если между ними возникла перепалка.

– Э… ребята, – окликнула их Лиззи. – Я проснулась.

Последовало минутное молчание, совсем как в детстве, когда она врывалась в комнату во время ссоры родителей. Потом Консуэло чересчур весело сказала:

– Эй, хорошо, что ты вернулась!

А Алан добавил:

– НАФТАСА хочет, чтобы ты кое с кем потолковала. Не отключайся. Я подготовил запись первой передачи.

В наушниках возник женский голос:

– *Это доктор Элма Розенблюм. Элизабет, я бы хотела поговорить с вами о том, что вы сейчас испытываете. Понимаю, что расстояние между Землей и Титаном несколько затрудняет нашу беседу, но уверена, что вместе мы это преодолеем.*

– Что это за чушь? – рассердилась Лиззи. – И кто эта женщина?

– НАФТАСА считает, что тебе могло бы помочь…

– Она психотерапевт, верно?

– Транзиторный терапевт. Лечит резкие перепады настроений, – поправил Алан.

– Я ничего не желаю слушать об этой трогательно-деликатно-чувствительной… – Она хотела сказать «бредятине», но вовремя опомнилась и закончила: – Материи. Так или иначе, к чему вся эта спешка? Вы, ребята, еще не поставили на мне крест?

– Что ты несешь!

– Ты проспала много часов, – пояснила Консуэло. – В твое отсутствие мы провели небольшое моделирование погоды. Может, хочешь послушать?

Она передала информацию на костюм Лиззи, а та переправила ее на свой дисплей. Примитивная модель показала озеро-испаритель, над которым болталась Лиззи, вместе с температурным графиком жидкости. Оказалось, что та всего на несколько градусов теплее воздуха, но и этого было достаточно, чтобы создать сильный восходящий поток из центра озера. Схема из крохотных голубых стрелок показывала направление локальных микротоков воздуха, сходящихся вместе, чтобы образовать спиральную колонну, поднимающуюся более чем на два километра над поверхностью, прежде чем рассеяться и распространиться в западном направлении.

Небольшая звездочка в восьмистах метрах над озером обозначала Лиззи. Маленькие красные стрелки показывали ее возможный дрейф.

Согласно схеме она должна вращаться и вращаться по кругу до бесконечности. Оснастка воздушного шара не позволяла подняться настолько высоко, чтобы порыв ветра подхватил Лиззи и отнес к земле. Костюм не был приспособлен для плавания. Даже

если она сумеет совершить мягкую посадку на воду, то камнем пойдет ко дну. Правда, не утонет. Но и не доберется до берега.

И все это означало, что она умрет.

Невольные слезы брызнули из глаз Лиззи. Она пыталась их сморгнуть, злясь на себя.

– Боже, не дай мне умереть так!!! Только не из-за моего собственного невежества!

– Никто ничего и не говорил о некомпетентности… – начал Алан успокаивающе.

В этот момент прибыло дополнительное сообщение от доктора Элмы Розенблюм.

– *Элизабет, я специалист по моральной поддержке. Вы столкнулись с эмоционально значительной вехой в своей жизни, и очень важно, чтобы вы это поняли и приняли. Такова моя работа. И чтобы понять всю значительность и необходимость и… да… даже красоту смерти.*

– Частный канал, пожалуйста.

Лиззи несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. Потом, уже сдержаннее, добавила:

– Алан, я католичка, ясно? И если должна умереть, мне не нужен специалист по моральной поддержке. Мне необходим чертов священник!

Она вдруг зевнула:

– О господи! Только не это!

И тут же зевнула еще дважды.

– Священник, ясно? Разбуди меня, когда он будет на связи.

Она снова стояла на дне своего разума, в унылых пространствах, где раньше стоял затонувший город. И хотя ничего не видела, была твердо уверена, что находится в центре гигантской безликой равнины, такой большой, что можно шагать по ней целую вечность и так ни до чего не добраться. А может, это всего лишь временное успокоение.

Бескрайнее напряженное молчание окутывало ее.

– Привет? – робко сказала она. Слово отдалось безмолвным эхом: небытие в небытии.

Наконец мелодичный голос ответил:

– Ты кажешься иной.

– Мне предстоит умереть, – пояснила Лиззи. – Осознание этого изменяет личность.

Земля была покрыта мягким пеплом, словно здесь недавно бушевал всепожирающий пожар. Она не хотела думать о том, что здесь пылало. Запах гари до сих пор наполнял ее ноздри.

– Смерть. Мы осознали это понятие.

– Правда?

– С тех пор, как ты дала его нам.

– Я?

– Ты дала нам понятие индивидуальности. Это одно и то же.

И тут до нее дошло.

– Культурный шок! Дело именно в этом, верно? Вы не знали о возможности существования более чем одного сознания. Не знали, что жили на дне океана – во Вселенной с миллиардами галактик. Я принесла вам больше информации, чем вы могли проглотить в один прием, и вы поперхнулись.

Скорбно:

– Поперхнулись. Что за гротескное понятие!

– Проснись, Лиззи!

Она проснулась.

– Похоже, я начинаю куда-то двигаться, – объявила она. И рассмеялась.

– О'Брайен, – осторожно начал Алан, – почему ты смеешься?

– Потому что никуда я не двигаюсь. Только вращаюсь и вращаюсь по окружности. Причем очень медленно. И кислорода у меня осталось…

Она проверила приборы.

– …на двадцать часов. И никто меня не спасет. Я умру. Но если не считать этого, я делаю огромные успехи.

– О'Брайен, ты…

– Я в порядке, Алан. Немного измучена. Может, чересчур эмоциональна и от этого откровенна. Но, учитывая обстоятельства, думаю, это позволено?

– Лиззи, священник на связи. Отец Лаферье. Архиепископ Монреальский договорился с ним.

– Монреаль? Почему Монреаль? Нет, не объясняй: очередной политический ход НАФТАСА, так?

– Видишь ли, мой шурин тоже католик, вот я и спросил его, к кому лучше обратиться.

Лиззи чуть помедлила.

– Прости, Алан. Не знаю, что на меня нашло.

– На тебя столько всего свалилось… ладно, слушай.

– *Здравствуйте, мисс О'Брайен, я отец Лаферье. Связался со здешним начальством, и оно пообещало, что мы поговорим конфиденциально и никто не будет записывать беседу. Так что если хотите исповедаться, я готов.*

Лиззи проверила спецификации и переключилась на частный канал. Лучше не вдаваться в лишние подробности. Она просто перечислит грехи по категориям.

– Простите, отец мой, ибо я согрешила. Прошло два месяца со дня моей последней исповеди. Мне предстоит умереть, и, может, поэтому я не совсем здраво мыслю, но, кажется, я вступила в контакт с инопланетным разумом. Думаю, будет ужасным грехом притвориться, будто это не так.

Она немного помолчала.

– То есть не знаю, грех это или нет, но уж точно нехорошо.

Она снова помолчала.

– Я виновна в гневе и гордыне, зависти и похоти. Я принесла понимание смерти в неведающий этого мир. Я…

Она почувствовала, что снова засыпает, и поспешно добавила:

– В этих и других прегрешениях я каюсь и от всего сердца прошу прощения у Господа, и отпущения, и…

– И что?

Снова мелодичный голос. Она опять очутилась в странном темном ментальном пространстве, спящая, но в сознании, мыслящая, но готовая принять любой вздор, неважно, каким бы он ни был объемным. Не было ни городов, ни башен, ни пепла, ни равнин. Ничего, кроме отрицания отрицания.

Не дождавшись ответа на вопрос, голос сказал:

– Это имеет какое-то отношение к твоей смерти?

– Да.

– Я тоже умираю.

– Что?

– Половины наших уже нет. Остальные вот-вот последуют за ними. Мы считали себя единым существом. Ты показала, что это не так. Мы считали себя всем. Ты показала нам Вселенную.

– И поэтому вы должны умереть?

– Да.

– Почему?

– А почему нет?

Лиззи обнаружила, что способна мыслить так же быстро и уверенно, как в обычной жизни.

– Позволь мне показать кое-что.

– Зачем?

– А почему нет?

Собрав все свои мыслительные способности, Лиззи вернулась к тому моменту, когда впервые увидела на камере рыбы город/организм. Его возвышенное величие. Хрупкую грацию. И переливы цвета, как рассветные лучи, падающие на сверкающее ледяное поле: гармоничные, сливающиеся, совершенные. Она вызвала в памяти эмоции, испытанные в тот момент, и добавила к ним свои ощущения в минуту рождения младшего брата, шелест

холодного ветра в легких, когда она добрела до вершины своей первой горы, чудо Тадж-Махала на закате, вид призматического полумесяца атмосферы на краю Земли, когда смотришь на нее с низкой орбиты…

Все, что у нее было, она вложила в эту картину.

– Вот так вы выглядите, – объяснила она. – Это то, чего мы оба лишимся, если вас не станет.

– О! – выдохнул мелодичный голос.

И она снова оказалась в своем костюме. В нос ударил запах ее пота, обостренный страхом. Она ощущала свое тело и легкую боль в тех местах, где на него давили веревки подвесной системы, тяжесть в ногах, к которым прилила кровь. Все было кристально ясно и абсолютно реально. Все, что случилось раньше, казалось дурным сном.

– Это Пес Сета. Какое чудесное открытие вы сделали! Разумная жизнь в нашей Солнечной системе! Почему правительство пытается это скрыть?

– Э…

– Я Джозеф Деври. Этот инопланетный монстр должен быть немедленно уничтожен!

– Привет, это Педро Домингес. Как адвокат, должен сказать: я считаю величайшим оскорблением то, что НАФТАСА не сообщает никакой информации!

– Алан! – завопила Лиззи. – Какого хрена тут творится?

– Сценаристы, – пояснил Алан странным извиняющимся и одновременно раздраженным тоном. – Они подключились к каналу, услышали твою исповедь, а ты, очевидно, сказала что-то такое…

– Прости, Лиззи, – поддакнула Консуэло. – Нам и вправду очень жаль. Может, тебе послужит некоторым утешением, что архиепископ Монреальский вне себя от злости. Грозится подать в суд.

– В суд? Да на кой мне все это…

Лиззи осеклась.

Рука сама собой поднялась и схватила веревку № 10.

«Не делай этого», – подумала она.

Другая рука протянулась вбок и сжала веревку № 9. Лиззи и этого не собиралась делать. Когда же она попыталась отнять руку, та отказалась повиноваться. Потом первая рука (правая) продвинулась вверх на несколько дюймов и мертвой хваткой вцепилась в веревку. Левая тоже скользнула вверх на добрых полфута.

Дюйм за дюймом, рука над рукой, она поднималась к шару в полной уверенности, что окончательно спятила.

Теперь правая рука стискивала панель управления, а другая легко держала веревку № 8. Без всякого усилия повиснув на них, она вскинула ноги. Потом прижала колени к груди и выбросила ноги вперед.

Нет!!!

Ткань лопнула, и она начала падать.

Едва различимый голос шепнул на ухо:

– Не беспокойся, мы спустим тебя вниз.

Охваченная паникой, она схватилась за веревки № 9 и № 4. Но они вяло обвисли в ее пальцах, совершенно бесполезные при падении с такой скоростью.

– Потерпи.

– Я не хочу умирать, черт возьми!

– Тогда не умирай.

Она беспомощно летела вниз. Ощущение было страшноватым: бесконечный бросок в белизну, несколько замедленный путаницей веревок и рваным шаром, тащившимся за ней. Она растопырила ноги и руки, превратившись в подобие морской звезды, и сопротивление воздуха еще больше замедлило падение, но все равно море с возмутительной скоростью надвигалось на нее. Ей казалось, что это длится вечность.

Все было кончено за одно мгновение.

Лиззи таким же непроизвольным толчком освободилась от шара и креплений, сдвинула ноги, вытянула ступни и расположилась перпендикулярно поверхности Титана. И в такой позе пробила верхний слой жидкости, послав во все стороны огромные фонтаны. От удара она на миг потеряла сознание. Внутри взорвалась багровая боль. Лиззи подумала, что, вполне возможно, сломала несколько ребер.

– Ты многому научила нас, – сказал мелодичный голос. – И так много дала.

– Помогите мне!

Вокруг сомкнулась темная вода. Свет стал меркнуть.

– Множественность. Движение. Ты показала нам Вселенную, бесконечно бóльшую, чем ту, которую мы знали.

– Послушайте, спасите меня и считайте, что мы квиты. Идет?

– Благодарность. Какое необходимое понятие!

– Несомненно!

И тут она заметила палтуса, плывущего к ней в кипении серебряных пузырьков. Лиззи протянула руки, и рыба послушно пошла к ней. Ее пальцы сомкнулись вокруг ручек, которыми воспользовалась Консуэло, чтобы запустить прибор в

море. Последовал рывок, такой резкий, что Лиззи показалось, будто руки выломало из суставов. Но робот тут же ринулся вперед и вверх, и ей только и оставалось, что держаться за ручки.

– О господи! – неожиданно для себя крикнула она.

– Мы надеемся, что сумеем довести тебя до берега. Но это будет нелегко.

Лиззи судорожно цеплялась за ручки. Потом ухитрилась подтянуться так, что почти оседлала механическую рыбу, и уверенность в себе вернулась. Она доплывет! В конце концов, это не труднее, чем в тот раз, когда она с температурой участвовала в соревнованиях по гимнастике и выступила на брусьях и коне. Все дело лишь в решимости и упорстве. Ей просто нужно сохранять самообладание.

– Послушайте, – начала она, – если вы действительно благодарны…

– Да.

– Мы дали вам все эти новые понятия. Но должно же быть то, что вы знаете, а мы – нет.

Короткое молчание, вмещающее в себя бездну мыслей.

– Некоторые наши понятия могут вызвать путаницу и непонимание.

Пауза.

– Но если говорить о перспективах, все будет в порядке. Шрамы исцелятся. Вы переустроитесь. Шансы на самоуничтожение пока что находятся вполне в приемлемых пределах.

– Самоуничтожение?

Несколько секунд Лиззи не могла дышать. Городу/организму потребовалось несколько часов на то, чтобы разобраться в чуждых понятиях, которые она на них вывалила. Человеческие существа думали и жили куда более медленными темпами. Сколько времени ушло бы у них, чтобы усвоить чужие понятия? Месяцы? Годы? Века? Эти создания говорили о шрамах и переустройстве. Звучало довольно зловеще.

Но тут рыба увеличила скорость, да так неожиданно, что Лиззи едва не выпустила ручки. Вокруг нее вихрились темные воды. Невидимые частицы замерзшей материи отскакивали от шлема. Она безудержно рассмеялась. И вдруг почувствовала себя просто потрясающе!

– Начинайте, – сказала она. – Я возьму все, что у вас есть.

Да, это будет та еще прогулка!

Хронолегион

Работа у Элинор Войт была весьма странной. Восемь часов в день она проводила в офисе, где не велось никаких дел. В ее обязанности входило сидеть за письменным столом и смотреть на дверь чулана. На столе имелась кнопка, которую следовало нажать, если из этой двери кто-то появится. Кроме того, на стене висели большие часы, и раз в смену, ровно в полдень, она подходила к двери и вставляла в скважину специально выданный ключ. Перед ней неизменно открывалась внутренность чулана. Ни потайных панелей, ни люков – она проверяла. Пустота. Чулан, в котором ничего нет.

Согласно инструкциям, Элинор, заметив что-то необычное, должна была вернуться к столу и нажать кнопку.

– Какого рода «необычное»? – допытывалась она, когда ее принимали на работу. – Не понимаю. Чего именно я дожидаюсь?

– Поймете, когда увидите, – коротко ответил мистер Тарблеко, выговаривая слова с сильнейшим акцентом. Мистер Тарблеко был ее нанимателем и, кажется, иностранцем, обладавшим крайне неприятной, если не сказать устрашающей, внешностью: белая рыхлая кожа, ни одного волоска на голове, так что, когда он снимал шляпу, сходство с грибом неизвестного сорта становилось прямо-таки поразительным. Маленькие заостренные ушки, как у зверька. Элли считала, что он, возможно, чем-то болен. Но он платил два доллара в час, что в те времена считалось неплохими деньгами, особенно для женщины ее возраста.

К вечеру ее сменял неухоженный молодой человек, признавшийся однажды, что он поэт. Когда же она входила утром в офис, из-за стола поднималась грузная негритянка, молча брала с вешалки пальто и шляпу и с невероятным достоинством плыла к выходу.

Итак, Элли сидела за столом и ничегошеньки не делала. Ей запрещалось читать книги из опасения, что она слишком увлечется и забудет посматривать на дверь. Разрешались кроссворды, поскольку не считались такими захватывающими. Зато она связала кучу вещей и подумывала заняться плетением кружев.

Со временем дверь занимала в ее воображении все больше места. Элли представляла, как открывает ее в неурочный час и видит… что?!

Но как бы живо она ни представляла себе эту картину, внутри непременно оказывалось нечто самое обыденное. Щетки и тряпки.

Спортивное снаряжение. Галоши и поношенная одежда. Ну что еще может быть в чулане? Что еще может там оказаться?!

Иногда, захваченная своими фантазиями, она вдруг оказывалась стоящей у стола. Мало того, временами подходила к двери. Однажды даже положила ладонь на ручку, прежде чем отстраниться. Но мысль о потере работы неизменно ее охлаждала.

Все это ужасно бесило.

Дважды, во время ее смены, в офисе появлялся мистер Тарблеко, в неизменном черном костюме с одним и тем же узким черным галстуком.

– У вас есть часы? – спрашивал он.

– Да, сэр.

В первый раз Элли вытянула руку, но презрительная мина, с которой тот проигнорировал жест, послужила хорошим уроком: во второй его визит она вела себя сдержаннее.

– Уходите. Вернетесь через сорок минут.

Элли отправилась в маленькую чайную по соседству. Утром она принесла с собой пакетик с ланчем: сэндвич с колбасой, политой майонезом, и яблоко, но от растерянности позабыла в столе, а потом побоялась вернуться. Пришлось побаловать себя изысканным «дамским ланчем», который в нынешнем настроении она не смогла оценить по достоинству. Элли вытерла губы, оставила официантке десятицентовик на чай и подошла к зданию офиса ровно через тридцать восемь минут после ухода. Еще через две минуты она потянулась к ручке двери.

Мистер Тарблеко, словно поджидавший ее, вылетел из офиса, надевая на ходу шляпу. Он никак не комментировал ее пунктуальность; мало того, вроде бы даже не заметил присутствия подчиненной. Просто промчался мимо, словно ее вообще не существовало.

Ошеломленная Элинор вошла, закрыла дверь и уселась за стол. Только сейчас ее осенило: мистер Тарблеко был невероятно, сказочно богат. Подобное высокомерие присуще именно людям, которые имеют столько денег, что могут позволить себе роскошь добиваться своего даже в мелочах, поскольку всегда найдутся те, кто готов им услужить. Особи его типа не знают, что такое благодарность, и не дают себе труда быть вежливыми, ибо им даже в голову не приходит, что можно вести себя как-то иначе.

И чем больше Элли думала об этом, тем больше злилась. Она, разумеется, не коммунистка, но все же ей казалось, что у человека должны быть определенные права и одно из них – право на обычную учтивость. Крайне неприятно, когда с тобой обращаются как с предметом мебели. Мало того, это унизительно.

Будь она проклята, если еще раз стерпит подобное отношение!

Прошло шесть месяцев.

Дверь открылась, и в комнату ворвался мистер Тарблеко, с таким видом, словно выходил на несколько минут.

– У вас есть часы?

Элли открыла ящик стола, бросила туда вязанье, открыла второй ящик и вынула пакет с ланчем.

– Да.

– Уходите. Вернетесь через сорок минут.

Она вышла на улицу. Стоял месяц май, неподалеку раскинулся Центральный парк, поэтому она поела там, у маленького пруда, где дети пускали игрушечные кораблики. Элли кипела от ярости. Она хороший работник, в самом деле хороший! Сознательная, пунктуальная, никогда не брала отпуск по болезни! Мистеру Тарблеко стоило бы это ценить и уж во всяком случае не обращаться с ней так мерзко.

Ей ужасно хотелось опоздать, но совесть не позволила. Добравшись назад ровно через тридцать девять с половиной минут после ухода, она встала прямо напротив двери, так, чтобы мистеру Тарблеко ничего не оставалось, кроме как заговорить с ней. Если это будет стоить ей работы… что ж, чему бывать, того не миновать.

Вот до чего дошла скромная Элинор Войт!

Через тридцать секунд дверь распахнулась, и на пороге показался мистер Тарблеко. Не останавливаясь и не выказывая ни малейших эмоций, он подхватил Элли под мышки, легко поднял и переставил в сторону. И исчез. Только эхо шагов отдавалось в коридоре.

Какая наглость! Какое бесстыдное, беспардонное нахальство!

Элли вернулась в офис, но не смогла заставить себя сесть за стол: слишком была расстроена. Вместо этого она принялась мерить шагами комнату, споря с собой, выкрикивая вслух то, что должна была сказать – и сказала бы, задержись мистер Тарблеко хоть ненадолго. Чувствовать, что тебя поднимают и переставляют, как… как… Невыносимо!

И особенно неприятно то, что даже излить свое раздражение некому!

Наконец она все же успокоилась настолько, что обрела способность мыслить связно и поняла, что ошибалась. Все же существовало кое-что… кое-что… скорее, правда, чисто символическое, чем существенное или материальное… на которое она готова отважиться!

Она могла открыть эту дверь.

Элли не поддалась первому порыву. Она была женщиной аккуратной и даже педантичной. Поэтому сначала хорошенько продумала свои действия. Мистер Тарблеко крайне редко показывался в офисе: всего два раза, пока она здесь работала, а прошло уже больше года. Более того, шансы на его возвращение в третий раз всего несколько минут спустя после ухода совершенно незначительны. Он ничего не оставил в комнате, это видно с первого взгляда: обстановка офиса была почти спартанской. Да и никакой работы для него здесь нет.

Но Элли на всякий случай заперла входную дверь, а для верности сунула в ручку ножку своего стула. Даже если у кого и есть ключ, в комнату все равно не войти. Потом приложилась ухом к замочной скважине и прислушалась, не идет ли кто.

Тишина.

Как ни странно, но теперь, когда она решилась, время, казалось, замедлило бег, а комната увеличилась в размерах. Целая вечность ушла на то, чтобы пересечь огромное пустое пространство между ней и дверью чулана. Рука, тянувшаяся к ручке, проталкивалась сквозь вязкий, как патока, воздух. Пальцы один за другим смыкались вокруг гладкого шарика, и за это время в голове нашлось достаточно места для тысячи сомнений. Откуда-то донесся звук… работающего механизма? Тихое жужжание, похоже, неслось из чулана.

Она вложила ключ в скважину и открыла дверь.

Перед ней стоял мистер Тарблеко.

Элли взвизгнула и отшатнулась. Но оступилась, подвернула щиколотку и едва не упала. Сердце колотилось так отчаянно, что заныла грудь.

Из чулана на нее злобно пялился мистер Тарблеко с белым, как лист бумаги, лицом.

– Единственное правило, – холодно и бесстрастно выговорил он. – Единственное правило, и вы его нарушили.

Еще секунда – и он выступил из чулана.

– Плохая рабыня. Очень непослушная рабыня.

– Я… я… я…

Язык не повиновался Элли: слишком велико оказалось потрясение.

– Я, – выдохнула она наконец, – вовсе не рабыня!

– А вот тут ты ошибаешься, Элинор Войт. Сильно ошибаешься. Открой окно! – велел мистер Тарблеко.

Элли подошла к окну и подняла жалюзи. На подоконнике стоял маленький кактус в горшочке. Элли перенесла его на стол и открыла окно. Оно поддалось не сразу, так что пришлось применить силу. Наконец нижняя рама пошла вверх, сначала

медленно, потом чуть быстрее. Легкий свежий ветерок коснулся волос.

– Взбирайся на подоконник.

– Я этого…

«…не сделаю», – хотела сказать она, но, к своему величайшему изумлению, обнаружила, что покорно лезет на подоконник. И при этом не в состоянии справиться с собой. Похоже, собственной воли у нее не осталось.

– Садись, свесив ноги.

Все происходило словно в жутком, уродливом кошмаре из тех, о которых знаешь, что этого не может быть на самом деле, силишься проснуться, но никак не получается… Тело больше ей не повиновалось. Она полностью потеряла над ним контроль.

– Не прыгай, пока я не прикажу.

– А вы хотите, чтобы я прыгнула? – дрожащим голосом пролепетала Элли. – О, пожалуйста, мистер Тарблеко…

– А теперь посмотри вниз.

Офис располагался на девятом этаже. Элли, урожденной жительнице Нью-Йорка, эта высота не казалась такой уж впечатляющей. Но отсюда, с подоконника… Пешеходы были не больше муравьев, автобусы и автомобили – размером со спичечную коробку. До нее доносились гудки, шум автомобильных двигателей, птичье пение – обычные повседневные звуки весеннего дня в большом городе. А земля была ужасно далеко! И между ней и Элли ничего, кроме воздуха! Единственное, что отделяет ее от смерти, – пальцы, судорожно вцепившиеся в раму.

Элли остро ощущала, как земное притяжение манит ее, зовет к серому бетону тротуара. Перед глазами все плыло от головокружения и болезненного, тяжело ворочавшегося в животе стремления разжать руки и совершить хоть и короткий, но полет.

Она зажмурилась и почувствовала, как по щекам катятся горячие слезы.

Судя по голосу, мистер Тарблеко стоял прямо за спиной.

– Если я велю тебе прыгнуть, Элинор Войт, ты это сделаешь?

– Да, – пропищала она.

– Теперь скажи: как назвать человека, способного прыгнуть из окна только потому, что кто-то приказал?

– Э… рабом.

– В таком случае кто же ты есть?

– Рабыня! Рабыня! Я рабыня!

Она рыдала от страха и унижения.

– Не хочу умирать! Я стану вашей рабыней, кем угодно, только не убивайте меня!

– А если так, какой именно рабыней ты должна стать?

– Хо… хорошей. Послушной.

– Слезай с окна.

Элли с облегченным вздохом повернулась и встала на пол. Колени мгновенно подогнулись. Пришлось схватиться за подоконник, чтобы не упасть. Мистер Тарблеко смотрел на нее строгим немигающим взглядом.

– Ты получила первое и единственное предупреждение, – объявил он. – Если снова ослушаешься или попытаешься уволиться, я прикажу тебе прыгнуть из окна.

Он вошел в чулан и закрыл за собой дверь.

До конца смены оставалось два часа: только-только, чтобы успеть взять себя в руки. Дождавшись появления взъерошенного молодого поэта, Элли уронила ключ в сумочку и молча, даже не поздоровавшись, прошла мимо. Потом отправилась в ближайший гостиничный бар и заказала джин с тоником.

Следовало о многом поразмыслить.

Характеру Элинор Войт были присущи находчивость и изобретательность. До встречи с покойным мужем она служила исполнительным секретарем, а всем известно, что любой босс при хорошем исполнительном секретаре чувствует себя как за каменной стеной и может спокойно передоверить ему свой бизнес. До банковского краха[35] она вела довольно богатый дом и железной рукой правила тремя слугами. Принимала гостей. Некоторые ее вечеринки требовали тщательного планирования и долгой подготовки. И если бы не Депрессия, Элли наверняка занимала бы куда более высокое положение, чем сейчас.

Она не желает и не будет рабыней!

Но прежде чем найти выход из переплета, в который она попала, нужно разобраться и понять, что происходит. Во-первых, чулан. Мистер Тарблеко покинул офис, и не успела она оглянуться, как он уже сидит в чулане. Что-то вроде потайного хода… нет, это одновременно и слишком просто, и чересчур сложно. Перед тем как открыть дверь, она слышала шум работающих механизмов. Значит, какое-то устройство для транспортировки! То, в существование которого она еще вчера не поверила бы. Телепортация или машина времени.

Чем больше Элли думала об этом, тем сильнее склонялась к мысли о машине времени. И дело не только в том, что телекинез был темой воскресных развлекалок и сериалов с Баком Роджерсом, а «Машина времени» – известный роман мистера Герберта Уэллса. Хотя, нужно признать, это тоже играет роль. Но устройство для телепортации должно где-то иметь своего

двойника, а у мистера Тарблеко не было времени выйти из здания.

А вот теория машины времени многое объясняет! Долгие периоды отсутствия ее нанимателя. Необходимость постоянно наблюдать за аппаратом, когда он бездействует, чтобы кто-то другой им не воспользовался. Неожиданное появление сегодня мистера Тарблеко и его способности к внушению, которыми не обладает ни одно человеческое существо на Земле.

И тот факт, что Элли больше не могла думать о мистере Тарблеко как о человеке.

Она едва притронулась к джину, но сейчас у нее не хватило терпения допить стакан. Поэтому она бросила на стойку долларовую банкноту и, не дожидаясь сдачи, ушла.

За время, понадобившееся ей, чтобы прошагать полтора квартала до офиса и подняться на лифте на девятый этаж, Элинор успела все продумать. Быстро пройдя по коридору, она без стука открыла дверь.

Взъерошенный молодой человек поднял растерянные глаза от исписанного бумажного листка.

– У вас есть часы?

– Д-да, но мистер Тарблеко…

– Уходите. Вернетесь через сорок минут, – бросила Элли, с мрачным удовлетворением наблюдая, как молодой человек сует ключ в один карман, листок – в другой и направляется к порогу.

«Хороший раб», – подумала она. Может, он уже подвергся тому небольшому испытанию, которое пришлось перенести и ей, и мистер Тарблеко сыграл с ним свой коронный трюк. Скорее всего, каждый служащий проходил через это ритуальное порабощение. Что же, мистер Тарблеко нашел неплохой способ держать их на коротком поводке. Однако проблемой рабовладения во все века было нежелание рабов проявлять инициативу – по крайней мере, идущую на пользу хозяину.

Элли открыла сумочку, вынула ключ и подошла к чулану.

И на секунду замялась. Достаточно ли она уверена, чтобы рискнуть жизнью?

Но логика была безупречной. Ей не дали второго шанса. Знай мистер Тарблеко, что она решит открыть дверь во второй раз, то просто-напросто приказал бы ей прыгнуть вниз при первом нарушении. А значит, он отнюдь не ясновидящий.

Элли набрала в грудь воздуха и открыла дверь.

Внутри оказался целый мир.

Долго… наверное, целую вечность Элли разглядывала огромный унылый город, разительно не похожий на Нью-Йорк.

Правда, таких высоких зданий она еще не видела: мили и мили, устремленные в небо. Между домами тянулись паутины воздушных переходов, совсем как в «Метрополисе». Но в фильме красота была невероятной, а здешние сооружения меньше всего претендовали хотя бы на внешнюю презентабельность. Скорее уж были уродливы, как смертный грех: серые, грязные, без окон. Вдоль улиц тянулись ровные линии резкого света, а под их беспощадным сиянием шагали мужчины и женщины в униформах, безжизненные, как роботы. За окном офиса стоял чудесный яркий день. Но за дверью чулана было темно.

И шел снег.

Элли нерешительно ступила в чулан. Едва ее нога коснулась пола, помещение словно стало расширяться во все стороны. Она стояла в центре огромного круга, образованного дверями. Но все они, кроме двери в офис и в зимний мир, были закрыты. Около каждой на вбитых в простенки крючках висели костюмы десятков различных эпох и культур. Элли показалось, что она узнает римские тоги, вечернее платье Викторианской эпохи, кимоно… Остальное она видела впервые.

Около двери в зиму находился длинный плащ. Элли завернулась в него и обнаружила внутри нечто вроде верньера. Повернула вправо – и плащ мгновенно нагрелся. Повернула влево – снова стал холодным. Она теребила верньер, пока не добилась нужной температуры. Потом распрямила плечи, еще раз глубоко вздохнула и шагнула в неприветливый город.

Послышалось легкое шипение, словно загорелась люминесцентная лампа, и она оказалась на улице. И тут же повернулась, желая получше рассмотреть, что у нее за спиной. Там высился прямоугольник из какого-то гладкого черного материала. Она постучала по нему костяшками пальцев. Твердый. Но стоило поднести к поверхности ключ, как прямоугольник замерцал и снова открыл это странное пространство между мирами.

Значит, дорогу домой можно найти в любой момент.

По обе стороны ее прямоугольника на некотором расстоянии, в самом центре большой безликой площади, стояли еще два точно таких же: то ли огромные киоски, то ли очень низкие здания. Элли обошла и их, простукивая каждый своим ключом. Открылся только один.

Первым делом следовало обнаружить, где – или, скорее, когда – она находится. Поэтому она заступила путь одному из сгорбленных, едва бредущих людей.

– Простите, сэр, не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

Мужчина поднял безнадежное, какое-то стертое лицо. На шее блеснуло серое металлическое кольцо.

– Hawrzat dagtiknut? – в свою очередь, осведомился он.

Элли в ужасе отступила, а незнакомец, словно надувная игрушка, на секунду придавленная чьей-то бесцеремонной ногой, потащился дальше спотыкающейся походкой.

Элли, не выбирая выражений, выругала себя. Ну разумеется! Язык должен был измениться за неизвестно сколько столетий. Что ж, это означает только то, что сбор информации затруднен. Но ей к трудностям не привыкать. В тот вечер, когда Джеймс покончил с собой, именно ей пришлось отмывать стены и пол. После этого она твердо уверилась в том, что способна добиться всего, если задастся целью.

Сейчас самое главное – не заблудиться.

Она еще раз внимательно оглядела площадь, с ее дверями в различные эпохи в самом центре. Придется дать ей название… Таймс-сквер. Вполне подойдет.

Выбрав наугад одну из широких улиц, выходившую на площадь, Элинор решила, что это будет Бродвей.

Она направилась вниз по Бродвею, следя за всем и всеми. Некоторые из людей-зомби тащили сани с какими-то сложными механизмами. Другие сгибались под мягкими полупрозрачными мешками, заполненными мутной жидкостью и неясными формами. В воздухе стоял отвратительный запах, но источник смрада был ей неизвестен.

Она прошла уже квартала три, когда завыли сирены: пронзительные душераздирающие звуки, сверлившие уши и отдававшиеся эхом от стен зданий. Уличные огни гасли и зажигались на счет один-два. Властный голос ревел из невидимых динамиков:

– Akbang! Akbang! Kronzvarbrakar! Zawzawstrag! Akbang! Akbang!

Люди, не торопясь, стали поворачиваться, касаться руками ничем не примечательных серых табличек рядом с неприметными дверями и исчезать в зданиях.

– О дьявол, – пробормотала Элли.

За спиной началась какая-то суматоха. Элли повернулась и увидела нечто совсем уже странное.

Девушка лет восемнадцати-девятнадцати в летней одежде – мужских брюках и цветастой блузке с короткими рукавами – в панике мчалась по улице, хватаясь за безразличных людей-зомби, умоляя о помощи.

– Пожалуйста! – кричала она. – Помогите! Кто-нибудь… мне нужна помощь!

С каждым выдохом из ее рта вырывались клубы пара. Раздругой она бросалась к зданиям и шлепала ладонью по жирным от тысяч людских рук пластинкам. Ни одна дверь не открылась.

Девушка поравнялась с Элли и, уже совершенно отчаявшись, механически повторила:

– Пожалуйста.

– Я помогу вам, дорогая, – пообещала та.

Девушка взвизгнула и порывисто обняла ее.

– О, спасибо, спасибо, спасибо вам, – повторяла она как заведенная.

– Идите за мной и не отставайте, – велела Элли и двинулась дальше, почти наступая на пятки одному из безжизненных зомби. Улучив момент, когда он стукнул рукой по табличке, но еще не успел войти, она схватила его за тунику из грубой ткани и дернула. Он обернулся.

– Vamoose, – бросила она непреклонно, ткнув пальцем куда-то себе за плечо.

Зомби отошел. Хотя слово он слышал впервые, тон и жест оказались достаточно красноречивы.

Элли вошла в здание, таща за собой девушку. Дверь за ними закрылась.

– Вот это да! – восхищенно ахнула незнакомка. – Как вам это удалось?

– Мы попали в рабовладельческую культуру. Рабу, для того чтобы выжить, прежде всего необходимо подчиняться всякому, кто ведет себя как хозяин. А теперь назовите ваше имя и объясните, как попали сюда, – велела Элли, одновременно оглядывая помещение. Огромное, тускло освещенное, оно не имело внутренних перегородок. Повсюду виднелись лишь колонны и узкие металлические лестницы без перил.

– Меня зовут Надин Шепард. Я… там была дверь! Я вошла в нее и очутилась здесь! Я…

Бедняжка была на грани истерики.

– Знаю, дорогая. Скажите, откуда вы?

– Чикаго. На Северной стороне, рядом с…

– Не *где*, дорогая. А *когда.* Какой у вас год?

– Э… две тысячи четвертый. А разве нет?

– Не здесь. И не сейчас.

Серые люди кишели повсюду, передвигаясь так же неохотно, но строго придерживаясь пространства внутри желтых линий, нарисованных на бетонном полу. Пахло от них едко и малоприятно. Все же…

Элли шагнула вперед и встала прямо перед одним из печальных созданий, на этот раз женщиной. Когда та

остановилась, Элли сняла с ее плеч тунику и отступила. Женщина без всякого раздражения и протестов возобновила свою странную прогулку.

– Ну вот и все, – кивнула Элинор, отдавая тунику девушке. – Наденьте, дорогая, вы, должно быть, замерзли. Смотрите, руки у вас совершенно синие.

И действительно, внутри было не многим теплее, чем на улице.

– Я Элинор Войт, миссис Джеймс Войт.

Трясущаяся от холода Надин накинула неуклюже сшитую одежку, но вместо того, чтобы поблагодарить, заявила:

– Ваше лицо мне знакомо.

Элли, в свою очередь, присмотрелась к ней. Довольно хорошенькая, хотя, как ни странно, совсем не пользуется косметикой. Правильные черты лица…

– И мне ваше тоже. Не могу припомнить, где и когда мы могли видеться, но…

– Неважно, – отмахнулась Надин, – лучше скажите, где я и что здесь происходит.

– Честно говоря, сама не знаю, – вздохнула Элли. Даже сквозь стены доносился вой сирен и рычание динамиков. Если бы только здесь было посветлее! Она никак не могла понять плана и назначения здания.

– Но вы должны знать! Вы так уверенно, так спокойно держитесь! Вы…

– Я здесь такой же изгой, как вы, дорогая. Просто стараюсь сообразить, как лучше поступить в каждый конкретный момент. Могу сказать одно: мы в далеком-далеком будущем. Несчастные, деградировавшие создания, которых вы видели на улице, – все они рабы высшей расы: назовем хозяев Послелюдьми. Послелюди очень жестоки и могут путешествовать во времени так же легко, как вы и я на поезде из одного города в другой. И это все, что мне известно. Пока.

Надин приложилась глазом к крошечной щели в двери, которую Элли перед этим не заметила.

– Что это? – воскликнула она.

Элли заняла ее место у щели и увидела, как огромная, громоздкая, заполонившая всю ширину улицы машина остановилась в квартале от здания. Оттуда посыпались похожие на насекомых твари, нечто вроде роботов, а может, просто люди в доспехах, и, заполонив тротуары, принялись исследовать каждую дверь. Сирены и динамики смолкли. Уличные огни снова горели ровно.

– Нам пора уходить, – сообразила Элли.

Громоподобный механический голос сотряс здание:

– Akbang! Akbang! Zawzawksbild! Alzowt! Zawzawksbild! Akbang!

– Скорее!

Элли схватила Надин за руку, и они побежали.

Серый народец без особых эмоций отклонился от заданного курса и неспешно двинулся к выходам.

Элли и Надин попытались держаться подальше от дорожек, но воздух стал вибрировать все с большей силой, по мере того как они отходили в сторону. Кожу жгло и саднило, поэтому им довольно скоро пришлось вернуться на полосу, ограниченную желтыми линиями. Сначала им удавалось протискиваться мимо зомби, а потом и попросту расталкивать их, расчищая путь. Но все новые процессии неумолимым шагом спускались с металлических лестниц. Лифты, низвергавшиеся с самого потолка, выплевывали сотни таких же рабов с застывшими лицами. Откуда-то из тусклых глубин здания выливались потоки одинаковых зомби.

Поход сквозь бастионы становился все труднее. Женщин постоянно относило назад, беспомощных, как винные пробки, смытые дождем в полноводную реку. В конце концов их вытеснили сквозь дверной проем и наружу.

Где уже ждала… полиция?

При виде Элли и Надин – их было нетрудно выделить из бесцветного однообразия толпы – две закованные в латы фигуры выступили вперед и размахнулись длинными палками.

Элли успела поднять руку, отражая удар, и палка тяжело опустилась на ее запястье.

Ужасная, режущая боль, страшнее которой она в жизни не испытывала, почти парализовала ее. На какое-то хмельное, головокружительное мгновение Элли испытала странное, восторженное ощущение бытия и подумала:

«Если я смогу справиться с этим, значит вынесу все».

Но тут мир погас.

Элли очнулась в тюремной камере.

Комнатка была маленькой, квадратной, без окон и дверей. С неопределенного цвета потолка лился убогий ровный свет. По периметру помещения шла скамья. В центре зияла дыра, о назначении которой красноречиво говорил исходивший оттуда смрад.

Элли села.

На скамье напротив, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала Надин.

Итак, ее отважное маленькое приключение закончилось провалом. Она восстала против тирании мистера Тарблеко, и теперь ее постигла судьба большинства мятежников. Во всем виновата ее собственная глупость. Она действовала нерасчетливо, непродуманно, не собрав информацию и не изучив врага. Пошла против силы, способной с легкостью покорять пространство и время, вооруженная всего лишь носовым платком и запасными очками, и эта сила, разумеется, в два счета смела ее, приложив минимум усилий.

Они даже не потрудились отнять ее сумочку.

Элли покопалась в ней, нашла завернутую в целлофан карамельку, сунула в рот и принялась безрадостно сосать. Надежда ее покинула.

И все же, кроме надежды, оставались еще и обязательства.

– Ты в порядке, Надин? – выдавила она. – Чем я могу помочь?

Надин подняла залитое слезами лицо.

– Я всего лишь вошла в дверь. Только вошла. Не сделала ничего дурного, или подлого, или… совсем ничего. И теперь я здесь! – захныкала она и с внезапно полыхнувшей яростью взвизгнула: – Будьте вы прокляты, прокляты, прокляты!

– Я? – изумленно ахнула Элли.

– Вы! Вы не должны были позволить им схватить нас! Нужно было отвести меня в укрытие, а потом спокойно вернуть домой! Но вам лишь бы сделать по-своему! Глупая, бесполезная старуха!

Элли едва удержалась, чтобы не влепить оплеуху юной леди. Но сказала себе, что Надин еще совсем ребенок и, похоже, поколение девиц 2004 года растет не слишком смышленым. Вполне возможно, люди двадцать первого века слабы и изнеженны, поскольку все делают за них роботы, а им остается только сидеть и слушать весь день радио. Поэтому она придержала не только руку, но и язык.

– Не волнуйтесь, дорогая, – утешила она. – Мы выберемся отсюда. Как-нибудь.

Надин недоверчиво уставилась на нее потухшими глазами.

– Как?! – выпалила она.

А вот на это у Элли ответа не было.

Время шло. По прикидкам Элли, они сидели здесь не один час. И по мере того, как тянулись эти бесконечные часы, она – больше от скуки, чем в надежде, что из ее выкладок будет хоть какой-то толк, – снова принялась анализировать ситуацию.

Каким образом Послелюди выследили ее?

Должно быть, некое устройство на двери в будущее предупредило их о появлении нежеланной гостьи. Но полиция

нашла ее так быстро и уверенно. По-видимому, точно знала, где искать. Машина подъехала прямо к зданию, а потоки нелюдей вынесли ее в руки насекомоподобных существ.

Значит, в ней самой или на ней имеется нечто вроде маячка, оповестившего Послелюдей о ее появлении.

Элли с подозрением посмотрела на сумочку. Может…

Она порывисто вытряхнула содержимое сумки на скамью и принялась лихорадочно рыться в поисках предателя. Так… несколько карамелек, кружевной платочек, полпачки сигарет, авторучка, футляр для очков, пузырек с аспирином, ключ от дома… и еще один ключ, к чулану, – единственная вещь, полученная непосредственно от мистера Тарблеко. Элли схватила ключ.

На вид ничего особенного. Элли потерла его, понюхала, осторожно коснулась языком. Во рту стало кисло. Вкус такой, словно лижешь батарейку.

Язык защипало, словно от слабого электрического тока. Очевидно, ключ все-таки не простой.

Она подняла очки на лоб, поднесла эту штуку к глазам и прищурилась. Не отличишь от обычного ключа, каких она перевидала сотни… и все же не совсем. На нем нет клейма фирмы, а это уже странно, поскольку ключ выглядит совсем новеньким. Верхняя часть была покрыта причудливыми геометрическими рисунками.

Но рисунки ли это?

Она подняла голову и наткнулась на немигающий пристальный взгляд Надин: так обычно смотрят кошки.

– Надин, детка, ваши глаза моложе моих, не присмотритесь ли к этому? Похоже на крохотные переключатели, или я ошибаюсь?

– Что?

Надин взяла протянутый ключ, хорошенько изучила, ткнула в него ногтем.

Шур-р-х!

Словно молния вспыхнула!

Когда Элли проморгалась и снова обрела способность видеть, оказалось, что одна стена камеры исчезла.

Надин подступила к самому краю, вглядываясь в даль.

– Смотрите! – вскрикнула она и, когда Элли, повинуясь призыву, подошла ближе, обхватила ее за талию и шагнула в пропасть.

Элли вскрикнула.

Женщины вели полицейскую машину по Бродвею к Таймс-

сквер. Несмотря на множество приборов, окружавших лобовое стекло, управлять ею было проще простого: толкни единственный рычаг вперед, и скорость увеличится, отведи влево или вправо – машина послушно повернет. Очевидно, здешней полиции особенного ума не полагалось: насколько могла видеть Элли, ни на механизме управления, ни на дверях не было замков. По-видимому, зомби были настолько послушны, что ничего запирать не требовалось. Этим и объяснялась легкость их побега.

– Откуда ты узнала, что машина стоит прямо внизу? – удивлялась Элли. – И что мы сможем ее вести? Меня чуть удар не хватил, когда мы свалились едва ли не на сиденья! Как же ты догадалась столкнуть меня? Сама бы я ни за что не решилась.

– Блестящая мысль, верно? Слизала из гонконгского боевика, – ухмыльнулась Надин. – Отныне зовите меня просто Мишель Йо.

– Как скажешь.

Похоже, она слишком поспешно судила о девушке и люди двадцать первого века не совсем уж нежные фиалочки.

Квадратная стеклянная пластинка под лобовым стеклом вспыхнула и ожила. Послышалось тихое жужжание. Белые светящиеся точки заплясали, дрогнули и слились, образуя лицо.

Лицо мистера Тарблеко.

– Хронопреступники Эры Спада! – прогремел его голос из скрытого динамика. – Слушайте и повинуйтесь!

Элли взвизгнула и швырнула сумочку на визи-пластину.

– Не слушай его! – приказала она Надин. – Лучше попробуй найти способ выключить эту штуку.

– Немедленно остановите украденный транспорт!

К своему ужасу, Элли обнаружила, что оттягивает рычаг, снижая скорость машины. Но тут Надин в слепом подчинении неумолимому голосу мистера Тарблеко тоже вцепилась в рычаг, однако рука ее соскользнула, и девушка с тихим воплем навалилась на него всей тяжестью, толкнув вбок.

Машину занесло, ударило о стену здания и перевернуло, но Надин, мгновенно опомнившись, открыла люк на крыше и потащила Элли в образовавшееся отверстие.

– Давай! – завопила она.

Выбравшись из машины, они бросились вперед по улице. Вскоре они добрались до Таймс-сквер и круга дверей в центре. Уличные огни вспыхивали и гасли, динамики вопили: «Akbang! Akbang!», где-то, приближаясь, звучала сирена. Элли постучала ключом по ближайшей двери. Ничего. Следующая. Ничего.

Она бежала по кругу, царапая ключом каждый вход, и наконец… вот оно!

Она сжала руку Надин, и обе ввалились внутрь.

Внутреннее пространство расширялось огромным колесом по всем направлениям. Элли повернулась. Повсюду двери, но все закрыты. Она не имела ни малейшего представления, которая ведет в ее родной Нью-Йорк.

Погодите-ка! У дверей висят костюмы соответствующих эпох! Если обойти каждую, пока не отыщется пиджачная пара…

– О господи! – выдохнула Надин, хватая ее за руку.

Элли повернулась, поискала взглядом и увидела. Вход… тот самый, через который они прошли… снова открыт. И на пороге стоял мистер Тарблеко, вернее, если быть точной, три мистера Тарблеко.

– Сюда! Быстро! – отчаянно завопила Надин, распахивая ближайшую дверь.

Они поспешно нырнули в нее.

– Oolostullatu ashulalumoota, – пропела женщина в спортивном костюме, сунув под нос Элли дощечку с зажимом, которую держала в руке. – Oolostullati utalurin.

– Я… я не понимаю, о чем вы, – заикаясь, пролепетала Элли.

Они стояли на зеленом откосе, спускавшемся прямо к океану. Там, у самого берега, гигантские строительные машины, управляемые мужчинами и женщинами (да-да, именно женщинами: самое поразительное и странное зрелище из всех, что ей пришлось увидеть сегодня), воздвигали исполинское загадочное сооружение, живо напомнившее Элли изображение вавилонской башни из учебников воскресной школы. Легкий тропический ветерок развевал ее волосы.

– Эра Спада, Амерлинго, – объявила дощечка. – Точный период неясен. Прошу ответить на несколько вопросов. Газ – для освещения или для автомобилей?

– В основном для автомобилей. Хотя еще есть несколько…

– Яблоки – для еды или вычислений?[36]

– Для еды, – ответила Элли.

– Для того и другого, – выкрикнула Надин.

– Возможности – для мечты или возрождения?

Женщины промолчали.

– Ранний Атомный период, до и после Хиросимы, для каждой – свое. Вы почувствуете легкий дискомфорт. Не волнуйтесь. Это для вашего же блага.

– Пожалуйста…

Элли перевела взгляд с дощечки на женщину и обратно, не зная, к кому обратиться.

– Что происходит? Где мы? У нас так много…

– Сейчас не время, – нетерпеливо бросила женщина. Ее выговор не был похож ни на один из слышанных Элли ранее.

– Вам должны внушить понятие о доктрине, принципах преданности и преподать основы хроновоенной подготовки. Нам отчаянно не хватает хроновоинов. Эта база утром будет уничтожена.

– Что?..

– Дайте мне ваш ключ.

Элли не задумываясь протянула ей ключ, и тут же на нее нахлынула волна черной тошноты. Она покачнулась, стала падать и потеряла сознание еще до того, как ударилась о землю.

– Хочешь героина?

Лицо сидевшего напротив мужчины было покрыто татуировкой, изображавшей темных угрей. Широкая улыбка обнажала сточенные треугольником кинжально-острые зубы.

– Простите? – пролепетала Элли, не понимая, где находится и как сюда попала. Кроме того, и смысл слов этого неприятного типа оставался для нее загадкой.

– Героин, – повторил он, сунув ей под нос открытую металлическую коробочку с белым порошком. – Дать понюшку?

– Нет, спасибо, – осторожно отказалась Элли, боясь оскорбить незнакомца. – У меня на него аллергия.

Мужчина, брезгливо фыркнув, отвернулся.

Какая-то девушка, сидевшая рядом, озадаченно протянула:

– Кажется, мы с вами знакомы?

Элли повернулась. На нее смотрела Надин.

– Ну как же, дорогая! Надеюсь, вы не забыли меня?

– Миссис Войт? – ахнула Надин. – Но вы… вы так помолодели!

Руки Элли сами собой потянулись к лицу. Кожа оказалась упругой и гладкой. Вяло обвисший подбородок подтянулся. Проведя ладонями по волосам, она убедилась, что они снова стали густыми и пышными.

Ей вдруг отчаянно захотелось взглянуть в зеркало.

– Должно быть, они сделали что-то, пока я была в обмороке.

Она легко коснулась висков, кожи вокруг глаз…

– Да на мне нет очков! Я прекрасно вижу!

Она огляделась. Помещение, в котором они находились, было еще более убогим, чем тюремная камера, откуда они бежали. Только две металлические скамьи, стоявшие одна напротив другой, и на них сидела самая разношерстная компания мужчин и женщин, которую когда-либо доводилось видеть Элли. Одна из женщин весила не менее трехсот фунтов. Ни унции жира –

сплошные мускулы. Рядом устроился парнишка-альбинос, настолько тщедушный и хрупкий, что казался почти невещественным. Настоящий эльф. Правда, первое впечатление было ошибочным: стоило лишь взглянуть на его умную физиономию и горящие глаза, чтобы безошибочно признать в нем одного из самых опасных типов на свете. Что же до остальных… ни у кого не наблюдалось ни хвоста, ни рогов, зато внешность была достаточно красноречивой.

Эльф подался вперед:

– Вы из Эры Спада, верно? Если сумели пережить такое, значит должны рассказать, как попали сюда.

– Я…

– Они стараются убедить вас, что выхода нет и что вы, в сущности, словно мертвы, но не верьте! Я ни за что не завербовался бы, если бы не нашел способ после всего этого вернуться, – подмигнув, объяснил он, снова усаживаясь. – Ситуация, разумеется, безнадежна. Но я бы не принимал ее всерьез.

Элли ошарашенно моргнула. Здесь что, одни психи?

В этот момент с потолка спустилась и зависла визи-пластина, очень похожая на ту, что была в полицейской машине. В стеклянном квадрате появилось женское лицо.

– Герои! – объявила она. – Я приветствую вас. Как вам уже известно, мы на переднем крае битвы. Империя Послелюдей неотвратимо движется назад, в свое прошлое – наше настоящее, захватывая по году за одну атаку. К нынешнему моменту Оптимизированная Рациональность Истинных Людей потеряла в этой борьбе пять тысяч триста четырнадцать лет.

Ее глаза яростно сверкнули.

– Но их наступление будет остановлено здесь! До сих пор мы проигрывали, поскольку, живя в прошлом Послелюдей, не можем получить техническое превосходство над ними! Каждое изобретенное нами оружие легко и без усилий переходит к ним в руки.

Но мы все равно намереваемся бороться и победить, пусть не военной техникой, но тем качеством, которым они, не будучи людьми, не могут обладать. И это качество – человеческий характер! Наши исследования глубокого прошлого показали, что любая самая прогрессивная технология пасует перед истинной отвагой и превосходящими силами противника. Один человек с санстрокером[37] может пасть жертвой дикарей, вооруженных всего лишь нейтронными бомбами, если таковых достаточно и сами дикари готовы умереть за идею. Армию с бластерами не слишком сложно уничтожить палками, камнями и железной

решимостью. Через минуту ваш транспорт вместе с миллионами ему подобных приплывет к пристани в нуль-времени. Вы наденете респираторы и высадитесь на берег, где найдете временны́е шлюпки. Управление каждой требует двух операторов – пилота и стрелка. Пилот подведет шлюпку как можно ближе к дредноутам Послелюдей. Стрелок приведет в действие хроноразрушающую торпеду.

«Безумие! – подумала Элли. – Я не собираюсь делать ничего подобного».

Но одновременно с этой мыслью пришло осознание того факта, что она обладает навыками наведения торпеды. Должно быть, ей внушили эти знания, когда вернули молодость и хорошее зрение.

– Из вас выживет лишь один на тысячу, чтобы добраться до половины пути. Но те немногие, кто сумеет приблизиться к дредноутам, оправдают жертвы остальных. Ибо своей гибелью вы убережете человечество от порабощения и вымирания! Мученики, я приветствую вас! – воскликнула она, потрясая сжатым кулаком. – Мы – ничто! Рациональность – все!

Присутствующие дружно вскочили, повернулись к визи-экрану и воздели сжатые кулаки, скандируя хором:

– Мы – ничто! Рациональность – все!

Элли, ужасаясь и не веря себе, услышала собственный голос, самозабвенно выкрикивавший лозунги в унисон с остальными. Хуже всего была искренняя убежденность, звучавшая в ее голосе.

Женщина, отобравшая ключ, сказала что-то насчет «внушения принципов преданности». Теперь Элли поняла, что означал этот термин.

Элли с трудом пробиралась к хроноторпеде в сером внепространстве нулевого времени. На достаточно умудренный опытом и критический взгляд, которым она уже обладала, эта штука казалась довольно примитивной: наномеханизм весом пятнадцать граммов, приделанный к разборному корпусу из коллапстали, снабженному неинерционным двигателем и нагруженному пятью тоннами чего-то такого, что ее мысленный переводчик определил как «аннигиляциум». Элли всеми фибрами своего существа чувствовала, что это вещество огромной разрушительной силы.

Надин втиснулась рядом с ней.

– Давай я поведу шлюпку, – попросила она. – Я часами просиживала за игрушками еще с тех пор, как Марио был злодеем в «Донки Конг».

– Надин, дорогая, я хотела кое о чем спросить, – пропыхтела

Элли, втискиваясь в щель, предназначенную для стрелка. Для приведения в действие аннигиляциума следовало проделать двадцать три операции, одна сложнее другой, и при любом неверном движении взрывное устройство не срабатывало. Но у Элли не было ни малейших сомнений, что она сделает все быстро, четко и правильно.

– Что именно?

– Скажи, этот твой футуристический жаргон действительно что-то означает?

Смех Надин был прерван щелчком визи-пластины. Снова появилась женщина, чуть раньше произносившая перед ними пафосные речи. На этот раз вид у нее был суровым.

– Вылет через двадцать три секунды. За Рациональность!

– За Рациональность! – истово ответила Элли в один голос с Надин, думая, однако, при этом: «Во что это я впуталась? И каким образом? Ах, нет никого глупее старой дуры!»

Она с сожалением вздохнула, краем уха прислушиваясь к отсчету:

– Одиннадцать секунд… семь секунд… три секунды… одна секунда…

Надин отвела рычаг управления.

Вне времени и пространства не может быть ни плана, ни последовательности, ни распределения попаданий. Битва между дредноутами Послелюдей и флотом Рациональности, при всех перемещениях, уклонениях от встречи с противником, увертках и отвлекающих ударах, может быть сведена сначала к единственной вспышке одномоментного действия, а потом к такому же единственному двоичному победа/поражение.

Рациональность потерпела поражение. Хронодредноуты Послелюдей захватили еще один год прошлого.

Но где-то в самом сердце этого не слишком важного сражения две шлюпки, одну из которых вела Надин, по-прежнему мчались к горячей точке того руководящего сознания, которое вело и управляло флагманом временной армады Послелюдей. Два толкателя привели в действие взрывные устройства. Две взрывные волны пошли навстречу друг другу, столкнулись, смешались и слились с поднявшейся вверх третьей, противоударной взрывной волной, посланной сработавшим охранным механизмом дредноута.

Произошло нечто невероятно сложное и недоступное пониманию.

Элли вдруг очутилась за столом в баре отеля «Алгонкуин» в Нью-Йорке. Напротив устроилась Надин. Соседями по столу оказались пройдоха-альбинос и мужчина с татуированным лицом

и сточенными зубами. Альбинос широко улыбнулся:

– А! Примитивы! Из всех, кто мог уцелеть – исключая меня, разумеется, – всего приятнее видеть именно вас!

Его татуированный приятель нахмурился.

– Пожалуйста, Сед, веди себя хоть немного тактичнее! Сами себя они примитивами не считают!

– Ты, как всегда, прав, Дан Джал. Позвольте представиться: Седьмой Клон дома Орпен, лорд Экстратемпорал веков с три тысячи сто девяносто седьмого по три тысячи девятьсот двадцать второй, Резервный Потенциальный Наследник Неопределенного Трона, сокращенно Сед.

– Дан Джал. Наемник, с первых дней Рациональности и до того, как она стала разлагаться.

– Элинор Войт, Надин Шепард. Я из тысяча девятьсот тридцать шестого, а она – из две тысячи четвертого. Где… если это верное слово… где мы?

– Ни «где» и ни «когда», прелестная аборигенка. Нас, очевидно, забросило в гипервремя, это псевдотеоретическое состояние, информирующее и поддерживающее семь временны́х земных измерений, с которыми вы, несомненно, знакомы. Обладай мы разумом, способным проникнуть в них прямо и непосредственно, не сойдя при этом с ума, кто знает, что смогли бы увидеть. А это, – он небрежно взмахнул рукой, – слишком похоже на клонаториум моего Единого Отца, в котором так много моих «я» провели детство.

– А я вижу мастерскую, – возразил Дан Джал.

– Вот я вижу… – начала Надин.

Дан Джал внезапно побледнел.

– Тарблек-нуль! – вскрикнул он, вскакивая и инстинктивно потянувшись к оружию, которого в их нынешнем состоянии просто не существовало.

– Мистер Тарблеко! – ахнула Элли. Она впервые вспомнила о нем с момента внедрения в память технического обучения во временно́й крепости Рациональности, и его имя, произнесенное вслух, вызвало в памяти целые потоки связанной с ним информации. Оказывается, существовало семь классов Послелюдей, или Тарблеков, как они себя называли. Самый низший, Тарблеки-шесть, был классом жестоких и требовательных владетелей. Самый старший, Тарблеки-нуль, властвовал над миллионами покорных подданных. Максимальная мощность, которую могли в одно мгновение собрать Тарблеки-нуль, равнялась четырем куодам в секунду. То есть физическое выражение этой мощности было так велико, что, знай Элли это раньше, в жизни не подошла бы к двери в чулан.

Сед гостеприимно показал на пустое кресло.

– Да, я так и думал, что тебе давно пора показаться.

Зловещий серый Послечеловек придвинул стул и уселся.

– Этот малыш знает, почему я здесь, – начал он. – Остальные – нет. Для меня слишком унизительно объясняться с такими, как вы, так что придется говорить ему.

– Верно. В числе моих привилегий – возможность изучить наиболее таинственные процессы времени.

Маленький человечек сложил пальцы домиком и улыбнулся неземной, хитрой улыбочкой поверх их кончиков.

– Поэтому я знаю, что физическая сила здесь бесполезна. Победить можно только логическими аргументами. Следовательно, поведем разбирательство методами убеждения. Я начну первым.

Сед встал.

– Мои аргументы просты. Как я уже говорил нашим дорогим свирепым друзьям, жизнь Потенциального Наследника Неопределенного Трона имеет слишком большую ценность, чтобы рисковать ею в сомнительных авантюрах. Прежде чем мне было позволено завербоваться наемником в войска Рациональности, моя старшая ипостась была вынуждена засвидетельствовать, что я вернусь из испытания живым и невредимым. Я вернулся. Следовательно, вернусь снова.

Он сел. Наступило минутное молчание.

– Это все, что ты можешь сказать? – спросил Дан Джал.

– По-моему, вполне достаточно.

– Что же, – буркнул Дан Джал и, откашлявшись, тоже поднялся.

– Значит, моя очередь. Империя Послелюдей в основе своей нестабильна, причем во всех отношениях. Возможно, когда-то она была природным феноменом, повторяю: *когда-то.* Вполне вероятно, Послелюди возникли как следствие обычных эволюционных процессов и в какой-то период времени могли претендовать на свое естественное место в этом континууме. Но все изменилось, когда они стали расширять Империю в свое же собственное прошлое. Для осуществления завоеваний в глубине прошедших веков они должны посылать агентов во все предыдущие тысячелетия, чтобы воздействовать на людей, подкупая их, разлагая, превращая поток истории в нечто ужасное и ужасающее, из которого когда-нибудь смогут возникнуть они. Так продолжалось довольно долго. Массовые убийства, лагеря смерти, геноцид, мировые войны… – В его речи были и другие непереводимые термины, понятия настолько ужасные, что у Элли просто не было для них слов. – Надеюсь, вы не думаете, что все

это дело рук человеческих? – продолжал он. – Мы слишком разумная раса для подобного рода вещей… при условии, что нас оставят в покое. Нет, худшие из наших бед затеяны и вызваны Послелюдьми. Мы далеки от совершенства, и ярчайшим примером этому служит жестокое ведение войны в последние годы Оптимизированной Рациональности Истинных Людей, когда наши вожди стали почти такими же гнусными тварями, как и Послелюди, что неудивительно, поскольку последние зародятся именно в их рядах. Но кем могли бы стать мы? Разве без вмешательства Послелюдей мы не могли бы превратиться в нечто достойное восхищения? И тогда бы нас называли не Последними Людьми, но Первыми, воистину достойными этого имени!

Он сел.

Сед лениво, иронически поаплодировал.

– Следующий?

Тарблек-нуль тяжело положил руки на стол и, подавшись вперед, медленно встал.

– Неужели пристало тигру объяснять свои поступки овцам? И нужно ли объяснять? Овцы и без того понимают, что Смерть бродит среди них, чтобы съесть, кого пожелает, и пощадить остальных, но только потому, что она не голодна! Так и люди понимают, когда пришел их хозяин. Я не порабощаю людей, пользуясь доводом, что это правильно или прилично, а просто потому, что могу и хочу этого. Сила не нуждается в оправдании. Она либо существует, либо нет. Кто из сидящих здесь имеет право сказать, что я не ваш господин? Кто станет отрицать, что Смерть бродит среди вас? Естественный отбор выделяет среди людей наилучших и самых приспособленных, чтобы вывести новую расу. Эволюция поставила мою ногу на ваши шеи, и я не уберу ее.

Он сел под общее молчание и едва заметно скосил глаза в сторону Элли, словно подначивая опровергнуть его. Но она была не в состоянии собраться с мыслями, а непослушный язык словно скрутило узлом. Она сознавала его неправоту… нет, была уверена, что он лжет, и все же не могла найти никаких аргументов, словно разом лишилась всякой способности мыслить связно.

Надин коротко засмеялась.

– Бедный супермен! – воскликнула она. – Эволюция не линейна, как и не надо нам совать под нос таблицу, на одном конце которой – выползающая из воды рыба, а на другом – мужчина в деловом костюме. Все виды постоянно стараются эволюционировать в разных направлениях одновременно: немного выше, немного ниже, немного быстрее, немного медленнее. Когда то или иное различие доказывает свои

преимущества, оно закрепляется. Послелюди ничем не умнее людей, а во многом и глупее. Менее гибки, менее изобретательны: взгляните, какой застойный, загнивающий мир они создали! Просто они более властны по натуре.

– Властны? – растерянно повторила Элли. – И это все?

– Довольно и этого. Вспомни, сколько несчастий принесли такие люди, как Гитлер, Муссолини, Калигула, Пол Пот… все, что у них имелось, – сила личности, способность воздействовать на толпу, заставить ее подчиняться их приказам. И что же? Послелюди – потомки именно таких тиранов, только с удвоенной или утроенной силой воли. Помните тот день, когда Тарблек заставил вас лезть на подоконник? Для него это было легче легкого. Так же просто, как дышать. Поэтому Рациональность не может победить. О, все было бы по-другому, сумей они с корнем вырвать из своих душ эту страсть к принуждению. Но они ведут войну, а во время войны каждый пользуется тем оружием, которое имеет. Возможность потребовать от миллионов солдат пожертвовать собой ради общего блага – слишком действенный метод, чтобы от него отказаться. Но пока они борются с внешним врагом, в их рядах зарождаются и эволюционируют Послелюди.

– Вы сами это признаете, – бросил Тарблек.

– Помолчите хоть немного! Вы, глупое маленькое существо, понятия не имеете, против чего пошли! Спросили ли вы хотя бы раз Послелюдей из правящего класса вашей империи, почему ваша экспансия распространяется назад, в прошлое, а не вперед, в будущее? Очевидно, потому, что впереди ждут создания куда огромнее и ужаснее, с которыми вы не смеете столкнуться лицом к лицу. Боитесь идти туда, опасаетесь, что найдете меня! – договорила она, вынимая что-то из кармана. – А теперь убирайтесь, все и сразу!

Щелк!

Вспышка.

Ничего не изменилось. Изменилось все.

Элли по-прежнему сидела в баре «Алгонкуина» вместе с Надин. Но Сед, Дан Джал и Тарблек-нуль исчезли. Более того, бар казался настоящим, каким не был всего мгновение назад. Она вернулась домой, в свое собственное «сейчас» и «когда».

Элли полезла в сумочку, вытащила смятую пачку «Лаки страйк», выудила сигарету и спички. Глубоко затянулась и выпустила дым.

– Ладно, – сказала она, – так кто же ты?

Глаза девушки весело сверкнули.

– Как, Элли, дорогая, разве не знаешь? Я – это ты!

Вот так Элинор Войт была завербована в самую эксклюзивную организацию всех времен и народов: организацию, полностью и исключительно состоящую из сотен тысяч ипостасей ее самой. На протяжении миллионов лет она, разумеется, росла и эволюционировала, так что ее конечное, вселяющее ужас и великолепное «я» не имело даже отдаленного сходства с человеком. Но нужно же с чего-то начинать, а Элли по необходимости приходилось начинать с малого.

Послелюди были одними из наиболее простых врагов того будущего, которое, как она считала, заслуживает человечество. Тем не менее им нужно было противостоять, желательно ненасильственным путем, что крайне усложняло задачу.

После четырнадцати месяцев тренировки и восстановления всех ее сброшенных ранее лет Элли вернулась в Нью-Йорк, в то самое утро, когда впервые ответила на странное объявление в «Таймс» об открывшейся вакансии помощницы. Ее первое «я» уклонилось от ситуации, чтобы, если понадобится, завербоваться позднее.

– Какого рода «необычное»? – допытывалась она. – Не понимаю. Чего я дожидаюсь?

– Поймете, когда увидите, – ответил Тарблек, вручая ей ключ.

Она взяла ключ. В ее теле были скрыты приборы, мощь которых легко подавляла возможности этого примитивного устройства хронопереноса. Но шифрованная информация, скрытая в ключе, позволяла следить за делами и событиями в империи Послелюдей. Работая прямо у них под носом, она сумеет разрушить их замыслы, ослабить мощь и, возможно, воспрепятствовать возникновению.

Правда, Элли имела самое смутное представление о том, как сможет всего этого добиться. Но она была уверена, что со временем найдет выход. А время у нее было.

Сколько угодно времени.

Лето с трицератопсами

Динозавры, казалось, покачивались в знойном мареве, курящемся над мостовой. Их было около тридцати, небольшое стадо, похоже – трицератопсы. Они переходили дорогу (не спрашивайте меня почему), так что я выжал сцепление, резко остановил фургон и принялся ждать.

Ждать и наблюдать.

Интересные создания и удивительно грациозные, при таких-то размерах. Динозавры изящно переходили дорогу, глядя прямо перед собой. Теперь я не сомневался, что правильно определил их породу: у каждого на морде было по три рога. Я был когда-то ребенком и играл пластмассовыми моделькими.

– Почему мы никуда не едем? – поинтересовалась моя соседка Грета, сидевшая в кабине рядом со мной с закрытыми глазами.

– На дороге динозавры, – ответил я.

Она открыла глаза:

– Твою мать!

Затем, не успел я ее остановить, она подалась вперед и просигналила три раза. Громко.

Трицератопсы на дороге, все как один, замерли и повернули головы, чтобы взглянуть на фургон. Я едва не покатился со смеху.

– Что тут, черт побери, такого смешного? – хотела знать Грета.

Но я мог только ткнуть пальцем и беспомощно трясти головой, от смеха у меня по щекам катились слезы.

Это все их воротники. Они были не просто кричащих тонов – яркие, как цирковые афиши, с красными завитками, желтыми полосками и электрическими оранжевыми искрами: слишком много форм и расцветок, чтобы перечислить, и все совершенно разные. Они походили на китайских змеев! На бабочек с шестифутовыми крыльями! На кислотный Лас-Вегас! И вот под всем этим карнавально-ярким великолепием торчали самые глупые морды, какие только можно представить, моргающие и разевающие пасти, будто повредившиеся умом коровы. До того смешные – просто обхохочешься, но надо было видеть их своими глазами, чтобы оценить.

Грета начала закипать по-настоящему. Она вылезла из машины и захлопнула за собой дверцу. От этого звука парочка трицератопсов в волнении напустила лужу, и все они попятились на шаг-другой. Потом они начали пододвигаться ближе, чтобы посмотреть, что же будет дальше.

Грета поспешно забралась обратно в кабину.

– Ну и чего этим тварям надо теперь? – спросила она раздраженно.

Создавалось такое впечатление, будто она хочет возложить вину за их поведение на меня. Не то чтобы она произнесла это вслух, учитывая то, что она сидела в моем фургоне, а ее «БМВ» по-прежнему стоял в гараже в Южном Берлингтоне.

– Они любопытные, – пояснил я. – Просто веди себя спокойно. Не двигайся, не шуми, и через некоторое время они потеряют интерес и отправятся дальше.

– Откуда ты знаешь? Ты уже видел таких тварей раньше?

– Нет, – признался я. – Но я работал на молочной ферме, в ранней юности, лет тридцать – сорок назад, коровы там вели себя похоже.

На самом деле трицератопсы уже заскучали и были готовы отправиться дальше, когда рядом с нами резко затормозил старый потрепанный «хёндай» и оттуда выскочил тощий парень с такими нечесаными волосами, каких я давно уже не видел. Трицератопсы решили остаться и посмотреть.

Парень побежал к нам, размахивая руками. Я высунулся из окна:

– В чем проблема, сынок?

Он был ужасно расстроен.

– Произошла авария, я хочу сказать, несчастный случай, в институте. – Он говорил об Институте передовой физики, который находился здесь неподалеку. Институт финансировался из государственных фондов и каким-то неведомым образом присоединялся к университету Вермонта. – Пограничные стабилизаторы вышли из строя, мезополе инвертировалось и сменило вектор. Конгруэнтные факторы устремились в бесконечность и… – Он взял себя в руки. – Вам не положено видеть это.

– Так, значит, они ваши? – спросил я. – Тогда вы должны знать. Это трицератопсы, верно?

– Triceratops horridus, – рассеянно ответил он. Я без всякой причины преисполнился гордости за самого себя. – По большей части. Но среди них может оказаться и пара какого-нибудь другого вида трицератопсов. Они в этом смысле как утки. Им все равно, с какой компанией водиться.

Грета вскинула руку с часами и многозначительно посмотрела на циферблат. Часы, как и все, что она носила, были дорогие. Она работала на фирму, занимавшуюся системным анализом для тех компаний, которые подумывали о сокращении штатов. Ее работа состояла в том, чтобы выяснить точно, кто что

сделал, а затем сообщить начальству, от кого именно можно безболезненно избавиться.

– Я теряю деньги, – пробурчала она.

Я не обратил на нее внимания.

– Послушайте, – сказал парень. – Вы должны молчать обо всем увиденном. Мы не можем допустить, чтобы об этом узнали. Все должно храниться в тайне.

– В тайне? – С другой стороны стада подъехали и остановились три машины. Пассажиры стояли на дороге, тараща глаза. Позади нас затормозил «форд-таурус», и водитель опустил стекло, чтобы лучше видеть. – Вы собираетесь сохранить в тайне стадо динозавров? Да их тут, должно быть, десятки.

– Сотни, – поправил он с отчаянием. – Они мигрируют. Стадо разделилось, выйдя наружу. Это только его часть.

– Тогда я не понимаю, как вы собираетесь сохранить это в тайне. Я хочу сказать, только взгляните на них. Да они размером с танк! Люди не могут их не увидеть.

– Боже мой, боже мой!

Один из зевак по другую сторону стада достал фотоаппарат и начал снимать. Я не стал говорить об этом молодому человеку.

Грета проявляла все больше нетерпения по мере развития разговора, и вот теперь она вылезла из фургона и заявила:

– Я не могу больше терять время даром. У меня работа.

– У меня тоже, Грета.

Она насмешливо фыркнула:

– Вычищать сортиры и городить гору из дерьма! Я уже потеряла больше денег, чем ты зарабатываешь за неделю.

Грета вытянула руку в сторону молодого человека:

– Дайте мне ключи от вашей машины.

Парень, слегка обалдев, подчинился. Грета подошла, села в «хёндай» и развернула машину.

– Я сегодня же попрошу кого-нибудь отогнать тачку в институт.

Затем она уехала, отправилась искать другой путь в объезд стада.

Ей следовало бы подождать, потому что минуту спустя животные решили уйти, и через какой-то миг их уже нигде не было видно. Хотя найти их будет несложно. Они наверняка вытопчут все на своем пути.

Парень встряхнулся, словно выходя из транса.

– Эй! Она же забрала мою машину!

– Залезайте в кабину, – предложил я. – Дальше по дороге есть бар. Вам нужно выпить.

Он сказал, что его зовут Эверетт Маккафлан, и вцепился в свой стакан так, будто его могло снести с лица земли, если он его отпустит. Потребовалось две порции виски, чтобы вытянуть из него всю историю. После чего я долго сидел молча. Должен признаться, что все им сказанное несколько развеселило меня.

– Сколько времени у нас есть? – спросил я наконец.

– Недель десять, самое большее – три месяца. Не дольше.

Я отхлебнул большой глоток содовой. (Я никогда не злоупотреблял выпивкой. Кроме того, было еще раннее утро.) Потом я сказал Эверетту, что сейчас вернусь.

Я дошел до фургона и достал из бардачка сотовый теле-фон.

Сначала позвонил домой. Делия уже ушла в свадебный салон, а у них там не приветствуются личные звонки в рабочее время, поэтому я просто оставил сообщение, что люблю ее. Потом я позвонил в «Грин Маунтин букс». Магазин еще не открылся, но Рэнди любит прийти пораньше, он поднял трубку, когда услышал мой голос на автоответчике. Я спросил его, есть ли у него что-нибудь по трицератопсам. Он попросил подождать минутку, затем сказал, что да, есть один экземпляр «Рогатых динозавров» Питера Додсона. Я предупредил, что заеду за этой книгой, как только снова окажусь в городе.

Затем я вернулся обратно в бар. Эверетт только что заказал себе третью порцию виски, но я отобрал у него стакан.

– Тебе достаточно, – сказал я. – Отправляйся домой, поспи. Или покопайся в саду.

– У меня нет машины, – напомнил он.

– Где ты живешь? Я тебя подброшу.

– Да и все равно мне полагается быть на работе. Я не отметил свой уход. И фактически у меня еще не закончился испытательный срок.

– Какое это имеет значение, – спросил я, – теперь?

Квартира Эверетта находилась в квартале Уинуски, на Вулен-милл, из чего следовало, что в институте ему платят хорошие деньги. Или так, или он просто не умеет их тратить. После того как я подкинул его до дому, я позвонил паре знакомых подрядчиков и договорился, что они возьмут на себя мои контракты. Затем я позвонил во «Фри пресс», снял постоянное объявление о предоставлении услуг и сообщил клиентам, что в связи с непредвиденными обстоятельствами их заказами займутся другие подрядчики. Проблемы возникли только со старой миссис Бреммер, но даже она отстала, когда я сообщил, что смог бы заняться ее джакузи не раньше конца июля.

После всего этого я пошел в банк и перезаложил дом.

У меня ушло некоторое время на то, чтобы убедить Арта Летурно в серьезности моих намерений. Я вел с ним дела довольно долго, и он знал, как я отношусь к долгам. К тому же я очень уклончиво говорил о том, для чего мне потребовались деньги. В итоге он начал подозревать, что у меня что-то вроде запоздалого кризиса среднего возраста. Но документы были оформлены на мое имя, и цены на недвижимость в наших краях резко шли вверх, так что в итоге сделка состоялась.

По дороге домой я посетил ювелирный магазин и цветочную лавку.

Глаза Делии широко распахнулись, когда она увидела цветы, и сузились до размера камня в кольце. Она выглядела совсем не так, как, по моему мнению, должна была бы выглядеть.

– Надеюсь, новости хорошие, – сказала она.

Тогда я уселся за кухонный стол и рассказал ей все. Когда я закончил, Делия долго молчала, как молчал утром я сам.

– И сколько времени у нас есть? – спросила она наконец.

– Три месяца, если повезет. Десять недель наверняка, так сказал Эверетт.

– Ты ему веришь?

– Похоже, он знал, о чем говорил.

Если я и обладаю какой-нибудь способностью, так это способностью верно оценивать людей, и Делия это знала. Когда Грета только въехала в отремонтированный сарай по соседству, я с самого начала сказал, что ужиться с ней будет непросто. И это произошло еще до того, как она засыпала всю траву на своем участке тремя видами разноцветной мульчи или начала вдруг ни с того ни с сего возмущаться, будто я оставляю свой фургон на подъездной дорожке.

Делия на некоторое время задумалась, хмурясь так, как она хмурилась всегда, сосредоточиваясь на чем-то, затем улыбнулась. Это была неуверенная, почти незаметная улыбка, но все-таки улыбка.

– Что ж, я всегда мечтала о том, чтобы мы смогли позволить себе первоклассный отпуск.

Я был рад услышать от нее эти слова, потому что именно в этом направлении двигались мои собственные мысли. И обрадовался еще больше, когда она всплеснула руками и воскликнула:

– Я поеду в «Диснейуорлд»!

– Черт, – сказал я, – да у нас столько денег, что мы можем поехать в «Диснейуорлд», «Диснейленд» и в «Евродисней» сразу. Кажется, что-то подобное есть еще и в Японии.

Тут мы оба расхохотались, Делия стащила меня со стула,

и мы заплясали по кухне, все еще немного напуганные всем этим, но по большей части взволнованные и счастливые, как дети.

На следующее утро мы собирались поспать подольше, но от закоренелой привычки сложно избавиться, к тому же Делия чувствовала себя обязанной предупредить об уходе и отработать в свадебном салоне еще неделю. Так что, когда она уехала, я отправился на поиски трицератопсов.

Но вместо них обнаружил Эверетта, стоящего у дороги с поднятым большим пальцем.

Я притормозил.

– В институте не нашлось никого, кто смог бы тебе пригнать машину? – спросил я, пока мы снова ехали вместе.

– До института машина не добралась, – ответил он угрюмо. – Эта женщина, которая вчера была с тобой, заехала на ней в кювет, сорвала сцепление и помяла корпус. Она заявила, что не попала бы в аварию, если бы мои динозавры не вывели ее из себя. Потом она бросила трубку. Я недавно на этой работе. У меня денег не хватит на новую машину.

– Возьми напрокат, – посоветовал я. – Расплатишься кредиткой и будешь выплачивать какой-то минимум следующие два-три месяца.

– Мне это как-то в голову не приходило.

Мы какое-то время ехали молча, потом я спросил:

– А как она умудрилась найти тебя?

Грета уехала раньше, чем он успел представиться.

– Она позвонила в институт и спросила о парне с кошмарными волосами. Ей там дали мой домашний номер телефона.

Парковаться на стоянке перед Институтом передовой физики можно было только по карточкам, поэтому я высадил Эверетта на обочине.

– Спасибо, что никому не сказал, – произнес он, выбираясь из машины. – О том… Ну, ты понимаешь.

– Мне показалось, что так будет разумнее всего.

Он пошел прочь, потом внезапно развернулся и спросил:

– А у меня в самом деле настолько кошмарные волосы?

– Ничего такого, с чем не справился бы парикмахер, – сказал я.

До института мы ехали по главной трассе. Обратно я двинул в объезд, через фермы. Добравшись до того места, где мы видели трицератопсов, я подумал, что там произошла авария – столько автомобилей стояло по обочинам дороги. Но оказалось, что это в основном зеваки и телевизионщики. Значит, стадо ушло

недалеко. По всей дороге были выставлены телекамеры, а перед ними суетилось множество хорошеньких молодых женщин с беспроводными микрофонами в руках.

Я подъехал ближе, чтобы посмотреть. Один трицератопс подошел к самому ограждению и щипал там высокую траву. Судя по всему, он нисколько не боялся людей, наверное, потому, что в его времена млекопитающие никогда не вырастали крупнее барсука. Я подошел поближе и похлопал его по спине, которая оказалась твердой, бугристой и теплой. Главное во всем этом было тепло. Благодаря ему ощущение приобретало реальность.

Ко мне подошла тележурналистка, за ней – оператор.

– У вас совершенно счастливый вид, – заметила журналистка.

– Что ж, я всегда мечтал увидеть настоящего живого динозавра, – сказал я, повернувшись к ней лицом, но все еще держа руку на воротнике животины. – Надо сказать, тут есть на что поглядеть. Они не умнее коров, зато наблюдать за ними гораздо интереснее.

Она задала мне несколько вопросов, и я постарался ответить на них как можно лучше. Потом, после того как съемка завершилась, она достала блокнот, записала мою фамилию и спросила, чем я занимаюсь. Я сказал, что, вообще-то, я подрядчик, но когда-то работал на молочной ферме. Кажется, это ей понравилось.

Я еще немного посмотрел, потом поехал в Берлингтон забрать книгу. Магазин был еще закрыт, но Рэнди открыл мне, когда я постучал.

– Ах ты негодяй! – воскликнул он, запирая за мной дверь. – Ты хоть представляешь, за сколько я мог ее продать? Тут у меня был один чужак, – (я понял, что он имеет в виду кого-то из штата Нью-Йорк или, может быть, Нью-Гемпшир), – так он предлагал мне за эту книгу две сотни. И я мог бы получить еще больше, если бы мне было что дать ему взамен!

– Я твой должник, – сказал я и заплатил ему бумажными банкнотами. Он скинул с суммы налог, но удержал пять центов. – А ты уже ездил смотреть на них? – спросил я.

– Ты спятил? Тысячи людей едут в наш штат, чтобы взглянуть на этих тварей. Там будет настоящий сумасшедший дом!

– Мне показалось, что дороги несколько перегружены. Но все не настолько плохо, как ты думаешь.

– Еще слишком рано. Вот подожди немного.

Рэнди оказался прав. К вечеру образовалась такая пробка, что Делия добиралась до дому лишний час. Когда она приехала, в духовке подогревалась запеканка, а на кухонном столе передо

мной лежала книга.

– У самцов более длинные, направленные вверх рога, тогда как у самок рога короче и обращены скорее вперед, – сообщил я Делии. – Кроме того, самцы крупнее самок, но самки превосходят их численностью в соотношении две к одному.

Я, улыбаясь, откинулся на стуле.

– Две к одному. Только представь себе!

Делия толкнула меня:

– Дай-ка посмотреть!

Я протянул ей книгу, и это напомнило мне те времена, когда мы только поженились и ходили изучать повадки птиц. До того, как у нас появилась куча дел. Потом позвонила подруга Делии, Марта, и сказала, чтобы мы срочно включали Третий канал. Мы включили, и там я говорил свое «не умнее коров».

– Так ты, значит, теперь еще и фермер? – спросила Делия, когда сюжет подошел к концу.

– Я совсем не то говорил. Она все свалила в одну кучу. Кстати, смотри, что у меня есть. – Днем я успел побывать в трех разных туристических агентствах. И вот теперь разложил перед ней проспекты: Париж, Дубаи, Рим, Австралия, Рио-де-Жанейро, Марокко. И даже «Диснейуорлд». Я брал все, что казалось мне интересным. – Выбирай, и завтра мы будем уже там.

Делия казалась смущенной.

– В чем дело? – удивился я.

– Ты же знаешь, в июне у нас горячие деньки. Столько юных невест. Франческа уговорила меня остаться до конца месяца.

– Но…

– Это не так уж долго, – сказала она.

Пару дней это было похоже на Вудсток, чемпионат Национальной футбольной лиги и Мировую серию по бейсболу, вместе взятые, дороги между штатами превратились в сплошную пробку, попытка добраться куда-либо могла стоить жизни. И тогда губернатор вызвал Национальную гвардию, и военные оцепили округ Читтенден, так что приходилось предъявлять удостоверение личности, чтобы выехать и вернуться обратно. К этому времени динозавры разбились на небольшие группки. Потом дюжину или две отловили и отправили в зоопарки разных штатов, где увидеть их было проще. Так что все вернулось на круги своя, более или менее.

В следующую субботу я подкрашивал кое-что в доме, когда заехал Эверетт на раздолбанной колымаге.

– Мне нравится твоя новая прическа, – отметил я. – Отлично смотрится. Приехал полюбоваться на трицев?

– Трицев?

– Так тут называют ваших динозавров. Трицератопс – слишком длинное слово. У нас здесь в окрестностях бродит группа в восемь-девять особей.

За нашим домом начинался лес, а за лесом было небольшое болото. Они любили пастись на опушке леса и валяться в грязи.

– Нет… э-э… я приехал узнать имя той женщины, которая была с тобой. Той, которая забрала мою машину.

– Это ты про Грету Хоук?

– Наверное. Я все обдумал и считаю, что она все-таки должна оплатить ремонт машины. Я хочу сказать, надо так надо.

– Я смотрю, ты стал брать машину напрокат.

– Мне это кажется нечестным. Эта машина дешевая. Но в плохом состоянии. Одна дверца закрывается на вешалку для одежды.

Из дома с корзинкой для пикника вышла Делия, и я познакомил их.

– Эв ищет Грету, – сказал я.

– Что ж, вы приехали очень кстати, – сказала Делия. – Мы с ней как раз собирались пойти посмотреть на трицев. Присоединяйтесь.

– О, я не могу…

– Не стоит отказываться. У нас с собой полно еды. – Потом она обратилась ко мне. – Я схожу за Гретой, пока ты приводишь себя в порядок.

Вот так получилось, что мы вместе пошли по узкой тропинке через лес и вышли на луг на косогоре над фермой Тайлера. Там на поле спали трицы. Они здорово попортили урожай. Но штат оплатил ущерб, так что Тайлер вроде остался доволен. Я невольно задался вопросом: уж не знает ли губернатор то, что знаем мы? Не переговорил ли он с ребятами из института?

Я расстелил плед, а Делия выложила холодные закуски, маринованные яйца, выставила лимонад и прочую полагающуюся на пикниках ерунду. Я прихватил с собой пару биноклей и раздал их нашим гостям. Грета пребывала в крайней степени угрюмости, и мне стало любопытно, как Делия сумела уговорить ее пойти с нами. И тут Грета вдруг воскликнула:

– Смотрите! У них детеныши!

У динозавров было три малыша, всего несколько футов высотой. Двое из них дурачились, игриво бодались, кувыркались друг через друга. Третий просто сидел на солнышке и хлопал глазами. Все они были чертовски хорошенькими, с крошечными, едва пробивающимися рожками и потрясающе громадными глазами.

Остальные трицы паслись рядом, обрывая и поедая кусты и прочую растительность. Все, кроме одного; он стоял рядом с малышами и казался огромным, сердитым и настороженным.

– Это мама? – спросила Грета.

– Это самец, – ответил Эверетт. – Что можно определить по рогам. – Он пустился в объяснения, которых я не слушал, поскольку читал книгу.

По дороге домой Грета проворчала:

– Надо полагать, вы хотите узнать телефон моей страховой компании?

– Пожалуй, – ответил Эверетт.

Они скрылись в доме, наверное, минут на двадцать, а потом Эверетт сел в свою развалюху и уехал. После чего я сказал Делии:

– Мне казалось, этот пикник затевался ради того, чтобы мы могли наконец решить, куда все-таки поедем в отпуск.

Она даже не захватила с собой проспекты туристических компаний, которые я принес.

– Мне кажется, они приглянулись друг другу, – сказала Делия.

– И ради этого ты все и затеяла? Слушай, ты в свое время уже наделала порядочных глупостей…

– Это каких же? – возмутилась Делия. – Когда это мои поступки были чем-то иным, кроме как воплощенной мудростью?

– Ну… ты вышла за меня замуж.

– Ах это! – Она обняла меня. – Это то самое исключение, которое лишь подтверждает правило.

Так, то за одним, то за другим, проходило лето. Делия начала приманивать трицератопсов все ближе и ближе к дому с помощью капусты, черешков сельдерея и тому подобного. Больше всего они полюбили капусту. В итоге получилось так, что вечерами мы кормили трицератопсов прямо с нашего заднего крыльца. Ближе к закату они начинали собираться, в надежде на капусту, но готовые довольствоваться почти чем угодно.

Из-за них пострадал задний двор, но что с того?.. Делия немного расстроилась, когда они добрались до сада, но я потратил денек и соорудил вокруг него крепкий забор, и она высадила все заново. Она делала подкормку, разводя их навоз в воде, и воздействие этого удобрения на растения было ошеломляющим. Розы цвели, как никогда раньше, а в августе созрели потрясающие помидоры.

Я упомянул об этом в разговоре с Дэйвом Дженкинсом из «Дома и сада», и он призадумался.

– Я уверен, что на этом можно сделать деньги, – сказал он. – Я бы купил у тебя весь их навоз, который ты сможешь собрать.

– Извини, – сказал я ему. – Я в отпуске.

Я до сих пор так и не смог убедить Делию определиться с поездкой. Нельзя сказать, что я не пытался, я как раз однажды вечером рассказывал ей об отеле «Атлантис» на Райском острове, когда она вдруг сказала:

– Нет, только посмотри!

Я бросил читать о купаниях с дельфинами и специально построенных развалинах подводного города и подошел вместе с ней к двери. Машина Эверетта, новенькая, которую он купил на выплаченную компанией Греты страховку, стояла у ее двери. Свет горел только в одном окне, в кухне, потом погас и он.

Мы поняли, что эти двое сумели преодолеть все имеющиеся трудности.

Однако часом позже мы услышали, как хлопнула дверь, а потом взвизгнул автомобиль Эверетта, слишком быстро взявший с места. Затем кто-то забарабанил в нашу входную дверь. Это оказалась Грета. Когда Делия впустила ее, она, к моему изумлению, разразилась слезами. Вот уж не думал, что Эверетт способен на такое.

Я приготовил кофе, а Делия дала Грете салфетки и сумела успокоить ее настолько, что та была уже в состоянии рассказать нам, за что она выставила Эверетта из дому. Дело было не в том, что он сделал, а в том, что он ей сказал.

– Знаете, *что* он мне сказал? – прорыдала Грета.

– Мне кажется, знаем, – ответила Делия.

– О временны́х…

– …петлях. Да, дорогуша.

Грета замерла:

– Как, и вы тоже? Почему вы мне ничего не сказали? Почему вы никому ничего не сказали?

– Я собирался, – признался я. – Но потом представил, что могут натворить люди, зная, что их поступки не будут иметь никакого значения. Многие вели бы себя достаточно благоразумно. Но вот некоторые, как мне кажется, наворотили бы дел. И мне не хотелось чувствовать себя виноватым.

Она немного помолчала.

– Расскажете мне еще раз об этих временны́х петлях, – попросила она наконец. – Эв пытался, но я была слишком расстроена, чтобы слушать.

– Ну, я и сам до конца не понимаю. Но как он объяснил мне, в институте собираются разрешить возникшую проблему, вернувшись обратно к моменту, когда произошел разрыв, и просто предотвратить его. Когда они это сделают, все, происшедшее с момента разрыва до того мига, когда они

вернутся во времени, чтобы залатать его, окажется отделенным от главного временного потока. Оно просто каким-то образом отделится и исчезнет в «никуда»: никогда не было, никогда не произойдет.

– А что будет с нами?

– Мы просто вернемся к тому, чем занимались, когда произошел разрыв. Ничего страшного.

– И мы ни о чем не вспомним.

– Как же можно помнить то, чего никогда не было?

– Значит, Эв и я…

– Да, моя дорогая, – мягко произнесла Делия.

– Сколько у нас времени?

– Если повезет, то до конца лета, – ответила Делия. – Вопрос в том, как ты используешь его.

– Какая разница, – бросила Грета с горечью, – если все равно все это закончится?

– В конце концов все всегда заканчивается. Но после всего сказанного и сделанного значение имеет только непосредственно сам процесс, верно?

Разговор продолжался еще какое-то время. Хотя суть его свелась приблизительно к этому.

В результате Грета достала свой сотовый телефон и позвонила Эверетту. Его номер, как я успел заметить, был у нее на кнопке «быстрого набора». Самым официальным тоном Грета отчеканила:

– Чтоб сейчас же был здесь, – после чего, не дожидаясь ответа, со щелчком захлопнула телефон.

Она не произнесла больше ни слова, пока машина Эверетта не затормозила у ее двери. Тогда она вышла и встала перед ним. Положила руки ему на бедра. Притянула к себе и поцеловала. А потом взяла его за руку и повела обратно в дом.

Они не удосужились выключить свет.

Я еще некоторое время смотрел на затихший дом. Затем заметил, что Делии рядом нет, и отправился ее искать.

Она оказалась на заднем крыльце.

– Смотри, – шепотом произнесла она.

Висела полная луна, и в ее свете были видны трицератопсы, которые устраивались на ночевку у нас на заднем дворе. Делии все-таки удалось их прикормить. Луна заливала их тела серебристым светом, делая неразличимым узор на «воротниках». Взрослые трицы образовали вокруг детенышей подобие круга. Один за другим они закрывали глаза и засыпали.

Хотите верьте, хотите нет, но самый большой самец храпел.

Меня вдруг осенило, что у нас осталось мало времени. Скоро мы проснемся поутру, и будет конец весны – все точно так же, как и до появления динозавров.

– Мы никогда не поедем ни в Лондон, ни в Париж, ни в Рим, ни в Маракеш, – с тоской сказал я. – И даже в «Диснейуорлд».

Не отводя взгляда от спящих динозавров, Делия обняла меня за талию.

– Ну почему ты так упорно стремишься куда-то уехать? – спросила она. – Мы и здесь неплохо проводим время, разве нет?

– Я просто хочу сделать тебя счастливой.

– Боже, ты болван! Ты и так уже сделал это много лет назад.

Мы так и стояли на закате лета наших дней. Ни с того ни с сего нам вдруг предоставили отпуск от нашей обыденной жизни, и вот теперь он подходил к концу. Пессимист сказал бы, что мы просто дожидаемся забвения. Но мы с Делией видели это в ином свете. Жизнь странная штука. Иногда она тяжелая, а бывают моменты, когда она приносит такую боль, что сердце вот-вот разорвется. Но иногда она полна неожиданностей и красоты. Иногда она являет тебе чудеса вроде трицератопсов, спящих в лунном свете.

notes

Сноски

1

Американские иудеи-реформаторы стали зачислять женщин в раввины начиная с 1970-х годов. В 1983-м это было разрешено и Еврейской теологической семинарией.

2

Традиционная музыка восточноевропейских евреев.

3

Автоматический космический аппарат, направленный для изучения Сатурна и его колец (стартовал в 1997 г., совершил посадку на Титане в 2005 г.).

4

Аллюзия на песню «Weight» канадско-американской фолк-рок-группы «The Band».

De nada (исп.) – пожалуйста, не за что.

6

«Pearl» – посмертный альбом Дженис Джоплин, выпущенный в 1971 г.

Гинунгагап – в скандинавской мифологии первичный хаос, мировая бездна, в которой возникло первосущество.

8

Мэйдэй (Mayday) – радиотелефонный (голосовой) международный сигнал бедствия, аналогичный радиотелеграфному SOS.

9

Сават (или «савате») – французская ножная борьба.

10

Клото – в древнегреческой мифологии одна из трех мойр, богинь судьбы.

11

Шанти – по-английски буквально хибара, лачуга, а также матросская застольная песня. Автор обыгрывает название напитка с кьянти.

12

Моя вина *(лат.)*.

13

Слово «уолдик» происходит от *Waldo* – имени героя повести Р. Хайнлайна с тем же названием; вошло в технический обиход со значением «механическая рука».

14

Пер. В. Полищук.

15

Ретик (наст. имя – Георг Иоахим фон Лаухен) (1514–1574) – австрийский астролог, астроном и математик, ученик, соавтор и друг Н. Коперника.

16

Реголит – лунный грунт, состоит из разнозернистого обломочно-пылевого материала. Сформирован в результате дробления, перемешивания и спекания лунных пород при падении метеоритов.

17

Кататония – состояние психического расстройства с преобладанием нарушений двигательной деятельности, возникает в результате интоксикации, инфекций или органического поражения головного мозга.

18

ПС. 23 (22).

19

Уют *(нем.)*.

20

Ханна Арендт (1906–1975) – философ и историк, автор фундаментального труда «Истоки тоталитаризма».

21

Слой Хевисайда (слой Кеннели-Хевисайда) – один из слоев ионосферы.

Обратная закладная – закладная, по которой банк предоставляет заем на сумму, составляющую определенный процент от оценочной стоимости дома. Заем выплачивается домовладельцу в виде ренты.

23

Куинс – район Нью-Йорка.

24

Позади супершаттл противников. Понимаете? *(искаж. нем.)*

25

Три тысячи обезьян с лазерами *(нем.)*.

26

Марка овсяных хлопьев.

27

В текст произведения во множестве вкраплены цитаты из английской поэзии. В частности, названием для рассказа (The Very Pulse of the Mashine) послужила строка из стихотворения Уильяма Вордсворта «She Was a Phantom of Delight».

28

Перефразированная строка из стихотворения Роберта Фроста «Остановка в лесу зимним вечером».

29

Закуски *(фр.)*.

30

Камербанд – широкий пояс-шарф, повязываемый поверх панталон под фрак.

31

Отец семейства *(лат.)*.

32

Креационизм – религиозное учение о Божественном Сотворении мира.

33

Дейноних («ужасный коготь», *лат.*) – род хищных динозавров.

34

Человек, погруженный в себя.

35

Финансовый крах 1929 года. Начался на нью-йоркской бирже, послужил толчком к Великой Депрессии.

Имеются в виду компьютеры «Apple».

От *англ.* sunstroke – солнечный удар.